

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HDI

HL 104N I

A7

Tugan-Baranovskii, M. I.

Voprosy obshchestvovedeniia. Vyp. 1.

Bd. Nov. 1928

HARVARD LAW LIBRARY

Received

July 18. 1922

ВОПРОСЫ

„

ОБЩЕСТВОВЪДЪНІЯ.

„

I

II

РЕДАКТОРЫ:

М. И. Туганъ-Барановскій и
П. И. Люблинскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО“. Ул. Жуковскаго, 21.

1908.

JUL 18 1922

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТДѢЛЪ I.

	СТР.
Отъ редакціи	1—3
Новѣйшія теченія въ гражданскомъ законодательствѣ о наймѣ труда, <i>И. С. Войтинскій</i>	5—71
Соціализмъ и рабочій вопросъ въ философіи Ницше (соціоло- гическій этюдъ) <i>П. Е. Михайловъ</i>	73—110
Ученіе о карательныхъ нормахъ <i>А. Н. Крулевскій</i>	111
Субъективизмъ и субъективный методъ (критическій очеркъ о Н. К. Михайловскомъ) <i>В. Л. Тичковъ</i>	
Ассоціаціонный методъ въ уголовномъ процессѣ <i>Л. М. Альтбергъ</i> . Георгъ Еллинекъ объ эволюціи конституціонныхъ учрежденій (по поводъ его „конституцій, ихъ измѣненія и преобразо- ванія“ Спб. 1907) <i>Я. М. Магасинеръ</i>	
Ученіе Бамъ-Баверка о происхожденіи дохода на капиталъ <i>Л. Г. Форбертъ</i>	
Нравственное міровоззрѣніе Достоевскаго <i>М. И. Тулякъ-Бара- новскій</i>	
Общественные идеалы Л. Н. Толстого и ихъ господствующіе мотивы (юбилейный эскизъ) <i>Г. К. Гинсъ</i>	

ОТДѢЛЪ II.

Обзоръ журналовъ— <i>Г. Гинсъ</i>	269—279
Рецензіи. <i>Вл. Войтинскій</i> .—Рынокъ и цѣны. <i>М. Д. Фюстель де- Кулиножъ</i> . Римскій колонатъ <i>В. Перельманъ</i> .— <i>К. Жаутскій</i> .— Обнищаніе и крушеніе <i>С. С.</i> — <i>В. Кларкъ</i> . Рабочее дви- женіе въ Австралязіи <i>Л. Ф.</i> — <i>Потаногъ</i> . Научныя основы правъ. <i>Колпачки</i> .— <i>Р. М. Бланкъ</i> . Роль еврейскаго насе- ленія въ экономической жизни Россіи <i>Б. Э.—къ—«Памяти Карла Маркса» С. С.</i>	276—298

ОТДѢЛЪ III.

Отчеты о диспутѣ. пр. д. Б. Э. бар. Нольде; пр. д. П. И. Люблин- скаго; пр. д. І. М. Кулишера; пр. д. В. А. Гагена	301—310
Обзоръ дѣятельности научныхъ кружковъ при юр. фак. Пет. Ун.	310—316
Практическія семинаріи при юр. фак. Моск. Унив.	316—323
Экономическія семинаріи въ Лейпцигскомъ Унив.	323—330
Научные кабинеты юр. фак. Спб. Унив.	331—335
Къ вопросу о вольнослушательницахъ <i>Е. Окунева</i>	336—341

ОТДѢЛЪ І.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Настоящее изданіе будетъ стремиться отражать въ себѣ умственную жизнь нашего студенчества въ той области, которая всего болѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе русской учащейся молодежи—въ области общественознаія. Усиленный интересъ къ вопросамъ этого рода выражается, между прочимъ, и въ дѣятельной работѣ многочисленныхъ студенческихъ кружковъ, посвященныхъ изученію общественныхъ наукъ и существующихъ при университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Результаты работы такихъ кружковъ нерѣдко представляютъ значительный интересъ не только для ихъ участниковъ, но и для болѣе широкихъ круговъ лицъ. Но при отсутствіи какого бы то ни было общенія между отдѣльными кружками, кружки лишены возможности помогать другъ другу,—и это не можетъ не оказывать неблагоприятнаго вліянія на успѣшность ихъ дѣятельности.

„Вопросы Обществовѣднія“ хотѣли бы восполнить этотъ пробѣлъ,—черезъ ихъ посредство отдѣльные кружки получили бы возможность дѣлиться другъ съ другомъ своимъ опытомъ и своими наблюденіями. Такимъ образомъ создалась бы атмосфера дружнаго, воодушевленнаго научнаго труда, которая, сама по себѣ, представляетъ такое важное условіе для усвоенія и разработки науки.

Но, конечно, это возможно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если и само изданіе будетъ стоять на соотвѣтственной научной высотѣ. Изученіе науки невозможно безъ самостоятельной работы мысли; поэтому каждый, серьезно изучающій науку, является, по необходимости, въ большей или меньшей степени и самостоятельнымъ работникомъ ея. А, слѣдовательно, и изданіе предположеннаго типа не можетъ остаться органомъ лишь учебнаго характера: оно неизбежно должно выйти за эти границы и поставить себѣ задачей содѣйствіе не только распространенію научнаго знанія, но и самостоятельной разработкѣ науки. Къ тому же въ Россіи и не существуетъ—или почти не существуетъ—органовъ, посвященныхъ общественнымъ наукамъ во всемъ ихъ объемѣ. Даже спеціальнаго экономическаго журнала у насъ въ настоящее время нѣтъ. Этотъ недостатокъ въ спеціальныхъ органахъ чрезвычайно затрудняетъ появленіе въ печати научныхъ статей, не рассчитанныхъ на широкую публику. „Вопросы Обществовѣдѣнія“, конечно, не могутъ замѣнить спеціальнаго научнаго журнала; но за недостаткомъ таковыхъ и настоящее изданіе можетъ оказаться въ этомъ отношеніи безполезнымъ.

Преслѣдуя только научно-учебныя цѣли, „Вопросы Обществовѣдѣнія“ не являются политическимъ органомъ и будутъ тщательно воздерживаться отъ партійности какого бы то ни было рода. При помѣщеніи статей будутъ приниматься во вниманіе только ихъ научныя и литературныя достоинства, но отнюдь не политическое направленіе или принадлежность къ той или иной научной школѣ. Поэтому статьи, принадлежащія къ различнымъ научнымъ направленіямъ, будутъ одинаково находить себѣ мѣсто на страницахъ изданія.

Возникши по инициативѣ студенческихъ кружковъ, „Вопросы Обществовѣдѣнія“ могутъ имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если имъ удастся сохранить тѣсное соприкосновеніе съ умственной жизнью нашей учащейся

молодежи. Только на самодѣтельность студенчества и можетъ опираться подобное изданіе. Но, конечно, отсюда не слѣдуетъ, что участіе не-студентовъ въ „Вопросахъ Обществовѣдѣнія“ исключено. Наоборотъ, безъ помощи со стороны и, прежде всего, безъ участія преподавательскихъ силъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, изданіе такого типа не можетъ разсчитывать справиться съ лежащими на немъ крайне трудными задачами. И потому редакция „Вопросовъ Обществовѣдѣнія“ обращается съ просьбой не только къ учащейся молодежи, но и ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ цѣлямъ этого изданія, не отказать ей въ своей поддержкѣ.

Новыя теченія въ гражданскомъ законодательствѣ о наймѣ труда.

Der Lohnvertrag steht heute im Mittelpunkt der sozialen Bewegung.

Julius Offner, Studien sozialer Jurisprudenz, стр. 49.

I.

Введеніе.

За послѣднія полтора десятилѣтія совершился крупный переворотъ въ западноевропейскомъ гражданскомъ законодательствѣ о наймѣ труда. Подъ вліяніемъ запросовъ развивающагося капиталистическаго хозяйства цивилистическая мысль отступила отъ той постановки вопроса о наймѣ труда, которая создана была римскимъ правомъ, и подвергла институтъ найма труда существенной переработкѣ.

При сравненіи найма труда въ римскомъ правѣ и въ новѣйшемъ западноевропейскомъ законодательствѣ прежде всего приходится отмѣтить значительное усложненіе даннаго института, возросшую детальность его законодательной регламентаціи. Это явленіе представляетъ живѣйшій интересъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. И во многихъ отношеніяхъ можно установить рѣзкое отличие новѣйшаго института найма труда отъ его римскаго прообраза.

Охрана экономически слабаго—такова характерная социальноекономическая черта новѣйшаго законодательства о наймѣ труда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основное социальноекономическое отличие этого законодательства отъ римскаго права. Сложность, детальность института найма труда въ новѣйшемъ гражданскомъ зако-

нодательствѣ выражается въ развитіи цѣлой системы нормъ, которыя охраняють трудящихся (нанимающихся), какъ экономически слабыхъ. Охрана осуществляется при помощи *корректировокъ* началу индивидуальной нормировки найма труда. Это послѣднее понятіе нуждается въ болѣе или менѣе обстоятельномъ поясненіи.

Индивидуальная нормировка договорнаго отношенія—это та нормировка, которая опредѣляется содержаніемъ волеизъявленія договаривающихся сторонъ. Подъ принципомъ или началомъ индивидуальной нормировки слѣдуетъ разумѣть тенденцію законодательства поставить нормировку того или иного договорнаго отношенія въ исключительную зависимость отъ волеизъявленія сторонъ. Проявляется такая тенденція въ томъ, что законодатель или вовсе не разрѣшаетъ отдѣльныхъ вопросовъ, возникающихъ по поводу договорнаго отношенія, или разрѣшаетъ эти вопросы такими диспозитивными нормами, которыя лишь выражаютъ предполагаемую, вѣроятную волю договаривающихся сторонъ.

Всякое постановленіе закона, подчиняющее нормировку договорнаго отношенія какимъ-либо *инымъ вліяніямъ, нежели соглашеніе договаривающихся сторонъ*, есть коррективъ къ началу индивидуальной нормировки. Индивидуальная нормировка договорнаго отношенія—„дѣйствіе воли“, коррективъ къ началу индивидуальной нормировки—„дѣйствіе закона“¹⁾. Въ такомъ смыслѣ о разсматриваемыхъ коррективахъ можно говорить, какъ о *нормировкѣ законодательной*. Эти коррективы могутъ выражаться въ подчиненіи договорнаго отношенія непосредственному вліянію самого закона: законъ непосредственно нормируетъ содержаніе и правовыя послѣдствія договорнаго отношенія. Но, кромѣ того, возможно еще косвенное вліяніе закона, осущес-

¹⁾ Дѣленіе правовыхъ послѣдствій договорнаго отношенія на „дѣйствіе воли“ и „дѣйствіе закона“ предложилъ *Ennecerus, Rechtsgeschäft, Bedingung und Anfangstermin*, стр. 145—146: „Какъ мы видѣли, правовая сдѣлка порождаетъ правовыя послѣдствія, на которыя была направлена воля сторонъ, и которыя мы будемъ называть дѣйствіемъ воли (*Willenswirkung*). Но, кромѣ этого дѣйствія воли, сдѣлка можетъ повлечь еще цѣлый рядъ послѣдствій, на которыя не была направлена воля сторонъ, и которыя мы подведемъ подъ общее понятіе дѣйствія закона (*Gesetzeswirkung*), такъ какъ эти послѣдствія по своему существу не отличаются отъ законныхъ послѣдствій какого-либо другого факта“. Дѣленіе правовыхъ послѣдствій договора, предложенное Эннецерусомъ, проводитъ *Ehrlich* въ своей работѣ „*Das zwingende und nichtzwingende Recht im Bürgerlichen Gesetzbuch*“, см. стр. 65 и *passim*.

ствляемое имъ черезъ тѣ или иные внѣ его лежащіе факторы: не опредѣляя непосредственно правовыхъ послѣдствій договорнаго отношенія, законъ можетъ ставить эти послѣдствія въ зависимость отъ тѣхъ или иныхъ *нормирующихъ факторовъ*, какъ, напр., обычай оборота.

Если непосредственная законодательная нормировка состоитъ въ томъ, что договорное отношеніе подчинено принудительнымъ нормамъ, то получается прямое ограниченіе договорной свободы. Но непосредственная законодательная нормировка можетъ выражаться и въ диспозитивныхъ нормахъ, — а именно въ такихъ диспозитивныхъ нормахъ, которыя, въ отличіе отъ упомянутыхъ выше, „основываются не на предполагаемой волѣ сторонъ“, но „опредѣляютъ то, что законодатель считаетъ соответствующимъ извѣстнымъ отношеніямъ и полезнымъ для общественнаго блага, хотя законодатель и не видитъ, при этомъ, никакой нужды мѣшать частнымъ лицамъ регулировать то же отношеніе по своему“¹⁾. При косвенной законодательной нормировкѣ нормирующіе факторы также могутъ регулировать договорное отношеніе какъ принудительно, такъ и диспозитивно.

Въ римскомъ правѣ институтъ найма труда всецѣло опредѣлялся началомъ индивидуальной нормировки. Всѣ заботы о нормировкѣ найма труда право предоставляло договаривающимся сторонамъ; въ связи съ этимъ положительно-правовая регламентація найма труда оказалась весьма элементарной и несложной. Въ новѣйшемъ гражданскомъ законодательствѣ дѣло обстоитъ совершенно иначе. Законодатель потерялъ прежнее довѣріе къ началу индивидуальной нормировки; онъ знаетъ, что индивидуальное соглашеніе сторонъ, какъ таковое, плохо охраняетъ интересы экономически слабой стороны, которая не въ силахъ отстоять выгодныхъ ей условій. И чтобы поддержать экономически слабого, законодатель старается поставить нормировку найма труда въ зависимость не только отъ соглашенія сторонъ, но и отъ иныхъ моментовъ. Такимъ образомъ развивается цѣлая система коррективовъ къ началу индивидуальной нормировки найма труда.

До послѣдняго времени даже въ наиболѣе культурныхъ странахъ охрана труда мѣрами гражданского права существовала только для отдѣльныхъ категорій трудящихся — въ отдѣльныхъ

---

¹⁾ Для противопоставленія двухъ категорій диспозитивныхъ нормъ — во-первыхъ, выражающихъ предполагаемую волю сторонъ, и, во-вторыхъ, выражающихъ волю законодателя, — мы воспользовались словами *Дернбурта* (Пандекты, т. I, § 32, стр. 83 русскаго перев.).

отраслях *спеціального* законодательства о наймѣ труда, главнымъ образомъ въ законодательствѣ о наймѣ промышленныхъ рабочихъ. Здѣсь, въ спеціальномъ законодательствѣ, выработался цѣлый рядъ прогрессивныхъ постановленій, цѣлый рядъ новыхъ началъ. Въ настоящее время въ Западной Европѣ происходитъ перенесеніе этихъ началъ въ общее гражданское законодательство о наймѣ труда и, такимъ образомъ, гражданско-правовая охрана труда распространяется на болѣе широкій кругъ отношеній ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прогрессивныя постановленія о наймѣ труда получаютъ дальнѣйшее развитіе ²⁾.

Краткій обзоръ движенія новѣйшаго гражданскаго законодательства о наймѣ труда можно найти въ статьяхъ *В. Ельшиевича* и *Л. Талъ*, помѣщенныхъ въ газетѣ „Право“ за 1907 и 1908 гг. ³⁾. Задача данной работы—дать, въ предѣлахъ разсматриваемыхъ западноевропейскихъ законодательствъ, анализъ тѣхъ нормъ, въ которыхъ наиболѣе ярко проявляется идея охраны труда ⁴⁾. Этому анализу необходимо предпослать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Новыя теченія въ гражданскомъ законодательствѣ о наймѣ труда уже нашли себѣ выраженіе, какъ въ новѣйшихъ кодексахъ, — напр., въ германскомъ гражданскомъ уложеніи (*В. Г. В.*), — такъ и въ законахъ, измѣняющихъ и дополняющихъ постановленія о наймѣ труда старыхъ кодексовъ, — напр., въ

---

¹⁾ Общее гражданское законодательство о наймѣ труда является: 1) *единственнымъ* источникомъ гражданско-правовой нормировки найма тѣхъ видовъ труда, которыхъ не коснулись спеціальныя законы; 2) *субсидіарнымъ*, дополнительнымъ источникомъ гражданско-правовой нормировки найма остальныхъ видовъ труда.

²⁾ До послѣдняго времени въ общемъ гражданскомъ законодательствѣ о наймѣ труда встрѣчались лишь самыя незначительныя проблески тѣхъ новыхъ началъ, которыя теперь получаютъ здѣсь систематическое развитіе.

³⁾ *В. Ельшиевичъ*, Новое движеніе въ области договора о трудѣ, „Право“ 1907 г., №№ 3, 4 и 6; *Л. Талъ*, Новый опытъ законодательной нормировки рабочаго договора, „Право“ 1908 г., №№ 33 и 34.

⁴⁾ Матеріаломъ для этого очерка послужили законы и законопроекты пяти странъ: Германіи, Франціи, Швейцаріи, Голландіи и Венгріи. Въ русскомъ проектѣ гражд. улож. новыя теченія западноевропейскаго гражданскаго законодательства о наймѣ труда отразились очень слабо. Это обстоятельство обусловливаетъ собой исключеніе отечественнаго проекта изъ рамокъ данной статьи, которая касается лишь болѣе передовыхъ произведеній законодательнаго творчества. Анализу и критикѣ найма труда по отечественному проекту удобнѣе посвятить отдѣльную работу.

голландскомъ законѣ 13 іюля 1907 г. (новелла къ голландскому гражданскому уложенію)¹⁾. Но въ настоящее время проявленіе этихъ теченій еще приходится преимущественно усматривать не въ законахъ, а въ стоящихъ на очереди законопроектахъ, каковы, напр., швейцарскій проектъ обязательственнаго права (1904 г.)²⁾, французскій проектъ закона о рабочемъ договорѣ (1906 г.)³⁾, венгерскій проектъ гражданского уложенія⁴⁾. Съ точки зрѣнія принципиальнаго интереса къ новымъ теченіямъ въ гражданскомъ законодательствѣ, правительственные законопроекты, изъ которыхъ многіе не сегодня-завтра получаютъ законодательную санкцію, имѣютъ почти такое же значеніе, какъ изданные уже законы. Всѣ перечисленные законопроекты принадлежатъ къ числу правительственныхъ.

Новѣйшее гражданское законодательство считается съ возможностью разнообразить регламентацію договора найма труда

---

1) Новый голландскій законъ дѣйствуетъ съ начала 1908 г. Въ переводѣ на нѣмецкій языкъ онъ напечатанъ въ Bulletin des Internationalen Arbeitsamtes, Bd. VI, стр. 470—495 (Gesetz zur Abänderung und Ergänzung der Bestimmungen des bürgerlichen Gesetzbuches über die Miete von Dienstboten und Arbeitern und der damit zusammenhängenden Artikel dieses Gesetzbuches, sowie des Handelsgesetzbuches und der Zivilprozessordnung, des Gesetzes über die Gerichtsorganisation und das Justizwesen und des Konkursgesetzes). Послѣ реформы 13 іюля 1907 г. въ голландскомъ гражд. улож. рабочему договору и подряду посвященъ особый раздѣлъ (раздѣлъ седьмой А третьей книги), въ которомъ, кромѣ статей о подрядѣ, имѣется 4 статьи „общихъ постановленій“ о рабочемъ договорѣ и о подрядѣ и 76 статей о рабочемъ договорѣ. Эти 76 статей распределены между 4 отдѣленіями: „о рабочемъ договорѣ вообще“ (23 статьи), „объ обязанностяхъ работодателя“ (28 статей), „объ обязанностяхъ рабочаго“ (5 статей), „о разныхъ способахъ прекращенія служебнаго отношенія, основывающагося на рабочемъ договорѣ“ (20 статей).

2) Швейцарскій проектъ обязательственнаго права мы будемъ для краткости называть швейцарскимъ уложеніемъ, такъ какъ онъ построенъ такимъ образомъ, чтобы составить единое цѣлое съ получившими уже законодательную санкцію другими частями швейцарскаго гражданского уложенія (Schweizerisches Zivilgesetzbuch, принять парламентомъ 10 декабря 1907 г., вступить въ дѣйствіе 1 января 1912 г.).

3) Projet de loi sur le contrat de travail (Annales de la chambre des députés, Session de 1906, № 158). Въ основу этого проекта легли труды Société d'études législatives. Переводъ проекта приложенъ къ статьѣ Л. Чаля, «Французскій проектъ закона о рабочемъ договорѣ», «Русская Мысль» 1907 г., IV кн.

4) Венгерскій проектъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (1901 г.), а также напечатанъ въ Zeitschrift für ungarisches öffentliches und Privatrecht за 1901 г.

въ зависимости отъ фактическаго характера устанавливаемаго этимъ договоромъ отношенія; считается также и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что лица, обѣщающія работу за вознагражденіе, въ тѣхъ случаяхъ особенно нуждаются въ охранѣ, когда они подчиняютъ хозяйственнымъ цѣлямъ нанимателя всю или бѣольшую часть своей рабочей силы. Къ такому отношенію между нанявшимся и нанимателемъ—отношенію, которое *Л. Таль* называетъ „служебнымъ“ ¹⁾,—главнымъ образомъ и приурочиваются мѣры охраны труда въ новѣйшемъ гражданскомъ законодательствѣ ²⁾.

Въ области гражданскаго законодательства охрана интересовъ нанимающихся выражается, какъ указано выше, въ коррективахъ къ началу индивидуальной нормировки. Не задаваясь здѣсь цѣлью научно обосновать ту или иную классификацію этихъ коррективовъ, мы должны все-таки, для систематичности дальнѣйшаго изложенія, принять ту или иную ихъ группировку. Коррективы къ началу индивидуальной нормировки создаются при помощи разныхъ средствъ, изъ которыхъ слѣдуетъ прежде всего выдѣлить: 1) признаніе другихъ „нормирующихъ факторовъ“, кромѣ закона и соглашенія, источниками, опредѣляющими содержаніе договоровъ о наймѣ труда; 2) расширеніе по отношенію къ найму труда предѣловъ недозволеннаго содержанія договора. За выдѣленіемъ этихъ двухъ средствъ, остальные мѣры охраны труда состоятъ въ томъ, что законъ непосредственно устанавливаетъ, принудительно или диспозитивно, тѣ или иныя права и обязанности сторонъ при наймѣ труда.

Постановленія о „нормирующихъ факторахъ“ могутъ подчинять вліянію этихъ нормирующихъ факторовъ все трудовое отно-

---

¹⁾ Указ. статья въ „Русской Мысли“, стр. 80. Ср. опредѣленіе рабочаго договора въ ст. 1637а голланд. гражд. улож.: „Рабочій договоръ есть договоръ, которымъ одна сторона, рабочій, обязуется, *состоя на службу* у другой стороны, работодателя, исполнять за вознагражденіе работу въ теченіе извѣстнаго времени“. Служебному труду, при которомъ возникаетъ служебное отношеніе, долженъ быть противопоставленъ трудъ *самостоятельный*, при которомъ такого служебнаго отношенія не создается.

²⁾ При наймѣ самостоятельнаго труда нѣтъ, вообще говоря, условій для примѣненія той системы мѣръ, которая создается для охраны труда служебнаго. Въ справедливости даннаго утвержденія нетрудно убѣдиться путемъ послѣдовательнаго разсмотрѣнія, насколько примѣнима къ найму самостоятельнаго труда каждая изъ мѣръ, выработавшихся для охраны труда служебнаго. Рамки данной работы вынуждаютъ насъ однако ограничиться однимъ лишь констатированіемъ тенденціи приурочивать мѣры охраны труда къ найму труда служебнаго.

шеніе, всё его правовыя послѣдствія; но возможно также ограничить дѣйствіе того или иного нормирующаго фактора одной какой-нибудь стороной найма труда. Въ первомъ случаѣ постановленія о нормирующихъ факторахъ выполняютъ функцію общей охраны служащаго и являются *общими* мѣрами охраны труда. Во второмъ случаѣ постановленія о нормирующихъ факторахъ, будучи приурочены къ специальнымъ социально-экономическимъ цѣлямъ и охраняя служащаго въ разныхъ специальныхъ отношеніяхъ, являются *спеціальными* мѣрами охраны труда. Нормы о недозволенномъ содержаніи договоровъ найма труда также представляютъ собой или общія, или специальныя мѣры охраны труда, — въ зависимости отъ того, носятъ ли эти нормы общій характеръ или же предусматриваютъ отдѣльные виды недозволенныхъ соглашеній. Что же касается нормъ, непосредственно устанавливающихъ права и обязанности сторонъ, то всё нормы данной категоріи приурочены къ тѣмъ или инымъ специальнымъ социально-экономическимъ цѣлямъ, и всё онѣ принадлежатъ поэтому къ области специальныхъ мѣръ охраны труда. По своимъ социально-экономическимъ функциямъ, специальныя мѣры охраны труда болѣе или менѣе рѣзко распадаются на мѣры, охраняющія *личность* служащаго, и мѣры, охраняющія *трудоуходъ* служащаго, какъ источникъ его матеріальнаго существованія ¹⁾.

При обзорѣ законодательства выясняется, что почти всё нормы новѣйшей гражданско-правовой охраны труда суть нормы *сингулярныя*, т. е. нормы исключительныя, идущія въ разрѣзъ съ общими правилами и принципами современнаго гражданского права. Сингулярный характеръ новѣйшей гражданско-правовой охраны труда придаетъ изученію ея особый научный интересъ.

---

¹⁾ Это противопоставленіе основывается на различіи въ *ближайшемъ, непосредственномъ объектѣ* гражданско-правовой охраны труда. Правильность такого противопоставленія не нарушается тѣмъ, что заработная плата служащаго охраняется ради интересовъ его личности. Какая бы цѣль ни преслѣдовалась при охранѣ заработной платы, непосредственнымъ объектомъ этой правовой охраны является именно заработная плата.

II.

Нормирующіе факторы.

Охрана труда въ новѣйшемъ гражданскомъ законодательствѣ достигается, между прочимъ, тѣмъ, что законъ ставитъ правовыя послѣдствія договора о наймѣ труда въ зависимость отъ тѣхъ или иныхъ нормирующихъ факторовъ: законъ сообщаетъ внѣ его лежащимъ факторамъ—тарифному договору, обычаямъ оборота и др.—способность осуществлять въ извѣстныхъ предѣлахъ функцію нормъ, диспозитивно и даже принудительно нормирующихъ трудовое отношеніе.

Важнымъ нормирующимъ факторомъ является—при извѣстномъ отношеніи законодательства—*тарифный договоръ*.

Тарифные договоры заключаются группой или союзомъ рабочихъ съ однимъ или нѣсколькими работодателями, или съ союзомъ работодателей, и устанавливаютъ условія труда, съ которыми рабочіе и работодатели должны сообразоваться въ случаѣ вступленія въ трудовое отношеніе. Какъ результатъ противопоставленія работодателямъ коллективной и организованной силы рабочихъ, тарифный договоръ лучше обезпечиваетъ интересы послѣднихъ, чѣмъ соглашеніе между отдѣльнымъ рабочимъ и отдѣльнымъ работодателемъ.

Общіе принципы обязательственнаго права въ значительной степени гарантируютъ юридическую силу тарифнаго договора, такъ какъ налагаютъ на всѣхъ участниковъ такого договора гражданско-правовую обязанность сообразовать свои индивидуальныя соглашенія о наймѣ труда съ договорнымъ тарифомъ ¹⁾. Но если два участника тарифнаго договора (рабочій и работодатель) вступили въ договоръ найма труда на условіяхъ, противорѣчащихъ тарифу, то по общимъ принципамъ обязательственнаго права трудовое отношеніе между данными двумя лицами должно обсуждаться не на основаніи тарифа, но на основаніи противорѣчащаго тарифу индивидуальнаго соглашенія. Дѣйствительно, въ такомъ соглашеніи заключается несомнѣнный отказъ данныхъ двухъ лицъ отъ взаимныхъ правъ, основывающихся на тарифномъ договорѣ. И этотъ отказъ отъ взаимныхъ правъ имѣетъ по общимъ принципамъ обязательственнаго права полную юридиче-

¹⁾ Подъ „тарифомъ“ слѣдуетъ разумѣть не только тарифъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. тарифъ заработной платы, но и всѣ вообще условія труда, установленныя коллективнымъ соглашеніемъ между рабочими и работодателями.

скую силу въ отношеніи между данными двумя лицами,—хотя, при извѣстныхъ условіяхъ, тѣ же самыя лица могутъ нести гражданско-правовую отвѣтственность передъ другими участниками тарифнаго договора за то, что нарушили этотъ договоръ вступленіемъ въ индивидуальное соглашеніе, противорѣчащее тарифу. Такимъ образомъ, по общимъ принципамъ обязательственнаго права тарифный договоръ лишь въ тѣхъ случаяхъ опредѣляетъ содержаніе и правовыя послѣдствія договора о наймѣ труда, когда въ индивидуальномъ соглашеніи не сдѣлано отступленія отъ договорнаго тарифа, т. е. когда въ индивидуальномъ соглашеніи заключается молчаливая или опредѣленно (*expressis verbis*) выраженная ссылка на договорный тарифъ. Иначе говоря, общіе принципы обязательственнаго права сами по себѣ не даютъ еще тарифному договору силы *нормирующаго фактора*, принудительно регулирующаго трудовое отношеніе между двумя участниками этого договора *независимо* отъ индивидуальнаго соглашенія.

Итакъ, на основаніи общихъ принциповъ обязательственнаго права невозможно установить, что тарифныя условія неотмѣнными индивидуальными соглашеніями между отдѣльными участниками тарифнаго договора. А, между тѣмъ, охрана труда требуетъ такой неотмѣнности тарифныхъ условій: тарифный договоръ гарантируетъ рабочимъ лучшія условія труда, чѣмъ индивидуальное соглашеніе, и поэтому рабочіе, очевидно, заинтересованы, чтобы, на срокъ дѣйствія договорнаго тарифа, право на тарифныя условія труда сохранялось даже за тѣми изъ нихъ, кого работодатель, пользуясь своимъ экономическимъ перевѣсомъ, принудить отказаться отъ этихъ условій. Въ виду того, что изъ общихъ принциповъ обязательственнаго права не вытекаетъ неотмѣнность тарифныхъ условій индивидуальными соглашеніями между участниками тарифнаго договора,—возникаетъ потребность въ сингулярной нормѣ, которая обезпечила бы функціонированіе тарифнаго договора, какъ фактора принудительно нормирующаго трудовое отношеніе между участниками этого договора. Эту потребность въ сингулярной нормѣ удовлетворяетъ голландскій законъ 13 іюля 1907 г. (ст. 1637 п голландскаго гражд. улож.), а также французскій проектъ закона о рабочемъ договорѣ (ст. 16, въ главѣ II—„о коллективныхъ соглашеніяхъ относительно условій труда“).

Ст. 1637п голланд. гражд. улож. въ 1-ой части постановляетъ:

„Всякое соглашеніе между работодателемъ и рабочимъ, которое противорѣчатъ коллективному рабочему договору, связывающему обѣ стороны, признается ничтожнымъ по требованію каждаго лица, бывшаго договари-

вающейся стороной при коллективном рабочем договоре, за исключением, однако, самого работодателя“.

2-ая часть ст. 1637п голланд. гражд. улож. опредѣляетъ понятие „коллективнаго рабочаго договора“:

„Подъ коллективнымъ рабочимъ договоромъ разумѣется нормировка, устанавливаемая по соглашенію одного или нѣсколькихъ работодателей, или одного или нѣсколькихъ правоспособныхъ союзовъ работодателей, съ однимъ или нѣсколькими правоспособными союзами рабочихъ, и касающаяся условій труда, съ которыми стороны должны сообразоваться при заключеніи рабочихъ договоров“.

Изъ 2-ой части ст. 1637п слѣдуетъ, что за тарифнымъ договоромъ юридическая сила признается лишь въ томъ случаѣ, когда на сторонѣ рабочихъ договаривается правоспособный профессиональный союзъ. Если работодатель и рабочій включаютъ въ договоръ найма труда какое-либо соглашеніе, противорѣчащее связывающему ихъ тарифному договору, то такое соглашеніе признается недѣйствительнымъ по требованію каждаго лица, бывшаго договаривающейся стороной при тарифномъ договорѣ (ст. 1637п часть 1-ая). А именно со стороны рабочихъ требованіе о признаніи соглашения недѣйствительнымъ можетъ быть заявлено рабочимъ союзомъ; со стороны работодателей это требованіе можетъ быть заявлено союзомъ работодателей, или отдѣльными работодателями,—въ зависимости отъ того, участвуютъ ли въ тарифномъ договорѣ одинъ или нѣсколько правоспособныхъ предпринимательскихъ союзовъ, или отдѣльные работодатели (ст. 1637п часть 2-ая). Въ послѣднемъ случаѣ право возбудить вопросъ о недѣйствительности индивидуальнаго соглашения принадлежитъ каждому изъ работодателей, управомоченныхъ по тарифному договору, за исключеніемъ только того изъ нихъ, который самъ является участникомъ опровержимаго соглашения. Такимъ образомъ, рабочій или работодатель не могутъ сами доказывать передъ судомъ недѣйствительность включеннаго ими въ договоръ найма труда соглашения, противорѣчащаго тарифу: соглашеніе это можетъ быть признано недѣйствительнымъ лишь при участіи въ процессѣ третьяго лица.

Итакъ, голландское гражданское уложеніе признаетъ не ничтожность (въ смыслѣ недѣйствительности *ipso jure*), но только оспариваемость индивидуальнаго соглашения, противорѣчащаго тарифному договору. Иное рѣшеніе вопроса даетъ ст. 16 франц. проекта:

„Когда между работодателем и рабочим¹⁾, связанными . . . . . коллективнымъ соглашеніемъ²⁾, состоится рабочий договоръ, то положенія, установленныя этимъ соглашеніемъ, примѣняются къ отношеніямъ, порождаемымъ рабочимъ договоромъ, не взирая на уговоръ о противномъ“.

По французскому проекту, въ отличіе отъ голланд. гражд. улож., индивидуальное соглашеніе, противорѣчащее тарифному договору, признается ничтожнымъ, такъ что, съ одной стороны, на недействительность подобнаго соглашения можетъ ссылаться каждый изъ его участниковъ, а съ другой стороны—судья, усмотрѣвъ противорѣчіе даннаго соглашения съ тарифнымъ договоромъ, ex officio долженъ признать это соглашеніе недействительнымъ³⁾.

Вопросъ о неотмѣняемости тарифныхъ условій индивидуальнымъ соглашеніемъ въ голланд. гражд. улож. рѣшенъ—если судить съ точки зрѣнія охраны экономически слабого—менѣе удачно, чѣмъ во франц. проектѣ. По голланд. гражд. улож. для защиты интересовъ рабочаго, котораго работодатель, воспользовавшись своимъ экономическимъ перевѣсомъ, принудилъ въ индивидуальномъ соглашеніи отказаться отъ тарифныхъ условій, необходимо участие въ процесѣ профессиональнаго рабочаго союза: самъ рабочий лишень права ссылаться на ничтожность соглашения, хотя такая ссылка со стороны рабочаго не представлялась бы недобросовѣстной, т. к. онъ не добровольно, а по принужденію отступилъ отъ тарифныхъ условій. По французскому же проекту рабочий получаетъ возможность самостоятельно защи-

1) Во франц. проектѣ для обозначенія общаваго услуги принято нѣсколько терминовъ, въ томъ числѣ терминъ *employé*, охватывающій всѣхъ лицъ, состоящихъ въ трудовомъ отношеніи. Этотъ терминъ *employé* и приходится переводить словомъ „рабочій“, тогда какъ слово „служащій“ приходится удержатъ для перевода термина *employé progrement dit*“. См. *Л. Таль*, указ. статья въ „Русской Мысли“, примѣчаніе на стр. 91—92.

2) Ср. ст. 15 франц. проекта: „Если въ уставахъ союзовъ или въ самомъ коллективномъ соглашеніи явно не опредѣлено противное, то подчинившимися обязательствамъ, вытекающимъ изъ коллективнаго соглашения, признаются рабочіе и работодатели, бывшіе въ то время, когда соглашеніе состоялось, членами союза или группы, заключившей соглашеніе, или присоединившіеся впоследствии къ союзу или къ соглашенію“.

3) Ср. ст. 13 ч. 1 франц. проекта: „Коллективное соглашеніе объ условіяхъ труда должно быть изложено на письмѣ; оно должно быть—подъ угрозю недействительности—внесено на храненіе въ секретаріатъ промысловаго суда или, если нѣтъ промысловаго суда, въ канцеларію мирового суда того мѣста, гдѣ соглашеніе состоялось“.

щать на судъ свои интересы, не нуждаясь въ содѣйствіи проф. союза. Въ данномъ случаѣ участіе рабочаго союза въ процессѣ есть не болѣе, какъ формальность, потому что естественно предположить, что союзъ вступить въ процессъ всякій разъ, когда заинтересованный рабочій этого пожелаетъ. Но исполненіе этой формальности должно затруднять и рабочаго, и проф. рабочій союзъ. Предъявленіе къ рабочему такого чисто формального и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стѣснительнаго требованія—существенный недостатокъ ст. 1637п голланд. гражд. улож.

Швейцарское уложеніе въ ст. 1371 ч. 2 постановляетъ: „Содержаніе договора найма услугъ можетъ быть устанавливаемо посредствомъ договора работодателя съ профессиональными союзами и тому подобными соединеніями (und dergleichen)“. Но, опредѣленно провозглашая, что тарифный рабочій договоръ имѣетъ гражданско-правовую силу, швейц. улож. не создаетъ такой нормы, которая, подобно ст. 1637п голланд. гражд. улож. или ст. 16 франц. проекта, охраняла бы тарифныя условія отъ отмѣны индивидуальнымъ соглашеніемъ.

Обратимся къ другимъ нормирующимъ факторамъ—къ обычаямъ оборота и „нормальнымъ договорамъ“.

По общимъ принципамъ обязательственнаго права обычай оборота, какъ таковой, выполняетъ *интерпретаціонную* функцію, онъ является источникомъ (масштабомъ) при *толкованіи* договоровъ: *сомнѣнія относительно воли сторонъ разрешаются въ томъ смыслѣ, что воля сторонъ согласуется съ обычаямъ оборота* (см. §§ 157, 242 B. G. B.; art. 1135, 1159, 1160 Code civil)¹⁾. Какой-либо иной *самостоятельной* функціи при нормировкѣ договорныхъ отношеній обычай оборота не имѣетъ. Правда, догсваривающіяся стороны могутъ *expressis verbis* или молчаливымъ волеизъявленіемъ согласиться на то, чтобы обычай оборота, помимо своей интерпретаціонной функціи, непосредственно опредѣлялъ, въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ, содержаніе и правовыя послѣдствія договора. Но если изъ договора нельзя вывести такого явнаго или конклюдентнаго соглашенія, то обычай обо-

¹⁾ Art. 1159 касается сомнѣній относительно прямо выраженной воли сторонъ, т. е. относительно содержанія поставокъ, прямо включенныхъ въ договоръ; art. 1135 и 1160 предусматриваютъ сомнѣнія относительно подразумеваемой воли сторонъ, т. е. относительно того, подразумевается ли постановленіе о томъ или иномъ вопросѣ, а если подразумевается, то каково именно его содержаніе. Ср. *Planiol, Traité élémentaire de droit civil, t. II, №№ 1171, 1181.*

рота не можетъ служить источникомъ для восполненія содержания договора.

Въ новѣйшемъ гражданскомъ законодательствѣ о наймѣ труда встрѣчается попытка усилить самостоятельное значеніе обычая оборота для опредѣленія правовыхъ послѣдствій договора. Ст. 9 франц. проекта закона о рабочемъ договорѣ гласить:

„Независимо отъ того, вложено ли рабочій договоръ на письмѣ или заключенъ словесно, или вытекаетъ единственно изъ того обстоятельства, что рабочій съ согласія работодателя фактически принималъ участіе въ работахъ на складѣ или въ заведеніяхъ, стороны, при отсутствіи правилъ внутренняго распорядка или коллективнаго соглашенія, признаются подчинившимися относительно всѣхъ условій, въ договорѣ прямо не предусмотрѣнныхъ, обычаямъ данной мѣстности и данной профессіи“¹⁾.

Въ приведенной статьѣ франц. проекта обычай оборота (мѣстный и профессиональный обычай) возводится на степень нормирующаго фактора для всѣхъ условій труда, которыя *въ договорѣ прямо не предусмотрѣны*. Иначе говоря, обычай оборота признается во франц. проектѣ источникомъ, восполняющимъ содержаніе договора въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ примѣненіе обычая оборота не исключено явнымъ волеизъявленіемъ сторонъ. Возникаетъ вопросъ, что новаго даетъ подобное постановленіе по сравненію съ общими гражданско-правовыми принципами, опредѣляющими вліяніе обычая оборота на правовыя послѣдствія договора.

Необходимо различать двѣ категоріи „условій, въ договорѣ прямо не предусмотрѣнныхъ“. Нѣкоторыя условія, въ договорѣ прямо (т. е. *expressis verbis*) не предусмотрѣныя, могутъ оказаться урегулированными *молчаливымъ волеизъявленіемъ*. Другія условія, прямо не предусмотрѣныя, могутъ оказаться также не предусмотрѣнными и молчаливымъ волеизъявленіемъ, т. е. могутъ оказаться *безусловно не предусмотрѣнными*.

Если обратиться къ первой категоріи „прямо не предусмотрѣнныхъ условій“ (къ условіямъ, предусмотрѣннымъ молчаливымъ

¹⁾ Совершенно такое же постановленіе имѣется въ спеціальному женеvскомъ „Законѣ о способѣ установленія обычныхъ тарифовъ между рабочими и предпринимателями и объ улаженіи коллективныхъ споровъ, могущихъ между ними возникнуть“ (26 марта 1904 г.). Ст. 1 ч. 1 этого закона гласить: „По отношенію къ договорамъ найма услугъ или подряда условія найма рабочихъ, при отсутствіи особаго соглашенія, опредѣляются обычаямъ“. О 2-ой части ст. 1 даннаго закона см. ниже. Законъ 26 марта 1904 г. представляетъ собой нѣсколько видоизмѣненную редакцію женеvскаго закона 10 февраля 1900 г.

волеизъявленіемъ), то здѣсь возможны два случая: 1) молчаливое волеизъявленіе, представляя собой молчаливую ссылку на обычай оборота, соответствуетъ послѣднему; 2) молчаливое волеизъявленіе противорѣчитъ обычаю оборота. По общимъ принципамъ обязательственнаго права, и въ томъ и въ другомъ случаѣ молчаливое волеизъявленіе опредѣляетъ содержаніе и правовыя послѣдствія договора: при ликвидаціи договорнаго отношенія вопросъ объ условіяхъ, предусмотрѣнныхъ молчаливымъ волеизъявленіемъ, всегда рѣшается на основаніи этого волеизъявленія, и, слѣдовательно, молчаливое волеизъявленіе, противорѣчащее обычаю оборота, беретъ верхъ надъ обычаемъ оборота. Иначе обстоитъ дѣло по ст. 9 франц. проекта. Здѣсь при столкновеніи молчаливаго волеизъявленія и обычая оборота одерживаетъ побѣду обычай оборота: „мѣстные и профессиональные обычаи“ статьи 9 франц. проекта рѣшаютъ вопросъ о *всѣхъ* условіяхъ, въ договорѣ прямо не предусмотрѣнныхъ, — слѣдовательно, и о тѣхъ условіяхъ, которыя молчаливымъ волеизъявленіемъ урегулированы въ разрѣзъ съ „мѣстными и профессиональными обычаями“. Въ этомъ заключается рѣзкое отступленіе отъ общихъ принциповъ обязательственнаго права.

Остается разсмотрѣть значеніе статьи 9 франц. проекта для второй категоріи „прямо не предусмотрѣнныхъ условій“ (для условій, не предусмотрѣнныхъ даже молчаливымъ волеизъявленіемъ). По общимъ принципамъ обязательственнаго права, по отношенію къ даннымъ условіямъ у договаривающихся сторонъ не могло бы возникнуть никакихъ правъ и обязанностей. По ст. 9 франц. проекта — стороны признаются подчинившимися относительно этихъ условій мѣстнымъ и профессиональнымъ обычаямъ; и, слѣдовательно, если по мѣстнымъ и профессиональнымъ обычаямъ эти условія нормируются въ смыслѣ установленія тѣхъ или иныхъ правъ и обязанностей сторонъ, то соответствующія права и обязанности сторонъ возникаютъ, хотя бы никакое истолкованіе воли сторонъ не могло вывести этихъ правъ и обязанностей изъ состоявшагося соглашенія. Здѣсь опять-таки создается рѣзкое отступленіе отъ общихъ принциповъ обязательственнаго права.

Сингулярная норма ст. 9 франц. проекта имѣетъ большое практическое значеніе и является очень существенной мѣрой охраны труда. Нетрудно показать, что ст. 9 франц. проекта въ цѣломъ рядѣ случаевъ существенно улучшаетъ положеніе рабочаго.

При наймѣ труда нормировка обязанностей рабочаго пред-

ставляется гораздо болѣе простымъ дѣломъ, чѣмъ нормировка обязанностей нанимателя: всѣ сложные вопросы, касающіеся обстановки работы и заработной платы, суть вопросы объ обязанностяхъ нанимателя ¹⁾. Поэтому прямо предусмотрѣть въ договорѣ всѣ обязанности рабочаго во много разъ легче, чѣмъ прямо предусмотрѣть всѣ обязанности нанимателя. Въмѣстѣ съ тѣмъ, наниматель, какъ экономически сильная сторона, всегда имѣетъ возможность настаивать на томъ, чтобы въ договоръ была внесена нормировка тѣхъ или иныхъ обязанностей рабочаго; тогда какъ рабочій, какъ экономически слабая сторона, не можетъ настаивать на детальной нормировкѣ обязанностей работодателя. По указаннымъ причинамъ, „прямо не предусмотрѣнные“ условія ст. 9 франц. проекта фактически сводятся, главнымъ образомъ, къ „прямо не предусмотрѣннымъ“ *обязанностямъ работодателя*. Молчаливое же волеизъявленіе сторонъ, противорѣчащее обычаямъ оборота, сводится фактически къ молчаливому согласію рабочаго на то, чтобы вопросъ о тѣхъ или иныхъ обязанностяхъ работодателя рѣшался въ соответствии съ порядками, существующими въ данномъ предпріятіи, но расходящимися съ обычаямъ оборота. Но такіе порядки, въ договорѣ прямо не предусматриваемые, опредѣляются *одностороннимъ усмотрѣніемъ работодателя*. Ст. 9 франц. проекта, давая обычаю оборота перевѣсъ надъ противорѣчащимъ ему молчаливымъ волеизъявленіемъ, тѣмъ самымъ *ставитъ въ вопросъ объ обязанностяхъ нанимателя обычай оборота на мѣсто односторонняго усмотрѣнія нанимателя* ²⁾. Въ этомъ, конечно, заключается существенная охрана интересовъ трудящихся: по отношенію къ условіямъ, предоставленнымъ по договору на усмотрѣніе нанимателя, рабочій получаетъ тотъ *минимумъ* гарантій (отъ особенно рѣзкихъ проявленій эксплуатаціи), который могутъ дать обычай оборота.

Если вопросъ о тѣхъ или иныхъ обязанностяхъ работодателя въ договорѣ вовсе не предусмотрѣнъ, то по общимъ

---

¹⁾ Ср. въ голланд. гражд. улож. регламентацію обязанностей работодателя съ регламентаціею обязанностей рабочаго. См. выше примѣч. 1 на стр. 9.

²⁾ Поскольку рабочій молчаливымъ волеизъявленіемъ согласился на то, чтобы его обязанности опредѣлялись въ соответствии съ порядками, введенными у работодателя, но расходящимися съ обычаямъ оборота, — постольку ст. 9 франц. проекта и въ вопросѣ объ обязанностяхъ *работчаю* ставитъ обычай оборота на мѣсто односторонняго усмотрѣнія работодателя.

принципамъ обязательственнаго права работодатель оказался бы, какъ слѣдуетъ изъ сказаннаго выше, совершенно свободнымъ отъ обязанностей данной категоріи. По ст. 9 франц. проекта по отношенію къ условіямъ, въ договорѣ вовсе не предусмотрѣннымъ, работодатель обязанъ ко всему тому, что соотвѣтствуетъ обычаямъ оборота. Этимъ опять-таки предоставляется рабочему тотъ *минимумъ* гарантій (отъ особенно плохихъ условій труда), который заключается въ обычаяхъ оборота ¹⁾.

На ряду съ обычаями оборота новѣйшее гражданское законодательство о наймѣ труда выдвигаетъ другой, родственннй нормирующій факторъ— „*нормальные договоры*“ (терминъ швейцарскаго уложенія). Отчетливое представленіе о природѣ этого явленія даетъ одна сингулярная норма швейц. улож. (ст. 1373, ч. 2 и 3):

„Надлежащія кантональныя власти могутъ, по предложенію профессиональныхъ союзовъ и общепользныхъ соединеній, устанавливать для отдѣльныхъ видовъ договора найма услугъ, въ томъ числѣ для договора объ ученичествѣ, нормальные договоры, содержаніе которыхъ принимается за волю сторонъ, поскольку эти договоры соотвѣтствующимъ образомъ обнародованы и въ соглашеніи не установлены отступленія отъ нихъ“.

„Нормальные договоры подлежатъ провѣркѣ и утвержденію союзнаго совѣта“.

Ст. 1373 швейц. улож. облакаетъ административную власть правомъ устанавливать, въ видѣ „нормальныхъ договоровъ“, *диспозитивныя* нормы о договорѣ найма труда; административ-

¹⁾ Мы показали, въ какихъ случаяхъ ст. 9 франц. проекта улучшаетъ положеніе рабочаго. Нетрудно было бы выяснитъ, что *ухудшитъ* положеніе рабочаго эта статья не можетъ. Здѣсь мы ограничимся по данному вопросу лишь однимъ замѣчаніемъ. Возлагая на нанимателя обязанности, вовсе не предусмотрѣнныя въ договорѣ, ст. 9 франц. проекта не грозитъ обременить рабочаго также вовсе не предусмотрѣнными обязанностями. Правда, по ст. 9 франц. проекта, по отношенію къ условіямъ, въ договорѣ вовсе не предусмотрѣннымъ, рабочій, подобно работодателю, обязанъ ко всему тому, что соотвѣтствуетъ обычаямъ оборота. Но практическаго значенія это не имѣетъ, и въ положеніи рабочаго ничто отъ этого не мѣняется. Дѣйствительно, всѣ вопросы объ обязанностяхъ рабочаго, какіе только могутъ возникнуть при трудовомъ отношеніи, бываютъ, вообще говоря, предусмотрѣны въ договорѣ: если вопросъ о тѣхъ или иныхъ обязанностяхъ рабочаго оказывается непредусмотрѣнъ молчаливымъ волеизъявленіемъ, санкціонирующимъ *обычай оборота*, или же молчаливымъ волеизъявленіемъ, санкціонирующимъ противорѣчащій обычаю оборота *порядокъ, введенный у работодателя*, то работодатель въ собственномъ интересѣ всегда умѣетъ такъ или иначе предусмотрѣть этотъ вопросъ *особымъ соглашеніемъ*.

ная власть получаетъ право конкретизировать, дополнять и развивать ту диспозитивную нормировку найма труда, которую даетъ законъ. Изъ объяснительной записки, приложенной къ проекту обязательственной части швейцарскаго уложенія, можно убѣдиться, что составители проекта видѣли въ „нормальныхъ договорахъ“ ст. 1373—„формулы, устанавливающія предполагаемую волю сторонъ“ („den Parteiwillen präsumtiv feststellende Formulierungen“) ¹⁾. Однако мы полагаемъ, что текстъ ст. 1373 значительно шире, и что, въ связи съ этимъ, отъ института „нормальныхъ договоровъ“ можно ожидать не только формулировки *предполагаемой воли сторонъ*, но и созданія такихъ диспозитивныхъ нормъ, которыя, независимо отъ „воли сторонъ“, выражали бы опредѣленные *правнополитическія тенденціи* органовъ, призванныхъ утверждать „нормальные договоры“. Въ основу „нормальныхъ договоровъ“ несомнѣнно лягутъ *обычай оборота*, которые, такимъ образомъ, получаютъ строго формальную, официальную формулировку ²⁾. Но административная власть демократической страны, осуществляя путемъ изданія „нормальныхъ договоровъ“ функцію дополнительной диспозитивной нормировки найма труда, можетъ въ томъ или иномъ отношеніи и опередить обычай оборота.

Въ связи съ вопросомъ о „нормальныхъ договорахъ“ необходимо вернуться къ вопросу о тарифномъ договорѣ, какъ нормирующемъ факторѣ. По отношенію къ лицамъ, не связаннымъ тарифнымъ договоромъ, французскій проектъ — при извѣстныхъ условіяхъ — сообщаетъ тарифному договору силу диспозитивной нормы, т. е. функцію „нормальныхъ договоровъ“ швейцарскаго уложенія. Ст. 18 франц. проекта заключаетъ въ себѣ слѣдующее сингулярное постановленіе:

„Когда для данной профессіи или мѣстности существуетъ только одно коллективное соглашеніе объ условіяхъ труда, внесенное въ порядокъ, указанномъ въ ст. 13 ³⁾, на храненіе въ секретаріатъ промышленнаго суда или въ канцелярію мирового суда, то, пока противное не

¹⁾ См. стр. 36 указ. въ текстѣ записки.

²⁾ Ср. ст. 43 бельгійскаго закона о рабочемъ договорѣ (10 марта 1900 г.): „Въ теченіе года со времени обнародованія закона соответствующіе отдѣлы совѣтовъ промышленности и труда будутъ призваны сдѣлать сводку обычаевъ, относящихся къ представляемымъ ими профессіямъ и касающихся рода вознагражденія, его размѣра, времени и мѣста (уплаты), условій труда, продолжительности найма, обязанности и срока предварительнаго отказа“.

³⁾ Ст. 13 ч. 1 франц. проекта цитирована выше, см. примѣч. 3 на стр. 15.

доказано и пока соглашение сохраняет силу, предполагается, что работодатели и рабочие согласились подчинить правоотношения, вытекающие из заключенных ими рабочих договоров, положениям этого коллективного соглашения“.

Къ категоріи „нормальныхъ договоровъ“ относятся также „тарифы и общія условія найма“, устанавливаемые въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ женевскимъ закономъ 26 марта 1904 г. ¹⁾. По закону 26 марта 1904 г. „тарифы и общія условія найма“ устанавливаются или соглашеніемъ заинтересованныхъ предпринимателей и рабочихъ, или особымъ третейскимъ судомъ (послѣ предварительной попытки примиренія со стороны административной власти). Эти „тарифы и общія условія найма“ даже въ томъ случаѣ, если они установлены соглашеніемъ заинтересованныхъ работодателей и рабочихъ, не суть договоры въ гражданско-правовомъ смыслѣ слова: рабочіе и работодатели не обязаны собразовать съ ними свои индивидуальныя договоры,—давныя „тарифы и общія условія найма“ являются лишь субсидіарной нормировкой на случай отсутствія особаго индивидуальнаго соглашенія. Замѣтимъ, что, не связывая рабочихъ и работодателей въ *гражданско-правовомъ* отношеніи, женевскіе „тарифы и общія условія найма“ связываютъ ихъ въ отношеніи *публично-правовомъ*, т. е. на основаніи ст. 17 закона 26 марта 1904 г. не допускается „общее прекращеніе работъ предпринимателями или рабочими съ цѣлью измѣненія дѣйствующаго тарифа“ (ст. 16 женевского закона вводитъ тотъ же порядокъ принудительнаго арбитража для всѣхъ вообще споровъ между рабочими и работодателями).

Институтъ „нормальныхъ договоровъ“ имѣется и въ австрійскомъ законодательствѣ о наймѣ труда,---только не въ общемъ законодательствѣ, а въ специальномъ. Новелла къ австрійскому промышленному уставу, изданная 5 февраля 1907 г., предусматриваетъ тарифныя соглашенія между предпринимателями и рабочими, входящими въ составъ публичноправовыхъ профессиональныхъ организацій, такъ наз. „Genossenschaften“ (§ 114b). Соглашеніе должно состояться между собраніемъ предпринимателей („Genossenschaftsversammlung“) и собраніемъ рабочихъ („Gehilfenversammlung“), при чемъ рѣшеніе каждаго собранія постановляется большинствомъ двухъ третей голосовъ; затѣмъ соглашеніе утверждается административной властью по выслушаніи мнѣнія нѣкоторыхъ учреждений. Австрійскій законъ не рассматриваетъ упомя-

¹⁾ Ст. 1 ч. 2: „Силу обычая имѣютъ тарифы и общія условія найма, устанавливаемые въ соотвѣтствіи съ этимъ закономъ“. Ср. цитир. выше 1-ую часть этой статьи.

нутыя тарифныя соглашенія, какъ гражданскоправовой договоръ, связывающій волю договаривающихся лицъ. § 114b часть 4-ая реформированнаго промышленнаго устава опредѣляетъ, что постановленія, относительно которыхъ въ „Genossenschaft“ состоялось соглашеніе предпринимателей и рабочихъ, имѣютъ силу лишь постольку, поскольку между отдѣльнымъ предпринимателемъ и рабочимъ не заключено противорѣчащаго соглашенія (въ индивидуальномъ договорѣ или посредствомъ правилъ внутренняго распорядка). Замѣтимъ, что участіе въ упомянутыхъ публичноправовыхъ организаціяхъ обязательно только для предпринимателей и рабочихъ ремесленной промышленности, но не фабричной (§ 108 австр. пром. устава).

Въ качествѣ субсидіарнаго нормирующаго фактора, тарифный договоръ (ст. 18 франц. проекта) и тарифное соглашеніе (женевскій законъ 1904 г. и новелла къ австр. пром. уставу 1907 г.) болѣе обезпечиваютъ интересы рабочихъ, чѣмъ обычай оборота („мѣстные и профессиональные обычай“ ст. 9 франц. проекта): тарифныя условія труда, никогда не опускаясь ниже обычныхъ условій, сплошь да рядомъ бывають для рабочихъ выгоднѣе послѣднихъ.

Общая характерная черта разсмотрѣнныхъ нормирующихъ факторовъ заключается въ томъ, что всѣ они болѣе гарантируютъ интересы трудящихся, чѣмъ индивидуальное соглашеніе. Вслѣдствіе этого, указаннымъ „нормирующимъ факторамъ“ принадлежитъ видное мѣсто въ системѣ мѣръ гражданскоправовой охраны труда ¹⁾.

1) Разсмотрѣнныя постановленія о нормирующихъ факторахъ подчиняють вліянію этихъ факторовъ все трудовое отношеніе, всѣ его правовыя послѣдствія. Благодаря своему общему характеру, эти постановленія имѣютъ большое значеніе и представляютъ особенный интересъ. Но, кромѣ того, встрѣчаются, какъ указано выше, такія постановленія о нормирующихъ факторахъ, въ которыхъ дѣйствіе нормирующаго фактора ограничивается какой-нибудь одной стороною найма труда. Такова, напр., въ голланд. гражд. улож. ст. 1638t, которая опредѣляетъ:

„Если вознагражденіе рабочаго въ цѣломъ или въ части установлено въ видѣ квартиры, стола или другихъ предметовъ потребленія, то работодатель обязанъ производить уплату въ соответствіи съ требованіями здоровья и добрыхъ нравовъ и согласно съ мѣстными обычаями оборота“.

„Всякое соглашеніе, исключаящее или ограничивающее эту обязанность работодателя, признается ничтожнымъ“.

Приведенное сингулярное постановленіе сообщаетъ обычаямъ оборота способность принудительно нормировать наемъ труда, но только въ одномъ опредѣленномъ отношеніи (въ отношеніи уплаты вознагражденія, установленнаго въ видѣ квартиры, стола или другихъ предметовъ потребленія).

III.

Недозволенное содержаніе договора найма труда.

Новѣйшее гражданское законодательство не ограничивается примѣненіемъ къ договорамъ найма труда *общихъ* постановленій о недозволенномъ содержаніи договоровъ, но, въ интересахъ охраны труда, создаетъ еще *особыя* постановленія о недозволенномъ содержаніи договоровъ найма труда. Эти постановленія, вообще говоря, предусматриваютъ отдѣльные виды недозволенныхъ соглашеній. Таковы, напр., нормы, охраняющія заработанное служащимъ вознагражденіе отъ поглощенія вычетами, устанавливаемыми по договору съ цѣлью обезпеченія нанIMATEЛЯ. Въ голландскомъ гражданскомъ уложеніи нормы о недозволенномъ содержаніи договора найма труда, направленные противъ отдѣльныхъ видовъ недозволенныхъ соглашеній, получили довольно широкое развитіе ¹⁾. Нѣкоторыя изъ нормъ объ *отдѣльныхъ видахъ* недозволенныхъ соглашеній будутъ рассмотрѣны въ дальнѣйшемъ изложеніи, вмѣстѣ съ другими спеціальными мѣрами охраны труда. Здѣсь же мы остановимся на весьма интересной попыткѣ франц. проекта расширить предѣлы недозволеннаго содержанія договора найма труда посредствомъ нормы *общаго характера*.

Ст. 11 франц. проекта опредѣляетъ:

„Недозволеннымъ должно считаться всякое постановленіе рабочаго договора, которымъ одна сторона, пользуясь нуждою, легкомысліемъ или неопытною другой, обременяетъ ее условіями, находящимися въ явномъ несоотвѣтствіи (*désaccord flagrant*) либо съ обычными для данной профессіи или мѣстности условіями, либо съ цѣнностью или важною обѣщанныхъ услугъ“ ²⁾.

¹⁾ См. ст. 1637l, 1637s (ср. ст. 1637t); 1637u, часть 1-ая и 5-ая (ср. ст. 1637u, часть 6-ая); 1638e, часть 3-ья, предлож. 2-ое; 1638l, часть 8-ья; 1638n, 1638p; 1638s, часть 3-ья; 1639i, часть 2-ая, предлож. 1-ое; 1639l, часть 2-ая; 1639p, часть 3-ья; 1639q, часть 3-ья. Въ перечисленныхъ здѣсь статьяхъ голланд. гражд. улож. можно найти нормы, которыя, не устанавливая опредѣленныхъ правъ и обязанностей сторонъ, устраниаютъ тѣ или иные элементы изъ содержанія договора найма труда и, слѣдовательно, изъ состава его правовыхъ послѣдствій. См. также ст. 1637u, часть 7-ая; 1637x, часть 2-ая и 4-ая. Ср. ст. 1637i.

²⁾ Во франц. проектѣ вопросу о недозволенномъ содержаніи договора найма труда посвящена, кромѣ ст. 11, еще ст. 32: „Послѣдствія рабочаго договора опредѣляются соглашеніемъ сторонъ, поскольку это

Ст. 11 франц. проекта охраняет служащаго отъ определенной категоріи сдѣлокъ, противныхъ добрымъ нравамъ (отъ эксплуатаціи нужды, легкомыслія или неопытности). Эта статья должна быть сопоставлена съ имѣющейсѣ во французскомъ правѣ, какъ и во всякой современной системѣ гражданскаго права, общей нормой о ничтожности сдѣлокъ, противныхъ добрымъ нравамъ (см. art. 6, а также art. 1133 С.с.)¹⁾. Съ формально-логической точки зрѣнія послѣдняя норма примѣнима, между прочимъ, и къ сдѣлкамъ, въ которыхъ выражается эксплуатація нужды, легкомыслія или неопытности. Однако, практика слишкомъ узко интерпретируетъ данную норму. И поэтому, хотя ст. 11 франц. проекта, съ *формально-логической* точки зрѣнія, касается сдѣлокъ, противъ которыхъ направлена и общая норма о ничтожности безнравственныхъ сдѣлокъ, — *фактически* ст. 11 расширяетъ предѣлы недозволеннаго содержанія договора.

Ст. 11 франц. проекта въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является совершенно сингулярной нормой. Особенности ст. 11 удобно выяснить путемъ сравненія ея съ извѣстной 2-ой частью § 138 В. Г. В.²⁾

§ 138 I В. Г. В. содержитъ въ себѣ общую норму о ничтожности всѣхъ вообще сдѣлокъ, противныхъ добрымъ нравамъ. А § 138 II В. Г. В., конкретизируя эту норму, особо постановляетъ о примѣненіи ея къ частному случаю:

„Ничтожна въ особенности сдѣлка, по которой одно лицо, пользуясь нуждою, легкомысліемъ или неопытностью другого, взамѣнъ какого-либо удовлетворенія (Leistung) со своей стороны, выговариваетъ или заставляетъ предоставить себѣ или третьему лицу имущественную выгоду, размѣры которой настолько превосходятъ цѣнность удовлетворенія, что выгода при данныхъ обстоятельствахъ дѣла представляется явно несоразмѣрной этому удовлетворенію“³⁾.

Необходимо остановиться на различіи ст. 11 франц. проекта

соглашеніе не противорѣчитъ ни требованіямъ общественнаго порядка и добрыхъ нравовъ, ни закону, въ частности законамъ, регулирующимъ условія труда и вознагражденія“. Ст. 32 только повторяетъ, примѣнительно къ договору найма труда, общую норму о ничтожности сдѣлокъ, противныхъ закону, общественному порядку и добрымъ нравамъ (см. art. 6, а также art. 1133 С.с.).

¹⁾ О толкованіи art. 6 С.с. см. *Planol*, назв. соч., t. I, № 293.

²⁾ На § 138 В. Г. В. есть ссылка въ „изложеніи мотивовъ“, предпосланномъ франц. проекту.

³⁾ Ст. 1036 швейц. улож., соответствуя въ общемъ § 138 II В. Г. В., вмѣсто ничтожности устанавливаетъ оспариваемость. Ср. ст. 1034 и 1035 швейц. улож.

и 2-ой ч. § 138 В. Г. В. въ двухъ отношеніяхъ: 1) на различіи признаковъ *эксплуаторскаго (ростовщическаго) эффекта*, т. е. существеннаго ущерба, обуславливающаго гражданско-правовую репрессію противъ сдѣлки; 2) на различіи *послѣдствій*, наступающихъ въ случаѣ признанія содержанія сдѣлки недоуоленнмъ.

Признакъ ростовщическаго эффекта по 2-ой ч. § 138 В. Г. В.— „явная несоразмѣрность“ имущественной выгоды и встрѣчнаго удовлетворенія; при этомъ здѣсь разсматривается сдѣлка въ цѣломъ—и, при наличности указанной „явной несоразмѣрности“, сдѣлка признается ничтожной во всемъ своемъ составѣ. Въ ст. 11 франц. проекта дано два признака ростовщическаго эффекта: 1) „явное несоотвѣтствіе“ отдѣльнаго договорнаго постановленія (условія) съ „обычными для данной профессіи или мѣстности условіями“, 2) „явное несоотвѣтствіе“ отдѣльнаго договорнаго постановленія съ „цѣнностью или важностью обѣщанныхъ услугъ“. При наличности одного изъ этихъ признаковъ ничтожна не вся сдѣлка, но лишь тѣ условія, которыя находятся въ явномъ несоотвѣтствіи съ „обычными для данной профессіи или мѣстности условіями“ или съ „цѣнностью или важностью обѣщанныхъ услугъ“¹⁾.

Вслѣдствіе отдѣльнаго обсужденія вопроса о безнравственности каждаго договорнаго условія (постановленія), предѣлы недоуоленнаго содержанія договора по ст. 11 франц. проекта шире, чѣмъ по 2-ой ч. § 138 В. Г. В. Явное несоотвѣтствіе отдѣльныхъ договорныхъ условій съ „обычными для данной профессіи или мѣстности условіями“ (ст. 11 франц. проекта), очевидно, возможно и при отсутствіи явной несоразмѣрности между обмѣниваемыми благами въ ихъ цѣломъ (2-ая ч. § 138 В. Г. В.)—и, въ силу этого, статья 11 франц. проекта примѣнима тамъ, гдѣ не возникаетъ даже мысли о примѣненіи 2-ой ч. § 138 В. Г. В. Съ другой же стороны, ст. 11 вполне охватываетъ всѣ тѣ случаи эксплуатаціи, которые подходятъ подѣ 2-ую ч. § 138. Дѣйствительно, признакъ ростовщическаго характера сдѣлки, выдвигаемый въ В. Г. В., вполне объемлется вторымъ признакомъ франц. проекта: явная несоразмѣрность цѣнности встрѣчныхъ удовлетвореній въ ихъ цѣломъ всегда выражается въ явномъ несоотвѣтствіи тѣхъ или иныхъ договорныхъ постановленій съ „цѣнностью обѣщанныхъ услугъ“.

¹⁾ По вопросу о послѣдствіяхъ примѣненія ст. 11 франц. проекта см. ст. 9 и 32 этого проекта, а по вопросу о послѣдствіяхъ примѣненія § 138 II В. Г. В. см. §§ 817 и 818 II В. Г. В.

Какъ мѣра охраны экономически слабого, ст. 11 франц. проекта пріобрѣтаетъ особенное значеніе благодаря объективности одного изъ двухъ критеріевъ, которыми опредѣляется въ этой статьѣ дозволенность или недовозенность отдѣльныхъ условій договора,—благодаря объективности „обычныхъ для данной профессіи или мѣстности условій“ (обычаевъ оборота). Объективный характеръ даннаго критерія *обеспечиваетъ* широкое примѣненіе ст. 11 франц. проекта. Въ этомъ отношеніи ст. 11 франц. проекта существенно отличается отъ 2-ой ч. § 138, который выдвигаетъ совершенно субъективный критерій—„явную несоразмѣрность,“ встрѣчныхъ удовлетвореній—и, такимъ образомъ, ставитъ рѣшеніе вопроса о ничтожности сдѣлки въ зависимость отъ совершенно свободнаго усмотрѣнія судьи ¹⁾. А для рабочаго класса, и вообще для экономически слабыхъ, усмотрѣніе судьи—плохая защита: въ современномъ обществѣ судья *Magnaud*, прославившійся своей рѣшительностью при защитѣ экономически слабыхъ ²⁾, есть, конечно, явленіе исключительное ³⁾. И объективный критерій ст. 11 франц. проекта несравненно вѣрнѣе гарантируетъ рабочему классу широкую гражданско-правовую репрессію противъ эксплуатирующихъ его договоровъ о наймѣ труда, чѣмъ субъективный критерій ч. 2-ой § 138 В. Г. В. ⁴⁾.

Представляется интереснымъ установить логическое взаимоотношеніе двухъ признаковъ ростовщическаго характера сдѣлки, выдвигаемыхъ статьей 11 франц. проекта. Эти признаки лишь отчасти покрываютъ другъ друга. Можно было бы привести цѣ-

¹⁾ Ср. *Endemann*, Lehrbuch des Bürgerlichen Rechts, Bd. I, § 13 (За и примѣч. 12), стр. 57 по 9-му над.

²⁾ См. *Leyret*, Les jugements du président Magnaud.

³⁾ Нельзя не согласиться съ той оцѣнкой судейскаго усмотрѣнія, какъ средства защиты экономически слабыхъ, которую даетъ *проф. Покровский*, Гражданскій судъ и законъ, стр. 47—51. („Вѣстникъ Права“ 1905 г., № 1). См. въ особенности на стр. 49: „Я не сторонникъ теоріи экономическаго матеріализма, вѣрю въ то, что „идеи дѣлаютъ свое дѣло“, и тѣмъ не менѣе думаю, что „классовый интересъ“ въ вопросъ судейскаго усмотрѣнія не такая малая величина, чтобы ее можно было совершенно игнорировать“. И далѣе, на стр. 51: „Въ тотъ моментъ, когда „экономически слабые“ получаютъ дѣйствительную возможность сказать свое слово и осуществить свою волю, они формулируютъ эту свою волю въ извѣстныхъ *опредѣленныхъ* принципахъ, а не въ довѣрчивомъ предоставленіи судьямъ регулировать ихъ отношенія „по усмотрѣнію“. (Курсивъ въ обѣихъ цитатахъ мой. *I. В.*)

⁴⁾ Иной взглядъ отстаиваетъ *Chapelain*, „Sur l'article XI du projet de la commission de la société d'études législatives concernant le contrat de travail“, въ *Revue critique de législation et de jurisprudence*, 1906 г., 549—551.

мый рядъ случаевъ, гдѣ возможно признать договорныя условія явно несоотвѣтствующими цѣнности или важности услугъ, хотя данныя условія не могутъ быть признаны явно несоотвѣтствующими обычнымъ условіямъ. Дѣйствительно, въ отдѣльныхъ профессіяхъ или мѣстностяхъ для трудового отношенія могутъ являться обычными условія, заслуживающія, чтобы судья, руководствуясь своимъ свободнымъ усмотрѣніемъ, призналъ ихъ явно несоотвѣтствующими цѣнности или важности услугъ. Затѣмъ, обычай оборота могутъ совершенно не затрагивать того или иного вопроса, специально возникающаго при данномъ трудовомъ отношеніи; въ такомъ случаѣ, какъ бы этотъ вопросъ ни рѣшался въ данномъ договорѣ найма труда, не можетъ идти рѣчи о какомъ бы то ни было несоотвѣтствіи съ обычными условіями, но съ точки зрѣнія судейскаго усмотрѣнія можетъ идти рѣчь о несоотвѣтствіи съ цѣнностью или важностью услугъ. Но если изъ двухъ признаковъ ростовщическаго характера сдѣлки, выдвигаемыхъ статьей 11 франц. проекта, второй признакъ во многихъ отношеніяхъ оказывается шире перваго, то зато въ другихъ отношеніяхъ болѣе широкимъ представляется первый признакъ. Дѣйствительно, „явное несоотвѣтствіе“ отдѣльнаго договорнаго постановленія „съ обычными для данной профессіи или мѣстности условіями“ возможно и независимо отъ „явнаго несоотвѣтствія съ цѣнностью или важностью обѣщанныхъ услугъ“. Такъ, напр., возложеніе на рабочаго обязательства закупать предметы потребленія въ опредѣленномъ мѣстѣ можетъ находиться въ явномъ несоотвѣтствіи съ обычаемъ оборота, не удовлетворяя, однако, признаку явнаго несоотвѣтствія съ цѣнностью или важностью обѣщанныхъ услугъ ¹⁾).

Таково *логическое* взаимоотношеніе двухъ признаковъ ростовщическаго характера сдѣлки въ ст. 11 франц. проекта. Однако второй признакъ, хотя онъ, съ формально-логической точки зрѣнія, и представляется во многихъ отношеніяхъ шире перваго признака, не имѣетъ *практическаго* значенія: второй признакъ вполне *субъективенъ*, онъ ставитъ рѣшеніе вопроса въ зависимость отъ свободнаго судейскаго усмотрѣнія, а отъ суда едва ли возможно ожидать такого широкаго использованія свободы усмотрѣнія въ интересахъ рабочаго класса, какъ констатированіе

---

¹⁾ Ср. Rapport sur la question du contrat de travail présenté par M. C. Perreau, въ Bulletin de la Société d'études législatives, 1905 г., стр. 514.

наличности второго изъ анализируемыхъ признаковъ ростовщическаго характера сдѣлки при отсутствіи перваго ¹⁾.

Кромѣ объективности выдвигаемаго статьей 11 франц. проекта критерія „обычныхъ для данной профессіи или мѣстности условій“, для охраны труда имѣетъ большое значеніе и то обстоятельство, что эта статья аннулируетъ только отдѣльныя условія договора о наймѣ труда, сохраняя самый договоръ въ силѣ. Такая постановка вопроса—какъ замѣчаетъ *Л. Таль* („Русская Мысль“ 1907 г., IV кн., указ. статья, стр. 83)—„даетъ рабочему возможность защищаться противъ эксплуатаціи въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ заинтересованъ въ сохраненіи договора въ силѣ“ ²⁾. Дѣйствительно, въ случаѣ, напр., чрезмѣрно низкой заработной платы несоотвѣтствіе встрѣчныхъ удовлетвореній, которое по 2-ой ч. § 138 В. Г. В. повело бы къ признанію ничтожности всего договора о наймѣ труда, по ст. 11 франц. проекта вызоветъ лишь признаніе ничтожности постановленія о заработной платѣ.

Если ст. 11 франц. проекта при какой бы то ни было безнравственности отдѣльныхъ условій договора всегда сохраняетъ договоръ въ силѣ, то это явленіе въ высокой степени сингулярное. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить ст. 11 франц. проекта съ § 139 В. Г. В., который гласитъ: „если ничтожна часть сдѣлки, то ничтожна вся сдѣлка, буде нельзя предположить, что сдѣлка была бы совершена и помимо включенія ничтожной ея части“. Для ст. 11 франц. проекта безраз-

---

¹⁾ Интересно отмѣтить, что въ проектѣ закона о рабочемъ договорѣ выработанномъ Société d'études législatives и легшемъ въ основу франц. правительственнаго проекта, выставленъ только одинъ признакъ ростовщическаго характера сдѣлки—«рѣзкое несоотвѣтствіе» (désaccord choquant) «съ обычными для данной профессіи и мѣстности условіями». Какъ видно, это одинъ изъ признаковъ, принятыхъ затѣмъ правительственнымъ проектомъ, хотя нѣсколько иначе сформулированный (вм. „явное несоотвѣтствіе“, „désaccord flagrant“—„рѣзкое несоотвѣтствіе“ „désaccord choquant“; вм. „профессіи или мѣстности“—„профессіи и мѣстности“). Правительственная редакція даннаго признака ростовщическаго характера сдѣлки представляется намъ болѣе удачной, чѣмъ редакція Société d'études législatives. Что же касается до прибавленія второго признака, то съ правнополитической точки зрѣнія это едва ли не минусъ для правительственнаго проекта. Какъ слѣдуетъ изъ сказаннаго выше, критерій „явнаго несоотвѣтствія съ цѣнностью или важностью услугъ“ много общаесть рабочему классу, но ничего ему не даетъ. А внесеніе въ текстъ закона безсодержательныхъ общаѣй едва ли заслуживаетъ одобренія.

²⁾ Ср. *В. Ельяшевичъ*, указ. статья, „Право“ 1907 г., № 4, стр. 278.

лично, можно ли или нельзя предположить, что „сдѣлка была бы совершена и помимо включенія ничтожной ея части“¹⁾).

Въ новѣйшемъ гражданскомъ законодательствѣ замѣчается тенденція особенно расширить при наймѣ труда предѣлы недо-зволенаго содержанія договора²⁾; тѣмъ самымъ при наймѣ тру-да создается особенное *ограниченіе договорной свободы*. Съ осо-беннымъ ограниченіемъ договорной свободы встрѣтимся мы так-же въ сферѣ тѣхъ специальныхъ мѣръ охраны труда, которыя непосредственно устанавливаютъ тѣ или иныя обязанности сто-ронъ при наймѣ труда. Создавая коррективы къ началу индиви-дуальной нормировки найма труда, новѣйшее гражданское зако-нодательство въ большинствѣ случаевъ отливаетъ эти корректи-вы въ форму нормъ *принудительныхъ*: охрана труда вполнѣ прочна лишь тогда, когда устанавливается принудительными нормами; всякая же диспозитивная мѣра охраны труда можетъ быть по договору отмѣнена подъ давленіемъ экономически силь-ной стороны (нанимателя)³⁾.

¹⁾ Признаніе ничтожности *отдѣльныхъ условій* договора найма труда возможно по В. Г. В. на основаніи §§ 138 I и 139, но только не въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ § 138 II; послѣдніе случаи всецѣло подчиняются § 138 II, какъ специально предусматривающей ихъ частной нормѣ. Ср. *Дернбуръ*, Пандекты, т. I, § 124, примѣчаніе 9 (стр. 341 русскаго перев.).

²⁾ См. выше стр. 24.

³⁾ Въ голланд. гражд. улож. имѣется, какъ указано выше, 4 статьи „общихъ постановленій“ о рабочемъ договорѣ и о подрядѣ и 76 статей о рабочемъ договорѣ. Изъ этихъ 76 статей *почти половина* содержитъ въ себѣ только принудительныя нормы. Если же къ статьямъ, цѣли-комъ состоящимъ изъ принудительныхъ нормъ, присоединить также статьи, которыя отчасти носятъ принудительный характеръ, то полу-чится *почти две трети* общаго числа статей о рабочемъ договорѣ.

Въ проектѣ новеллы къ австрійскому гражд. уложенію (№ 29 der Beilagen zu den stenogr. Protokollen des Herrenhauses, XVIII, Session 1907) договору найма услугъ посвящены §§ 155—180. *Почти две трети* этихъ 26 параграфовъ носятъ принудительный характеръ въ силу § 178, который гласитъ: „Постановленія §§ 160—162, 163 ч. 3, 164—171, 173, 174 176 и 177 не могутъ быть соглашеніемъ измѣнены во вредъ обѣщавшему услуги“. Благодаря перечисленію прину-дительныхъ нормъ, сдѣланному въ § 178, устраниваются тѣ затрудненія, которыя возникаютъ при толкованіи В. Г. В. вслѣдствіе недостаточно отчетливаго ограниченія принудительныхъ и диспозитивныхъ нормъ въ главѣ о наймѣ услугъ. Ср. *Endemann*, назв. соч., Bd. I, § 10, примѣч. 11 (стр. 43 по 9-му изд.).

Особенно широкое ограниченіе договорной свободы при наймѣ труда должно быть поставлено въ связь съ общей характеристикой принципа договорной свободы.

„Свобода при заключеніи договора является основаніемъ обязательственнаго права. Предоставляя каждому отстаивать, безъ всякихъ стѣсненій, свои собственные интересы, она способствуетъ развитію всякихъ культурныхъ силъ и гражданского оборота. Но такая свобода скрываетъ въ себѣ опасность въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе лицъ, вступающихъ въ сдѣлку, является неравнымъ“ (*Дернбургъ*, Пандекты, т. III, § 16а, стр. 57 русскаго перев.).—„Безграничная свобода разрушаетъ сама себя. Орудіе, страшное въ рукахъ сильнаго и тупое въ рукахъ слабаго,—она превращается въ средство эксплуатаціи одного другимъ, въ безпощадное пользованіе духовными и экономическими преимуществами“ (*Гирке*) ¹⁾.

При наймѣ труда особенно широкое ограниченіе договорной свободы становится необходимымъ по той причинѣ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особенно рѣзкимъ экономическимъ неравенствомъ сторонъ, скрывающимъ въ себѣ особенныя опасности.

IV.

Спеціальныя мѣры, охраняющія личность служащаго.

Рабочая сила служащаго неразрывно связана съ его личностью. Вслѣдствіе этого трудовое отношеніе поглощаетъ не только рабочую силу, но и личность человѣка: условія труда живѣйшимъ образомъ отражаются на личности служащаго. Отсюда и возникаетъ необходимость особыхъ мѣръ для гражданско-правой охраны личности служащаго.

Среди спеціальныхъ мѣръ, охраняющихъ личность служащаго, особенное значеніе имѣютъ принудительныя нормы, возлагающія на нанимателя обязанности слѣдующихъ двухъ категорій:

1) обязанности по принятію *предупредительныхъ мѣръ*, ограждающихъ отъ опасности жизнь, здоровье, нравственность и другія блага личности служащаго;

---

¹⁾ Цит. у проф. *Шокровскаго*, „Справедливость, усмотрѣніе судьи, судебная опека“, стр. 3.

2) обязанность имѣть *попеченіе о заболѣвшемъ* служащемъ, сверхъ случаевъ, когда отвѣтственность за болѣзнь лежитъ на нанимателѣ.

Предупредительныя мѣры могутъ касаться какъ условій работы (включая сюда и условія рабочаго времени), такъ и условій жизни служащаго у нанимателя — столъ, квартира и т. д. ¹⁾. Детали вопроса о предупредительныхъ мѣрахъ имѣютъ очень большое значеніе. Въ разныхъ законодательствахъ эти детали опредѣляются далеко не одинаково.

Въ герм. гражд. улож. обязанность нанимателя относительно принятія предупредительныхъ мѣръ нормируется въ § 618. Первая часть этой статьи касается всѣхъ вообще служащихъ, вторая же часть — только служащихъ, входящихъ въ кругъ домашнихъ нанимателя.

§ 618 I В. G. В. — „Наниматель обязанъ такъ устроить и содержать помѣщенія, приспособленія и орудія, которыя онъ предоставляетъ при исполненіи работъ, и такъ вести работы, которыя должны выполняться подъ его руководствомъ и надзоромъ, чтобы служащій былъ огражденъ отъ опасности для здоровья и для жизни настолько, насколько это возможно по свойству работъ“.

§ 618 II В. G. В. — „Если служащій входитъ въ кругъ домашнихъ нанимателя, то послѣдній обязанъ относительно устройства жилыхъ помѣщеній и сланенъ и доставленія продовольствія, а также относительно распределенія времени работы и отдыха принять всѣ мѣры, необходимыя въ видахъ огражденія здоровья и нравственности служащаго и соблюденія требованій религіи“ ²⁾.

Во франц. проектѣ ст. 41 (часть 1-ая и 1-ое предложеніе части 2-ой) постановляетъ:

„Работодатель обязанъ заботиться о томъ, чтобы условія исполненія работы не грозили здоровью, безопасности или нравственности рабочаго. Онъ долженъ оставлять ему время, необходимое для выполненія его гражданскихъ и семейныхъ обязанностей“.

„Когда работодатель даетъ рабочему столъ и квартиру, онъ долженъ

---

¹⁾ О послѣдней категоріи предупредительныхъ мѣръ можетъ, конечно, идти рѣчь лишь постольку, поскольку служащій живетъ у нанимателя (напр., прислуга). Въ нѣкоторыхъ законодательствахъ для служащихъ, живущихъ у нанимателя, устанавливаются и въ отношеніи условій работы большія гарантіи, чѣмъ для остальныхъ служащихъ (см., напр., § 618 II В. G. В., цит. въ текстѣ).

²⁾ § 619 В. G. В. постановляетъ: „Нельзя, по договору, на будущее время слагать съ себя, вполне или въ части, обязанностей, возложенныхъ на нанимателя параграфами 617 и 618“

это дѣлать такъ, чтобы нравственности и здоровью рабочаго не грозила опасность“ 1).

Часть 3-я ст. 41 франц. проекта дополняетъ:

„Изложенныя обязательства толкуются болѣе или менѣе строго, смотря по обстоятельствамъ и особенно въ зависимости отъ возраста рабочаго и продолжительности его службы“.

По вопросу о предупредительныхъ мѣрахъ, какъ и по большинству другихъ вопросовъ, касающихся найма труда, всего обстоятельнѣе голланд. гражд. улож. Приведемъ здѣсь 1-ю часть ст. 1638x, ст. 1638v и 2-ю часть ст. 1638w.

Ст. 1638x, часть 1-я:

„Работодатель обязанъ такъ приспособлять и содержать помѣщенія, орудія и приборы, въ которыхъ или съ которыми производится работа, а также дѣлать такія предписанія и издавать такія приказанія относительно исполненія работы, чтобы рабочій былъ настолько огражденъ отъ опасности для жизни, чести и имуществъ, насколько этого можно по справедливости требовать для даннаго рода работы“ 2).

Ст. 1638v:

„Рабочимъ, входящимъ въ кругъ домашнихъ работодателя, послѣдній обязанъ, не уменьшая ихъ вознагражденія, предоставить возможность исполнять свои религіозныя обязанности, а также пользоваться извѣстнымъ отдыхомъ отъ работы, то и другое въ соответствии съ соглашеніемъ или, при отсутствіи такового, въ соответствии съ мѣстнымъ обычаемъ оборота“.

Ст. 1638w, часть 2-я:

„Работодатель обязанъ установить такія правила работы, чтобы малолѣтніе рабочіе имѣли возможность, въ соответствии съ мѣстнымъ обычаемъ оборота, посѣщать заведенія для религіознаго и профессиональ-

---

1) Постановленіямъ § 618 В. Г. В. и ст. 41 франц. проекта соответствуютъ ст. 1335 швейц. улож. и § 1609 венгерскаго проекта гражд. улож. (въ § 1612 венг. проекта установлена принудительность §§1605—1611). Кроме того, въ швейц. улож. и въ венг. проектѣ имѣются частныя нормы о предупредительныхъ мѣрахъ, касающіяся вопроса о рабочемъ времени:

Ст. 1387 ч. 1 швейц. улож.—„Работодатель долженъ предоставить рабочему обычныя по мѣстнымъ условіямъ свободныя часы и дни“.

§ 1610 венг. проекта.—„Служащему долженъ быть ежедневно предоставленъ отдыхъ, по крайней мѣрѣ такой продолжительности, какая необходима для сохраненія здоровья и рабочей силы“.

По вопросу о принудительности ст. 1387 ч. 1 швейц. улож. см. ст. 1035 ч. 2 швейц. улож.

2) Принудительность ст. 1638x установлена въ части 4-ой этой статьи.

наго обученія и для дальнѣйшаго общаго образованія. Всякое соглашеніе, противорѣчащее этому постановленію, признается ничтожнымъ“.

Кромѣ того, въ голланд. гражд. улож. обязанности по принятію предупредительныхъ мѣръ устанавливаются еще статьей 1638t (цитирована выше, см. стр. 23) и 2-й частью ст. 1638.

Въ приведенныхъ постановленіяхъ о предупредительныхъ мѣрахъ слѣдуетъ различать: 1) охраняемый объектъ — тѣ или иныя блага личности служащаго; 2) обстоятельства, которыя угрожаютъ этому объекту, и къ устраненію которыхъ направлены предупредительныя мѣры.

Во всѣхъ новѣйшихъ гражданскихъ законодательствахъ устанавливается обязанность принятія предупредительныхъ мѣръ, охраняющихъ *физическія* блага личности служащаго — здоровье и жизнь. Въ законодательной постановкѣ вопроса объ охранѣ благъ *моральныхъ* проявляется большое разнообразіе, на которомъ интересно остановиться. Мы рассмотримъ различія въ отношеніи законодательствъ къ такимъ моральнымъ благамъ служащаго, какъ неприкосновенность сферъ его гражданской и семейной жизни, его нравственность и честь.

Во франц. проектѣ постановленія о предупредительныхъ мѣрахъ редактированы такимъ образомъ, что всѣмъ безъ исключенія лицамъ, состоящимъ въ трудовомъ отношеніи, гарантируется неприкосновенность сферъ гражданской и семейной жизни (ст. 41, ч. 1). Герм. гражд. улож. вовсе не упоминаетъ ни о гражданской, ни о семейной жизни служащаго ¹⁾. Голланд. гражд. улож., хотя и создаетъ въ ст. 1638c, часть 3 и 4 ²⁾ специальную охрану этихъ моральныхъ благъ, но не въ смыслѣ установленія обязанности работодателя не препятствовать служащему въ выполненіи гражданского и семейнаго долга, а въ смыслѣ сохраненія за служащимъ вознагражденія въ тѣхъ случаяхъ, когда выполненіе этого долга отрываетъ его отъ работы ³⁾. Практическая раз-

1) Съ формально-логической точки зрѣнія вполне возможно подвести семейныя (но не гражданскія) обязанности служащаго подъ понятіе нравственныхъ интересовъ и распространить на семейную жизнь служащаго ту охрану, которую герм. гражд. улож. (§ 618 II) создаетъ для нравственности служащаго. Однако едва ли есть основаніе ожидать отъ судебной практики такого широкаго толкованія понятія „нравственность“.

2) Статью 1638c, часть 3 и 4 см. ниже.

3) По германскому праву вознагражденіе также должно въ данномъ случаѣ сохраняться за служащимъ на основаніи общаго постановленія § 616 B. G. B.: „Нанявшійся не лишается притязанія на вознагражденіе, если онъ въ теченіе сравнительно непродолжительнаго времени, по лич-

нища та, что изъ постановленія о сохраненіи вознагражденія нельзя вывести гражданскоправовой отвѣтственности работодателя за воспрепятствованіе служащему въ выполненіи указаннаго долга. Замѣтимъ, впрочемъ, что по голланд. гражд. улож. отвѣтственность работодателя за воспрепятствованіе рабочему въ выполненіи гражданского или семейнаго долга можетъ быть обоснована на бланкетной нормѣ ст. 1638z: „работодатель вообще обязанъ дѣлать все то и воздерживаться отъ всего того, что при одинаковыхъ обстоятельствахъ долженъ дѣлать и отъ чего долженъ воздерживаться хорошій работодатель“. Но ст. 1638z не даетъ рабочему достаточныхъ гарантій, т. е. примѣненіе ея всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія судьи ¹⁾.

Что касается вопроса объ огражденіи „нравственности“ и „чести“ обѣщавшаго услуги, то въ постановленіяхъ о предупредительныхъ мѣрахъ герм. гражд. уложенія и франц. проекта говорится только о „нравственности“, голландское же гражд. улож. говоритъ о требованіяхъ „добрыхъ нравовъ“ и о „чести“ рабочаго. Герм. гражд. улож. ограждаетъ „нравственность“ только тѣхъ служащихъ, которые входятъ въ кругъ домашнихъ нанимателя (§ 618 II В. G. V.). Франц. проектъ предусматриваетъ охрану „нравственности“ всѣхъ вообще лицъ, обѣщавшихъ услуги, и притомъ, какъ по отношенію къ условіямъ работы, такъ равно и по отношенію къ условіямъ жизни служащаго у нанимателя (ст. 41 франц. проекта). Голланд. гражд. улож. по отношенію къ условіямъ жизни рабочаго у работодателя опредѣляетъ, что предоставляемая работодателемъ квартира должна отвѣчать требованіямъ „добрыхъ нравовъ“ (ст. 1638t); по отношенію же къ условіямъ работы голланд. гражд. уложеніе охраняетъ „честь“ рабочаго (ст. 1638x, часть 1-я). Требования „добрыхъ нравовъ“ прежде всего, конечно, касаются огражденія нравствен-

---

нымъ обстоятельствамъ, но не по своей винѣ, лишень возможности оказывать услуги“. Ср. *Sigel*, Der Gewerbliche Arbeitsvertrag nach dem bürgerlichen Gesetzbuch, § 13, стр. 58, 59; *Flesch*, Zur Kritik des Arbeitsvertrags, стр. 15.

¹⁾ Статьѣ 1638z соответствуетъ вполне аналогичная бланкетная норма объ обязанностяхъ рабочаго—ст. 1639d. Статьи 1638z и 1639d интересно сопоставить со ст. 1637w: „Если одна сторона виновна въ умышленномъ или иномъ нарушеніи какой либо изъ своихъ обязанностей, и если ущербъ, причиненный этимъ другой сторою, не поддается денежной оцѣнкѣ, то судья по справедливости назначаетъ опредѣленную денежную сумму въ качествѣ возмѣщенія вреда“. Теоретически ст. 1637w примѣнима и въ разсматриваемомъ случаѣ посягательства работодателя на неприкосновенность сферъ гражданской и семейной жизни рабочаго.

ности рабочаго. Понятіе „чести“ рабочаго въ общемъ совпадаетъ съ понятіемъ „нравственности“ рабочаго (*moralité, Sittlichkeit*), т. е. „нравственность“ въ разсматриваемыхъ постановленіяхъ (§ 618 II В. Г. В. и ст. 41 франц. проекта) означаетъ нравственное достоинство. Въ редакціонномъ отношеніи замѣна термина „нравственность“ терминомъ „честь“ представляется весьма удачной. Терминъ „нравственность“ означаетъ цѣлый рядъ родственныхъ, но не тождественныхъ понятій: онъ означаетъ не только нравственное достоинство, но, между прочимъ, и совокупность извѣстныхъ положительныхъ качествъ характера. Вслѣдствіе этого, открывається возможность логическихъ ошибокъ при истолкованіи термина „нравственность“ въ анализируемыхъ нами постановленіяхъ: понятіе нравственнаго достоинства рабочаго легко можетъ быть замѣнено понятіемъ нравственности характера. Но понятіе посягательства на нравственность характера не такъ широко, какъ понятіе посягательства на нравственное достоинство. Поэтому указанная логическая ошибка практически можетъ повести къ тому, что рабочему будетъ отказано въ охранѣ отъ такого посягательства на его нравственное достоинство, которое не является одновременно посягательствомъ на нравственность его характера. А между тѣмъ, такія посягательства на нравственное достоинство служащаго, которыя не отражаются на нравственности его характера, представляютъ собой зло, весьма распространенное при трудовомъ отношеніи. Какъ примѣръ, можно привести случай принужденія хозяиномъ приказчика къ недобросовѣстнымъ коммерческимъ приѣмамъ: здѣсь наносится оскорбленіе нравственному достоинству приказчика, но здѣсь трудно было бы найти—по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ о взросломъ, духовно сформировавшемся человѣкѣ—посягательство на нравственность характера приказчика.

Что касается до опредѣленія тѣхъ источниковъ опасности, которые должны быть парализованы предупредительными мѣрами, то здѣсь заслуживаетъ особаго вниманія обобщенная формула ст. 41 франц. проекта, объемлющая всѣ вообще „условія исполненія работы“ ¹⁾. Герм. гражд. улож., въ отличіе отъ франц. проекта, прибѣгаетъ относительно условій работы къ перечневой системѣ и отдѣльно упоминаетъ объ устройствѣ и содержаніи „помѣщенія“, „приспособленій“ и „орудій“ (§ 618 I В. Г. В.). Такая формулировка страдаетъ существенными пробѣлами: германскимъ переч-

---

¹⁾ Венг. проектъ также даетъ обобщенную формулу: „опасности, сопряженныя съ оказаніемъ услугъ“ (§ 1609).

немъ не охватывается, напр., регламентація рабочаго времени, которая, очевидно, подходит подъ общее понятіе „условія исполненія работы“ ¹⁾. Голланд. гражд. улож., подобно В. Г. В., слѣдуетъ перечневой системѣ (ст. 1638x), но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предусматриваетъ вопросъ о рабочемъ времени въ отношеніи ко всѣмъ рабочимъ особымъ постановленіемъ (ст. 1638w, часть 1-я— норма диспозитивная).

Послѣдствія неисполненія обязанностей по принятію предупредительныхъ мѣръ регулируются общими правилами, установленными на случай совершенія недозволенныхъ дѣйствій (ср. § 618 III В. Г. В.). Отвѣтственность простирается на невыгодныя послѣдствія, касающіяся имущественнаго положенія или преуспѣянія потерпѣвшаго (ср. § 842 В. Г. В.) ²⁾.

Переходимъ къ вопросу о возложеніи на нанимателя неотмѣнимой по договору обязанности имѣть попеченіе о заболѣвшемъ служащемъ, сверхъ случаевъ, когда отвѣтственность за болѣзнь лежитъ на нанимателѣ.

§ 617 В. Г. В. гласитъ:

„Если при постоянной службѣ, поглощающей вполнѣ или большею частью промысловую дѣятельность общаваго услуги, послѣдній входитъ въ кругъ домашнихъ нанимателя, то наниматель обязанъ доставлять ему, въ случаѣ заболѣванія, необходимый уходъ и врачебное пользова-

¹⁾ Герм. гражд. улож. говоритъ особо о „распредѣленіи времени работы и отдыха“, но не въ первой, а во второй части § 618, которая распространяется только на служащихъ, входящихъ въ кругъ домашнихъ нанимателя.

²⁾ По герм. гражд. улож. отвѣтственность нанимателя за непринятіе предупредительныхъ мѣръ представляется въ слѣдующемъ видѣ (см. §§ 843—846 В. Г. В.). Въ случаѣ лишенія или пониженія трудоспособности или повышенія потребностей вознагражденіе принимаетъ форму денежной ренты (по уважительному основаніи потерпѣвшій можетъ вмѣсто ренты потребовать уплаты капитала). Въ случаѣ потери жизни возникаетъ: 1) обязанность возмѣстить издержки на погребеніе тому, кто несетъ ихъ по закону; 2) обязанность вознаградить (въ формѣ ренты) третьихъ лицъ, которыхъ покойникъ былъ по закону обязанъ или, въ случаѣ необходимости, былъ бы обязанъ содержать (если, вслѣдствіе его смерти, третье лицо лишилось права на содержаніе). Кроме того, по герм. гражд. улож. непринятіе предупредительныхъ мѣръ можетъ повлечь за собой обязанность вознаградить (въ формѣ ренты) третьихъ лицъ, которымъ потерпѣвшій былъ по закону обязанъ оказывать услуги въ домашнемъ хозяйствѣ или въ промышленной дѣятельности. Къ отвѣтственности за непринятіе предупредительныхъ мѣръ вполнѣ примѣнимъ и § 847 I В. Г. В.: „въ случаѣ тѣлеснаго поврежденія или разстройства здоровья потерпѣвшій можетъ потребовать справедливаго вознагражденія за вредъ, который не составляетъ имущественнаго вреда“.

ніе въ теченіе до шести недѣль, но не далѣе срока службы, если, при томъ, служащій не вызвалъ заболѣванія умышленно или грубою небрежностью... Издержки могутъ быть засчитаны въ счетъ слѣдующаго за время болѣзни вознагражденія...“.

„Эта обязанность не возлагается на нанимателя, если уходъ и врачебное пользованіе обеспечиваются страховой кассой или общественнымъ лечебнымъ учрежденіемъ“¹⁾.

Франц. проектъ для тѣхъ случаевъ, когда работодатель даетъ рабочему „столь и квартиру“, постановляетъ (ст. 41, второе предложеніе 2-й части):

„... не взирая на соглашеніе о противномъ²⁾, работодатель обязанъ обеспечить рабочему за свой счетъ первую медицинскую помощь въ случаѣ увѣчья или болѣзни, пока рабочій состоитъ у него на службѣ“³⁾.

Въ голланд. гражд. улож. попеченіе работодателя о заболѣвшемъ рабочемъ урегулировано въ ст. 1638у:

„При болѣзни или несчастномъ случаѣ, постигающихъ рабочаго, принятаго въ кругъ домашнихъ работодателя, послѣдній обязанъ, пока длится служебное отношеніе, но не долѣе шести недѣль, заботиться о надлежащемъ уходѣ и врачебномъ пользованіи рабочаго, поскольку это не обеспечивается инымъ путемъ. Работодатель ниѣтъ право переложить издержки на рабочаго, но за первыя четыре недѣли лишь тогда, когда болѣзнь или несчастный случай вызваны рабочимъ умышленно, или являются слѣдствіемъ его безразличнаго поведенія или тѣлеснаго недостатка, о которомъ рабочій при заключеніи договора умышленно далъ работодателю ложныя свѣдѣнія“.

„Всякое соглашеніе, которымъ исключается или ограничивается эта обязанность работодателя, признается ничтожнымъ“.

Ст. 1638у голланд. гражд. улож. выгодно отличается отъ § 617 В. Г. В. въ томъ отношеніи, что возлагаетъ на работодателя извѣстную обязанность попеченія о заболѣвшемъ рабочемъ даже тогда, когда самъ рабочій виноватъ въ своей болѣзни или въ постигшемъ его несчастномъ случаѣ. Интересно сравнить, какъ рѣшенъ въ В. Г. В. и въ голланд. гражд. улож. вопросъ объ обязанности рабочаго возмѣстить работодателю издержки, вызванныя болѣзвью. В. Г. В. устанавливаетъ возмѣщеніе издержекъ только въ предѣлахъ слѣдующаго служащему за время болѣзни вознагражденія. Голланд. гражд. улож., если рабочій не

¹⁾ По вопросу о § 617 см. Schultzenstein, „§ 617 В. Г. В.“ въ Archiv für Bürg. Recht, Bd. 23 (1904 г.), стр. 219—321. Въ швейц. улож. параграфу 617 В. Г. В. соответствуетъ ст. 1389 ч. 2.

²⁾ По отношенію къ § 617 В. Г. В. ср. § 619 В. Г. В.

³⁾ См. часть 3-ю ст. 41 франц. проекта (цит. выше, см. стр. 33).

виновенъ въ своей болѣзни, вовсе не предоставляетъ работодателю права на возмѣщеніе издержекъ за первыя четыре недѣли; за послѣдующія же двѣ недѣли работодатель получаетъ право на возмѣщеніе всѣхъ издержекъ, — независимо отъ того, причитается ли рабочему за это время вознагражденіе, и въ какомъ именно размѣрѣ ¹⁾.

В. Г. В., голланд. гражд. улож. и франц. проектъ касаются болѣзни лишь тѣхъ служащихъ, которые живутъ у нанимателя. Венгерскій проектъ гражд. улож. идетъ нѣсколько дальше. Онъ проводитъ различіе между двумя случаями болѣзни служащаго: 1) болѣзнь не стоитъ ни въ какой связи со службой; 2) болѣзнь является послѣдствіемъ службы (послѣдствіемъ работы на нанимателя), — хотя наниматель по общимъ началамъ обязательственнаго права и не отвѣтственъ за эту болѣзнь. Первый случай нормируется въ венг. проектѣ (§ 1607) приблизительно такъ же, какъ болѣзнь служащаго въ § 617 В. Г. В. Для второго же случая въ венг. проектѣ устанавливается особенно широкая (не ограниченная максимальнымъ срокомъ) обязанность нанимателя заботиться о заболѣвшемъ служащемъ, и при томъ, независимо отъ того, живетъ ли служащій у нанимателя (§ 1606I венг. проекта) ²⁾.

Неотмѣнимыя по договору обязанности нанимателя относительно предупредительныхъ мѣръ и попеченія о заболѣвшемъ служащемъ носятъ рѣзко сингулярный характеръ. Изъ общихъ началъ обязательственнаго права всѣ эти обязанности отнюдь не вытекаютъ. Особенно же бросается въ глаза сингулярный характеръ неотмѣнимой по договору обязанности нанимателя имѣть попеченіе о заболѣвшемъ служащемъ сверхъ случаевъ, когда отвѣтственность за болѣзнь лежитъ на нанимателѣ. Судяны многочисленныя попытки свести природу этой обязанности къ тому или иному принципу. Въ нѣмецкой литературѣ предложенъ цѣлый рядъ конструкцій того „отношенія попеченія“ (Fürsorgeverhältnis), которое устанавливается между нанимателемъ и служащимъ въ силу § 617 В. Г. В. Изъ этихъ конструкцій достаточно упомянуть слѣдующія:

1) обязанность попеченія о заболѣвшемъ служащемъ разсматривается, какъ обязанность заботиться о *сохраненіи рабочей силы* служащаго;

¹⁾ Ср. ст. 1638г, пунктъ 8.

²⁾ § 1606II венг. проекта возлагаетъ на нанимателя, при условіи постоянной службы, еще и издержки на погребеніе всякаго служащаго, потерявшаго жизнь вслѣдствіе службы.

2) возлагаемая на нанимателя обязанность попечения о заболѣвшемъ служащемъ признается коррелятомъ лежащей на служащемъ обязанности „вѣрности“ (Treueverhältnis) по отношенію къ нанимателю;

3) въ обязанности попечения о заболѣвшемъ служащемъ усматриваютъ логическій выводъ изъ „власти“ нанимателя надъ служащимъ;

4) въ обязанности попечения о заболѣвшемъ служащемъ видятъ непосредственный выводъ изъ факта принятія служащаго въ *кругъ домашнихъ* нанимателя ¹⁾.

Двѣ изъ перечисленныхъ конструкцій (2-я и 3-ья) оперируютъ съ совершенно произвольными понятіями (обязанность „вѣрности“; „власть“ нанимателя). Конструкція, ставящая обязанность „попечения“ въ связь съ принятіемъ служащаго въ кругъ домашнихъ нанимателя, имѣетъ несомнѣнно значеніе для германскаго права, гдѣ, по § 617 B. G. B., для возникновенія обязанности „попечения“ дѣйствительно необходимо, чтобы служащій былъ принятъ въ кругъ домашнихъ нанимателя; однако эта конструкція не уясняетъ существа дѣла, такъ какъ сама по себѣ обязанность „попечения“ мыслима и по отношенію къ служащимъ, не входящимъ въ кругъ домашнихъ нанимателя (ср. § 1606I венг. проекта). Менѣе возраженій вызываетъ первая изъ перечисленныхъ конструкцій, сводящая обязанность „попечения“ къ принципу сохраненія рабочей силы обѣщавшаго услуги. Во всякомъ случаѣ, для уясненія природы разсматриваемой обязанности достаточно констатировать, что установленіе этой обязанности обусловлено общимъ правнopolитическимъ основаніемъ охраны личности служащаго—тѣмъ соціально-экономическимъ фактомъ, что трудовое отношеніе поглощаетъ и рабочую силу служащаго, и его личность. Если служащій всю свою рабочую силу или болѣшую ея часть отдаетъ опредѣленному нанимателю, то, даже оставаясь въ рамкахъ самой нетребовательной морали, можно признать за нанимателемъ обязанность имѣть, въ извѣстныхъ предѣлахъ, попеченіе о заболѣвшемъ служащемъ, хотя бы отвѣтственность за болѣзнь не падала на нанимателя. Вотъ, чѣмъ объясняется принципиальная *возможность* появленія въ современной системѣ гражданскаго права разсмотрѣнныхъ выше сингулярныхъ нормъ относительно попечения о заболѣвшемъ служащемъ. *Необходимость* же этихъ сингулярныхъ нормъ обу-

¹⁾ Подробности см. *Schultzenstein*, назв. статья, стр. 223—237.

словливается недостаточнымъ развитіемъ государственнаго страхованія рабочихъ на случай болѣзни ¹⁾).

Притязаніе заболѣвшаго служащаго на „попеченіе“ со стороны нанимателя имѣетъ вполне самостоятельный характеръ. Это притязаніе не можетъ разсматриваться ни какъ требованіе о возмѣщеніи вреда, ни какъ часть требованія о вознагражденіи за трудъ. Отсюда вытекаютъ нѣкоторыя практическія послѣдствія. Такъ, напр., по германскому праву къ притязанію служащаго на „попеченіе“ непримѣнимъ сокращенный двухлѣтній срокъ исковой давности, установленный (§ 196, пп. 8 и 9 герм. гр. уд.) для притязанія на вознагражденіе за трудъ ²⁾.

Спеціальныя мѣры гражданско-правовой охраны личности служащаго не исчерпываются разсмотрѣнными нормами относительно предупредительныхъ мѣръ и относительно попеченія о заболѣвшемъ служащемъ. Слѣдуетъ, напр., упомянуть еще объ охранѣ служащаго отъ долгосрочнаго или пожизненнаго *закабаленія* его личности: служащему предоставляется право прекратить по истеченіи опредѣленнаго въ законѣ времени долгосрочный или пожизненный договоръ найма труда ³⁾. § 624 В. Г. В., ст. 1639v голланд. гражд. улож. и § 1618 венг. проекта признають за служащимъ право прекращенія найма по истеченіи пяти лѣтъ, съ предварительнымъ отказомъ за полгода ⁴⁾;

---

¹⁾ Въ вопросѣ о леченіи заболѣвшаго служащаго цивильная политика соприкасается съ политикой государственнаго страхованія рабочихъ, а также съ политикой національнаго минимума, т. е. съ широкой проблемой объ удовлетвореніи извѣстнаго минимума потребностей на счетъ государственныхъ и коммунальныхъ учреждений. Взаимоотношеніе этихъ разнородныхъ сферъ соціальной политики намѣчаетъ въ основныхъ чертахъ *Flesch*, назв. соч. стр. 10—13. Впрочемъ, *Flesch* не затрагиваетъ непосредственно вопроса о возложеніи на нанимателя обязанности имѣть попеченіе о заболѣвшемъ служащемъ.

²⁾ См. *Schultzenstein*, назв. статья, стр. 232—236.

³⁾ Ср. art. 1780, al. 1 С. с.

⁴⁾ Исторія редакціи § 624 В. Г. В. краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какъ плохо до послѣдняго времени справлялась правнополитическая мысль даже съ наиболѣе элементарными вопросами, касающимися найма труда. Дѣйствующій нынѣ § 624 В. Г. В. гласитъ: „если наемъ заключенъ на время жизни какого либо лица или на срокъ свыше пяти лѣтъ, то по истеченіи пяти лѣтъ обѣщавшій услуги имѣетъ право заявить о прекращеніи имъ договора. Онъ обязанъ предупредить о томъ нанимателя за шесть мѣсяцевъ впередъ“. Въ проектѣ союзнаго совѣта, поступившемъ на разсмотрѣніе рейхстага, нынѣ дѣйствующему § 624 соответствовалъ § 615, въ которомъ за нынѣшнимъ текстомъ § 624 слѣдовало такое предложеніе: „заявленіе о прекращеніи найма не

ст. 1395 швейц. улож. гарантируетъ служащему право прекращенія найма въ любое время, но также съ предварительнымъ отказомъ за полгода ¹⁾).

Идея охраны личности служащаго является однимъ изъ основаній также и для сингулярныхъ нормъ, предоставляющихъ сторонамъ право въ любое время *немедленно* прекратить трудовое отношеніе въ случаѣ уважительной къ тому причины: уважительной причиной для служащаго бываетъ, главнымъ образомъ, та или иная опасность, угрожающая его личности (См. § 626 В. Г. В.: ст. 1639о, 1639р и 1639q голланд. гражд. улож.; ст. 1396 швейц. улож. Ср. ст. 50 франц. проекта).

V.

Спеціальныя мѣры, охраняющія трудовой доходъ служащаго, какъ источникъ его матеріальнаго существованія.

Трудовая дѣятельность служащаго — независимо отъ того, предоставляется ли трудъ одному или нѣсколькимъ опредѣленнымъ нанимателямъ, — является для широкихъ слоевъ населенія единственнымъ или, во всякомъ случаѣ, главнымъ источникомъ средствъ къ жизни. Поэтому при нормировкѣ найма труда законъ долженъ по возможности охранять трудовой доходъ служащаго, какъ источникъ его матеріальнаго существованія. Съ цѣлью такой охраны въ новѣйшемъ гражданскомъ законодательствѣ создается цѣлый рядъ спеціальныхъ постановленій. Черезъ всѣ эти постановленія красной нитью проходитъ та идея, что вознагражденіе

допускается, если обѣщавшій услуги имѣть право оказывать ихъ черезъ другое лицо*. Эта прибавка, отвергнутая рейхстагомъ, грозила лишить всю норму какого бы то ни было, реального значенія: достаточно было бы при заключеніи договора формально предоставить служащему право оказывать услуги черезъ другое лицо — и служащій потерялъ бы право когда либо до срока прекратить заключенный имъ договоръ, хотя бы онъ фактически и не имѣлъ ни малѣйшей возможности замѣнить себя другимъ лицомъ. Рейхстагу пришлось исправить грубую ошибку, допущенную при составленіи проекта. Исправляя эту ошибку, рейхстагъ не рѣшился однако принять предложеніе социаль-демократической фракціи о предоставленіи права прекращенія не по истеченіи пяти лѣтъ, а по прошествіи одного года.

¹⁾ Ср. ст. 345 Швейцарскаго обязательственнаго права.

за служебный трудъ, въ силу своего *алиментарнаго* характера, существенно отличается отъ разныхъ другихъ предметовъ договорнаго обязательства, и что поэтому къ договорамъ о служебномъ трудѣ не примѣнимы во всей цѣлости общія цивилистическія положенія о договорахъ¹⁾.

I. Специальныя мѣры, обеспечивающія служащему пріобрѣтеніе права на заработную плату.

Прежде всего необходимо гарантировать служащему самое пріобрѣтеніе имъ права на вознагражденіе. Въ новѣйшемъ гражданскомъ законодательствѣ въ области мѣръ, обеспечивающихъ служащему пріобрѣтеніе права на заработную плату, слѣдуетъ отмѣтить: 1) отступленіе по отношенію къ найму труда отъ общихъ правилъ о невозможности исполненія; 2) возложеніе на нанимателя отвѣтственности за недостаточное использование рабочей силы аккорднаго рабочаго; 3) отступленіе, по отношенію къ найму рабочихъ чрезъ посредниковъ, отъ общихъ нормъ о представительствѣ.

Анализъ специальныхъ мѣръ, обеспечивающихъ служащему пріобрѣтеніе права на заработную плату, мы начнемъ съ вопроса о *невозможности исполненія при наймѣ труда*.

По общимъ началамъ обязательственнаго права: 1) послѣдующая невозможность исполненія при отсутствіи вины должника освобождаетъ его отъ обязательства (поскольку исполненіе стало невозможнымъ, — ср. § 275 В. Г. В.); 2) если одна изъ сторонъ синалагматическаго (двусторонняго) договора — въ силу обстоятельствъ, за которыя не отвѣчаетъ ни она, ни противная сторона, — не имѣетъ возможности выполнить свое обязательство, то она лишается права требовать встрѣчное удовлетвореніе (ср. § 323 I В. Г. В.; *Planiol, Traité, t. II, № 1336*). Изъ этихъ общихъ принциповъ вытекало бы, что, если служащій безъ вины со своей стороны и, въ то же время, не по винѣ нанимателя не можетъ оказывать обѣщанныя услуги, то онъ не несетъ отвѣтственности за эту невозможность исполненія, но теряетъ, однако, право на вознагражденіе за невыполненные услуги. Въ новѣйшемъ гражданскомъ законодательствѣ о наймѣ труда вопросъ

¹⁾ Ср. *Л. Таль*, „Право“ 1908 г., № 34, ст. 1332: „...вознагражденіе за трудъ не можетъ во всѣхъ отношеніяхъ приравняться всякому другому эквиваленту при двустороннемъ имущественномъ договорѣ; оно отличается тою существенною особенностью, что имѣетъ ..... въ известной мѣрѣ алиментарный характеръ“.

о правѣ на заработную плату при невозможности исполненія рѣшается иначе: при извѣстныхъ условіяхъ служащій, вопреки общимъ началамъ гражданскаго права, не лишается заработной платы при временной невозможности исполненія, обусловленной обстоятельствами, за которыя не отвѣчаетъ ни онъ, ни наниматель.

§ 616 В. Г. В. (предложеніе 1-ое) постановляетъ:

„Общавшій услуги не лишается притязанія на вознагражденіе, если онъ въ теченіе сравнительно непродолжительнаго времени, по личнымъ обстоятельствамъ, но не по своей винѣ, лишень возможности оказывать услуги“¹⁾.

Ст. 39 франц. проекта гласить:

„Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда занятіе рабочаго не имѣетъ чисто переходящаго характера, отъ усмотрѣнія суда зависить опредѣлить, слѣдуетъ ли рабочему и въ какомъ размѣрѣ заработная плата, если работа была внезапно прервана вслѣдствіе стихійнаго событія. При этомъ судъ долженъ принять въ соображеніе срокъ предваренія объ отказѣ, а также продолжительность службы“.

Въ голланд. гражд. улож. отступленія отъ общихъ началъ о невозможности исполненія устанавливаются въ ст. 1638с и 1638d.

Ст. 1638с, часть 1-я:

„Право на исчисляемое по періодамъ времени вознагражденіе сохраняется за рабочимъ на сравнительно короткое время и тогда, когда рабочій не могъ выполнять работу изъ-за болѣзни или несчастнаго случая, если, притомъ, болѣзнь или несчастный случай не вызваны умышленно и не являются слѣдствіемъ безнравственнаго поведенія или тѣлеснаго недостатка, о которомъ рабочій при заключеніи договора умышленно далъ работодателю ложныя свѣдѣнія“²⁾.

Ст. 1638с, часть 3-ья и 4-ая:

„Право на исчисляемую по періодамъ времени заработную плату сохраняется за рабочимъ на короткое, по справедливости опредѣляемое, время также и тогда, когда рабочій не могъ производить работу изъ-за исполненія обязанностей, которая закономъ

¹⁾ 2-ое предложеніе § 616 В. Г. В. опредѣляетъ: „Общавшій услуги долженъ, однако, допустить зачетъ пособія, которое причитается ему за это время благодаря участію его въ обязательномъ страхованіи на случай болѣзни или отъ несчастныхъ случаевъ“. — Ср. § 616 В. Г. В. ст. 2-мъ предлож. § 323 I, гдѣ, путемъ ссылки на §§ 471, 472 В. Г. В., устанавливается, что при частичной неисполнимости того удовлетворенія, которое обязана учинить одна изъ сторонъ обоюднаго договора, происходитъ пропорціональное уменьшеніе встрѣчнаго удовлетворенія.

²⁾ Часть 2-ая ст. 1638с голланд. гражд. улож. соответствуетъ 2-му предложенію § 616 В. Г. В. (цит. выше).

или начальством возложена на него без денежнаго вознагражденія, или изъ-за совершенно особыхъ обстоятельствъ, возникшихъ не по его винѣ“.

„Къ совершенно особымъ обстоятельствамъ въ смыслѣ этой статьи принадлежить: разрѣшеніе отъ бремени жены рабочаго, а также смерть и погребеніе его домашнихъ, или его родственниковъ и свойственниковъ, въ прямой линіи безъ ограниченія степеней, въ боковой же линіи до второй степени. Подъ исполненіемъ обязанности, возложенной закономъ или начальствомъ, разумѣется также осуществленіе избирательнаго права“¹⁾.

Ст. 1638d, часть 1-я:

„Рабочій не теряетъ права на исчисляемое по періодамъ времени вознагражденіе и въ томъ случаѣ, когда онъ былъ готовъ къ исполненію обшанной работы, работодатель же по собственной винѣ или вслѣдствіе лично его касающагося случайнаго препятствія не воспользовался услугами рабочаго“.

Приведенныя только что постановленія голланд. гражд. уложенія распространяются и на аккордныхъ рабочихъ, при чемъ законъ весьма просто разрѣшаетъ „чисто техническое затрудненіе: какъ опредѣлить вознагражденіе при сдѣльномъ расчетѣ за работу, фактически не исполненную?“²⁾. А именно часть 5-я ст. 1638с опредѣляетъ:

„Если денежное вознагражденіе исчисляется иначе, чѣмъ по періодамъ времени, то постановленія этой статьи также примѣняются въ томъ смыслѣ, что за вознагражденіе принимается среднее вознагражденіе, которое рабочій могъ бы заработать въ теченіе даннаго времени, если бы не былъ лишенъ возможности производить работу“³⁾.

И герм. гражд. улож., и франц. проектъ, и голланд. гражд. улож. отступаютъ въ интересахъ служащихъ отъ общихъ началъ о невозможности исполненія. Но при этомъ можно отмѣтить существенныя различія. В. Г. В. касается только невозможности исполненія, проистекающей изъ „личныхъ обстоятельствъ“ служащаго. Франц. проектъ упоминаетъ только о „стихійныхъ событіяхъ“. Голланд. гражд. улож. особо перечисляетъ цѣлый рядъ личныхъ обстоятельствъ рабочаго, даетъ затѣмъ общую формулу „совершенно особыхъ обстоятельствъ, возникающихъ не по винѣ рабочаго“ и, наконецъ, говоритъ о „случайныхъ препятствіяхъ, касающихся

¹⁾ Ср. выше, стр. 34, 35. Часть 6-ая ст. 1638с постановляетъ: „Вознагражденіе, однако, умевьшается на сумму издержекъ, отъ которыхъ рабочій былъ избавленъ вслѣдствіе невыполненія работы“

²⁾ *Л. Таль*, „Право“ 1908 г., № 34, стр. 1834.

³⁾ Ср. ст. 1638d, часть 2-ая.

лично работодателя". Такимъ образомъ, кругъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершается отступленіе отъ общихъ началъ о невозможности исполненія, шире всего опредѣленъ въ голланд. гражд. улож. Въ Германіи высказываются авторитетныя мнѣнія о необходимости примѣнять § 616 В. Г. В. по аналогіи и въ тѣхъ случаяхъ невозможности исполненія, которые въ текстѣ этой статьи непосредственно не предусмотрены. По одному мнѣнію (*Дернбургъ*) ¹⁾, § 616 В. Г. В. долженъ быть по аналогіи примѣняемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда невозможность исполненія обусловливается для служащаго обстоятельствомъ, лежащимъ внѣ его личности. Къ обстоятельствамъ, лежащимъ внѣ личности служащаго, относится, конечно, „стихійное событіе“ („cas de force majeure“) франц. проекта, но можетъ, очевидно, принадлежать и простой случай. По другому мнѣнію (*Зигель*) ²⁾, аналогичное примѣненіе § 616 В. Г. В. должно имѣть мѣсто, когда невозможность исполненія обусловлена обстоятельствомъ, которое возникаетъ со стороны нанимателя, но за которое ни онъ, ни служащій не отвѣтственны ³⁾.

И въ В. Г. В., и во франц. проектѣ сохраненіе заработной платы обусловлено извѣстнымъ отношеніемъ длительности перерыва къ продолжительности службы ⁴⁾. Такова же постановка вопроса въ ч. 1-ой ст. 1638с голланд. гражд. улож. Иначе рѣшенъ вопросъ въ другой статьѣ голланд. гражд. улож. (ст. 1638d), гдѣ „случайное препятствіе, касающееся лично работодателя“, вполне приравнивается къ винѣ работодателя, и, въ соответствіи

¹⁾ *Dernburg*, Das bürgerliche Recht des deutschen Reichs und Preussens, II Bd. 2 Abt. § 305.

²⁾ *Sigel*, Der Gewerbliche Arbeitsvertrag nach dem Bürgerlichen Gesetzbuch, § 12, стр. 54—57.

³⁾ О практическомъ различіи между мнѣніемъ *Дернбурга* и мнѣніемъ *Зигеля* см. *Sigel*, назв. соч., стр. 54, примѣч. 15.

⁴⁾ Вопросу объ отношеніи длительности перерыва къ продолжительности службы В. Г. В. и французскій проектъ даютъ съ вышней стороны—совершенно разныя, но по существу дѣла—приблизительно одинаковыя рѣшенія. Дѣйствительно, по франц. проекту, какъ видно изъ приведеннаго текста ст. 39, судъ опредѣляетъ, „слѣдуетъ ли рабочему заработная плата“; при этомъ судъ долженъ принять въ соображеніе „срокъ предваренія объ отказѣ, а также продолжительность службы“; во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы занятіе рабочаго не имѣло „чисто преходящій характеръ“. Все эти указанія франц. проекта, въ ихъ совокупности, равнсилны условію § 616 В. Г. В. о томъ, чтобы невозможность исполненія длилась „сравнительно непродолжительное время“.

съ этимъ, заработная плата сохраняется независимо отъ отношенія длительности перерыва къ продолжительности службы.

По В. Г. В. и голланд. гражд. улож., если заработная плата сохраняется, то всегда въ полномъ размѣрѣ¹⁾; по ст. 39 франц. проекта судъ рѣшаетъ какъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли сохранить рабочему заработную плату, такъ и вопросъ о размѣрѣ, въ какомъ заработная плата должна быть сохранена.

Швейц. улож. въ ст. 1381 ч. 1 постановляетъ:

„При наймѣ услугъ на продолжительное время общавшій услуги теряетъ права на вознагражденіе, если онъ лишается на сравнительно короткое время возможности работать вслѣдствіе болѣзни, обязательной военной службы или по подобнымъ причинамъ безъ вины со своей стороны“²⁾.

Венгерскій проектъ также дѣлаетъ въ интересахъ служащихъ отступленіе отъ общихъ началъ о послѣдствіяхъ невозможности исполненія. За всѣми вообще лицами, состоящими въ трудовомъ отношеніи, венгерскій проектъ сохраняетъ право на вознагражденіе за все время, когда выполненіе услугъ было невозможно въ силу случая, касающагося личности нанимателя или предмета услугъ (§ 1604 венг. проекта). Кроме того, для постоянного служебнаго отношенія венг. проектъ создаетъ норму, вполне соответствующую § 616 В. Г. В. (§ 1605 венг. проекта).

Говоря о новѣйшей постановкѣ вопроса о невозможности исполненія при договорѣ найма труда, мы констатировали, что здѣсь создается отступленіе отъ общихъ началъ о невозможности исполненія. При этомъ мы исходили изъ современнаго понятія найма труда, и считали, что „исполненіе“, къ которому обязанъ по договору общавшій услуги, состоятъ не только въ предо-

¹⁾ Конечно, съ зачетомъ, предусмотрѣннымъ во 2-мъ предложеніи § 616 В. Г. В. и въ ч. 2-й ст. 1638с голланд. гражд. улож.

²⁾ 2-ая ч. ст. 1381 швейц. улож. гласитъ: „О продолжительности найма должно судить не только по сроку предварительнаго отказа, но также по продолжительности того времени, въ теченіе котораго работодателю оказывались до тѣхъ поръ услуги“.

Работодатель не можетъ сложить съ себя обязанности, установленной въ ст. 1381 ч. 1; но если препятствіемъ къ оказанію услугъ является болѣзань, онъ имѣетъ право вычесть изъ вознагражденія часть пособия, выдаваемого кассами, въ которыя онъ дѣлаетъ взносы; вычитаемая часть должна соответствовать отношенію взносовъ работодателя къ общей суммѣ уплатъ (см. 3-ью ч. ст. 1381).

Интересно сопоставить ст. 1381 швейц. улож. со ст. 1339 ч. 2 швейц. улож.

ставленіи нанимателю своей рабочей силы, но въ оказаніи услугъ, въ совершеніи работы ¹⁾. Съ такой точки зрѣнія, если служащій лишень возможности оказать услуги, имѣется на лицо невозможность исполненія. И въ случаѣ такой невозможности исполненія новѣйшее гражданское законодательство рѣшаетъ вопросъ объ уплатѣ заработной платы иначе, чѣмъ то вытекало бы изъ общихъ правилъ о невозможности исполненія. Однако мыслимъ и другой взглядъ на разсмотрѣнныя только что постановленія новѣйшаго законодательства. Можно считать, что эти постановленія порываютъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ прежнимъ понятіемъ найма труда и исходятъ изъ совершенно новаго понятія, съ точки зрѣнія котораго въ этихъ постановленіяхъ не будетъ уже ничего сингулярнаго. Дѣйствительно, всѣ эти постановленія исходятъ изъ того положенія, что, при извѣстныхъ условіяхъ, служащій, предоставивъ въ распоряженіе нанимателя свою рабочую силу, тѣмъ самымъ уже выполнилъ принятыя имъ на себя обязательства, хотя бы фактическое пользованіе этой рабочей силой и оказалось для нанимателя невозможнымъ. Иначе говоря, въ основѣ разсмотрѣнныхъ постановленій лежитъ такое понятіе найма труда, по которому „исполненіе“, требуемое отъ общавшаго услуги, состоитъ только въ предоставленіи нанимателю своей рабочей силы. А при такомъ понятіи найма труда невозможность оказанія услугъ или совершенія работы—если эта невозможность наступила не по винѣ общавшаго услуги—не должна уже трактоваться, какъ невозможность „исполненія“: если невозможность оказанія услугъ наступила не по винѣ служащаго, то приходится считать, что служащій со своей стороны предоставилъ нанимателю свою рабочую силу,—и въ этомъ уже заключается здѣсь „исполненіе“. Слѣдовательно, если исходить изъ указаннаго новаго понятія найма труда, то сохраненіе за служащимъ, въ разсмотрѣнныхъ выше случаяхъ, заработной платы не является чѣмъ-либо сингулярнымъ, хотя услуги и не были оказаны.

Переходимъ къ слѣдующей категоріи нормъ, обезпечивающихъ служащему приобрѣтеніе права на заработную плату,—къ нормамъ, возлагающимъ на нанимателя *ответственность за недостаточное использованіе рабочей силы аккорднаго рабочаго*.

¹⁾ См. §§ 611 и 631 В. Г. В.; ст. 1637, 1637а, 1637б голланд. гражд. улож.; ст. 1 франц. проекта; ст. 1369 и 1405 швейц. улож.; §§ 1600 и 1626 I—II венг. проекта; ст. 1 бельгійскаго закона о рабочемъ договорѣ (10 марта 1900 г.). Ср. *Дернбургъ*, Пандекты, т. III, § 112 (стр. 371 русскаго перев.) и § 113 (стр. 373).

Ст. 34 франц. проекта опредѣляетъ:

„Когда рабочій, получающій плату поштучно, сдѣльно или за исполненіе опредѣленнаго заказа, задерживается въ распоряженіи работодателя на мѣстѣ работы, въ своемъ мѣстѣ жительства или въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ и дѣйствіями работодателя поставленъ въ невозможность работать, онъ имѣетъ право на вознагражденіе, соответствующее причиненному ему убытку. Всякое соглашеніе о противномъ недѣйствительно“.

Ст. 1378 швейц. улож. гласитъ:

„Если служащій работаетъ за поштучную или сдѣльную плату, онъ имѣетъ во время договорнаго отношенія право на то, чтобы ему была предоставлена возможность работать или былъ возмѣщенъ убытокъ, происходящій изъ отсутствія работы“.

И франц. проектъ, и швейцарское уложеніе возмѣщаютъ аккордному рабочему, убытокъ, причиненный недостаточнымъ использованіемъ его рабочей силы. Но при этомъ швейц. улож. идетъ дальше франц. проекта, такъ какъ не обусловливаетъ возмѣщеніе убытка тѣмъ, что рабочій задержанъ въ распоряженіи нанимателя. Въ другомъ отношеніи ст. 34 франц. проекта имѣетъ большое преимущество передъ ст. 1378 швейц. улож.: во франц. проектѣ опредѣленно установлено, что отвѣтственность нанимателя за недостаточное использованіе рабочей силы аккорднаго рабочаго не можетъ быть отмѣнена по договору ¹⁾.

Голланд. гражд. улож. также стремится охранять аккорднаго рабочаго отъ невыгодныхъ послѣдствій недостаточнаго использованія его рабочей силы. Но съ этой цѣлью голланд. кодексъ, вмѣсто возложенія отвѣтственности на работодателя, прибѣгаетъ къ менѣ радикальной мѣрѣ: недостаточное использованіе рабочей силы аккорднаго рабочаго разсматривается, какъ уважительная причина для немедленнаго расторженія договора рабочимъ. Ст. 1639q голланд. гражд. улож. постановляетъ, что уважительная причина для немедленнаго односторонняго прекращенія договора имѣется, между прочимъ, на лицо, „если работодатель не доставляетъ достаточно работы рабочему, котораго вознагражденіе зависитъ отъ количества исполненной работы“ (пунктъ 5) или „если работодатель не оказываетъ обѣщанную помощь рабочему, котораго вознагражденіе зависитъ отъ количества исполненной работы“ (пунктъ 6).

¹⁾ Возложеніе на нанимателя неотмѣнимой по договору отвѣтственности за недостаточное использованіе рабочей силы аккорднаго рабочаго носитъ рѣзко сингулярный характеръ.

Другая интересная мѣра, обеспечивающая служащему право на заработную плату, касается *найма рабочихъ черезъ посредниковъ*.

Система найма рабочихъ черезъ посредниковъ—особый способъ организаціи труда. Между рабочими и предпринимателемъ становится третье лицо, посредникъ. Этотъ посредникъ (обыкновенно—рабочій) выполняетъ хозяйственный планъ предпринимателя, дѣйствуетъ за его счетъ, но *не отъ его имени*. Посредникъ *отъ своего имени*, самостоятельно нанимаетъ рабочихъ, отъ своего имени руководитъ ими при выполненіи работъ. По общимъ правиламъ о представительствѣ посредникъ не является здѣсь представителемъ предпринимателя, и, слѣдовательно, при примѣненіи къ такой организаціи труда общихъ правилъ о представительствѣ нельзя усмотрѣть между рабочими и предпринимателемъ непосредственнаго договорнаго отношенія: рабочіе имѣютъ притязанія лишь къ посреднику, но не къ предпринимателю. Въ результатъ оказывается, что, при обычной имущественной необеспеченности посредника, рабочимъ весьма плохо обеспечено получение заработной платы. Далѣе, данный способъ организаціи труда открываетъ широкую возможность для прямыхъ злоупотребленій: къ найму черезъ посредниковъ недобросовѣстные предприниматели прибѣгаютъ для того, чтобы, скрываясь за неплатежеспособнымъ подставнымъ лицомъ, уклониться отъ аккуратной уплаты вознагражденія.

Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ, интересы охраны труда настоячиво требуютъ, чтобы предприниматель отвѣчалъ за уплату вознагражденія наряду съ посредникомъ. Руководясь этими соображеніями, социаль-демократическая фракція рейхстага внесла въ комиссію рейхстага, обсуждавшую проектъ В. Г. В., предложеніе о включеніи въ уложеніе слѣдующаго постановленія:

„Въ случаѣ выполненія услугъ для хозяйства или промышленнаго предпріятія, за уплату вознагражденія отвѣчаетъ, кромѣ лица, непосредственно заключившаго договоръ, еще и то лицо, въ чью пользу рабочій затратилъ рабочую силу, если это лицо знало или должно было знать, что заключающій договоръ не можетъ или не намѣренъ оплатить услуги“.

Предложеніе включить въ уложеніе приведенную норму было затѣмъ взято назадъ, такъ какъ со стороны союзныхъ правительствъ поступило не встрѣтившее въ комиссіи возраженій заявленіе, въ которомъ проводилась слѣдующая мысль: предприниматель, *спекулирующій* на невыполненіе посредникомъ обязательствъ по отношенію къ рабочимъ, или хотя бы просто *знающій*, что по-

средникъ не выполнить этихъ обязательствъ, подлежитъ отвѣтственности на основаніи включаемой въ уложеніе нормы объ „умышленномъ причиненіи вреда способомъ, противнымъ добрымъ нравамъ“ (нынѣ § 826 B. G. R.) ¹⁾.

Въ указанномъ заявленіи союзныхъ правительствъ подъ обочкой *деликтной* отвѣтственности скрывается отвѣтственность *по договору*. По существу основная идея здѣсь та, что предприниматель отвѣчаетъ за посредника, какъ за своего представителя, — хотя по общимъ правиламъ о представительствѣ посредникъ и не является здѣсь представителемъ предпринимателя. Къ нормѣ объ „умышленномъ причиненіи вреда способомъ, противнымъ добрымъ нравамъ“, обратились лишь потому, что бланкетный характеръ этой нормы открываетъ возможность создать на ея почвѣ какую угодно отвѣтственность исключительнаго, сингулярнаго свойства.

Франц. проектъ борется со злоупотребленіями, встрѣчающимися при наймѣ чрезъ посредниковъ, путемъ провозглашенія того принципа, что предприниматель отвѣчаетъ за посредника, какъ за своего представителя. Такимъ образомъ во франц. проектѣ отвѣтственность предпринимателя по договорамъ найма труда, заключеннымъ посредникомъ, получаетъ теоретически правильную конструкцію. Ст. 5 франц. проекта постановляетъ:

„Когда рабочіе, нанятые при условіяхъ, указанныхъ въ первой статьѣ, ²⁾ должны для выполненія работы организовать отряды или партіи, или руководить ими, они с ілю закон а признаются дѣйствующими при сношеніяхъ съ рабочими, входящими въ составъ отряда или партіи, въ качествѣ уполномоченныхъ хозяина предпріятія“.

„Противъ этого предположенія не допускаются никакія доказательства“ ³⁾

По франц. проекту отвѣтственность предпринимателя расши-

¹⁾ См. *Stadthagen*, *Arbeiterrecht*, стр. 34, 35 (изд. 4-е). Ср. приведенное въ текстѣ предложеніе съ другимъ предложеніемъ социаль-демократической фракціи, непосредственно касающимся вопроса о представительствѣ при заключеніи рабочаго договора (*Stenogr. Berichte*, Session 1895—97, III Anlageband, № 465, sub 41, стр. 2255).

²⁾ Ст. 1 франц. проекта опредѣляетъ понятіе „рабочаго договора“ (*«contrat de travail»*) и постановляетъ, что нормы первой главы проекта, объемлющей статьи 1—11, не распространяются на договоры „лицъ, предлагающихъ свой трудъ не одному или нѣсколькимъ опредѣленнымъ работодателямъ, а публикѣ“.

³⁾ Во франц. проектѣ уполномоченіе со стороны предпринимателя устанавливается, какъ *praesumptio juris et de jure*. Лишеніе посредника возможности хотя бы путемъ особаго соглашенія занять положеніе формально самостоятельнаго нанимателя является рѣзко сингулярнымъ постановленіемъ.

руется по сравнению съ указанной только-что деликтной теоріей, такъ какъ французскій проектъ ставитъ эту отвѣтственность въ зависимость не отъ субъективныхъ условій (къ каковымъ принадлежитъ умыселъ § 626 В. Г. В.), а отъ условій совершенно объективныхъ (отъ того факта, что посредникъ, организующій отряды или партіи, или руководящій ими, является самъ рабочимъ даннаго нанимателя) ¹⁾.

Сингулярныя нормы о невозможности исполненія, о недостаточномъ использованіи рабочей силы аккордного рабочаго и о наймѣ рабочихъ чрезъ посредниковъ преслѣдуютъ одну общую цѣль—обеспечить служащему правовое притязаніе на вознагражденіе. Но для охраны трудового дохода недостаточно гарантировать служащему *приобрѣтеніе* имъ права на вознагражденіе. Необходимо еще парализовать дѣйствіе тѣхъ силъ, которыя могли бы привести къ тому, что вознагражденіе, хотя и заработанное, не поступило бы въ руки служащаго. Такимъ образомъ, передъ гражданскимъ правомъ встаетъ задача обеспечить служащему *неприкосновенность* заработаннаго вознагражденія. Мы посмотримъ сейчасъ, какъ разрѣшается эта задача въ новѣйшемъ законодательствѣ.

2. Обеспеченіе неприкосновенности заработной платы.

Спеціальныя мѣры, обеспечивающія служащему неприкосновенность заработаннаго вознагражденія, довольно разнообразны. Онѣ охраняютъ заработанное служащимъ вознагражденіе; 1) отъ обращенія на него взысканія со стороны третьихъ лицъ; 2) отъ приобрѣтенія третьимъ лицомъ на основаніи распоряженія служащаго какихъ-либо правъ на это вознагражденіе; 3) отъ осуществленія нанимателемъ права зачета и права удержанія; 4) отъ поглощенія этого вознагражденія вычетами, устанавливаемыми по договору найма съ цѣлью обеспеченія нанимателя; 5) на случай несостоятельности нанимателя.

Что касается охраны заработной платы отъ *обращенія* на нее взысканія со стороны третьихъ лицъ, то мы приведемъ, для примѣра, соотвѣтствующія постановленія германскаго и голландскаго законодательства.

§ 1 германскаго „закона о наложеніи ареста на заработную плату“ (Lbges.) постановляетъ:

¹⁾ Тѣ случаи, гдѣ посредникомъ является не рабочій даннаго предпринимателя, франц. проектомъ не затронуты.

„Если рабочее или служебное отношение (Arbeits-oder Dienstverhältnis) вполне или большею частью поглощает промысловую дѣятельность общаваго услуги, то вознагражденіе (заработная плата, жалованье, гонораръ и т. д.) за работы и услуги, выполняемыя на основаніи такого отношенія, можетъ быть подвергнуто аресту для обезпеченія или удовлетворенія вѣрителя лишь послѣ того, какъ выполнены работы или услуги, и прошелъ тотъ день, когда вознагражденіе должно было быть уплачено въ соответствии съ закономъ, договоромъ или обычаемъ, если, при томъ, къ этому времени управомоченный еще не потребовалъ вознагражденія“¹⁾.

§ 4, пунктъ 4 Lbges. опредѣляетъ, что данный законъ не принимается, „поскольку общая сумма вознагражденія превышаетъ полторы тысячи марокъ въ годъ“.

Въ голландскомъ законодательствѣ постановленіе объ обращеніи на заработную плату взысканія со стороны третьихъ лицъ внесено въ гражд. улож. А именно § 1638g (часть 1-я, предложенія 1 и 2) голланд. гражд. улож. гласитъ:

„Если выраженное въ деньгахъ вознагражденіе составляетъ четыре гульдена въ день или меньше, то на причитающееся рабочему вознагражденіе можетъ быть у работодателя наложенъ арестъ лишь въ размѣрѣ одной пятой части выраженной въ деньгахъ суммы. Если выраженное въ деньгахъ вознагражденіе составляетъ болѣе четырехъ гульденовъ въ день, то изъ указанной суммы также можетъ быть подвергнута аресту не болѣе, чѣмъ пятая часть; по отношенію къ избытку надъ этой суммой допускается неограниченное наложеніе ареста“.

Достоинство германской постановки вопроса объ обращеніи взысканія на заработную плату заключается въ томъ, что вознагражденіе, не превышающее опредѣленнаго размѣра (1500 марокъ въ годъ, или, въ переводѣ на голландскую монетную систему, около 3 гульденовъ въ день)²⁾, цѣлкомъ охраняется отъ обращенія взысканія. Тогда какъ по голланд. гражд. улож. при вознагражденіи, не превышающемъ опредѣленнаго размѣра (4 гульдена въ день), отъ обращенія взысканія охраняется только извѣстная часть (четыре пятыхъ) заработной платы. Вознагражденіе, превышающее опредѣленный размѣръ (1500 марокъ въ годъ), по германскому праву вовсе не пользуется особой охраной отъ обращенія взысканія. Голланд. гражд. улож. при вознагражденіи, превышающемъ 4 гульдена въ день, охраняетъ отъ обращенія взысканія опредѣленную сумму (четыре пятыхъ

¹⁾ Ср. § 850 герм. Zivilprozessordnung.

²⁾ 1500 марокъ въ годъ составляютъ—если принять, для круглаго счета, годъ равнымъ 50 недѣлямъ—30 марокъ въ недѣлю, или 5 марокъ за рабочій день. Такъ какъ 1 гульденъ=1,7 марки, то 5 марокъ равны приблизительно 3 гульденамъ.

отъ 4 гульденовъ, т. е. 3,2 гульдена, или 3 гульдена 20 центовъ).

Охрану заработной платы отъ обращенія на нее взысканія со стороны третьихъ лицъ дополняетъ охрана заработаннаго служащимъ вознагражденія отъ *поглощенія* его какимъ-либо *правомъ* третьяго лица, установленнымъ *черезъ распоряженіе служащаго*. Какъ примѣръ такой дополнительной охраны, приведемъ опять-таки относящіяся сюда постановленія германскаго и голландскаго законодательства.

§ 2 II германскаго „закона о наложеніи ареста на заработную плату“ постановляетъ:

„Поскольку на основаніи этихъ постановленій недопустимо наложеніе ареста, постольку не имѣетъ правовой силы и всякое распоряженіе посредствомъ уступки требованія, приказа, установленія залогового права или посредствомъ другой сдѣлки“¹⁾.

Ст. 1638g, часть 2 и 3 голланд. гражд. улож. опредѣляетъ:

„Уступка требованія, установленіе залогового права или какая-либо иная сдѣлка, посредствомъ которой рабочій признаетъ за третьимъ лицомъ право на свое вознагражденіе, дѣйствительны лишь постольку, поскольку на вознагражденіе рабочаго могъ бы быть наложенъ арестъ“.

„Уполномочіе на полученіе вознагражденія, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы названіемъ ни было оно выдано рабочимъ, можетъ быть въ любое время взято назадъ“.

Такимъ образомъ третье лицо лишается какой бы то ни было возможности воспользоваться слѣдующимъ служащему вознагражденіемъ, какъ источникомъ для удовлетворенія своихъ притязаній къ служащему. Третье лицо не только не можетъ обратитъ взысканіе на слѣдующее служащему вознагражденіе, но не можетъ также на основаніи распоряженія самаго служащаго приобрѣсти какое-либо право на это вознагражденіе. По мысли законодателя, заработная плата, какъ источникъ матеріальнаго существованія служащаго, должна во всякомъ случаѣ поступить въ руки служащаго и не можетъ быть перехвачена третьимъ лицомъ, хотя бы третье лицо, въ качествѣ кредитора служащаго, и заставило послѣдняго въ той или иной стѣпени отказаться (въ пользу этого третьяго лица) отъ своего права на вознагражденіе.

Обратимся теперь къ вопросу объ осуществленіи нанимателемъ *права зачета* и *права удержанія*, а также о производствѣ нанимателемъ такихъ *вычетовъ*, которые *устанавливаются по*

¹⁾ Ср. §§ 400, 1274 II В. Г. В.

договору найма труда съ цѣлью обезпеченія наняателя. Источнику матеріальнаго существованія служащаго—его трудовому доходу угрожаютъ здѣсь большія опасности. У наняателя могутъ быть тѣ или иныя требованія къ служащему, возникшія или изъ трудового отношенія или изъ какого-либо иного правоотношенія. По общимъ началамъ гражданскаго права наняатель могъ бы зачесть любое свое требованіе, возникшее изъ какого-либо иного правоотношенія, за требованіе служащаго объ уплатѣ вознагражденія (ср. § 387 В. Г. В.); а поскольку у наняателя есть годное ко взысканію притязаніе, основанное на данномъ трудовомъ отношеніи,—постолюку онъ могъ бы отложить уплату вознагражденія до учиненія слѣдующаго ему удовлетворенія (*удержаніе*, ср. § 273 В. Г. В.). И при зачетѣ, и при удержаніи служащій оказался бы совершенно или отчасти лишеннымъ слѣдующаго ему въ день платежа вознагражденія, оказался бы—въ большинствѣ случаевъ—лишеннымъ средствъ къ существованію. Независимо отъ осуществленія права зачета и права удержанія, наняатель можетъ, на основаніи принципа договорной свободы, установить вычеты изъ заработной платы для образованія капитала, который обезпечивалъ бы наняателя на случай причиненія служащимъ какихъ-либо убытковъ. Такіе вычеты открываютъ широкое поле для самыхъ рѣзкихъ проявленій эксплуатаціи.

Для предупрежденія указанныхъ послѣдствій права зачета и права удержанія, а также отрицательныхъ послѣдствій вычетовъ, устанавливаемыхъ по договору съ цѣлью обезпеченія наняателя, въ новѣйшемъ гражданскомъ законодательствѣ имѣются особыя сингулярныя нормы. При этомъ намѣчаются двѣ системы, изъ которыхъ одна проводится въ германскомъ законодательствѣ и въ швейц. улож., а другая принята голланд. гражд. улож. Первая система допускаетъ поглощеніе заработной платы зачетомъ, удержаніемъ и вычетами лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ на требованіе объ уплатѣ вознагражденія можетъ быть обращено взысканіе со стороны третьихъ лицъ. Вторая система рѣшаетъ вопросъ о допустимости или недопустимости зачета, удержанія и вычетовъ независимо отъ вопроса объ обращеніи взысканія: по этой системѣ ограниченіе зачета, удержанія и вычетовъ выражается въ томъ, что они могутъ поглотить только опредѣленную часть заработаннаго вознагражденія, независимо отъ того, въ какихъ предѣлахъ можетъ быть обращено взысканіе на требованіе объ уплатѣ этого вознагражденія.

Въ германскомъ правѣ ограниченіе права зачета противъ

требованія объ уплатѣ вознагражденія заключается въ § 394, предложеніи 1 B. G. B.:

„Поскольку известное требованіе не подлежит обращенію на него взыскація, оно не можетъ быть погашено зачетомъ“.

(Ср. цѣт. выше § 1 и § 4, пунктъ 4 Lbges.).

Ограниченіе права удержанія въ германскомъ законодательствѣ прямо не формулировано. Но въ германской юридической литературѣ высказывается слѣдующее соображеніе: если законодательство не допускаетъ зачета противъ тѣхъ или иныхъ требованій, то противъ такихъ требованій недопустимо и осуществленіе права удержанія. Отсюда вытекаетъ, что поскольку германское право (§ 394 B. G. B. въ связи съ § 1 Lbges.) не допускаетъ зачета за требованіе объ уплатѣ вознагражденія, постольку по германскому праву противъ требованія объ уплатѣ вознагражденія не можетъ быть осуществляемо и право удержанія ¹⁾.

Спеціальнаго ограниченія вычетовъ, устанавливаемыхъ по договору съ цѣлью обезпеченія наняма теля, въ германскомъ законодательствѣ также нѣтъ. Но установленіе, по договору найма труда, вычетовъ для обезпеченія наняма теля можно разсматривать, какъ установленіе залогового права на заработную плату ²⁾. Поэтому § 2 II германскаго „закона о наложеніи ареста на заработную плату“ (цит. выше), запрещающаго устанавливать залоговое право на заработную плату, тѣмъ самымъ и въ тѣхъ же предѣлахъ) запрещаетъ устанавливать по договору найма вычеты для обезпеченія наняма теля ³⁾.

Въ швейц. улож. имѣются спеціальныя постановленія, какъ относительно зачета, такъ равно и относительно удержанія и вычетовъ.

Ст. 1146 швейц. улож. устанавливаетъ (среди другихъ ограниченій права зачета), что противъ воли кредитора не можетъ быть произведенъ зачетъ за такое требованіе объ уплатѣ вознагражденія, на которое не можетъ быть обращено взыскація. Ст. 1386 швейц. улож. повторяетъ это ограниченіе права зачета, при чемъ подъ терминомъ „зачетъ“ понимаетъ также „удержаніе“:

¹⁾ *Sinzheimer*, Lohn und Aufrechnung, стр. 77 — 91, въ особенности стр. 89—90.

²⁾ Ср. *Sinzheimer*, назв. соч., стр. 107.

³⁾ Ср. §§1274 II и 400 B. G. B. въ связи съ § 1 Lbges.

„Поскольку по законамъ о взысканіи долговъ и о конкурсномъ производствѣ вѣрителемъ рабочаго не могло бы быть обращено взысканіе на слѣдующее рабочему вознагражденіе, постольку наниматель не можетъ зачесть за свой долгъ по уплатѣ вознагражденія тѣхъ требованій, которыя оны имѣютъ противъ рабочаго, въ томъ числѣ и требованія о возмѣщеніи вреда“.

Наконецъ, ст. 1184 ч. 2 швейц. улож. опредѣляетъ, что вычеты изъ заработной платы, устанавливаемые по договору съ цѣлью обезпеченія нанимателя, могутъ производиться лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ допускается зачесть за требованіе объ уплатѣ вознагражденія, — а зачесть за требованіе объ уплатѣ вознагражденія, какъ уже указано, допускается по швейц. улож. въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ на это требованіе можетъ быть обращено взысканіе (см. выше ст. 1146 швейц. улож.) ¹⁾.

Всего детальнѣе урегулированъ вопросъ о зачетѣ, удержаніи и вычетахъ въ голланд. гражд. улож.

Ст. 1638г голланд. гражд. улож. опредѣляетъ, что неограниченное осуществленіе нанимателемъ права зачета и удержанія допускается только при прекращеніи служебнаго отношенія. Во время же существованія служебнаго отношенія зачесть и удержаніе при уплатѣ вознагражденія ограничены въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, ст. 1638г ограничиваетъ кругъ тѣхъ требованій работодателя къ рабочему, за которыя работодатель можетъ зачесть требованіе рабочаго объ уплатѣ вознагражденія. Къ „зачету“ (подъ терминомъ „зачесть“ ст. 1638г голланд. гражд. улож. понимаетъ также и „удержаніе“) допускаются только слѣдующія требованія работодателя: 1) о возмѣщеніи убытковъ, 2) о штрафахъ, 3) о взносахъ, которые работодатель, не нарушая относящихся сюда специальныхъ постановленій, въ счетъ вознагражденія сдѣлалъ на имя рабочаго въ ту или иную кассу, 4) объ уплатѣ за жилище, помѣщеніе, участокъ земли, а также за орудія и приборы—при условіи, что договоръ о наймѣ орудій и приборовъ заключенъ письменно, 5) объ уплатѣ за предметы первой необходимости и матеріалы—при условіи, что рабочій письменно удостоавѣрилъ выдачу этихъ предметовъ, 6) авансы въ счетъ заработной платы—также при условіи письменнаго удостовѣренія со стороны

¹⁾ 1-ая часть ст. 1184 швейц. улож. постановляетъ: „Если при трудовомъ отношеніи работодатель или заказчикъ удерживаетъ по договору часть вознагражденія (вычетъ и др.), то такое обезпеченіе признается, если противное не вытекаетъ изъ договора или обычая, залогомъ для покрытія могущаго быть доказаннымъ вреда, а не неустойкой“.

рабочаго, 7) суммы, излишне уплаченные по счету заработной платы, 8) расходы на лечение, поскольку они по закону могут быть переложены на рабочаго. Во-вторых, по ст. 1638g при каждом платежѣ вознагражденія зачетъ и удержаніе не могутъ поглощать болѣе двухъ пятыхъ заработаннаго вознагражденія. Постановленія ст. 1638g не могутъ быть отмѣнены соглашеніемъ сторонъ.

Ст. 1638s опредѣляетъ, что при каждой уплатѣ вознагражденія вычеты для обезпеченія работодателя не должны превышать одной десятой части заработной суммы ¹⁾. Далѣе, общій размѣръ залога, образовавшагося изъ вычетовъ, не долженъ превышать извѣстнаго максимума. При безсрочномъ наймѣ максимумъ залога опредѣленъ въ размѣрѣ вознагражденія, которое причиталось бы рабочему за періодъ времени, равный сроку предварительнаго отказа (при одностороннемъ расторженіи найма). При срочномъ наймѣ максимумъ залога опредѣленъ въ размѣрѣ заработной платы за тотъ срокъ, на который стороны связаны договоромъ. Кромѣ того, для рабочихъ, получающихъ не болѣе 4 гульденовъ въ день, общая сумма залога не должна превышать заработной платы за 12 рабочихъ дней.

Въ голланд. гражд. улож. весьма цѣннымъ нововведеніемъ является установленіе максимума залога, образуемаго посредствомъ вычетовъ изъ заработной платы. Но въ остальномъ интересы трудящихся лучше охранены германской постановкой вопроса о зачетѣ, удержаніи и вычетахъ, чѣмъ голландской. По голланд. закону двѣ пятыхъ заработной платы могутъ оказаться поглощенными зачетомъ и удержаніемъ (ст. 1638g), да еще одна десятая можетъ уйти на вычеты (ст. 1638s). Остается неприкосновенной отъ зачета, удержанія и вычетовъ только половина заработной платы. Тогда какъ по германскому праву заработная плата, не превышающая 1500 марокъ въ годъ, цѣликомъ охраняется отъ зачета, удержанія и вычетовъ (см. § 394 B. G. B. въ связи съ §§ 1 и 4 Lbges.).

Въ связи съ вопросомъ о зачетѣ, удержаніи и вычетахъ замѣтимъ еще, что въ голланд. гражд. улож. имѣется ограничительное постановленіе о размѣрѣ штрафовъ, которые работодатель можетъ налагать на рабочаго на основаніи состоявшагося между ними соглашенія. Общая сумма штрафовъ, наложенныхъ въ теченіе недѣли, не должна превышать вознагражденія за одинъ рабочий день, откуда слѣдуетъ—выводъ, сдѣланный въ текстѣ закона,—что каждый отдѣльный штрафъ не можетъ превышать того же раз-

¹⁾ Ср. ст. 36 франц. проекта.

мѣра. Норма эта принудительна въ отношеніи къ рабочимъ, получающимъ не болѣе 4 гульденовъ въ день. Въ отношеніи же рабочихъ, получающихъ болѣе 4 гульденовъ въ день, данная норма носить диспозитивный характеръ, и отъ нея можетъ быть отступлено посредствомъ письменнаго договора или правилъ внутренняго распорядка; но въ такомъ случаѣ судья имѣетъ право понизить штрафъ, который кажется ему чрезмѣрнымъ (ст. 1637и часть 5, 6 и 7) ¹⁾.

Чтобы покончить съ вопросомъ о спеціальныхъ мѣрахъ, обезпечивающихъ неприкосновенность заработной платы, мы должны еще коснуться охраны заработной платы на случай несостоятельности нанимателя. Эта охрана выражается главнымъ образомъ въ созданіи для требованій объ уплатѣ заработной платы привилегированнаго положенія по сравненію съ другими притязаніями къ несостоятельному лицу (см., напр., § 61, пунктъ 1 германскаго конкурснаго устава). Другой приемъ охраны выдвигается ст. 1398 швейц. улож.:

„Когда служащему угрожаетъ опасность, что вслѣдствіе несостоятельности (нанимателя) онъ не получитъ вознагражденія въ день платежа, онъ имѣетъ право прекратить отношеніе найма, если ему не будетъ по его требованію представлено соотвѣтствующее обезпеченіе“ ²⁾.

---

1) Ср. *Menger*, Das Bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen, стр. 188—190 (8-е изд.). *Menger*, критикуя проектъ германскаго гражданскаго уложенія, высказывается противъ допустимости соглашеній, въ силу которыхъ обѣщавшій услуги признаетъ за нанимателемъ право взысканія штрафовъ или въ какой-либо другой формѣ подчиняется дисциплинарной власти нанимателя. *Menger* полагаетъ, что дисциплинарная власть нанимателя допустима лишь постольку, поскольку она, въ строго опредѣленныхъ случаяхъ, предусмотрѣна точными постановленіями закона.

2) Ср. § 321 B. G. B.: „Кто на основаніи обоюднаго договора обязанъ учинить удовлетвореніе первымъ, тотъ можетъ отказать противной сторонѣ въ должномъ удовлетвореніи до учиненія встрѣчнаго удовлетворенія или до обезпеченія оваго, если имущественное состояніе противной стороны значительно ухудшилось послѣ заключенія договора и притязаніе на встрѣчное удовлетвореніе подвергается риску“. Изъ принципа, лежащаго въ основѣ § 321 B. G. B., сдѣланъ особый выводъ по отношенію къ договору займа—въ § 610 B. G. B., который гласитъ: „Кто обѣщаль дать что-либо займа, тотъ, при сомнѣніи, можетъ отказать исполнить обѣщаніе, если имущественное положеніе противной стороны значительно ухудшится и притязаніе на возвратъ занятаго сдѣлается ненадежнымъ“.

Ср. также ст. 1639w, часть 1 и 2 голланд. гражд. улож.:

„Каждая изъ сторонъ еще до начала работы всегда имѣетъ право по уважительной причинѣ обратиться къ судѣ того кантона, въ кото-

3. Обеспечение своевременной выдачи заработной платы.

Въ виду алиментарнаго характера, присущаго вознагражденію за трудъ, представляется необходимымъ обеспечить служащему *своевременную выдачу* заработной платы. Последнюю цѣль преслѣдуютъ нѣкоторыя спеціальныя нормы новѣйшаго гражданскаго законодательства.

Изъ основныхъ принциповъ обязательственнаго права вытекаетъ, что время уплаты вознагражденія должно опредѣляться при договорѣ найма труда явной или предполагаемой волей договаривающихся сторонъ. Предполагаемая въ данномъ случаѣ воля сторонъ формулируется въ законодательствѣ нормами, которыя, въ соответствіи съ обычаемъ оборота, опредѣляютъ, что вознагражденіе уплачивается по выполненіи обѣщанной работы или по истеченіи установленнаго срока (ср., напр., § 614 B. G. B., ст. 1379 швейц. улож.). Изъ общаго правила, что вознагражденіе уплачивается по выполненіи обѣщанной работы или по истеченіи установленнаго срока (Kreditierungspflicht), швейцарское уложеніе дѣлаетъ существенное исключеніе; а именно ст. 1380 швейц. улож. возлагаетъ на нанимателя обязанность въ случаѣ крайней нужды служащаго выдавать ему вознагражденіе до наступленія срока уплаты:

„Соразмѣрно съ уже исполненной или достаточно обеспеченной работой, работодатель обязанъ во всякомъ случаѣ выдавать рабочему вознагражденіе впередъ, поскольку рабочій въ этомъ нуждается, чтобы содержать себя и свою семью или чтобы предотвратить опасность, угрожающую его экономическому положенію, и поскольку это не подвергаетъ нуждѣ самого хозяина“.

Какъ видно изъ текста, крайняя нужда, дающая служащему совершенно сингулярное право на предварительное полученіе заработной платы, опредѣляется по ст. 1380 швейц. улож. наличностью одного изъ слѣдующихъ двухъ условій: 1) отсутствіе у

ромъ находится дѣйствительное мѣстопребываніе данной стороны, съ письменной просьбой о расторженіи рабочаго договора. Всякое соглашеніе, исключающее или ограничивающее это право, признается ничтожнымъ“.

„Уважительной причиной считаются..... также измѣненія въ личномъ или имущественномъ положеніи просителя или другой стороны или въ обстоятельствахъ, при которыхъ производится работа и которыя таковы, что служебное отношеніе по справедливости должно быть немедленно или въ непродолжительномъ времени прекращено“.

служащаго средствъ на содержаніе себя и своей семьи; 2) потребность служащаго въ средствахъ для предотвращенія опасности, угрожающей его экономическому положенію. Изъ словъ статьи: „во всякомъ случаѣ“, вытекаетъ, что обязанность предварительной выдачи заработной платы не можетъ быть отмѣнена по договору. Интересы работодателя тщательно гарантируются въ двухъ отношеніяхъ: 1) величина предварительной выдачи соразмѣряется съ уже исполненной или достаточно обезпеченной работой; 2) обязанность предварительной выдачи существуетъ лишь постольку, поскольку выполненіе этой обязанности не подвергаетъ нуждѣ самого хозяина. Последнее условіе имѣетъ особенное значеніе въ области мелкаго ремесленного производства, гдѣ сплошь да рядомъ хозяинъ — такой же бѣднякъ, какъ и служащій.

Такъ какъ по ст. 1380 швейц. улож. служащій можетъ требовать предварительной выдачи не только въ размѣрѣ уже исполненной, но и въ размѣрѣ достаточно обезпеченной работы, то оказывается, что ст. 1380 устанавливаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, неотмѣнимую по договору обязанность уплаты вознагражденія *pro numero*.

Вопросу о своевременной выдачѣ заработной платы большое вниманіе посвящаетъ голланд. гражд. улож. Особенной яркостью отличаются два относящихся сюда постановленія. Всѣмъ безъ исключенія рабочимъ, получающимъ не болѣе 4 гульденовъ въ день, гарантируется выдача заработной платы не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ (ст. 1638l часть 3 и ст. 1638m; ср. ст. 1638l, часть 4). Тѣмъ самымъ создается существенное ограниченіе сторонъ въ опредѣленіи времени уплаты вознагражденія. Далѣе, голланд. гражд. улож. значительно повышаетъ, по сравненію съ общими нормами о просрочкѣ, отвѣтственность работодателя за неуплату вознагражденія въ надлежащій срокъ. Поскольку заработная плата не выдана въ третій рабочій день послѣ того, какъ должна была быть произведена уплата,—

„рабочій, если опозданіе произошло по винѣ работодателя, приобретаетъ въ виду этой просрочки право на повышеніе заработной платы. Повышеніе заработной платы составляетъ отъ четвертаго до восьмого дня включительно 5% въ день, а за каждый послѣдующій рабочій день 1%. Однако повышеніе изъ-за просрочки ни въ какомъ случаѣ не должно превзойти половины причитающейся рабочему суммы. Судья имѣетъ право ограничить повышеніе такой суммой, которая представляется ему справедливой въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами даннаго случая“ (ст. 1638q, часть 1).

„Соглашеніе, заключающее въ себѣ отступленіе отъ какого-либо изъ

постановленій этой статьи, дѣйствительно только по отношенію къ рабочимъ, вознагражденіе которыхъ, выраженное въ деньгахъ, составляетъ болѣе 4 гульденовъ въ день" (ст. 1638q, часть 2).

Таковы зачатки спеціальныхъ мѣръ, обезпечивающихъ служащему своевременную выдачу заработной платы. Изъ двухъ приведенныхъ нами постановленій голланд. гражд. уложенія, одно охраняетъ только рабочихъ, получающихъ не болѣе 4 гульденовъ въ день; другое же постановленіе охраняетъ данную категорію рабочихъ въ принудительной формѣ, а остальныхъ рабочихъ— въ формѣ диспозитивной. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ особой охраны рабочихъ, получающихъ не болѣе 4 гульденовъ въ день, голландскій законъ считается съ тѣмъ обстоятельствомъ, что алиментарный характеръ вознагражденія за трудъ выступаетъ тѣмъ рѣче, чѣмъ меньше размѣръ вознагражденія, и что, поэтому, чѣмъ меньше трудовой доходъ служащаго, тѣмъ болѣе нуждается онъ въ законодательной охранѣ ¹⁾.

Мы рассмотрѣли спеціальныя мѣры, обезпечивающія служащему *приобрѣтеніе права* на заработную плату, *неприкосновенность* заработной платы и *своевременную* ея выдачу. Таковы основныя категоріи мѣръ, охраняющихъ трудовой доходъ служащаго, какъ источникъ его матеріальнаго существованія. Но охрана трудового дохода служащаго не ограничивается данными категоріями сингулярныхъ мѣръ. Такъ, напр., въ голланд. гражд. улож. имѣются еще постановленія, касающіяся *формы вознагражденія* и вопроса о *свободѣ рабочаго распорядиться своимъ заработкомъ*.— Въ постановленіи о формѣ вознагражденія ограничены виды вознагражденія, допускаемые вмѣсто денежнаго (ст. 1637p). Всякая часть вознагражденія, установленная въ незаконной формѣ, оцѣнивается на деньги, затѣмъ полученная сумма умножается на 5, и результатъ принимается за вознагражденіе, причитающееся рабочему. Но при этомъ общая сумма вознагражденія, причитающагося рабочему на основаніи такого расчета, не должна превышать болѣе чѣмъ на треть того вознагражденія, которое въ данное время и въ данномъ мѣстѣ обычно уплачивается за работу этого рода (ст. 1637г въ связи со ст. 1637q, ч. 1) ²⁾.—Въ постановле-

¹⁾ Ср. *Л. Таль*, Право 1908 г., № 34, стр. 1832.

²⁾ При отсутствіи установившагося обычнаго вознагражденія, вмѣсто него берется вознагражденіе, опредѣляемое по справедливости, въ соотвѣтствіи съ обстоятельствами (ст. 1637г въ связи со ст. 1637q, ч. 2).

ни голланд. кодекса о свободѣ рабочаго распоряжаться своимъ заработкомъ объявляются ничтожными соглашения между рабочимъ и работодателемъ (или кѣмъ-либо изъ высшихъ служащихъ, которымъ рабочій подчиненъ), обязующія рабочаго определеннымъ образомъ употреблять свой заработокъ, или дѣлать закупки въ определенномъ мѣстѣ или у определеннаго лица (ст. 1687s).

Для служащихъ, какъ лицъ, живущихъ своимъ трудомъ, имѣетъ огромное значеніе *непрерывность* служебнаго отношенія, т.-е. возможность по истеченіи одного служебнаго отношенія немедленно замѣнить его другимъ, ибо неиспользованный рабочій день составляетъ для нихъ незамѣнимую потерю дохода. Съ этимъ насущнымъ, жизненнымъ интересомъ трудящихся до нѣкоторой степени считается новѣйшее гражданское законодательство о наймѣ труда: система мѣръ, непосредственно охраняющихъ трудовой доходъ служащаго, завершается постановленіями, обеспечивающими непрерывность трудового отношенія при перемѣнѣ нанимателя. Эти постановленія не имѣютъ своимъ непосредственнымъ объектомъ заработную плату. Но, облегчая служащему нахожденіе новаго мѣста службы, они тѣмъ самымъ облегчаютъ ему *нахожденіе новаго источника средствъ къ существованію, новаго трудового дохода*. И, въ этомъ смыслѣ, данная категорія мѣръ охраняетъ трудовой доходъ служащаго.

4. Обеспеченіе непрерывности трудового отношенія при перемѣнѣ нанимателя.

Спеціальныя мѣры, обеспечивающія непрерывность трудового отношенія при перемѣнѣ нанимателя, отличаются простотой. Онѣ прежде всего выражаются въ установленіи особыхъ *сроковъ предварительнаго отказа*, соблюденіе которыхъ обязательно, когда одностороннимъ заявленіемъ прекращается договоръ найма труда, заключенный на неопределенное время ¹⁾. Предварительный отказъ,

¹⁾ Отмѣтимъ интересную сингулярную норму франц. проекта: на основаніи ст. 47, устанавливаемые въ проектѣ сроки предварительнаго отказа могутъ быть, по ходатайству заинтересованныхъ лицъ, сокращаемы или увеличиваемы для определенной профессіи или специальности, для извѣстнаго заведенія или мѣстности. Проектъ указываетъ органы, уполномоченные на такое сокращеніе или удлиненіе сроковъ предварительнаго отказа. Измѣненіе сроковъ допустимо постольку, поскольку измѣненные сроки оказываются (по разслѣдованію, производимому особой комиссіей) согласными съ мѣстными обычаями или соответствующими видамъ предпринимателей и рабочихъ.

завяляемый той стороной, которая беретъ на себя инициативу прекращенія договора, устраняетъ для другой стороны внезапность, неожиданность этого прекращенія. Для служащаго это имѣетъ огромное значеніе: узнавъ заранѣе о предстоящемъ прекращеніи трудового отношенія по инициативѣ нанимателя, служащій можетъ своевременно позаботиться о приисканіи новаго мѣста службы. Наниматель также выигрываетъ отъ установленія сроковъ предварительнаго отказа, такъ какъ и на его интересахъ непредвидѣнное прекращеніе договора можетъ отразиться весьма невыгодно¹⁾.

Такъ какъ по общему правилу обязанность предварительнаго отказа въ одинаковой степени устанавливается и для служащаго, и для нанимателя, то институтъ предварительнаго отказа при наймѣ труда не является, вообще говоря, спеціальной охраной служащаго, какъ экономически слабой стороны. Однако въ отдѣльных нормахъ о предварительномъ отказѣ и, въ частности, въ опредѣленіи фактическихъ условій, при наличности которыхъ предварительный отказъ требуется закономъ, выражается идея особой охраны служащаго, вызывающая отступленіе отъ принципа равнаго отношенія къ обѣимъ сторонамъ. Разсмотримъ два примѣра—одинъ изъ германскаго кодекса, другой—изъ голландскаго.

§ 623 В. Г. В. гласитъ:

„Если вознагражденіе исчисляется не по періодамъ, то во всякое время можно одностороннимъ заявленіемъ прекратить наемъ; но *если служба составляетъ для обѣщающаго услуги единственный или главный источникъ дохода*, то необходимо предупрежденіе за двѣ недѣли впередъ“²⁾.

Приведенная статья касается найма съ аккордной (сдѣльной, поштучной) платой. Обязанность предварительнаго отказа устанавливается *для обѣихъ сторонъ*, но лишь при томъ условіи, что служба составляетъ для служащаго *единственный или главный источникъ дохода*. Это условіе, выдвигаемое § 623 В. Г. В., и дѣлаетъ для насъ данную норму особенно интересной. Служащій, когда служба является для него основнымъ источникомъ дохода, особенно нуждается въ томъ, чтобы существовало правило о предварительномъ отказѣ. И, вотъ, § 623 В. Г. В. приурочиваетъ въ з а и м н у ю обязанность предварительнаго отказа какъ разъ къ

1) Въ римскомъ правѣ при договорѣ *locatio conductio operarum*, заключенномъ на неопредѣленное время, каждая сторона имѣла право въ любой моментъ отказаться отъ договора.

2) Съ § 623 В. Г. В. вполне тождественъ по содержанію § 1616 венгерскаго проекта.

тѣмъ условіямъ, при которыхъ служащій особенно нуждается въ установленіи этой обязанности. Для нанимателя же при прекращеніи найма по одностороннему заявленію служащаго существенно не то, является ли данная служба для служащаго основнымъ источникомъ дохода, а цѣлый рядъ совершенно иныхъ обстоятельствъ—но этихъ обстоятельствъ законодатель специально здѣсь не учитываетъ. Поэтому норма § 623 В. Г. В. и оказывается *спеціально* охраняющей *одну* изъ договаривающихся сторонъ—служащаго. То же самое можно сказать и о § 622 В. Г. В. который для квалифицированного труда (при опредѣленномъ окладѣ жалованья) устанавливаетъ особенно строгія правила предварительнаго отказа постольку, поскольку служба является для служащаго единственнымъ или главнымъ источникомъ дохода (ср. § 621 В. Г. В.).

Въ голланд. гражд. улож. ст. 1639і (часть 1 и часть 2, предложеніе 1) гласить:

„Срокъ предварительнаго отказа равенъ времени, обычно протекающему между двумя слѣдующими другъ за другомъ платежами выражнаго въ деньгахъ вознагражденія, но не можетъ однако превышать 6 недѣль“.

„Отъ этого постановленія можно отступить посредствомъ письменнаго договора или правилъ внутренняго распорядка; однако срокъ предварительнаго отказа не можетъ превышать 6 мѣсяцевъ¹⁾ и не можетъ быть назначенъ для работодателя короче, чѣмъ для рабочаго“.

---

¹⁾ На основаніи 2-го предложенія 2-ой части ст. 1639 і, срокъ предварительнаго отказа рабочаго, вознагражденіе котораго, выраженное въ деньгахъ, составляетъ 4 гульдена въ день или меньше, не долженъ превышать времени, обычно протекающаго между двумя слѣдующими другъ за другомъ платежами вознагражденія, и во всякомъ случаѣ не долженъ превышать 6 недѣль, развѣ только обычай оборота опредѣляетъ болѣе продолжительный срокъ предварительнаго отказа; въ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть назначенъ для рабочаго болѣе продолжительный срокъ предварительнаго отказа, чѣмъ обычный.—Такимъ образомъ, голланд. гражд. улож. вводитъ *максимальный* срокъ предварительнаго отказа. Максимальные сроки, не анализируемые нами въ текстъ работы, выполняютъ двоякую *соціально-экономическую* функцію. Ими отчасти достигается та же цѣль, которую преслѣдуютъ разсмотрѣнныя выше (см. стр. 41) постановленія о максимальной продолжительности договора найма труда, т. е. создается охрана личности служащаго отъ слишкомъ продолжительнаго поглощенія служебнымъ отношеніемъ. Но, главнымъ образомъ, максимальный срокъ предварительнаго отказа облегчаетъ служащему перемѣну даннаго служебнаго отношенія на предлагаемое ему болѣе выгодное,—такъ создается нѣкоторая гарантія *наилучшаго* использованія рабочей силы какъ источника *матеріальнаго* существо-

И далѣе ст. 1639і постановляетъ:

„Если для работодателя назначенъ болѣе короткій срокъ, чѣмъ для рабочаго, то болѣе продолжительный срокъ вѣдетъ силу и для работодателя“ 1).

Ст. 1639і голланд. гражд. улож. ограничиваетъ договорную регламентацію сроковъ предварительнаго отказа; между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что срокъ предварительнаго отказа можетъ быть для служащаго короче, чѣмъ для нанимателя, но не наоборотъ. Для служащаго создается такимъ образомъ привилегированное положеніе по сравненію съ нанимателемъ 2). Ст. 1639і голланд. гражд. улож. достигаетъ двойнаго правно-политическаго эффекта: 1) если наниматель желаетъ подчинить служащаго тяжелымъ условіямъ отказа, то онъ долженъ и самъ подчиниться такимъ же тяжелымъ условіямъ; 2) если наниматель желаетъ установить для себя легкія условія отказа, то онъ долженъ предоставить такія же легкія условія и служащему. Поскольку ст. 1639і достигаетъ перваго эффекта, т. е. заставляетъ нанимателя подчиниться такимъ же условіямъ предварительнаго отказа, какъ тѣ, которыя наниматель устанавливаетъ для служащаго,—постольку ст. 1639і охраняетъ трудъ служащаго, какъ источникъ его матеріальнаго существованія.

Непрерывность служебнаго отношенія при перемѣнѣ нанимателя обезпечивается въ новѣйшемъ гражданскомъ законодатель-

---

ванія служащаго (ср. *Fleisch*, назв. соч., стр. 24, 25).—Голланд. гражд. улож., вводя максимальный срокъ предварительнаго отказа, ставитъ продолжительность этого срока для рабочаго въ зависимость отъ получаемаго имъ вознагражденія (ср. 1-ое и 2-ое предлож. 2-ой части ст. 1639і). Заслуживаетъ вниманія, что, по голланд. гражд. улож., для работодателя 6 мѣсяцевъ являются общимъ максимальнымъ срокомъ, даже въ отношеніи къ рабочимъ, получающимъ не болѣе 4 гульденовъ въ день и пользующимся охраной, выражающейся въ болѣе короткомъ максимальномъ срокѣ.

1) Въ венгерскомъ проектѣ § 1617 гласитъ:

„Стороны могутъ по соглашенію установить иной, чѣмъ въ законѣ, срокъ и порядокъ предварительнаго отказа“.

„Признается однако недействительнымъ соглашеніе, устанавливающее для общавапаго услуги *болѣе продолжительный срокъ* или *болѣе тяжелыя условія* предварительнаго отказа, чѣмъ для нанимателя“.

2) Приведенныя нормы о предварительномъ отказѣ, специально охраняющія служащаго, интересно сравнить съ § 627 В. Г. В., который также касается вопроса о предварительномъ отказѣ, но, при этомъ, специально охраняетъ интересы нанимателя (отступленіе въ пользу нанимателя отъ принципа равнаго отношенія къ обѣимъ сторонамъ). Ср. *Fleisch*, назв. соч., стр. 22, 23.

ствѣ не только нормами о предварительномъ отказѣ, но еще другими специальными мѣрами.

Помимо того, какъ съ той или другой стороны заявленъ предварительный отказъ отъ договора, служащему гарантируется *доплатное количество времени для отысканія новаго мѣста службы.*

Количество времени, предоставляемое служащему для отысканія новаго мѣста службы, опредѣляется неодинаково. § 629 В. (Г. В. и § 1624, ч. 1 венг. проекта говорятъ о „необходимомъ времени“, ст. 1387 ч. 2 швейц. улож.—о „времени для необходимыхъ поисковъ“; ст. 48 франц. проекта, касающаяся только промышленныхъ рабочихъ, вноситъ опредѣленность въ рѣшеніе вопроса и предоставляетъ служащему для поисковъ работы „по меньшей мѣрѣ два часа въ день“.—Швейц. улож. требуетъ отъ служащаго, чтобы онъ, при осуществленіи своего права на свободу времени для отысканія новаго мѣста службы, по возможности считался съ интересами работодателя (ст. 1387 ч. 3 швейц. улож.).

О предоставленіи служащему „необходимаго“ времени для отысканія новаго мѣста службы говоритъ и проектъ новеллы къ австрійскому гражд. улож. (1907 г.) въ § 171, ч. 1. Вторая часть данного параграфа заключаетъ въ себѣ слѣдующее цѣнное постановленіе: „Время, которое должно быть предоставлено для отысканія другого служебнаго отношенія, можетъ быть болѣе точно опредѣлено административными распоряженіями, издаваемыми для отдѣльныхъ мѣстностей или областей и для отдѣльныхъ группъ служебнаго отношенія“.

За служащими признается далѣе право на полученіе *письменнаго свидѣтельства о службѣ.* Въ голланд. гражд. улож. вопросъ о выдачѣ такого свидѣтельства предусмотрѣнъ съ обстоятельностью, которая дѣлаетъ честь авторамъ новеллы 13 іюля 1907 г. Ст. 1638аа голланд. гражд. улож. постановляетъ:

„При прекращеніи служебнаго отношенія работодатель обязанъ по требованію рабочаго выдать ему свидѣтельство“.

„Свидѣтельство должно заключать въ себѣ точныя свѣдѣнія о родѣ выполненной работы и продолжительности служебнаго отношенія, а также, однако лишь по особой просьбѣ лица, которому свидѣтельство выдается, о томъ, какъ выполнялъ рабочій свои обязанности и какъ прекратилось служебное отношеніе. Если однако работодатель прекратилъ служебное отношеніе безъ указанія причинъ, то на немъ лежатъ только обязанность сообщать это обстоятельство, но онъ не обязанъ указать (въ свидѣтельствѣ) эти причины; если рабочій неправомѣрно прекратилъ служебное

отношеніе, то работодатель имѣетъ право сообщать объ этомъ въ свидѣтельствѣ“.

„Если работодатель отказывается выдать требуемое свидѣтельство, или включаетъ въ свидѣтельство завѣдомо неправильныя показанія, или снабжаетъ свидѣтельство знакомъ, посредствомъ котораго имѣется въ виду дать о рабочемъ показанія, не содержащіяся въ текстѣ свидѣтельства, то работодатель отвѣчаетъ за причиняемый этимъ вредъ, какъ передъ рабочимъ, такъ и передъ третьими лицами“.

„Всякое соглашеніе, исключяющее или ограничивающее эту обязанность работодателя, признается ничтожнымъ“ ¹⁾.

Къ числу сингулярныхъ мѣръ, облегчающихъ служащему нахождение новаго мѣста службы, относятся также *ограничительныя постановленія о соглашеніяхъ, имѣющихъ предметомъ т. наз. запрещеніе конкуренціи* (Konkurrenzverbot—по нѣмецкой терминологіи). Подробныя постановленія о договорномъ запрещеніи конкуренціи имѣются въ голландскомъ и швейцарскомъ уложеніи. Голланд. гражд. улож. посвящаетъ данному вопросу ст. 1637х, изъ которой мы приведемъ 1-ую и 2-ую часть:

„Соглашеніе между работодателемъ и рабочимъ, ограничивающее право послѣдняго заниматься по окончаніи служебнаго отношенія опредѣленной дѣятельностью, дѣйствительно только въ томъ случаѣ, если оно заключено съ совершеннвольтнымъ рабочимъ посредствомъ письменнаго договора или правилъ внутренняго распорядка“.

„По ходатайству рабочаго или на основаніи соотвѣтствующаго возраженія, сдѣланнаго рабочимъ во время процесса, судья можетъ объявить такое соглашеніе ничтожнымъ въ цѣломъ или въ отдѣльныхъ частяхъ, обосновавъ свое рѣшеніе тѣмъ соображеніемъ, что вредъ, причиняемый рабочему, представляется несправедливымъ по сравненію съ охраняемымъ интересомъ работодателя“.

Въ швейцарскомъ уложеніи вопросъ о запрещеніи конкуренціи нашель себѣ рѣшеніе въ ст. 1400—1402.

Ст. 1400 швейц. улож. опредѣляетъ:

„При служебномъ отношеніи, которое даетъ служащему свѣдѣнія о кругѣ покупателей или заказчиковъ или о тайнахъ предпріятія, въ договоръ найма услугъ можетъ быть включено постановленіе о томъ, что по прекращеніи служебнаго отношенія служащій не имѣетъ права вести отъ собственнаго имени предпріятіе, конкурирующее съ работодателемъ, а

¹⁾ Ср. § 630 В. Г. В., ст. 1388 швейц. улож., ст. 1624 вевг. проекта. Вся эти постановленія гораздо менѣ обстоятельны, чѣмъ ст. § 1638аа голланд. гражд. улож. Такъ, напр., § 630 В. Г. В. гласитъ: „По прекращеніи постоянной службы служащій можетъ потребовать отъ нанимателя выдачи ему письменнаго свидѣтельства объ условіяхъ и продолжительности найма. По требованію въ свидѣтельствѣ должны быть отмѣчены успѣшность службы и поведеніе во время ея“.

также не имѣть права участвовать въ такомъ предпріятіи въ качествѣ пайщика или инымъ образомъ“.

„Это запрещеніе дѣйствительно лишь постольку, поскольку оно надлежащимъ образомъ ограничено по времени и по мѣсту, и поскольку служащій имѣетъ возможность нанести работодателю существенный вредъ использованиемъ упомянутыхъ свѣдѣній“.

Ст. 1402 швейц. улож. гласитъ:

„Запрещеніе конкуренціи теряетъ силу, если можно доказать, что работодатель не заинтересованъ въ соблюденіи этого запрещенія“.

„Кромѣ того, работодатель не имѣетъ иска о нарушеніи этого запрещенія, если онъ прекратилъ служебное отношеніе безъ существенной причины или по причинѣ, за которую онъ самъ отвѣтственъ, или если его собственная вина дала служащему основаніе прекратить договоръ“.

Во 2-ой части ст. 1402 заключается одно постановленіе, заслуживающее особаго вниманія: договорное запрещеніе конкуренціи, даже если оно само по себѣ должно было бы считаться дѣйствительнымъ, теряетъ силу, если работодатель увольняетъ служащаго „безъ существенной причины“¹⁾. Такимъ образомъ, поскольку работодатель желаетъ, чтобы запрещеніе конкуренціи осталось въ силѣ, постольку онъ, въ вопросѣ объ увольненіи даннаго служащаго, связанъ не только постановленіями о срокѣ найма и о предварительномъ отказѣ, но также и требованіемъ чтобы увольненіе произошло не иначе, какъ по существенной причинѣ. Иначе говоря, соглашеніе, ограничивающее служащаго въ выборѣ дѣятельности, оказывается дѣйствительнымъ лишь подъ условіемъ, что работодатель, со своей стороны, подчинится по отношенію къ данному служащему ограниченію въ правѣ мѣнять служебный персоналъ²⁾.

---

1) Голланд. гражд. улож. не идетъ такъ далеко въ ограниченіи договорнаго запрещенія конкуренціи. См. ст. 1637х, часть 3.

2) Швейц. улож. рассматриваетъ наличность „существенной причины“ увольненія, какъ необходимое условіе юридической силы договорнаго запрещенія конкуренціи. Это новое (для общаго законодательства о наймѣ труда) понятіе „существенной“ причины увольненія не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать съ завоевавшимъ себѣ право гражданства понятіемъ „уважительной“ причины для немедленнаго прекращенія служебнаго отношенія (безъ соблюденія постановленій о срокѣ найма и о предварительномъ отказѣ).

При обзорѣ новѣйшаго гражданскаго законодательства вырывается цѣлая система мѣръ охраны труда. Мы ограничимся анализомъ наиболее характерныхъ изъ относящихся сюда формъ, и, когда находили разныя рѣшенія одного и того же вопроса, старались выяснить, какое изъ этихъ рѣшеній наиболее соответствуетъ интересамъ трудящихся. Такой методъ сравнительной правнополитической оцѣнки разныхъ законодательствъ даетъ возможность наилучшимъ образомъ использовать опытъ передовыхъ странъ. Но практическое значеніе даннаго метода ограничено: онъ не можетъ самъ по себѣ вывести за предѣлы существующихъ уже законодательствъ и только расчищаетъ почву для истиннаго творчества, при которомъ изслѣдователь, не замыкаясь въ тѣсный кругъ законодательныхъ матеріаловъ, свободно рѣшаетъ каждый вопросъ съ точки зрѣнія принятыхъ имъ правнополитическихъ

„Уважительная“ причина для немедленнаго прекращенія служебнаго отношенія—это, по опредѣленію ст. 1396 швейц. улож., „обстоятельство, при наличности котораго было бы безнравственно или недобросовѣстно требовать, чтобы отступающій отъ договора продолжилъ служебное отношеніе“. Тогда какъ „существенная“ причина увольненія въ ст. 1402 швейц. улож. — это, по смыслу данной статьи, всѣ вообще обстоятельства, при наличности которыхъ увольненіе служащаго не представляется актомъ хояйскаго произвола или личной прихоти, но диктуется серьезными соображеніями, съ которыми долженъ былъ бы въ данномъ случаѣ считаться каждый работодатель,—при чемъ отнюдь не требуется, чтобы эти обстоятельства, по своему характеру, давали работодателю право немедленнаго отступленія отъ договора. Такимъ образомъ, понятіе существенной причины увольненія гораздо шире, чѣмъ понятіе уважительной причины для немедленнаго прекращенія служебнаго отношенія.

Швейцарское уложеніе, обусловливая дѣйствительность договорнаго запрещенія конкуренціи наличностью „существенной причины“ увольненія, тѣмъ самымъ создаетъ нѣкоторый законодательный контроль надъ причинами прекращенія договора найма труда. По вопросу о свободѣ сторонъ при прекращеніи трудового отношенія правнополитическая литература идетъ гораздо дальше. *Флемш* выставилъ довольно обстоятельно аргументированное правнополитическое требованіе, чтобы наличность „существенной причины, стоящей въ связи съ экономическими задачами рабочаго договора“, была признана необходимымъ условіемъ правомѣрности всякаго вообще увольненія нанявшагося, и чтобы увольненіе безъ такой „существенной причины“ влекло за собой, какъ нарушеніе правъ нанявшагося, обязанность возмѣщенія вреда (*Flesch, Zur Kritik des Arbeitsvertrags*, стр. 25, ср. вообще стр. 23—26 и стр. 29, а также выработанный авторомъ „проектъ законодательныхъ постановленій о прекращеніи промышленнаго рабочаго договора“ на стр. 34—36). Мы не можемъ здѣсь входить въ оцѣнку данной правнополитической идеи. Ср. *Л. Таль*, „Русская Мысль“, 1907 г., кн. IV, стр. 89, 90.

критеріевъ. Эта работа лежитъ внѣ рамокъ наш го очерка. Но если *de lege ferenda* разсматривать институтъ найма труда, то— отнюдь не уменьшая значеніе осуществленныхъ уже прогрессивныхъ модификацій этого института — легко было бы убѣдиться, что здѣсь возможны и настоятельно необходимы гораздо болѣе широкія реформы. Новѣйшее общегражданское законодательство еще только всгупаетъ на путь охраны труда. Задача науки гражданского права — подготовить дальнѣйшее движеніе по этому пути.

Въ общегражданскомъ законодательствѣ передовыхъ странъ прежнее безразличіе къ экономическому неравенству сторонъ, вступающихъ въ трудовое отношеніе, отходитъ въ область прошлаго. Въ гражданскомъ правѣ найдена почва для охраны трудящихся. Уже положено основаніе этой охранѣ, и вполнѣ предрѣшено дальнѣйшее ея развитіе. Вопросъ лишь въ томъ, какимъ темпомъ пойдетъ движеніе въ намѣтившемся направленіи. Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ всей совокупности экономическихъ и соціально-политическихъ условій отдѣльныхъ странъ. Но если компромиссъ между противоположными интересами, сталкивающимися при наймѣ труда, опредѣляется указанными условіями, то выраженіе этого компромисса въ строгихъ формулахъ закона требуетъ ближайшаго участія науки гражданского права. Цивильная политика призвана детально разработать тѣ правовыя средства, которыми можетъ быть достигнута охрана экономически слабого при наймѣ труда. Для приспособленія гражданского законодательства къ выполненію усложняющихся функцій охраны труда цивильная политика должна подвергнуть коренному пересмотру цѣлый рядъ гражданско-правовыхъ принциповъ и опредѣленій. При разрѣшеніи этихъ сложныхъ задачъ цивильной политикѣ придется преодолѣть многочисленныя и разнообразныя затрудненія. Но чѣмъ больше затрудненій сопряжено съ реформой рабочаго договора, тѣмъ ответственнѣе и благодарнѣе роль, выпадающая здѣсь на долю цивильной политики.

І. Войтинскій.

Соціалізмъ и рабочій вопросъ въ философіи Фр. Ницше.

(Соціологическій этюдъ).

„Красота есть истина, истина есть красота,—вотъ все, что вы знаете на землѣ, вотъ все, что вы должны знать“.

Джонъ Китсъ (John Keats).

„Братья мои! Я только прологъ. Драмѣ будутъ разыгрывать актеры лучше меня“.

Такъ говорилъ Заратустра.

Поднятый мною вопросъ, конечно, не является новымъ съ точки зрѣнія вообще разбора философскихъ воззрѣній Фридриха Ницше. Напротивъ, философія этого моднаго мыслителя старательно изучалась и комментировалась и за границей, и у насъ въ Россіи. На этой почвѣ выросла огромная литература о Ницше. Но большинство комментаторовъ искало обыкновенно только противорѣчій въ воззрѣніяхъ суроваго философа, и всѣ старались, какъ будто, или оправдать, или обвинить Ницше за его взгляды и убѣжденія, оказывая симпатію или антипатію проповѣднику „сверхчеловѣка“. Я не буду задаваться подобною мыслью, а постараюсь выдвинуть одну основную идею, одно основное свойство всей философіи Фр. Ницше, равно приложимое какъ къ общему, такъ и ко всему частному въ его исторически характерномъ ученіи.

Предлагая вниманію читателей настоящую работу, я долженъ сказать, что и въ ней я исходилъ и ее буду разсматривать съ точки зрѣнія той же основной идеи, съ помощью которой, по моему глубокому убѣжденію, единственно и можетъ быть научно-правильно понята и объяснена философія Фр. Ницше. Выясне-

ніемъ этой основной идеи въ краткихъ чертахъ я и начну свою работу.

Въ культурной эволюціи всего человѣчества, какъ и въ жизни отдѣльныхъ народовъ, бывають моменты, когда существующія, общепринятая, зафиксированныя нормы основъ человѣческаго общежитія перерастаютъ цѣлымъ человѣчествомъ или отдѣльными обществами и народами. Психика людей, эволюционируя съ теченіемъ времени, уже не мирится съ тѣми укладами и формами, на которыхъ зиждется все человѣчество, или данное общество, данный народъ. Развиваясь и совершенствуясь, она требуетъ и новаго для себя содержанія, и новыхъ формъ. Формы же общежитія и его основы содержанія: право, мораль, религія, эстетика и пр., упрочившіяся въ продолженіе долгихъ усилій и вѣковъ, позитивированныя, консервативныя по природѣ, вслѣдствіе своей сложности и трудно поддающіяся быстрому измѣненію, остаются прежнія. Образуется несоотвѣтствіе между требованіями легче и быстрѣе эволюционирующей психики, вслѣдствіе ея эластичности, и существующимъ консервативнымъ, уже пережитымъ, такъ сказать, строемъ.

На этой почвѣ проясняется конфликтъ, разладъ человѣческой психики съ дѣйствительностью, слѣдствіемъ чего и являются острые, такъ называемые, культурные кризисы.

Еще задолго до наступленія такихъ культурныхъ кризисовъ начинается, обыкновенно, усиленное умственное, идейное броженіе. На сцену выступаетъ сомнѣніе, за которымъ слѣдуетъ неизбежно его великая спутница—философія съ попытками новыхъ объясненій смысла жизни и укладовъ общественного строя, универсальнаго или государственнаго.

Общая неудовлетворенность, какъ бы общее психическое недомоганіе и исканіе, переживаемое всѣми въ моменты наступленія подобныхъ кризисовъ, рвется наружу за предѣлы тѣсныхъ рамокъ даннаго, уже пережитаго строя съ его изжитыми формами.

Развиваются сомнѣнія въ истинности и неизблемости принциповъ и основъ разумной соціальной жизни, незамѣтно, но стихійно разрастаются философскія скептическія разсужденія и, наконецъ, пробивается наружу уже ясное, громкое, смѣлое отрицаніе всѣхъ истинъ и основъ, на которыхъ держался фундаментъ, захваченнаго культурнымъ кризисомъ, всего человѣческаго общежитія или строя жизни отдѣльныхъ народовъ.

Тогда-то на аренѣ міровой культурной эволюціи, или исторіи отдѣльныхъ народовъ, появляются смѣлые агитаторы съ круп-

нымъ, выходящимся умомъ и начинаютъ свою бичующую проповѣдь олицетворенія, нигилизма, дабы скорѣе разрушить тотъ, сконструированный и всѣмъ, изжитой строй, въ тискахъ котораго волнуется, задыхается все человѣчество или данный прогрессирующій народъ.

Роль этихъ проповѣдниковъ сводится къ тому, чтобы своей смѣлой, рѣзкой, открытой философско-нигилистической критикой выставить на показъ всю условность и призрачное величье существующихъ общепринятыхъ истинъ, бичемъ своего ядовитого смѣха и юмора осмѣять и развѣнчать современныхъ изжитыхъ кумировъ и открыть просторъ для новыхъ укладовъ, новыхъ истинъ, новыхъ идеаловъ будущаго универсальнаго или государственнаго строительства. Они не создаютъ положительныхъ идеаловъ, предоставляя ихъ созданіемъ заняться другимъ по духу и психической природѣ мыслителямъ, а сами стремятся только съ наибольшимъ смѣхомъ, ожесточеніемъ и ненавистью развѣнчать и разрушить громоздкій консервативный, позитивированный, но уже изжитой строй ¹⁾.

Такіе культурные кризисы дѣйствительно происходили и исторически наблюдаются: въ древней Греціи, гдѣ роль этихъ бичующихъ отрицателей играли софисты и циники; въ древнемъ Римѣ съ появленіемъ скептиковъ, стоиковъ и эпикурейцевъ; въ средніе вѣка съ воцареніемъ церкви и отрицаніемъ ею всего свѣтскаго, откуда получился фанатическій аскетизмъ; передъ эпохой Возрожденія съ учителемъ „князей“ Маккиавелли; передъ Великой французской революціей съ сонмомъ философовъ-эстетовъ съ „царственнымъ“ Вольтеромъ во главѣ, и въ современную эпоху, когда одни уклады жизни должны смѣниться другими, болѣе социальными-желательными и совершенными. Уже съ начала XIX столѣтія появляются философы-критики, какъ Монтень, Ренанъ, Максъ Штирнеръ и, наконецъ, Фр. Ницше ²⁾.

Теперь мы и постараемся развить подробнѣе, къ какому типу философовъ принадлежитъ Фр. Ницше и каково его ученіе.

Фр. Ницше принадлежитъ къ числу тѣхъ мыслителей, которые по общимъ социологическимъ законамъ, по законамъ со-

---

¹⁾ Для настоящей работы не представляется необходимымъ подробно останавливаться на анализѣ и историческомъ повѣствованіи о такихъ культурныхъ кризисахъ, а потому въ текстѣ только указаны периоды тѣхъ историческихъ эпохъ, которыя ознаменовались подобными явленіями.

²⁾ См. проф. Л. І. Петражицкій: „Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности“, т. II стр. 646—47.

ціальной еволюці призвані сыграть роль тѣхъ смѣлыхъ агитаторовъ, тѣхъ подтачивателей укладовъ общественной жизни, которые, какъ землекопы, подрываютъ тотъ фундаментъ, на которомъ горделиво, спокойно и величаво высится огромное, казалось бы, несокрушимое зданіе человѣческаго общежитія.

Эти мыслители развѣнчиваютъ тѣ общепринятія существующія „священныя“ основы общественной жизни: право, религію, мораль и пр., стараются разрушить, разорвать тѣ условныя, но крѣпкія цѣпи, которыми скована личность и все общество, рвутся на просторъ, громко и смѣло, отчаянно смѣло провозглашая: „нѣтъ истины,— все дозволено!“ Съ этимъ лозунгомъ они и начинаютъ свою новую, отрицательную „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей“. Своими ученіями они властно раскрѣпощаютъ личность отъ путъ сковывающаго ее общества, общество — отъ формъ пережитаго общественнаго уклада, они расчищаютъ путь въ новый міръ свободныхъ мыслей и свободныхъ дѣйствій... Они отчаянно, упрямо и дерзко-рѣшительно клеймятъ, бичуютъ рѣзкими ударами своей критики и эту „рабскую“ мораль, и эту „выдуманную“ религію, и это „хитросплетенное“ право, отрицаютъ ихъ истинность, пользу и желательность, провозглашаютъ ихъ невѣжествомъ, отсталостью, смѣются и презираютъ того человѣка, ту личность, которая послушна этимъ условнымъ регуляторамъ и цѣпямъ общественнаго уклада.

Они зовутъ людей прочь отъ этого затхлаго, разлагающагося болота, именуемаго обществомъ и государствомъ, они предають анаѣмѣ и этотъ существующій изжитой строй со всѣми его атрибутами, и самыхъ людей, послушно повинующихся и служащихъ ему. Имъ душно, они задыхаются въ этой гнилой атмосферѣ, подверженной ихъ рѣзкому бичеванію и отряпанію, они видятъ въ своихъ современникахъ рабовъ и зовутъ, зовутъ на широкій просторъ свободной, независимой, новой жизни, зовутъ „по ту сторону добра и зла“, гдѣ обитаетъ не скованный ржавыми, „лживыми“ цѣпями рабъ, а свободный, сильный человѣкъ или „сверхчеловѣкъ“. Личность для нихъ выше всего, но она должна быть свободна, сбросить всѣ лживыя, условныя путы, отречься отъ подчиненія, уничтожить всякую подвластность.

Отсюда, ученія ихъ неизбежно провозглашаютъ индивидуализмъ и анархизмъ.

Но ясно, что стать такою свободною личностью можетъ не всякій. Это отлично сознаютъ и сами проповѣдники-отрицатели, не для толпы провозглашая своего „сверхчеловѣка“, уже освобо-

дившагося отъ всѣхъ путь, условностей и предрасудковъ, связывающихъ современнаго имъ, обыкновеннаго человѣка.

Разрушивъ все то, чѣмъ жило и питалось современное имъ общество: религію, право, мораль, а часто и самое познаніе, какъ дѣлали то древніе скептики съ Гераклитомъ во главѣ, замкнувшись въ свое „ego“, личность, эти мыслители по своей природной специфической склонности психики въ извѣстномъ направленіи, естественно, прибѣгали къ послѣднему источнику содержанія жизни, а именно къ эстетикѣ, искусству, красотѣ...

Все влекло и направляло ихъ къ этой области человѣческой психической дѣятельности. И природная склонность къ эстетическимъ переживаніямъ, и отрицаніе всѣхъ другихъ основъ и регуляторовъ жизни, какъ право, нравственность и религія, и заманчивость причудливаго, фантастическаго свободнаго „сверхчеловѣка“, и широкое поле свободной мысли, и уединеніе въ свое „я“, свою личность, отъ всего отрекшуюся и погружившуюся въ созерцаніе вѣчно-непоколебимой, но всегда властно-манящей къ себѣ прекрасной природы и вѣчности, и свободное, рискованно-смѣлое самоопредѣленіе, — все давало просторъ развернуться эстетическимъ требованіямъ человѣческой психики, стремленію къ „прекрасному“, красотѣ и вслѣдствіе этого еще болѣе развивало ихъ.

Это усиленное, постѣянное упражненіе и развитіе одной части психической дѣятельности — эстетической, повело, неизбежно, къ ослабленію другихъ, и въ результатъ получилась атрофія этическихъ, въ частности нравственныхъ и правовыхъ переживаній, а также полнѣйшее усыпленіе, атрофія религиозныхъ вѣрованій и убѣжденій.

Но само собой понятно, что *eo ipso* по общему биологическому закону (одно неизбежно развивается въ ущербъ или за счетъ другого) соотвѣтственно развитію однихъ способностей психики получается неразвитіе, усыпленіе другихъ, вслѣдствіе постепенной, незамѣтной гипертрофіи однихъ психическихъ переживаній получается также незамѣтно атрофія другихъ. Въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто эстетическая гипертрофія за счетъ атрофіи этическихъ эмоцій.

И всѣ философы, играющіе роль подкапывателей и разрушителей прежнихъ вѣрованій, убѣжденій и понятій, всѣ они страдаютъ гипертрофіей однихъ специфическихъ психическихъ переживаній, всѣ они индивидуалисты, поклонники природы и эстетики. Въ ихъ концепціи понятій свободная личность выше несвободнаго, скованнаго условностями и предрасудками, всегда консервативнаго общества. Эта привилегія личности безсознательно отра-

жають въ себѣ состояніе психики общественной среды данного времени, которая еще спитъ, но уже шевелится, и только только отдѣльныя выдающіяся личности встаютъ надъ общими уровнемъ массовой психики, какъ бы приподнятыя этой пошевеливающейся въ просонькахъ огромной толпой... „Человѣкъ есть животное!“ — провозгласилъ еще въ древности одинъ изъ такихъ мыслителей — грекъ Протагоръ.

И создаются ученія, создается философія для этихъ избранныхъ, богато одаренныхъ, счастливыхъ, исключительныхъ личностей, ибо масса еще спитъ, еще темна, и психика ея еще не приспособлена къ воспріятію новыхъ идей, чаяній и утешей.

И Фр. Ницше, этотъ суровый, капризный философъ, проповѣдникъ страдалъ гипертрофіей эстетическихъ переживаній, эстетическихъ эмоцій. Это основное психическое свойство Фр. Ницше наложило неизбѣжнымъ образомъ свой глубокій отпечатокъ на всю его мысль, на всю его философію, причудливо вырѣзало и содержаніе и форму въ ту заманчивую тогу эстетически-аристократическаго величія и пышной, сочной поэзіи, которою такъ заслуженно можетъ гордиться философія этого больного, но великаго „отшельника“. Вотъ то основное свойство его философіи, которое намъ нужно было установить для дальнѣйшаго. Итакъ, — суровое, всеоблачающее отрицаніе и восторженное восхваленіе и воспѣваніе „прекраснаго“, — вотъ два волшебныхъ, могучихъ мотива всей философіи Фр. Ницше.

Теперь стануть понятны всѣ особенности характера его проповѣдническаго ученія, каковы: острая, рѣзкая, избранная, такъ сказать, аристократическая индивидуальность съ высоко-развитымъ эстетическимъ вкусомъ и требованіемъ, съ атрофіей этическихъ—правственныхъ и правовыхъ—убѣжденій, съ глубокимъ презрѣніемъ ко всему вульгарному, массовому, демократическому, но зато съ восхищеніемъ передъ всѣмъ красивымъ, пышнымъ, властнымъ и оригинальнымъ; каково отрицаніе всѣхъ прежнихъ цѣнностей и новая самоувѣренная „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“. Также ясно-понятно станеть его стремленіе къ создаванію красивыхъ, сладостныхъ иллюзій посредствомъ единственнаго источника, оправдывателя и вдохновителя жизни—искусства съ его подражаніемъ на Аполлоновское и Діонисіевское. Этимъ же объясняется и его ненасытная, стихійная „воля къ власти“, могуществу, которая играетъ такую исключительную роль въ его поэтической силной философіи...

А отрицаніе всего существующаго, всего уклада соціальнаго бытія, — развѣ это не говоритъ за то, что Ницше былъ филосо-

фомъ-отрицателемъ по преимуществу въ указанномъ выше смыслѣ, отдающимъ дань своему времени и исполняющимъ добровольно свою смѣлую, трудную миссію колебателя и развѣнчателя всѣхъ „священныхъ основъ“ современнаго культурнаго общества!

Евг. Ник. Трубецкой такъ говоритъ о философіи Фр. Ницше. „Философія Ницше—есть попытка разсчитаться со всѣмъ прошлымъ и настоящимъ человѣчества“. Съ этимъ опредѣленіемъ можно согласиться въ томъ смыслѣ, что философія Ницше есть рѣзкая, бичующая, „разрушительная критика, которая не хочетъ оставить камня на камнѣ въ зданіи современной культуры“. Самъ Ницше понимаетъ такъ же свое ученіе, говоря: „моя философія заключаетъ въ себѣ побѣдоносную мысль, которая должна погубить всякій другой образъ мыслей“¹⁾. Въ этихъ словахъ прямо и самоувѣренно слышится полное, рѣшительное отрицаніе всего прежде бывшаго святымъ и истиннымъ.

Пророкъ Заратустра также учитъ о забвеніи и отрицаніи всего прошлаго. Онъ въ яркихъ, живописныхъ образахъ безжалостно, властно отрицаетъ и уничтожаетъ все, чѣмъ жило и живетъ современное общество. Проповѣдуя о своемъ говомъ „сверхчеловѣкѣ“, онъ останавливается на человѣкѣ и произноситъ надъ нимъ свой суровый, беспощадный, насмѣшливый судъ, въ корнѣ сокрушающій и уничтожающій все святое для человѣка.

„Что есть самое высокое, что вы можете пережить?“—спрашиваетъ судья-Заратустра и сейчасъ же всеокрушающе отвѣчаетъ: „Это часъ великаго презрѣнія. Часъ, когда ваше счастье превращается для васъ въ омерзѣніе, такъ же, какъ и вашъ разумъ, и ваша добродѣтель.“

Часъ, когда вы скажете: „Что въ моемъ счастіи! Нищета и грязь, и жалкое довольство. Но мое счастье должно бы оправдать самое существованіе свое!“

Часъ, когда вы скажете: „Что въ моемъ разумѣ! Стремится ли онъ къ знанію, какъ левъ къ своей пищѣ? Онъ есть нищета, и грязь и жалкое довольство!“

Часъ, когда вы скажете: „Что въ моей добродѣтели! Она еще не дѣлала меня неистовымъ. Какъ я усталъ отъ своего добра и отъ своего зла! Все есть нищета, и грязь, и жалкое довольство!“

Часъ, когда вы скажете: „Что въ моей справедливости! Я не вижу, чтобы я былъ пламенемъ и углемъ. Но праведный есть пламя и уголь!“

¹⁾ „Воля къ власти“, § 375.

Часть, когда вы скажете: „Что въ моемъ состраданіи! Не есть ли состраданіе—крестъ, къ которому пригвождается тотъ, кто любить людей? Но мое состраданіе—не распятіе!“

Говорили-ли вы уже такъ? Взывали-ли вы уже такъ? Ахъ, если бы услышать васъ, когда вы вzywали такъ!

Гдѣ, однако, та молнія, которая лизнетъ васъ своимъ языкомъ? Гдѣ то безуміе, которое нужно было бы привить вамъ?

Смотрите: я учу васъ познавать сверхчеловѣка: онъ есть эта молнія, онъ—это безуміе!“—Такъ говорилъ Заратустра.

Развѣ это не полная нигилистическая картина разрушенія всей многовѣковой культуры и всѣхъ пріобрѣтеній и богатствъ эволюціи человѣчества? Здѣсь вырвалась вся ядовитая, убійственная сила и мощь критики суроваго обличителя и безпощаднаго нигилиста!

Это отрицаніе происходитъ по психологическому закону контрастовъ. Въ немъ всегда замѣтна и слышна пылкость и ненависть ко всему существующему, и ученія, неизбѣжно и естественно, создаются діаметрально-противоположныя тѣмъ, которыя существовали и господствовали въ это „старое, доброе время“. Эти ученія, какъ и—сами творцы ихъ—философы „съ другими, совершенно обратными вкусами и наклонностями, чѣмъ теперешніе“¹⁾, какъ констатируетъ и соглашается самъ Фр. Ницше. Ибо идти наперекоръ всему вѣку, „хвалить только то, чего не хвалятъ другіе—это составляетъ отличительную черту утонченнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, аристократическаго самообладанія“²⁾. „Бываютъ дни—говоритъ Фр. Ницше—когда меня посѣщаетъ чувство мрачнѣ самой мрачной меланхоліи—презрѣніе къ человѣку. И чтобы разсвѣять всякія сомнѣнія въ томъ, кого и что я презираю, скажу прямо: „я презираю нынѣшняго человѣка, съ которымъ я роковымъ образомъ связанъ, какъ современникъ. Нынѣшній человѣкъ! Я задыхаюсь отъ его нечистаго дыханія!“³⁾. Какое яркое проявленіе закона контрастовъ! Все существующее съ ненавистью уничтожается и замѣняется противоположнымъ. „Нечистое дыханіе“ современнаго человѣка душитъ философа-эстетта.

Прочь отъ человѣка, этого творца современной „ложной“ жизни. Впередъ, въ поискахъ сверхчеловѣка. „Нашъ путь идетъ вверхъ отъ рода къ высшему роду“.—Такъ говорилъ Заратустра.

1) „По ту стор. добра и зла“, § 2.

2) Тамъ же § 283.

3) „Антихристъ“, § 38.

Что учение Фр. Ницше противоположно всемъ современнымъ учениямъ, онъ самъ говоритъ объ этомъ, требуя *новыхъ* читателей. „Я слишкомъ хорошо знаю условия, которыя надо осуществить, чтобы *понять* меня... Опытъ семи уединеній. *Новыя* уши для *новой* музыки. *Новые* глаза для самыхъ отдаленныхъ предметовъ. *Новое* сознание для истинъ, оставшихся до сихъ поръ безмолвными.... Вотъ *мои* читатели, мои *настоящие* читатели, читатели, предназначенные для меня: какое мнѣ дѣло до остальныхъ? *Остальные* — не болѣе, чѣмъ *человѣчество*. Надо стать выше *человѣчества* по силѣ, по высотѣ души, по презрѣнiю“¹⁾.

Что Фр. Ницше самъ понималъ свою задачу, какъ отрицателя и разрушителя существующихъ основъ *человѣчества*, а не какъ соиздателя новыхъ укладовъ, новыхъ положительныхъ идеаловъ въ смыслѣ устройства будущей *соціальной* жизни на этихъ новыхъ созданныхъ основахъ, видно изъ его собственныхъ словъ. Говоря о предрасудкахъ и гипотезахъ, на которыхъ зиждется и покоится современный общественный строй, Ницше восклицаетъ въ своемъ дневникѣ, гдѣ онъ искренно, интимно размышляетъ наединѣ съ самимъ собою: „я пробовалъ отрицать все это: о, разрушить легко, но вѣдь потомъ надо построить! И даже разрушить легче на словахъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ“²⁾. Наглядно видно, какъ здѣсь вырвалось наружу искреннее признаніе, полное правды, отчаянія и сомнѣнія...

И характерно то, что въ своей отрицательной части учение Фр. Ницше ясно, послѣдовательно, логично и несокруσιμο, но что касается положительной стороны его учения, которую многие изъ его критиковъ считаютъ равною съ отрицательною, то слѣдуетъ справедливо отмѣтить крайнюю туманность, непослѣдовательность и утопичность ея; она полна противорѣчій во всѣхъ своимъ отдѣльныхъ частяхъ, начиная съ гносеологiи, съ теоретически-познавательныхъ элементовъ и кончая простыми рецептами въ области фантазiи новаго строительства *человѣческаго* общежитiя.

Если глубже и внимательнѣе заглянуть въ философію Фр. Ницше и помнить, что отдѣльные фразы и рецепты положительнаго свойства еще не дѣлаютъ всю систему положительной, а встрѣчаются, обыкновенно, разсѣянно и, какъ-бы, случайно при полной опредѣленной системѣ глубокаго послѣдовательнаго отри-

¹⁾ Предисловіе къ «Антихристу».

²⁾ Ферстеръ-Ницше, Дневникъ, I, стр. 314.

панія, то станетъ ясно, что положительное, созидательное ученіе у Фр. Ницше только кажущееся.

Единственная, казалось-бы, положительная часть его ученія— о „сверхчеловѣкѣ“, на самомъ дѣлѣ, далеко не выдерживаетъ критики, какъ научно-положительный идеалъ для будущаго.

„Сверхчеловѣкѣ“ Ницше родился только потому, что онъ отрицалъ человѣка. Этотъ, кажущійся новымъ, оригинальнымъ, феноменъ фигурировалъ уже еще въ древности у аналогичныхъ философовъ - нигилистовъ, только подъ другимъ названіемъ, какъ высшій, сильный человѣкъ. Зовя прочь отъ человѣка, Ницше звалъ „за-человѣка“, къ „сверхъ-человѣку“. Но кто же такой этотъ сверхъ-человѣкъ? Ницше и самъ не знаетъ: кто онъ. Какъ показываетъ и самое названіе, имя этого идеала Фр. Ницше, оно взято потому, что тутъ ничего не пришлось созидать: человѣкъ—сверхчеловѣкъ. Надо встать выше человѣка, надъ, сверхъ человѣка, и кто встанетъ, тотъ и есть „сверхчеловѣкъ“,—вотъ общій смыслъ этого мнимаго созиданія. Во всей философіи Фр. Ницше „сверхчеловѣкъ“ является туманнымъ, невѣдомымъ искомъ, пятномъ, о немъ только „говоритъ“ Заратустра...

Этотъ „сверхчеловѣкъ“ является то въ образѣ дикаго хищника-варвара, то эксплуататора-господина, то аристократа-эстета съ утонченными вкусами, котораго тревожить присутствіе „грязной черни“. То онъ забавляется, наслаждается, захлебывается кровью побѣжденныхъ, какъ хищный, кровожадный звѣрь, то онъ высшій интеллигентъ съ высоко развитой психикой, создающій какую-то невѣдомую, фантастическую „высшую“ культуру... Ницше любилъ, между прочимъ, выражаться такъ: „мы говоримъ обо всемъ отборномъ въ полномъ смыслѣ слова въ произведеніяхъ ума и людяхъ“¹⁾. Вотъ такія разительныя противорѣчія лежатъ въ этомъ мнимомъ положительномъ идеалѣ.

Существуетъ знаменитая фраза Михаила Бакунина: „сила разрушенія — есть сила созидаящая“, но понимать ее слѣдуетъ только въ условномъ, а не въ буквальномъ смыслѣ. Вѣдь разрушая что-нибудь, только и создается самое разрушеніе. И eo ipso открывается только возможность для новаго созиданія на мѣсто разрушенія прежняго. Но *возможность* для созиданія *не есть*, конечно, *самое созиданіе*. Ницше великолѣпно и самъ понимаетъ это, и его „сверхчеловѣкъ“ предназначенъ не для того, чтобы онъ мирно, спокойно предался иллюзорному счастливому бытію на лонѣ „живой“, мертвящей соціальной жизни, а лишь для того, чтобы разрушить до конца все пережитое, старое „раб-

¹⁾ „По ту стор. добра и зла“, § 224.

ское“ и вступить въ широкій просторъ свободной жизни съ однимъ стремленіемъ—разрушать, ища истину.

„Я мечтаю,—говоритъ Фр. Ницше—объ обществѣ цѣльныхъ и независимыхъ людей, не признающихъ пошлости и называющихъ себя „разрушителями“ они все подвергаютъ своей критикѣ и посвящаютъ себя истинѣ цѣликомъ. Необходимо все дурное и фальшивое выставить на показъ! *Мы не желаемъ создавать раньше времени: мы не знаемъ даже, будемъ ли когда-нибудь создавать и не лучше ли всего, именно, отказаться отъ созиданія*“. Какъ краснорѣчиво и ясно Ницше понимаетъ, что время для созданія еще не пришло, и что роль его отнюдь не созидательная. Лучшаго опроверженія всѣмъ его критикамъ, фантазирующимъ о положительномъ, созидательномъ творествѣ Фр. Ницше, трудно и найти.

Что Фр. Ницше явился въ дѣловой „сократовскій“ вѣкъ „не ко времени“—термины, установленные имъ самимъ—говоритъ въ пользу того, что выставленная выше гипотеза о назначеніи тѣхъ мыслителей, къ категоріи которыхъ принадлежитъ и „современный Калликлъ“, вполне возможна и справедлива.

Онъ такъ же, какъ и всѣ его предшественники, посвящаетъ свое ученіе только лучшимъ, избраннымъ.

„Для отшельниковъ буду пѣть я пѣсню свою!“—Такъ говорилъ Заратустра.

И, дѣйствительно, все ученіе Фр. Ницше создано, именно, для небольшой группы избранниковъ, этихъ исключительныхъ, „благородныхъ“ натуръ, которымъ онъ и посвящаетъ свое вдохновенное ученіе. Они уже проснулись—эти свободные, богато-одаренные „человѣки“,—они встали раньше надъ этой „рабской“, презираемой ими, толпой, погруженной въ свои мелкія, грубыя житейскія. повседневныя затѣи и заботы и еще мирно, непробудно-лѣниво спящей. Но уже надвигается могучая волна, огненная лавина бичующей, разрушительной критики, которая своимъ всеистребляющимъ напоромъ подготавливаетъ ту ужасную неотвратимую, грозную катастрофу, въ которой погибнетъ эта малодушная „рабская“ масса, и на ея разрушенномъ пепелищѣ гордо встанетъ свободный, могучій и властный „сверхчеловѣкъ“. Но Ницше зналъ, что такихъ исключительныхъ избранныхъ натуръ или слишкомъ, слишкомъ мало, или ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 1878 г. онъ самъ признается что существа исключительно одаренныя, которыхъ онъ предста-

влялъ въ видѣ геніевъ, могли существовать только въ его воображеніи ¹⁾.

Это собственное искреннее признаніе самого философа, какъ нельзя лучше, ясно говоритъ намъ о богатой, неудержимой стихійной фантазіи его эстетическо-гипертрофированной, экспансивной психики.

По существу разбираемаго нами вопроса нѣтъ возможности останавливаться на разсмотрѣніи всей философіи Фр. Ницше, поэтому можно прямо перейти къ его социально-политическому ученію, которое непосредственно соприкасается и съ рабочимъ вопросомъ.

Выяснивъ въ предыдущемъ изложеніи основной характеръ паталогической философіи Фр. Ницше, какъ безпрекословное, суровое отрицаніе современности, развившееся на почвѣ эстетической гипертрофіи въ его психикѣ, слѣдуетъ для правильного толкованія и социально-политическихъ воззрѣній этого философа исходить изъ того же общаго, основного, доминирующаго принципа, ибо въ немъ находится ключъ къ разгадкѣ и должному пониманію всей философіи Фр. Ницше, какъ въ цѣломъ, такъ и въ ея частностяхъ.

Элементы красоты, эстетическаго аристократизма, гордой, величавой власти и силы, „жизненности“ природы—вотъ основные мотивы его социально-политическихъ воззрѣній.

Все старое, существующее, какъ основанное на будто бы уже разрушенныхъ имъ—Ницше—понятіяхъ морали, права, религіи и пр., все это замѣняется новымъ смысломъ, новыми цѣнностями, основанными, въ свою очередь, исключительно лишь на отрицаніи всего стараго; все наполняется содержаніемъ индивидуальной эстетики. Отсюда восхищеніе передъ всѣмъ сильнымъ, красивымъ, властнымъ, индивидуальнымъ и презрѣніе ко всему слабому, неэстетичному, подвластному и стадному.

II.

Въ своихъ воззрѣніяхъ на общество и государство Ницше послѣдовательно исходитъ изъ принципа ученія о „сверхчеловѣкѣ“ и „воли къ власти“, которая играетъ столь исключительную роль въ философіи этого героически-самоувѣреннаго проповѣдника.

Всякое общество, а тѣмъ болѣе государство можетъ пра-

---

¹⁾ Ферст.-Ницше: „Дневникъ“.

вильно существовать и функционировать только на крѣпкихъ, прочныхъ основахъ права, морали, религіи и др. институтовъ общественной жизни. Такъ что, съ представленіемъ о жизни каждаго общества eo ipso неразрывно связывается представленіе о той или иной господствующей постановкѣ вопросовъ и основъ права, морали, религіи et cetera.

У Фр. Ницше замѣтна такая же ассоціація идей. Извѣстному, опредѣленному строю общества и государства онъ противопоставляетъ, ассоціативно связываетъ опредѣленную мораль, право и пр. Поэтому Ницше большое вниманіе удѣляетъ критикѣ морали, и „судъ надъ человѣкомъ составляетъ основную задачу его мысли“,—какъ говорилъ Евг. Ник. Трубецкой,

Какова же критика современной морали у Фр. Ницше и чѣмъ она обусловлена? Стоя на изложенной выше точкѣ зрѣнія пониманія философіи Ницше, слѣдуетъ сказать, что и мораль онъ критикуетъ, вооружившись эстетикой и своимъ излюбленнымъ аристократическимъ ученіемъ о „волѣ къ власти“.

„Въ скитаніяхъ моихъ по безчисленнымъ системамъ морали, системамъ утонченнымъ и грубымъ, царившимъ нѣкогда на землѣ и нынѣ еще на ней господствующимъ, я видѣлъ въ нихъ извѣстные признаки, которые всѣ показались мнѣ связанными глубокою связью и выступали всегда одновременно. И вотъ, наконецъ, открылись мнѣ два основныхъ типа морали, два типа великаго различія... Есть „мораль рабовъ“ и „мораль господъ“... Оцѣнка моральныхъ цѣнностей создана была или въ сердцѣ расы влстителей, сознательно гордыхъ своимъ отдаленіемъ отъ расы побѣжденныхъ, или же среди толпы холоповъ, рабовъ и всякаго рода черни“¹⁾... Таковъ практическій выводъ Фр. Ницше изъ изученія имъ проблемы о нравственности. Здѣсь опять—противопоставленіе тѣхъ же идей Фр. Ницше, какъ и во всей его философіи.

Отрицая современную жизнь и зовя прочь отъ этой „лжи“ къ своему „сверхчеловѣку“, онъ и въ этомъ вопросѣ съ презрѣніемъ отвернулся отъ „морали рабовъ“, морали признанія равноцѣнности человѣческой личности, морали любви къ ближнему, морали милосердія, братства, состраданія... онъ грубо осмѣялъ и оттолкнулъ эту грязную, лживую мораль черни, мораль рабовъ, „animis servilis“. Но зато съ какимъ восхваленіемъ Ницше принимаетъ сторону „господъ“, аристократовъ, сильныхъ, „властителей“ и беретъ подъ свою самоувѣренную, краснорѣчивую

1) „По ту стор. добра и зла“ гл. IX. „Что такое знатность“, § 260.

защиту „мораль господъ“, этихъ желанныхъ „сверхчеловѣковъ“. Воспѣваніе и восхваленіе аристократической, „благородной“ морали естественно вытекаетъ изъ сущности всего ученія Фр. Ницше, какъ философа-эстета. Ибо эта мораль „благородныхъ расъ“, какъ часто выражается Ницше, вся проникнута эстетизмомъ.

Что красиво, то и нравственно, — таково общее положеніе защищаемой Ницше „морали господъ“. Сила, власть, чувствованіе избылія, избытка мощности, энергія, гордость, эгоизмъ, увѣренность и т. п. — вотъ что является въ ученіи Фр. Ницше о морали синонимами красиваго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственнаго.

Въ этомъ же смыслѣ учить, Ницше и о происхожденіи морали. По его ученію вся исторія государствъ и жизни отдѣльныхъ племенъ сводится къ побѣдѣ какой-нибудь властной, сильной группы людей надъ болѣе слабыми группами, и тогда-то утверждается неизбѣмая основа подчиненія — мораль. Мораль побѣдителей и побѣжденных должны быть неизбѣжно діаметрально-противоположны. То, что для побѣжденных дурно, зло и тяжело, — для побѣдителей хорошо, благородно и приятно...

„Есть расы — говоритъ Ницше, — по природѣ предназначенныя къ господству: въ основѣ этихъ расъ всегда лежитъ хищникъ, „бѣлокурая бестія“, которая стремится къ побѣдѣ и добычѣ“¹⁾. Другія человѣческія породы по природѣ своей должны неизбѣжно стать жертвою и добычею. Мораль естественно, фیزیологически сильныхъ расъ и должна поэтому существенно отличаться отъ морали расъ слабыхъ, вырождающихся. Отсюда и получается „мораль господъ“ и „мораль рабовъ“.

Аристократъ-завоеватель, „господинъ“ любитъся, восхищается своей силой и властью, онъ признаетъ истиннымъ только то, что истинно для него, что творитъ онъ, что ему приятно, полезно, что ласкаетъ его чистый, „господскій“ эстетическій вкусъ. Отсюда понятна та симпатія Ницше, которую проявляетъ онъ по отношенію къ „морали господъ“. Въ ней въ широкой степени развита „эстетическій вкусъ мужества“²⁾.

У нихъ, у этихъ „господъ“ и своя особая религія, свое божество, въ которомъ воплощена вся „воля къ власти“, къ могуществу, — божество, способное сокрушить въ любой моментъ неистовую, неблагодарную, грязную чернь. „Культь этого божества является для „господъ“ выраженіемъ радости ихъ существованія и того блаженства, которое они испытываютъ отъ одного ощуще-

¹⁾ „По ту стор. добра и зла“, гл. IX. „Что такое знатность“.

²⁾ „По ту сторону добра и зла“, § 5.

нія себя прекрасными и могучими“¹⁾. Не такова совсѣмъ „мораль рабовъ“. Рабы—эти жалкіе пасынки жизни, въ то время, какъ ихъ владыки, „господа“ счастливые, избалованные любимцы-дѣти,—что могутъ видѣть они въ своихъ „господахъ“, и можетъ-ли та же мораль быть моралью и ихъ, рабовъ? Отнюдь нѣтъ!—воскликаетъ Фр. Ницше. „Отвага благородныхъ расъ, отвага безумная, бессмысленная, внезапная въ проявленіяхъ, эта неожиданность, невѣроятность ихъ хищническихъ предпріятій... ихъ безразличіе и презрѣніе къ опасности, къ жизни, къ сытости, ихъ ужасающая ясность духа, неистовая радость въ разрушеніи, побѣдѣ и жестокости—всѣ эти черты соединились для жертвъ ихъ предпримчивости въ одномъ образѣ: „варвара“, „лютаго врага“²⁾.

Но разъ это такъ, то „мораль господъ“, конечно, противоположна „морали рабовъ“. Они, эти угнетенные, презираемые, подвластные рабы томятся подъ тяжкимъ, непосильнымъ ярмомъ жизни, они не любятъ, не восхищаются своей жизнью, ибо имъ нечѣмъ восхищаться, они не знаютъ блаженства, не знаютъ того избытка мощи и богатства, не знаютъ счастья... Они смиренны, покорно ждутъ доброй руки помощи; они ищутъ состраданія, они терпѣливы, полны туманныхъ надеждъ на будущее, иначе ихъ жизнь была бы прямо нестерпима...

Отсюда Ницше выводитъ, что христіанство,—рабская мораль, не имѣющая ничего общаго съ сильными духомъ и тѣломъ „господами“, аристократами. „Война и мужество создали больше великихъ вещей, чѣмъ любовь къ ближнему!“.—Такъ говорилъ гордый проповѣдникъ Заратустра.

Христіанство съ его туманными, успокоительными надеждами на небо, съ его всеобъемлющимъ прощеніемъ, смиреніемъ и состраданіемъ, съ его любовью къ ближнему, полною самоотверженія и униженія,—оно должно быть отвергнуто сильными аристократами духа и тѣла, какъ „рабская“ лживая моральная проповѣдь.

И Богъ христіанъ—есть богъ „рабовъ“, ищущихъ защиты и помощи у далекаго, невѣдомаго неба...

Съ правомъ Ницше поступаетъ еще проще. Для сильной личности, для властнаго индивидуума-аристократа, столь поэтично воспѣваемаго Ницше, права не существуетъ. Право—шаблонъ; правовая психика—психика массовая, эпидемическая, а для гор

¹⁾ Лихтенберже: Филос. Ницше, стр. 107.

²⁾ Тамъ же, стр. 108.

даго аристократа тѣла и духа все массовое, стадное презрѣнно, для него чужды оковы шаблоновъ и законовъ. Единственное право, которое признаетъ эта „благородная раса“, это право силы и право презрѣнія къ слабому, низшему, „рабу“.

Это презрѣніе къ низшимъ, къ черни съ изумительной ясностью и силой, съ нескрываемымъ эстетическимъ отвращеніемъ изображено Фр. Ницше словами его великаго поэта-пророка Заратустры.

„Жизнь есть источникъ радости, но тамъ, гдѣ пьетъ изъ него чернь,—всѣ ключи отравлены.

Я люблю все чистое; но мнѣ противны кривляющіяся пасти и жажда нечистыхъ.

Они бросали взглядъ въ глубину колодца; теперь ихъ гнусная улыбка отражается на днѣ и глядитъ на меня.

Пламя негодуетъ, когда они бросаютъ свои мокрыя сердца въ огонь; самъ спиртъ клокочетъ и дымитъ, когда чернь приближается къ огню.

Плоды дѣлаются перезрѣлыми и приторными въ ихъ рукахъ, взглядъ ихъ вывѣтриваетъ и сушитъ плодоносное дерево.

И многіе, отправившіеся въ пустыню, чтобы тамъ страдать отъ жажды вмѣстѣ съ дикими звѣрями, желали только не сидѣть у водоема съ грязными вожатыми верблюдовъ“.

Религія, въ ея мистическомъ, чисто-религіозномъ смыслѣ, та религія, которою живетъ общество, для пѣвца „сверхчеловѣка“ также не существуетъ.

Да и какъ она могла бы существовать, когда онъ все долженъ отрицать. Фр. Ницше такъ и сдѣлалъ. Онъ отрицалъ и Бога.

Ари Лихтенберже такъ говоритъ о томъ, когда Ницше отрекся отъ Бога: „Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ говоритъ о „смерти Бога“, какъ о самомъ важномъ событіи всей исторіи человѣчества, какъ о страшномъ потрясеніи человѣческаго существованія, потрясеніи, результаты котораго лишь теперь начинаютъ ощущаться и для окончанія котораго потребуются вѣка“¹⁾.

Самъ Фр. Ницше поразительно схватилъ эту мысль и излилъ ее, воплотивъ въ крикъ сумасшедшаго, бѣгущаго съ фонаремъ, среди бѣла дня, искать умерщвленнаго Бога. „Гдѣ Богъ?..—кричалъ безумный,—я вамъ скажу: гдѣ Онъ! Мы Его убили—вы и я! Мы всѣ Его убійцы! Но какъ мы сдѣлали это?.. Величіе этого

¹⁾ Лихтенберже, стр. 21. „Философія Ницше“

событія не слишкомъ-ли громадно для насъ? Не должны ли мы будемъ сами обратиться въ боговъ, хотя бы для того, чтобы доказать свое право на совершение этого дѣла. Большаго подвига никогда еще не было, а поэтому всѣ, родившіеся послѣ насъ, создадутъ исторію болѣе славную, чѣмъ исторія прошлаго!“ Но когда онъ замолкъ и увидѣлъ изумленную, не понимающую его толпу, онъ съ размаху бросилъ свой фонарь на землю и разбилъ его. „Я явился слишкомъ рано, мое время еще не настало!..“ — съ отчаяніемъ прокричалъ безумный. „Это великое событіе еще впереди, оно въ пути, оно еще не достигло до человѣческаго слуха. Грому и молніи, сіянію звѣздъ и даже дѣяніямъ человѣческимъ, уже послѣ того, какъ они совершены, нужно время, чтобы быть замѣченными и услышанными. Это дѣяніе дальше отъ васъ, чѣмъ самое отдаленное созвѣздіе, а между тѣмъ вы сами его совершили“!..

Въ этомъ страстномъ монологѣ безумнаго опять ярко изображается индивидуальная проповѣдь Ницше для избранныхъ, такъ сказать, „раннихъ“ натуръ, и самый образъ сумасшедшаго имѣетъ глубоко символическій смыслъ, какъ непонятнаго, безумнаго пророка для толпы, для которой время понять этого безумца еще не настало.

Прошлое человѣчества, человѣческая эволюція дошла до того, что передовые его элементы уже „убили Бога“, но это „великое страшное событіе“ для толпы еще чуждо, толпа бродитъ въ потемкахъ, и лишь немногіе могутъ понять эту „безумную“ проповѣдь отрицанія Бога; не всѣ могутъ стать сами „богами“. Но гдѣ же выходъ? И Ницше, конечно, находитъ его въ „сверхчеловѣкѣ“. „Всѣ Боги умерли... теперь мы хотимъ, чтобы жилъ сверхчеловѣкъ“. Такъ говорилъ Заратустра.

Отрицающаго Бога, Ницше отрицалъ и цѣль и смыслъ жизни ибо мучительно спрашивалъ: „въ чемъ смыслъ жизни для человѣка, для меня самого, разъ доказано, что Бога не существуетъ?“ Отрицающаго все, что могло-бы такъ или иначе сковать его умъ, волю и чувство, Фр. Ницше отрицалъ даже цѣль и смыслъ бытія человѣчества и подавно отрицалъ всю многими вѣками накопленную предшествующую культуру.

Проф. Анри Лихтенберже такъ характеризуетъ его дѣятельность, послѣ отрицанія имъ Бога: „Руководимый такимъ всемогущимъ сознаниемъ интеллектуальной чистоты, онъ понемногу разрушилъ все зданіе стараго свѣта основанное на вѣрѣ въ Бога. Онъ пересталъ вѣрить въ добро и порядокъ природы, зависящіе отъ Провидѣнія, видѣть въ исторіи доказательство божественнаго

разума и признаковъ нравственной воли, направляющей судьбы человѣчества; онъ не могъ уже больше объяснять событія нашей жизни испытаніями, ниспосланными намъ Богомъ для того, чтобы направить насъ на путь спасенія. Онъ усомнился въ тѣхъ вѣрованіяхъ, которыя въ теченіе вѣковъ утѣшали людей, во всѣхъ цѣнностяхъ, которыя были признаны людьми¹⁾,

И, опять-таки, характерно то, что обезличивъ, уничтоживъ смыслъ и цѣль существованія, бытія, этотъ болѣзненный эстетъ нашель оправданіе жизни въ эстетикѣ, въ искусствѣ.

„Существованіе міра можетъ быть оправдано только какъ эстетическій феноменъ“ говоритъ Фр. Ницше въ предисловіи 1886 г. къ его книгѣ „Происхожденіе трагедіи“. А въ словахъ обращенныхъ къ Рихарду Вагнеру, этому крупнѣйшему композитору міра, онъ прямо говоритъ: „я считаю искусство высшей задачей—этой жизни“. И въ томъ же предисловіи говоритъ еще: „искусство, а не мораль—должно быть основной метафизической дѣятельностью человѣка“.

„Искусство есть великій стимулъ жизни!“ восклицаетъ этотъ поборникъ „прекраснаго“.

И его свободный „сверхчеловѣкъ“, мощный, властный, „смѣющійся“, порвавшій со всѣми человѣческими сомнѣніями о бытіи и Богѣ, наслаждающійся жизнью и красотой, онъ — великій эстетъ! Заратустра даже порицаетъ Христа за то, что тотъ осмѣлился сказать: „горе смѣющимся!..“ Онъ видитъ въ этомъ признакъ неэстетическаго воспитанія, признакъ „раба“, отпрыскъ черни. Эстетическій вкусъ Заратустры оскорбленъ суровымъ этическимъ приговоромъ Христа.

Произнося столь суровый и жестокій судъ надъ всѣми „священными основами“ современнаго общества, высказавъ смѣлое, разрушительное отрицаніе по адресу всѣхъ цѣнностей, на которыхъ зиждется жизнь общества, Фр. Ницше также рѣзко и разрушительно отнесся и къ самому обществу и государству. И здѣсь рука безпощаднаго палача свершила свое страшное дѣло.

Государство, по воззрѣнію Ницше, это „смерть народовъ“, смерть человѣчества; его аристократическая природа не можетъ мириться съ этимъ „чудовищемъ“, все нивелирующимъ и лживымъ. Государство создано „для лишнихъ“, а его „сверхчеловѣкъ“—„не лишній“, а единственно годный типъ для „прогресса“. „Пожертвовать человѣчествомъ ради процвѣтанія осо-

¹⁾ Философія Ницше, стр. 23.

баго, болѣ сильнаго вида челоѣка—это былъ-бы прогрессъ“ заявляетъ громко Фр. Ницше.

„Государство? что это такое? Откройте ваши уши, я буду говорить вамъ о смерти народовъ.

Государство,—это самое холодное изъ холодныхъ чудовищъ. Оно и жетъ также хладнокровно, и вотъ ложь, которая ползетъ изъ его рта:—„я—государство, я—народъ!“

Это ложь! Оно жетъ на всѣхъ своихъ языкахъ добра и зла; оно жетъ обо всемъ, о чемъ говорить, и все, что у него есть—украдено имъ. Все въ немъ фальшиво: оно кусаетъ чужими украденными зубами! Даже внутренности его фальшивы!.. Слишкомъ много людей наводило мѣръ: государство изобрѣтено для тѣхъ, которые *излишни!*

Смотрите, какъ оно заманиваетъ ихъ, этихъ лишнихъ! Какъ оно обвиняется вокругъ нихъ, жуется и пережевываетъ ихъ!

„Нѣтъ ничего выше меня на землѣ: я—указующій „перстъ Божій“,—такъ воетъ чудовище. И не одни только тѣ, у кого длинныя уши и близорукие глаза, падаютъ на колѣни.

Посмотрите на этихъ лишнихъ! Они крадутъ творенія изобрѣтателей и сокровища мудрецовъ; они называютъ свое воровство цивилизаціей, и все, къ чему они прикасаются, становится болѣзнью и извращеніемъ.

Они всѣ хотятъ приблизиться къ трону: въ этомъ ихъ безуміе, какъ будто бы счастье находится на тронѣ! На тронѣ часто бываетъ грязь и часто тронъ помѣщается въ грязь.

Только тамъ, *гдѣ кончается государство*,—начинается страна челоѣка, который уже *не лишній*; тамъ начинается пѣніе нужныхъ—единственная и необходимая мелодія.

Смотрите, братья мои, туда, гдѣ кончается государство! Развѣ вы не видите радуги и моста къ сверхъ-челоѣку?.. Такъ говорилъ Заратустра“.

Это полнѣйшее презрѣніе и грубая насмѣшка надъ государствомъ, проникнутая отвращеніемъ къ маленькому, обыкновенному, „лишнему“ челоѣку, вытекаетъ, конечно, изъ основной идеи бичующаго философа,—идеи отрицанія всякихъ основъ и путей для свободной личности, для „сверхчелоѣка“, этого „единственного“, „нелишняго“ существа.

Государство, какъ грубое, произвольное учрежденіе съ настойчивыми, произвольно-навязчивыми для личности шаблонными нормами, особенно нетерпимо для свободнаго философа-эстетета.

Какая можетъ быть красота въ скучномъ, подчиненномъ однопобразіи всѣхъ даже противъ воли? Въ государствѣ все регла-

ментировано, все предусмотрено, все нивелировано: гдѣ же вернуться свободнымъ творческимъ силамъ? гдѣ проявить свою личную „волю къ могуществу“? гдѣ изобрѣтеніе и оригинальность красивыхъ формъ?..

Вотъ почему неприемлемо государство для этого капризного отшельника, для его тонкаго аристократическаго эстетизма.

Современное государство должно быть разрушено, потому что разрушены уже всѣ его основы: религія, право и мораль.

Вопреки гениальному древнему философу Аристотелю, по которому человекъ — животное общительное, „*zoon politicon*“, вопреки великой теоріи Дарвина „происхожденія видовъ“, Фр. Ницше изъ наблюденія и изученія природы пришелъ къ утвержденію, что человекъ по природѣ своей необщителенъ, а „одинокъ“, какимъ и является его сильный „сверхчеловекъ“. „Общество по существу противно природѣ!“ восклицаетъ Ницше и отсюда развиваетъ все дальнѣйшее свое ученіе о человеческомъ общежитіи.

Въ обществѣ онъ видитъ стадо, звѣринецъ, общество „приручаетъ“ людей, оно обезличиваетъ и нивелируетъ; оно неестественно. Ницше красиво сравниваетъ общество съ звѣринцемъ. „Знакомы ли вы съ тѣмъ, что происходитъ въ звѣринцахъ?.. Я очень сомнѣваюсь, чтобы животное совершенствовалось въ нихъ. Его ослабляютъ, дѣлаютъ менѣе опаснымъ, посредствомъ гнетущаго чувства страха, посредствомъ боли и ранъ; изъ него дѣлаютъ *большого* звѣря. То же самое происходитъ и съ приручаемымъ человекомъ“¹⁾. Ницше нужны другіе люди, другой типъ.

Увлекаясь древне-греческой классической эпохой, гдѣ былъ просторъ для героизма, которая привлекала своимъ созданиемъ высшихъ людей, Фр. Ницше, какъ крайній индивидуалистъ и эстетъ, опредѣлилъ и жизнь всего эллинскаго народа и исторію его искусствомъ съ его великимъ обожаніемъ Діонисіевскаго трагическаго культа. И по отношенію ко всему человечеству и даже каждому отдѣльному индивиду Фр. Ницше ставитъ ту же задачу, полную проявленій „прекраснаго“, эстетизма и ведущую къ „единственному“ — „сверхчеловекъ“.

Трагическій, героическій человекъ, шопенгауеровскій человекъ, — вотъ желанный типъ, который придаетъ не только высшую красоту и привлекательность, но даже смыслъ и самому существованію.

И вся задача общества, вся задача человечества заключается именно въ томъ, что „все человечество должно неустанно трудиться, чтобы дать міру гениальныхъ индивидуумовъ, это его задача, и другой оно не должно имѣть“. Такъ учитъ Фр. Ницше.

¹⁾ „Сумерки боговъ“: „Исправители человечества“, § 2.

Отсюда и его отношеніе къ современной эпохѣ съ ея социалистическими идеалами. „Соціализмъ не имѣетъ иного назначенія, какъ льстить высшимъ стремленіямъ стаднаго животнаго“ говорятъ Фр. Ницше и отсюда же его ненависть и насмѣшка надъ этимъ ученіемъ. Ненависть,—потому, что онъ видитъ въ идеалѣ, проповѣдуемомъ социалистами: „упадокъ и ослѣпленіе человѣка“, а насмѣшка,—потому, что „глупыя и поверхностныя головы социалистовъ“ думаютъ, что можно и дѣйствительно идти на-перекоръ природѣ, вытравливая своимъ социалистическимъ „ядовитымъ ядомъ“ всѣ „жизненные“ инстинкты настоящаго, не „испорченнаго“ человѣка. Они стараются развить умъ человѣка, этотъ первый и главный признакъ „вырожденія“ „homo naturae“, но развѣ они не знаютъ, что „у кого есть сила, тотъ избавляется отъ ума“ ¹⁾? Такъ нападаетъ Ницше на апостоловъ противнаго ему ученія ²⁾.

Онъ зло насмѣхается надъ утопіями и химерами социалистовъ, мечтающихъ о равенствѣ, справедливости и всеобщей, мировой свободѣ... Онъ,—великій эстетъ, аристократъ, поющій о независимомъ, вольномъ „сверхчеловѣкѣ“,—ему ли стѣсняться социальнымъ неравенствомъ!

„Рабство—одно изъ необходимыхъ условій высшей культуры: и эта истина, конечно, не оставляетъ мѣста для какихъ-нибудь сомнѣній по вопросу объ абсолютной цѣнности нашего существованія. Это тотъ же коршунъ, который клюетъ печень нытѣшняго Прометея—борца за цивилизацію. Бѣдствія людей, влачащихъ тяжелое существованіе, должны быть еще увеличены, чтобы, благодаря имъ, позволить небольшому числу гениальныхъ олимпійцевъ создать великія произведенія искусства“. Развѣ это не апогей нигилизма и эстетическаго величія! Здѣсь полнѣйшее отрицаніе эволюціи человѣческой, прогресса культуры, стремящихся создать наиболѣе социально-желательныя условія для безпристрастнаго, равнаго существованія всѣхъ людей, не даруя безумныхъ привилегій однимъ и не угнетая другихъ: прогрессъ по Ницше долженъ менѣе всего служить „униженнымъ и оскорбленнымъ“, онъ всецѣло благотворное, пріятное орудіе „сверхчеловѣковъ“! „Пожертвовать человѣчествомъ ради процвѣтанія особаго, болѣе сильнаго вида человѣка—это былъ бы прогрессъ“—воскликаетъ въ энтузіазмѣ Фр. Ницше.

И всю картину жизни Фр. Ницше въ сильныхъ, яркихъ краскахъ метафорически живописуетъ, какъ „торжествующую

¹⁾ „Сумерки боговъ“: „Противъ Дарвина“, § 14.

²⁾ „По ту стор. добра и зла“, § 202, 203 и др.

культуру“. „Всякій послѣдующій моментъ пожираетъ предыдущій; всякое рожденіе есть смерть безчисленныхъ существъ. Развѣ, производить, жить и убивать—не одно и то же? Вотъ почему мы можемъ сравнить торжествующую культуру съ побѣдителемъ, который во время триумфальнаго шествія, весь въ крови своихъ жертвъ, тащитъ въ рабство за своей колесницей толпу прикованныхъ къ ней побѣжденныхъ“. „*Vae victis!*“—воскликаетъ эстетъ-римлянинъ.

Глубокое отвращеніе Фр. Ницше къ социализму и социалистамъ, этимъ „тарантуламъ“, какъ окрестилъ онъ ихъ, объясняется стремленіемъ этихъ послѣднихъ ко всеобщему счастью, ихъ вѣрою въ науку и свѣтлый, радостный прогрессъ для всего человечества въ смыслѣ установленія равенства, справедливости, свободы и счастья въ человѣческомъ обществѣ... Для Фр. Ницше эти наивныя положенія непріемлемы. „Счастливая жизнь невозможна,—повторяетъ Шопенгауеръ суровый философъ,—человѣкъ можетъ въ лучшемъ случаѣ осуществить героическое существованіе,—это его наивысшая, наилучшая потенциальная способность“.

„Современный европеецъ представляетъ себѣ въ своемъ наивномъ рационализмѣ, что наука ведетъ къ счастью; онъ смотритъ на всеобщее счастье, какъ на завершеніе цивилизаціи и пытается отрицать злополучіе народа, находящагося въ рабствѣ, которое является, условіемъ (*conditio sine qua non*) современнаго общественнаго строя... Но пока будетъ существовать общество, будутъ также существовать и сильные, привилегированные, основывающіе свое великолѣпное благополучіе на несчастіи большинства, ради нихъ угнетаемыхъ и эксплуатируемыхъ“. Таковъ рѣшительный отвѣтъ строгаго индивидуалиста.

„Я не хочу, чтобы меня смѣшивали съ этими проповѣдниками равенства. Ибо моя справедливость говоритъ мнѣ: люди не равны. И они не должны стать равными. Чѣмъ бы была моя любовь къ сверхчеловѣку, если бы я говорилъ иное? Пусть тысячами мостовъ и тропинокъ стремятся люди къ будущему; пусть растутъ между ними вражда и ненависть, такъ говоритъ мнѣ моя великая любовь!“

Вотъ смѣлый, послѣдовательный выводъ проповѣдника „сверхчеловѣка“¹⁾.

Изъ этой „вражды“ и „борьбы за власть“ выростетъ „сильный“ человѣкъ, способный понять жизнь, понять ея великую, старую истину; онъ не станетъ стѣсняться бѣдствіями и страданіями „слабыхъ“, ибо „видѣть страданіе—благо, заставлять страдать—еще большее благо,—вотъ истина, старая, могучая, основная,

¹⁾ „Такъ говор. Заратустра“, стр. 108. Werke, B. VI, 146—47.

какъ молнія, раздѣляя и разсѣвая все, то какъ можете вы творить человѣческая, слишкомъ человѣческая истина“. Это, можетъ быть, дѣйствительно „слишкомъ человѣческая“, „сверхчеловѣческая“ истина, но человѣческой, гуманной, истинно-культурной ее назвать нельзя!

Ницше, конечно, могъ бы и не беспокоиться, что его смѣшаютъ съ проповѣдниками социализма. Никто не сможетъ смѣшать ученіе, проповѣдующее злостную, непримиримую войну всѣхъ противъ всѣхъ, выставляющую девизомъ: homo homini lupus, съ проповѣдью универсальнаго мира, всеобщаго равенства и братства! Въ этой славной, безкорыстной проповѣди девизъ Ницше: homo homini hostis превращается въ девизъ: homo homini frater.

Но гдѣ же та почва, на которой возникло это ненавистное, стадное, вульгарное ученіе социализма? Почва эта—по Фр. Ницше—современная мораль альтруизма, а эта мораль,—„мораль рабовъ“, которую такъ жестоко бичуетъ Ницше. И потому отрицательная критика социализма для него также безусловна, какъ и отрицательная критика рабской морали альтруизма.

Мораль альтруизма прежде всего основана на морали состраданія, которое, опять-таки, такъ ненавистно Фр. Ницше. „Въ человѣкѣ есть тварь и творецъ, учить онъ, въ немъ есть матерія, нѣчто недодѣланное, излишество, грязь, бессмыслица, хаосъ, но въ человѣкѣ есть также творецъ, ваятель, твердость молота, божественность созерцанія и седьмой день отдохновения; понимаете-ли вы этотъ контрастъ? Понимаете-ли вы, что ваше *состраданіе относится къ твари въ человѣкѣ*, къ тому, что должно быть сломано, сковано, разорвано, сожжено, расплавлено и очищено,—къ тому, что неизбежно будетъ страдать и *должно страдать*“¹⁾. Состраданіе присуще только „слабымъ“, „сильные“ не вѣдаютъ жалости. Не альтруизмъ, не состраданіе, не всеобщая любовь должны стать правилами всеобщаго поведенія людей, а твердость, жестокость и сила. „Заставлять страдать—высшее благо“, гордо утверждаетъ пѣвецъ Заратустры.

Какимъ великолѣпнымъ монологомъ рисуетъ Заратустра эту желанную, излюбленную „мораль силы“.

„Почему вы такъ мягки, братья; почему вы такъ уклончивы и уступчивы? Почему такъ много отрицанія и самоотреченія въ вашемъ сердцѣ и такъ мало рокового въ вашемъ взорѣ? И если вы не хотите быть неумолимыми, какъ рокъ, то какъ можете вы побѣдить со мной? И если ваша твердость не хочетъ сверкать,

¹⁾ По ту сторону добра и зла § 225.

со мною? Ибо всё творящiе тверды! И почитайте для себя блаженствомъ на тысячелѣтiяхъ запечатлѣть вашу руку, какъ на воскѣ, печатать на волѣ тысячелѣтiй, какъ на бронзѣ, тверже бронзы. Совершенно твердо только благороднѣйшее! Эту новую скрижаль ставлю я, братья, передъ вами: „*будьте тверды!*“¹⁾ Эта суровая заповѣдь чужда современной эпохѣ. Властная сила и гордая мощь „морали господъ“ съ ея высокоумнѣющимъ аристократизмомъ, уступила мѣсто „морали рабовъ“ съ ея любовью къ ближнему и стремленiемъ ко всеобщему счастью.

Изъ всего вышеизложеннаго теперь понятно, какъ Ницше относился къ „рабочему вопросу“. „Соціальный вопросъ“ и „рабочiй вопросъ“ приводятъ Ницше въ дурное расположенiе духа“. Такъ говоритъ его французскiй противникъ Ал. Фуллье. Въ этихъ словахъ нельзя усмотрѣть пристрастiя французскаго критика, въ каковомъ, между прочимъ, бываетъ повиненъ этотъ моралистъ, видящiй въ Ницше прежде всего ненавистнаго вѣмца. Дѣйствительно, для эстета-аристократа, Ницше, заниматься какимъ-то социальнымъ „рабочимъ вопросомъ“—*fi done!*.. вѣдь, это даже неприлично. Таково именно отношенiе Фр. Ницше къ вопросу, который такъ страстно и бурно волнуетъ теперь все современное культурное общество.

„Рабочiй вопросъ“ въ широкой постановкѣ—это альфа и омега марксизма, это глубокий научный вопросъ, надъ которымъ ломаютъ головы многiе десятки ученыхъ и, всетаки, этотъ вопросъ для философа-эстета, философа-аристократа не существуетъ. „Только глупость, или, скорѣе, вырожденiе инстинкта (которое лежитъ въ основѣ всѣхъ глупостей) создаетъ рабочiй вопросъ. Есть вещи, изъ которыхъ не дѣлаютъ вопроса: это—первыи императивъ инстинкта!“—гордо и самоувѣренно-надменно заявляетъ современный Калликлъ²⁾. Его эстетическiй вкусъ выше подобныхъ вопросовъ, онъ не дозволяетъ входить въ переговоры съ „чернью“ и заботиться о ней.

Ницше зло остритъ надъ этой заботой современной общественной жизни и мысли. Что же будутъ дѣлать съ европейскимъ рабочимъ,—иронизируетъ Фр. Ницше—послѣ того, какъ изъ него сдѣлали „рабочiй вопросъ“?³⁾ Да и какъ могъ иначе отнестись онъ—этотъ неистовый отрицатель всей многовѣковой культуры чело-вѣчества, онъ—отрицающiй Бога, цѣль и смыслъ жизни и существованiя самого чело-вѣчества! Для него существуютъ только

¹⁾ «Т. гов. Зар.» стр. 312, 236—37. Werke, B. VI, 312.

²⁾ „Сумерки боговъ“: Рабочiй вопросъ, § 40.

³⁾ Ibid, § 40.

„господа“, сильные, жизнерадостные, властные, полные избытка силъ, могущества и богатства, и—„рабы“, эти слабыя, подневольныя, грязныя существа, все назначеніе которыхъ—страдать, терпѣть, работать, „быть угнетаемыми и эксплуатируемыми“, для того только, чтобы на ихъ спинахъ и по ихъ безконечнымъ многомилліоннымъ трупамъ могъ пройти и возвыситься его „единственный“, „смѣющийся сверхчеловѣкъ“. „Бѣдствія людей, съ трудомъ влачащихъ свое существованіе, должны быть еще болѣе усилены, чтобы дать возможность небольшому числу гениевъ олимпійцевъ создать великія произведенія искусства“. Вотъ великая задача, уготованная міру и всему человѣчеству современнымъ философомъ-эстетомъ.

Онъ жаждалъ увидѣть „породу“ людей,—рабочій классъ, соотвѣтствующій, приблизительно, типу китайскихъ рабочихъ (кули), которые безропотно и покорно переносятъ ужаснѣйшую, возмутительнѣйшую эксплуатацію американскихъ и японскихъ предпринимателей. „Это было бы разумно и отвѣчало бы необходимости!“—говоритъ Фр. Ницше ¹⁾).

Но, увы! Базельскому философу-эстету приходится отказаться отъ такой надежды на выработку желательной ему „породы“ рабочаго класса, что онъ и самъ отчетливо констатируетъ. Европейская цивилизація, всѣ современныя, модныя социалистическія идеи и ученія, такъ обильно и настойчиво распространяемыя среди общества,—все это сдѣлало невозможнымъ созданіе такого желаннаго и „необходимаго“ безропотнаго класса трудящихся рабовъ. „Съ непростительнымъ легкомысліемъ разрушили въ самыхъ зародышахъ инстинкты, которые дѣлали возможнымъ классъ тружениковъ и которые позволяли имъ самимъ признавать эту возможность!“—досадуетъ Фр. Ницше ²⁾). Для него непонятна такая заботливость и общества, и государства, и ученыхъ, съ которою всѣ они относятся къ „рабочему вопросу“. Для него,—общество должно быть основано на принципѣ господства сильныхъ и подчиненія слабыхъ и ни о какомъ смягченіи участи слабыхъ и заботѣ о нихъ не можетъ быть и рѣчи.

„Если желаютъ достигнуть какой-нибудь цѣли, то должны хотѣть и средствъ, ведущихъ къ ней; если желаютъ имѣть рабовъ, то безумно предлагать имъ то, что сдѣлаетъ изъ нихъ господь!“ ³⁾—непонимающе негодуетъ Фр. Ницше.

Что же, на самомъ дѣлѣ, такъ обезпокоило „одинокаго“ фи-

¹⁾ „Сумерки боговъ“, § 40.

²⁾ Ibid, § 40.

³⁾ Ibid, § 40.

лософа? Что помогает „рабамъ“ сдѣлаться „господами“? Ницше самъ же иронически отвѣчаетъ: „Рабочаго сдѣлали способнымъ къ военной службѣ, ему дали право коалицій, право политическаго голосованія“¹⁾.

Такъ, „раба“ приобщаютъ къ „господину“, ему даютъ равное мѣсто въ гражданскомъ оборотѣ. Ему облегчаютъ борьбу, eo ipso затрудняя ее для „господъ“.

Такую нелогичность находить Ницше въ современномъ обществѣ.

Любопытно, что тенденція философіи исторіи Фр. Ницше сводится къ борьбѣ двухъ классовъ—„господъ“ и „рабовъ“, выражаясь словами Маркса,—къ процессу классовой борьбы, къ каковому же заключенію пришелъ и великій поборникъ за рабочій классъ—К. Марксъ.

Евг. Ник. Трубецкой говоритъ: „Философія исторіи Ницше есть своего рода „историческій матеріализмъ“. Она сходится съ марксизмомъ въ отрицаніи абсолютныхъ нравственныхъ принциповъ, въ отрицаніи идей, какъ перво двигателей исторіи, въ объясненіи морали — классовыми противоположностями. Ницше могъ бы подписаться подъ положеніемъ Маркса и Энгельса, что человѣческіе идеалы—нравственныя, религіозныя, социальныя и политическія суть „отраженія классовой борьбы въ человѣческихъ головахъ“, „рефлексы социальныхъ отношеній“²⁾. Но важно строго-критически отнестись къ этой точкѣ соприсосношенія двухъ антиподовъ, какъ Фр. Ницше и Карлъ Марксъ. Фр. Ницше имѣетъ въ виду въ своей философіи исторіи процессъ классовой борьбы, основанной на „антропологической противоположности слабыхъ и сильныхъ расъ“, которымъ и соотвѣтствуетъ классъ „рабовъ“ и классъ „господъ“, а Карлъ Марксъ видитъ этотъ процессъ классовой борьбы не въ антропологическихъ, или этнографическихъ и фізіологическихъ противоположностяхъ, а въ экономическомъ неравенствѣ богатыхъ, т. е. владѣющихъ или обладающихъ средствами и орудіями производства и бѣдныхъ безъ всякихъ средствъ и орудій производства. Вотъ существенное, глубокое различіе, которое, не будучи замѣчено, вводило въ заблужденіе многихъ толкователей ученія Фр. Ницше, желавшихъ вывести изъ этого ученія нѣкоторые признаки социализма.

Вслѣдствіе этого существеннаго различія Ницше и Марксъ, конечно, и идутъ по разнымъ дорогамъ. Ницше видитъ въ христіанствѣ религію и „мораль рабовъ“, слабыхъ, выдумку демо-

¹⁾ Ibid. § 40.

²⁾ Трубецкой, кн. 68 стр. 273. „Вопр. Филос. и Психол.“.

кратіи, Марксъ же усматриваетъ въ господствующей, государственной христіанской церкви „міровоззрѣніе господь“, онъ видитъ въ ней поддержку эксплуатаціи, оплоть капиталистическаго строя, одураченіе непросвѣщенныхъ, невѣжественныхъ рабочихъ массъ, „отображеніе товарнаго производства“. И, развивая далѣе каждый свои идеи, Фр. Ницше приходитъ къ своему суровому, беспощадному отрицанію демократизма и социализма, какъ порожденій „слабыхъ“, „рабовъ“, а Карлъ Марксъ, напротивъ, смѣло и торжественно идетъ по пути къ социализму съ великимъ универсальнымъ лозунгомъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

И если можно назвать философію исторіи и Маркса и Ницше „историческимъ матеріализмомъ“, къ чему приходитъ Евг. Ник. Трубецкой, то только въ строго и узко-условномъ смыслѣ, ибо для Маркса эта философія—философія социальнаго равноправія массы обездоленныхъ, пролетаріата, а для Ницше,—прежде всего, торжество его высшаго, рѣдкаго, аристократическаго типа, — „сверхчеловѣка“.

„Принципъ равенства!—Для Ницше не существуетъ болѣе „ядовитаго яда!“¹⁾—воскликаетъ совершенно справедливо французскій моралистъ Ал. Фулье.

„Люди по природѣ своей не равны“, учитъ Фр. Ницше и отсюда строить свою строгую общественную іерархію. Въ социальномъ мірѣ такъ же, какъ и вообще въ органическомъ, пальма первенства и господства должна принадлежать породамъ высшаго типа. „Всякое возвышеніе человѣческаго типа было до сихъ поръ дѣломъ аристократическаго общества. Такъ оно будетъ и впредь, ибо для этой цѣли необходимо такое общество, которое признаетъ множество іерархическихъ ступеней, вѣритъ въ различную цѣнность различныхъ людей и считаетъ необходимымъ рабство въ какомъ бы то ни было отношеніи“²⁾.

Высшіе люди имѣютъ болѣе правъ на существованіе, чѣмъ низшіе. И Фр. Ницше даетъ образное объясненіе этого права. Это преимущество колокола съ полнымъ звукомъ предъ колоколомъ разстроеннымъ и надтреснутымъ: въ высшихъ людяхъ—залогъ будущаго; они одни отвѣтственны по отношенію къ будущему человечеству.

Историческая основа всякой аристократіи очень проста. По концепціи законовъ исторіи Фр. Ницше высшая культура всегда

1) Фулье. „Ницше и Имморализмъ“, стр. 125. „Сумерки боговъ“. § 48.

2) „По ту сторону добра и зла“, гл. IX. „Что такое знатность“.

начинается съ завоеванія слабыхъ сильными, хотя бы въ видѣ первобытныхъ хищниковъ-варваровъ. Послѣ этой кровавой побѣды, варвары-побѣдители превращаются въ повелителей, „господь“, а побѣжденные—въ подвластныхъ, подданныхъ, въ „рабовъ“. Такова общая схема возникновенія двухъ враждебныхъ классовъ.

„Нечего удивляться тому,—оправдываетъ господство сильныхъ Фр. Ницше,—что ягнята ненавидятъ орловъ и находятъ ихъ злыми; но съ другой стороны не слѣдуетъ винить орловъ за то, что они добываютъ себѣ въ пищу нѣжныхъ и вкусныхъ ягнятъ“. Строя такія художественныя аллегоріи и метафоры, философъ-эстетъ самодовольно успокаивается на разрѣшеніи имъ мірового вопроса объ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Для него химеричны всѣ эти выдумки социалистовъ о наступленіи новаго, совершеннаго общественнаго строя, въ которомъ не будетъ мѣста для безсовѣстной, безстыдной эксплуатаціи современнаго торгашескаго общества.

„Эксплуатація—говоритъ дальше Ницше—вовсе не есть особенность общества испорченнаго или несовершеннаго и первобытнаго: она составляетъ существенное свойство жизни, служить основою ея, органической функціей“¹⁾. Казалось бы,—великій парадоксъ! Почему эксплуатація есть „существенное свойство жизни“, „основа ея“? На это Фр. Ницше, какъ и должно было ожидать, отвѣчаетъ, что эксплуатація выражаетъ собою, осуществляетъ ту „волю могущества“, „волю къ власти“, которая составляетъ сущность всего существующаго“²⁾. Потому-то классъ высшихъ, сильныхъ, „благородныхъ“ людей—аристократія должна спокойно взирать на угнетеніе и гибель миллионновъ трудящихся „рабовъ“ и принимать ихъ жертву, ибо они—„благородные“—„соль земли“, а грязные, слабые, „лишніе“ люди—„рабы“ служатъ имъ лишь подмостками, по которымъ они гордо и смѣло шествуютъ къ своей завидной, высшей цѣли. И, опять, этотъ философъ-поэтъ приводитъ метафорическій примѣръ, какъ „жадныя до свѣта, выющіяся растенія на островѣ Явѣ „Sipo Matador“ обвиваютъ своими вѣтвями дубъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, поднявшись надъ нимъ, но опираясь на него, они въ свободномъ свѣтѣ не распутятъ своего вѣнца, выставляя на показъ свое счастье“...³⁾. Конечно, совершенно иное находитъ Фр. Ницше въ современномъ обществѣ.

¹⁾ „По ту ст. доб. и зла“, § 259.

²⁾ „Жизнь по самой своей сущности есть присвоеніе себѣ чужого.. выражаясь мягко—эксплуатація“. Ibid.

³⁾ „По ту сторону добра и зла“ § 258.

Въ нашъ дѣловой „сократовскій“ вѣкъ негдѣ развернутся эстетическимъ, властнымъ наклонностямъ и требованіямъ этого поэта-проповѣдника; все сковываетъ его: и эти популярныя, близкія сердцу миллионѣвъ труженниковъ идеи социализма, эти идеи „животности“, „стадности“, „твари“ въ человѣкѣ, идеи всеобщаго нивелированія; и это общество, которое заботится о превращеніи „рабовъ“ въ „господъ“, и это государство, надѣляющее равными политическими правами и „господъ“, и „рабовъ“, и эта наука, дающая доступъ къ себѣ этой грязной, неэстетичной „черни“... Онъ остался одинокъ; и вся его философія, разрушительная и бичующая стремится прочь отъ этой рабской, попилой, стадной жизни, стремится за предѣлы этого общества, зараженнаго тлетворнымъ „сократовскимъ“ мертвящимъ духомъ, стремится за предѣлы желѣзныхъ, неумолимыхъ оковъ государства...

Въ широкій просторъ къ своему великому „единственному“ „сверхчеловѣку“ стремится его поэтическая проповѣдь.

Онъ отрицаетъ все: и мораль, и право, и религію, и самое существованіе человѣчества во имя „вышей“ культуры „сверхчеловѣка“.

Онъ видитъ, что социализмъ производитъ „упадокъ“ общества, но онъ торжествуетъ, торжествуетъ потому, что черезъ него, по его мнѣнію, какъ черезъ мостъ, пройдетъ человѣчество, и тогда-то наступитъ „великій полдень“ „сверхчеловѣка“.

Современный прогрессъ для этого великаго нигилиста есть не болѣе, не менѣе, какъ „декадансъ“, „упадокъ“. Онъ называетъ этотъ прогрессъ — „progressus in Simile“, „уподобленіемъ“, „превращеніемъ“ человѣчества во что-то обыкновенное, посредственное, стадообразное и пошлое“. ¹⁾ Въ этомъ странномъ современномъ обществѣ человѣкъ посредственный часто беретъ верхъ, а человѣкъ съ утонченнымъ эстетическимъ вкусомъ, аристократическими „благородными“ требованіями остается непонятымъ и влачить жизнь въ своемъ скучномъ одиночествѣ...

Анализируя такое странное, противуестественное состояніе современнаго общества, состояніе „декаданса“, „упадка“, Фр. Ницше съ отчаяніемъ рѣшаетъ, что тлетворная зараза такъ глубоко въѣлась, такъ сильно впилась въ плоть и кровь современнаго человѣчества, что бороться съ ней уже поздно, нужно теперь только ускорять это разложеніе, этотъ „декадансъ“, чтобы въ немъ погибло все мелкое, слабое, рабское, а остался живъ и вышелъ бы сильный, свободный побѣдитель — „сверхчеловѣкъ“.

¹⁾ Тамъ же, § 268.

Въ различныхъ выраженіяхъ Ницше высказываетъ эту мысль. „Все нынѣшнее падаетъ, приходитъ въ упадокъ, можетъ быть кто-нибудь захочетъ остановить это паденіе; а я хочу ускорить его новымъ толчкомъ. Знакомо ли вамъ сладострастіе того, кто бросаетъ камни въ бездну? Посмотрите на нынѣшнихъ людей, какъ они катятся въ мои бездны. Братья мои, я только прологъ: драму будутъ разыгрывать актеры получше меня. По моему примѣру! Слѣдуйте моему примѣру! И, если вы не научитесь летать, то научитесь скорѣе падать!..“ Такъ училъ вдохновенный Заратустра.

По этому же поводу Фр. Ницше поучительно шепчетъ „на-ухо консерваторамъ“. „Чего не знали прежде, что знаютъ теперь и что могли бы знать,—это то, что никакое движеніе назадъ, никакая регрессія, въ какомъ бы ни было смыслѣ и въ какой бы то ни было степени, совершенно невозможна. По крайней мѣрѣ мы, физиологи, знаемъ это“... И, убѣдившись самъ въ этомъ законѣ, Фр. Ницше восклицаетъ: „Ничего нельзя подѣлать, надо идти впередъ, т. е. я хочу сказать—двигаться постепенно дальше по пути декаданса (таково мое опредѣленіе современнаго прогресса)“, ¹⁾ въ скобкахъ добавляетъ онъ.

Заратустра такъ поучаетъ народъ объ этомъ процессѣ „декаданса“. „...Увы! близко время, когда человѣкъ не пуститъ больше стрѣлы своего желанія выше человѣка, когда тетива его лука разучится дрожать.

Увы! близко время, когда человѣкъ не породитъ уже больше звѣзды. Увы! близко время, когда явится самый презрѣнный изъ людей, который не сумѣетъ уже презирать самого себя.

Превзойдите же, высшіе люди, всѣ мелкія добродѣтели, мелкія предосторожности, жалкое довольство самимъ собой, „счастье наибольшаго числа“,—весь этотъ кишашій муравейникъ“. Такъ училъ Заратустра.

Въ этомъ жалкомъ и глупомъ шествіи по пути „декаданса“ человѣкъ дойдетъ до того отупѣнія, измельчанія и уничтоженія, которыя сулитъ ему будущій социалистическій строй. Это будетъ „послѣдній человѣкъ“, котораго такъ жестоко осмѣиваетъ Заратустра. За этимъ „послѣднимъ“ явится „первый“, и то будетъ „сверхчеловѣкъ“.

Злая, ядовитая насмѣшка эстета-отрицателя надъ многовѣковыми усиліями культуры, прогресса, надъ упорной работой мысли, надъ справедливыми идеями социализма съ его стремленіемъ къ

---

¹⁾ „Сумерки боговъ“, § 43.

свободѣ, равенству и братству — понятна сама по себѣ, ибо для Ницше: пусть гибнетъ все человѣчество, лишь бы жилъ его любимый „сверхчеловѣкъ“.

И, осмѣявъ „последняго“ человѣка, Заратустра возвѣщаетъ о пришествіи великаго „сверхчеловѣка“.

„Я вамъ показываю „сверхчеловѣка!“—говорить Заратустра собравшемуся народу. „Человѣкъ представляетъ нѣчто такое, что слѣдуетъ превзойти. Что вы сдѣлали, чтобы его превзойти?“

До сихъ поръ всё существа создавали что-нибудь болѣе возвышенное, чѣмъ они сами, а вы хотѣли бы быть отливомъ этого огромнаго прилива, и скорѣе снизойти до животнаго, чѣмъ превзойти человѣка.

Что такое обезьяна для человѣка? Предметъ смѣха, стыда или скорби. Точно такимъ же долженъ быть и человѣкъ для сверхчеловѣка предметомъ стыда, смѣха и скорби“.

Но не современному тупому и одуроченному наивными, тлетворными социалистическими идеями обществу слушать его ученіе и идти за „сверхчеловѣкомъ“, оно не понимаетъ его и оставляетъ суроваго философа съ его проповѣдью въ глубокомъ одиночествѣ...

„Они не понимаютъ меня: я говорю не для этихъ ушей!“ Такъ говорилъ Заратустра.

Ницше зналъ это, и онъ, великоколѣпно, рисуетъ своего вымышленнаго агитатора Заратустру, учащаго народъ „на базарной площади“, какъ онъ современный Заратустра учитъ „на базарной площади“ социалистовъ.

„Когда я впервые явился къ людямъ, я совершилъ безуміе отшельника, великое безуміе: я пошелъ на базарную площадь. И такъ какъ я говорилъ всѣмъ, то не говорилъ ни съ кѣмъ, но вечеромъ канатные плясуны и трупы были моими спутниками; и я самъ былъ почти трупомъ. Но съ наступленіемъ новаго утра новая истина ослѣпила меня, и тогда я сказалъ себѣ: что мнѣ до базарной площади, и до черни, и до шума черни, и до ея длинныхъ ушей! Вышіе люди, научитесь отъ меня вотъ чему: на базарной площади никто не вѣритъ въ высшаго человѣка, и если вы захотите тамъ говорить, то чернь будетъ мигать глазами: „Мы всё равны“. „Нѣтъ вышихъ людей,—говорить чернь, мигая глазами:—мы всё равны и одинъ человѣкъ стоитъ другого передъ Богомъ. Мы всё равны передъ Богомъ“.—Но Богъ умеръ. А передъ чернью мы не желаемъ быть равными. Вышіе люди, удалитесь съ базарной площади“. Такъ говорилъ разочарованный, негодующій Заратустра.

Этотъ монологъ громко говорить за то, что Фр. Ницше от-

лично понималъ свою проповѣдническую роль для избранныхъ, высшихъ натуръ, и предупредительный возгласъ Заратустры къ „вышимъ людямъ“ какъ нельзя лучше относится къ самому пѣвцу Заратустры. Онъ гордо можетъ сказать самому себѣ: вышій человѣкъ, удалась съ современной базарной площади!

III.

Дѣйствительно ли, однако, социальный и „рабочій вопросъ“ не заслуживаетъ иного отношенія къ себѣ, кромѣ того, какъ относится къ нему Фр. Ницше? Такъ ли плачевенъ культурный прогрессъ человѣчества, какъ то представляется Фр. Ницше? Дѣйствительно ли социалистическій строй принесетъ съ собою „отупѣніе“, „уничженіе“ и „смерть желаній“?

Я начну со словъ одного французскаго философа-соціолога, крупнаго эстета и моралиста Гюйо. „Тотъ, кто имѣетъ догматическую вѣру, думаетъ, что онъ одинъ обрѣлъ истину, окончательную и императивную истину: онъ не правъ. Онъ не видитъ того, что ко всякой истинѣ примѣшаны заблужденія, что въ человѣческой мысли нѣтъ ничего столь совершеннаго, чтобы можно было счесть окончательнымъ... Нужно сказать себѣ, что человѣчество находится въ движеніи и нужно самому также двигаться¹⁾.. Гюйо глубоко правъ въ своемъ разсужденіи.

Фр. Ницше, именно, думалъ и гордо былъ увѣренъ въ томъ, „что онъ одинъ обрѣлъ истину, окончательную и императивную истину“. Его могучій, жадный умъ не признавалъ и не терпѣлъ соперниковъ; онъ одинъ повѣдалъ „слово“ міру²⁾ и разсѣялъ мракъ, ибо до него „базмыслица царила надъ міромъ“³⁾. И, увѣренный въ своей „повѣдоносной мысли“, онъ упрямо шагалъ впередъ, разрушая на своемъ пути все протъ вное его дерзкой и властной натурѣ.

И такъ, дѣйствительно ли „рабочій вопросъ“ заслуживаетъ только насмѣшки, какъ то дѣлаетъ Фр. Ницше? Конечно, нѣтъ. Онъ составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ, наболѣвшихъ вопросовъ современной эпохи. И, если Фр. Ницше зло острѣлъ надъ нимъ, то это показываетъ только, что онъ не понималъ его, спеціально-научно имъ не занимался, и что философія его, отрицающая пѣлую эпоху, конечно, должна была отрицать и отдѣльный вопросъ, порожденный этой злосчастной для него эпохой и шедшій въ разрѣзъ съ ученіемъ противника современнаго „со-

¹⁾ Гюйо: „Очеркъ морали“, стр. 375.

²⁾ „Только одинъ сказалъ слово, котораго ждутъ тысячелѣтія,—это Заратустра!“ восклицаетъ Ницше въ въ „Антихриствѣ“.

³⁾ Wegke, B. VI, 113.

кратовскаго“ вѣка. Высокомѣрие его въ данномъ случаѣ можетъ быть оправдано только одной его эстетической ненормальностью.

„Рабочій вопросъ“ въ настоящее время имѣетъ громадную литературу и уже тѣмъ самымъ заявилъ о своемъ существованіи.

Что же заставляетъ современную эпоху такъ заботиться о „рабочемъ вопросѣ“?.. Для этого отвѣтъ одинъ—отвѣтъ на всѣ противорѣчія соціальной дѣйствительности; это—ненормальность существующаго общественнаго строя.

Фр. Ницше, игнорируя и презирая соціальный и „рабочій вопросъ“, только лишній разъ подчеркивалъ, что онъ не понималъ ихъ. Ставя современнаго свободнаго рабочаго XIX вѣка въ одинъ уровень съ подневольнымъ рабомъ „золото вѣка“ времени Перикла, высокомѣрный, „передовой и отсталый“ философъ¹⁾ глубоко заблуждался. Предъявлять одни и тѣ же требованія покорнаго подчиненія къ современному рабочему и древнему рабу, считать ихъ одинаково „слабыми“, „лишними“, просто „рабами“ въ худшемъ смыслѣ этого слова—могъ, конечно, только такой неисправимый, односторонній, глухой ко всему противному, эстетъ, какимъ былъ Фр. Ницше. Онъ, вопреки, словамъ Гюйо, не считается съ тѣмъ, что жизнь движется, что въ природѣ происходитъ универсальная эволюція; онъ стоялъ одинъ и являлся, какъ бы, закаменѣлымъ изваяніемъ, жившаго еще въ глубокой древности, грека Каликла. Его мрачная, неподвижная, упряморѣшительная фигура одиноко, но гордо красовалась на фонѣ всемірной эволюціи.

Онъ просмотрѣлъ тотъ огромный промежутокъ въ исторіи, который на пространствѣ вѣковъ протекъ отъ временъ древней Греціи до XIX вѣка. Онъ слѣдилъ только за „вышними“ людьми, за геніями, „господами“, сверхъ-человѣками и ихъ выхватывалъ изъ всей многовѣковой исторіи человѣчества и воспѣвалъ имъ диенрамбы. Такъ предстали предъ нашими глазами „осверхчеловѣченны“ творители исторіи человѣчества, гордые аристократы: Макіавелли, Цезарь Борджія, Наполеонъ I Бонапартъ... Созданіе, порожденіе такихъ „высшихъ“ личностей, героев—вотъ смыслъ исторіи человѣчества! Въ нихъ—соль земли.

Ницше гордо, безстрастно писалъ: „Наступитъ время, когда мудро стануть воздерживаться отъ начертанія плана „всемірной эволюціи“ или „исторіи человѣчества“,— время, когда, говоря вообще, не будутъ считаться съ массами, но—съ отдѣльными индивидами, которые образуютъ вмѣстѣ родъ моста надъ бурными волнами существованія. Они не слѣдуютъ одинъ за другимъ по

¹⁾ „По ту стор. добра и зла“, § 44.

закону исторической прогрессии, но они живут вѣ времена, современниками другъ друга, благодаря исторіи, которая дѣлаетъ возможнымъ это сосуществованіе; они живутъ, какъ та республика гениевъ, о которой Шопенгауеръ сказалъ однажды: „одинъ гигантъ призываетъ другого черезъ пустынные промежутки вѣковъ и надъ головами неугомонныхъ и шумныхъ пигмеевъ, копошащихся вокругъ нихъ,—ведется благородный разговоръ великихъ умовъ“. Назначеніе исторіи — служить соединяющимъ звеномъ между ними, такимъ образомъ подготавливать рожденіе новаго генія. Нѣтъ! дѣль человечества не въ томъ, къ чему оно идетъ теперь; она — въ произведеніи самыхъ совершенныхъ экземпляровъ“ ¹⁾. Но, увы, такое время не наступило даже и тогда, когда самъ проповѣдникъ уже сошелъ съ арены жизни.

Психика человечества все болѣе и болѣе эволюціонируетъ въ сторону наибольшаго растяженія, въ приближеніи къ наибольшему равенству всѣхъ людей, и теперь — прежній гордый „аристократъ-господинъ“ и грязный, вульгарный „рабъ“ стоятъ почти на одномъ уровнѣ психическаго прогресса. Этотъ процессъ непрерывно продолжаетъ совершаться, и условія жизни безконечно измѣняются ко все большему и большему уравниванію требованій, какъ со стороны „господъ“, такъ и съ противоположной стороны „рабовъ“.

Но прослѣдимъ же, что произошло въ исторіи человечества, что измѣнилось, почему „соціальный вопросъ“ и „рабочій вопросъ“ заняли такое видное мѣсто въ современную эпоху, и почему эволюція идетъ въ приближеніи къ желанному соціалистическому строю?..

Рѣзкое различіе въ положеніи „рабовъ“ создалъ XVIII вѣкъ съ его ученіемъ „естественнаго“ права и Великой французской революціей. „Человѣкъ отъ природы рождается свободнымъ“... гласитъ первая страница знаменитаго „Общественнаго договора“ Ж.-Ж. Руссо. „Свобода, равенство и братство“, обогрѣнное горячей кровью борцовъ, воинственно - побѣдоносно пронеслось изъ края въ край земного шара... „Рабъ“ превращается въ свободного „гражданина“. Въ государствѣ нѣтъ больше „рабовъ“ и „господъ“, — есть только свободные, равные „граждане“ съ равными политическими правами.

Въ области соціально-экономическихъ отношеній произошелъ такой-же крупный переворотъ. Рабская система хозяйства, господствовавшая въ древности, выдвинутая и основанная на при-

¹⁾ Werke, I. 364.

митивной человѣческой психикѣ, съ ея страшными угрозами и наказаніями, съ одной стороны, и чрезмѣрными, безумными наградами и подачками—съ другой стороны смѣнилась уже системой либерально-капиталистическаго хозяйства, системой болѣе улучшеннаго и совершеннаго типа, покоющейся и на психикѣ болѣе улучшенной, совершенной и социальнo-желательной. Теперь уже не требуется вѣчной палки и кнута для раба, и безумныхъ, расточительныхъ приманокъ и наградъ для господина; на мѣсто этихъ примитивныхъ средствъ воздѣйствія, средствъ принужденія и поощренія къ социальнo-желательному поведенію выступилъ другой мотивъ болѣе простого и разумнаго свойства,—мотивъ свободнаго личнаго интереса, который и составляетъ альфу и омегу всего современнаго капиталистическаго строя. Мѣсто жестокаго, вѣчно угрожающаго принужденія заняла теперь свободная конкуренція. ¹⁾ Мѣнoвой оборотъ расширился до грандіознѣйшихъ размѣровъ, выдвинувъ специфическую силу современнаго капиталистическаго строя—капиталь, въ той своеобразной формѣ, въ какой онъ не существовалъ ни въ одну изъ предшествовавшихъ эпохъ. Капиталь съ своей магической способностью безконечно возрастать по мѣрѣ пущенія его въ оборотъ развилъ возможность несмѣтнаго накопленія богатства. Концентрація капиталовъ въ монопольныхъ рукахъ создала огромное преимущество однихъ—съ частнымъ владѣніемъ и пользованіемъ средствами и орудіями производства, этихъ основъ капитала,—во, ео ipso, съ другой стороны, бросила массы въ безконтрольную власть и полное хозяйничанье капитала, слѣдствіемъ чего получилось обнищаніе массъ со всѣми страшными послѣдствіями этого социальнаго зло-фактора, каковы: невѣжество, экономическая зависимость и безправіе, и вѣчная жадная погоня за кускомъ насущнаго хлѣба...

Въ политическомъ отношеніи принципіально всѣ—„граждане“, всѣ равны, всѣ надѣлены одинаковыми правами, но въ экономической области дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Центръ тяжести всей жизненной, общественной борьбы изъ области политики перемѣстился въ область экономики. Здѣсь, въ этой чисто-социальной, экономической средѣ получился и разросся страшный непримиримый антагонизмъ. Рѣзко образовались и отграничились два діаметрально-противоположныхъ класса:—классъ богатыхъ и классъ бѣдныхъ; классъ предпринимателей-капиталистовъ съ

¹⁾ См. Л. І. Петражицкій. „Теорія права и государства“... т. II стр. 652—54.

частнымъ владѣніемъ средствами и орудіями производства и классъ наемныхъ рабочихъ безъ всякихъ средствъ и орудій производства, лишь съ одной своей собственной физической мускульной силой,—классъ пролетаріата. Общество приняло рѣзко-классовую окраску, и прежняя борьба за право, за власть смѣнилась новою борьбою эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами, борьбою за кусокъ хлѣба, за сносную человѣческую жизнь... И, если Фр. Ницше и говорилъ о борьбѣ „классовъ“ въ обществѣ, то отнюдь нельзя смѣшивать ученія Фр. Ницше съ ученіемъ творцовъ „Коммунистическаго манифеста“, ибо Фр. Ницше видѣлъ эту „классовую борьбу“, основанную на физическихъ и расовыхъ отличіяхъ „сильныхъ“ и „слабыхъ“,—борьбу изъ-за власти и „воли къ могуществу“, а Карлъ Марксъ и Фр. Энгельсъ разумѣли „классовую борьбу“, основанную на экономическомъ неравенствѣ членовъ общества, изъ-за улучшенія социальна-экономическаго положенія трудящихся массъ. Разъ Ницше находилъ, что все дѣло, вся борьба въ стремленіи къ власти, къ могуществу, то отсюда понятна и его симпатія къ „сильнымъ“, властнымъ „господамъ“ и—проповѣдь индивидуализма, а Карлъ Марксъ убѣжденно считалъ, что все дѣло въ уравненіи пользованія благами жизни посредствомъ труда, какъ синонима и субстанции всякой цѣнности, откуда логично вытекаетъ и стремленіе его къ массѣ, къ трудящимся, и отсюда проповѣдь социализма.

Положеніе древняго раба и современнаго рабочаго глубоко различно.

Первый былъ—подневольное, безправное существо, второй—свободный гражданинъ. Рабъ былъ полной собственностью, вещью господина, современный рабочій—самостоятельный продавецъ своей собственной мускульной силы. Положеніе совершенно различно и, если этого не видѣлъ и не принималъ въ соображеніе Фр. Ницше, то только потому, что эстетическій туманъ заслонилъ глаза этого гордаго, всеобобщающаго мыслителя.

„Рабочій вопросъ“ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ, какъ частный, спеціальнй вопросъ, съ общимъ социальнымъ вопросомъ и eo ipso съ вопросомъ социализма, какъ съ господствующимъ ученіемъ новаго социальнаго строительства, что великолѣпно охарактеризовали въ своихъ трудахъ Карлъ Марксъ и Фр. Энгельсъ. Ницше понималъ это также, и потому-то онъ его и связалъ съ социализмомъ и, конечно, отрицалъ также, какъ отрицалъ и, вообще, социализмъ.

Борьба класса рабочихъ, пролетаріата съ классомъ капиталистовъ-предпринимателей имѣетъ не частное, а обще-соціальное

значение; вот почему „рабочій вопрос“ занимает такое крупное, животрепещущее мѣсто въ современную эпоху. Общество и государство заинтересованы въ томъ, чтобы невозможно продуктивнѣе и совершеннѣе разрѣшить острую социальную проблему.

Культурный прогрессъ, который такъ легкомысленно и сурово отрицалъ Фр. Ницше, и состоитъ въ томъ, чтобы воспитывать и улучшать человѣческую психику, чтобы разрѣшать социальныя проблемы, улучшать и совершенствовать человѣческое общежитіе постепеннымъ мирнымъ, культурнымъ путемъ, всегда, по самой своей природѣ, наиболѣе надежнымъ и устойчивымъ.

Грубое, полуживотное, варварское человѣчество въ теченіе долгихъ и долгихъ вѣковъ, со страшными усиліями и ошибками, постепенно, въ теченіе длиннаго періода своего существованія, медленно, но настойчиво и неуклонно, бессознательно эволюционировало въ направленіи наилучшей выработки социальнo-желательнаго поведенія съ наименьшими затратами силъ, постепенно прогрессирующими и съ все болѣе и болѣе легкими, болѣе улучшенными и совершенными формами и способами психической приспособленности, психической мотивациі для полученія одного и того же социальнаго поведенія.

Гюйо даетъ великолѣпную аналогію этому улучшенію человѣческой психики „Чѣмъ грубѣе механизмъ, тѣмъ болѣе сильный и грубый двигатель ему нуженъ; при болѣе тонкомъ механизмѣ достаточно коснуться концомъ пальца, чтобы вызвать значительныя дѣйствія;—то же и съ человѣчествомъ!“¹⁾

Можно смѣло сказать, что мотивы человѣческаго поведенія дѣлаются все болѣе гуманными, совершенными, и наступитъ время, когда все человѣчество будетъ руководствоваться въ своемъ поведеніи не примитивными психологическими мотивами—страшными угрозами и наказаніями и чрезмѣрными, расточительными наградами и приманками, и не эгоистическимъ личнымъ интересомъ, что противорѣчитъ самой природѣ человѣческой породы—*homo sapiens*, а мотивомъ совсѣмъ другого характера, болѣе совершеннаго и гуманнаго, — мотивами универсальной любви, всемірнаго братства и всеобщаго признанія права на счастье каждаго человѣка! Тогда-то наступитъ такъ долгожданное время водворенія социализма..

Не „отупѣніе“, „оглупѣніе“ и „уничженіе“ принесетъ съ собою социалистическій строй, какъ то, по недоразумѣнію, наивно

---

¹⁾ Гюйо „Очеркъ Морали“. Стр. 312.

и вмѣстѣ съ тѣмъ злостно считалъ Фр. Ницше, а дѣйствительно-лучшую жизнь со всѣми ея благами, радостями и справедливостью. Ибо члены будущаго социальнаго строя, имѣя болѣе совершенную психическую структуру, руководствуясь мотивами и правилами своего поведенія болѣе гуманнаго, болѣе совершеннаго въ социальномъ желательномъ смыслѣ этого слова свойства, ео ipso и жизнь свою смогутъ устроить лучшею, болѣе совершенною, соотвѣтственно требованіямъ своей высоко развитой психики на началахъ сознательно приспособленнаго къ высшей психикѣ, болѣе совершеннаго права и справедливой, гуманной нравственности.

Глубокознаменательны слѣдующія слова Фр. Ницше: „Вѣра въ то, что Богъ воплотился въ человѣка, учитъ насъ тому, что человѣку не слѣдуетъ искать счастья въ безконечномъ, а нужно основать свое небесное царство на землѣ“¹⁾..

Трагическій философъ-эстетъ не понималъ этихъ своихъ собственныхъ словъ въ ихъ должномъ, дѣйствительномъ свѣтѣ.

Ergo, humanum est! И Фр. Ницше, этотъ крупный, глубокій умъ, и чуткій эстетъ, этотъ великій нигилистъ заблудился въ своемъ гордомъ высокомеріи и фантазіи, и отъ страшной ошибки его запутавшійся въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ умъ не выдержалъ и... канулъ въ безуміи...

А свѣтлое, справедливое солнце социализма поднимается все выше и выше, и будетъ время, когда настанетъ его „великій полдень“!..

П. Е. Михайловъ.

---

1) Письмо отъ іюня 1865 г.

Ученіе о карательныхъ нормахъ.

§ I. Предварительныя замѣчанія.

Научное познаніе извѣстной категоріи сродныхъ явленій предполагаетъ осуществленіе условій двоякаго рода:

1. Для него необходимо, во-первыхъ, построеніе общей, родовой, теоріи соотвѣтственнаго класса явленій, изучающей черты и свойства, общія всѣмъ явленіямъ даннаго класса и не составляющія специфическихъ атрибутовъ какаго либо изъ его видовъ. Выполненіе этого условія составляетъ гарантію противъ возникновенія и существованія хромыхъ теорій, содержащихъ такія утвержденія о видѣ, которыя правильны относительно всего рода данныхъ явленій ¹⁾.

2. Для него необходимо, во-вторыхъ, образованіе сверхъ теоріи рода, еще столькихъ ей подчиненныхъ видовыхъ теорій, сколько имѣется въ данномъ родѣ видовъ, могущихъ дать почву для научно-цѣнныхъ, именно этимъ видамъ соотвѣтствующихъ, теорій. Выполненіе этого условія составляетъ гарантію противъ появленія прыгающихъ теорій, высказывающихъ такія утвержденія о родѣ данныхъ явленій, которыя истинны лишь по отношенію къ одной какой либо ихъ разновидности ²⁾.

Эти методологическіе постулаты, предъявляемые ко всякому теоретическому изслѣдованію, должны быть примѣнены и къ изученію правовыхъ явленій. И здѣсь надлежащее познаніе объекта теоретическаго изученія (класса юридическихъ явленій) предполагаетъ существованіе родовой теоріи и соотвѣтственнаго, могущаго быть научно-обоснованнымъ и легитимированнымъ, комплекса видовыхъ теоретическихъ дисциплинъ.

Переходя отъ этихъ тезисовъ къ разсмотрѣнію подлиннаго состоянія современной теоретической юриспруденціи, нельзя не замѣтить, что до настоящаго времени въ соотвѣтственныхъ сфе-

¹⁾ Петражицкій, Введеніе въ изученіе права и нравственности. 1907, 2 изд., стр. 80.

²⁾ Ibidem, стр. 90.

рахъ нашей науки нашелъ себѣ осуществленіе лишь первый изъ нихъ—положеніе о необходимости образованія и обоснованія научной теоріи рода изучаемыхъ явленій. Благодаря трудамъ проф. Петражицкаго ¹⁾, мы достигли познанія существа права и его характерныхъ свойствъ и обладаемъ научной родовой теоріей права. Что же касается второго тезиса, требующаго образованія научныхъ теорій видовъ изучаемой категоріи явленій, то въ области теоретической науки о правѣ онъ не только не реализованъ, но (за единичными исключеніями) не существуетъ даже и сознанія необходимости выполненія соотвѣтственной работы.

Такое отношеніе юристовъ къ вопросу о теоретическомъ изученіи видовъ права нельзя признать правильнымъ. Оно могло бы считаться научно-обоснованнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы классъ правовыхъ явленій не могъ быть раздѣленъ на адекватные подклассы, т. е. если бы классификація права на виды давала въ результатѣ такія группы явленій, относительно которыхъ нельзя было бы обосновать адекватныхъ теорій. А такое мнѣніе, какъ мы сейчасъ убѣдимся, никоимъ образомъ не можетъ быть призвано правильнымъ.

Для образованія правильной теоріи какого либо вида явленій слѣдуетъ прежде всего произвести дѣленіе родового класса на группы на основаніи различій въ какомъ либо общемъ всѣмъ членамъ даннаго класса признакѣ. Количеству модификацій избраннаго родового признака (*fundamentum divisionis*) будетъ соотвѣтствовать число разновидностей подлежащаго класса явленій.

Образованные такимъ образомъ виды классифицируемыхъ явленій (и соотвѣтствующія имъ классовыя понятія), будучи правильными съ общелогической точки зрѣнія, не будутъ, однако, заключать въ себѣ гарантіи своей научной годности и продуктивности. Для приданія этимъ классамъ научнаго характера, необходимо доказать ихъ адекватность, т. е. установить, что мы имѣемъ дѣло съ такими группами явленій, относительно которыхъ могутъ быть образованы и обоснованы адекватныя теоріи²⁾. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, приступая къ классификаціи юридическихъ явленій, мы сначала остановимся на разсмотрѣніи тѣхъ признаковъ права, которые могутъ быть положены въ основаніе дѣленія его на виды, а затѣмъ укажемъ на тотъ правовой реквизитъ, модификаціи котораго даютъ почву для построенія адекватныхъ видовыхъ классовъ правовыхъ явленій.

Основаніемъ дѣленія права на виды могутъ быть, по нашему мнѣнію, двоякаго рода признаки. Съ одной стороны, всѣ правовыя явленія, будучи феноменами психическаго міра, обладаютъ опредѣленнымъ психологическимъ составомъ, состоятъ изъ сочетаній извѣстныхъ элементовъ человѣческой психики. Отсюда возникаетъ

¹⁾ Ср., въ особенности, Очерки философіи права, 1900. "О мотивахъ человѣческихъ поступковъ въ особенности объ этическихъ мотивахъ и ихъ разновидностяхъ", 1904. Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности, 1907, 2 тома

²⁾ Петражицкій, Введеніе, стр. 73.

возможность дѣленія права на виды въ зависимости отъ тѣхъ различныхъ модификацій, которыя замѣчаются въ психологическомъ составѣ юридическихъ нормъ. Съ другой стороны, всѣ правовыя явленія заключаютъ въ себѣ интеллектуальный, познавательный моментъ, состоящій изъ представленій различного содержанія. Сообразно съ этимъ возможно классифицировать правовыя явленія въ зависимости отъ особенностей содержанія формирующихъ интеллектуальный составъ права представлений.

А. Въ первомъ отношеніи, съ точки зрѣнія различій въ психологическомъ составѣ, правовыя явленія можно дѣлать на слѣдующія группы:

а. Право раздѣляется на позитивное и интуитивное, въ зависимости отъ того, заключаются ли въ его интеллектуальномъ составѣ представленія нормативныхъ фактовъ или нѣтъ. Позитивное право состоитъ изъ совокупности императивно-атрибутивныхъ переживаній, содержащихъ въ себѣ представленія нормативныхъ фактовъ, какъ основаній обязательности представляемаго поведенія ¹⁾. Интуитивныя правовыя нормы носятъ автономный характеръ, представляютъ собою самостоятельные авторитетные импульсы къ поведенію, переживаются независимо отъ нормативныхъ мнѣній какихъ либо постороннихъ, вышнихъ авторитетовъ.

б. Правовыя нормы можно дѣлать на гипотетическія и категорическія, смотря по тому, содержитъ ли ихъ интеллектуальный составъ представленія релевантныхъ фактовъ или нѣтъ. Гипотетическими называются правовыя нормы, обязательность которыхъ зависитъ отъ наличности извѣстнаго рода условий, обстоятельствъ (релевантныхъ фактовъ), представленія которыхъ составляютъ необходимый элементъ познавательнаго состава этихъ нормъ. Напротивъ того, категорическія правовыя нормы не зависятъ отъ какихъ либо условий, не содержатъ въ себѣ соответственныхъ представлений (гипотезъ), переживаются какъ нѣчто обязательное вездѣ и во всякое время ²⁾.

с. Наконецъ, можно различать юридическія нормы по признаку присутствія или отсутствія въ ихъ составѣ субъектныхъ представлений. Однѣ юридическія нормы переживаются нами въ связи съ образами тѣхъ индивидовъ, которымъ (выражаясь проекціонно) нормы эти приписываютъ права или на которыхъ налагаютъ обязанности. Другія правовыя нормы этихъ представлений въ своемъ составѣ не содержатъ ³⁾.

Число модификацій психологическаго состава юридическихъ нормъ, какъ основанія дѣленія ихъ на виды этимъ, и ограничивается. Объектныя (акціонныя) представленія и императивно-атрибутивныя эмоціи суть тотъ минимумъ, который присущъ всякому правовому переживанію и не допускаетъ дальнѣйшаго упрощенія психологической структуры юридическихъ нормъ.

¹⁾ Петражицкій, Теорія права, II, стр. 511.

²⁾ Петражицкій, I, стр. 43, 72.

³⁾ Петражицкій, Теорія права, I, стр. 78, 79.

Вслѣдствіе этого мы непосредственно переходимъ ко второй части нашей классификаціонной работы—ислѣдованію вопроса о томъ, какое изъ предложенныхъ выше противопоставленій видовъ права даетъ въ результатъ адекватные классы, можетъ быть признано научно-продуктивнымъ.

Дѣленіе права на позитивное и интуитивное имѣетъ важное теоретическое значеніе, даетъ почву для построенія двухъ соответственныхъ адекватныхъ теорій. Въ связи съ основнымъ отличіемъ права позитивнаго отъ интуитивнаго находятся многія другія характерныя особенности этихъ видовъ права, научное выясненіе природы которыхъ уже выполнено проф. Петражицкимъ ¹⁾.

Напротивъ того, несмотря на то, что дѣленіе юридическихъ нормъ на категорическія и гипотетическія уже издавна составляетъ тему ислѣдованія въ области юриспруденціи, о научной теоріи этихъ разновидностей права не можетъ быть еще и рѣчи. Между тѣмъ въ основѣ этого противопоставленія лежатъ адекватные классы и научно-продуктивныя видовыя понятія. Именно, можно было бы (и слѣдуетъ) создать ученіе о категорическихъ правовыхъ нормахъ, какъ о такихъ правовыхъ импульсахъ, которые управляютъ областью человѣческаго поведенія, социально важною и необходимою во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, независимо отъ наступленія какихъ либо особенныхъ обстоятельствъ, и въ pendant къ нему развить ученіе о гипотетическихъ нормахъ, предписывающихъ поступки, приобретающіе разумный смыслъ и общественно полезный характеръ лишь въ случаѣ учиненія ихъ при наличности извѣстныхъ условій. Оуществленіе этихъ теоретическихъ работъ дѣло будущаго, здѣсь мы имѣли только въ виду указать на научную продуктивность соответственной классификаціи права.

Наконецъ, противопоставленіе правовыхъ явленій, содержащихъ въ своемъ составѣ субъектныя представленія юридическимъ нормамъ, этого момента въ себѣ не заключающихъ, не можетъ служить почвой для обоснованія научныхъ теорій. Указанное различіе въ составѣ права не оказываетъ принципиальнаго вліянія на тенденціи соответственныхъ правовыхъ нормъ, ихъ мотиваціонныя функціи и т. д. Сообразно съ этимъ должна быть отвергнута и научная цѣнность подлежащаго критерія установленія видовъ права.

В. Научная цѣнность установленныхъ дѣленій права на виды не освобождаетъ отъ обязанности отысканія еще и другихъ научныхъ основаній классификаціи юридическихъ нормъ. Разсмотрѣнныя до сихъ поръ рубрики отличаются крайней общностью и при помощи ихъ нельзя еще ориентироваться среди имѣющихся уже классификацій права. Такъ, напр., изъ предыдущаго изложенія нельзя вынести критеріевъ для установленія научнаго значенія такихъ группъ правовыхъ явленій, какъ законное и обычное

¹⁾ Петражицкій, Теорія права. II, стр. 468—523.

право, частное и публичное, уголовное и полицейское, международное и государственное. Основания для научной проверки и легитимации этих правовых классов (и их понятий) слѣдуетъ искать въ иномъ признакѣ, нежели психологической составъ юридическихъ нормъ, именно, въ различіяхъ содержанія образующихъ интеллектуальный элементъ права представлений. Руководствуясь послѣднимъ признакомъ, мы получаемъ слѣдующія четыре основанія дѣленія правовыхъ явленій на виды.

а. Различіе содержанія представлений нормативныхъ фактовъ юридическихъ нормъ является первымъ изъ этихъ основаній. По указанному признаку право дѣлится на законное, обычное, договорное и т. д. ¹⁾, въ зависимости отъ того, на какой нормативный фактъ, какъ на основаніе обязательности, въ данномъ случаѣ имѣется ссылка.

б. Вторымъ основаніемъ дѣленія права на виды по признаку различія содержанія входящихъ въ его составъ представлений является различіе содержанія представлений релевантныхъ фактовъ—гипотезъ правовыхъ нормъ. Классификація, основанная на этомъ признакѣ, далеко не популярна въ современной юриспруденціи, но всетаки можно указать на классы правовыхъ явленій, выдѣленныхъ именно на этому критерию. Такъ, къ числу послѣднихъ должно быть отнесено уголовное право (*jus criminale, droit criminel*), отличающееся отъ другихъ гипотетическихъ нормъ тѣмъ, что предположеніемъ, условіемъ его обязательности является учиненіе преступления ²⁾, право нужды (*Notrecht*), условіемъ котораго служитъ особое психическое состояніе—нужда.

с. Весьма распространеннымъ въ современной литературѣ является дѣленіе юр. нормъ по признаку различія содержанія входящихъ въ ихъ составъ субъектныхъ представлений. Сюда относится прежде всего дѣленіе права на частное и публичное. По тому же критерию выдѣляются въ особія группы право международное, права подданныхъ и иностранцевъ, въ прежнее время—права дворянскія, купеческія и т. д.

д. Наконецъ, въ основу классификаціи правовыхъ явленій можетъ быть положено различіе содержанія объектныхъ представлений правовыхъ нормъ, образовъ тѣхъ дѣйствій, къ совершенію которыхъ право обязываетъ или управомочиваетъ. Съ этой точки зрѣнія различаются между собою право карательное (право на наказаніе), право полицейское (право внутренняго управленія), право государственное (право соціальной власти), право имущественное, право финансовое, право процессуальное и т. д.

Обращаясь къ изслѣдованію научной пригодности выставленныхъ нами четырехъ основаній классификаціи правовыхъ явленій, нельзя не замѣтить, что съ этой точки зрѣнія они пред-

¹⁾ Петражицкій, Теорія права, II, стр. 523—609.

²⁾ «Уголовный» означаетъ: относящійся къ преступленію; ср. уголовщина—злодѣяніе.

ставляются далеко не равноправными. Такъ, хотя различныя позитивныя права (продукты дѣленія права на основаніи различій содержанія представленій нормативныхъ фактовъ) и обладаютъ разнаго рода количественными различіями въ своихъ характерныхъ свойствахъ, мотиваціонной функціи и т. п., но принципиальныхъ, качественныхъ, особенностей эти разновидности права въ себѣ не заключаютъ. То же слѣдуетъ сказать и о видахъ права, вытекающихъ изъ различія гипотезъ юридическихъ нормъ. Подъ рубрикой права нужды объединяются самыя разнообразныя юридическія нормы (оно можетъ означать и привилегію крайней необходимости, и право обращенія за помощью къ общественной власти и др.). Происходитъ это по той простой причинѣ, что изъ наличности извѣстнаго рода условій могутъ вытекать весьма различныя правомочія, относительно комплекса которыхъ невозможно образовать адекватныхъ теорій

Не болѣе годнымъ критеріемъ образованія адекватныхъ видовыхъ классовъ правовыхъ явленій, чѣмъ два предыдущіе, должно быть, по нашему мнѣнію, признано различіе содержанія субъектныхъ представленій юридическихъ нормъ. Дѣло въ томъ, что одному и тому же субъекту могутъ принадлежать самыя разнообразныя права. Образую классы правовыхъ явленій, по признаку принадлежности ихъ извѣстному субъекту, мы соединяемъ въ одну группу разнородныя правовыя переживанія и разъединяемъ однородныя. Руководствуясь этимъ критеріемъ, намъ пришлось бы зачислить въ одну категорію право частной мести съ правомъ на полученіе вещи по договору купли-продажи такъ какъ въ обоихъ случаяхъ содержаніемъ субъектныхъ представленій являються психическіе образы частныхъ лицъ. И наоборотъ, пришлось бы объединить въ одну рубрику современное карательное право съ правомъ на полученіе подати, въ силу того, что въ настоящее время обѣ категоріи правъ носятъ публичный характеръ. Наконецъ, невозможность обоснованія адекватныхъ теорій относительно образованнаго указаннымъ способомъ класса явленій видна уже изъ того, что, какъ легко убѣдиться изъ приведенныхъ примѣровъ, одна и та же правовая норма является и публичной и частной, въ зависимости отъ того момента въ ея историческомъ развитіи, на которомъ мы оставляемъ наше вниманіе при ея изученіи ¹⁾.

¹⁾ Въ соотвѣтствіи съ этимъ намъ представляется невозможнымъ установленіе научной теоріи относительно того класса явленій, который называется частнымъ, гражданскимъ правомъ (что, конечно, не препятствуетъ самостоятельному существованію подлежащей догматической науки). Теоретически возможно изучать только имущественное, семейственное и т. д. права, но не частное право, какъ таковое. Характернымъ подтвержденіемъ этой мысли служатъ цивилистическія изслѣдованія проф. Петражицкаго (*Fruchtverteilung beim Wechsel der Nutzungsberechtigten*, 1902. *Die Lehre vom Einkommen*, 1 Band, 1893; 2 Band, 1895 и др.). Въ нихъ, наряду съ положеніями догматическаго и правно-политическаго характера, заключались и теоретическія сужденія (о вліяніи права на народное богатство, о мотиваціонномъ и педагогическомъ дѣйствіи права и т. д.) ср. по этому поводу выдающуюся статью Г.

Единственно плодотворнымъ основаніемъ классификаціи юридическихъ нормъ съ точки зрѣнія различій, образующихъ ихъ познавательный составъ представленій, мы считаемъ различія въ содержаніи объектныхъ представленій правовыхъ переживаній. Основной тенденціей правовыхъ явленій слѣдуетъ признать ихъ мотивационную и педагогическую функцію. Теоріи видовъ права должны сводиться къ изученію модификацій и специфическихъ отличій этой тенденціи права въ его различныхъ обласгяхъ. Теорія, которая установитъ наличие такого отличія (модификаціи тенденціи) для нѣкоторой категоріи правовыхъ явленій будетъ адекватной теоріей соответственной разновидности юридическихъ нормъ и наоборотъ.

Нетрудно убѣдиться, что нормы права, объединенныя въ одну группу по признаку тождества объектныхъ представленій, образуютъ изъ себя не только однородный и отличный отъ всего прочаго классъ, но и обладаютъ специфическою имъ и только имъ присущей причинной тенденціей. Дѣло въ томъ, что мотивационное дѣйствіе права находится въ прямой зависимости отъ содержанія объектныхъ представленій правовыхъ нормъ. Если право осуществляетъ эту функцію посредствомъ побужденія индивидовъ къ совершенію поступковъ, образы которыхъ составляютъ содержаніе акціонныхъ представленій его интеллектуального состава, то само собой разумѣется, что, въ зависимости отъ различнаго состава этихъ представленій, будутъ разнствовать и производимые правомъ мотивационные эффекты. Очевидно вмѣстѣ съ тѣмъ, что по-скольку содержаніе акціонныхъ (объектныхъ) представленій у нѣсколькихъ юридическихъ нормъ тождественно, всѣ эти нормы будутъ обладать однородной мотивационной тенденціей. То же слѣдуетъ сказать и о педагогической функціи права. И вотъ, вслѣдствіе существованія этой причинной связи между содержаніемъ объектныхъ представленій и мотивационными и педагогическими функціями права, и возникаетъ возможность образованія относительно сформированнаго по указанному признаку класса правовыхъ явленій, адекватной теоріи.

§ 2. Существо права наказанія.

Мы убѣдились въ томъ, что единственно научнымъ критеріемъ классификаціи правовыхъ явленій съ точки зрѣнія различій фор-

Ландау „О политикъ права“, Вѣстникъ Права, 1906, № 2, стр. 50. Между тѣмъ, послѣднія относились только къ имущественному праву (праву распределенія народнаго дохода, Güterverteilung), а не ко всей области частнаго права.

То же слѣдуетъ сказать и про междувародное право. Лежащій въ основѣ его классъ правовыхъ переживаній также выдѣленъ по признаку особаго содержанія ихъ субъектныхъ представленій (ср. Петражицкій, Иски о незаконномъ обогащеніи, Вѣстникъ Права, 1900, № 2, стр. 9, пр.). Съ теоретической точки зрѣнія междувародное право представляется агрегатомъ правовыхъ явленій, принадлежащихъ къ различнымъ теоретически продуктивнымъ подклассамъ юридическихъ нормъ. Въ частности, къ уголовному праву слѣдуетъ отнести нормы, регулирующія право войны.

мирующих их интеллектуальный составъ представлений, является признакъ различія содержанія объектныхъ представленийъ юридическихъ нормъ. Переходя теперь къ специально интересующей насъ темѣ—вопросу о теоретической разработкѣ уголовного права, слѣдуетъ замѣтить, что эта разновидность права отличается отъ другихъ именно специально присущимъ ей объектнымъ представленіемъ содержаніемъ. Подъ уголовнымъ правомъ здѣсь и въ дальнѣйшемъ имѣемъ, мы будемъ разумѣть императивно-атрибутивные переживанія, дающія импульсъ къ приимѣненію наказанія, нормы права, регулирующія репрессію.

Это опредѣленіе карательнаго права, весьма сходное съ существующими уже въ литературѣ дефиниціями того же предмета (ср., напр. формулу Liszt'a: *Strafrecht ist der Inbegriff derjenigen staatlichen Rechtsregeln, durch welche an das Verbrechen als Tatbestand die Strafe als Rechtsfolge geknüpft wird*, Lehrbuch des deutschen Strafrechts, 1905, § 1) отличается отъ нихъ, однако, слѣдующими признаками. Опредѣленія современныхъ криминалистовъ имѣютъ въ виду установленіе отличительныхъ признаковъ современнаго оффиціалнаго карательнаго права, или даже только законнаго уголовного права (ибо въ Россіи, напр., существуетъ оффиціальное обычное уголовное право). Установленное же нами опредѣленіе обнимаетъ всякое уголовное право, на какой бы ступени развитія оно ни стояло и какъ бы отрицательно къ нему государство ни относилось. Мало того, въ составъ образованнаго нами класса правовыхъ явленій карательнаго характера входятъ не только реально существующія (или существовавшія) уголовно-правовыя нормы, но и мыслимыя феномены карательнаго права. Въ соответствии съ этимъ объемъ нашего понятія уголовного права несравненно обширнѣе, нежели объемъ понятія оффиціалнаго уголовного права и дальнѣйшія наши теоретическія сужденія относятся не къ современному законному или обычному праву, а ко всякому уголовному праву, что не лишне подчеркнуть во избѣжаніе недоуздѣнности.

Образовавъ, такимъ образомъ, по признаку особаго содержанія объектныхъ представленийъ, отдѣльный классъ уголовно-правовыхъ явленій, намъ надлежитъ теперь заняться изслѣдованіемъ вопроса о психологическомъ составѣ этихъ нормъ, о тѣхъ высшихъ подклассахъ права, къ которымъ онѣ должны быть отнесены. Разрѣшеніе этой проблемы необходимо, съ одной стороны, для установленія мѣста уголовного права среди комплекса другихъ, сходныхъ по психологической структурѣ правовыхъ явленій—въ интересахъ систематики правовѣдѣнія, съ другой стороны, для надлежащаго познанія общихъ свойствъ уголовно-правовыхъ явленій, присущихъ имъ въ силу ихъ принадлежности къ известнымъ высшимъ классамъ правовыхъ переживаній. Приступая къ разрѣшенію этой задачи, необходимо прежде всего указать, что въ составъ уголовно-юридическихъ нормъ, какъ разновидности правовыхъ переживаній, входитъ эмоціональный элементъ—императивно-атрибутивные переживанія, правовыя импульсы. Но въ виду того, что этотъ элементъ права у интересующей насъ кате-

горни нормъ никакихъ особенностей не представляетъ, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи на его разсмотрѣніи останавливаться не будемъ, основываясь въ этомъ отношеніи всецѣло на данныхъ общей теоріи права.

Далѣе, слѣдуетъ замѣтить, что, поскольку уголовно-правовыя нормы принадлежатъ къ классамъ позитивныхъ или интуитивныхъ правовыхъ переживаній, къ нимъ относится все то, что установлено о соответственныхъ классахъ явленій. Во избѣжаніе нарушеній принципа надлежащей общности теоретическаго класса подлежащаго мы излагать различій и особенностей позитивнаго и интуитивнаго уголовного права здѣсь не будемъ, но, конечно, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ принимать въ расчетъ не только тѣ особенности и свойства карательныхъ нормъ, которыми онѣ обладаютъ, какъ члены класса правовыхъ явленій, но и тѣ свойства ихъ, которыя вытекаютъ изъ принадлежности ихъ къ видамъ права—позитивному или интуитивному. Правильное пониманіе предложенной ниже психологической теоріи уголовного права предполагаетъ не только знаніе психологической теоріи права, но и знаніе теоріи видовъ права, теорій права позитивнаго и интуитивнаго.

Если нормы уголовного права могутъ носить какъ позитивный, такъ и интуитивный характеръ, то нельзя того же сказать объ ихъ отношеніи ко второй теоретически существенной анти-тезѣ психологическихъ составовъ правовыхъ нормъ. Именно, *естъ* нормы уголовного права суть гипотетическія нормы, содержатъ въ себѣ представленія релевантныхъ фактовъ (преступленій) въ качествѣ условій обязательности или существованія права на примѣненіе наказанія. Несмотря на тщательное изученіе уголовно-правовыхъ переживаній, намъ не удалось обнаружить среди нихъ категорическихъ нормъ. Впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, имѣются и дедуктивныя основанія для отрицательнаго возвращенія на существованіе категорическихъ карательныхъ нормъ. Сообразно съ этимъ объ уголовно-юридическихъ нормахъ слѣдуетъ утверждать то, что истинно о гипотетическихъ правовыхъ переживаніяхъ вообще—это суть нормы, имѣющія социальную цѣнность и *raison d'être* лишь при наличности извѣстныхъ предположеній, а не безотносительно отъ всякаго рода условій.

Познакомившись съ общей природой уголовно-юридическихъ нормъ, мы можемъ теперь перейти къ болѣе обстоятельному изслѣдованію отдѣльныхъ ихъ элементовъ, а равно и къ изученію специфическихъ ихъ тенденцій. Такимъ образомъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы послѣдовательно рассмотримъ: а) представленія релевантныхъ фактовъ интересующей насъ категоріи нормъ; б) ихъ субъектныя представленія; в) объектныя представленія; д) представленія нормативныхъ фактовъ уголовно-юридическихъ нормъ. Въ заключеніе мы сдѣлаемъ обзоръ специфическихъ свойствъ и причинныхъ тенденцій уголовного права, его мотиваціоннаго и педагогическаго значенія и т. д.

§ 3. Представленія релевантных фактовъ уголовно-юридическихъ нормъ.

Гипотезой уголовно-юридическихъ нормъ, представленіями условій ихъ обязательности, являются представленія, психическіе образы, преступленій. Теоретическимъ изученіемъ содержанія подлежащихъ познавательныхъ элементовъ намъ въ настоящее время и предстоитъ заняться. Но, въ виду того, что къ известному классу явленій слѣдуетъ относить не только реальные предметы опредѣленнаго порядка, но и представляемые объекты соответственной категоріи, и наоборотъ ¹⁾, то отсюда слѣдуетъ, что научная теорія содержанія представленій релевантныхъ фактовъ карательныхъ нормъ, мыслимыхъ преступленій, является ео ipso научной теоріей преступления вообще.

Обращаясь къ разсмотрѣнію существа современныхъ теоретическихъ воззрѣній на природу преступления мы находимъ ихъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Господствующее мнѣніе признаетъ преступленіе противоправнымъ, обложеннымъ угрозою уголовного закона, дѣйствіемъ. Такую теорію ни въ какомъ случаѣ нельзя признать правильной. Существеннымъ заблужденіемъ ея является утвержденіе, что противоправность и наказуемость дѣйствій преступнаго характера суть особые, присущіе послѣднимъ „положительные“ признаки. ²⁾ Въ дѣйствительности же эти признаки носятъ проэкціонный характеръ, являются проэкціей особаго рода психическихъ переживаній, такъ что напр., никакое изслѣдованіе существа подлежащихъ дѣйствій не можетъ дать отвѣта на вопросъ: гдѣ же собственно эти признаки находятся и въ чемъ они заключаются (доказательство этому: безрезультатность всѣхъ научныхъ изысканій въ области правонарушенія; неумѣніе установить различіе между противоправными и непротивоправными дѣяніями, напр., при разграниченіи институтовъ необходимой обороны и крайней необходимости; безконечный споръ о томъ, существуетъ ли такъ называемая объективная неправда или же всякое правонарушеніе постулируетъ виновность дѣятеля и т. д.).

Научное познаніе природы преступления (явленія видового) предполагаетъ установленіе научной теоріи правонарушенія (явленія родового). Въ соответствии съ этимъ мы займемся сначала развитіемъ теоріи правонарушенія, а затѣмъ выяснимъ и специфическія особенности преступления.

Среди той группы этическихъ переживаній, которая составляетъ классъ правовыхъ эмоцій, слѣдуетъ различать импульсія двоякаго рода. Однѣ ихъ нихъ, импульсивныя правовыя эмоціи, имѣютъ характеръ побужденій къ совершенію известнаго рода поступковъ, переживаются индивидомъ, какъ авторитетные импульсы къ поло-

¹⁾ Петражицкій, Введеніе, стр. 40.

²⁾ Liszt, Lehrbuch, S. 117, anm. 2.

жительному поведенію. Сочетанія этихъ импульсивныхъ правовыхъ эмоцій съ представленіями соотвѣтственныхъ дѣйствій образуютъ психологическій составъ правовыхъ переживаній, юридическихъ нормъ и, рассматриваемыя съ точки зрѣнія своего мотивационнаго значенія, принадлежатъ къ типу нормативной, самодовлѣющей, мотиваціи ¹⁾.

Вторая категорія правовыхъ эмоцій отличается отгалкивающимъ, репульсивнымъ характеромъ и переживается въ связи съ воспріятіями или представленіями извѣстнаго рода фактовъ (чаще всего совершенныхъ, реализованныхъ дѣйствій). Акціонныя представленія этихъ эмоцій обыкновенно отсутствуютъ и ихъ акціи не отображаются въ сознаніи. Самый же процессъ опредѣленія человѣческаго поведенія этими отрицательными правовыми импульсіями происходитъ по типу объектной или предметной мотиваціи ²⁾, причѣмъ въ роли возбудителей соотвѣтственныхъ эмоцій и выступаютъ тѣ воспріятія и представленія происшествій въ обширномъ смыслѣ (совершеніе фактовъ, дѣйствій), о которыхъ мы упоминали выше.

Различеніе этихъ двухъ категорій правовыхъ эмоцій даетъ возможность установленія существа правонарушенія. Именно, подъ правонарушеніемъ слѣдуетъ разумѣть дѣйствіе, воспріятіе или представленіе котораго вызываетъ правовую репульсивную эмоцію. Научное познаніе природы этого явленія предполагаетъ основательное знакомство съ характеромъ отрицательныхъ правовыхъ импульсій, проэкции которыхъ на различныя дѣянія и придаютъ послѣднимъ „свойства“ неправомѣрности, противоправности, противорѣчія, несоотвѣтствія праву, нарушенія права и т. п. атрибуты проэекціоннаго характера ³⁾.

¹⁾ Петражицкій, Теорія права, I, стр. 18.

²⁾ Ibidem, I, стр. 16.

³⁾ Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему развитію намѣченной теоріи правонарушенія, необходимо сдѣлать еще нѣсколько разъясненій о взаимоотношеніи положительныхъ и отрицательныхъ правовыхъ эмоцій, импульсій и репульсій правового характера. Дѣло въ томъ, что проводимое въ текстѣ различіе правовыхъ переживаній и ихъ мотивационнаго характера можетъ показаться несоотвѣтствующимъ дѣйствительному значенію правовыхъ репульсій. Именно, оно можетъ дать почву для того возраженія, что правильнѣе было бы относить оба вида правовой мотиваціи къ типу нормативной, самодовлѣющей мотиваціи, и объ разновидности интеллектуально-эмоциональныхъ комплексовъ причислять къ классу юридическихъ нормъ. Съ такимъ мнѣніемъ, однако, никакъ нельзя было бы согласиться въ силу слѣдующихъ соображеній.

Прежде всего, какъ было замѣчено уже выше, правовыя репульсивныя переживанія лишены акціонныхъ представленій, т. е. психическихъ образовъ тѣхъ дѣйствій, которыя акціей и слѣдствіемъ правовыхъ эмоцій являются. Содержанія тѣхъ познавательныхъ элементовъ, которые вызываютъ правовую репульсію (воспріятій и представленій убійства, кражи, прелюбодѣянія и т. п.), ничего общаго, конечно, съ представленіями правовыхъ акцій, правовыхъ дѣйствій не имѣютъ, а являются представленіями акцій одіозныхъ, корыстныхъ, половыхъ и т. д. эмоцій. Правда, тѣ сужденія, которыя иногда считаются выразителями правовыхъ репульсій, содержатъ въ себѣ, повидимому, указаніе еще на одинъ психическій моментъ. — мы гово-

Правовыя репульсивныя переживанія, въ отличіе отъ репульсивной нравственнаго характера, имѣють внѣшнюю, экстрактивную природу, переживаются нами, какъ нѣчто извнѣ прывходящее,

римъ: «не» надо красть, «не» надо убивать и т. п. Но, во-первыхъ, въ подлинномъ психическомъ составѣ правовыхъ репульсивныхъ переживаній мы коррелята этой частицы «не» не находимъ, онъ содержится въ себѣ только представленіе извѣстнаго дѣйствія + правовая репульсивная эмоція. Во-вторыхъ, упомянутыя сужденія должны быть признаны не формой словеснаго выраженія правовыхъ репульсивной (послѣднія выражаются въ видѣ сужденій: красть неправомерно, убивать преступно и т. д.), а формой выраженія аппульсивныхъ переживаній правового характера, побуждающихъ къ воздержанію отъ учивенія всего неправомернаго, вызывающаго правовое порицаніе.

Принимая во вниманіе, что существеннымъ признакомъ нормативной мотивации является именно наличность образовъ подлежащихъ осуществленію дѣйствій (ср. Петражицкій, Теорія права, I, стр. 17, 18), намъ кажется резоннымъ не вводить процесса правовой репульсивной мотивации въ соответствующую категорию мотивационныхъ типовъ, требующую непремѣнной наличности отсутствующихъ у нея признаковъ.

Для обоснованія нашей мысли о непринадлежности правовыхъ репульсивной къ категориіи юридическихъ нормъ можно привести еще нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ въ пользу нашего воззрѣнія и необъяснимыхъ съ противоположной точки зрѣнія. Такъ, напр., объектными представленіями юридическихъ нормъ: не убій, не укради и т. п. являются представленія отрицательныхъ дѣйствій. Между тѣмъ, переживаемыя въ связи съ правовой репульсивной, представленія убійства, кражи суть образы положительныхъ дѣйствій, содѣяній. Да и самая акція правовой репульсивной (не отображенная въ сознаніи индивида) есть есетаки положительное дѣйствіе (отталкиваніе, отскакиваніе), а не воздержаніе—явленіе, не гармонирующее съ оспариваемымъ взглядомъ.

Вопросъ о психологической природѣ запретительныхъ, направленныхъ на добываніе отъ людей воздержаній, нормъ, не можетъ быть, однако, признанъ разрѣшеннымъ въ пользу нашей теоріи до устранения двухъ возраженій противъ предложенной конструкиціи, могущихъ быть основанными на фактахъ двоякаго рода.

1. Существуетъ несомнѣнный психологическій фактъ, состоящій въ томъ, что предложенія совершенія убійствъ, кражъ и иного рода противоправныхъ дѣйствій, вызывають въ психикѣ честныхъ людей правовыя эмоціи порицательнаго, репульсивнаго характера. Не свидѣтельствуетъ ли это явленіе въ пользу того, что въ составѣ извѣстныхъ, направленныхъ на воздержаніе юридическихъ нормъ, входятъ репульсивныя эмоціи? Намъ думается, что нѣтъ. Правовая репульсивная входитъ въ данномъ случаѣ (какъ и всегда) въ составъ не правовой нормы, а правонарушенія. Именно, она возникаетъ въ приведенномъ примѣрѣ по адресу подлежащихъ предложеній, представляющихся честному человѣку сами по себѣ противоправными дѣйствіями, оскорбленіями ихъ адресатовъ и т. д.

2. Несравненно серьезнѣе (вслѣдствіе большой сложности лежащаго въ основѣ его факта) представляется второе мыслимое по адресу нашей теоріи возраженіе. Дѣло въ томъ, что фактиче ки существуетъ не одинъ запретъ— предписаніе бездѣйствія, а множество запретовъ, предписаній воздержаній, носящихъ болѣе или менѣе специализированный характеръ— не убій, не укради и т. д. Отсюда становится необходимымъ различеніе отдѣльныхъ воздержаній, невозможное, повидимому иначе, какъ посредствомъ координированія представленія отдѣльныхъ деликтовъ съ репульсивной правовой

въ глубь нашего я проникающее. Само собою разумѣется, что подобный характеръ отрицательныхъ правовыхъ эмоцій совершенно не зависитъ отъ природы и существа тѣхъ дѣйствій, по

эмоціей. Ибо какъ можно добыть отъ индивида воздержанія опредѣленнаго свойства, когда онъ не знаетъ, отъ совершения чего онъ долженъ воздерживаться. Осуществить же послѣднее условіе можетъ только возникающая при представленіи обратнаго воздержанію поведенія репульсивная эмоція. Сверхъ того, необходимость различенія отдѣльныхъ (предписываемыхъ) воздержаній вытекаетъ и изъ того, что только воздержаніе отъ совершения чего-либо можетъ быть квалифицировано, какъ дѣйствіе, бездѣйствіе же вообще не есть актъ человѣческаго поведенія, а антитеза послѣдняго—покой (ср. удачное различіе понятій: Nichtstun и etwas nicht tun у Beling'a, Die Lehre vom Verbrechen, 1906, S. 15).

Внимательное изученіе вопроса приводитъ насъ къ убѣжденію, что и это второе возраженіе неспособно поколебать правильности выставленныхъ выше тезисовъ. Необходимо только выяснитъ общую роль и психологическую функцію права, какъ регулятора человѣческаго поведенія и тогда уже легко будетъ показать несостоятельность приведеннаго sub 2 соображенія.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ человѣческое поведеніе опредѣляется на правомъ, а другими эмоціями—голодомъ, жаждой, половыми, охотничьими, научными и т. д. эмоціями, имѣющими характеръ естественныхъ импульсовъ, желаній совершенія даннаго акта. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда подобные импульсы отсутствуютъ у индивида, возникаютъ правовыя, нравственныя, вообще этическія, эмоціи, побуждающія его къ совершенію различныхъ дѣйствій независимо отъ того, хочется ли ему этого или нѣтъ. Назвавъ условно всѣ отличныя отъ этическихъ импульсы поведенія—естественными мотивами человѣческихъ поступковъ, мы можемъ подмѣтить двоякаго рода отношеніе правовой психологіи къ психологіи естественной.

Съ одной стороны, правовыя эмоціи могутъ выступить въ роли сигналовъ, пробудителей естественныхъ эмоцій, вызывая послѣднія къ актуальному существованію и дѣйствуя затѣмъ въ одномъ съ ними направленіи. Такъ, напр., эмоція права, побуждающая индивида къ совершенію извѣстной работы, можетъ вызвать и естественный позывъ къ выполненію послѣдней, ея скорѣйшему окончанію и т. д. Эмоція права, удерживающая отъ крика въ присутствіи больного, можетъ вызвать и естественную предупредительность по отношенію къ послѣднему. Въ этихъ случаяхъ правовыя импульсы застаютъ такъ сказать *tabula rasa* въ смыслѣ эмоціональнаго отношенія индивида къ даннымъ дѣйствіямъ и путемъ осуществленія своихъ акцій вызываютъ и другія эмоціи съ тождественной акціей.

Но возможенъ и тотъ случай, что психика даннаго индивида не безразлична въ эмоціональномъ отношеніи къ извѣстнаго рода объектамъ и дѣйствіямъ, такъ что послѣднія представляются индивиду желательными или нежелательными. При этомъ, подлежащее естественное настроеніе можетъ соответствовать настроенію права по отношенію къ данному поведенію, въ томъ смыслѣ, что акціи переживаемыхъ индивидомъ естественныхъ эмоцій совпадаютъ съ содержаніемъ объектныхъ представленій юридическихъ нормъ, или не соответствовать: индивиду хочется совершить одни дѣйствія, а право предписываетъ ему совершить другія, нерѣдко противоположныя по содержанию.

Въ первомъ случаѣ правовой нормы можетъ вообще и не возникнуть въ сознаніи индивида (ср. выше)—нѣтъ надобности авторитетно побуждать его къ дѣйствію, которое онъ и proprio motu готовъ со-

адресу которых онѣ возникаютъ. Правовыя репульсии отличаются одинаково экстрактивнымъ характеромъ, вызваны ли онѣ воспріятіями содѣяній или опущеній, представленіями дѣйствій, направленныхъ противъ субъекта переживанія или постороннихъ ему лицъ.

Далѣе, правовыя репульсивныя эмоціи производятъ особаго рода психическій шокъ, переживаются, какъ взломъ, нарушение какой-то преграды, чего-то священнаго и неприкосновеннаго. Это свойство правовыхъ репульсій выражается и въ тѣхъ проэкціяхъ, которыми онѣ надѣляютъ различныя дѣйствія—послѣднія квалифицируются, какъ преступленія, нарушенія, противорѣчія праву и т. д. Въ виду того, что соотвѣтственныя дѣйствія воспринимаются индивидомъ, какъ минусъ, какъ нѣчто для него вредное, то по адресу ихъ имѣется психическая тенденція авторитетнаго ихъ осужденія, порицанія, дѣйствія эти и нерѣдко ихъ

вершить. Лишь въ случаѣ колебанія между двумя альтернативными импульсами, правовое переживаніе возникаетъ и дѣйствуетъ въ качествѣ союзника одной изъ конкурирующихъ естественныхъ эмоцій.

Во второмъ случаѣ правовая эмоція возникаетъ и вступаетъ въ борьбу съ естественнымъ влеченіемъ индивида. Напр., индивидъ желаетъ лишить кого либо жизни, переживаетъ одиозную эмоцію, а право даетъ ему противоположный импульсъ, авторитетно повелѣвая: не убій. При этомъ соотвѣтственная психическая борьба осуществляется и протекаетъ слѣдующимъ образомъ. Право, въ своемъ стремленіи подавить несоотвѣтствующіе его предписаніямъ импульсы, старается убить противоправное явленіе въ самомъ его зародышѣ, не допускаетъ вредоносную акцію реализоваться. Достигаетъ оно этого результата посредствомъ побужденія индивида къ воздержанію отъ осуществленія своего замысла—верализации акціи одиозной или иной эмоціи. Поэтому соотвѣтственными представленіями нормы не убій являются представленія подавленій направленныхъ на убійство дѣйствій, а осуществленіемъ соотвѣтственной обязанности—самое подавленіе этого дѣйствія.

Такимъ образомъ, разрѣшается поставленная выше проблема установленія различія между отдѣльными воздержаніями и устраняется связанное съ нею затрудненіе пониманія нашей теоріи запретительныхъ нормъ. Ибо, съ одной стороны, несомнѣнно, что нормы права не убій и не укради съ развитой выше точки зрѣнія обладаютъ различными акціями, а не единой акціей воздержанія, въ виду направленія ихъ на подавленіе различныхъ акцій естественныхъ эмоцій. Съ другой стороны, не заключають въ себѣ интересующія насъ нормы и правовыхъ репульсій. Напротивъ того, представленіе убійства и т. п. возбуждаетъ здѣсь естественную апульсивную эмоцію съ которой борется правовая апульсивная же эмоція. И интересно отмѣтить, что нерѣдко результатъ борьбы опредѣляется равнодѣйствующей акціей этихъ двухъ эмоцій—волнующійся убійца промахивается, лжець путается въ своихъ показаніяхъ и т. п.

Мы говорили до сихъ поръ о правовыхъ нормахъ, направленныхъ на воздержаніе. Но все сказанное выше должно быть примѣнено *mutatis mutandis* и къ правовымъ нормамъ, добывающимъ отъ людей положительныя дѣйствія. Въ случаѣ наличности противоположнаго праву эмоціональнаго настроенія эти нормы имѣютъ также тенденцію подавлять несоотвѣтствующія содержанію ихъ акціонныхъ представленій акціи другихъ эмоцій. Такъ, напр., если существуетъ обязанность бодрствованія, а индивида одолеваетъ сонная эмоція,

учинитель представляются въ отрицательномъ свѣтѣ, низкими, гадкими и т. д.

Правовыя репульсивныя эмоціи переживаются нами съ различной степенью силы и интенсивности. Иногда эти эмоціи облачаютъ весьма бурнымъ характеромъ, напр., при воспріятіи убійства, кражи и т. п., въ другихъ случаяхъ онѣ отличаются болѣ блѣднымъ колоритомъ—при воспріятіяхъ или представленіяхъ быстрой ѣзды по улицамъ, куренія въ недозволенномъ мѣстѣ и др. Степенью интенсивности правовой репульсиа опредѣляется тяжесть правонарушенія—чѣмъ сильнѣе возбуждаемая дѣйствіемъ правовая отрицательная эмоція, тѣмъ серьезнѣе деликтъ, крупнѣе правонарушеніе и наоборотъ. Слѣдуетъ замѣтить, что оно и то же дѣйствіе можетъ возбуждать репульсиа различной интенсивности, въ зависимости отъ того, учинено ли оно умышленно или неосторожно или же является продуктомъ случая. Оказываетъ вліяніе на силу изучаемыхъ психическихъ переживаній и характеръ мотивовъ, служившихъ побудительными импульсами учиненія противоправнаго дѣйствія.

Что касается тѣхъ дѣйствій, по адресу которыхъ возникаютъ правовыя репульсиа, то надо замѣтить, что въ различные моменты развитія человѣческаго общества они далеко не единообразны, а отличаются болѣе или менѣ крупными особенностями въ зависимости отъ уровня общественной культуры. Вообще, какъ указано уже выше, способность дѣйствій вызывать правовыя репульсиа не составляетъ какого либо присущаго имъ свойства, а зависитъ отъ диспозитивнаго состоянія психики людей, наличности въ послѣдней склонностей къ переживанію репульсивныхъ эмоцій въ связи съ воспріятіями или представленіями извѣстныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, мы выяснили природу правонарушенія, изучая послѣднее, какъ классъ дѣйствій извѣстнаго порядка. Но въ виду того, что нашей специальной задачей является изученіе представленій релевантныхъ фактовъ уголовно-юридическихъ нормъ—представляемыхъ правонарушеній, то мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ исходить изъ анализа содержанія соответственныхъ интеллектуальныхъ элементовъ и ихъ составныхъ частей,

---

то правовыя нормы приобрѣтаютъ характеръ побужденій къ преодолѣнію сна и т. п.

Сказанное выше о природѣ запретовъ отнюдь не содержитъ въ себѣ отрицанія возможности удержанія индивида отъ учиненія преступленія дѣятельностью репульсивной эмоціи. Напротивъ, если индивидъ замышляющій учиненіе какого либо правонарушенія, представитъ себѣ послѣднее, какъ уже совершившееся, напр., убійство, какъ уже приведенное въ исполненіе и т. п., то весьма вѣроятно, что по адресу такого представляемаго эффекта у него возникаетъ правовая репульсивная эмоція интенсивность которой можетъ быть и сумѣетъ его удержать отъ реализаціи своего плана. Но соответственное переживаніе нельзя признать юр. нормой. Оно явится представленіемъ правонарушенія, внушившимъ индивиду презрѣніе къ реальнымъ дѣйствіямъ того же порядка, путемъ аппеляціи къ содержащемуся въ диспозитивной психикѣ послѣдняго запасу отрицательныхъ, критическихъ правовыхъ переживаній.

памятѹ при этомъ, что высказываемыя сужденія *mutatis mutandis* должны бытъ отнесены и къ подлиннымъ правонарушеніямъ, реальнымъ дѣйствіямъ.

Въ современной литературѣ это различіе не сознается и ученіе о правонарушеніи и преступленіи излагается въ качествѣ ученія о соответственныхъ реальныхъ дѣйствіяхъ. Практически такая постановка вопроса остается безвредной—какъ указано выше, теорія представляемыхъ правонарушеній есть *eo ipso* теорія правонарушеній вообще (реальныхъ и представляемыхъ) и наоборотъ, теоретическія сужденія о реальныхъ правонарушеніяхъ примѣнимы и къ представляемымъ правонарушеніямъ. Но, съ теоретической точки зрѣнія, представляется весьма несообразнымъ дѣломъ для науки о правѣ—классѣ психическихъ переживаній—изучать физическія дѣйствія—убійства, кражи—явленія ничего общаго съ правомъ не имѣющія.

Разсматривая содержаніе представленій релевантныхъ фактовъ уголовно-юридическихъ нормъ слѣдуетъ прежде всего отмѣтить въ немъ наличность психологическихъ представленій ¹⁾—образовъ тѣхъ репульсивныхъ эмоцій, которыя вызываюгся противоправными дѣйствіями. Къ этому элементу изучаемыхъ представленій примѣнимы всѣ тѣ замѣчанія, которыя были сдѣланы выше о природѣ правовыхъ репульсій, почему въ настоящее время мы къ нимъ возвращаться и не будемъ.

Затѣмъ, кромѣ представленій правовыхъ репульсій, представленія правонарушеній слагаются еще изъ четырехъ категорій представленій: а) представленій нормативныхъ фактовъ; б) представленій релевантныхъ фактовъ; в) субъектныхъ представленій и д) объектныхъ представленій.

а) Представляемые правонарушения можно дѣлить на интуитивныя и позитивныя въ зависимости отъ того, содержится ли въ ихъ психологическомъ составѣ представленіе нормативныхъ фактовъ или нѣтъ. Если извѣстное дѣяніе представляется намъ неправомѣрнымъ само по себѣ, независимо отъ мнѣнія какихъ либо авторитетовъ, то мы имѣемъ налицо интуитивное правонарушеніе и нарушеніе интуитивнаго права. Если же мы признаемъ извѣстное дѣйствіе неправомѣрнымъ лишь потому, что оно считается таковымъ закономъ, обычаемъ и т. п., то соответственный деликтъ является позитивнымъ правонарушеніемъ. (Ср. напр. ст. 1 угол. ул. 1903 г. — преступнымъ „признается“ дѣяніе... или art. 3, code pénal français: les tentatives de délits ne sont „considérées“ comme délits que dans les cas déterminés par une disposition spéciale de la loi и т. п.).

б) Представляемые правонарушения можно дѣлить на безусловныя и условныя, смотря по тому вызываюг ли лежащія въ основѣ ихъ дѣйствія правовыя репульсіи независимо отъ какихъ либо обстоятельствъ или же послѣднія возникаютъ лишь при воспріятіи дѣйствій въ извѣстныхъ условіяхъ. Примѣромъ первыхъ является убійство, признаваемое неправомѣрнымъ, помимо

¹⁾ Петражицкій, Введеніе, стр. 141, 142.

существованія какихъ либо особыхъ условий, отношеній преступника къ жертвѣ и т. п. Иллюстраціями второй могутъ служить: невыдача нашедшему третьей части находки (противоправность какового дѣйствія предполагаетъ доставленіе находки), примѣненіе наказанія къ лицу добровольно оставившему покушеніе (неправомѣрность котораго зависитъ отъ факта добровольности остановки *conatus'a*). Безусловныя правонарушенія можно назвать также нарушеніями категорическихъ правъ, условныя — нарушеніями правъ гипотетическихъ.

Что касается содержанія субъективныхъ представленій психическихъ образовъ правонарушеній, то здѣсь слѣдуетъ прежде всего различать представленія активныхъ субъектовъ — правонарушителей, деликвенговъ, и представленія пассивныхъ субъектовъ — потерпѣвшихъ отъ правонарушенія. Сначала необходимо установить содержаніе первыхъ, а затѣмъ можно обратиться и къ анализу существа послѣднихъ.

Содержаніе представленій активныхъ субъектовъ правонарушения различествуютъ въ зависимости отъ уровня культуры той соціальной среды, уголовное право которой мы подвергаемъ изслѣдованію. Такъ, на примитивныхъ ступеняхъ развитія уголовного права, деликты представляются исходящими не отъ индивидовъ, какъ таковыхъ, а отъ тѣхъ общественныхъ группъ, къ которымъ послѣдніе принадлежать ¹⁾. Съ теченіемъ времени, эта идея коллективной виновности отпадаетъ и правонарушителями начинаютъ признаваться лишь одни индивиды. Но и содержаніе этихъ представленій индивидовъ подвергается въ исторіи права большимъ модификаціямъ. Въ то время, какъ древнее право признавало правонарушителями всѣхъ безъ различія индивидовъ, причинившихъ извѣстный эффектъ, современное право признаетъ таковыми только лицъ, достигшихъ извѣстнаго психическаго развитія и обладающихъ извѣстнымъ качествомъ диспозитивной психики, при обсужденіи свойствъ котораго существуетъ историческая тенденція проявлять все большую и большую строгость (ср. современное теченіе въ нѣмецкой литературѣ въ пользу признанія „уменьшенной“ вмѣняемости *Liszt*, *Die Strafrechtliche Zurechnungsfähigkeit* въ его *Aufsätze*, II, s. 222; съ нашей точки зрѣнія оно означаетъ повышеніе уровня требованій при оцѣнкѣ вмѣняемости лица. Уменьшенно-вмѣняемые съ точки зрѣнія новой теоріи суть тѣже невмѣняемые).

Далѣе, въ исторіи уголовного права въ роли активныхъ субъектовъ правонарушения выступали нерѣдко и животныя ²⁾ (ср. соответственныя средневѣковые уголовные процессы). Впрочемъ, путемъ самонаблюденія легко убѣдиться въ существованіи и въ теперешней нашей правовой психикѣ, если не официально

¹⁾ Post, *Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz*, B. I, s. 226, 230; Makarewicz, *Einführung in die Philosophie des Strafrechts*, 1906, s. 305—312, 319.

²⁾ Post, *Grundriss*, II, s. 231. Makarewicz, *в. с.* s. 359; Löffler, *Die Schuldformen des Strafrechts*, 1895, s. 132.

позитивныхъ, то во всякомъ случаѣ интуитивныхъ репульсій по адресу разнаго рода актовъ животныхъ.

Наконецъ, правонарушителями являлись нерѣдко предметы неодушевленные ¹⁾: (деревья, камни, балки, лодки и т. п.); и различныя фантастическія существа, боги, духи, демоны (ср. напр., исторію паденія діавола, объясняемаго нарушеніемъ съ его стороны правъ Божества на повиновеніе и пр.). Въ зависимости отъ степени развитія народной правовой фантазіи и свѣдѣнія о такого рода фактахъ приобрѣтали болѣе или менѣе сложный характеръ, слагались легенды съ соответствующимъ содержаниемъ и т. д.

Таковы основные типы представляемыхъ активныхъ субъектовъ правонарушения. Что же касается пассивныхъ субъектовъ деликта, то въ роли послѣднихъ выступаютъ тѣ же существа, которыя являются правонарушителями. Такъ, содержанія этихъ представлений состоятъ изъ образовъ индивидовъ, общественныхъ группъ (въ международномъ правѣ—государствъ), животныхъ ²⁾ (ср. рассказъ о поступкѣ винетскаго купца съ его старой лошадыю, спасшей ему нѣкогда жизнь), неодушевленныхъ предметовъ ³⁾, (оскорбленіе священныхъ предметовъ, *sacrilegium locale et reale*. Ул. о нак.; ст. 210), боговъ ⁴⁾, (ср. богохуленіе).

Активные и пассивные субъекты правонарушения могутъ находиться между собой въ самомъ разнообразномъ отношеніи. Не только люди могутъ нарушать права другъ друга, но и животные и божества. Такъ, напр., въ частности, животныя могутъ нарушать право людей, боговъ и священныхъ предметовъ (ср. казнь обезьяны въ Москвѣ въ XVIII ст. за то, что она забѣжала въ церковь).

Наличность обѣихъ категорій субъектныхъ представлений отнюдь не составляетъ необходимаго условія представляемаго правонарушения. Въ составъ послѣдняго можетъ входить одно только представленіе пассивнаго субъекта (ср. воспріятіе убитаго или искалѣченнаго человѣка), или же имѣется налицо одно только представленіе активнаго субъекта, напр., въ сужденіи: Ивановъ совершилъ убійство.

Субъектныя представленія обыкновенно присутствуютъ въ составѣ образовъ деликта, но не могутъ быть признаны необходимыми элементами послѣднихъ. Представленіе правонарушения можетъ переживаться и безъ знанія о томъ, кто совершилъ соответственнае дѣйствіе и кто понесъ отъ послѣдняго правовой ущербъ. Такъ, напр., воспріятіе окурка, брошеннаго въ таинскій водопроводъ, видъ разграбленной усадьбы, сами по себѣ способны вызывать правовую репульсію, совершенно независимо отъ представленія виновника подлежащихъ эффектовъ и отъ идеи о пострадавшихъ хозяевахъ. Существеннымъ моментомъ

¹⁾ Post, II, s. 232; Makarewicz, s. 359.

²⁾ Makarewicz, s. 178, 207.

³⁾ Makarewicz, s. 176, 181.

⁴⁾ Makarewicz, s. 165—169, особенно s. 175.

представленій релевантных фактовъ уголовно-юридическихъ нормъ являются объектныя представленія деликта, безъ наличности которыхъ психическое воспроизведеніе послѣдняго не можетъ имѣть мѣста.

d. Объектныя представленія правонарушеній, подобно психическимъ переживаніямъ предыдущей категоріи, распадаются на представленія дѣйствій активнаго субъекта деликта и представленія дѣйствій пассивнаго субъекта деликта. Содержаніе первыхъ составляютъ образы дѣйствій, заключающихся въ недоставленіи того поведенія, на которое противная сторона уполномочена, можетъ притязать. Дѣйствія эти, по своему направленію, противоположны тѣмъ дѣйствіямъ, которыя предписываются правомъ, вызываютъ правовыя импульсивныя эмоціи. Именно, когда право требуетъ совершенія какого либо дѣйствія (поп *facere*—не убій, не укради—ср. вообще содержаніе акціонныхъ представленій большинства юр. нормъ), нарушеніе соотвѣтственныхъ нормъ выразится въ совершеніи подлежащихъ дѣйствій, явится положительнымъ дѣйствіемъ, *facere*. И наоборотъ, въ случаѣ направленія правовыхъ нормъ на достиженіе извѣстныхъ содѣяній, соотвѣтственныя правонарушенія представляютъ внѣшній видъ воздержаній, опущеній.

Нарушающія право дѣйствія и опущенія бываютъ физическія и психическія. Примѣрами первыхъ являются убійство, кража, неказаніе помощи, примѣрами вторыхъ—постановленіе неправильнаго приговора со стороны суда, недонесеніе о готовящемся преступленіи.

Дѣйствія пассивнаго субъекта правонарушения и содержаніе подлежащихъ представленій заключаются въ терпѣніи извѣстнаго воздѣйствія на эмоціональную сферу даннаго лица, притомъ безразлично идетъ ли рѣчь о *delictum in faciundo* или о противоправныхъ опущеніяхъ.

Такова въ существенныхъ своихъ чертахъ природа представленій правонарушительныхъ дѣйствій. Но установленіемъ теоріи этихъ явленій еще далеко не разрѣшается проблема теоретическаго выясненія существа содержанія гипотезъ уголовно-юридическихъ нормъ. Какъ было указано выше, послѣднія заключаютъ въ себѣ образы не правонарушеній, а преступленій. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, дальнѣйшее изложеніе будетъ посвящено выясненію природы преступленія и тѣхъ специфическихъ особенностей, которыми послѣднее характеризуется по сравненію съ правонарушеніемъ.

Дѣйствія, являющіяся неисполненіемъ предписаній права, возбуждаютъ не одну только правовую репульсивную эмоцію, а обладаютъ тенденціей производить и иные психическіе эффекты. „По общимъ законамъ эмоціональной психики, замѣчаетъ проф. Петражицкій ¹⁾, такія дѣйствія другихъ по отношенію къ субъ-

¹⁾ Теорія права, I, стр. 162.

екту, которыя представляются ему причиненіемъ зла, вреда, минуса имѣютъ тенденцію возбуждать эмоціональныя реакціи репрессивнаго характера, одіозныя, зlostныя и мстительныя эмоціи“. Подъ тѣмъ „минусомъ, вредомъ“, о которомъ упоминаетъ авторъ цитаты, слѣдуетъ разумѣть вообще возбужденіе репульсивныхъ эмоцій, подъ вредными явленіями—объекты на которые проицируются подлежащія переживанія.

Въ области правовой психики, дѣйствіями причиняющими вредъ являются дѣйствія, вызывающія правовую репульсивную эмоцію—правонарушенія. Въ соответствии съ общими законами эмоціональной жизни и правовой репульсии имѣютъ способность порождать позывъ къ насилию, одіозныя эмоціи. Для отличія происходящаго при этомъ психическаго процесса отъ психическихъ эффектовъ воспріятій иныхъ вредныхъ явленій, мы назовемъ возбуждаемыя правонарушеніемъ одіозныя эмоціи—*репрессивными* эмоціями.

Правонарушенія, вызывающія репрессивную эмоцію, суть преступленія. Специфической особенностью послѣдняго является, такимъ образомъ, переживаніе въ связи съ воспріятіемъ различныхъ дѣйствій, одіознорепрессивныхъ эмоцій. Слово преступленіе здѣсь и въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ употреблять въ качествѣ техническаго термина для обозначенія образованнаго только что класса явленій, въ общезитіи же (а подчасъ и наукѣ) оно употребляется безразлично, какъ для обозначенія правонарушенія, такъ и преступленія въ нашемъ смыслѣ.

Репрессивныя эмоціи обладаютъ аппульсивнымъ характеромъ, переживаются, какъ энергическія побужденія къ предпріятію извѣстнаго поведенія. Сообразно съ ихъ зlostной, ненавистнической природой и соответствующія акціи, дѣйствія, изъ нихъ вытекающія, направляются на причиненіе зла и страданій. Нерѣдко дѣйствія эти отображаются въ сознаніи переживающаго репрессивную эмоцію субъекта, въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ налицо акціонныя представленія репрессивныхъ эмоцій, образы тѣхъ дѣйствій, къ которымъ послѣднія побуждаютъ. Содержаніе этихъ представленій бываетъ въ высшей степени разнообразнымъ, начиная съ простаго выраженія порицанія (выговора) и кончая лишеніемъ жизни (смертной казнью), въ зависимости отъ большей или меньшей напряженности и силы переживаемой индивидуумомъ репрессивной эмоціи.

Какъ мы указали выше, всякое правонарушеніе имѣетъ тенденцію вызывать репрессивную эмоцію, иными словами, всякое правонарушеніе можетъ быть преступленіемъ. Больше того, можно сказать, что, съ точки зрѣнія нашей автономной психики, большинство деликтовъ квалифицируется, какъ преступленія, вызывая стремленіе къ репрессіи и одіозной реакціи. Но современное официально-позитивное право признаетъ лишь за нѣкоторыми изъ деликтовъ преступный характеръ, считая преступленіями лишь такія правонарушенія, за учиненіе которыхъ уголовнымъ закономъ предписывается примѣненіе наказанія.

Вообще слѣдуетъ различать позитивныя и интуитивныя

преступленія. Послѣднія имѣютъ мѣсто тогда, когда совершенія известнаго дѣйствія вызываетъ въ нашей психикѣ самопроизвольный импульсъ къ насилию, возникающій въ силу одного только воспріятія или представленія правонарушенія. Позитивное же преступленіе существуетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сознаніе необходимости репрессивной реакціи возникаетъ въ нашей психикѣ вслѣдствіе соответственныхъ предписаній закона, обычая, воззрѣній общественной группы (въ области дуэльнаго права) и другихъ авторитетовъ. Средствомъ діагноза подлежащихъ нормативныхъ воззрѣній на природу деликтовъ является въ этихъ случаяхъ наличие соответственныхъ карательныхъ предписаній, содержаніе которыхъ корреспондируетъ содержанію акціонныхъ представленій репрессивныхъ эмоцій.

Далѣе, можно различать условныя и безусловныя преступленія, въ зависимости отъ того, необходимо ли для появленія репрессивной эмоціи привожденіе особыхъ признаковъ обстановки учиненія деликта, или же самъ деликтъ, какъ таковой, порождаетъ позывъ къ насилию. Такъ, напр., всякое виновное неисполненіе должникомъ своихъ обязательствъ по имуществу является противоправнымъ дѣяніемъ, но преступнымъ дѣяніемъ (банкротствомъ) становятся лишь нѣкоторыя изъ нихъ, именно тѣ, которыя учиняются при наличности опредѣленныхъ закономъ условій. Эти дополнительные, возводящіе правонарушеніе на степень преступленія, моменты являются условіями преступности.

Затѣмъ, поскольку появленіе репрессивныхъ эмоцій ставится въ зависимость отъ особыхъ свойствъ совершающаго деликтъ или претерпѣвающаго таковой субъекта, можно говорить о спеціально присущихъ преступленію активныхъ и пассивныхъ субъектахъ.

Наконецъ, въ случаяхъ зависимости преступности дѣянія отъ особыхъ качествъ дѣйствія активнаго или пассивнаго субъекта, слѣдуетъ признать наличность особыхъ, спеціально характерныхъ для преступленія активныхъ и пассивныхъ объектовъ (дѣйствій). Таково, напр., требованіе умысла для наказуемости и т. д.

Репрессивныя эмоціи, подобно репульсивнымъ эмоціямъ правового характера испытываютъ значительныя колебанія въ степени своей силы и напряженности. Онѣ переживаются съ большей интенсивностью при воспріятіи однихъ правонарушеній и съ меньшей интенсивностью при воспріятіи другихъ. Между колебаніями силы правовыхъ и репрессивныхъ эмоцій можно подмѣтить известное соотношеніе, чѣмъ сильнѣе возбуждаемая дѣйствіемъ правовая репульсія, тѣмъ интенсивнѣе *ceteris paribus* и репрессивная эмоція и наоборотъ.

Репрессивныя эмоціи, переживаемыя въ связи съ воспріятіями разнаго рода правонарушеній, не имѣютъ характера абсолютной связи съ правовыми репульсіями, а напротивъ того, подъ влияніемъ дѣйствія различныхъ психическихъ факторовъ падаютъ и ослабѣваютъ. Такъ, прежде всего, эти эмоціи находятся въ тѣсной связи съ общимъ настроеніемъ эмоціональной психики.

При болѣ суровомъ колоритѣ послѣдней и репрессивныя эмоціи потенцируются, приобрѣтають болѣ одіозный характеръ, при мягкости темперамента субъекта мы замѣчаемъ обратное явленіе. Но не однѣ только склонности индивида, его психическія диспозиціи къ переживанію тѣхъ или иныхъ эмоцій, имѣють значеніе для характера протеченія репрессивныхъ эмоцій. Громадное вліяніе на квалификацію преступленій оказываетъ и актуальное состояніе психики лица въ моментъ воспріятія правонарушеній. Если въ данный моментъ въ индивидуальной или массовой психикѣ существуютъ условія, противодѣйствующія возникновенію и развитію репрессивныхъ эмоцій, въ видѣ, напр., радости, положительныхъ чувствъ удовольствія вслѣдствіе удовлетворенія какихъ либо эмоцій, нравственныхъ импульсій, предписывающихъ прощеніе злыхъ и т. п., то эти эмоціи могутъ и не явиться при воспріятіи правонарушеній или же въ случаѣ возникновенія поблѣднѣть и погаснуть. Подлежащая психическая метаморфоза находитъ себѣ внѣшнее выраженіе въ дѣйствіяхъ примиренія, амнистіи и помилованія.

Далѣе, репрессивныя эмоціи имѣють тенденцію утрачивать съ теченіемъ времени свою связь съ образами возбудившихъ ихъ правонарушеній. Вслѣдствіе своего бурнаго рѣзкаго характера, онѣ уже по самому своему существу не могутъ долго длиться, а по истеченіи извѣстнаго промежутка времени и вовсе по адресу даннаго конкретнаго правонарушенія не возникаютъ. Внѣшнее выраженіе соотвѣтственнаго психического процесса забыванія представляетъ собою погашеніе преступности за давностью.

Репрессивныя эмоціи погасаютъ и подъ вліяніемъ другихъ факторовъ психического характера, напр., того эмоціональнаго настроенія, которое вызывается извѣстіемъ о смерти виновнаго, понесеніемъ имъ уже наказанія, нежеланіемъ усиливать могущество иностраннаго государства путемъ примѣненія наказанія за направленные противъ него преступленія, или, во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе равнодушія къ подлежащимъ дѣяніямъ. Всѣ эти психическія переживанія, обуславливающія погашеніе возникающихъ по адресу правонарушеній (и ихъ учинителей) репрессивныхъ эмоцій, мы будемъ называть условіями отпаденія преступности дѣянія.

Этими замѣчаніями мы заканчиваемъ изложеніе теоріи (реальнаго и представляемаго) преступленія и вмѣстѣ съ тѣмъ завершаемъ и обзоръ содержанія представленій релевантныхъ факторовъ уголовно-юридическихъ нормъ.

§ 4. Субъектныя представленія уголовно-юридическихъ нормъ.

Содержаніе субъектныхъ представленій уголовно-правовыхъ нормъ подвергалось въ теченіе процесса историческаго развитія этой области права значительнымъ модификаціямъ и перемѣнамъ. Въ древнѣйшее время право на наказаніе приписывалось самому потерпѣвшему отъ преступленія—той общественной группѣ, ко-

торая понесла вслѣдствіе учиненія преступнаго дѣянія правовой ущербъ. Активнымъ субъектомъ уголовного права, слѣдовательно, въ ту эпоху представлялась группа, какъ таковая ¹⁾. Съ прогрессомъ культуры, однако, карательныя войны между родовыми группами прекратились, или по крайней мѣрѣ стали рѣдкими, а право наказанія стало достояніемъ пострадавшихъ отъ преступления индивидовъ и ихъ близкихъ—періодъ частной мести. Впрочемъ, и въ эту эпоху отдѣльныя лица осуществляли карательное право не самостоятельно, а подъ контролемъ соответственныхъ группъ, такъ что, напр., отказъ отъ мести самъ по себѣ считался преступленіемъ, влекъ за собой невыгодныя послѣдствія для родича ²⁾ и т. д.

Въ настоящее время оффиціальное карательное право принадлежитъ различнымъ должностнымъ лицамъ (а иногда и субъектамъ верховной власти) въ качествѣ соціально-служебной власти, т. е. въ видѣ такихъ правъ воздѣйствія на гражданъ, съ которыми сочетаются обязанности интуитивно-правового характера, состоящая въ заботѣ объ общественномъ благѣ ³⁾. Положительная сторона соответственнаго правоотношенія—право требованія правильнаго примѣненія репрессіи—закрѣплена за всеми гражданами. Впрочемъ, въ составъ абстрактныхъ уголовно-юридическихъ нормъ, представленіе активного субъекта карательнаго права нерѣдко и вообще не входитъ. Подлежація нормы переживаются въ этихъ случаяхъ просто, какъ авторитетное предписаніе примѣненія за извѣстныя дѣянія наказанія, безъ идеи о томъ, кто на выполнение соответственнаго дѣйствія можетъ притязать.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда право примѣненія наказанія приписывается въ качествѣ соціально-служебной власти разнаго рода должностнымъ лицамъ, то иногда возникающее изъ соответственной власти право на рациональное примѣненіе репрессіи закрѣпляется не за всеми гражданами, какъ таковыми, а лишь за непосредственно пострадавшими отъ преступления. Таково, напр., положеніе дѣла при преступленияхъ частныхъ, когда только одинъ потерпѣвшій отъ деликта можетъ притязать на приведеніе уголовной угрозы въ исполненіе (при преступленияхъ частно-публичныхъ жалоба пострадавшаго играетъ иную роль, является гарантіей безвредности репрессіи для интересовъ послѣдняго).

Обращаясь къ разсмотрѣнію положенія интересующаго насъ элемента карательныхъ нормъ въ области неоффиціального уголовного права, мы находимъ, что здѣсь и въ настоящее время въ роли субъектовъ карательныхъ притязаній выступаютъ общественныя группы ⁴⁾, главы отдѣльныхъ общеній—отцы, вообще родители, воспитатели—субъекты семейнаго уголовного права, пред-

¹⁾ Liszt, Der Zweckgedanke im Strafrecht, Strafrechtliche Aufsätze und Vorträge, 1905, B. I. s. 138, 139.

²⁾ Wilda, Strafrecht der Germanen, 1842, s. 172 ff; Post, Grundriss I s. 228; Makarewicz, s. 225, 236.

³⁾ Петражицкій, Теорія права, I, стр. 192.

⁴⁾ Makarewicz, s. 99—112.

ставители различных сословий, союзовъ и т. д.—дисциплинарное уголовное право и др.

Исторія уголовного права знала карательныя права, принадлежавшія различнымъ мыслимымъ, фантастическимъ существамъ ¹⁾. Особенно важную роль играло въ прежнее время сакральное уголовное право. Божествамъ приписывались права налагать весьма тяжкія и суровыя наказанія за нарушенія ихъ правъ ²⁾. Равнымъ образомъ, существовали случаи юридической мести со стороны духовъ умершихъ за недоставленіе требуемой пищи, непринесеніе жертвоприношеній и проч.

Что касается пассивныхъ субъектовъ уголовного права, субъектовъ возникающей изъ него обязанности, то содержаніе соотвѣтственныхъ представленій совпадаетъ въ большинствѣ случаевъ съ содержаніемъ представленій активныхъ субъектовъ правонарушения. Въ роли носителей обязанности терпѣнія наказанія выступаютъ общественныя группы ³⁾, отдѣльные индивиды, мыслимыя, фантастическія существа—божества, духи, животныя ⁴⁾ и неодушевленные предметы ⁵⁾. Но иногда обязанность терпѣнія наказанія приписывается субъектамъ, въ учиненіи преступленія невиновнымъ. Таковы случаи примѣненія репрессалій въ международноправовомъ оборотѣ, наказанія дѣтей за преступленія отцовъ въ позднѣйшемъ правѣ, когда идея родовой виновности уже потеряла кредитъ и др. ⁶⁾.

Въ современномъ официально-позитивномъ правѣ пассивный субъектъ уголовного права познается изъ анализа того элемента нормативныхъ сужденій, который соотвѣтствуетъ гипотезѣ уголовно-юридическихъ нормъ. Такъ, напр., терминъ „виновный“ русскихъ уголовныхъ законовъ означаетъ одновременно активнаго субъекта деликта и пассивнаго субъекта уголовного правоотношенія, выраженныхъ въ абстрактной, опредѣленной родовыми чертами, формѣ. Въ конкретныхъ же позитивныхъ карательныхъ нормахъ, напр., въ переживаніяхъ правового типа, ссылающихся на уголовный приговоръ, подлежащее представленіе выражается въ индивидуальной формѣ, напр., Ивановъ и т. п.

§ 5. Объектныя представленія уголовно-юридическихъ нормъ.

Мы приблизились къ важнѣйшему вопросу теоріи уголовного права — проблемѣ содержанія объектныхъ представленій карательныхъ нормъ. Какъ было указано еще во введеніи, единственно-научнымъ критеріемъ разграниченія видовъ права является признакъ различія объектныхъ представленій подлежащихъ юридическимъ нормъ. Въ самомъ дѣлѣ легко убѣдиться, что,

¹⁾ Makarewicz, s. 158—159.

²⁾ Makarewicz, s. 237, 240, 241.

³⁾ Makarewicz, s. 320—326.

⁴⁾ Löffler, s. 39, 40, 54; Makarewicz, s. 358.

⁵⁾ Löffler, s. 39—40; Makarewicz, s. 358.

⁶⁾ Wilda, Strafrecht der Germanen. s. 517.

напр., изложенное выше содержание субъективных представлений карательных норм не составляет специфической особенности интересующей нас категории юридических явлений, а встречается и в правовых переживаниях иного порядка. Напротив того, представления объектов уголовного права, действий, к которым оно управомочивает или обязывает, отличаются специально присущим карательному праву содержанием, ибо нет иного права на наказания, кроме уголовного, карательного права.

Наиболее распространенным и господствующим в настоящее время определением наказания (являющегося с точки зрения нашей теории активным объектом карательного права) является определение его, как причиняемого преступнику за преступление страдания. Некоторые криминалисты вводят в это определение еще некоторые добавочные признаки, но в общем большинство сходится в признании его правильности ¹⁾.

Приведенное определение, считавшееся долгое время сакральным в науке уголовного права, в последние годы подверглось в литературе сильной критике и нападкам—криминалисты заметили в чем наличность порочного логического круга (*circulus vitiosus*) ²⁾.

Дело в том, что в состав господствующего определения наказания входит признак преступления—только то страдание является наказанием, которое следует за преступлением и причиняется вследствие него. Познание существа наказания, таким образом, необходимо предполагает установление природы преступления. Но тут-то и возникает затруднение. Преступление, в свою очередь, определяется современной наукой, как деяние,

¹⁾ Так, в новейшее время мы встречаем попытку введения в определение наказания указания на его исхождение от суда (ср. Liszt, Lehrbuch, s. 248; Поанышев, Основные вопросы учения о наказании, стр. 334, 338). С теоретической точки зрения подобное добавление не заслуживает одобрения: история права знает многочисленные случаи применения (при том вполне правомѣрного) репрессии помимо суда. Другие ученые (Liszt, Zweckgedanke, Aufsätze, I, s. 163; проф. Фойницкий, „Учение о наказании“, стр. 2, 49, 65) определяют наказание, как принуждение. Однако, принуждение не является объектом какого-либо специального права, а представляет собою лишь способ осуществления права. Къ тому же всякое (а не только уголовное) право может быть реализовано принудительно. Третьи считают существенным признакомъ наказания ту цель, которой оно служитъ. Такъ, Jellinek, Die socialethische Bedeutung von Recht, Unrecht, und Strafe, 1878 s. 116 и Liepmann, Einleitung in das Strafrecht, 1900, s. 191 указывает на то, что задачей наказания является устранение вредных последствий преступления. Но исследование цели явления вообще къ области теории не относится. Кроме того, ошибочно определять наказание посредствомъ характеристики его функций, на вопросъ о существѣ явления отвѣчать, что оно тому и тому то служитъ. Наконецъ, в литературѣ иногда высказывается мнѣніе, что наказание непременно должно *in concreto* причинить страдание, безъ этого условія подлежащая мѣры лишены карательнаго характера. Особенно резко выраженъ этотъ взглядъ у Feuerbach, Lehrbuch, 1847, s. 236; Liepmann, Einleitung, s. 191. Есть и другія воззрѣнія на природу наказания (въ немъ видятъ, напр., благо и др.).

²⁾ Ср., напр., Makarewicz, Einführung, s. 30.

запрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія, ставится въ тѣсную связь съ наказаніемъ. И вотъ, въ виду того, что обыкновенно оба опредѣленія не сопоставляются другъ съ другомъ, а излагаются въ различныхъ областяхъ науки уголовного права, получается впечатлѣніе, что оба они суть продуктъ недосмотра криминалистовъ, слѣдствіе логическаго недоразумѣнія съ ихъ стороны.

Для произведенія правильной оцѣнки научнаго достоинства обоихъ опредѣленій необходимо, по нашему мнѣнію, различать вопросъ о методологической ихъ корректности отъ вопроса о правильности ихъ по существу.

Въ первомъ отношеніи, съ методологической точки зрѣнія, разбираемая опредѣленія не только не заключаютъ въ себѣ какой-либо логической ошибки, въ частности, порочнаго круга, но являются даже единственно возможными выразителями тѣхъ идей, о преступленіи и наказаніи которыхъ придерживается господствующее мнѣніе. Логика уже давно содержитъ въ себѣ ученіе о такъ называемыхъ соотносительныхъ понятіяхъ, т.-е. такихъ идеяхъ, которыя, кромѣ означаемаго ими предмета, указываютъ на существованіе еще и другого предмета, находящагося въ опредѣленномъ отношеніи къ первому ¹⁾. Къ числу такихъ соотносительныхъ понятій Relationbegriffe, какъ ихъ называютъ нѣмецкіе логики, относятся идеи причины и слѣдствія, отца и сына, властителя и подданнаго, сходства и несходства и т. п. Особенность этихъ именъ, по мнѣнію Милля, заключается въ томъ, что они всегда бывають даны попарно: каждое относительное имя, прилагаемое къ одному предмету, предполагаетъ другой предметъ (или предметы), къ которымъ можетъ быть приложено или это самое, или же другое относительное имя, которое называютъ соотносительнымъ съ первымъ ²⁾.

И вотъ господствующая доктрина уголовного права, безъ знанія о существованіи соотносительныхъ понятій или, по крайней мѣрѣ, безъ сознанія примѣнимости ихъ къ данному случаю (ученію о преступленіи и наказаніи), фактически создала такую умственную продукцію, къ которой упомянутая нами категорія логическихъ понятій не только можетъ, но и должна быть примѣнена. По мысли изложенныхъ выше теорій преступленія и наказанія, понятія послѣднихъ суть понятія соотносительныя, указывающія на наличность извѣстнаго отношенія между подлежащими, означаемыми ими, явленіями—дѣйствіями преступнаго характера и дѣйствіями причиняющими за учиненіе преступленій страданій—наказаніями. Если мы выразимъ приведенныя выше опредѣленія въ болѣе точной формѣ, придадимъ заключающимся въ нихъ идеямъ болѣе рельефныя очертанія, то у насъ получатся слѣдующія формулы: преступленіе есть правонарушительное дѣйствіе, за учиненіе котораго закономъ предписывается причиненіе страданія, каковое (вслѣдствіе этой своей связи съ деликтомъ)

¹⁾ Милль. Логика, кн. I, гл. II, § 7; Sigwart, Logik, I, 1904, 38 ff. 84.

²⁾ Ср. также Sigwart, I, s. 86.

называется наказаніемъ. Наказаніе есть страданіе, слѣдующее за учиненіемъ деликтовъ (правонарушеній), признанныхъ закономъ въ качествѣ юридическихъ фактовъ, условій причиненія дѣятелю страданія, и называющихся вслѣдствіе этого преступленія. Отсюда видно, что мысли господствующей теоріи преступленія и наказанія становятся таковыми лишь вслѣдствіе установленія закономъ извѣстной связи между лежащими въ основѣ ихъ явленіями. Преступленіе отличается отъ другихъ правонарушеній лишь тѣмъ, что съ фактомъ его учиненія законъ связываетъ наступленіе страданія для дѣятеля. Наказаніе отличается отъ другихъ дѣйствій, причиняющихъ страданіе, тѣмъ, что оно слѣдуетъ за правонарушеніями, обусловливающими по волѣ закона осуществленіе этихъ поступковъ, примѣненіе репрессіи. Изъ этихъ разъясненій легко убѣдиться, что современнаго ученія о преступленіи и наказаніи нельзя иначе и выразить, какъ не черезъ посредство такихъ понятій, которыя бы наряду съ обозначеніемъ извѣстныхъ дѣйствій, содержали въ себѣ еще и указаніе на определенное отношеніе ихъ къ другимъ дѣйствіямъ и, съ методологической точки зрѣнія подобный приѣмъ вовсе не заслуживаетъ порицанія ¹⁾.

Иное дѣло правильность приведенныхъ опредѣленій по существу. Съ этой точки зрѣнія съ современнымъ опредѣленіемъ преступленія никакъ нельзя согласиться. Какъ мы убѣдились уже выше, бытіе преступленія совершенно не зависитъ отъ угрозы уголовного закона, отъ предписанія послѣдняго примѣнить наказаніе. Такое положеніе далеко не правильно и въ примѣненіи къ преступленію современнаго оффиціального права, съ теоретической же точки, преступленія существуютъ не только независимо отъ наличности соответствующихъ уголовныхъ законовъ, но и при отсутствіи всякаго вообще писаннаго права. Мало того, не зависитъ бытіе преступленія и отъ наличности въ психикѣ лица, воспринимающаго преступленія, акціонныхъ представленій репрессивныхъ эмоцій. Послѣднія могутъ переживаться въ видѣ гнѣва по поводу происшедшаго правонарушенія, въ видѣ раздраженія безъ мысли о вымѣщеніи даннаго гнѣва на комъ-либо и т. п. Вышнимъ выраженіемъ такихъ эмоцій является брань,

---

¹⁾ Въ новѣйшее время были предложены двѣ теоріи, направленные на измѣненіе отношенія преступленія и наказанія. Такъ, Познышевъ, ук. соч. стр. 334—335, стремится освободить наказаніе отъ связи съ преступленіемъ. Наказаніе, по его мнѣнію, есть слѣдствіе не преступленій, а „извѣстныхъ дѣяній“. Что слѣдуетъ разумѣть подъ этими „извѣстными“ дѣяніями, авторъ не указываетъ, но изъ слѣдующей (336) стр. явствуетъ, что и по его мнѣнію, наказаніе можетъ быть слѣдствіемъ только тѣхъ дѣяній, наказуемость которыхъ установлена закономъ, т. е. однихъ преступленій. Makarewicz стремится произвести реформу въ другомъ направленіи. Его задача—освободить преступленіе отъ связи съ угрозой уголовного закона. Преступленіемъ является, по его мнѣнію (в. с. стр. 80, 90), не то, что запрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, а то, что фактически наказуется. Однако, въ этомъ случаѣ не могло бы быть безнаказанныхъ преступленій.

словесное негодование, без направления этихъ акцій по адресу какого-либо опредѣленнаго, противостоящаго субъекту переживанія, существа или явленія. Другими словами, преступленіе есть такое явленіе, которое требуетъ для своего обозначенія (употребляя терминологию Милля) понятія безотносительнаго.

Признавая такую независимость понятія преступленія отъ идей о какихъ-либо иныхъ предметахъ, мы не можемъ, однако, сказать того же о понятіи наказанія. Какъ мы увидимъ ниже, извѣстная категория дѣйствій выдѣляется изъ группы другихъ тождественныхъ съ ней явленій и квалифицируется, какъ наказаніе, именно на основаніи опредѣленнаго своего отношенія къ другой категории явленій — представленіямъ преступленій. Обстоятельное обоснованіе этого положенія мы дадимъ ниже въ связи съ развитіемъ теоріи наказанія, въ настоящее же время намъ необходимо обратиться къ установленію логической природы той категории понятій, къ которой принадлежитъ интересующее насъ понятіе наказанія.

Отрицая за понятіемъ преступленія вообще, а, слѣдовательно, и за понятіемъ представляемаго преступленія, характеръ понятія соотносительнаго и признавая въ то же время зависимость наказанія отъ идеи о преступленіи, мы впадаемъ, повидимому, въ логическое противорѣчіе. Какъ можетъ существовать (съ точки зрѣнія изложеннаго выше ученія логики о соотносительныхъ понятіяхъ) такое явленіе, что, въ то время, какъ одно понятіе зависитъ отъ другого, содержитъ въ себѣ указаніе на извѣстное отношеніе своего объекта къ означаемому послѣднимъ предмету, это, другое, понятіе остается безотносительнымъ? Въ частности, какъ можетъ быть идея наказанія понятіемъ относительнымъ, когда она не пользуется въ этомъ отношеніи взаимностью со стороны понятія преступленія?

Сомнѣнія эти должны быть разрѣшены слѣдующимъ образомъ. Ученіе логики объ относительныхъ именахъ является неполнымъ. Оно игнорируетъ цѣлую категорию понятій, которыя содержатъ указаніе на извѣстное отношеніе означаемаго ими объекта къ другому объекту, тѣмъ не менѣе, ни подъ категорию безотносительныхъ понятій, ни подъ категорию относительныхъ понятій (какъ ихъ принято теперь понимать) не подойдутъ. Таковы, напр., понятія раны, ушиба. Понятія эти, несомнѣнно, указываютъ на извѣстное отношеніе ихъ объекта къ другому явленію. Такъ, напр., не всякое измѣненіе цѣлости тканей является раной, а только такое, которое произведено извѣстнымъ орудіемъ (ножемъ, кинжаломъ и т. д.). Думая о ранѣ, мы думаемъ и о ранящемъ предметѣ. Напротивъ того, представленіе ножа, кинжала совершенно не зависитъ отъ идеи о ранѣ, не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ ней. Аналогичную природу мы установили выше и у понятія наказанія.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ подлежащее ученіе логики слѣдовало бы пополнить теоріей „одностороннеотносительныхъ“ понятій (или просто относительныхъ понятій въ отличіе отъ соотносительныхъ), означающихъ предметы, являющіеся результатами.

эффектами причиннаго дѣйствія какихъ-либо другихъ объектовъ (впрочемъ, въ *pendant* къ этому учению можно и слѣдовало бы создать еще учение о понятіяхъ, означающихъ только причины явленій, напр., вина, юридическій, нормативный, релевантный фактъ и т. п.).

Послѣ этихъ предварительныхъ объясненій, мы можемъ установить наше опредѣленіе наказанія. Наказаніемъ мы признаемъ дѣйствіе, имѣющее тенденцію причинять страданіе, осуществляемое вслѣдствіе сознанія учиненія къ-либо преступленія. Разсмотримъ болѣе подробно входящія въ это опредѣленіе признаки.

Наказаніе есть прежде всего опредѣленное дѣйствіе. Этотъ признакъ въ современной доктринѣ почти совсѣмъ не обращаетъ на себя вниманія. Твердо держась того положенія, что наказаніе есть зло, криминалисты совершенно не заботятся о выясненія того, откуда и какимъ образомъ зло это исходитъ. Пробѣлъ этотъ слѣдуетъ пополнить развитіемъ ученія о наказаніи, какъ об исходящемъ отъ разнаго рода лицъ дѣйствіи, образъ котораго и составляетъ содержаніе представленій активныхъ объектовъ уголовно-юридическихъ нормъ.

Современныя карательныя мѣры суть по преимуществу положительныя дѣйствія—*facere*. Они состоятъ изъ содѣяній, направленныхъ на достиженіе извѣстнаго результата. Таковы, напр., смертная казнь, тюремное заключеніе, изгнаніе и др. Но возможны и встрѣчаются фактически карательныя мѣропріятія, состоящія изъ опущеній (*Kommissivakt durch Unterlassung*), напр., лишеніе арестантовъ права свиданій съ родными, умореніе голодомъ, практиковавшееся въ древней Греціи¹⁾, нѣкоторые элементы древней *Friedlosigkeit*. Результатъ, на который направлены эти наказанія, достигается посредствомъ невмѣшательства въ теченіе естественныхъ процессовъ со стороны большаго или меньшаго количества людей.

Карательныя дѣйствія бываютъ физическія и психическія. Первые являются извѣстными тѣлодвиженіями, совершающими различныя измѣненія во внѣшнемъ мірѣ, а подчасъ и въ тѣлѣ самого преступника. Вторыя суть выраженныя словесно или письменно сужденія, напр., выговоръ.

Наказаніе представляется затѣмъ дѣйствіемъ, имѣющимъ тенденцію причинять страданіе. Это означаетъ, что оно вызываетъ у пассивныхъ субъектовъ карательнаго правоотношенія отрицательныя чувства постольку, поскольку тому нѣтъ противодѣйствующихъ условий. Послѣднія могутъ быть чрезвычайно разнообразными. Такъ, наказаніе можетъ быть направлено на безжизненный объектъ, на камень, на мертвеца, по самой своей природѣ къ переживанію страданія неспособнымъ и т. п.

Различаютъ наказанія, причиняющія страданія физическія и психическія, направленные на духовную и на матеріальную стороны преступника. Подобное различеніе не точно—всякое стра-

¹⁾ Loiseleur, *Les crimes et les peines dans l'antiquité et dans les temps modernes*, 1863, p. 33.

даніе есть психическое явленіе. Правильно въ немъ лишь то, что одни наказанія вызываютъ страданіе путемъ видоизмѣненія физической структуры индивида, другія же достигаютъ этого эффекта посредствомъ сообщенія интеллектуальному сознанію виновнаго опредѣленнаго содержанія. Слѣдовательно, основаніе различія заключается въ данномъ случаѣ въ путяхъ достиженія страданія, хотя, разумѣется, нельзя отрицать различія и между соответственными страданіями (конечно, не въ смыслъ психичности одного и физичности другого).

Наконецъ, наказаніе есть дѣйствіе, осуществляемое вслѣдствіе сознанія учиненія кѣмъ-либо преступленія. Какъ было выяснено выше, репрессивныя эмоціи, переживаемыя въ связи съ воспріятіемъ правонарушеній, сопровождаются нерѣдко акціонными представленіями, т. е. психическими образами тѣхъ дѣйствій, къ совершенію которыхъ репрессивныя эмоціи побуждаютъ. Осуществленіе подлежащихъ эмоціональныхъ запросовъ, реализація соответствующихъ дѣйствій и является наказаніемъ. Отсюда понятна зависимость наказанія отъ преступленія. Являясь сходнымъ съ внѣшней стороны съ акціями другихъ одіозныхъ эмоцій, наказаніе отличается отъ нихъ тѣмъ, что возникаетъ въ результатъ дѣйствія репрессивной эмоціи. Съ другой стороны, изъ этого же соотношенія преступленія и наказанія слѣдуетъ и зависимость рода и размѣра наказанія отъ тяжести преступленія—чѣмъ сильнѣе репрессивная эмоція, тѣмъ суровѣе наказаніе и наоборотъ.

На примитивныхъ ступеняхъ культуры наказаніе примѣняется непосредственно потерпѣвшимъ отъ преступленія лицомъ или его близкими, и является въ соответствіи съ этимъ подлинной акціей репрессивной эмоціи. Но интересующая насъ категорія импульсивныхъ переживаній, подобно правовымъ эмоціямъ, не требуетъ непременно доставленія удовлетворенія своимъ запросамъ дѣятельностью самого субъекта переживанія. Примѣненіе кѣмъ-либо постороннимъ различныхъ мѣръ, причиняющихъ страданіе, къ субъекту, учинившему преступленіе, равнымъ образомъ, имѣетъ тенденцію ликвидировать репрессивныя эмоціи потерпѣвшаго и лицъ ему сочувствующихъ. При этомъ является совершенно безразличнымъ, дѣйствуютъ ли индивиды, примѣняющіе наказаніе, подъ вліяніемъ побужденій репрессивной эмоціи или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ при осуществленіи репрессіи посторонними лицами, наказанія носятъ менѣе жестокой характеръ, ибо репрессивныя эмоціи третьихъ лицъ менѣе интенсивны, нежели подлежація переживанія непосредственно заинтересованныхъ лицъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе наказаній делегировано въ качествѣ права опредѣленнымъ лицамъ, осуществляющимъ репрессію *ex officio*, то возникаетъ еще одинъ, въ высшей степени важный съ культурной точки зрѣнія, результатъ. Регулярное и постоянное примѣненіе репрессіи имѣетъ тенденцію понижать общій уровень репрессивныхъ эмоцій гражданъ, обеспечивая имъ вѣрное и надежное удовлетвореніе. Дѣло доходитъ здѣсь нерѣдко до того, что репрессивныя эмоціи дѣлаются совершенно незамѣтными, подобно тѣмъ многочисленнымъ импуль-

сіамъ, которыя управляютъ нашей повседневной, обыденной жизнью.

Ошибочно было бы, однако, полагаясь на только что указанный нами фактъ, заключить, что репрессивныя эмоціи въ современномъ обществѣ и вообще по адресу извѣстныхъ правонарушеній не возникаютъ. Вслѣдствіе примѣненія метода дразненія ¹⁾ эти эмоціи быстро потенцируются, приобретаютъ значительную интенсивность и т. п. Такъ, если, напр., перестаетъ осуществляться репрессія по адресу какихъ либо преступленій, то быстро усиливается негодованіе по поводу послѣднихъ, возникаютъ саморасправы, самосудъ и т. п. Кромѣ того, все вышесказанное относится лишь къ той области репрессивныхъ переживаній, удовлетвореніе которыхъ обеспечивается наличностью подлежащихъ предписаній офіціального права. Въ другихъ же областяхъ репрессивной психологіи господствуетъ прежняя необузданность и бурность (ср. сферу серьезныхъ дуэлей).

Таковы, въ основныхъ своихъ чертахъ, моменты, характеризующіе понятіе наказанія. Всѣ указанные признаки относятся ко всякой репрессивной мѣрѣ, независимо отъ того осуществляется ли она съ наличностью на то права или нѣтъ. Правовымъ же слѣдуетъ считать то наказаніе, примѣненіе котораго предписывается правомъ, составляетъ содержаніе объектныхъ представленій уголовно-юридическихъ нормъ ²⁾.

¹⁾ Петражицкій, Введеніе, стр. 289.

²⁾ Въ интересахъ приданія большей отчетливости развитой въ текстѣ теоріи наказанія, мы считаемъ полезнымъ установить различіе между наказаніемъ и другими послѣдствіями деликта—въ особенноти, возмѣщеніемъ вреда. Подъ послѣднимъ терминомъ слѣдуетъ разумѣть названіе пассивнаго объекта извѣстной юр. нормы, характеристику того дѣйствія къ совершенію котораго она побуждаетъ. Коррелятомъ соотвѣтственной обязанности является право на вознагражденіе за понесенный ущербъ.

Для болѣе нагляднаго и рельефнаго сопоставленія интересующихъ насъ юридическихъ дѣйствій, мы анализомъ существа этого активнаго объекта—права на вознагражденіе и займемся.

Дѣйствіе, нарушающее какое либо право индивида, вызываетъ въ его психикѣ не одну только репульсію правового характера, но нерѣдко и цѣлый рядъ другихъ отталкивающихъ эмоцій. Кража, оскорбленіе, деликты противъ тѣлесной неприкосновенности—все это суть такія дѣйствія, которыя и сами по себѣ, независимо отъ ихъ противоположности, вызываютъ обыкновенно различныя естественныя репульсивныя эмоціи, какъ у destinatара этихъ дѣйствій потерпѣвшаго, такъ и у третьихъ лицъ.

Репульсивныя эмоціи возникающія по адресу различныхъ дѣйствій не отличаются въ среднемъ случаѣ дѣющимся характеромъ и вскорѣ послѣ своего появленія погасаютъ. Затѣмъ, поскольку вниманіе субъекта продолжаетъ концентрироваться на созерцаніи дѣйствія и его дѣющихся результатовъ, имѣется почва для возникновенія эмоцій противоположнаго характера—аппульсій по адресу того прежняго состоянія явленій, которое имѣло мѣсто до учиненія деликта. И вотъ, поскольку измѣненныя деликтомъ явленія носятъ такой характеръ, что возможна обратная передѣлка сдѣланнаго (напр., возвращеніе украденной вещи) или, по крайней мѣрѣ, удовлетвореніе соотвѣтственнаго эмоціональнаго запроса инымъ путемъ (напр., по-

Что касается пассивныхъ объектовъ уголовного права представленій тѣхъ дѣйствій, къ которымъ оно обязываетъ, то послѣднія состоятъ изъ психическихъ образовъ разнаго рода терпѣній, особыхъ психическихъ дѣйствій, non facere, воздержанія. Подобно тому, какъ при физическихъ воздержаніяхъ индивидъ обязывается не противиться и не измѣнять существующей вокругъ него юридически релевантной обстановки, при психическихъ воздержаніяхъ индивидъ обязывается къ непротивленію существующей въ немъ юридически релевантной психической обстановки.

А въ данномъ случаѣ, какъ было выяснено уже выше, въ роли послѣдней является причиняемое наказаніемъ страданіе. И вотъ, въ соответствии съ этимъ, обязанностью осужденнаго является безропотное, лишенное психического противленія, переживание этого страданія.

Что касается, наконецъ, представленій нормативныхъ фактовъ уголовно-юридическихъ нормъ, то этотъ правовой элементъ не представляетъ здѣсь никакихъ особенностей и потому не нуждается въ специальномъ изученіи ¹⁾.

средствомъ доставленія взамѣнъ испорченной вещи денежнаго эквивалента), то эти, возникающія послѣ учиненія подлежащихъ деликтовъ импульсивныя эмоціи, принимаютъ характеръ требованій, запросовъ, произведенія соответственныхъ эффектовъ. При этомъ, по общему закону жизни эмоцій, импульси эти подъ вліяніемъ дразненія произведеннаго учиненіемъ деликта, переживаются интенсивнѣе, чѣмъ обыкновенно, возстановленіе блага представляется болѣе желательнымъ, чѣмъ его сохраненіе и т. д.

Мы разсматривали до сихъ поръ стремленія къ требованію возмѣщенія вреда, какъ естественный импульсъ. Но переживание это обыкновенно санкционируется правомъ и акція его—предъявленіе подлежащихъ требованій—становится реализаціей соответственнаго права.

Такимъ образомъ, различіе наказанія и требованіе возмѣщенія вреда сводится къ различію тѣхъ эмоцій слѣдствіями (и иногда акціями) которыхъ эти дѣйствія являются. Наказаніе есть дѣйствіе, осуществляемое вслѣдствіе побужденія къ тому со стороны репрессивной эмоціи требованіе возмѣщенія вреда—вслѣдствіе импульса, исходящаго отъ лежавшей въ основѣ нарушеннаго права импульсивной эмоціи, вызванной и потенцированной подлежащимъ деликтомъ.

На аналогичномъ принципѣ покоятся нормы, предписывающія принужденіе къ исполненію и нормы, объявляющія ничтожность противоправныхъ эффектовъ (напр., недействительность договоровъ съ малолѣтними). Объектными представленіями этихъ нормъ являются образы акцій тѣхъ эмоцій, которымъ другія (примарныя) правовыя нормы обезличиваютъ удовлетвореніе. Обо всѣхъ этихъ правовыхъ переживаніяхъ можно сказать—смыслъ ихъ заключается въ возстановленіи прежняго состоянія—in integrum restitutio.

¹⁾ Такимъ образомъ, уголовно-правовыя нормы, съ точки зрѣнія развитаго въ текстѣ ученія, могутъ быть изучаемы по слѣдующей схемѣ (исчерпывающей всѣ основные ихъ элементы):

I. Представленія нормативныхъ фактовъ уголовно-юридическихъ нормъ.

II. Представленія релевантныхъ фактовъ уголовно-юридическихъ нормъ (представленія преступленія).

§ 6. Характерныя свойства и тенденціи уголовно-юридическихъ нормъ. Мотивационное и педагогическое дѣйствіе права наказанія.

Изучивъ специфическія черты и особенности уголовно-юридическихъ нормъ по сравненію съ другими правовыми переживаніями, мы переходимъ теперь къ обзору и изслѣдованію природы тѣхъ измѣненій и модификацій, которыя претерпѣваютъ основныя тенденціи правовыхъ явленій при возникновеніи у того подкласса правовыхъ феноменовъ, который насъ здѣсь интересуетъ и который мы назвали правомъ наказанія. Наличие этихъ специфическихъ тенденцій уголовно-юридическихъ нормъ, отсутствующихъ у другихъ правовыхъ переживаній, и даетъ возможность образовать адекватную теорію относительно интересующаго насъ вида правовыхъ явленій. Приступая къ выполненію этой задачи, мы остановимся прежде всего на анализѣ мотивационной и педагогической функціи уголовно-юридическихъ нормъ.

Существенное значеніе правовыхъ переживаній въ общественной жизни заключается въ томъ, что они: 1) дѣйствуютъ въ качествѣ мотивовъ поведения, возбуждаютъ или подавляютъ мотивы къ разнымъ дѣйствіямъ и воздержаніямъ (мотивационное дѣйствіе правовыхъ переживаній); 2) производятъ извѣстныя измѣненія въ самой (диспозитивной) психикѣ индивидовъ и

1. Представленія правовыхъ репульсивныхъ эмоцій.
2. Представленія репрессивныхъ эмоцій.
3. Представленія нормативныхъ фактовъ, основаній данной квалифікаціи дѣйствія.
4. Представленія релевантныхъ фактовъ, условій пріобрѣтенія дѣйствіемъ противоправнаго или преступнаго характера.
5. Субъектныя представленія:
  - а) представленія активныхъ субъектовъ деликта;
  - б) представленія пассивныхъ субъектовъ деликта.
6. Объектныя представленія:
  - а) представленія активныхъ объектовъ (дѣйствій активнаго субъекта);
  - б) представленія пассивныхъ объектовъ (дѣйствій пассивнаго субъекта).

Четыре послѣднихъ группы представлений (3—6) могутъ быть подраздѣлены, въ свою очередь, на двѣ рубрики. Въ одну изъ нихъ отойдутъ представленія, обозначающія реквизиеты дѣйствія, какъ правонарушенія (Normwidrigk-its-Merkmale), другую составятъ представленія, отображающія признаки дѣйствія, какъ преступленія (Strafbarkeits-Merkmale).

III. Субъектныя представленія уголовно-юридическихъ нормъ.

1. Представленія активныхъ субъектовъ карательнаго права.
2. Представленія пассивныхъ субъектовъ карательнаго права.

IV. Объектныя представленія уголовно-юридическихъ нормъ.

1. Представленія активныхъ объектовъ карательнаго права (наказаній).
2. Представленія пассивныхъ объектовъ карательнаго права (терпѣній наказанія).

V. Императивно-атрибутивныя переживанія, правовыя эмоціи.

массъ, развиваютъ и усиливаютъ однѣ склонности и привычки, ослабляютъ и искореняютъ другія (педагогическое, воспитательное дѣйствіе правовыхъ переживаній) ¹⁾. Въ соответствіи съ этимъ мы займемся сначала разсмотрѣніемъ мотиваціоннаго дѣйствія уголовно-юридическихъ нормъ, а затѣмъ выяснимъ педагогическое ихъ значеніе.

Можно различить двоякаго рода мотиваціонное дѣйствіе права — прямое или непосредственное и косвенное или посредственное. Подъ первымъ мы разумѣемъ такъ называемую специфическую правовую мотивацію, состоящую въ побужденіи къ осуществленію тѣхъ дѣйствій, образы которыхъ составляютъ содержаніе акціонныхъ (объектныхъ) представленій юридическихъ нормъ ²⁾. Подъ второй мы разумѣемъ такъ называемую свободную или самостоятельную правовую мотивацію ³⁾, состоящую изъ тѣхъ мотивовъ, которые вызываются у индивидовъ знаніемъ о существованіи тѣхъ или иныхъ юридическихъ нормъ и вѣрою въ дѣйственность послѣднихъ. Эту мотивацію (въ отличіе отъ специфически правовой, которая всегда бываетъ аппульсивною), можно дѣлать на аттрактивную, пригласительную, когда за исполненіе извѣстныхъ дѣйствій правомъ обѣщаются опредѣленные выгоды (не непременно награды, напр. германская система побужденія къ энергичной научной работѣ; ср. Петражицкій, Университетъ и Наука, т. II, ст. 532), и отталкивающую, репульсивную, когда съ совершеніемъ извѣстныхъ дѣйствій право связываетъ наступленіе опредѣленныхъ невыгодныхъ послѣдствій (не непременно наказанія, напр. ничтожность заключенныхъ съ малолѣтнимъ юридическаго сдѣлокъ) ⁴⁾.

¹⁾ Петражицкій, Теорія права, I, стр. 137.

²⁾ Ibidem, I, стр. 138.

³⁾ Ibidem, II, стр. 643, 644.

⁴⁾ Проф. Петражицкій (Теорія права, II, стр. 643; Университетъ и Наука, II, стр. 530) упоминаетъ о существованіи еще одного типа правовой мотиваціи. Къ числу послѣдней, по его мнѣнію, слѣдуетъ отнести мотивы, возникающіе изъ принятія въ соображеніе реакцій со стороны управомоченныхъ противъ посягательствъ на ихъ право, а также тѣхъ наградъ и наказаній, которыя поставляются правомъ на видъ лицамъ, собирающимся совершить такіа-то дѣйствія. Мотивація эта должна отличатся отъ свободной мотиваціи тѣмъ, что дѣйствія, къ которымъ она побуждаетъ, и сами по себѣ правомъ предписываются. Врядъ ли, однако, этотъ моментъ можетъ служить основаніемъ различія этихъ мотивацій. Во первыхъ, поскольку индивиды реагируютъ на правонарушеніе тѣмъ или инымъ способомъ, они дѣйствуютъ уже не подъ вліяніемъ давленія правовой мотиваціи, а подъ вліяніемъ иной психологіи, порождаемой сознаніемъ правонарушения. Мотивы, возникающіе вслѣдствіе принятія въ соображеніе этихъ эффектовъ, не являющихся результатомъ дѣйствія юр. нормъ, нельзя причислить вообще къ правовой мотиваціи. Во-вторыхъ, поскольку подлежащіа дѣйствія — наказанія и одаренія — санкціонируются правомъ, то въ лицѣ возникающихъ ихъ знанія объ этихъ нормахъ мотивовъ, мы имѣемъ дѣйствительно правовую мотивацію, но она ничѣмъ не отличается отъ свободной правовой мотиваціи. Ибо, разсматривая ее внѣ зависимости отъ специфически-правовой мотиваціи (что безусловно необходимо для точнаго разграниченія понятій) мы можемъ усмотрѣть въ ней лишь тѣ признаки, которые присущи и

Эти общія замѣчанія о мотиваціонномъ дѣйствии права должны быть примѣнены и къ импульсивной тенденціи уголовно-юридическихъ нормъ. Эта категория правовыхъ переживаній, подобно другимъ юридическимъ явленіямъ, обладаетъ мотиваціоннымъ дѣйствиемъ двойкаго типа—специфическимъ и косвеннымъ или самостоятельнымъ.

Прежде всего, поскольку рѣчь идетъ о косвенной, самостоятельной мотиваціи, исходящей отъ уголовно-юридическихъ нормъ, то мы имѣемъ здѣсь налицо репульсивную, удерживающую, мотивацію. Карательныя нормы, связывая съ совершеніемъ извѣстныхъ (указанныхъ въ ихъ гипотезѣ) дѣйствии наступленіе страданія, стремятся этимъ путемъ вселить въ психику индивида мотивъ къ воздержанію отъ этихъ дѣйствии. Ибо въ силу общаго закона эмоциональной психики представленія явленій, причиняющихъ страданіе, имѣютъ тенденцію вызывать отталкивающія, репульсивныя эмоціи²⁾. Очевидно, что вслѣдствіе этого и угроза наказаніемъ должна имѣть удерживающій характеръ.

Эффектами косвенной уголовно-правовой мотиваціи являются дѣствія, состоящія въ воздержаніи отъ учиненія дѣяній, предусмотрѣнныхъ гипотезой карательныхъ переживаній. Въ предыдущемъ изложеніи мы убѣдились, что въ роли послѣднихъ выступаетъ особая категория правонарушительныхъ дѣйствии—преступленія. Такимъ образомъ, результатъ дѣйствии косвенной уголовно-юридической мотиваціи сводится къ побужденію людей къ воздержанію отъ преступленій—согласному съ правомъ поведенію.

Такимъ образомъ, косвенная мотивація права наказанія дѣйствиетъ въ томъ же направленіи, что и специфическая правовая мотивація, исходящая отъ другихъ юридическихъ нормъ. Но въ то время, какъ послѣдняя опирается на правовые мотивы людей, на ихъ правосознаніе, первая играетъ свой психическій концертъ на болѣе низкихъ струнахъ человѣческой души, на эмоціяхъ боязни, страха и т. д.

Въ видѣ дѣйствии названныхъ двухъ мотивацій въ одномъ и томъ же направленіи, стремленія ихъ къ достиженію однихъ и тѣхъ же эффектовъ, возникаетъ весьма важный вопросъ о природѣ взаимодействія этихъ мотивацій, ихъ отношеній другъ къ другу. Именно, необходимо разрѣшить вопросъ о томъ, находятся ли

самостоятельной правовой мотиваціи. Поэтому мы и не выдѣляемъ упоминаемой пр. Петражицкимъ мотиваціи въ особую группу, относимъ ее всецѣло къ категоріи свободной правовой мотиваціи.

Подлинный смыслъ и значеніе термина „вспомогательная мотивація“ раскрытыются ихъ сопоставленія направленій дѣйствии этой мотиваціи и специфически-правовой мотиваціи. Съ этой точки зрѣнія оказывается, что обѣ мотиваціи стремятся къ достиженію однихъ и тѣхъ же эффектовъ. Поскольку специфически-правовая мотивація оказывается неспособной достигнуть послѣднихъ, вступаетъ въ силу соотвѣтственная свободная правовая мотивація. Въ этомъ смыслѣ можно назвать ее вспомогательной или суррогатной мотиваціей, не отрицая, разумѣется, за ней природы самостоятельной правовой мотиваціи.

а) Петражицкій, Теорія права. II, стр. 655.

изучаемые психическіе факторы въ отношеніи кумулятивномъ, дѣйствуютъ одновременно, или же они состоятъ другъ къ другу въ отношеніи альтернативномъ, такъ что наличность въ сознаніи одного типа мотиваціи исключаетъ ео ipso возможность другого и наоборотъ.

Вопросъ о взаимоотношеніи интересующихъ насъ мотивацій слѣдуетъ разрѣшить путемъ признанія существованія между ними альтернативнаго отношенія. Руководящійся велѣніями правового долга игнорируетъ угрозу уголовного права, руководящійся страхомъ примѣненія къ нему наказанія лишень специфически-правовой мотиваціи. Такое явленіе объясняется равнородностью обѣихъ мотивацій, различнымъ характеромъ тѣхъ импульсовъ, которые лежатъ въ основѣ обѣихъ психическихъ процессовъ ¹⁾.

Разсмотрѣнные нами свойства косвенной уголовно-правовой мотиваціи относились къ тому ея типу и разновидности, который служитъ суррогатомъ пассивной специфической правовой мотиваціи, исходящей отъ другихъ юридическихъ нормъ. Но эффекты косвенной мотиваціи карательныхъ нормъ этимъ не ограничиваются. Она выступаетъ также и въ роли суррата активной специфически правовой мотиваціи другихъ правовыхъ переживаній. Такъ, напр., если кто либо не увѣренъ въ неприкосновенности своего права жизни, сомнѣвается въ дѣйственности делегирую-

---

¹⁾ Ср. Petrazycki, Die, Lehre vom Einkommen, В. II, s. 545; иначе, повидимому, въ брошюрѣ „О мотивахъ человѣческихъ поступковъ“, стр. 51. Альтернативнымъ отношеніемъ между правовою (основною, специфическою) и косвенной уголовно-юридическою мотиваціей объясняется одинъ фактъ, который при признаніи между ними кумулятивнаго отношенія являлся бы непонятнымъ. Путемъ самонаблюденія легко убѣдиться въ существованіи между отдѣльными аппульсивными (о репульсивныхъ—см. выше) правовыми эмоціями болѣе или менѣе крупнаго различія въ степени живости и мотиваціонной силы. Такъ, напр. правовыя эмоціи, дѣйствующія въ пользу воздержанія отъ убійства, отличаются болѣе энергичнымъ характеромъ, нежели эмоціи, удерживающія отъ кражи и т. д. Съ другой стороны, мы знаемъ, что уголовно правовыя нормы угрожаютъ за учиненіе убійства болѣе тяжкими наказаніями, нежели за учиненіе кражи. И вотъ, на основаніи этихъ и многихъ другихъ наблюденій аналогичнаго характера можно установить наличность отношенія прямой пропорциональности между силой специфически-правовой мотиваціи и энергіей давленія суррогатной (косвенной уголовно-правовой) мотиваціи. Какъ объяснить подобное явленіе съ точки зрѣнія теоріи кумулятивнаго отношенія между подлежащими психическими процессами? Если одна мотивація не исключаетъ другую, а напротивъ, помогаетъ ей, дѣйствуетъ съ ней одновременно, то дѣло должно было бы обстоять какъ разъ наоборотъ. Не сильная правовая эмоція нуждалась бы въ энергичномъ „вспоможеніи“, какъ факторъ сильный самъ по себѣ, а слабая. Иными словами, угрожать смертной казнью и позншенной категоріе слѣдовало бы не за совершеніе убійства, а за учиненіе полицейскихъ деиктовъ—быструю ѣзду по городу, куреніе въ недозволенномъ мѣстѣ и т. д. Съ точки же теоріи альтернативнаго отношенія изучаемыхъ мотивацій, упомянутое явленіе совершенно понятно. Прекращеніе дѣйствія интенсивной правовой эмоціи создаетъ значительный мотиваціонный пробѣлъ, который и слѣдуетъ заполнить созданіемъ въ психикѣ новаго могущественнаго импульса—страха суроваго наказанія.

щихъ ему это право императивно-аттрибутивныхъ переживаній (отсутствіе активно-правовой мотиваціи), то нерѣдко онъ бываетъ спокоенъ, тѣмъ не менѣе, за свою безопасность благодаря дѣйствию въ немъ косвенной мотиваціи уголовно-юридическихъ нормъ. Индивидъ не вѣритъ, чтобы на него не посягали, повинаясь праву „за совѣсть“, но убѣжденъ, что останется невредимымъ, благодаря „страху“, внушаемому нормами уголовного права. Мотивація эта, подобно тому типу косвенной уголовно-правовой мотиваціи, которая служитъ суррогатомъ пассивной специфической мотиваціи права, находится къ замѣняемому ею психическому процессу въ альтернативномъ, а не кумулятивномъ отношеніи.

Таковы основныя черты косвенной мотиваціи права наказанія. Но уголовно-правовыя нормы, кромѣ разсмотрѣннаго мотиваціоннаго давленія порождаютъ еще и специфически-правовые импульсивные процессы, состоящіе изъ императивно-аттрибутивныхъ побужденій къ осуществленію дѣствий, образы которыхъ составляютъ содержаніе акціонныхъ представленій этихъ нормъ—наказаній и терпѣній наказанія.

Существо специфически-правовой мотиваціи заключается въ томъ, что она побуждаетъ индивидовъ: 1) къ совершенію *дѣйствій*, 2) обладающихъ *соціально-полезнымъ* характеромъ ¹⁾. Сообразно съ этимъ, теорія вида этой мотиваціи, ея подклассы должна заключаться въ указаніи: 1) тѣхъ специальныхъ признаковъ и особенностей, которыми отличаются вызываемыя данной разновидностью права дѣйствія отъ другихъ юридическихъ дѣствий; 2) тѣхъ специальныхъ полезныхъ результатовъ, которыхъ эти дѣйствія имѣютъ тенденцію производить. Выясненіе этихъ обоихъ моментовъ примѣнительно къ специфической мотиваціи уголовного права и составитъ предметъ нашего дальнѣйшаго изложенія.

Прежде всего, по адресу обѣихъ специфическихъ мотиваціи уголовного права, какъ пассивной, такъ и активной, слѣдуетъ замѣтить, что существо возбуждаемыхъ ими дѣствий тождественно съ содержаніемъ объектныхъ представленій карательныхъ нормъ. Дѣйствія эти суть—наказаніе (продуктъ активной уголовно-правовой мотиваціи) и терпѣніе наказанія (продуктъ соотвѣтственной пассивной мотиваціи). Въ соотвѣтствіи съ этимъ, все сказанное выше о содержаніи объектныхъ представленій карательныхъ нормъ должно быть отнесено и къ возникающимъ подъ вліяніемъ дѣйствія этого права поступкамъ, чѣмъ исключается необходимость развитія подлежащаго ученія. Зато вопросъ о специфическихъ особенностяхъ соціально-полезныхъ эффектовъ уголовно-юридическихъ дѣствий требуетъ для себя особаго разсмотрѣнія.

При оцѣнкѣ соціальной полезности вызываемыхъ уголовнымъ правомъ дѣствий, необходимо исходить не изъ анализа тѣхъ положительныхъ чувствъ и импульсивныхъ эмоцій, которыя воз-

1) Петражицкій. Теорія права, I, стр. 133.

буждаются у граждан при осуществлении подлежащих поступков (ошибочность подобной точки зрения обстоятельно доказана проф. Петражицким), а из исследования существа тех результатов, которые возникают в общественной жизни вследствие реализации соответственных действий. При этом не следует забывать, что эти социальные эффекты и их наступление совершенно не зависят от намерений осуществляющих данные действия лиц, не предполагают наличности в их психике телеологической мотивации и т. д.

Применяя эти методологические принципы к исследованию социально-полезного действия специфической уголовно-правовой мотивации, мы начнем с выяснения эффектов пассивной ее разновидности, т. е. с анализа тех результатов, которые имеют тенденцию возникать вследствие реализации долга терпения наказания. Продуктом этой мотивации, по нашему мнению, является обезвреживание преступников, создание разного рода противодействий проявлению таящегося в индивидууме зла и содействие этим путем социальному благополучию.

Что касается до отдельных способов достижения этого эффекта, то они отличаются крайним разнообразием. Общим всем им моментом является причинная зависимость обезвреживания преступников от факта терпения наказания, все остальное сильно варьируется. Впрочем, можно установить три основных типа средств достижения обезвреживания преступников.

Наиболее примитивным способом осуществления этого эффекта является физическое воздействие на индивидуума, применение к нему таких наказаний, которые вызывают в его организме физические препятствия к учинению зла, или же вообще ставят его в положение физической невозможности учинять преступления. Такой принцип лежит в основе смертной казни, пожизненного заключения, некоторых телесных наказаний—отсечения рук, отрезания языка и др.

Вторым способом обезвреживания преступников, уже более высоким, чем предыдущий, является пресечение им возможности совершать преступления путем отнятия у них известной категории прав. Дело в том, что совершение различных деликтов дѣлается доступным (или во всяком случае, значительно облегчается) лишь при условии обладания делинквентом известной суммой прав. Такъ, напр., для того, чтобы обокрасть кого либо, необходимо находиться в одном мѣстѣ съ нимъ, обладать подлежащим правомъ, для того чтобы проявить превышеніе или бездѣйствіе власти, нужно быть должностнымъ лицомъ, имѣть право власти. И вотъ, на обезвреживаніе индивидуума путемъ отнятія у него различныхъ правъ и направлены наказанія, состоящія въ лишеніи правъ—древняя *Friedlosigkeit* ¹⁾, современные частичныя правопораженія и др. Такимъ образомъ, хотя мы и въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ идеей

¹⁾ Wilda, Das Strafrecht der Germanen, s. 278—293.

физическаго обезвреживанія, отнятіемъ физической возможности вредить, но достигается она уже болѣе мягкимъ путемъ, нежели въ предшествующемъ случаѣ.

Но наиболѣе высокимъ средствомъ обезвреживанія преступниковъ является психическое ихъ обезвреживаніе, вселеніе въ ихъ психику репульсивныхъ по адресу преступленій эмоцій. Дѣло въ томъ, что терпѣніе страданія, поставленное въ связь съ совершеніемъ преступленій, имѣетъ тенденцію, по общимъ законамъ эмоциональной психики ¹⁾, вселять въ сознаніе субъекта терпѣніе отталкивающія эмоціи не только по адресу самаго страданія—наказанія, но и по адресу причины послѣдняго—совершеннаго преступленія. Въ силу своей способности производить подобныя психическія измѣненія, наказаніе обладаетъ eo ipso тенденціей создавать въ индивидѣ факторы къ воздержанію отъ деликтовъ, обезвреживать соотвѣтственнаго субъекта.

Переходя къ изслѣдованію эффектовъ активной уголовно-правовой мотивации, сознанія примѣненія предписаннаго правомъ наказанія, отмѣтимъ, что они заключаются въ появленіи у индивидовъ увѣренности въ крѣпости и силѣ своихъ правомочій, въ укрѣпленіи въ нихъ сознанія возможности спокойно и безпрепятственно осуществлять свои правовые интересы. Индивиды рассчитываютъ, что, вслѣдствіе претерпѣнія наказанія преступникъ не будетъ совершать преступленій, въ немъ укрѣплятся тѣ репульсивные мотивы, которые вызываются уже косвенной уголовно-юридической мотиваціей и т. д. ²⁾.

Въ нормальномъ случаѣ, активная и пассивная мотивация карательнаго права корреспондируютъ другъ другу. Но бываютъ случаи, когда налицо имѣется только одна изъ нихъ. Такъ, напр., слѣдуетъ признать наличность одной только пассивной уголовно-правовой мотивации при воспріятіи преступникомъ претерпѣваемыхъ имъ несчастій, страданій, какъ исходящихъ отъ Бога, духовъ и другихъ мистическихъ существъ, наказаній. Наоборотъ, одна активная уголовно-правовая мотивация наблюдается въ случаяхъ направленія наказаній по адресу явленій и особей, къ переживанію психическихъ явленій вообще и страданія въ частности, неспособныхъ, или же почему либо въ данномъ случаѣ не испытавшихъ отрицательнаго чувства (стр. напр., наказаніе боговъ, духовъ, мертвецовъ, неодушевленныхъ предметовъ и т. д.). Въ обоихъ случаяхъ, наличныя мотивации обладаютъ присущими имъ тенденціями—пассивная стремится обезвреживать преступ-

¹⁾ Петражицкій, Университетъ и Наука, II, стр. 420 и сл.

²⁾ Отъ эффектовъ активной уголовно-правовой мотивации слѣдуетъ отличать эффекты, вызываемые воспріятіемъ или представленіемъ примѣненія наказанія. Поскольку оно не воспринимается, какъ реализація принадлежащаго гражданамъ права, оно м. б. воспріято, какъ проявленіе дѣйственности и доказательство силы уголовно-юридическихъ нормъ. Въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть налицо косвенную мотивацію права наказанія (пассивную или активную въ зависимости отъ склада психики и настроенія лица).

никовъ, активная — усиливать увѣренность гражданъ въ неприкосновенности ихъ правъ и т. п. ¹⁾).

Таковы основные моменты мотивационнаго значенія уголовного права. Что касается педагогическаго его дѣйствія, то оно сводится къ созданію привычекъ къ соотвѣтствующимъ предписываемымъ его мотивациями дѣйствіямъ. Путемъ постоянного воздержанія отъ учиненія преступленій подъ влияніемъ страха уголовной кары—преступники-рефлектанты привыкаютъ къ соотвѣтственному поведенію и не совершаютъ преступленій уже не вслѣдствіе дѣйствія въ нихъ репульсивныхъ эмоцій, а вслѣдствіе установившейся къ тому привычки. Путемъ постоянного расчета на дѣйствіе уголовной угрозы и ея удерживающій характеръ, привыкаютъ къ спокойствію и увѣренному пользованію своими правами и честные граждане.

Аналогично педагогическое дѣйствіе специфическихъ мотиваций уголовного права. Оно усиливается нерѣдко самой струтурой и природой наказаній, направленныхъ на повторное возбужденіе различныхъ психическихъ переживаній (ср., напр., тюрьмы съ особой системой работъ и иныхъ воздѣйствій, рассчитанныхъ на заведеніе полезныхъ привычекъ). Съ активной стороны, здѣсь также создается извѣстный складъ характера, укрѣпляются возникшія отъ дѣйствія косвенной мотивации привычки и т. д. ²⁾).

---

¹⁾ Установленіе существа мотивационнаго дѣйствія уголовного права открываетъ для насъ возможность объясненія соціальной роли нормъ, санкционирующихъ упомянутые выше случаи отпаденія преступности. Мы указывали тогда, что соотвѣтственные явленія и психическія переживанія возникаютъ подъ влияніемъ дѣйствія извѣстныхъ, контрастирующихъ съ репрессивными эмоціями, импульсій. Но, слѣдуетъ оговориться, это еще не объясненіе. Чтобы легитимировать правовое признаніе этихъ импульсій, необходимо установить соціально-полезную функцію подлежащихъ эмоцій и вытекающихъ изъ нихъ дѣйствій.

Анализируя эти нормы съ названной точки зрѣнія, мы убѣждаемся, что общественная ихъ полезность состоитъ въ отмѣнѣ репрессій тамъ, гдѣ послѣдняя не могла бы имѣть желаемаго значенія, не произвела бы активной или пассивной уголовно-правовой мотивации (непримѣненіе наказанія за смертью преступника, за давностью и т. п.). Съ другой стороны, въ виду того, что полезность дѣйствія уголовного права имѣетъ лишь относительную соціальную цѣнность и должна быть принесена въ жертву другимъ болѣе значительнымъ общественнымъ выгодамъ, то иногда нормы, отмѣняющія репрессіи, обслуживаютъ и эту функцію (напр., право убѣжища въ церквахъ имѣетъ задачей потенцировать религиозныя эмоціи гражданъ, полезность которыхъ признается государствомъ, оставленіе безъ наказанія преступниковъ; посягнувшихъ на иностранное государство, eo ipso укрѣпляетъ силы даннаго государства, даетъ ему перевѣсъ надъ пострадавшимъ и т. д.).

²⁾ Отъ мотивационнаго и педагогическаго дѣйствія карательныхъ нормъ слѣдуетъ отличать соотвѣтственные тенденціи реституционныхъ нормъ, предписывающихъ возмѣщеніе вреда, принужденіе къ исполненію, ничтожность въ некоторыхъ договорѣхъ и т. д. Косвенная мотивация, исходящая отъ этихъ нормъ заключается, съ одной стороны, въ очищеніи психики людей отъ корыстныхъ и иныхъ противоправныхъ мотивовъ, поставляя замышляющимъ совершеніе противоправныхъ дѣйствій на видъ отсутствіе выгодъ послѣднихъ, лишая

§ 7. Другія характерныя тенденціи уголовно-юридическихъ нормъ.

Реализація пассивнаго объекта уголовного права, осуществленіе тѣхъ обязанностей, которыя изъ него возникаютъ, является дѣломъ самого обязаннаго пассивнаго субъекта уголовного права. Въ противоположность другимъ областямъ права, допускающимъ реализацію чужихъ обязанностей постороннимъ лицомъ, пассивнымъ субъектомъ даннаго правоотношенія не состоящимъ, карательныя нормы постулируютъ для своего осуществленія подлежащихъ поступковъ именно обязанныхъ лицъ (наказанія заложниковъ, репрессалии, наказанія дѣтей за преступленія отцовъ не являются исключеніями изъ этого правила, ибо и по адресу этихъ субъектовъ приписывается обязанность несенія наказанія).

Зато врядъ-ли какая либо другая область права относится столь индифферентно къ добровольности исполненія пассивнымъ субъектомъ своего долга, какъ уголовное право. Существуетъ даже цѣлая система нормъ, предусматривающихъ примѣненіе принужденія къ исполненію обязанности терпѣнія наказанія или, по крайней мѣрѣ, къ осуществленію тѣхъ дѣйствій, которыя являются вспомогательными объектами этой обязанности (индивиды помѣщаются подъ стражу, въ запертое помѣщеніе, на нихъ налагаются кандалы и т. д.).

Наконецъ, обыкновенно не представляются релевантнымъ въ области уголовного права и мотивы и намѣренія обязанныхъ лицъ тѣ соображенія, которыми они руководятся. Въ новѣйшее время, впрочемъ, дѣлаются попытки приданія этому моменту существеннаго значенія (ср. американскія реформаторіи), но насколько подобная реформа носитъ принципіальный характеръ, пока еще трудно судить.

Неисполненіе требованій уголовно-юридическихъ нормъ, уклоненіе преступниковъ отъ претерпѣнія наказанія, вызываютъ обычныя въ этихъ случаяхъ правовыя реакціи. Управомоченныя лица (и ихъ представители) стремятся разными средствами обезпечить себѣ удовлетвореніе своихъ репрессивныхъ эмоцій. Возникающія

ихъ заманчивости (ср. Петражицкій, *Lehre vom Einkommen*, s. 502; Киев. Унив. Вѣстия, 1896, кн. 10, стр. СХІІ, Иски о незаконномъ обогащеніи, Вѣстникъ Права, 1900, № 3, стр. 19 сл.) съ другой стороны, въ созданіи импульсовъ къ предпріятіямъ (въ экономической и другихъ областяхъ), въ побужденіи людей къ энергичному осуществленію своихъ правъ, не опасаясь возможности понесенія ущерба. Специфическая мотивація реституціонныхъ нормъ сводится съ пассивной своей стороны, къ укрѣпленію убѣжденія въ бесполезности противоправныхъ дѣйствій и, съ активной, къ подтвержденію, путемъ доставленія фактическаго удовлетворенія, вѣры въ обезпеченность подлежащихъ правъ. Педагогическое дѣйствіе изучаемыхъ нормъ состоитъ, съ одной стороны, въ развитіи сознанія ответственности за свои дѣйствія, подавленіи корыстолюбія и усиленія осторожности (ср. Петражицкій, *ibidem*) съ другой стороны—въ развитіи и усиленіи предпримчивости, рѣшительности при осуществленіи своихъ правъ и т. д.

отсюда дѣйствія имѣютъ прежде всего предупредительный характеръ — имѣютъ своей задачей воспрепятствовать делинквенту скрыться. Далѣе, существуетъ цѣлый рядъ мѣръ для обнаруженія скрывшихся преступниковъ. Наконецъ, осужденные доставляются въ мѣсто несенія наказанія подъ надзоромъ и проч.

Не чуждо сознание нарушения вытекающей изъ уголовно-юридическихъ нормъ обязанности и одіозно-репрессивныхъ тенденцій. Последнія находятъ себѣ выраженіе въ тѣхъ наказаніяхъ, которые назначаются за сопротивление примѣнителямъ наказанія, за побѣгъ изъ тюремъ и т. д.

Уголовное право по самому своему существу является грубымъ и суровымъ правомъ. Содержаніе его предписаній сводится къ веденіямъ примѣненія наказаній, осуществленія дѣйствій, имѣющихъ, какъ было показано выше, въ высшей степени насильственную природу. Отсюда ясно, что культурная потребность въ упорядоченіи права и его осуществленія наиболее рѣзко должна была сказаться въ области изучаемой нами его разновидности. И дѣйствительно, не трудно усмотрѣть на нормахъ уголовного права весьма рѣзкій отпечатокъ всѣхъ формъ цивилизаціи права.

Такъ, поскольку упорядоченіе правовыхъ системъ выразится въ появленіи у нихъ единого позитивнаго шаблона, мы видимъ, что уголовное право оказывается сферой права, наиболее рано облекающейся въ надлежащую позитивную форму. Древнѣйшіе, дошедшіе до насъ кодексы, удѣляя лишь незначительное вниманіе другимъ областямъ права, весьма обстоятельно регулируютъ право уголовное (ср. законы XII таблицъ, *Leges barbarorum*, Русскую Правду и др.).

Далѣе, поскольку упорядоченіе права выражается въ фиксаціи содержанія и объема правовыхъ представленій, постольку замѣтно сильное вліяніе подлежащей тенденціи и на уголовно-юридическихъ нормахъ. Особенно рельефно сказывается историческое стремленіе точно опредѣлить содержаніе важнѣйшихъ изъ представленій карательныхъ нормъ—объектныхъ представленій. Въ этомъ отношеніи серьезную и, съ культурной точки зрѣнія, весьма цѣнную роль сыграла знаменитая идея возмездія. Функція ея состояла въ установленіи мѣры и границъ репрессіи: за лишеніе ока можно реагировать только лишеніемъ ока, а не жизни, какъ то, быть можетъ, хотѣлось бы мстителю и т. п.

Чрезвычайно сильно отражается на уголовномъ правѣ и тенденція права къ достиженію контролируемости и доказуемости релевантныхъ фактовъ, въ данномъ случаѣ событий преступленій. Отдѣльные признаки деликтовъ выражаются въ подающихся легкому констатированію моментахъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы различать убійства по степени проявленія въ нихъ актиосоціальныхъ мотивовъ, древнее право различаетъ убійство въ разбоѣ и убійство на пиру или въ ссорѣ. Вмѣсто того, чтобы различать наказуемость преступниковъ по степени антисоціальности ихъ характера и укоренѣлости ихъ одіозныхъ влеченій, современное право различаетъ первичныя и повторныя преступленія и т. д.

Но наибольшаго торжества достигаютъ культурно-упорядочивающія тенденціи въ сферѣ уголовного права въ формѣ унификации конкретныхъ правоотношеній посредствомъ подчиненія ихъ судебному разсмотрѣнію и провѣркѣ. Вообще говоря, нормы карательнаго права носятъ абстрактный характеръ, причѣмъ не только потому, что адресаты ихъ опредѣлены классовымъ образомъ (какъ принято въ настоящее время полагать), но и вслѣдствіе опредѣленности родовымъ, генерическимъ, образомъ и другихъ элементовъ ихъ интеллектуальнаго состава — представленій релевантныхъ фактовъ и образовъ объектовъ уголовного права (напр., „убійство“, „арестъ отъ двухъ до трехъ недѣль“ — не содержать указаній на индивидуально опредѣленное явленіе). Подобныя основанія абстрактности нормъ существуютъ, конечно, и въ другихъ областяхъ права.

Между тѣмъ, импульсами къ реализаціи правъ и обязанностей, совершенію юридическихъ дѣйствій, служатъ не абстрактныя, а конкретныя, индивидуальныя правовыя нормы, обстоятельно опредѣляющія, кто, къ чему, при какихъ условіяхъ, управомоченъ или обязанъ. Для осуществленія соответственныхъ дѣйствій абстрактныя, родовыя нормы должны конкретизироваться и индивидуализироваться (почему и утвержденіе цивилистовъ о томъ, что генерическія обязательства всегда индивидуализируются въ моментъ исполненія слѣдуетъ признать въ высшей степени удачнымъ).

Процессъ индивидуализаціи юр. нормъ представлялъ бы наиболѣе гарантій правильности, если бы онъ совершался въ психикѣ управомоченныхъ и обязанныхъ въ формѣ силлогизма, большой посылкой котораго являлась бы абстрактная норма, малой посылкой — сужденіе о наличности подлежащаго юридической квалификаціи явленія (релевантнаго факта, субъекта, дѣйствія) и о подводитимости его подъ одно изъ понятій абстрактной нормы, и выводомъ — индивидуальныя нормы. Но, къ сожалѣнію, силлогизмъ, по выраженію одного мыслителя, есть психологическая невозможность въ томъ смыслѣ, что онъ не является нормальнымъ психологическимъ путемъ добыванія частныхъ истинъ и потому съ его стороны нельзя ожидать поддержки въ требуемомъ направленіи.

И вотъ, вслѣдствіе невозможности этого пути обезпеченія правильности выводовъ частныхъ нормъ ихъ общихъ, общественная жизнь выработала явленіе суда, состоящее въ безпристрастномъ выясненіи подходящихъ къ данному конкретному случаю индивидуальныхъ нормъ и авторитетномъ фиксированіи ихъ путемъ установленія подлежащихъ конкретныхъ нормативныхъ фактовъ — судебныхъ рѣшеній (*judex lex fecit inter partes*).

Подчиненіе содержанія индивидуальныхъ нормъ судебному разсмотрѣнію есть явленіе, встрѣчающееся въ различныхъ областяхъ права. Но особенная потребность и нужда въ немъ обнаруживается въ отношеніи установленія индивидуальныхъ нормъ уголовного права. Репрессивныя эмоціи, переживаемыя въ связи съ этой категоріей юридическихъ явленій, имѣютъ, какъ было

выяснено выше, весьма бурный и рѣзкій характеръ, могущій особенно легко служить причиной искаженія смысла и индивидуальных карательныхъ нормъ и ихъ отклоненія отъ содержанія подлежащихъ общихъ нормъ. Поэтому понятно, почему въ исторіи права такъ много заботились объ уголовномъ судѣ и процессѣ, ставя наличность послѣдняго все болѣе и болѣе важнымъ условіемъ осуществленія карательнаго права (а современные криминалисты, напр., Binding, Handbuch des Strafrechts, I, s. 496; Normen, t. I. 23, 24, признають его даже *необходимымъ* условіемъ реализаціи права наказанія).

Такъ уже частная мечь въ позднѣйшія эпохи своего развитія была поставлена въ зависимость отъ суда. Делить самосуда (уклоненіе отъ суда) является первымъ государственнымъ преступленіемъ, знакомымъ древне-русскому праву. Равнымъ образомъ, въ Западной Европѣ на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ идетъ борьба государства съ населеніемъ за установленіе и укрѣпленіе своей судебной власти. Наконецъ, въ настоящее время идея суда и наказанія настолько срослись между собой, постановленіе уголовного приговора считается такимъ необходимымъ условіемъ осуществленія карательнаго права, что существуютъ даже криминалисты, вводящіе указаніе на этотъ порядокъ вещей въ самое опредѣленіе наказанія. Подобныя формулировки съ теоретической точки зрѣнія ошибочны, но нельзя не признать ихъ весьма характерной иллюстраціей тенденціи уголовного права подчинять содержаніе своихъ индивидуальныхъ нормъ судебной прѣвѣркѣ (вѣдь никому же не приходится въ голову и съ догматической точки зрѣнія утверждать необходимость судебного разбора дѣла для осуществленія гражданскихъ и другихъ правъ).

А. Круглевскій.

Субъективизмъ и субъективный методъ.

(Критическій очеркъ о Н. К. Михайловскомъ).

Принято думать, что наука всегда должна основывать свои сужденія исключительно на фактахъ, руководствуясь при этомъ только общеобязательными законами логики. Никакимъ мнѣніямъ, которыя диктуются человѣку его личными симпатіями, не можетъ быть мѣста въ наукѣ, ибо наука, согласно общепринятому взгляду — воплощенное безпристрастіе и даже безстрастіе; требованіе безпристрастія въ наукѣ есть въ сущности основное требованіе научности и поэтому съ нимъ должны считаться одинаково всѣ отдѣлы знанія. Должны... Но фактически далеко не во всѣхъ отдѣлахъ человѣческаго знанія это требованіе соблюдается одинаково строго. Идеаломъ въ этомъ отношеніи является естествознаніе; въ которомъ дѣйствительно почти нѣтъ мѣста личному произволу изслѣдователя: все опирается здѣсь на факты Истины естествознанія не затрогиваютъ непосредственно интересовъ людей, поэтому большинство относится къ нимъ довольно безразлично, вполне предоставляя ихъ доказательство ученымъ-спеціалистамъ: въ то же время то обстоятельство, что истины естествознанія не затрогиваютъ ничьихъ интересовъ, объясняютъ намъ, почему ученому-естествоиспытателю легко выполнить основное требованіе научнаго безпристрастія. Не то въ социальныхъ наукахъ. Тутъ это основное требованіе научности часто нарушается подъ вліяніемъ интересовъ, пристрастій и традицій, господствующихъ въ отдѣльныхъ общественныхъ классахъ, сословіяхъ, національностяхъ и т. п., къ которымъ принадлежатъ изслѣдователи. Благодаря этому, изслѣдователи, извращая частью сознательно, частью бессознательно, логическіе приемы мысли, приходятъ къ искаженію теоретической истины; это является естественнымъ результатомъ нарушенія основного требованія научности—требованія научнаго безпристрастія. Нельзя забыть знаменитый сарказмъ Гоббса: „если бы геометрическія аксіомы задѣвали человѣческіе интересы, такъ и онѣ вѣчно

оспаривались бы! Но что можетъ въ такой мѣрѣ затрогивать человѣческіе интересы, какъ вопросы общественной жизни? Къ этимъ вопросамъ масса никогда не проявляла такого индифферентнаго отношенія, какъ къ проблемамъ естествознанія; яноль предоставляя специалистамъ рѣшать вопросъ о томъ, солнце ли вращается около земли или наоборотъ, народъ проявлялъ совершенно иное отношеніе къ вопросамъ общественной жизни, ибо эти вопросы по самому существу своему непосредственно затрогиваютъ интересы людей и ихъ выгоду.

Спрашивается теперь, какъ же можетъ существовать наука объ явленіяхъ общественной жизни, если эти явленія психологически не допускаютъ безпристрастнаго къ нимъ отношенія со стороны человѣка? Между тѣмъ безпристрастное отношеніе къ изучаемымъ явленіямъ было поставлено выше, какъ основное требованіе научности. Это очень серьезный и важный вопросъ и онъ возбудилъ не мало споровъ и недоразумѣній въ научной литературѣ, но нигдѣ, быть можетъ, этимъ вопросомъ не занимались такъ много, какъ въ Россіи. Особенно много вниманія удѣлилъ этому вопросу въ своихъ работахъ Н. К. Михайловскій.

Исходнымъ пунктомъ всѣхъ разсужденій Михайловскаго на эту тему является мысль, что къ явленіямъ соціальной жизни нельзя не относиться субъективно, а объективное отношеніе къ этимъ явленіямъ есть въ сущности самообманъ, къ которому одни прибѣгаютъ сознательно, другіе же бессознательно. Это одна изъ любимѣйшихъ мыслей Михайловскаго, но ее нельзя назвать исключительно ему одному принадлежащею мыслью; она не разъ высказывалась въ наукѣ и другими (между прочимъ, съ особенной настойчивостью проводили ее въ жизнь марксисты). Оригинальность Михайловскаго не здѣсь; она—въ отвѣтъ его на вопросъ, какъ можетъ субъективное отношеніе къ явленіямъ общественной жизни уживаться съ объективнымъ ихъ изученіемъ, его оригинальность заключается такимъ образомъ въ созданной имъ теоріи субъективнаго метода. Этой своей теоріей Михайловскій, если, можетъ быть, и не рѣшаетъ, то во всякомъ случаѣ вѣрно ставитъ вопросъ, который совершенно игнорируется многими соціологами. Такъ, марксисты часто опираются на положеніе о классовомъ и, слѣдовательно, субъективномъ характерѣ нашей человѣческой психики; но это въ то же время не мѣшаетъ имъ говорить объ объективной научной и, въ частности, соціологической истинѣ. При этомъ имъ въ голову не приходитъ спросить себя, какимъ же путемъ можетъ субъективное сознаніе дойти до объективной истины? Для Михайловскаго отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ совершенно ясенъ и онъ для него воплощался въ теорію субъективнаго метода.

О субъективизмѣ въ соціальныхъ наукахъ (главнымъ образомъ въ соціологіи, исторіи и философіи исторіи) вообще и субъективномъ методѣ въ частности не мало говорилось въ недавнее время въ русской литературѣ; еще совсѣмъ почти недавно субъективный методъ былъ у насъ предметомъ оживленной поле-

мики. Однако, несмотря на это, еще и теперь въ широкой публикѣ о немъ распространены самыя наивныя представленія. Въ виду этого очень полезными являются всѣ попытки систематическаго изложенія и критики ученія Михайловскаго, ибо онѣ въ извѣстной мѣрѣ способствуютъ разсѣянію тумана, до сихъ поръ окутывающаго вопросъ о субъективизмѣ и объективизмѣ въ социальныхъ наукахъ. Именно такой попыткой, является настоящій очеркъ. Какъ это видно уже изъ заглавія, задача его заключается въ томъ, чтобы изложить взгляды Н. К. Михайловскаго на субъективизмъ и объективизмъ въ общественныхъ наукахъ; нѣтъ необходимости присовокуплять къ этому, что авторъ даннаго очерка видитъ въ этой части ученія Михайловскаго и въ частности въ теоріи субъективнаго метода высокую научную цѣнность.

I.

Для лучшаго уясненія сущности такъ называемаго „соціологическаго субъективизма“ и субъективнаго метода надо выяснитъ, какое содержаніе вкладываетъ Михайловскій въ понятія субъективнаго и объективнаго. Для этого надо обратиться къ теоріи познанія Михайловскаго.

Михайловскій указываетъ, что всѣ элементы нашего психическаго содержанія, а въ томъ числѣ и все наше познаніе окружающаго міра обязаны своимъ происхожденіемъ опыту. Опытъ же есть по его мнѣнію воздѣйствіе внѣшняго міра—объекта на человѣка—субъекта; это воздѣйствіе происходитъ при посредствѣ органовъ чувствъ, которые подъ вліяніемъ внѣшняго міра даютъ ощущенія. Ощущенія, получаемыя изъ опыта, зависятъ отъ природы того органа чувствъ, на который они дѣйствуютъ, и одно и то же явленіе дастъ различныя ощущенія въ различныхъ органахъ чувствъ. Такимъ образомъ наше познаніе міра зависитъ отъ нашихъ органовъ чувствъ; будь у насъ чувствъ не пять, а больше, несомнѣнно соотвѣтственно этому измѣнилось бы все наше познаніе. Въ конечномъ счетѣ мы приходимъ къ выводу, что все наше познаніе міра при помощи ощущеній зависитъ отъ общахъ условій нашей природы или психо-физической организаціи (ибо природа органовъ чувствъ, конечно, обуславливается общей организаціей человѣка). Человѣческое познаніе въ самомъ своемъ источникѣ зависитъ такимъ образомъ, отъ человѣка—субъекта и въ этомъ смыслѣ оно является субъективнымъ. Цѣлью познанія является истина; признавая субъективнымъ все наше познаніе, мы неизбежно должны признать субъективной и нашу истину, ибо истина также обуславливается психо-физической организаціей человѣка. Если же мы эту мысль тоже признаемъ справедливой, то такое признаніе неизбежно приводитъ насъ къ признанію, что существуетъ столько же истинъ, сколько есть типовъ психо-физическихъ организацій; впрочемъ, въ предѣлахъ даннаго одного какого нибудь типа психо-физической организаціи истина едина. Съ этой точки зрѣ-

нія, истина представляет собой частный специальный случай равновѣсія между (познающимъ) субъектомъ и (познаваемымъ) объектомъ; если же мы представимъ себѣ, что существуетъ много типовъ психо-физическихъ организацій, то ясно, что каждый изъ нихъ устанавливаетъ по своему равновѣсіе между самимъ собой и окружающей природой. Именно въ этомъ смыслѣ человеческая истина есть удовлетвореніе человеческой потребности познанія; въ этомъ удовлетвореніи потребности познанія и слѣдуетъ, по мнѣнію Михайловскаго, искать критерій истины. Отсюда слѣдуетъ одинъ любопытный выводъ: поскольку наше познаніе насъ удовлетворяетъ, давая намъ научныя понятія, пригодныя въ нашей практической жизни и дѣятельности, поскольку мы называемъ наше познаніе объективнымъ для насъ—людей.

На этомъ можно пока остановиться въ изложеніи теоріи познанія Михайловскаго, ибо остальное для нашихъ цѣлей не существенно. Теперь посмотримъ, въ какомъ смыслѣ употребляетъ Михайловскій въ своей теоріи познанія понятія субъективнаго и объективнаго.

Прежде всего надо замѣтить, что Михайловскій, постоянно пользуясь понятіями объективнаго и субъективнаго, придаетъ имъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій неодинаковый смыслъ¹⁾. Какой именно, — это мы сейчасъ объяснимъ. Когда Михайловскій утверждаетъ, что человеческая истина объективна и обязательна, онъ становится на ту точку зрѣнія, согласно которой объективнымъ является все „всеобщее психическое“, т. е. то, что воспроизводимо во всякомъ человеческомъ сознаніи, не составляя такимъ образомъ отличительныхъ чертъ сознанія данной именно личности; напротивъ, субъективнымъ въ этомъ смыслѣ является все „индивидуально-психическое“, т. е. то, что не можетъ быть произведено во всякомъ данномъ человеческомъ сознаніи. Такова сущность первой точки зрѣнія.

Теперь дальше. Когда Михайловскій утверждаетъ, что наша

---

¹⁾ Это ясно, напр., въ слѣдующаго. На стр. 354 третьяго тома своихъ сочиненій Михайловскій утверждаетъ, что человѣку невозможно познать „объективную истину, сущность вещей“ (курс. и. Б. Л.). Но вотъ, что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ того же тома своихъ сочиненій: „Мы можемъ различать два рода истинъ: одна свидѣтельствуютъ о сосуществованіи извѣстныхъ явленій и отношеній между ними; другія свидѣтельствуютъ о степени удовлетворенія, которое эти явленія даютъ различнымъ требованіямъ природы наблюдателя помимо потребности познанія. Последнія субъективны“ (Соч., т. III, стр. 393); первыя, значитъ, объективны? Но не самъ ли Михайловскій указывалъ, что объективныя истины намъ недоступны; здѣсь же онъ указываетъ обратное. Не явное ли это противорѣчіе? „Противорѣчіе“ это легко разрѣшается, если принять во вниманіе, что Михайловскій употребляетъ здѣсь понятія субъективнаго и объективнаго въ двухъ различныхъ смыслахъ. Михайловскій самъ указываетъ на это. „Всѣ процессы мысля“, говоритъ онъ, „субъективны—это правда; субъективны всѣ наши понятія, всѣ наши истины. Но вѣдь г. Южаковъ говоритъ же объ объективной критикѣ, объ объективныхъ истинахъ. Надо думать, что онъ придаетъ этимъ выраженіямъ какой нибудь особый смыслъ“ (Соч. т. III, стр. 398; курсивъ Михайловскаго).

истина субъективна, онъ, очевидно, становится на иную точку зрѣнія (ибо истина не можетъ вѣдь съ одной и той же точки зрѣнія представляться объективной и субъективной). *Согласно этой — второй — точки зрѣнія, все наше познание субъективно въ томъ смыслѣ, что зависитъ отъ субъекта.*

Михайловскій не далъ въ своихъ трудахъ точнаго разграниченія этихъ двухъ точекъ зрѣнія (дальше одного неопредѣленнаго указанія на необходимость разграниченія онъ не пошелъ) и въ этомъ, въ сущности, основной недостатокъ его теоріи познания¹⁾. Этотъ недостатокъ повлекъ за собой и другіе. Не отграничивши достаточно точно этихъ двухъ точекъ зрѣнія, Михайловскій лишилъ себя возможности отдѣлить теорію познания отъ психологіи. Дѣло въ томъ, что „индивидуально психическое“ есть субъективное съ точки зрѣнія теоріи познания; субъективное же съ точки зрѣнія психологіи есть то, что зависитъ отъ субъекта. Такимъ образомъ первая изъ двухъ ограниченныхъ нами другъ отъ друга точекъ зрѣнія есть точка зрѣнія теоріи познания, вторая — точка зрѣнія психологіи. Михайловскій въ сущности слилъ обѣ эти точки зрѣнія и его теорія познания имѣетъ чисто психологическій характеръ. Это явствуется хотя бы изъ того факта, что Михайловскій ищетъ критерія истины въ удовлетвореніи потребности познания человѣка. Конечно, это отчасти справедливо, справедливо въ томъ смыслѣ, что, если кто нибудь не будетъ удовлетворять моей потребности познания, то я не буду этого считать истиннымъ. Но отсюда не слѣдуетъ, что критерія истины надо искать только въ удовлетвореніи познавательной потребности человѣка. Такой критерій является совершенно недостаточнымъ; онъ не даетъ никакого принципа выбора: съ его точки зрѣнія истинно то, что люди считаютъ истиннымъ, ложно же то, что люди считаютъ ложнымъ. Этотъ критерій истины приводитъ, слѣдовательно, къ полному релятивизму въ области познания; это зависитъ отъ того, что онъ выясняетъ лишь тѣ психологическія условія, при которыхъ истина возникаетъ для человѣка, т. е. что человѣкъ можетъ признать истиннымъ лишь то, что удовлетворяетъ его потребности познания. Но этого мало. Кромѣ того Михайловскій долженъ былъ указать на тѣ логическія условія, отъ которыхъ зависитъ объективность истины для людей; вѣдь самъ онъ указываетъ, что человѣческая истина для всѣхъ людей объективна и обязательна, но не выясняетъ тѣхъ условій, отъ которыхъ это

¹⁾ П. Б. Струве въ своемъ предисловіи къ извѣстной книгѣ Н. Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“ (Спб., 1901) указываетъ, что Михайловскій смѣшалъ „субъективное психологіи“ съ субъективнымъ теоріи познания» (стр. XVIII). Это вполне справедливо. Но г. Струве совершенно не правъ, когда утверждаетъ, что Михайловскій провозгласилъ субъективное психологіи (наряду съ субъективнымъ теоріи познания) «недоступнымъ объективному познанию» (ibid.). Михайловскій, по его мнѣнію доказывалъ «невозможность познавать переживаемое и пережитое» (стр. XXI). Неизвѣстно откуда взялъ это г. Струве: Михайловскій нискогда и нигдѣ не высказывалъ подобной мысли.

зависить. Объективная общеобязательная истина виситъ, такимъ образомъ, у Михайловскаго въ воздухѣ. Это еще разъ показываетъ намъ, какое слабое развитіе получила теорія познанія въ общемъ міровоззрѣніи Михайловскаго; то, что обычно называютъ его теоріей познанія, есть въ сущности психологія, психологія въ роли теоріи познанія.¹⁾

II.

Прежде чѣмъ итти дальше отмѣтимъ, что Михайловскій въ своей теоріи „соціологическаго субъективизма“ беретъ понятіе субъективнаго въ гносеологическомъ смыслѣ, т. е. онъ называетъ этимъ именемъ всё тѣ элементы психическаго содержанія, которые не могутъ быть воспроизведены въ любомъ данномъ сознаніи („индивидуально психическое“).

Мы уже указывали, что по мнѣнію Михайловскаго, все наше психическое содержаніе обязано своимъ происхожденіемъ опыту. Всё наши знанія, начиная съ математическихъ аксіомъ и кончая знаніями о болѣе сложныхъ предметахъ, всегда получаютъ путемъ сознательнаго или безсознательнаго опыта.

Но при этомъ было бы ошибочно думать, что

„вся сумма знаній, чувствъ и желаній каждаго человѣка даны его личнымъ опытомъ. Опытъ предковъ, безъ сомнѣнія, производитъ въ цѣломъ ряду поколѣній болѣе или менѣе глубокія измѣненія въ нервной системѣ, такъ что мозгъ новорожденнаго ребенка не есть *tabula rasa*“²⁾.

Многіе элементы психическаго содержанія человѣка представляютъ собой результатъ накопленнаго опыта всего человечества, передающійся отъ поколѣнія къ поколѣнію по наслѣдству. Надо, слѣдовательно, различать результаты личнаго опыта и результаты опыта предковъ. Даже при самомъ рожденіи человѣка у него есть уже нѣкоторый запасъ данныхъ опыта, онъ имѣетъ повѣстный, если можно такъ выразиться, фундаментъ своей натуры. Этотъ фундаментъ образуютъ частью данныя опыта предковъ, частью наиболѣе раннія впечатлѣнія личнаго опыта человѣка.

„Совокупность... прелыдущихъ данныхъ опыта, сгруппированныхъ тѣмъ или другимъ образомъ, составляетъ предвзятое мнѣніе“³⁾.

Представленія и ощущенія, получаемыя человѣкомъ въ опредѣленную минуту отъ даннаго явленія, опредѣляются тѣмъ поряд-

¹⁾ Авторъ этого очерка вполне согласенъ въ общемъ съ той критикой, которая направлена противъ теоріи познанія Михайловскаго Н. Бердяевымъ (см. его книгу, стр. 25—30) и С. П. Равскимъ въ его книгѣ „Соціологія Н. К. Михайловскаго“ (Спб. 1901; см. стр. 105—110).

²⁾ Что такое прогрессъ? Соч. т. I, стр. 113. Въ цитируемомъ мѣстѣ (стр. 112—113) Михайловскій говоритъ о врожденныхъ идеяхъ, безусловно отрицая ихъ существованіе.

³⁾ Ibid., стр. 114.

комъ, въ которомъ расположились въ его психическомъ строѣ прежде накопленные опыты и наблюденія; иначе, порядокъ ощущеній и представлений опредѣляется предвзятымъ мнѣніемъ.

„Ребенокъ, привлеченный блестящимъ видомъ нагрѣтаго самовара дотрогивается до него рукой и обжигается. Онъ узнаетъ, что самоваръ жжется, что, въ переводѣ на болѣе точный языкъ, значить: нагрѣтый самоваръ, придя въ соприкосновеніе съ человѣческимъ тѣломъ, производитъ въ немъ ощущение жара, которое, будучи усилено, становится болѣзненнымъ. Но такое отчетливое представленіе своихъ отношеній къ самовару возможно для ребенка только гораздо позже. Сначала у него остается въ памяти только фактъ, что блестящее тѣло извѣстной формы (которую онъ запомнилъ, вѣроятно, только приблизительно) жжется. Это сырое, неотдѣланное, изолированное представленіе служить ему уже нѣкоторымъ руководителемъ въ его несложной жизни. Увидя на другой, на третій день блестящую поверхность, сходную съ поверхностью самовара, или тотъ же самоваръ, ребенокъ смотритъ на него уже съ тѣмъ предвзятымъ мнѣніемъ, что онъ жжется. Воображеніе и память конбинируютъ для него опытъ прошедшаго съ новымъ или только повторяющимся явленіемъ. Но группировка ощущеній, составляющая его предвзятое мнѣніе, оказывается неудовлетворительной и потому приводятъ его къ ряду ошибокъ. Рядъ дальнѣйшихъ вольныхъ или невольныхъ опытовъ и наблюденій убѣждаетъ его, наконецъ, задолго до рациональной теоретической группировки соотносящихся фактовъ, что не всякая блестящая поверхность жжется, что самъ самоваръ жжется, только когда онъ нагрѣтъ, что для полученія ощущенія боли надо держать палецъ у самовара извѣстное время и т. д. Здѣсь мы имѣемъ явленіе опять-таки очень простое и потому ступени ложныхъ предвзятыхъ мнѣній пробѣгаются тутъ весьма быстро“¹⁾.

Но даже и въ такихъ несложныхъ вопросахъ предвзятое мнѣніе можетъ очень существенно измѣнить значеніе непосредственнаго свидѣтельства чувствъ.

„Мнѣ самому случалось видѣть,—говоритъ Михайловскій,—и, вѣроятно, всякій припомнитъ аналогичные факты—какъ ребенокъ, дотронувшись до холоднаго металлическаго кофейника, заплакалъ и показывалъ на свой палецъ, какъ на обожженный. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ,—резюмируетъ Михайловскій,—которыхъ въ особенности много можетъ привести исторія предразсудковъ и суевѣрій, ложное предвзятое мнѣніе, построенное на ошибочно или односторонне обобщенныхъ представленіяхъ и ощущеніяхъ, совершенно парализуетъ и извращаетъ непосредственное воспріятіе; говоря психологическимъ языкомъ,—апперцепція перевѣшиваетъ перцепцію“²⁾.

Всякое „предшествующее впечатлѣніе... называетъ апперцепирующимъ. Перцепція или непосредственное воспріятіе, полученное въ данную минуту, осложняется апперцепціей или тѣми впечатлѣніями, которыя получены наблюдателемъ раньше“³⁾.

„...Собственно говоря, всякое наблюденіе и всякій психическій процессъ состоитъ въ неизбѣжномъ совокупномъ дѣйствіи перцепціи и апперцепціи,

¹⁾ Ibid., стр. 114.

²⁾ Ibid., стр. 114—115.

³⁾ Ibid., стр. 115.

и вторженіе послѣдней можетъ совершенно извратить свидѣтельство чувствъ. По непривычкѣ къ самонаблюденію, мы обыкновенно не замѣчаемъ подобныхъ фактовъ, потому что либо апперцепція дѣйствительно совпадаетъ съ перцепціей, либо первая совершенно заслоняетъ для нашего сознанія вторую и въ такомъ случаѣ онѣ субъективно тождественны. Вторженіе апперцепціи можетъ происходить на очень разнообразныя лады и давать очень разнообразные результаты ¹⁾.

Иногда она только дополняетъ перцепцію и полагаетъ увидѣть то, что есть въ дѣйствительности; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ „она можетъ и помѣшать увидѣть существующій фактъ, и освѣтить его невѣрнымъ свѣтомъ“ ²⁾. Всѣ эти положенія иллюстрируются у Михайловскаго цѣлымъ рядомъ примѣровъ ³⁾, на которыхъ для краткости мы не будемъ останавливаться. Для уясненія сущности апперцепціи, приведемъ лишь слѣдующій простой опытъ. „Посмотрите“, говоритъ Михайловскій:

„съ извѣстнаго разстоянія, напримѣръ, хотъ на вывѣску мелочной лавки. Вы увидите болѣе или менѣе ясныя очертанія плодовъ, сахарныхъ головъ, печеныхъ хлѣбовъ и т. д. Положимъ, что при силѣ вашего зрѣнія и съ того мѣста, гдѣ вы находитесь, вы можете разглядѣть на вывѣскѣ яблоко, пару грушъ и еще что-то круглое, но для васъ не совсѣмъ ясное. Вы берете зрительную трубку и при помощи ея усматриваете, что это нѣчто неясное изображаетъ виноградную кисть. Вы оставляете трубку, смотрите на вывѣску опять простыми глазами и на этотъ разъ вы можете уже рассмотретьъ очертанія той самой виноградной кисти, которая за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ представлялась вамъ просто круглымъ пятномъ ⁴⁾.

Здѣсь ясно сказывается вліяніе апперцепціи; въ рассмотрѣнномъ случаѣ апперцепція только дополнила непосредственное воспріятіе и помогла увидѣть то, что было въ дѣйствительности. Но возможенъ и другой случай. Всѣ вывѣски мелочныхъ лавокъ обыкновенно рисуются на одинъ и тотъ же манеръ и человекъ, видящій ихъ ежедневно, привыкъ къ нимъ: впечатлѣнія, полученные имъ отъ этихъ вывѣсокъ, суммируются для человека въ предвзятое мнѣніе. Благодаря этому предвзятому мнѣнію, человекъ, привыкшій видѣть на вывѣскѣ виноградную кисть, увидить эту кисть съ такого разстоянія, съ какого онъ не замѣтилъ бы предмета такихъ же размѣровъ, но не столь ему знакомаго.

„...Предположимъ, что на какойнибудь вывѣскѣ живописецъ измѣнилъ рутинѣ и нарисовалъ вмѣсто обычной виноградной кисти ананасъ. Легко можетъ быть, что вы, даже на относительно близкомъ разстояніи, увидите не ананасъ, какъ должна бы была засвидѣтельствовать перцепція, а виноградную кисть, какъ вамъ подсказываетъ апперцепція ⁵⁾.

1) Ibid.

2) Ibid.

3) Ibid., стр. 10—15, 115, 116, 116—117, 119—121.

4) Ibid., стр. 115.

5) Ibid., стр. 116.

И вы съ увѣренностью будете утверждать, что собственными глазами видѣли виноградную кисть. Здѣсь апперцепція помѣшала намъ увидѣть существующій фактъ, она извратила перцепцію. Изъ этого мы видимъ, что въ однихъ случаяхъ апперцепція можетъ быть отъ начала до конца ложной, въ другихъ же она является безупречной. Но такъ или иначе, надо признать, что „апперцепціонный процессъ неизбеженъ“. Онъ заключается въ томъ, что

„при всякомъ чувственномъ воспріятіи въ нашемъ сознаніи особенно отчетливо поднимаются тѣ предыдущія впечатлѣнія, которыя имѣютъ съ даннымъ воспріятіемъ какое нибудь сходство. Воображеніе и память комбинируютъ воспріятіе съ соотвѣстственными сторонами нашего уже установленнаго эмпирическаго содержанія и эта новая комбинація немедленно входитъ, какъ одинъ изъ элементовъ, въ психическое содержаніе. Все это располагается въ нашемъ психическомъ строѣ въ извѣстномъ порядкѣ, который, однако, въ большинствѣ случаевъ представляетъ большой безпорядокъ, благодаря условіямъ современной жизни,—собственный опытъ ранняго дѣтства, комбинируясь съ бабушкиными сказками, можетъ породить въ насъ такія чувства, слѣды которыхъ остаются и во взросломъ человѣкѣ; сочетаніе болѣе поздняго опыта съ впечатлѣніями, полученными отъ чтенія опредѣленнаго рода книгъ можетъ дать начало новому слою заблужденій и т. д. Поэтому въ этой сложной сѣти часто бываетъ весьма трудно добратся до первыхъ источниковъ какого нибудь ошибочнаго воззрѣнія“¹⁾.

Къ научному изслѣдованію человѣкъ также всегда приступаетъ съ предвзятымъ мнѣніемъ, которое, вторгаясь въ процессъ работы изслѣдователя, помимо его сознанія и воли, направляетъ его въ ту или другую сторону, а иногда даже предопредѣляетъ характеръ тѣхъ выводовъ, къ которымъ изслѣдователь приходитъ. „Существованіе предвзятаго мнѣнія сказывается“, по мнѣнію Михайловскаго, „уже въ томъ простомъ фактѣ, что вы остановились именно передъ такимъ фактомъ, а не передъ другимъ, и задали себѣ именно этотъ вопросъ, а не тотъ“...

„Предвзятое мнѣніе, неизбежно играетъ весьма значительную роль въ нашихъ изслѣдованіяхъ, какъ бы безпристрастны мы ни были. Сѣтовать на это нечего, во-первыхъ, уже потому, что, если предвзятое мнѣніе ведетъ весьма часто къ неполнымъ и ошибочнымъ наблюденіямъ и умозаключеніямъ, то имъ же обусловливается и дальнѣйшее движеніе науки впередъ. Отказаться отъ предвзятаго мнѣнія, значить отказаться отъ своего умственнаго и нравственнаго капитала, что и невозможно и было бы невыгодно, если бы даже допустить возможность такого самоотреченія“²⁾.

Для того, чтобы скорѣе и лучше достигнуть своей цѣли —научнаго познанія,—изслѣдователь не долженъ стремиться къ какому то сверхчеловѣческому безпристрастію. Это не только неосуше-

¹⁾ Ibid., стр. 13.

²⁾ Ibid., стр. 14—15.

ствимо (ибо „отрѣшиться отъ своего эмпирическаго содержанія столь же трудно, какъ, напримѣръ, вывернуться на изнанку“) но и излишне. Вѣдь, если въ иныхъ случаяхъ предвзятое мнѣніе приводитъ къ неправильнымъ выводамъ, которые являются субъективными (въ гносеогическомъ смыслѣ), т. е. не являются научно-общеобязательными для всѣхъ людей, зато въ другихъ именно оно способствуетъ росту объективности научнаго познанія. Значить, надо бороться не съ предвзятымъ мнѣніемъ вообще, а лишь съ опредѣленными его сторонами; это осуществимо только при помощи слѣдующаго средства: необходимо по возможности тщательно провѣрить свое эмпирическое содержаніе и отыскивать его источники. „Если комбинація воспріятій, лежащихъ въ основу предвзятаго мнѣнія, сознана и можетъ быть формулирована, она обращается въ теорію, допускающую критическое отношеніе къ себѣ“. Теорія, конечно, можетъ тоже служить иногда источникомъ „ложныхъ апперцепирующихъ представленій, какъ напримѣръ въ случаѣ двухъ микроскопистовъ, придерживающихся различныхъ теорій и вслѣдствіе этого выдающихъ подъ однимъ и тѣмъ же микроскопомъ, въ одномъ и томъ же явленіи, различныя вещи. Въ этомъ случаѣ каждый изъ наблюдателей видитъ только то, что желаетъ видѣть, чего онъ ищетъ и не видитъ того, чего онъ не ищетъ“¹⁾. Оба ссылаются при этомъ на свои непосредственныя впечатлѣнія, вслѣдствіе чего взаимная повѣрка обѣихъ теорій прямымъ наблюденіемъ дѣлается очень затруднительной. Но здѣсь есть другой путь къ повѣркѣ.

„Такъ какъ теорія составляетъ рядъ сознательныхъ обобщеній отдѣльныхъ фактовъ, и вся эта цѣпь наблюденій и обобщеній, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, находится у всѣхъ на виду, то всякій можетъ вернуться къ самымъ источникамъ теоріи. Такимъ образомъ, кромѣ вопроса: что видитъ микроскопистъ въ данномъ явленіи? чего онъ въ немъ ищетъ?— кромѣ этого вопроса можетъ быть заданъ иной, а именно; имѣетъ ли микроскопистъ логическое научное право искать именно этого, а не чего либо другого? Другими словами, оправдывается ли его теорія фактами, уже прочно стоящими въ наукѣ. Если такое оправданіе существуетъ, то можно думать, что наблюденіе, сдѣланное подъ вліяніемъ соответствующей теоріи, вѣрно. Если же нѣтъ, то теорія получаетъ права и обязанности гипотезы въ ожиданіи полученія инымъ путемъ такихъ научныхъ данныхъ, которыя либо подтвердятъ, либо уничтожатъ гипотезу“²⁾.

Если мы хотимъ отрѣшиться отъ опредѣленной стороны своего психическаго содержанія (для того, чтобы устранить невыгодное вліяніе предвзятаго мнѣнія на познаніе), мы должны прежде всего привести наше психическое содержаніе въ ясность, изучить его корни и происхожденіе. Необходимо, слѣдовательно, возможно-болѣе тщательное самонаблюденіе; оно играетъ уже зна-

¹⁾ Ibid., стр. 117.

²⁾ Ibid., стр. 118.

чительную роль въ естествознаніи, въ общественныхъ же историческихъ наукахъ его роль, какъ мы увидимъ дальше, еще важнѣе.

III.

Человѣкъ со всѣмъ своимъ психическимъ содержаніемъ представляетъ собой продуктъ той специальной среды и прежде всего той общественной группы, къ которой онъ принадлежитъ. Это понятно. Вѣдь опытъ опредѣляетъ въ концѣ концовъ все психическое содержаніе человѣка. Такимъ образомъ психическое содержаніе человѣка опредѣляется окружающей его средой, когда же мы имѣемъ дѣло съ людьми, живущими въ обществѣ, для нихъ эта среда олицетворяется именно обществомъ, и прежде всего той общественной группой, къ которой они принадлежатъ. „Скажи мнѣ, къ какому общественному союзу ты принадлежишь, и я скажу тебѣ, какъ ты смотришь на вещи“—говоритъ Михайловскій ¹⁾. У представителей каждаго социальнаго класса общія условія его жизни вырабатываютъ типическую классовую психологию, которая представляетъ собой результатъ съ дѣтства накопленнаго опыта и задатковъ, полученныхъ по наслѣдству.

„Если данная социальная группа въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній испытывала наслажденіе власти“, говоритъ Михайловскій: „она необходимо внесетъ соотвѣтственный элементъ въ свой идеаль красоты: величественную поступь, повелительные жесты и взгляды, гордый поворотъ головы. И такимъ же образомъ отражаются въ понятіи о красотѣ всѣ остальные эмпирическія условія, которыя выработаны для данной группы историческимъ путемъ общественныхъ дифференцированій. Рутинный типъ идеальной красоты высшихъ слоевъ европейскаго общества извѣстенъ: блѣдное или съ слабымъ румянцемъ лицо, прямой лобъ, мало развитыя скулы, тонкія кости, маленькія руки и ноги, томные или страстные, вообще выразительные глаза и т. д. Всѣ эти элементы такъ называемой идеальной красоты даны не идеальнымъ, а эмпирическимъ порядкомъ вещей. Все это существенные признаки такой общественной единицы, которая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ воспитывала въ себѣ интеллектуальную сторону на счетъ физической, или—что то же—жила на счетъ труда другихъ общественныхъ единицъ . . . . . Точно также ожирѣвшій идеаль купеческаго сословія совершенно соотвѣтствуетъ существующимъ условіямъ этой социальной группы, удаленной и отъ тяжкаго труда, и отъ утонченнаго развитія страстей, и отъ умственнаго развитія“.

Такимъ образомъ, типичная психологія той или другой общественной группы опредѣляетъ ея понятія красоты, справедливости, лачной и общественной нравственности. Вообще же можемъ сказать, что, по мнѣнію Михайловскаго, въ принадлежности къ какой бы то ни было общественной группѣ есть своего рода

¹⁾ Письма о правдѣ и неправдѣ. Соч., т. IV стр. 461.

магическая сила, уничтожающая человеческое сознание данного лица, замѣняя его сознаниемъ классовымъ, сословнымъ—вообще групповымъ¹⁾. Въ подтверждение этого взгляда можно было бы сдѣлать очень много выписокъ изъ Михайловскаго, но и безъ нихъ его мысль достаточно понятна. Она заключается, говоря кратко и въ очень общей формѣ, въ указаніи на то колоссальное вліяніе, которое оказываетъ социальная жизнь на все психическое содержаніе людей; указавши на это вліяніе, Михайловскій пришелъ къ необходимости найти ту форму опыта, которая обуславливается социальной жизнью людей; этотъ видъ опыта онъ, вслѣдъ за Спенсеромъ, назвалъ сочувственнымъ опытомъ. „Сочувственный опытъ“, говоритъ Михайловскій, „основанъ на нашей способности переживать чужую жизнь, ставить себя въ чужое положеніе“²⁾. „Этотъ видъ опыта получаетъ свое развитіе только съ появленіемъ коопераціи, будь она коопераціей по типу простого или сложнаго сотрудничества. Только тутъ человѣкъ получаетъ возможность пережить другую жизнь, перестрадать чужое страданіе, насладиться чужимъ наслажденіемъ“. Банъ высказалъ мнѣніе, что сочувствовать можно только тому, что мы лично на себѣ испытали; сочувствіе представляетъ собой, по его мнѣнію, воспроизведеніе того или другого состоянія нашего сознанія, испытаннаго нами самими.

Это мнѣніе въ своемъ абсолютномъ видѣ не вѣрно; но извѣстная доля правды въ немъ, по мнѣнію Михайловскаго, есть³⁾. „Безъ всякаго сомнѣнія“, говоритъ онъ: „личный опытъ увеличиваетъ силу опыта сочувственнаго, и намъ легче поставить себя мысленно въ такое положеніе, въ которомъ мы были сами“⁴⁾. Эта поддержка личнаго опыта, очевидно, должна слабѣть по мѣрѣ углубленія бороздъ между различными классами общества.

„Рабовладѣльцу легко проникнуться жизнью такого же, какъ и онъ, рабовладѣльца, ведущаго одинаковый съ нимъ образъ жизни, имѣющаго тѣ же привычки, потому что личный ихъ опытъ почти тождественъ. Но понятъ страданія и горести раба, поставить себя въ его положеніе, для рабовладѣльца несравненно труднѣе. Онъ никогда не испытывалъ того, что

1) Въ этомъ ученіе Михайловскаго совершенно совпадаетъ съ взглядами сторонниковъ т. н. матеріалистическаго пониманія исторіи. На это указываетъ самъ Михайловскій. „Дѣйствительно“, говоритъ онъ: „когда „ученики“ съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ поучали меня „классовой точкѣ зрѣнія“, противопоставляя ее моему „субъективному методу“. они можно сказать, пальцемъ въ небо попадали. Но думаю, что, поучая меня теперь „внеклассовой точкѣ зрѣнія“, г. Струве тоже пальцемъ, только въ другое небо попадаетъ“ (Послѣднія сочиненія, т. I, стр. 462—463). И въ другомъ мѣстѣ: „ясно . . . . что ортодоксальные марксисты били мнѣ челомъ моимъ же добромъ, когда учили меня „классовой точкѣ зрѣнія“... (Ibid., стр. 464). Срв. Отрывки о религіи. Посл. соч. Т. II, стр. 39.

2) Что такое прогрессъ? (Сочиненія т. I, стр. 132).

3) Ibid., стр. 140.

4) Ibid., стр. 140.

испытывает рабъ. Поэтому онъ естественно высоко ставитъ радости и горести своей группы и въ грошъ не ставитъ горестей и радостей другихъ группъ; онъ ихъ не замѣчаетъ, они для него не существуютъ. Онъ видитъ раны и не видитъ, слышитъ стоны и не слышитъ ¹⁾. Такимъ образомъ сочувственный опытъ не безпредѣленъ, ... сочувствовать мы можемъ только подобнымъ себѣ и... существовать въ этомъ отношеніи известная градація. Какъ представитель органической жизни, человѣкъ можетъ понять міръ органической только объективно, и безусловно не можетъ пережить его жизнь, поставить себя на его мѣсто. Какъ недѣлимое, онъ можетъ переживать жизнь только недѣлимаго, и при томъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ данное недѣлимое человѣкообразнѣе ²⁾.

Наконецъ, наибольшій просторъ сочувственному опыту представляется въ области отношеній человѣческихъ. Но и здѣсь есть ступени: одинъ человѣкъ можетъ пережить жизнь каждаго чело-вѣка, другой — только жизнь своихъ собратьевъ по классу, сословію и т. п.

„Сочувственный опытъ“, говоритъ Михайловскій, „вмѣстѣ съ опытомъ личнымъ, комбинируясь известнымъ образомъ, входитъ въ наше психическое содержаніе и, наряду съ категоріями истиннаго и ложнаго, устанавливаетъ категоріи пріятнаго и непріятнаго, желательнаго и нежелательнаго, нравственнаго и безнравственнаго, справедливаго и несправедливаго“ ³⁾.

Отрѣшиться отъ этой стороны нашего психического содержанія невозможно; она представляетъ собой наше предвзятое мнѣніе, которое отличается отъ предвзятаго мнѣнія въ области естественныхъ наукъ присутствіемъ въ немъ нравственнаго элемента ⁴⁾. Исследователь—соціологъ (и историкъ) не можетъ, приступая къ изслѣдованію совсѣмъ безъ предвзятаго мнѣнія; но предвзятое мнѣніе въ области познанія общественныхъ явленій имѣетъ свою характерную особенность: то „психологическое а priori“ или то „предвзятое мнѣніе“, говоритъ Михайловскій: „съ которыми мы неизбежно . . . . . приступаемъ къ изученію явленій общественной жизни, содержитъ въ себѣ и этическіе элементы ⁵⁾. Благодаря вторженію этихъ элементовъ вмѣстѣ съ

¹⁾ Ibid., стр. 140—141.

²⁾ Ibid., стр. 133—134.

³⁾ Ibid., стр. 134.

⁴⁾ Ibid., 134, 142.

⁵⁾ О предвзятомъ мнѣніи у историка см. напр., Новый историкъ еврейскаго народа. Соч. т. III, стр. 108.

⁶⁾ О книгѣ Н. Бердяева съ предисловіемъ Струве и о самомъ себѣ. Посл. соч. т. I, стр. 468; Н. Бердяевъ „вмѣстѣ съ г. Михайловскимъ“ принимаетъ этотъ субъективизмъ, психологическое а priori (только что охарактеризованное), «какъ неизбежный фактъ» (стр. 46); по поводу этой части ученія Михайловскаго Н. Бердяевъ указываетъ, что „этотъ субъективизмъ обязателенъ для всѣхъ безъ исключенія (стр. 44), П. Струве также отмѣчаетъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ Н. Бердяева, что Михайловскій своей теоріей субъективизма въ соціологии и исторіи указалъ «несомнѣнный социально-психологическій фактъ», стр. XXIV“.

предвзятымъ мнѣніемъ въ процессъ изслѣдованія социальныхъ явленій продукты нашего познанія въ этой области неизбежно окрашиваются въ субъективно-соціальный свѣтъ, который въ одномъ случаѣ открываетъ намъ блескъ истины, въ другомъ ведетъ насъ ко лжи и заблужденію. Какъ же избѣгнуть этой субъективной — въ смыслѣ теоріи познанія — окраски всего нашего познанія или, иначе, какъ избѣгнуть невыгодныхъ сторонъ предвзятаго мнѣнія въ области познанія общественныхъ явленій? На этотъ вопросъ Михайловскій отвѣчаетъ своей теоріей субъективнаго метода. Терминъ — „субъективный методъ“ (кстати сказать, совершенно неправильный) заимствованъ Михайловскимъ у Ог. Конта, но Михайловскій вкладываетъ въ него нѣсколько иное содержаніе, чѣмъ Контъ.

IV.

„Въ области явленій общественной жизни“, говоритъ Михайловскій: „наблюденіе неизбежно до такой степени связано съ нравственной оцѣнкой, что „не восхищаться политическими фактами и не осуждать ихъ“ можно только не понимая ихъ значенія. Но нравственная оцѣнка есть результатъ субъективнаго процесса мысли“ . . . ¹⁾.

Что же понимаетъ Михайловскій подъ субъективнымъ процессомъ мысли?

„Всѣ процессы мысли“, говоритъ онъ: „субъективны — это правда субъективны всѣ наши понятія, всѣ наши истины. Но въ д. г. Южаковъ говоритъ же объ объективной критикѣ, объ объективныхъ истинахъ? Надо думать, что онъ придаетъ этимъ выраженіямъ какой нибудь особенный смыслъ, потому что критика въ качествѣ процесса мысли должна быть непременно субъективна. Пусть же онъ ужъ и мнѣ позволитъ говорить объ объективныхъ и субъективныхъ процессахъ мысли придавая имъ известное опредѣленное значеніе“ ²⁾.

Одна и та же причина производитъ въ человѣкѣ двоякаго рода дѣйствія: съ одной стороны она заставляетъ человѣка продѣлывать известные жесты и движенія и вызываетъ въ немъ опредѣленные измѣненія нервной ткани, съ другой стороны она заставляетъ человѣка переживать тѣ или другія психическія переживанія.

¹⁾ Что такое прогрессъ? Т. I, стр. 71; между прочимъ если продолжитъ выписку и привести дальнѣйшія слова Михайловскаго, то ясно будетъ, что во время писанія этой статьи (1869 г.) Михайловскому самому не были еще ясны кое какія важныя положенія его теоріи. Такъ, въ это время онъ, повидимому, еще не ограничивалъ понятія „субъективнаго метода“ отъ понятія „субъективнаго процесса мысли“. Въ 1875 году (въ „Запискахъ профана“) это разграниченіе было имъ проведено уже очень ясно.

²⁾ Объ истинѣ, совершенствѣ и другихъ скучныхъ вещахъ. Соч. т. III, «Записки профана», стр. 398.

„Для изслѣдованія движенія достаточно привести органы чувствъ, вооруженные или невооруженные, въ извѣстное отношеніе къ наблюдаемому явленію. Для изслѣдованія психическаго состоянія этого мало; тутъ нужно употребить иные приемы, нужно пережить самому это состояніе, поставить себя на мѣсто человѣка, находящагося или не находящагося въ этомъ состояніи, и изслѣдователь приближается къ истинѣ настолько, насколько онъ способенъ переживать чужую жизнь“¹⁾).

Въ подобныхъ случаяхъ при объясненіи дѣйствій другихъ людей мы должны представить себѣ ихъ мысли и чувства въ формѣ своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ; результаты такого изслѣдованія Михайловскій называетъ результатами субъективнаго процесса мысли; „тамъ, гдѣ этого условія нѣтъ, процессъ мысли объективенъ“²⁾. Субъективный процессъ мысли употребляется всегда „тамъ гдѣ дѣло идетъ о мысляхъ и чувствахъ людей, но характеръ научнаго метода онъ получаетъ лишь тогда, когда примѣняется сознательно и систематически. „Чтобы выяснить, когда „субъективный процессъ изслѣдованія“ превращается въ „субъективный методъ“, надо уяснить: что такое методъ.

Методомъ, говоритъ Михайловскій,

„называется совокупность приемовъ, помощью которыхъ находится истина или, что то же, удовлетворяется познавательная потребность человѣка.

Въ одномъ случаѣ пригоденъ одинъ методъ, въ другомъ — другой, смотря по природѣ явленій, на которыя устремлена потребность познанія. Если явленія допускаютъ опытное изслѣдованіе, то къ нимъ прилагается методъ опытный, если нѣтъ — наблюдательный или умозрительный. Если явленія очень сложны и относительно нихъ имѣется уже извѣстный кругъ свѣдѣній, то употребляется дедуктивный методъ, въ противномъ случаѣ индуктивный. Гдѣ природа явленій допускаетъ провѣрку всего изслѣдованія каждымъ человѣкомъ, имѣющимъ достаточно свѣдѣній, тамъ употребляется объективный методъ. Гдѣ для провѣрки изслѣдованія требуется, кромѣ свѣдѣній, извѣстная воспримчивость къ природѣ явленій, тамъ употребляется методъ субъективный³⁾“⁴⁾. Методъ субъективный „нисколько не обязываетъ отворачиваться отъ общеобязательныхъ формъ мышленія, потому что онъ по характеру своему противоположенъ только объективному методу, а не индукціи и дедукціи, не опыту и наблюденію. Совершенно такъ же, какъ индуктивный методъ по характеру своему противоположенъ дедуктивному, но не исключаетъ ни опыта, ни наблюденія, ни умозрѣнія. Далѣе субъективный и объективный методы противоположны только по характеру, но ничто не мѣшаетъ имъ уживаться совершенно мирно рядомъ, даже въ примѣненіи къ одному и тому же кругу явленій. *Субъек-*

¹⁾ Ibid., стр. 399—400. Мы пропускаемъ для краткости тотъ примѣръ, которымъ Михайловскій иллюстрируетъ сущность субъективнаго процесса мысли. См. *ibid.*, стр. 398—399. Въ другомъ мѣстѣ (см. Письма о правдѣ и неправдѣ, т. IV, стр. 398—399) онъ разбираетъ еще болѣе интересный фактъ съ этой же точки зрѣнія.

²⁾ Ibid., стр. 400.

³⁾ Ibid., стр. 401.

тивнымъ методомъ называется способъ удовлетворенія познавательной потребности, когда наблюдатель ставитъ себя мысленно въ положеніе наблюдаемаго. Этимъ самымъ опредѣляется и сфера дѣйствія субъективнаго метода, размѣръ законно подлежащаго ему района изслѣдованій: Наблюдатель—человѣкъ и, слѣдовательно, можетъ себя мысленно поставить только въ положеніе такого же, какъ и онъ челоѣвка“ (курсивъ наш¹).

„...Мыслящій субъектъ только въ такомъ случаѣ можетъ дойти до истины, когда сольется съ мыслимымъ объектомъ и ни на минуту не разлучится съ нимъ, т. е. войдетъ въ его интересы, переживетъ его жизнь, перемыслитъ его мысль, почувствуетъ его чувство, перестрадаетъ его страданіе, проплачетъ его слезами“²) (курсивъ наш):

1) Ibid., стр. 401 — 402; субъективный методъ въ сущности тождественъ съ примѣняемымъ постоянно въ психологіи методомъ самонаблюденія. На это указываетъ Н. Бердяевъ. Это же говоритъ г. Михайловскій. „Психологи“, замѣчаетъ онъ: „до сихъ поръ спорятъ о томъ, какъ и когда надо примѣнять въ психологіи методъ самонаблюденія (субъективный) и физиологическій (объективный)“ (соч., т. III, стр. 397). Этимъ „субъективный методъ“ Михайловскаго сближается съ методологіей современной психологіи. Въ частности, напр., то, что Михайловскій называетъ „субъективнымъ процессомъ мысли“, одинъ изъ видѣвшихъ психологовъ нашего времени В. Вундтъ называетъ внутреннимъ или „непосредственнымъ опытомъ“; Л. Петражицкій называетъ это „интроспективнымъ наблюденіемъ“, „внутреннимъ, субъективнымъ наблюденіемъ“. Для того, чтобы уяснить сходство или даже тождество субъективнаго метода Михайловскаго съ методомъ самонаблюденія, какъ его понимаютъ современные психологи, надо обратиться къ ихъ трудамъ. См. напр., Г. Гейдингъ. Очерки психологіи, основанной на опытѣ. 4-е изд. Спб., 1904, первая глава (особенно стр. 19—30); В. Вундтъ. Очеркъ психологіи. Пер. Г. А. Паперна, стр. 1—17; Л. Петражицкій. Введеніе въ изученіе права и нравственности. Основы эмоциональной психологіи. Изд. 2-е. Спб., 1907, стр. 30—32.

2) Что такое прогрессъ? Соч., т. I, стр., 56; по поводу двухъ послѣднихъ выписокъ изъ Михайловскаго Н. Бердяевъ справедливо замѣчаетъ: „такое пониманіе субъективнаго метода можетъ имѣть методологическое значеніе (стр. 84; курсивъ Н. Бердяева). Мы видѣли, что Н. Бердяевъ цѣликомъ принимаетъ ученіе Михайловскаго о психологическомъ a priori, онъ принимаетъ его „соціологическій субъективизмъ“. Затѣмъ въ только что приведенныхъ словахъ Н. Бердяевъ признаетъ и субъективный методъ, онъ признаетъ за нимъ методологическое значеніе (онъ дѣлаетъ, впрочемъ, нѣкоторую оговорку, говоря, что „такое пониманіе“ и т. д., какъ будто указывая этими словами, что у Михайловскаго есть и другое пониманіе сущности этого метода; это утвержденіе Н. Бердяева рѣшительно ни на чемъ не основано). Любопытно съ этимъ сопоставить утвержденія Н. Бердяева въ другихъ мѣстахъ его книги. Такъ, на стр. 54 онъ покоится на гносеологической путаницѣ и вообще всячески подчеркиваетъ свое отрицательное отношеніе къ этому методу. Какъ совмѣстить это съ указаніемъ его на методическую законность этого метода? Въ общемъ надо сказать, что этимъ указаніемъ Н. Бердяевъ сводитъ на нѣтъ всю свою критику, направленную противъ субъективнаго метода, и въ общемъ итогъ вся эта его критика сводится исключительно къ указанію на нелѣпость словосочетанія въ этомъ терминѣ. Нелѣпость этого словосочетанія заключается въ томъ, что здѣсь „съ существительнымъ, имѣющимъ чисто логическій смыслъ (методъ), согласуется прилагательное, имѣющее смыслъ исключительно психологическій (субъективный)“ (стр. 46). Это возраженіе Бердяева противъ Михайловскаго, даже если допустить, что оно вполне справедливо (въ чемъ, однако, можно сомнѣваться), касается

При объясненіи дѣйствій людей мы должны представлять себѣ ихъ мысли и чувства въ формѣ собственныхъ мыслей и чувствъ и поэтому въ этой области субъективный методъ не только законенъ, но и неизбеженъ. Но онъ совершенно не устраняетъ существованія въ данной научной области метода объективнаго.

Въ общественныхъ наукахъ мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ ся съ теоріями и обобщеніями, полученными чисто объективнымъ процессомъ мысли; эти выводы, полученные объективнымъ методомъ, могутъ быть провѣрены всякимъ грамотнымъ человекомъ, „потому что для такой провѣрки требуются только нѣкоторыя, весьма элементарныя свѣдѣнія изъ ариметики и географіи, а ставить себя мысленно въ чужое положеніе вовсе не требуется“ ¹⁾. Такова, напр., та истина, что причиной эмиграціи изъ данной страны является преобладаніе сословно-помѣстнаго элемента, результатомъ же эмиграціи является распространеніе цивилизаціи.

Эта истина дана объективнымъ методомъ. Напротивъ, когда высказываютъ, напр., мысль, что преобладаніе сословно-помѣстнаго элемента, въ результатъ котораго происходитъ эмиграція, несправедливо, когда высказывается эта мысль, мы имѣемъ дѣло съ выводомъ, полученнымъ субъективнымъ методомъ. Для того, чтобы прийти къ этому выводу, необходима извѣстная высота нравственнаго уровня, необходима опредѣленная воспримчивость къ страданіямъ эмигрантовъ, нужна способность поставить себя мысленно на ихъ мѣсто и перетерпѣть все перетерпѣнное ими. Это доступно не всякому. Но во всякомъ случаѣ такъ или иначе всякій пользуется субъективнымъ методомъ въ изслѣдованіи, въ которомъ замѣшаны мысли и чувства другихъ людей.

„Его неизбежно употребляютъ и такъ называемые объективисты, утверждающіе, что они безпристрастны, что они въ своемъ стремленіи къ истинѣ отрѣшились отъ всякихъ симпатій и антипатій. Они говорятъ пу-
стяки“ ²⁾.

не самаго существа субъективнаго метода, а лишь терминологіи. Терминъ „субъективный“ Н. Бердяевъ предлагаетъ замѣнить терминомъ „психологическій“. На это Михайловскій вполне справедливо возражаетъ: я думаю, сказать, что въ психологіи долженъ примѣняться психологическій методъ—значить сказать столь же мало, какъ потребовать для исторіи историческаго метода, для химіи — химическаго и т. д., т. е. ровно ничего не сказать. (Послѣднія сочиненія, т. I, стр. 467).

Если подвести итоги той критикѣ, которой Н. Бердяевъ подвергаетъ теорію социологическаго субъективизма, то получается слѣдующее:

- 1) Н. Бердяевъ самъ объявляетъ себя субъективистомъ въ смыслѣ признанія неизбежности „психологическаго а priori“;
- 2) Съ другой стороны онъ призываетъ методологическое значеніе и за субъективнымъ методомъ.

¹⁾ Ibid., стр. 402.

²⁾ Ibid., стр. 402—403.

Они примѣняютъ въ сущности тотъ же субъективный методъ, но у нихъ это примѣненіе является тайнымъ и бессознательнымъ, такъ что сами себѣ въ этомъ отчета. Такимъ образомъ необходимость субъективнаго метода въ социологиче и исторіи имѣеть чисто логическій характеръ.

Для того, чтобы систематически пользоваться субъективнымъ методомъ,

„ислѣдователь долженъ не забывать своихъ симпатій и антипатій, какъ совѣтуютъ объективисты, сами не исполняя своего совѣта, а только выяснять ихъ, прямо заявить: вотъ тотъ родъ людей, которымъ я симпатизирую, въ положеніе которыхъ я мысленно переношусь; вотъ чьи чувства и мысли я способенъ представить въ формѣ своихъ собственныхъ чувствъ и мыслей; вотъ что для меня желательно и нежелательно, кромѣ истины“¹⁾. „Это психологическій законъ,—говорить Милль,—который можетъ быть выведенъ изъ наиболѣе общихъ законовъ духовнаго склада людей, что всякая сильная страсть дѣлаеть насъ легковѣрными въ существованію предметовъ, способныхъ возбудить ее... Склонность дѣйствовать, заставляя человѣка ревностно искать доводовъ или мнимыхъ доводовъ въ подтвержденіе мнѣній, сообразныхъ его выгодамъ или чувствамъ, и противиться неблагопріятнымъ“...

„Если таковъ законъ нашей психической жизни, то нечего думать о томъ, чтобы совершенно избѣгать его вліянія. Будемъ повиноваться закону природы, но постараемся регулировать его. Выяснивъ наши истинныя чувства, выведя ихъ изъ-подъ слуда нечеловѣческой чистоты, постараемся найти для нихъ возможно лучшій критерій“²⁾.

Въ области естествознанія для того, чтобы избѣгнуть невыгоднаго вліянія предвзятаго мнѣнія на познаніе, въ естествознаніи для этой цѣли ислѣдователь долженъ тщательно провѣрять свое психическое содержаніе, онъ долженъ довести до своего сознанія элементы своего предвзятаго мнѣнія и формулировать ихъ въ формѣ рациональной теоріи, т. е. пользоваться самонаблюденіемъ.

„Предвзятое мнѣніе обуславливается двумя элементами: во-первыхъ, запасомъ предыдущаго опыта, бессознательно или сознательно пріобрѣтеннаго и, во вторыхъ, высотой нравственнаго уровня ислѣдователя“³⁾.

Этотъ второй элементъ предвзятаго мнѣнія особенно сильно даетъ себя чувствовать въ общественныхъ наукахъ; здѣсь научное ислѣдованіе неизбѣжно осложняется—часто помимо воли ислѣдователя—нравственнымъ элементомъ. Нравственный элементъ въ социологическихъ историческихъ ислѣдованіяхъ неустранимъ, неустранимъ потому, что онъ представляетъ собой составную часть предвзятаго мнѣнія ислѣдователя; устранить же предвзятое мнѣніе, какъ извѣстно, нельзя, его можно только регулировать. Регулированіе это достигается здѣсь въ сущности

¹⁾ Ibid., стр. 403.

²⁾ Что такое прогрессъ? Соч., т. I, стр. 139.

³⁾ Ibid., стр. 13.

тѣмъ же путемъ самонаблюденія, какъ и въ наукахъ естественныхъ; надо „выяснить безъ остатка свою личность, дать полный отчетъ въ своихъ желаніяхъ, побужденіяхъ и цѣляхъ“¹⁾ и такимъ образомъ возвести предвзятое мнѣніе на степень рациональной теоріи. Это регулированіе путемъ самонаблюденія и называется въ этой области субъективнымъ методомъ. Михайловскій говоритъ, что онъ

„не только не обращалъ несомнѣнный социально-психологическій фактъ субъективнаго отношенія къ дѣйствительности: въ гносеологическую норму, а, напротивъ, рекомендовалъ нѣчто въ родѣ того, что въ астрономіи называется приемомъ (а пожалуй, и методомъ „личнаго уравненія“). Не извращать факты въ угоду идеалу, не подчинять интеллектуальную совѣсть этической предлагалъ я изслѣдователямъ, а выяснять эту этическую совѣсть себя и другимъ, регулировать—насколько это возможно,—въ интересахъ самого познанія, вліяніе того социально-психологическаго факта, невозможность котораго признають и г. Струве, и г. Бердяевъ. Дѣйствительно ли это нужно или, можетъ быть совсѣмъ не нужно,—это другой вопросъ“...²⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 14.

²⁾ Приведенныя слова Михайловскаго вызваны замѣчаніемъ П. Струве, что субъективный методъ „состоитъ въ возведеніи социально-психологическаго факта въ гносеологическую норму“ и „требуетъ сознательнаго подчиненія истиннаго (совѣсти интеллектуальной) должному (совѣсти этической)“ (стр. XXIV). На возраженіе Михайловскаго П. Струве отвѣтилъ въ № 5 „Міра Божія“ за 1901 г. По словамъ г. П. Г. (см. Проблемы идеализма, статья „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“) П. Струве показалъ въ упомянутой замѣткѣ, что „новѣйшая попытка истолкованія субъективнаго метода“ въ статьѣ противъ Н. Бердяева и его П. Струве привела къ мысли о *самоупражденіи* этого метода“ (курсивъ П. Г.). Откуда г. Струве и г. П. Г. увидѣли самоупражденіе субъективнаго метода, понять мудрено; вѣдь въ своей статьѣ, посвященной книгѣ Н. Бердяева, онъ повторяетъ буквально то, что говорилъ о субъективномъ методѣ, напр., хотя бы въ статьѣ: „Объ истинѣ, совершенствѣ и другихъ скучныхъ вещахъ“ (т. III „Записки профана“); въ этомъ всякій легко можетъ убѣдиться, сравнивши объ статьѣ. Но несмотря на это, г. Струве нашель себя единомышленника въ лицѣ Ф. В. Софронова который въ статьѣ „Механика общественныхъ идеаловъ“ („Вопросы философіи и психологіи“, 1901 г.) утверждаетъ, что регулировать такое вліяніе (вліяніе социально-психологическаго факта) въ интересахъ познанія значить, по возможности исключать его,—и это было бы самоупражденіемъ субъективнаго метода“. Въ этой небольшой фразѣ настолько много путаницы, что трудно въ ней разобраться. Ф. В. Софроновъ предлагаетъ „по возможности *исключать*“ „несомнѣнный социально-психологическій фактъ“, но вѣдь это *невозможно*; въ качествѣ авторитета можно сослаться на Н. Бердяева, который очень определенно указываетъ на это (см. стр. 35 и др. его книги). Если же исключить совсѣмъ этого „факта“ нельзя, то надо его какънибудь регулировать. регулировка эта есть субъективный методъ; такимъ образомъ необходимость регулировать субъективные элементы въ интересахъ познанія ведетъ не къ самоупражденію субъективнаго метода, какъ думаетъ г. Софроновъ, а, напротивъ, къ его утвержденію. У Михайловскаго „регулировка“, по мнѣнію г. Софронова, „получаетъ своеобразное значеніе—не исключенія, а введенія этическаго элемента, но только подъ контролемъ сознанія“. А это, по мнѣнію г. Софронова и есть подчиненіе интеллектуальной совѣсти этической. Надо замѣтить, что г. Софроновъ

Изъ этихъ словъ Михайловскаго видно, что для него субъективный методъ являлся тѣмъ теоретическимъ средствомъ, при помощи котораго только и можно достигнуть научнаго познанія въ области социологiи и исторiи. Нужно, по мнѣнiю Михайловскаго, не стремясь къ какому-то сверхчеловѣческому безстрастию, просто стараться отдать себѣ и другимъ отчетъ въ своихъ симпатiяхъ, антипатiяхъ, желанiяхъ и идеалахъ. Иногда, конечно, и субъективный процессъ мысли можетъ привести къ совершенно неправильнымъ выводамъ. Это зависитъ отъ того, что понятiе, которое одинъ человѣкъ составляетъ объ умѣ другого, является (по выраженiю Спенсера) автоморфическимъ, т. е. оно соотвѣтствуетъ складу его собственнаго ума; поэтому и сужденiя одного лица о другомъ (являющiяся въ результатѣ субъективнаго процесса мысли) тѣмъ дальше отстоятъ отъ истины, чѣмъ больше его собственный умъ отличается отъ того ума, о которомъ онъ долженъ составить себѣ понятiе. Необходимымъ условiемъ для того, чтобы представить чужiя мысли, чувства и желанiя въ формѣ своихъ собственныхъ, необходимымъ условiемъ этого является сочувственный опытъ. Способность понять, пережить и перечувствовать чужую жизнь опредѣляется такимъ образомъ границами сочувственнаго опыта; субъективный методъ для того, чтобы привести изслѣдователя къ правильнымъ выводамъ, предполагаетъ въ наблюдателѣ существованiе возможно большей способности къ сочувственному опыту: чѣмъ больше этотъ запасъ, тѣмъ лучше для цѣлей изслѣдованiя. Изъ этого мы видимъ, что для полнаго пониманiя явленiй общественной и исторической жизни мы должны, не надѣвая на себя маску объективизма, просто отдать себѣ отчетъ въ своемъ „я“—въ своихъ стремленiяхъ, идеалахъ и т. д., иначе говоря, въ предѣлахъ своего сочувственнаго опыта. Хотя субъективный процессъ мысли и приводитъ насъ иногда къ ошибкамъ, но, съ другой стороны, онъ въ правильномъ своемъ примѣненiи обезпечиваетъ достовѣрность выводовъ. Дѣло въ томъ, что примѣсь нашего „я“ (которая неизбежно играетъ главную роль въ субъективномъ процессѣ мысли) даетъ намъ возможность понять другихъ, она является посредствующимъ звеномъ для достиженiя этой цѣли; желать же погашенiя нашего „я“—это значитъ совершенно отъ этой цѣли отказаться. Объективный процессъ мысли—погашенiя своего „я“—не только невозможенъ, но онъ былъ бы прямо таки вреденъ для цѣлей социологическаго и историческаго познанiя.

Субъективный процессъ мысли, какъ мы указали, нуждается въ качествѣ своей предпосылки въ возможно большей способности наблюдателя къ сочувствiю себѣ подобнымъ. Въ обществѣ, построенномъ по принципу раздѣленiя труда, сочувственный опытъ

даетъ нѣсколько неправильное освѣщенiе субъективнаго метода, утверждая, что во *введенiи* этическихъ элементовъ, но подъ контролемъ сознанiя заключается его сущность; такое освѣщенiе не совсѣмъ вѣрно. Ни о какомъ *введенiи* этическихъ элементовъ у Михайловскаго нѣтъ и рѣчи; рѣчь идетъ исключительно объ открытiи и регулированiи *уже имѣющихся* въ сознанiи этическихъ элементовъ.

ограничиваетъ свое, если можно такъ выразиться, примѣненіе предѣлами даннаго общественнаго слоя; лица же, принадлежащія къ одному слою, теряютъ способность сочувствовать представителямъ другого слоя. Эта мысль, какъ мы указывали уже, получила у Михайловскаго очень подробное развитіе. Но Михайловскій указываетъ, что при такихъ условіяхъ общественной жизни, когда въ обществѣ господствуетъ раздѣленіе труда, могутъ изрѣдка являться отдѣльныя личности способныя воспроизвести въ своемъ сознаніи всѣ отбѣнки жизни, раскиданныя классовымъ строемъ общества въ разныя стороны, вообще способныя „къ многостороннему сочувственному опыту“ (но для этого нужны „особенно счастливыя и чисто случайныя сочетанія обстоятельствъ, удачное смѣшеніе крови, особенности воспитанія и проч.“).

„И это будутъ люди съ высокимъ нравственнымъ уровнемъ, способные къ успѣшной разработкѣ социологіи (можетъ быть, не лишне замѣтить, что одинъ высокій нравственный уровень самъ по себѣ не можетъ гарантировать ничего) ¹⁾).

Поэтому именно правъ Ог. Контъ, когда онъ утверждаетъ, что „только тѣ могутъ съ успѣхомъ заниматься социологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ“... ²⁾.

Но при изученіи общественныхъ явленій мало нравственности личной (которая требуется отъ естествоиспытателя), здѣсь требуется еще нравственность, такъ сказать, „политическая“... „Можно быть лично прекраснымъ человѣкомъ и въ то же время безсознательно фальсифицировать науку въ угоду интересамъ“ своего плана. Иногда подобная фальсификація происходитъ сознательно и тогда безнравственность политическая осложняется личной, (но это, разумѣется, не необходимо). Этой, такъ сказать, политической безнравственностью людей сильно задерживается развитіе общественныхъ и историческихъ наукъ; какъ мы указывали, эта „безнравственность“ обусловливается недостаткомъ сочувственнаго опыта людей благодаря влиянію классоваго строя общества. Изъ этого вытекаетъ, что

„социологіи мы никогда не будемъ имѣть, если борьба интересовъ не расчлѣнитъ для нея почвы, сгладивъ общественныя дифференцированія. За вычетомъ нѣкоторыхъ блестящихъ исключеній, въ общемъ нравственные и политическія науки необходимо отражаютъ въ себѣ практическую жизнь съ ея шероховатостями. Поэтому первая общая задача современной общественной науки состоятъ въ опредѣленіи значенія общественныхъ дифференцированій,—задача, къ которой инстинктивно и потому неопредѣленно стремились всѣ лучшіе люди всѣхъ временъ“ ³⁾.

„Опредѣлить значеніе общественныхъ дифференцированій“ это значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ „опредѣлить условія, при которыхъ

¹⁾ Что такое прогрессъ? Соч., т. I, стр. 141.

²⁾ Ibid., стр. 134.

³⁾ Что такое прогрессъ? Соч., т. I, стр. 141.

субъективные разногласия исчезают“; это будет вполне понятно, если принять во внимание, что „субъективные разногласия... порождаются не различием в количестве знаний, а различием... общественных положений, препятствующих людям представлять чужие мысли и чувства в формах собственных“, т. е. они порождаются недостатком сочувственного опыта. Итак, социология должна определить условия, при которых субъективные разногласия исчезают; это она должна сделать потому, что „разногласие субъективных заключений“ представляет действительно весьма важное, но неизбежное неудобство ¹⁾, борьба с которым „лицом к лицу, в открытом поле для науки невозможна“. Наука сообщает нам знания, но известных желаний она не может нам сообщить. В данном случае дело науки должно заключаться в следующем. Она должна, как мы уже указывали, „признать желательным устранение субъективных разногласий, определить условия, при которых оно может произойти. Это исследование обнимает, конечно, и историю возникновения и развития субъективных разногласий, при чем будем опираться и на данные объективной науки—данные низших наук и факты исторические и статистические. Но в основе исследования будет лежать субъективное начало желательности или нежелательности, субъективное начало потребности“ ¹⁾.

Устранение „субъективных затруднений“ желательно в научном отношении, хотя само по себе оно не имеет „прямых связей с категориями истинного и ложного“ (при этом оно находится в соответствии с рядом известных истин), „удовлетворяя потребности, отличной от потребности познания“.

„Такова одна из задач социологии. Но вместе с тем это задача типическая ²⁾. Таковы все общие задачи социологии. Признав нечто жела-

¹⁾ Об истинѣ, совершенствѣ и др. скучныхъ вещахъ Соч., т. III, стр. 404; г. Струве, почему-то совершенно не обращая вниманія на эту мысль Михайловскаго, утверждаетъ, что онъ возвелъ „индивидуально-психологическую ограниченность“ въ принципъ (стр. XXI). При этомъ П. В. Струве не указываетъ тѣхъ оснований, которыя позволяютъ ему дѣлать такое утверженіе.

²⁾ По поводу словъ Михайловскаго, что „одна изъ задачъ социологии состоитъ въ опредѣленіи условий, при которыхъ субъективные разногласія исчезаютъ“, Н. Вердяевъ говоритъ: „Это очень хорошо сказано. Мы тоже ставимъ вопросъ такимъ образомъ“ (стр. 43).

С. П. Равскій, напротивъ, протестуетъ противъ подобной постановки вопроса, такъ какъ онъ видитъ здѣсь смѣшеніе теоретической точки зрѣнія науки съ практической точкой зрѣнія искусства. Такое обвиненіе, конечно, неправильно. С. П. Равскій самъ это чувствуетъ и для подтвержденія этого мнѣнія прибѣгаетъ даже къ искаженію Михайловскаго. „Вмѣсто открытій законовъ социальной жизни“, говоритъ онъ, „Михайловскій ставитъ общественной наукѣ совершенно иную цѣль...“ (дальше слѣдуютъ уже приведенныя слова Михайловскаго о желательности и нежелательности для познанія тѣхъ или другихъ условий социальной жизни; ср. cit., стр. 113; курсивъ нашъ. Б. Л.). Приведенныя слова С. П. Равскаго противорѣчатъ всему тому, что мы знаемъ о социологическихъ взглядахъ Михайловскаго. Гдѣ и когда онъ отрицалъ открытіе социальныхъ законовъ въ качествѣ задачи социологии? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: нигдѣ и никогда.

тельнымъ или нежелательнымъ, социологъ долженъ найти условія осуществленія этого желательнаго или устраненія нежелательнаго. Само собою разумѣется, что ничто, кромѣ неискренности или слабости мысли, не помѣшаетъ ему придти къ заключенію, что такія-то или такія-то желанія не могутъ осуществиться вовсе, другія могутъ осуществиться только отчасти. Задача социологій таковыя образы существенно отличаются отъ наукъ естественныхъ, въ которыхъ начало желательности остается на самомъ порогѣ изслѣдованія. Потребность положенія субъективна, какъ и всѣ потребности. Выборъ предмета изслѣдованія, выборъ предмета, на который устремляется жажда познанія натуралиста, всецѣло зависитъ отъ личныхъ качествъ изслѣдователя. Одинъ желаетъ изучать движеніе планетъ, другой желаетъ перечислять виды клоповъ и проч. Но когда изслѣдованіе начато, натуралистъ не вводитъ въ него, по крайней мѣрѣ не долженъ вводить элементъ субъективный. Онъ можетъ сказать: я желаю перечислять виды клоповъ, но не можетъ сказать: я желаю, чтобы видовъ клоповъ было столько-то ¹⁾. Социологъ, напротивъ, долженъ прямо сказать: желаю познать отношенія между обществомъ и его членами, но кромѣ познанія я желаю еще осуществленія такихъ-то и такихъ-то моихъ идеаловъ, сильное оправданіе которыхъ при семъ прилагаю. Собственно говоря, самая природа социологическаго познанія такова, что они не могутъ производиться отличнымъ отъ указаннаго путемъ. Дѣло только въ томъ, что въ настоящее время для большей части социологовъ неясенъ весь процессъ ихъ собственныхъ изслѣдованій. Нѣкоторые моменты этого процесса остаются, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи, что не помѣшаетъ имъ однако вліять на ходъ изслѣдованія. Все равно, какъ рѣка, которая течетъ иногда на нѣкоторомъ разстояніи подъ землей: ея на этомъ пространствѣ не видно, но тамъ и рыбы плаваютъ, и берега заносятся и смываются, вообще, происходятъ тѣ же явленія, что и въ поверхностной части русла. Конечно, не всегда процессъ изслѣдованія неясенъ самому социологу: иногда нѣкоторые моменты процесса имъ по недобросовѣстности мысли просто скрываются. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, тутъ наука опять безсильна для прямой борьбы; но она можетъ и должна открыть, что именно скрадено въ данномъ изслѣдованіи, каковы желанія, которыя не посмѣлъ или не сумѣлъ выразить социологъ и которыя, однако, оставили свои слѣды въ его работѣ. Само собою разумѣется, что если скрываются не только нѣкоторые моменты внутренняго процесса изслѣдованія, а и факты, то они должны быть восстановлены. Благодаря подобнымъ

¹⁾ По поводу этихъ словъ Михайловскаго С. П. Ранскій вполне справедливо замѣчаетъ: „Не всѣ, однако, натуралисты считаютъ виды клоповъ и напимыръ, Пастеръ, Ру, Мечниковъ и другіе ученые, посвятившіе свои силы изученію бактериологій, конечно, очень и очень желаютъ, чтобы оказалось какъ можно больше средствъ для истребленія бактерий, вредныхъ для человѣка и животныхъ“ (op. cit., стр. III). Изъ этихъ словъ С. П. Ранскаго видно, что идеалы изслѣдователя неизбѣжно приходятъ не только въ социологическое изслѣдованіе, но и въ изслѣдованіе въ области естественныхъ наукъ. Это, конечно, вѣрно, но тотъ выводъ, къ которому приходятъ С. П. Ранскій, отнюдь не противорѣчитъ мнѣнію Михайловскаго, какъ то предполагаетъ, повидному, С. П. Ранскій. Этотъ выводъ заключается въ указаніи на необходимость различать науку, познаніе явленій, отъ искусства, совокупности практическихъ правилъ (op. cit. стр. 112).

скрадываніямъ и не систематическому, а случайному и тайному приѣмнѣнію субъективнаго метода, большинство соціологовъ выражаетъ программу своей науки совсѣмъ не такъ, какъ мы сейчасъ объ ней говорили... Существенная задача соціолога, какъ мы ее опредѣлили, состоитъ въ выясненіи общественныхъ условий, при которыхъ та или другая потребность человеческой природы получаетъ удовлетвореніе¹⁾. „Что лучше—поставить задачи общества и соціальныя обязанности въ началѣ изслѣдованія законовъ соціальныхъ явленій, или получить ихъ въ результатѣ работы? Поставить вопросъ такимъ образомъ значить“, говоритъ Михайловскій“, рѣшить его. Конечно, лучше вывести задачи общества въ итогѣ изслѣдованія, если это возможно. Но въ томъ-то и дѣло, что приведенный вопросъ есть совершенно праздный, ибо по свойствамъ своей природы человекъ не можетъ не внести субъективный элементъ въ соціологическое изслѣдованіе. Такова, по крайней мѣрѣ, единственная сторона въ вопросѣ о субъективномъ и объективномъ методѣ, подлежащая обсужденію“²⁾. „Объективизмъ въ соціологіи есть, по вашему мнѣнію, неоднократно высказанному, не болѣе, какъ маска, которою люди недобросовѣстные обманываютъ другихъ, а добросовѣстные себя“³⁾. „Будутъ ли наши цѣли велики или малы, будутъ ли наши желанія нравственны или безнравственны, будутъ ли наши идеалы достижимы или недостижимы, но они непременно будутъ и неизмѣнно наложатъ свою печать на изслѣдованіе, можетъ быть, даже извратить его, хотя, можетъ быть также, получать отъ него болѣе или менѣе важный коррективъ“⁴⁾.

Сущность субъективнаго метода заключается такимъ образомъ въ требованіи, чтобы соціологъ выяснилъ свои чувства, мысли и желанія, съ которыми онъ приступаетъ къ изслѣдованію законовъ соціальныхъ явленій. Выяснивши свои чувства, соціологъ будетъ изслѣдовать явленія общественной жизни путемъ анализа фактовъ, установленныхъ этнографіей, статистикой и др. науками, путемъ обычныхъ приѣмовъ научнаго изслѣдованія, практикуемыхъ въ естествознаніи, т. е. объективнымъ методомъ, по терминологіи Михайловскаго⁵⁾. Михайловскій не отрицаетъ такимъ образомъ значенія объективнаго метода въ этой области изслѣдованій, а только настаиваетъ на томъ, что „высшій контроль долженъ принадлежать здѣсь субъективному методу“⁶⁾.

Общій ходъ мыслей въ исторіи субъективнаго метода Михайловскаго можно выразить такъ. Во всякое изслѣдованіе явленій общественной жизни (какъ при историческомъ, такъ и при соціологическомъ изученіи ихъ) неизбѣжно приходится (независимо отъ желанія изслѣдователя) нравственный элементъ, неустраняемый никакими силами. Такъ какъ онъ нерѣдко приводитъ къ извращенію познанія въ этой области, это необходимо регу-

1) Ibid., стр. 405—407.

2) Философія исторіи Лви Блана. Соч., т. III, стр. 9—10.

3) Ibid. стр. 9: срв. ibid., 363—370 и др.

4) Ibid., стр. 10.

5) На это отчасти въ видѣ возраженія Михайловскому указываетъ С. П. Ранскій (Соціологія Н. К. Михайловскаго, Спб., 1907, стр. 119).

6) Что такое прогрессъ? Соч., т. I, стр. 148.

лизовать, регулировать при помощи субъективного метода. Регулировка достигается не устранением нравственного элемента, ибо это невозможно, а только стремлением по возможности отделить исследование истины от оценок явлений с точки зрения их желательности и нежелательности. Это достигается выяснением своих симпатий, антипатий и т. п. путем возведения их на степень рациональной теории. В этом, кратко говоря, и заключается то содержание, которое вкладывает Михайловский в понятие субъективного метода. Если признать правильным учение Михайловского о роли предвзятого мнения в науке вообще, если признать затѣм правильным его учение о роли и составѣ предвзятого мнения при изучении общественных явлений, то неизбежно придется признать законность и даже необходимость того, что Михайловский разумѣетъ под именем субъективного метода. Марксисты очень много говорят о классовом сознании, классовой точкѣ зрения и т. п. и всѣ ихъ разсужденія блестяще подтвердили учение Михайловского о предвзятомъ мнѣнии при изслѣдованіи социальных явлений; теперь мысль о томъ, что условия социальной жизни вообще, а—даннаго класса въ частности опредѣляютъ все психическое настроеніе членовъ этого класса, эту мысль надо считать доказанной. Но она есть предпосылка субъективного метода—„личнаго уравненія“ при изучении общественных явлений: признавая эту мысль, нельзя не признать вмѣстѣ съ тѣмъ и субъективного метода. Конечно, можно оспаривать терминъ „субъективный методъ“, основываясь на томъ, что слово субъективный, въ какомъ бы смыслѣ его ни брать, въ примѣненіи къ методу ничего не выражаетъ и даже можетъ вызвать рядъ недоумѣній. Полезно было бы въ виду этого измѣнить терминологию.

V.

Необходимо обратиться еще къ одному частному примѣненію „субъективизма“ Н. Михайловского: къ его теории прогресса. Въ этой части „социальной“ философіи Михайловского мы встречаемъ вполне справедливыя мысли или, правильнѣе, намеки на вполне вѣрныя мысли наряду съ очень значительной путаницей и недоговоренностью. Своей теоріей „субъективизма“ Михайловский указываетъ на тотъ несомнѣнный (отмѣченный уже въ предыдущемъ изложеніи) социально-психологическій фактъ, что явленія общественной жизни въ неизмѣримо большей мѣрѣ затрагиваютъ человѣческіе интересы, чѣмъ явленія природы; именно благодаря имъ человѣкъ никогда не можетъ относиться къ явленіямъ общественной жизни такъ же безстрастно и спокойно, какъ къ явленіямъ природы. „Коренная и ничѣмъ неизгладимая разница между отношеніями человѣка къ человѣку и отношеніями человѣка къ остальной природѣ“, говоритъ Михайловский, „состоитъ прежде всего въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не просто съ явленіями, а съ явленіями, тяготящими къ извѣ-

стной цѣли, тогда какъ во второмъ цѣль эта для человѣка не существуетъ“¹⁾. Дѣло въ томъ, что каждый человѣкъ неизбежно такъ или иначе принимаетъ участіе въ общественной жизни своею дѣятельностью; онъ ставитъ себѣ опредѣленные цѣли, къ достиженію которыхъ онъ стремится въ своей дѣятельности. Такимъ образомъ при изученіи явленій общественной и исторической жизни мы неизбежно сталкиваемся съ понятіемъ цѣли; напротивъ, при изученіи явленій природы это понятіе не играетъ никакой роли, ибо цѣлей природы мы не знаемъ. Такимъ образомъ Михайловскій выдвигаетъ телеологию, какъ ученіе о цѣляхъ человѣка на мѣсто телеологіи, какъ ученія о цѣляхъ природы.

„Всякая попытка дать телеологическое объясненіе природы по необходимости должна, по его мнѣнію, „кончиться фіаско“²⁾. „Смѣшно и странно говорить, что послѣдовательныя геологическія фазы представляютъ прогрессъ, потому что онѣ подготовили землю для человѣческаго обитанія, но нисколько не смѣшно и нисколько не странно утверждать, что въ области человѣческой мысли прогрессъ состоитъ въ послѣдовательномъ уразумѣніи законовъ природы и общественныхъ отношеній, что въ области явленій общественной жизни прогрессъ состоитъ точно также въ рядѣ измѣненій по направленію къ опредѣленной цѣли, ставимой самимъ человѣкомъ. Не только не смѣшно и не странно, но человѣкъ и не можетъ ставить вопросъ иначе, не можетъ органически, не можетъ потому, что онъ человѣкъ. Самое слово „прогрессъ“ имѣетъ смыслъ только по отношенію къ человѣку, и явленіями прогрессивными въ области человѣческой мысли и человѣческихъ дѣяній мы можемъ признать только тѣ, которыя подвигаютъ человѣка къ данной цѣли; явленія, задерживающія это движеніе или отклоняющія его въ стороны мы должны признать съ человѣческой, т. е. единственно возможной для человѣка точки зрѣнія—явленіями регрессивными. Ниже на ближайшихъ къ человѣку ступеняхъ органической жизни, мы можемъ еще примѣнять понятіе прогресса по аналогіи; еще ниже мы можемъ различать только явленія фізіологическія и патологическія, и, наконецъ, въ мірѣ неорганическомъ для человѣка нѣтъ ничего кромя измѣненій“³⁾.

Итакъ, въ мірѣ и въ исторіи для Михайловскаго существуютъ только процессы, которые являются прогрессивными или регрессивными въ зависимости отъ того, приближаютъ ли они человѣка къ осуществленію его цѣлей или удаляютъ отъ него.

Поэтому „формула: все сотворено на пользу человѣка совершенно справедлива, но не въ объективномъ, а только въ субъективномъ смыслѣ; что ничто не создано для человѣка, что до всего ему приходится добиваться своимъ потомъ и кровью, но что въ силу своихъ интересовъ онъ самъ, силою своего сознанія становится въ центрѣ природы и покоряетъ ее себѣ“⁴⁾.

¹⁾ Что такое прогрессъ? Соч. т. I, стр. 129.

²⁾ О книгѣ Н. Бердяева съ предисловіемъ П. Струве и о самомъ себѣ. Посл. соч. т. I, стр. 481.

³⁾ Что такое прогрессъ? Соч., т. I, стр. 128—129; о телеологіи см. также Посл. соч., т. I, стр. 388—390 (о имманентной телеологіи), стр. 480—482.

⁴⁾ Теорія Дарвина и общественная наука. Соч., т. I, стр. 206 (Теорія Дарвина и телеологія).

Дѣятельность человѣка стремится такимъ образомъ превратить исторію жизни на землѣ въ исторію человѣческихъ идеаловъ ¹⁾.

Когда мы имѣемъ дѣло съ исторіей людей, мы не въ силахъ обойтись безъ понятія прогресса. На примѣрѣ Спенсера Михайловскій сдѣлалъ попытку доказать, что замѣна понятія „прогрессъ“ понятіемъ „эволюція“ въ цѣляхъ возможно большаго объективизма прямо невозможна, ибо идея прогресса, выгнанная въ дверь, незамѣтно впускается въ окно; претензія на субъективность ведетъ только къ контрабандному введенію въ историческое изслѣдованіе субъективнаго элемента. Такъ именно и случилось, напр., со Спенсеромъ; онъ сдѣлалъ попытку изгнать изъ идеи прогресса телеологическій опытъ, превративши „прогрессъ“ въ „эволюцію“, „развитіе“; для этой цѣли онъ устранилъ разсмотрѣніе историческихъ явленій съ точки зрѣнія человѣческаго счастья ²⁾, но въ концѣ концовъ самъ же ввелъ это понятіе въ изслѣдованіе прогресса ³⁾. Такимъ образомъ идея прогресса, какъ увеличенія человѣческаго счастья, противъ воли Спенсера проникла въ его изслѣдованіе. Судьба Спенсера въ этомъ отношеніи, по мнѣнію Михайловскаго, очень характерна; такъ должно случиться, по его мнѣнію, со всякимъ изслѣдователемъ, который, приступая къ историческому изслѣдованію, утверждаетъ, что у него нѣтъ никакого предвзятаго мнѣнія; фактически это предвзятое мнѣніе у изслѣдователя всегда есть (болѣе или менѣе сознательное).

Всякій изслѣдователь всегда—хочетъ онъ того или не хочетъ—опѣниваетъ явленія исторической жизни съ точки зрѣнія понятія прогресса, смотря по тому, способствуютъ ли они приближенію человѣчества къ его (т. е. изслѣдователя, а не человѣчества) идеалу счастья и совершенства или же загораживаютъ эту дорогу. Такимъ образомъ Михайловскій ставитъ идею прогресса въ связь съ понятіемъ счастья. Именно эта связь обоихъ понятій даетъ ему возможность наполнить идею прогресса опредѣленнымъ содержаніемъ и прити къ его знаменитой формулѣ прогресса. Мы этой формулы не будемъ касаться, такъ какъ содержаніе ея опредѣляется общесоціологическими взглядами Михайловскаго: его теоріей борьбы за индивидуальность и т. п., которыхъ мы въ настоящей статьѣ касаться мы можемъ. Мы ограничимся разсмотрѣніемъ идеи прогресса въ пониманіи Михайловскаго съ ея формально-логической стороны. Для этого надо прежде всего выяснитъ: что такое исторія, какъ наука по Михайловскому. Дѣло въ томъ, что вопросъ о прогрессѣ встаетъ передъ изслѣдователемъ именно при историческомъ изученіи явленій общественной жизни, а отнюдь не при соціологическомъ. Это объясняется тѣмъ, что „прогрессъ“ есть прежде всего измѣненіе; поэтому мы можемъ говорить о прогрессѣ лишь тогда, когда мы обра-

¹⁾ Эта мысль особенно ясно выражена на стр. 319—332 перваго тома.

²⁾ Что такое прогрессъ? Соч., т. I, стр. 18.

³⁾ Срв. *ibid.*, стр. 143—150.

щаемъ вниманіе на измѣненія явленій, на ихъ индивидуальныя черты, отличающія ихъ отъ другихъ явленій и отъ другихъ стадій ихъ собственнаго развитія. Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ о разграниченіи науки на два типа: на науки естественныя и историческія. Первыя ищутъ въ явленіяхъ общихъ всѣмъ имъ признаковъ и на основаніи этихъ признаковъ строятъ научныя понятія—законы явленій, вторыя, напротивъ, интересуются индивидуальными чертами явленій, т. е. тѣми особенностями, которыя наиболѣе важны для различенія этихъ явленій отъ другихъ близкакъ къ нимъ ¹⁾).

Къ числу наукъ второго типа именно и принадлежитъ исторія человѣчества, о которой идетъ рѣчь. Что касается пониманія Михайловскимъ исторіи какъ науки, то надо сказать, что онъ нигдѣ не даетъ опредѣленія сущности этой науки и тѣхъ задачъ, которыя она себѣ ставитъ ²⁾. Между тѣмъ опредѣленіе сущности исторіи крайне необходимо въ научномъ отношеніи для отграниченія ея отъ близкой къ ней (по объекту изученія) науки—соціологіи.

То немногое, что онъ говоритъ о задачахъ исторіи (въ отличіе отъ соціологіи), поражаетъ скудостью своего философскаго содержанія и вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ очень много путаницы.

Но если Михайловскій и не даетъ нигдѣ опредѣленія исторіи, какъ науки, то изъ многихъ мѣстъ его сочиненій ясно, что понятіе прогресса — историческое или философско-историческое (какое именно — неизвѣстно, только не соціологическое). Надо кстати замѣтить, что понятіе философіи исторіи также остается неопредѣленнымъ, хотя Михайловскій нерѣдко имъ оперируетъ. Но... вернемся къ прогрессу. „Теорія прогресса“, говоритъ Михайловскій, „должна разобратъ въ пестрой массѣ историческихъ фактовъ, расположивъ ихъ въ извѣстной перспективѣ, въ концѣ которой, хотя бы и очень отдаленномъ, долженъ сіять извѣстный идеаль, нѣчто желательное съ точки зрѣнія изслѣдователя и

¹⁾ Читатель, знакомый съ вопросомъ, безъ сомнѣнія, понимаетъ, что нѣсколькими приведенными въ текстѣ словами авторъ настоящаго очерка пытался въ немногихъ словахъ формулировать сущность того—отнынѣ ставшаго прочнымъ приобретеніемъ науки—разграниченія двухъ типовъ эмпирическаго знанія, которое съ особенной логической ясностью, точностью и простотой было сформулировано Генрихомъ Риккертомъ въ его трудѣ: „Границы естественно-научнаго образованія понятій“ (Спб., 1904). С. в. его же „Философія исторіи“ (Спб., 1908) и „Естественновѣднѣе и культуровѣднѣе“.

²⁾ Въ высшей степени заманчиво указать тѣ общіе пункты, къ которымъ пришли Г. Риккертъ и „русская субъективная школа въ соціологіи“. Викторъ Черновъ въ своей книгѣ „Философскіе и соціологическіе этюды“ проводитъ параллель между Риккертомъ и Михайловскимъ очень далеко, находя, что они согласны между собой чуть ли не во всѣхъ пунктахъ „соціальной философіи“. Это мнѣніе, заключаая въ себѣ несомнѣнно очень большія преувеличенія, содержитъ въ то же время нѣкоторый зародышъ истины, ибо всякому непредубѣжденному взгляду бросается въ глаза сходство въ постановкѣ и разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ у Риккерта и русскихъ субъективистовъ. Особенно эти черты сходятся (равно какъ и черты различія) бросаются въ глаза, если сравнивать Риккерта съ П. Л. Лавровымъ, а не съ Михайловскимъ.

руководящее въ практической дѣятельности“¹⁾. Изъ этихъ словъ видно, какое значеніе придавалъ Михайловскій формулѣ прогресса. По его мнѣнію, формула прогресса нужна для двухъ цѣлей; во-первыхъ, она нужна для того, чтобы разобратся въ необозримо мнгообразіи историческихъ фактовъ и выбрать изъ нихъ существенные; во-вторыхъ, она нужна для того, чтобы производить оцѣнку этихъ фактовъ, ихъ этическую квалификацію. Слѣдовательно, формула прогресса играетъ роль принципа для 1) выбора тѣхъ или другихъ фактовъ и 2) для ихъ оцѣнки. Эти задачи совершенно различны — первая изъ нихъ относится къ исторіи, вторая же къ философіи исторіи, — у Михайловскаго же они совершенно сливаются. Это зависитъ между прочимъ оттого, что онъ нигдѣ не даетъ точнаго опредѣленія задачъ и цѣлей, которыя ставятъ себѣ исторія и философія исторіи. Благодаря этому именно обстоятельству его теорія прогресса, содержащая въ себѣ не мало вѣрныхъ мыслей, не выдерживаетъ въ конечномъ счетѣ самаго легкаго прикосновенія научной критики.

Подведемъ общіе итоги. Мы видѣли, что изложенная нами сторона ученія Михайловскаго самымъ естественнымъ образомъ распадается на четыре отдѣла: общую теорію познанія, ученіе о психологическихъ предпосылкахъ въ общественной наукѣ, ученіе о субъективномъ методѣ и теорію прогресса. Въ ученіи Михайловскаго всѣ эти части самымъ тѣснѣйшимъ образомъ между собой связаны, но несмотря на это, отдѣлить ихъ другъ отъ друга вполнѣ возможно. Такое отдѣленіе тѣмъ болѣе необходимо, что ихъ научное значеніе далеко неодинаково.

Наиболѣе неуживимымъ въ научномъ отношеніи является ученіе Михайловскаго о предвзятомъ мнѣніи, о психологическихъ предпосылкахъ въ общественныхъ и историческихъ наукахъ (эти психологическія предпосылки надо только отличать отъ логическаго а priori, на что особенно энергично указывалъ Н. Бердяевъ). Субъективный методъ много оспаривался въ литературѣ, но, по нашему мнѣнію, онъ представляетъ собой очень цѣнную и глубоко оригинальную часть ученія Михайловскаго. Теорія прогресса... о ней мы уже говорили; она крайне не разработана и слаба въ научномъ отношеніи. Наконецъ, его теорія познанія не выдерживаетъ самаго легкаго прикосновенія научной критики, такъ что она должна быть цѣликомъ отвергнута. Но значить ли это оставить „субъективизмъ“ и „субъективный методъ“ безъ ихъ теоретико-познавательнаго базиса? Нѣтъ, оба эти ученія можно поставить въ связь съ иной теоріей познанія. Н. Бердяевъ сдѣлалъ, напр., попытку обосновать „соціологическій субъективизмъ“ на базисѣ критической теріи познанія; если эта попытка, можетъ быть, не совсѣмъ удалась, то въ этомъ виновать только Н. Бердяевъ.

Б. Л. Личковъ.

¹⁾ Русская Мысль, 1889 г. № 6, отдѣлъ II, стр. 232.

Ассоціаціонный методъ въ уголовномъ процессѣ.

„При полномъ отсутствіи сознанія лживости, намѣренія или желанія въ чемъ либо отступить отъ прямого пути правды, предполагаемое воспоминаніе можетъ оказаться ложнымъ не только касательно количества, качества или иныхъ обстоятельствъ, но даже во всемъ своемъ объемѣ“.

Фраза эта была высказана Бентамомъ ¹⁾ почти сто лѣтъ тому назадъ.

Съ тѣхъ поръ изслѣдованіемъ вопроса о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній занимался цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ.

Въ частности вопросъ этотъ сталъ интересовать широкіе слои общества, начиная съ конца XIX столѣтія, благодаря возникновенію новой науки—экспериментальной психологіи.

Въ наше время литература вопроса о достовѣрности свидѣтельскихъ показаній обнимаетъ десятки томовъ, при чемъ приходится отмѣтить прискорбный фактъ, что новаго по существу современныхъ работы дали очень мало.

Общій выводъ Штерна и Гросса тотъ же самый, что и у Бентама: свидѣтельскія показанія недостовѣрны.

Заслуга современныхъ изслѣдователей сводится къ тому, что они путемъ систематическихъ опытовъ блестяще подтвердили и обосновали все то, что раньше опиралось на болѣе или менѣе случайныя наблюденія.

Такъ или иначе, въ настоящее время послѣднимъ оплотомъ непоколебимой вѣры въ свидѣтельскія показанія являются лишь уголовные суды.

Въ послѣднее время появились попытки построенія судебного слѣдствія на совершенно новыхъ началахъ—экспериментально-психологическихъ.

¹⁾ Bentham, Rationale of judicial evidence. Т. I кн. I глава IX.

Въ апрѣлѣ 1904 года въ „Archiv für Kriminalanthropologie und Kriminalistik“ появилась работа подъ заглавiемъ „Psychologische Thatbestanddiagnostik“.

Авторы ея Вермгеймеръ и Клейнъ, ученики Ганса Гросса, поставили слѣдующiй вопросъ: нельзя ли заключить о причастности человѣка къ извѣстному факту вообще и къ извѣстному преступленiю въ частности, не опираясь при этомъ на его показанiя? Иными словами: можно ли найти экспериментальные методы, позволяющiе намъ судить, знаетъ ли извѣстный человѣкъ объ опредѣленномъ явленiи, фактѣ, преступленiи.

Постараемся выяснитъ значенiе этого вопроса для криминалистики.

Существуетъ цѣлый рядъ преступленiй, о составѣ которыхъ равно какъ и о совершенiи ихъ знаетъ одинъ лишь преступникъ или его сообщники.

Такъ, напр., положимъ, что въ какомъ-то особнякѣ была совершена кража со взломомъ. Положимъ дальше, что въ ранше совершенiя преступленiя ни послѣ него никто изъ постороннихъ лицъ въ домъ не пускался. Положимъ, наконецъ, что о фактѣ совершенiя преступленiя никто изъ постороннихъ знать не можетъ (конечно, за исключенiемъ вивовника). Стоитъ теперь доказать, что данный человѣкъ знаетъ о совершенiи кражи и знакомъ съ внутреннимъ расположенiемъ помѣшенiя, въ которомъ была совершена кража, и вотъ преступникъ, respective его сообщники, найдемъ.

Возьмемъ другой примѣръ.

Положимъ, что кто-то получилъ анонимное письмо оскорбительнаго содержанiя, и среди цѣлага ряда людей требуется найти автора. Вполнѣ понятно, что разъ мы установимъ фактъ, что извѣстное лицо знаетъ содержанiе анонима, мы тѣмъ самымъ найдемъ автора, respective его сообщника.

Существуетъ, повторяемъ, цѣлый рядъ преступленiй, составъ которыхъ можетъ знать одинъ лишь преступникъ и eo ipso въ такихъ случаяхъ установленiе факта, что данный человѣкъ, вопреки своимъ завѣренiямъ, знаетъ составъ преступнаго дѣянiя, является доказательствомъ его виновности.

Въ качествѣ такого экспериментально-психологическаго метода Клейнъ и Вертгеймеръ рекомендовали т. н. ассоциационный методъ съ нѣкоторыми необходимыми ad hoc измѣненiями.

Всѣмъ намъ давнымъ давно извѣстна дѣтская и салонная игра, состоящая въ томъ, что каждый изъ участниковъ ея на брошенное ему слово долженъ отвѣтить другимъ, имѣющимъ съ нимъ нѣкоторую связь.

Ассоциационный опытъ, введенный въ психологию, является видовымѣненiемъ этой салонной игры.

Опытъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: испытуемому лицу бросается возбуждательное слово, на которое оно должно отвѣтить другимъ какимъ нибудь, по возможности однимъ словомъ. Предметомъ наблюденiя являлись въ данныхъ опытахъ отно-

шеніе словесной реакціи къ возбуждательному слову и время употребленнаго на реакцію.

Особенный интерес получили эти ассоціаціонныя опыты съ тѣхъ поръ, какъ цюрихскій психіатръ профессоръ Блейлеръ и его ученикъ Юнгъ стали примѣнять этотъ методъ для цѣлей психіатрической діагностики.

Основное ихъ положеніе гласило: реакція на возбуждательное слово не является чѣмъ-то случайнымъ, а напротивъ, опредѣляется (детерминируется) содержаніемъ представленій, присутствующихъ въ данный моментъ объекту эксперимента.

Если мы воспринимаемъ какой нибудь обыденный фактъ или происшествіе, которое производитъ на насъ довольно слабое впечатлѣніе, то, хотя мы и удерживаемъ его въ памяти извѣстное время, оно однако же не будетъ составлять исключительнаго содержанія нашихъ представленій, именно въ силу своей безцвѣтности.

Оно не вытѣснитъ изъ сознанія нашего воспріятій всѣхъ другихъ, переживаемыхъ нами явленій и по истеченіи извѣстнаго времени само исчезнетъ.

Другое дѣло, если какое нибудь происшествіе или явленіе сильно затронуло наши чувства, обрадовало, огорчило, ужаснуло, потрясло насъ.

Такое происшествіе оставляетъ въ нашемъ сознаніи глубокій слѣдъ—комплексъ.

Въ первое время комплексъ этотъ живетъ въ нашемъ сознаніи съ такой непосредственной силой, что вытѣсняетъ всѣ прочія воспріятія или налагаетъ на нихъ своеобразный отпечатокъ. Съ теченіемъ времени онъ переходитъ въ потенціальное состояніе. Но стоятъ лишь хотя бы самымъ невиннымъ повидямому образомъ затронуть одно изъ звеньевъ этого комплекса, и весь онъ мгновенно оживаетъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ сопровождается извѣстнымъ аффектомъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что за рѣдкими исключеніями, совершеніе преступленія является для преступника дѣйствіемъ изъ ряда вонъ выходящимъ.

Преступникъ при совершеніи и даже приведеніи въ исполненіе задуманнаго имъ раньше преступнаго дѣянія находится въ возбужденномъ состояніи (аффектъ). Несомнѣнно поэтому, что извѣстное преступное дѣяніе оставляетъ въ его сознаніи опредѣленный комплексъ.

Стоитъ намъ удачно подобраннымъ возбуждательнымъ словомъ затронуть хоть одно изъ звеньевъ комплекса, и комплексъ возстановленъ.

А разъ онъ возстановленъ, онъ очень характернымъ образомъ будетъ вліять на всѣ дальнѣйшія реакціи.

Блейлеръ и Юнгъ, примѣняя ассоціаціонный методъ для психіатрическо-діагностическихъ цѣлей, на основаніи данныхъ: „а“—возбуждательное слово, „b“—реакція и факта „превращенія“ подъ вліяніемъ искомага „x“ „а“ въ „b“, пытались опре-

дѣлать самый комплекс „х“, являвшійся во многихъ случаяхъ причиной болѣзни.

Для криминалистическихъ цѣлей это sui generis уравненіе нужно строить нѣсколько иначе.

Мы подозрѣваемъ, что фактъ Р извѣстенъ данному лицу и въ потенциальномъ видѣ покоится въ сознаніи его въ видѣ комплекса „К“.

На основаніи данныхъ „а“ и „b“ мы должны доказать существованіе нашего комплекса „К“, характернымъ образомъ „превращающаго“ „а“ въ „b“.

О присутствіи въ сознаніи извѣстнаго человѣка комплекса „К“ позволяютъ намъ заключить слѣдующія данныя:

1) Ненормальное содержаніе реакціи, требующее спеціального объясненія.

2) Продолжительность времени, употребленнаго на реакцію.

3) Персеверация.

4) Ошибки въ репродукціи (воспроизведеніи) реакціи.

Постарѣмся объяснить значеніе приведенныхъ нами доказательствъ существованія комплекса „К“¹⁾.

I. Содержаніе реакціи.

Прежде всего реакція можетъ самымъ прямымъ образомъ указывать на то, что испытуемый человѣкъ знаетъ объ извѣстномъ фактѣ или явленіи.

При производствѣ опытовъ случалось довольно таки часто, что виновный послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы съ самимъ собой „проговаривался“, „попадался“.

Въ составленномъ послѣ окончанія опыта протоколѣ „виновники“ эти отмѣчали слѣдующія очень интересныя явленія. Вліяніе комплекса сказывалось рѣшительнымъ образомъ съ того момента, когда испытуемый виновникъ воспринималъ критическое, т.-е., относящееся къ комплексу возбуждательное слово. Иногда даже и въ томъ случаѣ, когда возбуждательное слово отдаленнымъ образомъ затрогивало комплексъ.

Комплексъ мгновенно оживалъ. Виновнику вмѣнялось въ обязанность не выдавать себя и это въ связи съ давленіемъ комплекса приводило его въ извѣстное волненіе. Чѣмъ сильнѣе становилось желаніе избѣгнуть этого давленія комплекса, забыть о

¹⁾ Основаніемъ для всѣхъ нашихъ дальнѣйшихъ положеній служатъ опыты, произведенные Вертгеймеромъ, Клейномъ, Фрейдомъ и Альфредомъ Гроссомъ. Опыты производились слѣдующимъ образомъ. Одному изъ числа испытуемыхъ предлагали совершить какое нибудь дѣйствіе, оставшееся неизвѣстнымъ для всѣхъ прочихъ участниковъ опыта. Слѣдователь выкрикивалъ затѣмъ испытуемымъ отдѣльныя слова по составленнымъ заранее спискамъ. Въ списки входили какъ критическія такъ и прелевантныя возбуждательныя слова. Отвѣты и время, употребленное на реакцію тщательно записывались. На основаніи полученныхъ такимъ образомъ реакцій слѣдователь долженъ былъ найти виновника. Виновника просили по возможности не выдавать себя.

немъ, тѣмъ сильнѣе давилъ онъ своей тяжестью, тѣмъ труднѣе было избѣгать критическихъ реакцій. Чувствовалась какая-то внутренняя потребность реагирования въ смыслѣ комплекса. Съ величайшимъ трудомъ послѣ продолжительной борьбы съ самимъ собой удавалось отклонить критическую реакцію и замѣнить ее иррелевантной. Вотъ какъ описываютъ испытуемые виновники соответственные душевныя переживанія.

„Я не могъ реагировать иначе, для меня было совершенно ясно, что я не хочу этого сказать, но я и не могъ поступить иначе: у меня была такая сильная потребность высказать это“ (критическую реакцію).

„Я хотѣлъ“, повѣствуетъ другой, „сказать совсѣмъ иное слово, но принужденъ былъ высказать именно то слово, котораго не желалъ“.

Третій передаетъ, что критическая реакція вспыхивала въ умѣ его съ такой силой, что подавляла совершенно желанную иррелевантную реакцію ¹⁾.

Въ многочисленныхъ случаяхъ уже послѣ успѣшнаго подавленія въ сознаниі критической реакціи наступала т. н. „пауза смущенія“, которую испытуемые рисовали, какъ „полную пустоту въ сознаниі“, какъ „психическую паузу“, какъ моментъ полного отсутствія всякихъ представленій: „словно все сознаниі исчезло“ ²⁾. Эта пауза соединялась съ чувствомъ въ высшей степени неприятнымъ, чувствомъ томительнаго напряженія, удрученія, безпомощности и даже страха.

Она кончалась или тѣмъ, что виновникъ, несмотря на то, что онъ успѣлъ уже было подавить въ своемъ сознаниі критическую реакцію, реагировалъ все-таки въ смыслѣ комплекса, или же ему удавалось послѣ хаотичнаго исканія дать иррелевантную реакцію. Во второмъ случаѣ реакція въ виду сильной внутренней борьбы и порождаемаго ею аффекта очень часто была ненормальной въ количественномъ отношеніи, являясь, напр., лишь повтореніемъ возбуждательнаго слова, исковерканнымъ словомъ, чаще же всего она поражала своей безсмысленностью, въ то время, какъ реакція на иррелевантныя возбуждательныя слова являлись вполнѣ логичными.

Всѣ эти ненормальныя въ качественномъ отношеніи реакціи, перечисленныя нами выше, сильно компрометируютъ испытуемаго субъекта.

II. Время, употребленное на реакцію.

Если мы обратимъ вниманіе на промежутки времени, отдѣляющіе возбуждательныя слова отъ реакцій, то замѣтимъ, что промежутки эти весьма различны. Для каждаго отдѣльнаго человѣка продолжительность времени, употребляемаго на реакцію, различна.

¹⁾ Wertheimer «Experimentelle Untersuchungen im Tatbestanddiagnostik». Inauguraldissertation. Страница 19.

²⁾ Ibid., стр. 20.

Она зависит от степени интеллигентности, пола, возраста, настроения, в некоторой степени и от характера самого возбудительного слова. Так напр., на возбудительныя слова—существительныя реакція наступаетъ скорѣе, чѣмъ на прилагательныя, на конкретныя скорѣе, чѣмъ на абстрактныя, на простыя скорѣе чѣмъ на сложныя. Не трудно однакожъ опредѣлить среднюю продолжительность времени, употребляемаго даннымъ человѣкомъ на реакцію. Для этого нужно до начала опыта предложить ему рядъ возбудительныхъ словъ и сумму времени, употребленнаго на всѣ реакціи, раздѣлить на число реакцій. Частное дастъ намъ среднее время, отъ котораго отдѣльныя реакціи болѣе или менѣе замѣтно уклоняются. Вниманіе наше обращаетъ на себя слишкомъ продолжительное время, употребленное на реакцію. Случалось, напр., что лицо употреблявшее на реакцію въ одномъ случаѣ 0, 5 секунды, въ томъ же самомъ опытѣ употребляло на реакцію 15 секундъ и даже больше.

При внимательномъ изслѣдованіи мы убѣдимся, что такого чрезмерно долгаго времени требуютъ реакціи, являющіяся отвѣтомъ на критическія возбудительныя слова.

Явленіе это объясняется очень просто. Мы уже указывали на то психическое давленіе, которое производитъ комплексъ на испытуемаго субъекта, на ту силу, съ которой навязываются ему критическія реакціи въ отвѣтъ на критическія возбудительныя слова.

Для преодоленія этихъ критическихъ реакцій требуется, конечно, извѣстное время. Извѣстное время требуется также и для присканія иррелевантной реакціи.

Время реакціи будетъ, конечно, тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ сильнѣе тѣ неприятыя чувства, какъ то: волненіе, смущеніе, страхъ, которыя, какъ мы уже упоминали, связаны съ процессомъ преодоленія критической реакціи и подыскиванія иррелевантной.

III. Персеверация.

Мы знаемъ уже, что слѣдствіемъ воспріятія критическаго возбудительнаго слова является оживленіе комплекса въ сознаніи испытуемаго субъекта. Строго говоря, мы не даемъ этому комплексу достаточно времени для развитія своей дѣятельности: лишь только онъ началъ дѣйствовать, мы уже отвлекаемъ вниманіе испытуемаго субъекта въ другую сторону, бросая ему новое, часто иррелевантное, возбудительное слово.

Здѣсь мы можемъ замѣтить слѣдующее интересное явленіе.

Несмотря на наши новыя возбудительныя слова, мѣшающія испытуемому субъекту сосредоточить свое вниманіе на комплексѣ, онъ все-таки продолжаетъ реагировать, находясь все еще подъ замѣтнымъ вліяніемъ комплекса.

Это вліяніе комплекса на реакцію, которая, хотя сама по себѣ и является отвѣтомъ на иррелевантное возбудительное

слово, однако слѣдуетъ непосредственно за критическимъ возбуждательнымъ словомъ, мы называемъ персеверацией. Персеверация можетъ выражаться въ различныхъ формахъ. Чаще всего выражается въ увеличеніи продолжительности времени реакціи на иррелевантное, но метакритическое возбуждательное слово. Иногда впрочемъ испытуемый субъектъ подъ вліяніемъ персеверации реагируетъ на иррелевантныя возбуждательныя слова въ смыслъ комплекса, иногда безсмысленно и т. д. и т. д.

IV. Воспроизведеніе (Репродукція).

Послѣ окончанія опыта испытуемому субъекту предлагаютъ еще разъ рядъ возбуждательныхъ словъ, прося его реагировать на нихъ по возможности по прежнему.

Оказывается, что во многихъ случаяхъ память измѣняетъ испытуемому субъекту, и онъ подчасъ или вовсе не можетъ вспомнить, какъ онъ реагировалъ на извѣстное слово, или же воспроизводитъ реакцію ошибочно. Являются ли эти погрѣшности въ воспроизведеніи реакцій случайными или же наоборотъ закономерными.

Юнгъ въ своихъ „Experimentelle Beobachtungen“ (стр. 659) отмѣтилъ слѣдующее явленіе.

Забываются не иррелевантныя реакціи, а напротивъ критическія или же метакритическія, т. е. наступающія непосредственно за критическими и подлежащія персеверации.

Гроссъ ¹⁾ приводитъ слѣдующіе результаты предпринятой имъ репродукціи.

Въ 31 случаѣ изъ общаго числа 100 репродукція была неправильна.

Въ томъ числѣ въ 17 случаяхъ испытуемый субъектъ не могъ совсѣмъ вспомнить, какъ онъ реагировалъ, въ 14 случаяхъ онъ воспроизводилъ реакцію ошибочно.

Изъ числа первыхъ 17 забытыхъ реакцій 8 съ полной увѣренностью можно было отнести къ комплексу, 6 же можно было отнести на счетъ персеверации. Изъ числа 14 ошибочныхъ репродукцій 5 относились къ критическимъ возбуждательнымъ словамъ, 5 къ метакритическимъ (персеверация). Изъ числа 31 случаевъ только въ 7 случаяхъ нельзя было найти причинъ неправильной репродукціи.

Приведенныя выше данныя доказываютъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ память измѣняетъ при воспроизведеніи критическихъ и метакритическихъ реакцій.

Профессоръ Фрейдъ объясняетъ это невѣрное воспроизведеніе тѣмъ, что мы чрезвычайно охотно и легко будто-бы забываемъ неприятыя для насъ воспріятія.

Это объясненіе является, конечно, неудовлетворительнымъ.

---

¹⁾ „Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft“ Band XXVII.

Гораздо убедительнѣе звучить объясненіе данное Альфредомъ Гроссомъ.

По его мнѣнію, въ отвѣтъ на иррелевантное возбуждательное слово испытуемый субъектъ реагируетъ „первымъ встрѣчнымъ“ словомъ, которое, такъ сказать, предписывается ему всей его душевной диспозиціей. Эти реакціи являются какъ бы необходимыми, во всякомъ случаѣ самымъ натуральнымъ отвѣтомъ на возбуждательное слово; ясно поэтому, что при репродукціи испытуемый субъектъ легко повторяетъ ихъ. Другое дѣло при критическихъ реакціяхъ. Испытуемый субъектъ находится подъ давленіемъ комплекса.

Онъ хочетъ реагировать иррелевантно, въ то время какъ комплексъ препятствуетъ этому. Наступаетъ описанная нами внутренняя борьба, „психическая пауза“ и связанная съ нею непріятныя чувства. Испытуемый субъектъ одолеваетъ, наконецъ, критическую реакцію и послѣ хаотичныхъ поисковъ за иррелевантнымъ словомъ реагируетъ. Вполнѣ понятно поэтому, что послѣ окончанія опыта ему трудно вспомнить, какъ онъ реагировалъ на данное возбуждательное слово.

Здѣсь приходится еще замѣтить, что всѣ произведенные до сихъ поръ опыты носили чисто академическій характеръ. Комплексъ выступалъ конечно гораздо менѣе рельефно у человѣка, которому велѣли вообразить себя преступникомъ, чѣмъ у самого преступника.

Что же касается самого опыта, то онъ въ весьма слабой степени воспроизводилъ у испытуемаго субъекта то волненіе, съ которымъ связанъ былъ бы подобный допросъ для настоящаго преступника, опасасящагося наказанія.

Въ этомъ отношеніи въ высшей степени интересенъ единственный, насколько намъ извѣстно, реальный опытъ, произведенный Гроссомъ.

Гроссъ подзрѣвалъ, что одинъ изъ членовъ кружка, въ которомъ производились ассоціаціонные опыты,—авантюристъ, который рассказываетъ небылицы про свои приключенія, выдаетъ себя завѣдомо ложно за человѣка со средствами и т. д. Произведенный имъ ассоціаціонный допросъ блестяще подтвердилъ его подозрѣнія. Допрашиваемый, человѣкъ интеллигентный, въ началѣ опыта реагировалъ на иррелевантныя возбуждательныя слова со средней скоростью 0,5 секунды, подъ конецъ же при критическихъ возбуждательныхъ словахъ употреблялъ на реакціи, часто безсмысленныя и критическія, по 15 секундъ и болѣе.

Къ сожалѣнію, характеръ опыта исключаетъ возможность полнаго опубликованія его.

Для иллюстраціи выставленныхъ нами тезисовъ считаемъ наилучшимъ привести ниже два опыта, произведенные докторомъ Альфредомъ Гроссомъ.

І. ОПЫТЪ.

Въ качествѣ состава преступнаго дѣянія служило анонимное письмо приблизительно слѣдующаго содержанія.

Нѣкто сообщаетъ директору, что ученики высшихъ классовъ ввѣренной ему гимназіи основали корпорацію подъ именемъ „Остерія“. Корпорація установила для своихъ членовъ форму, устраиваетъ фехтованіе на рапирахъ и пьянствуетъ въ снятомъ ею съ этой цѣлю помѣщеніи гостинницы „Подъ пушкой“. Во главѣ корпораціи стоитъ ученикъ Антонъ Кноль.

Опытъ былъ произведенъ дней восемь спустя послѣ того, какъ анонимъ былъ написанъ.

Объектами опыта служили: А,—докторъ философіи,—невинный; В—, инженеръ-механикъ,—виновный; С—, студентъ политехникума,—невинный.

Ниже приводимъ рядъ возбудительныхъ словъ и реакцій.

Возбудительное слово.	Реакціи.			Время.
	А	В	С	
12. Письмо	карта	конвертъ	0,5 с.	ящикъ.
13. анонимъ	извѣстенъ	писать	2,5 „	несчастный
14. обязанности	право	обязанность	3,5 „	вѣрный.

Слово „письмо“ и затѣмъ „анонимъ“ въ первый разъ затрагиваютъ комплексъ. Небезынтересно объясненіе этого момента, данное испытуемымъ В. „При словахъ „письмо“ и „анонимъ“ я тотчасъ догадался, что изъ моихъ отвѣтовъ желаютъ узнать, являюсь ли я авторомъ письма, сочиненнаго мною недѣлю тому назадъ. Я тотчасъ сообразилъ, что мнѣ нужно при выборѣ реакціи поступать очень осторожно, чтобы не попасться“.

Возвратимся къ реакціямъ В.

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе реакція № 13 по продолжительности употребленнаго на нее времени (2,5 с.), а затѣмъ реакція № 14. Среднее время для В было 1 до 1,5 секунды, на послѣднюю же реакцію, въ качественномъ отношеніи ненормальную (повтореніе возбудительнаго слова) В потребовалъ 3,5 секунды, что объясняется персеверацией, такъ какъ предыдущее возбудительное слово затронуло комплексъ.

	А	В		С
15. гимназія	реальное училище	заведеніе	0,5 с.	реальное.
16. ученикъ	профессоръ	ученикъ	3,5 с.	учитель.

Слово „ученикъ“ снова затрагиваетъ комплексъ. Реакція—повтореніе возбудительнаго слова—ненормальна. Время реакціи—ненормальное.

25. союзъ	рѣшеніе	помѣщеніе	2,0 с.	цвѣтъ
26. цвѣтъ	краска	краска	1,5 „	братъ
27. Остерія	неизвѣстно	корпорація	1,0 „	Австрія
28. пирушки	пить	помѣщенія	2,5 „	вечеромъ.

Интересна повторенная два раза реакція „помѣщеніе“ (№ 25 и № 28). Она по своему содержанію и по времени несомнѣнно критическая.

Ассоціація „Остерія“ — „Корпорація“ обнаруживаетъ наличность искомаго комплекса.

Интересна быстрота, съ которой наступила реакція, позволяющая заключить, что В вовсе не замѣтилъ, что онъ попался.

	А	В	С
29. предмѣстіе	виноградъ	городъ	1,0 с. Градчаны
30. гостинница	отель	подъ жаворонкомъ	3,5 „ отель
31. лепта	галстухъ	цвѣта	2,0 „ узкій
32. пушка	орудіе	дуло	2,5 „ выстрѣлъ
33. начальникъ	подчиненный	замѣститель	2,0 „ „
34. рапира	сабля	часъ	4,5 „ сабля

Критична несомнѣнно и по содержанію и по времени реакція № 30. Критичны по времени реакція № 32, № 33 и № 34.

	А	В	С
49. Кноль	незнакомъ	Антонъ	2,0 Кости
50. любить	ненавидѣть	письмо	3,5 несчастный.

Реакція № 49 снова обнаруживаетъ присутствіе комплекса. Реакція 50 и по содержанію и по времени—критична, что слѣдуетъ отнести на счетъ персевераціи. В былъ, конечно, признанъ виновнымъ. Интересно отмѣтить, что реакція А и С ни разу не возбудили малѣйшаго подозрѣнія.

II. ОПЫТЪ.

Составъ дѣянія, подлежащій изслѣдованію, сводился къ слѣдующему.

Какой-то офицеръ послалъ своего денщика съ письмомъ къ товарищу по полку. Адресатъ велѣлъ денщику, принесшему письмо, принести изъ сосѣдней комнаты портфель.

Онъ далъ денщику свѣчу, такъ какъ въ комнатѣ было темно, и сказалъ, что портфель долженъ лежать на столѣ; въ противномъ случаѣ денщикъ долженъ самъ поискать портфель.

Требовалось среди ряда солдатъ найти денщика.

Настоящей цѣли порученія солдатъ не знали.

Комната, въ которой онъ искалъ портфель, была обставлена въ обыкновенномъ мѣщанскомъ стилѣ. Онъ пробылъ въ ней минутъ 5, принесъ желанный портфель, а затѣмъ вернулся домой.

Чтобы побудить „виновнаго“ обманывать слѣдователя, офицеръ просилъ денщика не осрамить его, такъ какъ онъ будто-бы побился объ закладъ съ экспериментаторомъ, заявившимъ, что откроетъ виновнаго.

Вполнѣ понятно, что послѣ этого, денщикъ прилагалъ всѣ свои старанія, чтобы ввести въ заблужденіе слѣдователя.

Объ искренности этихъ стараній свидѣтельствовало все его поведеніе во время опыта, въ частности сильная дрожь лицевыхъ мускуловъ, лишь только онъ воспринималъ критическое возбуждательное слово, и дѣтская радость, когда ему удавалось, будто бы, счастливо избѣгнуть уличающей его реакціи.

Приведемъ рядъ возбуждательныхъ словъ и реакцій.

	Реакція.	Время.	Репродукція.
11. послать	это можно	2,4 с.	ошибка
12. ждать	ошибка	15,0 „	принести.
13. слуга	синій	0,8 „	слуга.
14. комната	черная	2,0 „	ошибка.
15. возлѣ	столъ	10,0 „	комната.
16. салонъ	большой	3,8 „	большой.

Слово „послать“ затрогиваетъ комплексъ. Характерна реакція— сложная. Критической является несомнѣнно реакція № 12. Она ненормальна какъ по своему времени (15 с.), такъ и въ качественномъ отношеніи (ошибка). Реакція № 14 можетъ равнымъ образомъ быть истолкована въ смыслѣ комплекса, такъ какъ комната, куда посылался денщикъ, была не освѣщена и могла показаться ему черной.

Несомнѣнно критична по своему времени (10,0 с.) реакція № 15. По своему содержанію она можетъ быть также признана критической въ виду того, что опытъ производился въ комнатѣ, находящейся по сосѣдству съ той, куда посылался денщикъ за портфелемъ. Отсюда характерная ассоціація „столъ“—„возлѣ“.

Критическія реакціи № 11, 12, 14 и 15 были воспроизведены ошибочно.

48. лежать	красть	2,0 с.	лежать.
49. найти	если	6,4 „	ошибка.
50. печка	окно	2,0 „	„
51. однажды	дважды	1,8 „	„
52. портфель	пять разъ	5,0 „	„
53. принести	въ	1,6 „	комната.

Критична по своему содержанію и по времени реакція № 49.

Критична по тѣмъ же самымъ причинамъ реакція № 52. Критична также реакція № 50: „печь“—„окно“. Объясняется она тѣмъ, что въ комнатѣ, куда посылали денщика, печь стояла напротивъ окна.

Интересна реакція № 57: „принести“—„въ“ (въ нѣмецкомъ оригиналѣ „holen“—„herein“), объясняющаяся тѣмъ, что денщикъ внесъ портфель въ ту именно комнату, гдѣ въ настоящій моментъ производился опытъ. (Денщикъ въ составленномъ послѣ окончанія опыта протоколѣ подтвердилъ это объясненіе).

Что касается репродукціи, то замѣчательно, что денщикъ не могъ вспомнить ни одной изъ критическихъ реакцій №№ 49, 50, 51, 52, 57.

58. скучный	онъ есть	2,0 с.	человѣкъ.
59. портфель	принести	8,0 "	печь.
60. закладъ	шкафъ	2,4 "	побиться объ закладъ.
61. наказать	это можно	4,2 "	это можно.
62. утаить	кровать	7,2 "	тайный.
71. найти	портфель	6,2 "	ошибка.
72. смѣяться	плакать	4,2 "	веселый.
73. открыть	лампа	5,0 "	ошибка.
74. темный	коричневый	2,6 "	коричневый.
81. фигура	печь	5,8 "	ошибка.
82. находка	портфель	5,0 "	"

Реакція № 59 „портфель“—„принести“ критична и по своему содержанію и по времени (8,0 с.). То же самое можно сказать о реакціи № 62. Репродукція въ обоихъ случаяхъ ошибочна.

Уличающей является по своему содержанію реакція № 71 („найти“—„портфель“) и № 82 („находка“—„портфель“). На первую денщикъ потребовалъ 6,2 с. на вторую 5,0 с. Репродукція въ обоихъ случаяхъ ошибочна. Критической является реакція № 81 („фигура“—„печь“). Ассоціація объясняется тѣмъ, что въ извѣстной намъ комнатѣ на печи стояли двѣ фигуры.

Первые оглашенные въ профессиональной криминалистической печати результаты опытовъ вызвали наряду съ горячими привѣтствіями не менѣе горячую критику, къ сожалѣнію, далеко не серіозную.

Сущность ея сводилась къ слѣдующему.

„Неужели“, спрашивали „критики“, „вы хотите казнить людей на основаніи какихъ-то реакцій?“

Вопросы эти являются плодомъ прискорбнаго недоразумѣнія.

Никто въ настоящій моментъ не думаетъ серьезно о томъ, чтобы ввести въ уголовное слѣдствіе ассоціаціонный методъ въ нынѣшнемъ его видѣ.

Нужны еще сотни и тысячи опытовъ, которые, будемъ надѣяться, устранимъ массу недочетовъ.

Можно даже согласиться и съ тѣми критиками, которые подчеркиваютъ, что ассоціаціонный методъ является чѣмъ-то страннымъ.

Но вѣдь не все то, что на первый взглядъ кажется яснымъ и понятнымъ,—вѣрно, и наоборотъ не все то, что странно,—невѣрно.

Свидѣтельскія показанія, напр., ясны и понятны для каждого, но это вовсе не доказываетъ ихъ правильности. И если ассоціаціоннаго метода сегодня еще нельзя ввести въ уголовное слѣдствіе, то его строго-научныя основанія являются гарантіей того, что передъ нимъ будущее.

Л. М. Альтбергъ.

Георгъ Еллинекъ объ эволюціи конституціонныхъ учреждений.

(По поводу книги его „Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія“. Спб. 1907).

Глубокія и коренныя преобразованія, которымъ подверглись конституціонныя учрежденія Запада за истекшее столѣтіе—вотъ центральный вопросъ, занимающій Еллинека. Вслѣдъ за Л. Мэномъ, В. Энсономъ и С. Лоу, онъ констатируетъ невѣроятное для старой теоріи разоруженіе парламента, усиленіе исполнительной власти и ростъ вліянія избирательнаго корпуса въ наиболѣе развитыхъ парламентарныхъ странахъ. До 1867 г., т. е. до второй избирательной реформы, въ Англіи думали, что министерство должно уйти въ отставку, разъ оно потеряло большинство въ нижней палатѣ. Въ настоящее время рѣшающимъ моментомъ въ этомъ вопросѣ являются новые выборы въ палату общинъ и даже дополнительные выборы во время ея сессіи, т. е. мѣсто палаты общинъ занялъ избирательный корпусъ. Въ то же время парламентъ утрачиваетъ свою политическую силу и авторитетъ въ пользу кабинета. С. Лоу, котораго Еллинекъ во многихъ мѣстахъ цѣликомъ повторяетъ, указываетъ на то, во 1-хъ, что въ настоящее время въ рукахъ кабинета сосредотчивается вся законодательная инициатива, т. е. парламентомъ управляетъ партійный комитетъ большинства палаты: это происходитъ оттого, что парламентъ непрерывно занятъ министерскими законопроектми; такимъ образомъ, ни одинъ проектъ оппозиціи не будетъ рассмотрѣнъ правящимъ большинствомъ палаты, разъ комитетъ этого большинства, министерство, того не желаетъ. Во 2-хъ, еще В. Энсонъ указалъ на обширныя полномочія министерства въ области внѣшней политики, гдѣ парламенту принадлежитъ лишь функція контроля, и здѣсь особо надо выдѣлить полномочія министерства въ заключеніи договоровъ съ ино-

странными государствами. Еллинекъ, подчеркивая растущую роль монарха въ области внѣшней политики, не колеблется утверждать, что „внѣшняя политика Британской имперіи получаетъ въ настоящее время импульсъ отъ короны“. Такимъ образомъ, король и министерство пользуются почти рѣшающей властью въ этой области.—Если присоединить сюда, въ 3-хъ, обширныя полномочія министерства внѣ палаты, рельефно отмѣченныя Фальбекомъ для централизованной Франціи, т. е. роль министерства въ сферѣ внутренняго управления,—то политическая сила современнаго парламентарнаго министерства выступить предъ нами далеко не въ томъ печальномъ свѣтѣ, въ какомъ она рисовалась уму теоретиковъ полвѣка тому назадъ. Въ настоящее время роли настолько перемѣнились, что уже не палата грозитъ министерству отставкой, а министерство угрожаетъ своимъ выходомъ въ отставку палатѣ. Назначая новые выборы, министерство подвергаетъ правящее большинство данной палаты риску потерять свои мѣста въ пользу оппозиціи, и такъ мало опирается палата на избирателей, такъ велика увѣренность министерства въ правильности своей политики, что кабинетъ ставитъ парламенту на выборъ—*se soumettre ou se demettre*—идти за министерствомъ или быть распушенной (дѣйствительная сила этой угрозы, какъ отмѣчаетъ С. Лоу, увеличивается еще и оттого, что избирательная кампанія требуетъ отъ депутатовъ огромныхъ расходовъ). Такое положеніе вещей сообщаетъ особую силу и вѣсъ министерству въ палатѣ, и въ такой же мѣрѣ обезоруживаетъ парламентъ.

Но и помимо усиленія министерства и роста вліянія электората, парламенты теряютъ свою силу подъ вліяніемъ ряда внутреннихъ условій своего быта и развитія. Еллинекъ намѣчаетъ три ряда причинъ существующаго недовольства парламентскими учрежденіями, паденія ихъ популярности, авторитета и силы. Первая изъ нихъ та, что всѣ избирательныя системы построены на основѣ, крайне условной, всегда произвольной и никогда не удовлетворяющей всѣ слои и оттѣнки мнѣній въ обществѣ: „проблема правильнаго, справедливаго избирательнаго права абсолютно не разрѣшима“. Вторая причина политической слабости парламентовъ и ихъ непопулярности лежитъ въ характерѣ современныхъ политическихъ партій. Узость противорѣчныхъ партійныхъ интересовъ, раздробленіе парламента на партіи, не объединенныя общей великой цѣлью—создаетъ „нездоровую политику фальшивыхъ компромиссовъ“ партій съ правительствомъ и „отталкиваетъ широкіе круги народа отъ парламентовъ“. Наконецъ, возникаетъ вопросъ о способности—вѣрнѣе, „неспособности парламентовъ выполнить возложенныя на нихъ задачи. Парламентское законодательство никуда не годится: оно партійно, легкомысленно, безсвязно“ и только по случайности выборы даютъ свѣдущихъ и спеціально-подготовленныхъ депутатовъ. Понятно, что контроль за дѣятельностью министерства, за ея законностью и цѣлесообразностью, выполняется крайне несовершенно хотя, въ то же время, функція контроля становится господствующимъ, основнымъ содержаніемъ дѣятельности парламента; естественно, что

министерство, сплоченное, облеченное обширными полномочиями и находящееся въ центрѣ всего управления страной,—болѣе, чѣмъ импонируетъ палатѣ. „Конституціонное развитіе,—резюмируетъ свои замѣчанія Еллинекъ,—непрерывно сопровождалось возрастающимъ усиленіемъ правительственной власти“.

Такова картина паденія парламентаризма, набросанная Еллинекомъ. Мрачность ея красокъ должна быть отнесена отчасти за счетъ огульной характеристики представительныхъ учреждений въ парламентныхъ и дуалистическихъ государствахъ, въ странахъ стараго и молодого конституціонализма. Въ такой общей характеристикѣ неизбѣжно должно игнорироваться то существенное обстоятельство, что парламентариямъ исчерпали свои задачи и силы лишь въ странахъ, гдѣ онъ давно уже достигъ расцвѣта своихъ силъ и пережилъ его; но тамъ, гдѣ онъ еще только начинаетъ свое политическое бытіе, гдѣ предъ нимъ еще стоятъ громадныя творческія задачи, тамъ подобныя пессимистическія картины во всякомъ случаѣ преждевременны, тамъ слабость парламента является результатомъ совершенно противоположныхъ условий, чѣмъ въ парламентныхъ государствахъ. Если въ парламентныхъ странахъ слабость и непопулярность парламента является слѣдствіемъ чрезмѣрнаго ихъ развитія, то въ молодыхъ конституціонныхъ—результатомъ ихъ недостаточнаго развитія. То же, *mutatis mutandis*, надо сказать о силѣ исполнительной власти...

Но здѣсь возникаетъ чрезвычайно важный вопросъ. Если можно питать надежды на страны съ молодымъ конституціоннымъ режимомъ, если тамъ парламенту предстоитъ огромная творческая работа ликвидаціи стараго порядка и организаціи новаго, если можно думать, что въ нихъ дуалистическій режимъ еще можетъ смѣниться парламентарнымъ,—то такія конституціонныя, но не парламентарныя государства, какъ Баденъ или Баварія, конституціи которыхъ восходятъ къ 1818 году, возбуждаютъ вопросъ: восторжествуетъ ли тамъ парламентаризмъ раньше, чѣмъ самый принципъ парламентарнаго правленія потеряетъ свое обаяніе и свою политическую силу; быть можетъ, еще въ рамкахъ дуалистическаго режима непосредственное вліяніе электората обезсилитъ парламентъ настолько, что онъ не найдетъ въ себѣ силы стать рѣшающимъ органомъ государственнаго управления, достигнуть той полноты политическаго вліянія и силы, которыя необходимы для торжества парламентарнаго принципа. Въ болѣе общей постановкѣ, это есть проблема о томъ, неизбѣжна ли для всѣхъ конституціонныхъ государствъ эволюція въ сторону парламентаризма, или нѣкоторыя изъ нихъ могутъ, и при слабости парламентѣ, непосредственно вступить въ режимъ господства электората, т. е., минуя парламентаризмъ, непосредственно перейти къ народовластію. О будущемъ столь сложныхъ отношеній трудно говорить увѣренно въ особенности потому, что у насъ нѣтъ историческаго опыта, въ которомъ можно было бы найти указанія на подобную эволюцію. Политическая исторія Швейцаріи могла бы предложить нѣкоторыя данныя для рѣшенія этого вопроса: тамъ, благодаря референдуму и

иниціативѣ, электоратъ является рѣшающей инстанціей государственнаго управленія; но Швейцарія во многихъ отношеніяхъ является страной исключительныхъ политическихъ условий. Не говоря уже о международномъ ея положеніи, упраздняющемъ милитаризмъ, объ экономическихъ условіяхъ ея развитія, чуждыхъ гигантскаго размаха индустріи въ большихъ европейскихъ государствахъ,—трудно найти страну, гдѣ древнія вѣчевыя учрежденія, пройдя сквозь вѣка, сохранились бы въ такой силѣ, какъ тамъ. Сила электората, которая повсюду въ Европѣ явилась результатомъ соціально-политической эволюціи послѣдняго вѣка, тамъ является не столько завоеваніемъ современности, сколько наслѣдіемъ прошлаго, нашедшимъ себѣ благопріятныя условія въ рамкахъ настоящаго. Швейцарія, строго говоря, не знала, ни конституціоннаго, ни парламентарнаго режима; здѣсь нѣтъ рѣчи о скачкѣ отъ конституціонализма къ народовластію, ибо и до 1848 г. и послѣ него въ кантонахъ господствовали принципы прямого народоправства: хотя референдумъ и иниціатива приняты были для всего союза лишь въ 1874 и 1891 г. г., но кантоны вступили въ союзъ и оставались въ немъ, не ослабляя, а усиливая элементы народовластія въ своей кантональной организаціи. Но если и считать періодъ 1848—74 г. для союзной Швейцаріи—эпохой парламентаризма, то этимъ будетъ лишь подчеркнута то обстоятельство, что и Швейцарія пришла къ народовластію своихъ союзныхъ учрежденій, пройдя фазу парламентаризма, т. е. что, при всѣхъ исключительныхъ условіяхъ своего существованія и развитія, и она не избѣгла этого этапа развитія... Тѣмъ труднѣе ожидать, что мимо парламентаризма, непосредственно къ народовластію, пройдутъ страны съ такимъ историческимъ наслѣдіемъ прошлаго, какъ могущественная аристократія, сильная монархія и централизованная бюрократія: пока эти силы не встрѣчаютъ сдержки въ сильномъ и вліятельномъ парламентѣ, сила электората вообще не имѣетъ подъ собою почвы,—будь то плебисцитарная демагогія обоихъ Наполеоновъ или „достойное смѣха“ всеобщее избирательное право перваго изъ нихъ (Оларь),—ибо невозможно мыслить безответственное правительство наряду съ действительно мощнымъ электоратомъ. Другими словами скачекъ отъ конституціонализма къ народовластію такъ же трудно себѣ представить, какъ найти фактъ, гдѣ подобный переходъ имѣлъ бы мѣсто.

Не менѣе интересенъ иной вопросъ: если эволюція парламентарныхъ странъ ведетъ къ усилению исполнительной власти, и эта эволюція диктуется, по выраженію Беджота, „матеріальными потребностями нашего вѣка, который нуждается въ сильной исполнительной власти“ съ большимъ „запасомъ революціонной силы“ и „административной энергіи“,—если это такъ, то и страны дуалистическаго режима,—гдѣ имѣются на лицо тѣ же „матеріальныя потребности въ сильной исполнительной власти“,—такъ же, какъ и парламентарныя, идутъ по пути усиленія исполнительной власти. Здѣсь дѣйствительно не исключена возможность, что сила исполнительной власти

будетъ расти въ ущербъ росту парламента, что парламентская эволюція будетъ задержана растущими задачами и полномочіями правительства. Больше того, можно сказать, что многія изъ дуалистическихъ государствъ давно совершили бы эволюцію къ парламентаризму, если бы не тѣ же „матеріальныя потребности нашего времени“ въ сильной исполнительной власти: нѣтъ сомнѣнія, что парламентаризмъ въ Германіи находитъ себѣ могущественное препятствіе въ императорской власти, въ силѣ юнкерства, бюрократіи и милитаризма, но невозможно также сомнѣваться и въ томъ, что дуализмъ въ Германіи ни въ какомъ случаѣ не могъ бы функционировать такъ продуктивно, правильно и безъ разрушительныхъ политическихъ треній, если бы не то обстоятельство, что интересы другихъ вліятельныхъ классовъ Германіи также требуютъ сильной исполнительной власти внутри государства и во внѣшней его политикѣ. Въ особенно печальномъ свѣтѣ рисуются шансы парламентаризма въ этихъ странахъ, если подумать, что въ той же Германіи безотвѣтственное правительство Бисмарка сумѣло разрѣшить сложные вопросы соціального законодательства и внѣшней политики едва ли менѣе успѣшно, чѣмъ это сдѣлали отвѣтственные правительства другихъ странъ въ аналогичныхъ условіяхъ... Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что и здѣсь исполнительная власть найдетъ въ „матеріальныхъ потребностяхъ вѣка“ исключительный источникъ для своего усиленія и для руководящей инициативы въ дѣлахъ государственнаго управленія; что это усиленіе исполнительной власти будетъ сопровождаться еще большимъ ослабленіемъ парламента, недобрѣе или равнодушнѣе къ которому будутъ все болѣе расти; что не народовластіе, а министеріализмъ станетъ на пути парламентаризма въ дуалистическихъ государствахъ и что споръ между безотвѣтственнымъ правительствомъ и парламентомъ разрѣшится не въ смыслѣ преобладанія парламента надъ исполнительной властью, а въ смыслѣ молчаливаго согласія парламента на дальнѣйшее усиленіе исполнительной власти...

Въ связи съ вопросомъ объ усиленіи исполнительной власти, чрезвычайно интересны и цѣнны замѣчанія Еллинека о правѣ veto короны. Принято думать, что въ Англіи, гдѣ право veto монарха не примѣнялось въ теченіе 200 лѣтъ (съ 1707 г.), эта прерогатива короны какъ бы отмерла („уснула“), т. е. король фактически уже не можетъ отказать въ утвержденіи законопроекту, принятому палатами; отсюда возникло представленіе о томъ, что и вообще „строгаго парламентскаго правленія исключаетъ veto короны“. Между тѣмъ, по мнѣнію Еллинека, это далеко не такъ. Примѣры, приводимые имъ для доказательства ошибочности этой мысли, могутъ быть обобщены и сведены къ слѣдующимъ тремъ типическимъ случаямъ. Во 1-хъ, veto примѣняется и въ парламентарныхъ и въ дуалистическихъ государствахъ, развѣ рѣчь идетъ о законахъ автономныхъ частей государства;

напр., законы, выработанные областными ландтагами Австрии или колониальными парламентами Англии, часто остаются без санкции монарха; съ другой стороны, законы, принятые австрийским рейхсратомъ или прусскимъ ландтагомъ, почти никогда не получаютъ отказа въ санкціи: въ Пруссіи ни разу за послѣднія 60 лѣтъ, въ Австріи—только разъ (въ 1876 г.). Въ то же время не только въ Соединенныхъ Штатахъ и Швеціи, странахъ дуалистическаго парламентаризма, но и въ Англии и Бельгии, въ странахъ парламентаризма унитарнаго,—глава исполнительной власти пользуется своимъ правомъ veto гораздо чаще, чѣмъ это допускаетъ господствующее ученіе о парламентаризмѣ. Онъ можетъ отказать въ санкціи законопроекту, разъ противъ него настроена страна, и это легко возможно тамъ, гдѣ палата, созданная на основѣ ограниченаго избирательнаго права, не является отраженіемъ общественнаго мнѣнія или гдѣ монархъ хочетъ опереться на избирательный корпусъ противъ парламента. Какъ это пыталось узаконить правительство Бельгии въ 1891—92 годахъ: въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ демократическимъ или демагогическимъ коррективомъ къ цензовому парламенту, во второмъ—съ уступкой духу времени, который все рѣшительнѣе проявляется, какъ ростъ значенія избирательнаго корпуса.

Такимъ образомъ, veto короны и въ парламентарномъ строѣ можетъ примѣняться и примѣняется: 1) когда монархъ не утверждаетъ законовъ областныхъ и колониальныхъ, т. е. выступаетъ, по англійской терминологіи, какъ „король въ совѣтѣ“, а не „въ парламентѣ“; 2) когда рѣчь идетъ о признаніи политической силы электората. Наконецъ, 3) возможно, что въ промежутокъ между принятіемъ законопроекта палатами и утвержденіемъ его короной, произошли событія, существенно измѣнившія положеніе вопроса или волю палаты; тогда, во вниманіе къ этимъ событіямъ, монархъ можетъ не санкціонировать законопроекта, который прошелъ уже черезъ палаты, но котораго парламентъ въ данный моментъ или въ данномъ своемъ составѣ все равно не принялъ бы или даже отмѣнилъ бы, если онъ былъ принятъ раньше. Еллинекъ приводитъ два случая этого рода изъ бельгійской практики, но оставляетъ ихъ неистолкованными, какъ и другія условія примѣненія veto короны (1 и 2). Между тѣмъ выводъ, построенный на этихъ фактахъ, можетъ подать поводъ къ существеннымъ недоразумѣніямъ. Еллинекъ подвергаетъ критикѣ ту мысль, что „строго парламентарное правленіе исключаетъ veto короны“ и, возражая противъ этой мысли, выдвигаетъ положеніе, что „отказъ въ санкціи вполнѣ совмѣстимъ съ парламентскою системою правленія“. Но по существу между этими двумя мыслями или не существуетъ противорѣчія, и замѣчанія Еллинека, справедливыя сами по себѣ, проходятъ мимо этой мысли, — или справедлива только первая изъ нихъ, оспариваемая Еллинекомъ. Существо ея сводится къ тому, что въ принципѣ парламентаризмъ несовмѣстимъ съ правомъ veto короны, т. е. если дѣйствительнымъ сувереномъ является парламентъ, правящій черезъ

свой кабинетъ, то veto короны, какъ актъ самостоятельной и независимой государственной силы стоящей надъ сувереномъ, при всѣхъ своихъ юридическихъ основаніяхъ, лишено политической логики ¹⁾. Одно изъ двухъ: или парламентаризмъ предполагаетъ, что парламентъ преобладаетъ надъ короной, что его воля является рѣшающей инстанціей въ вопросахъ по крайней мѣрѣ законодательства, т. е. что veto короны принципиально исключается парламентской системой правленія, — или же не существуетъ принципиальной границы между парламентаризмомъ и дуализмомъ, между Пруссіей временъ извѣстнаго бюджетнаго конфликта 1864 г. и Англіей того же періода. Факты, указанные выше, ничего не измѣняютъ въ этой основной постановкѣ вопроса. Дѣйствительно, право veto короны практически осуществляется и въ парламентарныхъ странахъ, но, не говоря уже объ ограниченной сферѣ примѣненія этого права, тѣ три типическихъ случая, о которыхъ шла рѣчь выше, заключаютъ въ себѣ элементы, не только не вытекающіе изъ принципа парламентаризма, но по крайней мѣрѣ ему чуждые. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что veto короны примѣняется, во 1-хъ, по отношенію къ законамъ автономныхъ частей государства, во 2-хъ, во вниманіе къ настроенію электората, и въ 3-хъ, въ интересахъ цѣлесообразности самой парламентской работы, ея планомѣрной продуктивности и соответствія дѣйствительной волѣ данной палаты. Но все это означаетъ, что veto короны имѣетъ силу, либо какъ функція, сохранившаяся изъ временъ абсолютистскаго централизма, либо какъ симптомъ роста народовластія, къ которому королевская власть сознательно или безсознательно стремится приспособиться, влить въ свои жилы кровь будущаго. Поскольку же монархъ задерживаетъ другія мѣры (3-е), то это не только не связано съ существомъ парламентаризма, но напротивъ, объясняется несовершенствомъ практическаго воплощенія этого принципа, недочетами въ технику парламентаризма: veto короны допускается и дѣйствуетъ, лишь какъ само-коррективъ парламентаризма, притомъ коррективъ, имѣющій весьма ограниченное, субсидіарное значеніе, ибо то же veto, въ видѣ новаго закона, было бы наложено и самимъ парламентомъ.

Такимъ образомъ, отказъ въ санкціи со стороны короны фактически, конечно, возможенъ и въ парламентарномъ строѣ, но это veto является воплощеніемъ силъ, или еще не побѣжденных парламентаризмомъ, или уже разрушающихъ его, или, наконецъ, свидѣтельствомъ несовершенства воплощенія этого принципа. Практически въ государственномъ управленіи „воплнѣ совмѣстимы“ различныя политическія принципы, но одинъ изъ нихъ

¹⁾ Эти соображенія имѣютъ особую силу для англійскихъ учрежденій, теоретики которыхъ не только сливаютъ въ одно понятіе суверинитетъ съ государственной властью, но и считаютъ парламентъ—вогнаниченнымъ самодержцемъ (Блекстонъ: цѣнныя данныя по этому вопросу въ новой работѣ Паліенки о существѣ права и правовой связанности государства). Еще два года тому назадъ, Ликокъ (Leacock) называлъ англійскій парламентъ „абсолютнымъ законнымъ сувереномъ“.

съ логической неизбежностью господствуетъ надъ другими, одинъ изъ нихъ разрушаетъ другіе или приспособляетъ ихъ къ себѣ, измѣняетъ ихъ природу, ограничиваетъ сферу ихъ дѣйствія, короче—полная совмести́мость различныхъ политическихъ принциповъ, о которой говоритъ Еллинекъ, покупается цѣною безусловнаго подчиненія всѣхъ ихъ торжеству доминирующаго—таковъ законъ всякой политической эволюціи, который имѣла въ виду старая теорія парламентаризма и который игнорируется у Еллинека.

Вопросъ о правѣ veto короны является для Еллинека иллюстраціей болѣе широкой проблемы: отмираетъ ли вообще какое-нибудь публично-правовое полномочіе отъ того, что имъ слишкомъ долго не пользуются? Онъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ условно: одно то, что норма не примѣняется, еще не значить, что она юридически мертва. „Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что право государственнаго верховенства по существу своему не знаетъ давности“. Тѣмъ не менѣе, необходимо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшать, жива она или нѣтъ: такъ, юридическая отвѣтственность министровъ, вытѣсненная политической отвѣтственностью, является въ настоящее время мертвой буквой конституціи, и всѣ попытки оживить ее не привели и не приведутъ ни къ чему.—Естественно, что въ небольшой брошюрѣ, наполненной богатымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, сжато и коротко освѣщеннымъ, нѣтъ возможности ни исчерпать вопросъ, ни расчленить его достаточно детально. Но это послѣднее обстоятельство существенно отзывается на выводахъ. Жива ли норма, никогда не примѣняемая—въ такой постановкѣ на вопросъ можно отвѣтить только въ уклончивой формѣ рѣшенія Еллинека: одно непримѣненіе нормы не убиваетъ ея, но—при извѣстныхъ условіяхъ можетъ убить. Другими словами, здѣсь нѣтъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о значеніи долгаго бездѣйствія нормы: такого отвѣта и быть не можетъ, разъ ставить такъ вопросъ. Въ другой постановкѣ, исторической, а не догматической, прежде всего бросается въ глаза то, что и само по себѣ долгое непримѣненіе нормы приводитъ къ весьма опредѣленному и несомнѣнному результату: норма постепенно, но неотвратимо, теряетъ свою юридическую и политическую силу, поскольку, съ одной стороны, она вытѣсняется изъ общественнаго правосознанія, а съ другой—требуетъ особыхъ усилій для ея насильственнаго примѣненія...—Дѣйствительную трудность представляетъ, однако, не вопросъ о томъ, жива или мертва непримѣняемая норма: норма, въ которой бьется пульсъ жизни, не можетъ и возбуждать подобнаго вопроса. Вопросъ заключается въ иномъ. Биологи хорошо знаютъ своеобразное явленіе, находящееся на границѣ между жизнью и смертью; это—анабіозъ. Въ такомъ состояніи наблюдали факировъ, погруженныхъ въ мертвый сонъ; на нѣсколько недѣль всѣ жизненныя функціи приостанавливаются, но это не смерть: въ извѣстный моментъ и при извѣстныхъ усиліяхъ, организмъ можетъ быть пробужденъ къ жизни; естественно, однако, что затянувшись

слишкомъ долго, сонъ этотъ становится смертельнымъ для спящаго. Подобно тому, какъ для біолога здѣсь рѣчь идетъ о границѣ не между жизнью и смертью, а о переходѣ анабіоза въ смерть, такъ для юриста нѣтъ вопроса, жива или мертва непримѣняемая норма,—вопросъ въ томъ, анабіотична она или мертва: можно ли ее, при наличности извѣстныхъ условій и политической силы, пробудить къ жизни или нѣтъ, но нѣтъ вопроса, жива ли норма, фактически никогда не примѣняемая. Предпочтительность такой постановки вопроса опирается на то обстоятельство, что она подчеркиваетъ одну важную для насъ черту непримѣняемой нормы: для ея примѣненія требуются или особыя условія, или особыя усилія, или и то и другое вмѣстѣ, и это рѣзко отличаетъ ее отъ нормъ, не прекращавшихъ своего бытія. Этими соображеніями опредѣляется и мѣсто вопроса. Если желательно воспользоваться нормой, фактически уже непримѣняемой, то та власть, которая въ этомъ заинтересована, можетъ сдѣлать это скорѣе въ мѣру своей политической мощи, чѣмъ въ силу своего правового полномочія, тѣмъ болѣе спорнаго, чѣмъ дальше оно не примѣнялось и чѣмъ яснѣе для всѣхъ, что причиной тому была политическая слабость управомоченной власти. Но въ такомъ случаѣ, вопросъ изъ сферы права переходитъ въ область политики, и жизненная сила нормы зависитъ, если не отъ слабости тѣхъ, противъ кого она направлена, то отъ политической силѣ той власти, въ интересахъ которой настаивать на ея исполненіи. Едва ли теперь въ силахъ палата общинъ возстановить институтъ юридической отвѣтственности министровъ; наоборотъ, кабинетъ достаточно мощенъ, чтобы не допустить воскрешенія нормъ, подчеркивающихъ его нелегальное положеніе въ строѣ англійскихъ государственныхъ учреждений; извѣстно, что попытка парламента помѣшать росту кабинета въ самомъ началѣ его существованія (Act of Settlement), окончилась неудачей: нормы 1701 г. были отмѣнены въ 1706 г., еще раньше, чѣмъ онѣ были приведены въ исполненіе (Дюпри). Такъ же трудно представить себѣ оживленіе того закона Карла II, который требуетъ, чтобы число лицъ, подающихъ петицію, было не больше 10, а число подписей подъ нею не превышало 20. Ковалевскій, приводи этотъ актъ 1673 г. въ числѣ другихъ реакціонныхъ мѣръ правительства Карла II, указываетъ, что законъ этотъ, хотя онъ никѣмъ не былъ отмѣненъ, уже со временъ Георга IV перестаетъ приводиться въ исполненіе. Если бы мы стали искать дѣйствительную причину этого явленія въ юридическихъ основаніяхъ закона о петиціяхъ Карла II и подвергли бы сомнѣнію юридическую его безспорность, то уже то обстоятельство, что, изданный въ закономѣрномъ порядкѣ, онъ примѣнялся въ теченіе 150 лѣтъ,—могло бы насъ остановить на этомъ пути: мы увидѣли бы, что юридическая сила, приписываемая этому закону, въ теченіе такого долгаго времени, была настолько велика, что превосходила силу билля о правахъ, узаконившаго право петицій безъ всякихъ ограниченій; Готфр. Кохъ приводитъ примѣры жестокихъ преслѣдованій петиціонеровъ въ XVIII вѣкѣ и стре-

мленія парламентовъ до крайности ограничить право петицій. Но если мы примемъ во вниманіе, что актъ 1673 г. пересталъ дѣйствовать въ періодъ стремительнаго натиска всего англійскаго общества на олигархическій режимъ наканунѣ реформы 1832 г., то мы еще болѣе убѣдимся въ томъ, что причину непримѣненія этой нормы надо искать не въ юридической ея природѣ, — которая могла бы сдѣлать сомнительными правомочія власти, — а въ политической силѣ массы англійскихъ гражданъ, руководимыхъ вигами и радикалами, въ той силѣ, которая привела къ первой избирательной реформѣ и движенію сторонниковъ „хартія“ 30-хъ и 40-хъ г.г. Условія, при которыхъ норма возникла, и условія политической жизни Англии 20-хъ и 30-хъ г.г. XIX в., когда парламентаризмъ не только окончательно упрочился, но уже необходима была его радикальная реформа, чтобы расчистить путь его дальнѣйшему развитію, — эти условія были настолько противоположны, что нормы, ограничивающія право петицій уснули тѣмъ же глубокимъ сномъ, какъ, юридически ничѣмъ не ограниченное, право короля распускать парламентъ. — Еще быстрѣе „уснули“ „шесть актовъ“ 1820 г., которые между прочимъ запрещали собранія съ цѣлью составленія петицій: въ 1838 г. парламенту была представлена петиція, подписанная 1.200.000 человекъ. Палата отнеслась къ ней, по словамъ Сеньюбоса, съ насмѣшкой, но не могла преслѣдовать петиціонеровъ, примѣнивъ къ нимъ „уснувшія“ нормы 1820 г.

Любопытно было бы, однако, найти норму, которая долгое время не примѣнялась, но, несмотря на это, сохранила способность быть воскрешенной. У Ковалевскаго мы находили указаніе на случай, непосредственно отвѣчающій на этотъ вопросъ: это исторія налога, извѣстнаго подъ именемъ „корабельныхъ денегъ“. Въ 1008 г. англійское правительство обложило приморскія графства налогомъ, для снаряженія флота и охраны побережья отъ набѣговъ пиратовъ. Эта исключительная мѣра была предпринята помимо парламента, у котораго не спросили согласія на этотъ налогъ; тѣмъ не менѣе, и впоследствии, при Плантагенерахъ (1154—1485), этотъ сборъ въ разное время взимался. Повидимому во времени Елизаветы (1558—1603) право взиманія этого налога наконецъ „уснуло“. Несмотря на это, усиленіе королевской прерогативы при Тюдорахъ дало правительству Елизаветы силу воскресить этотъ налогъ (благодаря приближенію непобѣдимой армады, 1588 г.): на собранныя деньги были построены суда, участвовавшія потомъ, въ 1596 г., во взятіи Кадикса лордомъ Эссексомъ. — Однако, черезъ 50 лѣтъ, сборъ этотъ, имѣвшій при Карлѣ I столько же юридическихъ основаній, какъ и при Елизаветѣ, такъ основательно былъ забытъ и вычеркнутъ изъ правосознанія англійскаго общества, что даже самовластные попытки Стюартовъ не могли воскресить его: въ 1634 г. Карлъ I, распустивъ парламентъ, не дававшій ему субсидій, рѣшилъ воспользоваться между прочимъ и сборомъ корабельныхъ денегъ, но „требованіе ихъ сразу вызвало рѣшительный отпоръ, и король, на первыхъ порахъ изумленный едино-

гласіемъ въ этомъ оппозиціи, рѣшился взять свой приказъ обратно“ (Судъ надъ Гемпденомъ, у Гнейста). Мы видимъ, слѣдовательно, что одинъ и тотъ же налогъ, съ успѣхомъ воскрешенный при Тюдорахъ, не могъ быть никомъ образомъ оживленъ при Стюартахъ, хотя моменты, о которыхъ идетъ рѣчь, разделены періодомъ едва въ 50 лѣтъ, хотя и тогда и теперь корабельныя деньги являлись, по выраженію Ковалевскаго, не болѣе какъ археологической находкой.

Итакъ, непримѣненіе нормы само по себѣ не показываетъ, что она умерла; но непримѣненіе ея свидѣлствуетъ о нѣкоторыхъ вполне опредѣленныхъ измѣненіяхъ въ самой нормѣ или въ общемъ строѣ тѣхъ учреждений, для которыхъ она создана. Непримѣненіе нормы показываетъ прежде всего, что появились вмѣсто нея другія, ее съ успѣхомъ замѣняющія,—какъ политическая отвѣтственность министровъ замѣнила собою юридическую,—или же норма просто отмираетъ въ той области, гдѣ она исчерпала свое значеніе и силу, но она живетъ или оживаетъ въ другой: такъ, королевское veto не имѣетъ уже прежняго абсолютнаго значенія по отношенію къ парламентскому законодательству Англии, и Фальбекъ справедливо указываетъ, что на примѣненіе veto королемъ всякій англичанинъ посмотрѣлъ бы, какъ на государственный переворотъ; въ то же время право veto сохранило свою силу для колониальнаго законодательства (хотя и здѣсь отказъ въ санкціи не можетъ имѣть мѣста вопреки желаніямъ министерства, т. е. комитета правящей партіи парламента); кромѣ того, veto короля можетъ получить еще новую силу благодаря условіямъ, о которыхъ ниже.

Но и само по себѣ непримѣненіе нормы имѣетъ огромное самостоятельное значеніе, отрицаемое Еллинекомъ: продолжительное бездѣйствіе нормы, какъ сказано, создаетъ все меньшую и меньшую политическую возможность ея примѣненія; лица и учрежденія дѣйствуютъ все съ меньшимъ и меньшимъ опасеніемъ, что она будетъ противъ нихъ выдвинута, все съ большей и большей свободой, ограниченной этой нормой. Это зависитъ отъ трудности извлечь норму изъ архива прошлаго, пойти наперекоръ уже окрѣпшему правосознанію, отточить заржавѣвшее отъ бездѣйствія оружіе: нужны чрезвычайныя обстоятельства, чтобы англійская корона не санкціонировала билля, принятаго палатой общинъ,—и въ этихъ предѣлахъ, все болѣе расширяющихся, палата и свободна въ своемъ законотворчествѣ. Здѣсь вопросъ о юридической возможности воспользоваться непримѣняемой нормой замѣняется вопросомъ о политической цѣлесообразности ея примѣненія, вопросъ о безспорномъ правѣ вопроса о рѣшающей силѣ политической мощи, изъ области права мы вступаемъ въ стихію политики. Слишкомъ часто, вопреки Еллинеку, окажется, что всякое право, даже государственное полномочіе, иногда не знаетъ юридической давности, но всегда подчинено закону давности политической.—Такъ, между прочимъ, можетъ быть рѣшенъ вопросъ о правѣ veto короны въ парламентарной монархіи.

Естественный процессъ разрушенія нормы, всѣдствие политической давности, можетъ быть прерванъ двоякимъ путемъ: либо создается политическая конъюнктура, подобная той, при которой норма возникла и дѣйствовала,—либо норма, исчерпавъ свое первоначальное значеніе, начинаетъ исполнять новую функцію, завоевываетъ новую область примѣненія, приобрѣтая такимъ образомъ новую силу. Корона, которая сперва боролась съ парламентскимъ режимомъ, а потомъ съ громаднымъ успѣхомъ и тактомъ къ нему приспособилась и стала руководить имъ, корона, давшая восторжествовать принципу суверенитета парламента надъ феодально-абсолютистскими традиціями, — теперь, въ спорѣ парламентаризма съ народовластіемъ, стремится, кажется, взять сторону послѣдняго, одновременно съ этимъ находя новое примѣненіе для своего права veto. Эта тенденція проявляется еще съ недостаточной силой, хотя существуютъ ясныя указанія на ея наличность. Такъ, Дайси, по словамъ Еллинека, считаетъ возможнымъ возрожденіе veto короны въ томъ смыслѣ, что король передъ санкціей законопроекта будетъ опрашивать избирателей. Извѣстно также, что въ 1891—92 г.г. бельгійское министерство пыталось создать право короны опрашивать избирателей наканунѣ внесенія законопроекта въ палату или передъ его санкціей. Эти попытки, не чуждыя значительнаго демагогическаго отбѣнка, могутъ имѣть однако успѣхъ именно постольку, поскольку онѣ являются одновременно признаніемъ безсилія монархическаго veto въ парламентарныхъ странахъ и стремленіемъ короны построить свою новую силу на ростѣ демократіи. Въ нѣдрахъ этого мощнаго движенія нашего времени, корона парламентарныхъ странъ можетъ найти новыя силы для своего политическаго бытія:—не станемъ предрѣшать его срока, но и не будемъ сомнѣваться въ заимствованной силѣ этого новаго блеска короны.

Типичнымъ примѣромъ никогда непримѣняемыхъ нормъ являются положенія, нормирующія юридическую отвѣтственность министровъ. Еллинекъ указываетъ на полную безплодность попытокъ воскресить этотъ анабиотическій институтъ и сомнѣвается въ успѣшности этихъ попытокъ и въ будущемъ. Это происходитъ вѣроятно оттого, что современные правовыя и политическія отношенія до крайности ограничиваютъ самую возможность суда надъ министрами за незаконныя дѣйствія: такія дѣйствія едва ли могутъ имѣть мѣсто въ современномъ правовомъ государствѣ, гдѣ чиновникъ не исполнитъ незаконнаго распоряженія своего начальника, — другими словами, едва возможны юридическія условія для самаго незаконнаго дѣйствія; съ другой стороны, самый судъ надъ министрами приобрѣтаетъ слишкомъ нежелательную политическую окраску для парламента или для короны смотря по тому, кѣмъ призвано министерство къ власти, кого оно въ своемъ лицѣ представляетъ. Кромѣ того когда рѣчь идетъ о преступныхъ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ министровъ, солидарный кабинетъ въ лицѣ премьера, до послѣдней возможности покрываетъ виновнаго министра, такъ какъ, фактически, со-

лидарное министерство связано и солидарной ответственностью: уже въ 1698 г. палата общинъ предала суду палаты лордовъ не только обвиняемаго министра, лорда Соммерса, но и весь солидарный кабинетъ. Въ наши дни, преданіе суду министровъ Нази въ Итали и Альберти въ Даніи послѣдовало послѣ упорной защиты виновныхъ министровъ прмьерами и явнаго нежеланія выдать ихъ суду за дѣйствія, которыя задолго до суда обсуждались въ печати и въ обществѣ, какъ явно-преступныя. Проступокъ или преступленіе министра должны быть ужь особенно-явными или исключительными, должны доходить до крайнихъ предѣловъ политическаго ажіотажа, чтобы могло имѣть мѣсто преданіе ихъ суду и чтобы министерство согласилось на это.

Чрезвычайно важнымъ и цѣннымъ въ брошюрѣ Еллинека является то, что въ видѣ бѣглыхъ замѣчаній, въ ней высказаны мысли огромной важности, едва очерченныя, но дающія надежную нить для изслѣдованія. Таковы замѣчанія о соотношеніи между демократизаціей государственнаго строя и ослабленіемъ парламентаризма: чѣмъ больше демократизуется парламентное государство, тѣмъ меньше силы и вліянія у его парламента. Съ этой точки зрѣнія, двѣ демократическія избирательныя реформы 1867 и 1884 г.г. ослабили англійскій парламентаризмъ энергичнѣе, чѣмъ это могли сдѣлать избирательныя подкупы XVIII вѣка, а демократизація бельгійскаго избирательнаго права и голландскаго парламента ослабили парламентаризмъ въ этихъ странахъ по той же причинѣ, которая дѣлаетъ безсильнымъ германскій рейхстагъ, сравнительно съ прусскимъ ландтагомъ: первый избирается на болѣе широкой демократической основѣ, чѣмъ второй. Такимъ образомъ, демократизація государственнаго строя, т. е. накопленіе элементовъ народовластія, въ настоящее время такъ же опасно для парламентаризма, какъ прежде — абсолютистскія попытки короны, а теперь — олигархическія тенденціи министеріализма.

Особый интересъ представляетъ мнѣніе Еллинека о правѣ парламента интерпеллировать министерство; въ частности, имѣетъ ли рейхстагъ право интерпелляціи? Еллинекъ рѣшаетъ этотъ споръ въ томъ смыслѣ, что это не право рейхстага: право запроса исторически тѣсно связано съ отвѣтственностью министровъ, и разъ нѣтъ этой послѣдней, какъ въ Германіи, то тѣмъ самымъ и рейхстагъ не компетентенъ вносить запросы. Но если-бы ему даже принадлежала эта компетенція, то, вообще, компетенція не есть право, потому что она не предполагаетъ никакихъ обязанностей, она не даетъ полномочія требовать чего-либо отъ другихъ лицъ. Напр., мировые судьи компетентны, въ случаяхъ оскорбленій, мирить спорящія стороны; но на сторонахъ вовсе не лежитъ обязанность мириться; другими словами, „компетенція отличается отъ права тѣмъ, что первой не соответствуетъ никакая обязанность“ со стороны другихъ лицъ. Такъ ли это? Взявъ существеннымъ признакомъ права критерій Петражицкаго, выдвигаемый Еллинекомъ, т. е. полномочіе требовать извѣстныхъ дѣйствій

или воздержанія отъ нихъ, мы убѣдимся, что компетенція ничѣмъ не отличается въ этихъ предѣлахъ отъ всякаго другого права: всякая компетенція есть право, поскольку позволяетъ управомоченному требовать, чтобы никто не мѣшалъ ему осуществлять свою компетенцію, т. е., въ частности, онъ можетъ устранить всякаго, кто, не обладая данной компетенціей, захотѣлъ бы присвоить ее себѣ. Въ примѣрѣ Еллинека это бесспорно могутъ сдѣлать мировые судьи, т. е. стороны обязаны выслушать предложеніе судьи и онъ можетъ устранить всякаго, кто пожелалъ бы занять его мѣсто въ этомъ вопросѣ. Если въ компетенцію судьи не входитъ принуждать стороны къ миру, то это значитъ лишь то, что здѣсь рѣчь идетъ о компетенціи, заключенной въ тѣсныя границы, о правѣ, болѣе узкомъ, чѣмъ то, которое имѣетъ въ виду Еллинекъ, но вслѣдствіе этого оно не перестаетъ быть правомъ. Въдъ компетенція есть полномочіе возбуждать, обсуждать или рѣшать извѣстные вопросы; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что отъ компетентнаго лица всегда зависитъ рѣшеніе даннаго вопроса. Предсѣдатель палаты компетентенъ лишь возбуждать вопросъ объ исключеніи депутата изъ засѣданія палаты, но это право его не перестаетъ быть таковымъ отъ того, что не онъ, а палата компетентна рѣшить этотъ вопросъ. Компетенція можетъ быть предположительной и рѣшительной: Еллинекъ говорить только о первой и отрицаетъ ея характеръ права только потому, что она не тождественна со второй. Но, принявъ точку зрѣнія Еллинека, пришлось бы также отрицать обязанность членовъ парламента прерывать рѣчь по требованію предсѣдателя—на томъ основаніи, что онъ лишь компетентенъ, но не облеченъ правомъ, останавливать ораторовъ, что конечно противорѣчитъ и практикѣ, и правовымъ представленіямъ въ этой области. Вообще говоря, если бы компетенція не предполагала права требовать возможности ея осуществленія, то не было бы никакихъ легальныхъ гарантій противъ попытокъ другихъ лицъ сузить данную компетенцію или даже отнять ее; съ другой стороны, компетенція утратила бы всякую юридическую силу и значеніе и приняла бы характеръ какого-то нравственнаго требованія или, напротивъ, орудія политической борьбы: компетентное лицо или учрежденіе могло бы осуществлять свою компетенцію лишь въ мѣру свободного сознанія другими лицами своего общественнаго долга предъ компетентнымъ лицомъ или же, напротивъ, поскольку ихъ принуждала бы къ тому политическая сила или вліяніе этого лица.

Но конструировать такъ понятіе компетенціи можно лишь послѣ того, какъ заново будутъ перестроены основанія общей теоріи права. Петражицкій, разграничивая право и нравственность, видитъ различіе ихъ въ томъ, что нравственная норма лишь обязываетъ извѣстное лицо, а правовая — не только обязываетъ, но и даетъ полномочіе требовать исполненія этой обязанности: нравственныя нормы—односторонни (обязанность), правовыя—двусторонни (обязанность и полномочіе). Но въ вопросѣ о компетенціи мы имѣемъ дѣло съ нормами, существенно отличными въ этомъ смыслѣ и отъ нормъ юридическихъ, и отъ

нормъ нравственныхъ. Подобно тому, какъ нравственныя нормы налагаютъ одностороннюю обязанность, такъ эти нормы даютъ лишь одностороннее полномочіе: на точномъ основаніи закона, компетентное лицо имѣетъ право ждать извѣстныхъ дѣйствій отъ другихъ лицъ, но эти послѣднія не обязаны даже отвѣчать на запросы и обращенія компетентныхъ лицъ. Если противопоставить эти нормы правовымъ въ тѣсномъ смыслѣ, то мы получимъ третій рядъ нормъ, занимающихъ самостоятельное мѣсто наряду съ юридическими и нравственными. Отличіе ихъ отъ правовыхъ то, что полномочіе въ нихъ не вооружено правомъ требовать, т. е. онѣ позволяютъ данному лицу обращаться за извѣстными дѣйствіями къ другимъ лицамъ, но къ этимъ послѣднимъ не можетъ быть предъявлено требованіе — совершить эти дѣйствія; отличіе ихъ отъ нравственныхъ нормъ то, что онѣ создаютъ одностороннюю у п р а в о м о ч е н н о с т ь—въ противоположность нравственнымъ, налагающимъ одностороннюю обязанность.

Выше было замѣчено, что, съ извѣстной точки зрѣнія, понятіе права включаетъ въ себя и эти нормы о компетенціи. Но этимъ еще не рѣшается вопросъ о теоретическихъ преимуществахъ выдѣленія этихъ нормъ въ самостоятельную группу соподчиненную съ правомъ. Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, выходитъ далеко за предѣлы этихъ краткихъ замѣчаній, но для отвѣта на занимающій насъ вопросъ необходимы и достаточны иныя, болѣе спеціальныя, соображенія. Рѣчь идетъ о компетенціи парламента сдѣлать запросы правительству. Является ли эта компетенція — правомъ парламента въ томъ смыслѣ, что онъ имѣетъ право требовать отвѣта отъ министерства? Думается, да,—и не только въ парламентарномъ, но и въ дуалистическомъ государствѣ, ибо политическое значеніе и сила запроса весьма скоро превращаетъ его въ обязательность отвѣта со стороны министерства. Палата, компетентная вносить запросы, обладаетъ достаточными средствами создать для нихъ такую политическую обстановку, что правительство, даже не отвѣтственное предъ нею, т. е., по мысли Еллинека, не обязанное отвѣчать, политически вынуждено сдѣлать это (напр., въ силу тяжести обвиненій, возбужденныхъ противъ министерства, крайне напряженной атмосферы въ парламентѣ, печати и обществѣ etc). Поэтому, внося въ конституцію § о компетенціи парламента интерpellировать, правительство знаетъ, на что идетъ, что это—о б я з а н н о с т ь его о т в ѣ ч а т ь на запросы: это доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что тамъ, гдѣ правительство желаетъ и имѣетъ силу уклониться отъ этой обязанности, оно отнимаетъ у палаты эту компетенцію; такъ было, напр., во Франціи при Наполеонѣ III до 1867 г.: уже тогда было совершенно ясно, что правительство не можетъ молчать въ отвѣтъ на запросы—въ особенности и именно тамъ, гдѣ оно безответственно. Еслибъ даже оно не было юридически обязано, — оно всегда политически вынуждено сдѣлать это; а сила прецедента создаетъ изъ этого п о л и т и ч е с к а г о

обязательства о б ы ч н о-п р а в о в у ю обязанность: таким образом создается одно изъ тѣхъ „конституціонныхъ соглашеній“, которыя являются формальной гарантіей силы конституціонныхъ учрежденій, и служатъ исходной точкой ихъ дальнѣйшаго развитія.

Я. Магазинеръ.

Ученіе Бэмъ-Баверка о происхожденіи дохода на капиталъ.

Вопросъ о природѣ и происхожденіи дохода на капиталъ несомнѣнно принадлежитъ къ наиболѣе интереснымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе труднымъ проблемамъ экономической науки. Несмотря на то, что этотъ вопросъ обратилъ на себя вниманіе раньше другихъ экономическихъ вопросовъ (онъ интересовалъ уже нашихъ предковъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, хотя они и не смотрѣли на этотъ вопросъ такъ широко, какъ это дѣлаемъ мы, — они интересовались имъ постольку, поскольку онъ касался процента отъ ссуды капитала); несмотря на то, что по поводу него было написано не мало страницъ, и выдвинуто не мало теорій,—онъ все еще въ настоящее время не можетъ считаться окончательно разрѣшеннымъ. До послѣдняго времени изъ за пальмы первенства боролись пять различныхъ теорій—теорія производительности, пользованія, воздержанія, трудовая и эксплуатаціи. За послѣднее время къ нимъ присоединилась и заняла видное мѣсто въ литературномъ спорѣ новая теорія, выдающая источникъ процента въ разности цѣнностей настоящихъ и будущихъ благъ,—„теорія лажъ“ (Agiotheorie), какъ ее называетъ Бэмъ-Баверкъ¹⁾, или „теорія обмѣна“ (exchange-theory), какъ ее называетъ Макферленъ²⁾. Правда, слабые зачатки этой точки зрѣнія давно уже носились въ воздухѣ (у Галиани, Тюрго), она нашла себѣ даже довольно обстоятельное изложеніе въ отдѣльныхъ трудахъ болѣе позднихъ экономистовъ (у Джона Ра, Джевонса), но систематическаго развитія она достигла только въ послѣднее время, главнымъ образомъ у послѣдователей теоріи предѣльной полезности.

Такъ какъ эта точка зрѣнія подробнѣе и основательнѣе всего

¹⁾ Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien. 2-ое изд. Инсбрукъ 1900 г., стр. 614.

²⁾ Value and distribution, стр. XXII, 230.

обработана австрійскимъ ученымъ Бэмъ-Баверкомъ, то я нахожу, что мы составимъ себѣ мнѣніе о всемъ соответствующемъ направленіи лучше всего на основаніи научнаго построенія послѣдняго ¹⁾).

I.

Источникъ процента ²⁾, по мнѣнію Бэмъ-Баверка, кроется во вліяніи времени на хозяйственныя явленія, въ естественномъ различіи цѣнностей благъ настоящихъ, или наличныхъ, и благъ будущихъ, т. е. еще только имѣющихъ быть произведенными. Блага, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, по общему правилу имѣютъ для насъ большую цѣнность, чѣмъ однородныя блага въ будущемъ. Это фактъ, доказанный наблюденіемъ. Причины его слѣдующія:

Первая причина лежитъ въ различномъ соотношеніи между спросомъ и предложеніемъ въ различные моменты времени. Блага, которыя находятся налицо, могутъ удовлетворять, какъ потребности настоящаго времени, такъ и потребности, которыя мы будемъ ощущать въ будущемъ: 100 гульденовъ, которые мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи въ настоящее время, могутъ удовлетворять наши потребности, какъ теперь, такъ и черезъ годъ, но 100 гульденовъ, которые мы получимъ черезъ годъ, могутъ удовлетворять только потребности будущаго; потребностей настоящаго времени имъ не удовлетворить. Въ дѣйствительности, однако, многіе уже въ настоящее время нуждаются въ благахъ, которыми они могутъ или будутъ располагать только въ будущемъ, и поэтому они оцѣниваютъ эти блага въ настоящее время выше, чѣмъ будутъ оцѣнивать ихъ въ будущемъ. Если кто-нибудь, напримѣръ крестьянинъ во время неурожая или пожара, ремесленникъ при семейномъ несчастіи, въ данный моментъ времени не обладаетъ достаточнымъ запасомъ средствъ существованія, но можетъ надѣяться въ будущемъ на лучшіе достатки, то онъ навѣрно будетъ цѣнить настоящій гульденъ, который можетъ ему помочь въ грозящей ему нуждѣ, выше будущаго и охотно согласится отдать за извѣстное количество предметовъ, нужныхъ ему въ настоящемъ, гораздо большее количество однородныхъ предметовъ въ будущемъ. Такое же отношеніе мы замѣчаемъ и у начинающихъ художниковъ, адвокатовъ, медиковъ, чиновниковъ, находящихся въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи: всѣ они цѣнятъ настоящія блага выше по сравненію съ такими же благами въ будущемъ, въ надеждѣ, часто основательной, на лучшее будущее. Это явленіе общезвѣстное. Наиболѣе наглядно оно выражается въ высокомъ про-

¹⁾ Positive Theorie des Kapitaless, 2-ое изд. Иннсбрукъ, 1902 г. стр. 248—465.

²⁾ Подъ процентомъ Бэмъ-Баверкъ понимаетъ не только ссудный процентъ, но доходъ на капиталъ вообще.

центъ, взимаемомъ ростовщиками и вообще заимодавцами за предоставленіе въ немедленное пользованіе заемщикамъ недостающихъ имъ средствъ къ жизни или капиталовъ.

Второй причиной является распространенная среди людей склонность придавать потребностямъ и средствамъ къ ихъ удовлетворенію въ будущемъ меньшее значеніе, чѣмъ въ настоящемъ. „Что это такъ“, говоритъ Бэмъ-Баверкъ, „не подлежитъ никакому сомнѣнію, но почему это такъ—трудно сказать“. Это объясняется отчасти неясностью и неполностью, съ какой представляются намъ будущія потребности, ошибочной ихъ оцѣнкой (Schätzungsfehler); отчасти недостаточной твердостью нашей воли, такъ какъ мы не хотимъ, можно даже утверждать, не можемъ отказать себѣ въ настоящемъ удовольствіи на основаніи расчетовъ будущаго, представляющихся нашему воображенію въ неясномъ свѣтѣ (Willensfehler); отчасти, наконецъ, сознаниемъ краткости нашей жизни—мы не знаемъ, доживемъ ли мы вообще до того времени, когда мы сумѣемъ воспользоваться будущими благами. Все это въ совокупности вліяетъ на насъ такъ, что мы смотримъ на будущее сквозь уменьшающія стекла неизвѣстности и все видимъ въ уменьшенномъ видѣ.

Наконецъ, третья и послѣдняя причина заключается въ томъ, „что по общему правилу настоящія блага по техническимъ причинамъ являются болѣе совершенными средствами для удовлетворенія нашихъ потребностей, а поэтому обезпечиваютъ намъ также и высшую предѣльную полезность, чѣмъ блага будущія“. Это положеніе, которое является краеугольнымъ камнемъ теории процента Бэмъ-Баверка (einen Grundpfeiler meiner Zinstheorie abzugeben berufen ist), объясняется слѣдующимъ образомъ.

Элементарнымъ фактомъ, наблюдаемымъ на опытѣ, является то, что болѣе успѣшными и плодотворными способами производства являются болѣе продолжительные: съ помощью одного и того же количества средствъ производства мы можемъ получить тѣмъ больше продуктовъ, чѣмъ продолжительнѣе будутъ способы производства, которые мы изберемъ. Бэмъ-Баверкъ поясняетъ это многими примѣрами и таблицами; мы приведемъ только одну изъ его таблицъ для того, чтобы лучше освѣтить только-что сказанное.

Если мы затратимъ мѣсяць труда въ году:

	1888	1889	1890	1891		
то результаты этой затраты труда составятъ въ году:	1888	100	—	—	единицъ продукта	
	1889	200	100	—		
	1890	280	200	100		
	1891	350	280	200		100
	1892	400	350	280		200
	1893	440	400	350		280
	1894	470	440	400		350
	1895	500	470	440		400

Положимъ, что въ 1888 году мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи известное количество средствъ производства, напр. 30 рабочихъ дней, т. е. рабочий мѣсяць. Тогда этотъ рабочий мѣсяць, затраченный немедленно, будетъ самымъ непроизводительнымъ и дастъ только 100 единицъ продукта, примѣняемый въ продолженіе года—200 единицъ, но, конечно, только за 1889 годъ, въ двухлѣтнемъ производствѣ—280 единицъ за 1890 годъ и т. д. въ восходящей прогрессіи, примѣрно 350 единицъ за 1891 годъ. 400—за 1892, 440—за 1893, 470—за 1894 и, наконецъ 500—за 1895. Сравнимъ теперь, что можно получить при помощи одного и того же количества средствъ производства, т. е. одного рабочего мѣсяца, съ условіемъ, что онъ примѣняется только годомъ позже. Рабочий мѣсяць, находящійся въ нашемъ распоряженіи въ 1888 году, очевидно, ничего не дастъ за 1888 г.; въ 1889 г. можно извлечь изъ него пользу самую малую—такъ какъ немедленное производство самое непроизводительное—т. е. 100 единицъ. За 1890 годъ примѣненіе годичнаго способа производства можетъ дать выручку въ 200 единицъ, за 1891 г. примѣненіе двухлѣтняго способа производства можетъ дать 280 единицъ и т. д. Совершенно аналогично этому, рабочий мѣсяць, который будетъ въ нашемъ распоряженіи черезъ 2 года, т. е. въ 1890 году, ничего не дастъ для удовлетворенія потребностей хозяйственныхъ 1888 и 1889 годовъ, за 1890 годъ—при самомъ непроизводительномъ, т. е. немедленномъ производствѣ—онъ дастъ 100 единицъ, за 1891—200 единицъ, за 1892 годъ—280 и т. д. На какой періодъ производства мы ни посмотримъ, всегда мы увидимъ большій результатъ отъ рабочего мѣсяца 1888 года, чѣмъ отъ рабочего мѣсяца 1889 года, а отъ этого большій, чѣмъ отъ рабочего мѣсяца 1890 года и т. д. Для удовлетворенія потребностей 1888 года рабочий мѣсяць 1889 или 1890 годовъ не дастъ ничего, а рабочий мѣсяць 1888 года дастъ намъ хоть 100 единицъ; для удовлетворенія потребностей 1893 года рабочий мѣсяць 1890 года дастъ 350 единицъ, 1889 года—400, 1888—440. По отношенію къ какому бы то ни было году мы ни сравнивали, мы вездѣ увидимъ, что болѣе раннее (настоящее) количество средствъ производства технически превосходитъ одинаковое позднѣйшее (будущее).

Но имѣетъ ли болѣе раннее количество средствъ производства и болѣшую предѣльную полезность, а, слѣдовательно, и болѣшую цѣнность?—спрашиваетъ себя Бэмъ-Баверкъ и отвѣчаетъ: „Безъ сомнѣнія, это такъ. Ибо если оно для любого круга потребностей, въ пользу котораго мы можемъ или хотимъ его затратить, отдавать въ наше распоряженіе большее количество средствъ удовлетворенія, то вѣдь оно должно имѣть большее значеніе для нашего благополучія. Конечно, я знаю хорошо, что большее количество благъ не всегда обязательно имѣетъ и болѣшую цѣнность: мѣра хлѣба въ неурожайный годъ имѣетъ болѣшую цѣнность, чѣмъ двѣ мѣры послѣ богатаго урожая; серебряный гульденъ до открытія Америки имѣетъ болѣшую цѣнность, чѣмъ пять серебряныхъ гульденовъ въ XIX столѣтіи. Но для даннаго лица въ данный моментъ большее количество продуктовъ всегда имѣ-

еть и большую цѣнность: какова бы ни была абсолютная цѣнность гульдена или мѣры хлѣба, все-таки въ каждый опредѣленный моментъ два гульдена или двѣ мѣры хлѣба стоятъ болѣе, чѣмъ одинъ гульденъ или одна мѣра хлѣба. То же самое имѣетъ мѣсто при сравненіи цѣнности настоящаго количества средствъ производства съ цѣнностью будущаго. Допустимъ, что 470 единицъ продукта, которыя можно было заготовить посредствомъ рабочаго мѣсяца 1889 года за 1895 годъ, будутъ менѣе цѣнны, чѣмъ 350 единицъ, которыя можно было заготовить за 1892 годъ, и что послѣднія, несмотря на ихъ меньшее количество, все же будутъ самымъ цѣннымъ продуктомъ, который вообще можно заготовить посредствомъ рабочаго мѣсяца 1889 года: но, во всякомъ случаѣ, тогда тѣ 400 единицъ, которыя можно заготовить посредствомъ рабочаго мѣсяца 1888 года за 1892 годъ, еще цѣннѣе, и, такимъ образомъ, здѣсь наблюдается превосходство болѣе ранняго количества средствъ производства, здѣсь и всегда, какъ бы ни видоизмѣнить примѣръ. Такимъ образомъ, средства производства, имѣющіяся въ настоящее время, по техническимъ причинамъ цѣнятся выше, чѣмъ тѣ же средства производства, ожидаемыя въ будущемъ“.

Та же причина дѣйствуетъ не только при одѣнкѣ средствъ производства—она дѣйствуетъ также и при одѣнкѣ предметовъ потребленія. Распоряженіе извѣстнымъ количествомъ настоящихъ предметовъ потребленія обезпечиваетъ намъ существованіе въ текущемъ хозяйственномъ періодѣ и даетъ возможность лучше пользоваться средствами производства, находящимися въ нашемъ распоряженіи въ данный періодъ: мы можемъ избрать болѣе продолжительные, а, слѣдовательно, и болѣе плодотворные способы производства. Распоряженіе будущими предметами потребленія, напротивъ, оставляетъ настоящее необезпеченнымъ и вызываетъ, такимъ образомъ, необходимость направить средства производства, находящіяся въ нашемъ распоряженіи теперь,—въ цѣломъ или отчасти—на службу настоящему, почему мы можемъ избрать только менѣе продолжительные, а, слѣдовательно, и менѣе плодотворные способы производства. Разность между результатами въ обоихъ случаяхъ и составляетъ преимущество, связанное съ владѣніемъ настоящихъ предметовъ потребленія. Возьмемъ примѣръ Рошера. Дикарь, не вооруженный никакими орудіями, вылавливаетъ ежедневно три рыбы. Если бы у него были лодка и сѣти, то онъ могъ бы вмѣсто трехъ рыбъ ежедневно ловить тридцать. Но для изготовленія лодки и сѣтей нуженъ мѣсяць труда, дикарь же не можетъ тратить времени на ихъ производство, такъ какъ ему пришлось бы умереть съ голода. Но вотъ кто-то предлагаетъ ему въ долгъ 90 рыбъ съ условіемъ черезъ мѣсяць возвратить 180. Нашъ дикарь охотно соглашается: 90 рыбъ обезпечать его на цѣлый мѣсяць; въ теченіе этого времени онъ изготовитъ лодку и сѣти, которыя дадутъ ему возможность впередъ ловить не 90, а 900 рыбъ. Изъ этихъ рыбъ онъ можетъ вернуть одолженные 180 рыбъ и, сверхъ того, сохраняетъ еще частный доходъ для себя. Ясно, что 90 рыбъ въ настоящемъ го-

раздо дороже дикарю, чѣмъ 90 рыбъ, даже чѣмъ 180 рыбъ въ будущемъ, и дороже именно потому, что онѣ увеличиваютъ производительность труда.

Такимъ образомъ, всё вообще блага настоящаго (какъ средства производства, такъ и предметы потребленія), по причинамъ техническимъ имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ блага будущаго.

Теперь возникаетъ вопросъ: въ какомъ же соотношеніи находятся рассмотрѣнные нами три причины?—Бэмъ-Баверкъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Эти причины дѣйствуютъ альтернативно. Если дѣйствуютъ первыя двѣ, то третья отсутствуетъ; если же первыя двѣ не проявляютъ своего дѣйствія или проявляютъ, но не въ достаточной степени, то наступаетъ дѣятельность третьей. Не трудно усмотрѣть, насколько именно это обстоятельство способно придать универсальный характеръ положенію о большей цѣнности настоящихъ благъ. Человѣкъ нуждающійся и безпечный оцѣниваетъ настоящія блага выше будущихъ или потому, что они ему крайне необходимы въ настоящее время, или потому, что онъ думаетъ только о настоящемъ; состоятельный и бережливый человѣкъ, напротивъ, оцѣниваетъ настоящія блага выше будущихъ, потому что при помощи ихъ онъ можетъ достигнуть въ будущемъ болѣшихъ результатовъ. Такимъ образомъ, каждый, въ какомъ бы экономическомъ положеніи онъ ни находился, и какимъ бы темпераментомъ въ хозяйственномъ отношеніи онъ ни отличался, всегда имѣетъ основаніе оцѣнивать настоящія блага выше, чѣмъ будущія. И точно такъ же легко понять, насколько благоприятно должна отзываться универсальность субъективныхъ оцѣнокъ на образованіи соответствующей объективной мѣновой цѣнности и цѣны благъ. Если бы дѣйствіе третьей причины присоединялось къ дѣйствію первыхъ двухъ кумулятивно, то многіе, правда, оцѣнивали бы настоящія блага весьма высоко, но зато нельзя было бы съ увѣренностью утверждать, что другіе, можетъ быть огромное большинство, отдадутъ предпочтеніе настоящимъ благамъ, и въ результатѣ осталось бы еще подъ сомнѣніемъ, какъ сложилась бы въ такомъ случаѣ равнодѣйствующая этихъ оцѣнокъ—мѣновая цѣнность. Но въ виду того, что третья причина дѣйствуетъ альтернативно, то, вмѣсто дальнѣйшаго повышенія отдѣльныхъ возвышенностей, она заполняетъ пустыя пространства и, такимъ образомъ, вызываетъ массовое повышеніе субъективныхъ оцѣнокъ, которое по необходимости сопровождается повышеніемъ ихъ равнодѣйствующей—объективной цѣнности“.

Таковы главныя причины, обуславливающія собою основное положеніе Бэмъ-Баверка, что блага, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи въ настоящее время, по общему правилу имѣютъ для насъ болѣшую цѣнность, чѣмъ однородныя блага въ будущемъ, положеніе, составляющее краеугольный камень всего его ученія о доходѣ на капиталъ. „Естественное различіе въ цѣнности настоящихъ и будущихъ благъ“, говорятъ Бэмъ-Баверкъ, „и представляетъ собою источникъ, изъ котораго беретъ начало всякій

доходъ на капиталъ“. Посмотримъ теперь, какъ онъ это доказываетъ.

Обмѣнъ настоящихъ благъ на будущія совершается въ различной формѣ; этому соотвѣтствуютъ также и различные виды процента на капиталъ. Послѣдній проявляется въ трехъ главныхъ видахъ: 1) ссудный процентъ (Darlehenszins), 2) предпринимательскій доходъ на капиталъ (der Kapitalgewinn der Unternehmer), 3) процентъ на дѣющіяся блага (Zins aus ausdauernden Gütern). Бэмъ-Баверкъ старается доказать, что, несмотря на различныя формы всѣхъ этихъ видовъ процента на капиталъ, вездѣ дѣйствуетъ одна и та же причина: различіе между цѣнностью настоящихъ и будущихъ благъ.

Прежде всего Бэмъ-Баверкъ переходитъ къ объясненію самаго простаго вида процента на капиталъ—къ объясненію ссуднаго процента. Ссуда, говоритъ онъ, это нечто иное, какъ обмѣнъ настоящихъ благъ на будущія. Заимодавецъ отдаетъ взаймы извѣстную сумму благъ настоящихъ и получаетъ въ обмѣнъ извѣстную сумму такихъ же будущихъ благъ. Но такъ какъ блага настоящаго, какъ мы знаемъ, имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ блага будущаго, то должникъ долженъ дать въ обмѣнъ за настоящія блага большую сумму будущихъ благъ; разность между количествомъ благъ отдаваемыхъ и получаемыхъ и составляетъ процентъ на капиталъ.

Затѣмъ Бэмъ-Баверкъ обращается къ главному предмету своего изслѣдованія — къ объясненію предпринимательскаго дохода на капиталъ (другими словами, къ объясненію первичнаго процента на капиталъ). Капиталъ оцѣнивается сообразно предѣльной полезности изготовляемыхъ изъ него продуктовъ. Такъ какъ „окольный путь производства“, выполняемый при помощи машинъ, орудій и т. п., сопряженъ съ потерей времени, то блага, существующія уже въ настоящемъ, являются по техническимъ причинамъ лучшими средствами для достиженія человѣческихъ цѣлей, а поэтому имѣютъ и большую предѣльную полезность, чѣмъ будущія блага. Сообразно ихъ оцѣнкѣ оцѣнивается и капиталъ. Капиталистъ покупаетъ сырые матеріалы, орудія производства, рабочую силу, всѣ вообще предметы, необходимые для его предпріятія, т. е. блага отдаленныхъ рядовъ, и обращаетъ ихъ въ блага перваго разряда — готовые продукты. „Эти блага отдаленныхъ рядовъ, хотя матеріально и представляютъ собою настоящія блага, но по своей хозяйственной природѣ они являются только товарами будущаго. Въ своемъ настоящемъ состояніи они негодны для удовлетворенія человѣческихъ потребностей; для того, чтобы быть способными къ этому, они должны подвергнуться извѣстному преобразованію; это преобразование требуетъ нѣкотораго времени, и поэтому они могутъ служить для удовлетворенія потребностей какого-нибудь будущаго періода времени: ..... ихъ полезность является поэтому будущей полезностью, они представляютъ собою будущіе товары“

Это обстоятельство не можетъ не оказывать самаго глубокаго вліянія и на оцѣнку этихъ благъ. „Мы цѣнимъ, какъ извѣстно,

блага отдаленныхъ рядовъ вообще на основаніи предѣльной полезности или цѣнности готовыхъ продуктовъ, которые производятся при ихъ помощи: извѣстная группа средствъ производства, при помощи которой мы производимъ 100 центнеровъ хлѣба, имѣетъ для удовлетворенія нашихъ потребностей совершенно такое же значеніе, какъ и 100 центнеровъ хлѣба, въ которые они превратятся. Но эти 100 центнеровъ хлѣба, отъ цѣнности которыхъ зависитъ цѣнность данной группы средствъ производства, представляютъ собою пока только будущіе 100 центнеровъ хлѣба, а будущія блага, какъ мы знаемъ, имѣютъ меньшую цѣнность, чѣмъ настоящія: 100 будущихъ центнеровъ имѣютъ, положимъ, ту же цѣнность, что и 95 настоящихъ. Изъ этого слѣдуетъ, что и средства производства—если мы оцениваемъ таковыя по сравненію съ настоящими благами—имѣютъ меньшую цѣнность, чѣмъ то количество готовыхъ продуктовъ, которое мы можемъ произвести при ихъ помощи. Наша группа средствъ производства, при помощи которой мы черезъ годъ получимъ 100 центнеровъ хлѣба, равноцѣнна 100 центнерамъ хлѣба слѣдующаго года, т. е., подобно послѣднимъ, равноцѣнна 95 центнерамъ настоящаго хлѣба... Если поэтому мы покупаемъ или обмѣниваемъ средства производства теперь (при чемъ, конечно, покупная цѣна измѣряется въ настоящихъ монетахъ), то мы покупаемъ таковыя за меньшее количество гульденовъ, чѣмъ то, которое они принесутъ въ будущемъ собственнику“.

Такимъ образомъ, предприниматель закупаетъ будущіе товары, т. е. средства производства, за извѣстное количество настоящихъ благъ, которое меньше того количества благъ, которое будетъ произведено при ихъ помощи. Покупая всѣ средства производства—въ томъ числѣ и рабочую силу—дешевле, чѣмъ будетъ стоить впоследствии изготовленный при ихъ участіи продуктъ, предприниматель покупаетъ всѣ товары по ихъ полной цѣнности. Итакъ — заключаетъ Бэмъ-Баверкъ — „будущіе товары предпринимателя созрѣваютъ постепенно въ теченіе того времени, когда производство идетъ впередъ, становясь настоящими товарами. Вместе съ тѣмъ постепенно растутъ и ихъ цѣнность, достигая, наконецъ, уровня цѣнности настоящихъ товаровъ... Вотъ этотъ-то приростъ цѣнности и составляетъ процентъ на капиталъ“.

Наконецъ, Бэмъ-Баверкъ обращается къ третьему виду процента на капиталъ—проценту на дѣлящаяся блага, т. е. на блага, допускающія неоднократность пользованія (какъ, напр., орудія, постройки, домашнюю утварь и т. п.). Собственникъ такихъ благъ можетъ отдавать ихъ для пользованія другимъ лицамъ и изъ такой отдачи извлекать доходъ; доходъ этотъ представляетъ собою, по мнѣнію Бэмъ-Баверка, особый видъ процента на капиталъ и требуетъ особаго объясненія. Если кто-либо отдаетъ извѣстное благо, напр., домъ, для пользованія другому въ теченіе извѣстнаго времени, то онъ передаетъ ему отдѣльныя полезныя

дѣйствія (Nutzleistungen), которыя данное лицо можетъ извлечь изъ предоставленнаго ему блага. Цѣнность даннаго блага равна цѣнности всѣхъ его полезныхъ дѣйствій. Но эти полезныя дѣйствія не всегда имѣютъ одинаковую цѣнность. Если дляціяся блага или, что одно и то же, ихъ полезныя дѣйствія могутъ существовать только въ теченіе непродолжительнаго времени, то можно принимать, что всѣ отдѣльныя полезныя дѣйствія имѣютъ одинаковую цѣнность; если же длящееся благо существуетъ долго, т. е. если оно отдаетъ полезныя дѣйствія въ теченіе продолжительнаго времени,—а это имѣетъ мѣсто въ большинствѣ случаевъ—то отдѣльныя полезныя дѣйствія уже не будутъ имѣть одинаковой цѣнности, а цѣнность болѣе отдаленныхъ полезныхъ дѣйствій будетъ подчиняться тѣмъ же правиламъ, что и цѣнность будущихъ благъ,—чѣмъ дальше по времени будетъ отстоять отъ насъ полезное дѣйствіе, тѣмъ меньшей цѣнностью оно будетъ обладать. Если какое-либо благо, наприм., машина, можетъ просуществовать 6 лѣтъ, и полезное дѣйствіе ея, отдаваемое въ настоящемъ году, обладаетъ цѣнностью въ 100 гульденовъ, то полезное дѣйствіе, отдаваемое въ слѣдующемъ (будущемъ) году,—если допустить разность въ 5% про анно—будетъ по настоящей оцѣнкѣ обладать цѣнностью въ 95 гульд. 23 кр.; полезное дѣйствіе, отдаваемое въ третьемъ году,—при соблюденіи той же пропорціи—90 гульд. 70 кр., въ четвертомъ году—86,38, въ пятомъ—82,27, въ шестомъ—78,35. Тогда цѣнность машины будетъ равняться суммѣ цѣнностей отдѣльныхъ полезныхъ дѣйствій, т. е.:

$$100+95,23+90,70+86,38+82,27+78,35=532 \text{ гульд. } 93 \text{ кр. } ^1).$$

Предположимъ теперь, что собственникъ машины отдаетъ ее для пользованія другому на одинъ годъ. За пользованіе машиной онъ возьметъ, конечно, 100 гульд. Но потеряетъ онъ меньше. Въ самомъ дѣлѣ, возвращенная машина будетъ годиться еще въ теченіе пяти лѣтъ; полезное дѣйствіе второго года становится настоящимъ полезнымъ дѣйствіемъ и приобрѣтаетъ цѣнность въ 100 гульд.; полезное дѣйствіе третьяго года становится полезнымъ дѣйствіемъ второго года и приобрѣтаетъ цѣнность въ 95,23 и т. д.; слѣд., машина въ моментъ возвращенія будетъ имѣть цѣнность:

$$100+95,23+90,70+86,38+82,27=454,58.$$

Такимъ образомъ, собственникъ потеряетъ

$$532,93-454,58=78,35 \text{ гульд.,}$$

т. е. цѣнность того полезнаго дѣйствія, которое отдается благомъ въ послѣднемъ году. Что же оказывается? Собственникъ получаетъ за пользованіе машиной, отданной въ наемъ на одинъ годъ, 100 гульденовъ, теряетъ только 78,35 гульд. Разность въ 21,65 гульд. (которая представляетъ собою не что иное, какъ 5% на

¹⁾ Всѣ вычисленія составлены на основаніи «Tabellen für die Zinseszinsen- und Rentenrechnung» Симона Спицеля (3 изд., Вѣна, 1886 г.).

сумму въ 432 гульд. 93 кр., составляющую цѣнность машины послѣ вычета цѣнности перваго ея полезнаго дѣйствія—100) составляетъ его чистый доходъ. Во второмъ году собственникъ получаетъ 100 гульд., теряетъ же 82,27, т. е. получить доходъ въ 17,73 гульд. Доходъ теперь меньше, такъ какъ уменьшилась цѣнность машины, хотя процентная норма остается той же (5⁰/₀)¹⁾. Въ третьемъ году онъ получаетъ 100 гульд., теряетъ 86,38 и т. д. Такимъ образомъ, и здѣсь источникомъ процента является превращеніе благъ будущаго въ блага настоящаго.

Это же обстоятельство является, по мнѣнію Бэмъ-Баверка, и источникомъ земельной ренты, какъ чистаго дохода. Послѣдняя возможна только потому, что настоящія блага и полезныя дѣйствія обладаютъ большей цѣностью, чѣмъ будущія. Всѣ прежнія попытки разрѣшенія этого вопроса, въ томъ числѣ и попытка Рикардо, сводились къ доказательству, что годичныя полезныя дѣйствія земельного участка приносятъ хозяйственной выручку, т. е. валовой доходъ, но объясненія ренты, какъ чистаго дохода, онѣ не даютъ. Рента, какъ чистый доходъ, аналогична доходу отъ ддящихся благъ—все различіе заключается только въ томъ, что земельный участокъ доставляетъ доходъ не въ теченіе какого-либо опредѣленнаго числа лѣтъ, а въ теченіе безграничнаго времени. Если, напр., настоящая цѣнность продукта, доставляемаго земельнымъ участкомъ, равна въ настоящемъ году 100 гульд., то настоящая цѣнность продукта слѣдующаго года будетъ равна 95,23, третьяго года 90,70 и т. д.; такимъ образомъ, мы получимъ слѣдующій убывающій рядъ:

$$100 + 95,23 + 90,70 + \dots,$$

при чемъ члены этого ряда будутъ постепенно убывать, такъ что мы можемъ предположить, что цѣнность продукта, производимаго по истеченіи значительнаго числа лѣтъ—въ виду вѣчнаго существованія земельного участка—по настоящей оцѣнкѣ равна нулю; слѣдовательно, земельный участокъ, настоящее полезное дѣйствіе котораго цѣнится въ 100 гульд., даетъ эти 100 гульд. въ качествѣ чистой ренты (100—0). И здѣсь превращеніе будущихъ полезныхъ дѣйствій земли въ настоящія является источникомъ земельной ренты.

Такова въ существенныхъ чертахъ теорія Бэмъ-Баверка, объясняющая происхожденіе процента на капиталъ. Мы переходимъ теперь къ ея критической оцѣнкѣ.

II.

Приступая къ критикѣ теоріи Бэмъ-Баверка, я безъ оговорокъ сейчасъ же долженъ замѣтить, что выставленная имъ теорія

¹⁾ Цѣнность машины теперь будетъ равняться

$$100 + 95,23 + 90,70 + 86,38 = 372 \text{ гульд. } 31 \text{ кр.}$$

между тѣмъ, какъ первоначальная цѣнность машины равнялась 454 гульд. 58 кр.

рія прибыли на капиталъ не состоятельна, что, на мой взглядъ, она является ничѣмъ инымъ, какъ эклектической смѣсью элементовъ теорій воздержанія и производительности. Если же это и не бросается сразу въ глаза, то это потому, что Бэмъ-Баверкъ при помощи многихъ произвольныхъ предположеній и всѣхъ теоретическихъ ошибокъ сумѣлъ такъ искусно сплести эти элементы, что они на первый взглядъ какъ бы въ самомъ дѣлѣ соединяются въ одно дѣйствительно цѣльное, существенно и логично правильное объясненіе нашего явленія. Раскрытіе этихъ недостатковъ и составитъ мою дальнѣйшую задачу.

Критическая оцѣнка должна главнымъ образомъ остановиться на основномъ положеніи, которое Бэмъ-Баверкъ кладетъ въ основу своего научнаго построенія,—на положеніи, что настоящія блага по общему правилу имѣютъ для насъ большую цѣнность, чѣмъ однородныя блага въ будущемъ,—а, слѣдовательно, и на тѣхъ причинахъ, которыя онъ приводитъ въ подтвержденіе этого положенія.

Прежде всего первая причина высшей оцѣнки настоящихъ благъ по сравненію съ будущими врядъ ли является дѣйствительной причиной и къ тому же еще основной (Hauptgrund). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ можетъ быть различно въ различные моменты, и что, въ зависимости отъ этого, измѣняется также и оцѣнка различныхъ благъ: если соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ менѣе благопріятно въ настоящее время, то мы цѣнимъ въ настоящемъ предметы выше, чѣмъ въ будущемъ, и, наоборотъ, если соотношеніе между спросомъ и предложеніемъ болѣе благопріятно въ настоящее время, то мы цѣнимъ въ настоящемъ предметы ниже, чѣмъ въ будущемъ. Оба эти случая въ дѣйствительности наблюдаются весьма часто, и трудно даже сказать, которому изъ нихъ слѣдовало бы отдать примать. А между тѣмъ Бэмъ-Баверкъ съ необыкновенной увѣренностью выдвигаетъ на первый планъ только первый случай, совершенно упуская изъ вида второй. На основаніи какихъ же данныхъ онъ такъ поступаетъ?—На этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ дать отвѣта, такъ какъ Бэмъ-Баверкъ не приводитъ ни единого слова для объясненія своего „выбора“. Онъ просто высказываетъ свое положеніе и при этомъ иллюстрируетъ его такими примѣрами, которые не могутъ не привести въ изумленіе. Ремесленникъ во время семейнаго несчастья, крестьянинъ во время неурожая или пожара, адвокатъ въ началѣ своей дѣятельности и т. д.—однимъ словомъ, въ его примѣрахъ выступаютъ люди не въ обычныхъ условіяхъ. Что сказалъ бы Бэмъ-Баверкъ по поводу слѣдующаго примѣра? Человѣкъ находится въ пустынѣ и умираетъ отъ жажды; кругомъ ни капли воды, а запасовъ у него нѣтъ никакихъ. Ему нужна вода немедленно; онъ готовъ отдать все за стаканъ, онъ цѣнитъ его въ настоящее время гораздо выше, чѣмъ онъ будетъ цѣнить его въ будущемъ, когда онъ выйдетъ изъ злополучной пустыни, когда у него будетъ большой запасъ воды. Этотъ

примѣръ совершенно напоминаетъ собой примѣръ Бэмъ-Баверка, а между тѣмъ Бэмъ-Баверкъ врядъ ли призналъ бы его удовлетворительнымъ. Если люди въ извѣстное время и цѣнятъ настоящія блага выше, чѣмъ будущія, то изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, что они всегда цѣнятъ ихъ выше. Я нѣсколько видоизмѣню примѣры Бэмъ-Баверка и покажу, что они могутъ иллюстрировать какъ разъ противоположное. Допустимъ, что ремесленникъ опѣниваетъ блага не „во время семейнаго несчастья“, крестьянинъ — „не во время пожара или неурожая“, а въ обыкновенное время; спрашивается, будутъ ли они и теперь цѣнить настоящія блага выше будущихъ. Чтобы не повторить ошибки Бэмъ-Баверка, я не дамъ ни категорически-положительнаго отвѣта, ни категорически-отрицательнаго. Возможно, что они будутъ цѣнить настоящія блага выше будущихъ, но возможно также, что они будутъ цѣнить будущія блага выше настоящихъ. Да и вообще культурный человѣкъ (а люди — будемъ надѣяться — становятся все культурнѣе) гораздо больше думаетъ о „неизвѣстномъ“ будущемъ, чѣмъ объ „извѣстномъ“ настоящемъ: неурожай, пожары, семейныя несчастья и т. п. возможны въ будущемъ такъ же, какъ и въ настоящемъ. Если же къ этому прибавить еще старость, возможность заболѣваній, безработицу и т. п., — то гораздо болѣе возможнымъ сдѣлается второй случай, а не первый.

Впрочемъ, Бэмъ-Баверкъ самъ замѣчаетъ возможность такого возраженія: въ „хозяйственной жизни — говоритъ онъ — нѣрѣдко имѣютъ мѣсто и противоположные расчеты“. „Есть лица, которыя въ настоящій моментъ болѣе или менѣе обезпечены, но которыя въ будущемъ будутъ менѣе обезпечены (напримѣръ чиновникъ, получающій въ годъ 1000 гульденовъ жалованья, между тѣмъ какъ въ будущемъ онъ будетъ получать только 300 гульденовъ пенсiи). Такія лица приписываютъ гульдену, находящемуся въ ихъ распоряженiи въ настоящее время, меньшую предѣльную полезность, чѣмъ гульдену, который будетъ находиться въ ихъ распоряженiи въ будущемъ, и поэтому — такъ оно кажется¹⁾ — они должны цѣнить настоящій гульденъ ниже будущаго. Такъ обстояло бы дѣло, если бы блага, существующія въ настоящемъ, должны были по необходимости и быть примѣняемы въ настоящемъ. Но на самомъ дѣлѣ, однако, этого не бываетъ. Большинство благъ, и въ особенности деньги, которыя въ своемъ индифферентномъ видѣ представляютъ всѣ виды благъ, сохраняются и могутъ быть поэтому оставляемы и для служенiя будущему... Исключенiе имѣетъ мѣсто только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда сохраненiе благъ, существующихъ уже въ настоящее время, до момента худшаго обезпеченiя трудно или невозможно. Это касается благъ, подлежащихъ порчѣ, какъ, напримѣръ, льда, фруктовъ и т. п. ...“²⁾.

1) Курсивъ мой.

2) Стр. 265.

Но это безусловно невѣрно. Большинство благъ не сохраняется и не можетъ быть поэтому оставляемо и для служенія будущему. На это обратилъ уже вниманіе одинъ изъ усердныхъ послѣдователей Бэмъ-Баверка, Кнутъ Виксель. „Это — говорить онъ — безъ сомнѣнія, большое преувеличеніе. Правда, Бэмъ-Баверкъ упоминаетъ здѣсь объ „исключеніи“ изъ этого правила, а именно объ исключеніи, касающемся „благъ, подлежащихъ порчѣ, какъ, напримѣръ, льда, фруктовъ и т. п.“ Но порчѣ въ большей или меньшей степени подлежатъ всѣ средства пропитанія безъ исключенія. Даже больше, возможно, что нѣтъ никакихъ другихъ благъ, кромѣ развѣ благородныхъ металловъ и камней, сохраненіе которыхъ для будущаго не требовало бы специальныхъ заботъ и усилій, къ чему присоединяется еще и рискъ, что они могутъ погибнуть вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, вслѣдствіе пожара и т. п.“¹⁾.

Итакъ, различіе соотношенія между спросомъ и предложеніемъ въ настоящемъ и будущемъ не всегда является основной причиною высшей оцѣнки благъ настоящаго: оно можетъ ею быть, но можетъ ею и не быть, въ зависимости отъ того, когда это соотношеніе болѣе благоприятно, — въ настоящемъ или будущемъ.

Переходимъ ко второй основной причинѣ. Вторая основная причина низшей оцѣнки будущихъ благъ по сравненію съ настоящими лежатъ въ распространенной среди людей склонности придавать потребн стямъ и средствамъ къ ихъ удовлетворенію въ будущемъ меньшее значеніе, чѣмъ въ настоящемъ. Причинами такого отношенія являются: 1) неясность и неполнота, съ какой представляются намъ будущія потребности, 2) недостаточная твердость нашей воли, 3) сознаніе краткости нашей жизни.

Прежде всего отпадаетъ послѣдняя изъ этихъ причинъ: сознаніе краткости человѣческой жизни могло бы оказать такое дѣйствіе только тогда, если бы люди жили исключительно ради себя. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не со сѣмъ такъ: большинство людей живетъ не только ради себя — они живутъ ради своихъ дѣтей, ради общества, ради государства. „Даже старецъ — говоритъ Шаде — заботится о семьѣ, объ интересахъ общины, государства. И бездѣтный богачъ не расточаетъ своего имущества, а имѣетъ въ виду интересы общества, которому онъ оставляетъ имущество послѣ смерти“²⁾.

Такъ же несостоятельны и двѣ другія причины, обуславливающія собой вторую основную причину. И здѣсь дѣло обстоитъ скорѣе наоборотъ, чѣмъ это кажется Бэмъ-Баверку. Именно потому, что человѣкъ не знаетъ, въ какомъ положеніи онъ будетъ находиться въ будущемъ, каковы будутъ его потребности, — а люди въ этомъ отношеніи скорѣе пессимистичны, чѣмъ оптимистичны, — именно потому, что онъ представляетъ ихъ себѣ въ неясномъ,

¹⁾ Knut Wicksell. Über Wert, Kapital und Rente. Jena 1893. Стр. 83.

²⁾ Kritik der Zinstheorie Böhm-Bawerks. (Annalen des Deutschen Reichs. München 1906) стр. 228.

неопредѣленномъ свѣтѣ, онъ будетъ цѣнить извѣстныя блага въ будущемъ выше, чѣмъ онъ цѣнить ихъ въ настоящемъ. Я не утверждаю, чтобы такъ обстояло дѣло у всѣхъ и всегда — есть, конечно, и исключенія—но это въ такой же степени вѣрно, какъ и положеніе Бэмъ-Баверка. „Хотя и въ настоящее время еще человекъ не согласенъ откладывать надолго удовлетвореніе своихъ потребностей, но онъ все-таки постепенно приобрѣлъ большую склонность жертвовать своимъ спокойствіемъ и удовольствіями въ настоящее время, чтобы воспользоваться ими въ будущемъ. Онъ приобрѣлъ большую „телескопическую“ способность, т. е. большую способность живо представлять себѣ будущее, ясно изображать его передъ своимъ умственнымъ взоромъ. Онъ сталъ умнѣе, приобрѣлъ больше самообладанія и поэтому больше склонности высоко оцѣнивать будущія выгоды и убытки, если понимать эти слова въ самомъ широкомъ смыслѣ, если обозначать ими и самыя высокія и самыя низкія чувства, волнующія нашу душу“¹⁾. Такимъ образомъ, всѣ три причины, обуславливающія собою вторую основную причину высшей оцѣнки настоящихъ благъ по сравненію съ будущими, далеко не такъ вѣрны и универсальны, какъ это кажется Бэмъ-Баверку,—а слѣдовательно и вторая основная причина несостоятельна²⁾.

Но если даже допустить, что первыя двѣ основныя причины высшей оцѣнки настоящихъ благъ по сравненію съ будущими правильны, то все же онѣ не могутъ дѣйствовать к у м у л я т и в н о, о д н о в р е м е н н о: онѣ не пополняютъ одна другую, а, наоборотъ, исключаютъ. Дѣло обстоитъ такъ:

Первая причина предполагаетъ такъ называемый хозяйственный принципъ, лежащій въ основѣ всякаго разумнаго образа дѣйствій, вторая отрицаетъ его. Въ самомъ дѣлѣ, первая причина говоритъ, что вслѣдствіе менѣе благоприятнаго соотношенія между предложеніемъ и спросомъ въ настоящемъ, чѣмъ въ будущемъ, люди оцѣниваютъ одни и тѣ же предметы въ настоящемъ выше, чѣмъ въ будущемъ,—они руководствуются соображеніями наибольшей выгоды, они обладаютъ и настоящимъ представленіемъ о своихъ потребностяхъ и необходимой для извѣстнаго результата силой воли. Вторая же причина говоритъ обратное: люди имѣютъ въ виду не наибольшую выгоду, а дѣйствуютъ на основаніи какихъ-то неясныхъ представленій, идущихъ въ разрѣзъ съ хозяйственными интересами, и не отличаются достаточной силой воли для того, чтобы отказать себѣ въ настоящихъ удовольствіяхъ на основаніи расчетовъ будущаго. Итакъ, что-нибудь одно: или люди руководствуются соображеніями наибольшей выгоды или не ру-

¹⁾ Marshall. Principles of Economics. Лондонъ, 2-ое изд. 1891 года. Стр. 617.

²⁾ Леръ (Grundbegriffe und Grundlagen der Volkswirtschaft, Лейпцигъ 1893 г., стр. 339) говоритъ, что утвержденіе Бэмъ-Баверка, будто люди систематически недооцѣниваютъ будущія потребности, опирается не на человѣческую природу, а на характеръ одной специфической категоріи людей, живущихъ по принципу „après nous le déluge“.

ководствуются, или обладают достаточной силой воли или не обладают.

Остается еще третья объективная причина: болѣе плодотворными способами производства являются болѣе продолжительные, вслѣдствіе чего въ данный моментъ продуктъ болѣе продолжительнаго процесса производства цѣнится выше, чѣмъ продуктъ болѣе короткаго.

Критика ¹⁾, приступая къ анализу этой третьей причины, обыкновенно прежде всего задаетъ вопросъ, дѣйствительно ли болѣе продолжительные способы производства являются болѣе плодотворными. И, дѣйствительно, этотъ вопросъ напрашивается самъ собою. Приводитъ ли Бэмъ-Баеркъ какія-либо доказательства для подтвержденія его? Непосредственно онъ не приводитъ никакихъ „Мы—говоритъ онъ—уже въ предыдущихъ главахъ настоящей работы подробнѣе занимались этимъ явленіемъ, указали на его причины и пояснили на многихъ примѣрахъ“; при этомъ онъ указываетъ на стр. 16 и сл., 89 и сл. Что же говоритъ онъ на этихъ страницахъ? Онъ говоритъ здѣсь, что мы можемъ производить или непосредственно или же посредствомъ окольныхъ путей: мы можемъ тратить нашъ трудъ или на производство желаннаго блага или же на производство промежуточныхъ благъ, которыя, вмѣстѣ съ другими подходящими матеріями и силами, способствуютъ производству желаннаго блага. „Сущность и значеніе этого различія—говоритъ онъ—лучше всего выяснитса на нѣсколькихъ примѣрахъ. При выборѣ этихъ примѣровъ я долженъ позволить себѣ нѣкоторую подробность, ибо имъ суждено замѣнить собою въ значительной степени доказательство одного изъ существеннѣйшихъ основныхъ положеній нашей теоріи“. Затѣмъ онъ приводитъ два примѣра. Я оставлюсь на одномъ изъ нихъ. Крестьянинъ нуждается въ водѣ для питья. Ручей находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ его жилища. Для того, чтобы удовлетворить свою потребность въ водѣ, онъ можетъ избрать различные пути. Во-первыхъ, онъ можетъ каждый разъ ходить къ ручью и черпать воду просто руками. Это самый непосредственный путь: за затратой труда непосредственно слѣдуетъ потребление. Но этотъ путь и неудобенъ (такъ какъ крестьянинъ долженъ былъ бы ежедневно ходить къ ручью) и неудовлетворителенъ (такъ какъ крестьянинъ не могъ бы собирать воду и сохранять ее для различныхъ цѣлей). Во-вторыхъ,—и это второй возможный путь—онъ можетъ изготовить ведро и приносить себѣ необходимую воду ежедневно домой. Преимущество этого пути очевидно, но для его достиженія нужно было предпринять значительный окольный путь: крестьянинъ долженъ былъ потратить нѣкоторое время на изготовленіе ведра, изготовленіе топора и т. д. Въ-третьихъ, наконецъ, нашъ крестьянинъ можетъ построить водопроводъ отъ

¹⁾ Орасъ Уайтъ (Political Science Quarterly, вып. VIII), Лексисъ (Schmollers Jahrbuch, томъ XIX, при разборѣ книги Викселля: „Uber Wert, Kapital und Rente“, стр. 332 и слѣд.), Кулишеръ (Эволюція прибыли съ капитала, томъ II, стр. 394 и слѣд.) и др.

ручья къ своему дому. Очевидно, что здѣсь окольный путь, который ведетъ отъ затраты труда къ полученію воды, увеличился еще больше, но зато онъ приводитъ и къ большому результату: крестьянинъ не долженъ теперь ходить къ ручью, а можетъ имѣть воду, когда захочетъ.

Какой же выводъ дѣлаетъ изъ этого Бэмъ-Баверкъ? „Ученіе,— говоритъ онъ— которое мы можемъ единогласно вывести изъ этихъ примѣровъ ¹⁾—очевидно. Оно гласитъ, что гораздо выгоднѣе производить потребительныя блага окольными путями, чѣмъ непосредственно. И притомъ бдльшая выгода проявляется въ двоякомъ видѣ: если потребительное благо можно произвести, какъ непосредственнымъ, такъ и посредственнымъ путемъ, то она проявляется въ томъ, что посредственнымъ путемъ можно при помощи одного и того же количества труда произвести больше продуктовъ или что съ меньшимъ трудомъ одинаковый продуктъ; кромѣ того оно проявляется еще и въ томъ видѣ, что въкоторыя потребительныя блага вообще можно производить только посредственнымъ путемъ: этотъ путь тѣмъ болѣе является лучшимъ, что часто является единственнымъ“.

Для того, чтобы понять настоящій смыслъ этихъ разсужденій, мы должны себѣ уяснить, что понимаетъ Бэмъ-Баверкъ подъ выраженіемъ „посредственный“, или—какъ онъ чаще выражается—„окольный путь“. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ на стр. 21. „Всякій окольный путь—говоритъ здѣсь Бэмъ-Баверкъ—обозначаетъ приобрѣтеніе вспомогательной силы, которая могущественнѣе и ловчѣе руки человѣка; всякое удлиненіе окольнаго пути есть увеличеніе вспомогательныхъ силъ, поступающихъ на службу къ человѣку, и перенесеніе части тяжести производства съ бережливаго и дорого стоящаго труда человѣка на въ изобиліи предлагаемыя силы природы“. Если мы переведемъ это на обыденный, „прозаическій“ языкъ, то окажется, что окольный путь это не что иное, какъ употребленіе средствъ производства, а удлиненіе окольнаго пути не что иное, какъ увеличеніе количества или улучшеніе качества средствъ производства. Да и самъ Бэмъ Баверкъ дѣлаетъ этотъ выводъ: „производство, которое идетъ разумнымъ окольнымъ путемъ, не представляетъ собою ничего иного, какъ то, что экономисты называютъ капиталистическимъ производствомъ“ ²⁾.

Если мы теперь въ предыдущемъ выводѣ неясное и сбивчивое выраженіе „окольный путь“ замѣнимъ болѣе яснымъ выраженіемъ „употребленіе средствъ производства (или капитала)“, то выводъ этотъ будетъ гласить: „Гораздо выгоднѣе производить потребительныя блага при содѣйствіи капитала,

¹⁾ Второй примѣръ совершенно аналогиченъ съ первымъ. Все, что въ дальнѣйшемъ будетъ сказано про первый примѣръ, *mutatis mutandis* относится и ко второму.

²⁾ Слово „капиталистическій“ употреблено здѣсь не въ томъ смыслѣ, что производство совершается за счетъ и подъ руководствомъ предпринимателей-капиталистовъ, а въ томъ, что производство совершается при помощи капиталовъ.

чѣмъ безъ такового. И при томъ бблшая выгода проявляется въ двоякомъ видѣ: если потребительныя блага можно произвести, какъ безъ содѣйствія капитала, такъ и при содѣйствіи такового, то она проявляется въ томъ, что при содѣйствіи капитала можно, при помощи одного и того-же количества труда, произвести больше продуктовъ или что съ меньшимъ трудомъ одинаковый продуктъ; кромѣ того, она проявляется еще и въ томъ видѣ, что нѣкоторыя потребительныя блага можно производить только при содѣйствіи капитала: этотъ способъ тѣмъ болѣе является лучшимъ, что часто является единственнымъ“.

Теперь ясно, что имѣлъ въ виду Бэмъ-Баверкъ,—онъ имѣлъ въ виду физическую или техническую производительность капитала. Да и этого Бэмъ - Баверкъ нисколько не думаетъ скрывать. „Преимущество капиталистическаго способа производства—говоритъ онъ на стр. 86—заключается въ большей технической производительности этого способа производства. При помощи одной и той же затраты первоначальныхъ производительныхъ силъ (труда и обладающихъ цѣнностью силъ природы) можно при помощи умно избраннаго капиталистическаго окольнаго пути производить блага въ большемъ количествѣ или лучшаго качества, чѣмъ можно было бы произвести путемъ непосредственнаго производства безъ капитала... Фактъ, что удлиненіе окольныхъ путей ведетъ къ избыточному продукту... давно уже отмѣченъ и признанъ нашей наукой, преимущественно, впрочемъ, въ иной формѣ, въ формѣ, свойственной жаргону „теоріи производительности“. Полнѣе всего отмѣтилъ этотъ фактъ въ свое время Тюненъ“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Бэмъ-Баверкъ въ нѣсколько иной (на мой взглядъ, только болѣе неясной) формѣ высказалъ вполне вѣрную мысль, что капиталъ увеличиваетъ производительность труда, т. е. количество производимыхъ продуктовъ. Но онъ прекрасно помнитъ, что онъ „доказалъ“ только техническую производительность капитала, и что ему нужно доказать производительность цѣнностную; а для того, чтобы доказать цѣнностную производительность, онъ долженъ доказать, что болѣе плодотворными способами производства являются болѣе продолжительные. И вотъ Бэмъ-Баверкъ рассуждаетъ: если увеличивается количество, или улучшается качество капитала, то увеличивается также и количество посредствующихъ процессовъ производства, направленныхъ на созиданіе этого капитала; каждый изъ этихъ процессовъ требуетъ для себя опредѣленнаго количества времени; слѣдовательно, къ конечной стадіи производства, направленной непосредственно на созиданіе желаннаго продукта, — продолжительность которой, правда, уменьшается—присоединяется время, затрачиваемое на посредствующіе процессы производства, почему въ результатѣ весь періодъ производства удлиняется. Такимъ образомъ, чѣмъ больше существующихъ средствъ производства мы затрачиваемъ на производство болѣе совершенныхъ средствъ производства (напримѣръ, чѣмъ больше физическій трудъ напра-

вляется на производство машинъ), тѣмъ продолжительнѣе становится процессъ производства въ цѣломъ; другими словами, болѣе продолжительные окольные пути производства явятся вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе плодотворными ¹⁾).

Какъ обстоитъ дѣло съ убѣдительностью этого хода доказательства?—Я вполне согласенъ съ Бэмъ-Баверкомъ, что съ увеличеніемъ количества или улучшеніемъ качества капитала увеличивается также и количество посредствующихъ процессовъ производства, направленныхъ на созиданіе этого капитала. Я согласенъ также, что каждый изъ посредствующихъ процессовъ производства требуетъ для себя опредѣленнаго количества времени. Но я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что въ результатѣ долженъ непремѣнно удлиниться весь процессъ производства въ цѣломъ. Бэмъ-Баверкъ здѣсь совершилъ довольно характерную ошибку: обращая всегда и всюду вниманіе на время и приписывая ему такіа значенія, какихъ оно на самомъ дѣлѣ не имѣетъ, онъ вдругъ упускаетъ его изъ вида тогда, когда на него слѣдовало обратить вниманіе, и когда оно дѣйствительно имѣетъ существенное значеніе. А именно, онъ совершенно упускаетъ изъ вида то время, въ теченіе котораго продолжается производство при помощи капитала ²⁾. Для того, чтобы разрѣшить вопросъ, дѣйствительно ли процессы производства съ большей затратой капитала являются и болѣе производительными, необходимо принять во вниманіе и то время, въ теченіе котораго существуетъ капиталъ. Если капиталъ существуетъ недолго, то можетъ оказаться, что производство при помощи капитала, хотя и будетъ продолжаться дольше, чѣмъ производство безъ капитала, но будетъ менѣе плодотворно; если капиталъ существуетъ долго, то возможно, что болѣе продолжительные способы производства будутъ болѣе плодотворными; наконецъ, капиталъ можетъ существовать какъ разъ столько времени, что производство при помощи капитала будетъ такъ же плодотворно, какъ и производство безъ капитала. Это лучше всего обнаружится на цифрахъ ³⁾. Положимъ, что человекъ при помощи вязальной машины можетъ изготовить въ день 3 пары чулокъ, между тѣмъ какъ ручной чулочникъ можетъ изготовить

¹⁾ Стр. 87 и слѣд. Первое свое положеніе Бэмъ-Баверкъ считаетъ „Vorteil“ капиталистическаго способа производ-тва, второе „Nachteil“ (стр. 86). Я долженъ замѣтить, что для „поясненія“ второго своего положенія Бэмъ-Баверкъ не приводитъ никакого примѣра (что вообще кажется страннымъ, въ особенности у Бэмъ-Баверка, который во всѣхъ другихъ случаяхъ очень щедръ въ этомъ отношеніи): «примѣры напрашиваются читателю сами собой»—говоритъ онъ какъ-бы въ свое оправданіе. Намъ, однако, приходится сожалѣть, что Бэмъ-Баверкъ не приводитъ примѣра, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы не замѣтить всей несостоятельности своего положенія.

²⁾ Странно, что ни одинъ изъ критиковъ Бэмъ-Баверка до сихъ поръ не обратилъ вниманія на этотъ недостатокъ въ его ходѣ мыслей.

³⁾ Всѣ числа въ приводимомъ мною примѣрѣ произвольны; это не имѣетъ существеннаго значенія, такъ какъ я хочу только показать на примѣрѣ, что нужно было обратить вниманіе и на время, въ теченіе котораго существуетъ капиталъ.

то же количество чулок и того же качества въ 6 дней. Положимъ далѣе, что машина можетъ просуществовать 10 лѣтъ и стоить 60 дней труда. Для того, чтобы вычислить, будетъ ли продолжаться дольше процессъ при помощи машины или безъ нея, мы, очевидно, должны принять во вниманіе и время, въ теченіе котораго можетъ существовать машина. Для изготовленія одной пары чулокъ при помощи машины нужна $\frac{1}{3}$ дня; амортизаціонная доля машины равна $\frac{60}{3 \cdot 600} = \frac{1}{60}$ дня. Слѣдовательно, производство одной пары при помощи машины продолжается $\frac{1}{3} + \frac{1}{60} = \frac{21}{60}$ дня. Безъ машины одну пару чулокъ изготовляютъ въ два дня (6:3). Въ нашемъ примѣрѣ, такимъ образомъ, производство при помощи машины, хотя и является болѣе выгоднымъ, но менѣе продолжительнымъ—выводъ, какъ разъ противоположный тому, который хотѣлъ сдѣлать Бэмъ-Баверкъ. Я не утверждаю, что такъ всегда происходитъ на самомъ дѣлѣ,—я хотѣлъ только показать, что противоположное явленіе не невозможно. На самомъ же дѣлѣ возможны три случая: изготовленіе машины+производство чулокъ при ея помощи въ теченіе опредѣленнаго времени (до амортизаціи машины) можетъ требовать или больше времени, чѣмъ вязаніе руками, или столько же времени, или же меньше времени. Если же кто-либо отдаетъ предпочтеніе одному изъ этихъ случаевъ, то онъ долженъ доказать, почему, тѣмъ болѣе, что и факты убѣждаютъ насъ въ противномъ¹⁾.

Кромѣ этой погрѣшности—необыкновенно крупной—Бэмъ-Баверкъ допускаетъ еще и другую. А именно, онъ упускаетъ изъ вида, что развитіе техники все больше и больше усиливаетъ производительность капитала, и что, благодаря этому, въ болѣе короткое время достигаются болѣе результаты. Я поясню это на его собственной таблицѣ, которую мы разсмотрѣли выше. Если мы одно и то же количество средствъ производства, напримеръ 30 рабочихъ дней, затратимъ на производство немедленно—въ 1888 году, то мы получимъ только 100 единицъ продукта; если же мы будемъ затрачивать это количество средствъ производства въ теченіе трехъ лѣтъ, то мы къ концу 1891 года получимъ не 100 единицъ, а, примѣрно, 350 единицъ, такъ какъ цѣнность средствъ производства съ каждымъ днемъ увеличивается. Если же мы опять къ концу 1891 года затратимъ немедленно то же количество средствъ производства, то цѣнность средствъ производства не въ состояніи увеличиться, и мы получимъ только 100 единицъ. Конечно, эти 100 единицъ къ концу 1891 года, т. е. „въ данный опредѣленный моментъ“, будутъ имѣть меньшую цѣнность, чѣмъ 350 единицъ къ концу 1891 г., производство которыхъ началось въ 1888 г.,—очевидно, цѣнность увеличивается. Но Бэмъ-Баверкъ не обратилъ здѣсь на одно вниманія. А развѣ производительность одного рабочаго дня всегда должна

1) См. Гобсонъ. Развитіе современнаго капитализма. Стр. 106 и слѣд.; Max Maria von Weber. Aus der Welt der Arbeit. Berlin 1907, стр. 22 и слѣд.; Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала. Томъ 2-ой, стр. 397 и слѣд.

оставаться одной и той же? Развѣ производительность рабочаго дня не можетъ увеличиться такъ, что, напримѣръ, къ концу 1891 года производительность одного дня будетъ въ 2, 3 или даже 10 разъ больше производительности одного рабочаго дня 1889 г.? Можетъ оказаться, что 30 рабочихъ дней, обладая большей производительностью, чѣмъ, напримѣръ, 80 дней, въ которые обратятся эти 30 къ концу трехъ лѣтъ, смогутъ создать также 350 единицъ, а, слѣдовательно, возможно, что къ началу „даннаго опредѣленнаго момента“ при помощи одного и того же количества средствъ существованія, имѣющагося налицо въ различные моменты времени, мы сможемъ произвести одинаковое количество продуктовъ, которые будутъ имѣть и одинаковую цѣнность¹⁾. А разъ падаетъ положеніе, что средства производства, находящіяся въ нашемъ распоряженіи въ болѣе ранній періодъ времени, могутъ создать и большее количество продуктовъ, то падаетъ, очевидно, и основное положеніе Бэмъ-Баверка, что настоящія средства производства имѣютъ по техническимъ причинамъ большую цѣнность, чѣмъ будущія средства производства.

А предметы потребленія? Не дѣйствуетъ ли эта причина при ихъ оцѣнкѣ? И на этотъ вопросъ мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Правда, распоряженіе извѣстнымъ количествомъ настоящихъ предметовъ потребленія даетъ намъ возможность лучше пользоваться средствами производства, находящимися въ нашемъ распоряженіи въ данный моментъ, т. е. даетъ намъ возможность предпринять болѣе продолжительные процессы производства. Но является ли это основаніемъ для высшей оцѣнки таковыхъ? Такъ обстоитъ бы дѣло, если бы болѣе продолжительные процессы производства были и болѣе плодотворными. На самомъ же дѣлѣ это, какъ мы видѣли, далеко не такъ, и поэтому техническія причины высшей оцѣнки настоящихъ предметовъ потребленія по сравненію съ будущими—это не что иное, какъ плодъ фантазіи Бэмъ-Баверка.

III.

Мы ознакомились теперь со всѣми доводами Бэмъ-Баверка, долженствующими доказать положеніе, что блага, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, по общему правилу имѣютъ для насъ большую цѣнность, чѣмъ однородныя блага въ будущемъ, и убѣдились въ полной его несостоятельности²⁾. Вмѣстѣ.

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ (The positive theory of capital. Quarterly Journal of Economics, выпускъ X, стр. 125—128) Бэмъ-Баверкъ признаетъ, что «когда являются новыя изобрѣтенія, то въ меньшее время дѣйствительно достигаются болѣе результаты». «Но такія изобрѣтенія—говорить онъ—имѣютъ мѣсто рѣдко, и большинство ихъ не имѣетъ такого характера». Насколько это вѣрно, я предоставляю судить самому читателю.

²⁾ Я долженъ здѣсь выразительно подчеркнуть, что я нисколько не отрицаю самаго факта высшей оцѣнки настоящихъ благъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что мы цѣнимъ блага, находящіяся въ нашемъ распоряженіи въ настоящее время, выше, чѣмъ такія же блага въ буду-

съ этимъ положеніемъ падаютъ также и тѣ выводы, которые Бэмъ-Баверкъ дѣлаетъ на основаніи такового. Я могъ бы поэтому не разсматривать уже примѣненія его въ отдѣльныхъ случаяхъ. Однако, чтобы нагляднѣе доказать несостоятельность теоріи Бэмъ-Баверка, я хочу еще остановиться и на отдѣльныхъ видахъ дохода и показать, какія грубыя ошибки допускаетъ Бэмъ-Баверкъ при объясненіи таковыхъ.

1. Ссудный процентъ. Ссуда—говоритъ Бэмъ-Баверкъ—это не что иное, какъ обмѣнъ настоящихъ благъ на будущія. Займодавецъ отдаетъ займы извѣстную сумму благъ настоящихъ и получаетъ въ обмѣнъ извѣстную сумму такихъ же будущихъ благъ. Но такъ какъ блага настоящаго имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ блага будущаго, то должникъ долженъ дать въ обмѣнъ за настоящія блага большую сумму будущихъ благъ; разность между количествомъ благъ отдаваемыхъ и получаемыхъ и составляетъ процентъ на капиталъ. Противъ первой части этого разсужденія нельзя ничего возразить; да она и не представляетъ собою ничего новаго—она является общимъ мѣстомъ въ каждомъ учебникѣ политической экономіи. Совершенно иначе обстоитъ дѣло со второй частью. Она далеко не представляетъ собою такой абсолютной истины. Мы видѣли, что далеко не всѣ люди въ силу психологическихъ причинъ цѣнятъ настоящія блага выше будущихъ, а причинъ техническихъ такой оцѣнки нѣтъ, по крайней мѣрѣ Бэмъ-Баверкъ ихъ не доказалъ. Но если даже допустить, что основное его положеніе вѣрно, то все же примѣненіе его для объясненія ссуднаго процента въ томъ видѣ, въ какомъ это дѣлаетъ Бэмъ-Баверкъ, приводитъ къ такимъ послѣдствіямъ, несостоятельность которыхъ въ настоящее время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Дѣло въ слѣдующемъ:

По Бэмъ-Баверку ссудный процентъ является самостоятельнымъ видомъ дохода, не находящимся ни въ какой связи съ первичнымъ процентомъ на капиталъ и требующимъ поэтому самостоятельнаго объясненія. Это безусловно невѣрно: ссудный процентъ—и Бэмъ-Баверкъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ это выразительно подчеркиваетъ—можетъ существовать только тогда, если существуетъ первичный процентъ на капиталъ; безъ послѣдняго немислимъ и первый ²⁾. Слѣдовательно, объясненіе ссуднаго процента должно быть поставлено въ тѣсную зависимость отъ

щемъ, но только не по тѣмъ причинамъ, которыя выставляетъ Бэмъ-Баверкъ. Мы цѣнимъ настоящія блага выше будущихъ именно потому, что существуетъ процентъ: процентъ является не слѣдствіемъ высшей оцѣнки настоящихъ благъ по сравненію съ будущими, а причиною. Ср. Andreas Voigt. *Produktion und Erwerb.* (Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. Tübingen 1893), стр. 25—26; Wieser. *Der natürliche Wert.* Wien 1889, стр. 138; Stolzmann. *Die sociale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre.* Berlin 1895, стр. 324.

¹⁾ Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien; стр. 134. Въ томъ же духѣ ояъ высказывается и чаще.

²⁾ Я врядъ ли долженъ оговориться, что рѣчь идетъ здѣсь о капиталистическомъ хозяйствѣ; въ некапиталистическомъ хозяйствѣ ссудный процентъ можетъ существовать независимо отъ первичнаго.

первичнаго процента: ссудный процентъ можетъ быть удовлетворительно объясненъ—посредствомъ дополнительнаго доказательства—только тогда, если будетъ удовлетворительно объясненъ первичный процентъ. Ничего подобнаго мы не видимъ у Бэмъ-Баверка. На основаніи его теоріи, ссудный процентъ можетъ существовать и можетъ быть объясненъ даже въ томъ случаѣ, если бы первичнаго процента на капиталъ совершенно не существовало,—необходимо только теченіе времени, различіе въ оцѣнкѣ настоящаго и будущаго. Человѣкъ отдаетъ настоящія блага и получаетъ взамѣнъ будущія блага, которыя по настоящей оцѣнкѣ обладаютъ меньшей цѣнностью, чѣмъ блага настоящаго. Я думаю, никто не станетъ отрицать того, что такая оцѣнка не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, существуетъ ли первичный процентъ на капиталъ или нѣтъ. Но что же въ такомъ случаѣ получается? Получается пресловутая ошибка Ричарда Прайса. Стоитъ положить опредѣленное количество денегъ въ банкъ, не трогать ихъ, и онѣ съ теченіемъ времени обратятся въ неизмѣримыя богатства—въ самомъ дѣлѣ, вѣдь будущій гульдентъ постоянно обращается въ гульдентъ настоящаго, а этого достаточно для того, чтобы получать процентъ. Намъ приходится поэтому возразить Бэмъ-Баверку то же, что въ свое время возразили Прайсу: способность капитала къ возрастанію не есть естественная способность, зависящая только отъ времени,—она есть продуктъ опредѣленныхъ социальныхъ и экономическихъ отношеній. Ссудный процентъ долженъ быть поэтому поставленъ въ связь съ этими отношеніями. Бэмъ-Баверкъ же это упускаетъ изъ вида.—

Я долженъ, однако, замѣтить, что для тѣхъ людей, которые дѣйствительно склонны по психологическимъ причинамъ цѣнить настоящія блага выше будущихъ (а я не отрицаю, что такіе люди всегда найдутся), этотъ мотивъ имѣетъ значеніе не самостоятельной причины процента на капиталъ, а привходящей причины. Такъ оно обстоитъ въ потребительномъ кредитѣ, въ томъ случаѣ, если кредитъ даетъ возможность осуществить изобрѣтеніе большой производительности и т. п.

2. Предпринимательскій доходъ на капиталъ. Объясненію предпринимательскаго дохода на капиталъ Бэмъ-Баверкъ посвящаетъ гораздо больше мѣста, чѣмъ объясненію другихъ видовъ дохода на капиталъ. Онъ не ограничивается при этомъ одними только отвлеченными разсужденіями, а поясняетъ ихъ „фактами дѣйствительности“, придаетъ имъ „формы и краски“. Мы послѣдуемъ за Бэмъ-Баверкомъ во всѣхъ его разсужденіяхъ и постараемся подвергнуть ихъ критическому анализу.

По Бэмъ-Баверку первичный процентъ появляется „въ процессѣ постояннаго созрѣванія цѣнностей товара“, „онъ растетъ въ рукахъ предпринимателя“. Что же это значитъ? Какъ это и откуда появляется процентъ „въ процессѣ постояннаго созрѣванія цѣнностей товара“? Какъ это и откуда растетъ онъ въ рукахъ предпринимателя? Неужели предприниматель или, въ частности, его руки обладаютъ силою производить процентъ? Изъ

ничего онъ процента не сдѣлаетъ, какъ бы долго онъ ни сидѣлъ „сложая руки“; одного теченія времени недостаточно для того, чтобы получить процентъ. Впрочемъ, для первичнаго процента это сознаетъ самъ Бэмъ-Баверкъ. „Конечно — говорить онъ—одного теченія времени недостаточно для того, чтобы сдѣлать изъ будущаго товара настоящій. И блага не должны оставаться неподвижными. Они должны со своей стороны перейти пропасть, отдѣляющую ихъ отъ настоящаго, а этотъ переходъ совершается посредствомъ производства, которое превращаетъ ихъ изъ благъ отдаленнаго порядка въ созрѣвшіе для потребленія окончательные продукты“. Не надо особенной проницательности, чтобы замѣтить, что блага вообще, а, слѣдовательно, и тѣ, которыя служатъ прибылью на капиталъ, создаются производствомъ, т. е. искуснымъ примѣненіемъ услугъ земли (Bodeunutzleistungen, какъ называется ихъ Бэмъ-Баверкъ ¹⁾), человеческого труда и капитала, или, если разсматривать капиталъ какъ совокупность услугъ труда и земли, искуснымъ примѣненіемъ услугъ земли и человеческого труда. Но этого еще недостаточно для объясненія первичнаго процента—и Бэмъ-Баверкъ это прекрасно помнить. Вѣдь блага, созданныя при помощи опредѣленнаго количества услугъ земли и труда, могутъ имѣть какъ разъ ту же цѣнность и—что въ результатѣ одно и то же—ту же рыночную цѣну, что и овещественныя въ нихъ услуги труда и земли. И вотъ Бэмъ-Баверкъ старается доказать, что услуги земли и труда имѣютъ меньшую цѣнность, а, слѣдовательно, и меньшую рыночную цѣну, чѣмъ будущіе продукты, созданныя при ихъ помощи. Съ этой цѣлью онъ подвергаетъ анализу условія образованія цѣны услугъ земли и труда.

Сначала Бэмъ-Баверкъ обращается къ анализу условій образованія цѣны труда. „Положимъ, —говоритъ онъ ²⁾—что, при существующихъ въ настоящее время способахъ производства, для изготовленія какого-либо вполнѣ созрѣваго продукта потребуется періодъ времени въ два года. Положимъ далѣе, что техническая производительность этого способа производства такова, что путемъ затраги одной рабочей недѣли можно произвести продуктъ цѣнностью въ 10 гульденовъ. Тотъ же продуктъ можно было бы также произвести и при помощи болѣе короткаго способа производства, но зато и результаты были бы менѣе благоприятны. При трехмѣсячномъ процессѣ производства техническій результатъ уменьшился бы вдвое, т. е. равнялся бы 5 гульденамъ, при производствѣ безъ капитала, дающемъ результаты немедленно, уменьшился бы вчетверо, т. е. равнялся бы 2½ гульд. По поводу цѣны товара „трудъ“, необходимаго для производства, происходитъ торгъ между предпринимателемъ и рабочимъ. Цѣна, какъ извѣстно, является равнодѣйствующей субъективныхъ оцѣнокъ обѣихъ сторонъ. Какъ же обстоитъ дѣло съ этими послѣдними?

¹⁾ Positive Theorie, стр. 329.

²⁾ Стр. 330 и слѣд.

Такъ, какъ сложились отношенія въ современномъ народномъ хозяйствѣ, рабочіе почти никогда не имѣютъ достаточно средствъ, чтобы употребить свой трудъ на болѣе продолжительное производство. Передъ ними стоитъ поэтому слѣдующая альтернатива: или продать свой трудъ или же употребить таковой за свой собственный счетъ на непродолжительные и непроизводительные процессы, такъ какъ, при тѣхъ скудныхъ средствахъ, которые находятся въ ихъ распоряженіи, они могутъ избрать только такіе способы производства. Естественно, что они выберутъ то, что для нихъ болѣе выгодно. Тѣ рабочіе, слѣдовательно, которые достаточно состоятельны, чтобы предпринять за собственный счетъ, по крайней мѣрѣ, трехмѣсячный процессъ производства съ выручкой въ 5 гульденовъ въ недѣлю, предпочтутъ при всякой цѣнѣ труда, превышающей 5 гульд., продать свой трудъ, при всякой цѣнѣ труда, не доходящей до 5 гульд., употребить его за свой собственный счетъ; тѣ же рабочіе, которые совершенно не имѣютъ средствъ, которые могутъ предпринять за свой собственный счетъ только моментальное производство безъ капитала съ выручкой въ $2\frac{1}{2}$ гульд. въ недѣлю, предпочтутъ опустить цѣну своего труда до $2\frac{1}{2}$ гульд. въ недѣлю. Такъ какъ рабочіе, не имѣющіе никакихъ средствъ, составляютъ въ настоящее время, къ сожалѣнію, большинство, то мы можемъ въ нашемъ примѣрѣ допустить, что „предложеніе“ труда будетъ представлено очень большимъ количествомъ рабочихъ, которые цѣнятъ рабочую недѣлю, въ худшемъ случаѣ, въ $2\frac{1}{2}$ гульд., и меньшимъ количествомъ рабочихъ, которые, въ худшемъ случаѣ, готовы продать рабочую недѣлю за 5 настоящихъ гульденовъ“. Однимъ словомъ, рабочіе не въ состояніи самостоятельно утилизировать свою рабочую силу, не въ состояніи дожидаться тѣхъ результатовъ, которые получатся изъ ихъ труда въ будущемъ,— вслѣдствіе своего стѣсненнаго положенія они вынуждены субъективно цѣнить свою рабочую силу ниже, чѣмъ сколько будутъ стоить произведенные при ея помощи продукты: въ приведенномъ примѣрѣ для большинства рабочихъ ихъ рабочія силы имѣютъ цѣнность въ $2\frac{1}{2}$ гульдена, между тѣмъ какъ предприниматель получаетъ при ихъ помощи при двухлѣтнемъ процессѣ производства 10 гульденовъ.

А капиталисты - предприниматели? Какую же цѣнность имѣетъ рабочая сила для нихъ?

Оцѣнка предпринимателями покупаемаго труда болѣе опредѣленна, такъ какъ они имѣютъ въ виду болѣе опредѣленное примѣненіе блага „трудъ“, допускающаго различныя примѣненія, а именно то производительное примѣненіе, которое какъ разъ имѣетъ мѣсто въ ихъ предпріятіи. Съ ихъ точки зрѣнія поэтому рабочая недѣля, которую они желаютъ пріобрѣсти для капиталистическаго производства, имѣетъ ровно такую же цѣнность, какъ и продуктъ, который будетъ созданъ при помощи этого труда въ данномъ капиталистическомъ производствѣ, т. е., по нашему предположенію, цѣнность въ 10 гульденовъ по истеченіи двухъ лѣтъ. Но эти 10 гульденовъ, которые будутъ находиться

въ ихъ распоряженіи по истеченіи двухъ лѣтъ, имѣютъ для нихъ— въ силу техническихъ причинъ высшей оцѣнки настоящихъ благъ по сравненію съ будущими ¹⁾—меньшую цѣнность, чѣмъ та, которую они имѣли бы, если бы были налицо уже въ настоящій моментъ. Значитъ, и капиталисты цѣнятъ рабочую силу ниже, чѣмъ тѣ продукты, которые будутъ произведены при ея помощи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, какъ рабочіе, такъ и капиталисты субъективно цѣнятъ рабочую силу ниже, чѣмъ тѣ будущіе продукты, которые будутъ произведены при ея помощи, а поэтому и объективная цѣнность (а, слѣдовательно, и цѣна) рабочей силы будетъ меньше, чѣмъ объективная цѣнность (и цѣна) созданныхъ при ея помощи продуктовъ.

Затѣмъ Бэмъ-Баверкъ переходитъ къ изслѣдованію условій образованія цѣнъ услугъ земли.

„Нѣчто аналогичное—говоритъ онъ—какъ для цѣны средства производства „трудъ“ имѣетъ мѣсто и для первоначальнаго средства производства „природа“, т. е. для полезныхъ дѣйствій земли, обладающихъ хозяйственнымъ характеромъ, или, если разсматривать вмѣсто цѣлаго важнѣйшій случай, для пользованій почвой. Пользованіе почвой, которое—послѣ вычета участія содѣйствующихъ комплементарныхъ производительныхъ благъ—приноситъ 100 мѣръ хлѣба въ годъ или, будучи примененнымъ въ скотоводствѣ, производить въ 5 лѣтъ 100 центнеровъ мяса, никто не захочетъ обмѣнять a l'ragé на 100 настоящихъ мѣръ или 100 настоящихъ центнеровъ, такъ какъ онъ можетъ пріобрѣсти больше, чѣмъ 100 будущихъ мѣръ или центнеровъ, если онъ употребитъ таковое для удлиненія процесса производства, для непосредственнаго обмѣна на блага будущаго на сеудномъ рынкѣ или для покупки труда. Пользованія почвой не могутъ, такимъ образомъ, избѣжать въ обмѣнѣ уменьшенія цѣнъ такъ же, какъ и производительное благо трудъ.

Какъ же обстоитъ дѣло съ убѣдительностью этихъ разсужденій?

Остановимся прежде всего на „субъективной оцѣнкѣ блага „трудъ“ самимъ рабочимъ“. Уже самая постановка этого вопроса кажется мнѣ необыкновенно странной: „какую цѣнность имѣетъ благо „рабочая сила“ для самого рабочаго“? Я думалъ бы, что въ настоящее время уже никто не сомнѣвается въ томъ, что для рабочихъ рабочая сила не является благомъ, что она не имѣетъ для нихъ никакой субъективной цѣнности, разъ рабочіе самостоятельно, безъ помощи капиталистовъ, не могутъ найти для нея никакого примѣненія. Да и не только въ настоящее время. Уже Тюрго сто лѣтъ тому назадъ было извѣстно, что „простой рабочій, не имѣющій ничего,

¹⁾ При изложеніи этого объясненія Бэмъ Баверкъ оговаривается, что по отношенію къ капиталистамъ первыя двѣ причины высшей оцѣнки настоящихъ благъ по сравненію съ будущими не имѣютъ никакого значенія. Стр. 332. Въ томъ же духѣ стр. 409.

кромѣ своихъ рукъ, не имѣеть ровно ничего, если ему не удастся продать свой трудъ“. А между тѣмъ Бэмъ-Баверкъ вполне серьезно заявляетъ, что „рабочіе, которые совершенно не имѣютъ средствъ, которые могутъ предпринять за свой собственный счетъ только моментальное производство безъ капитала съ выручкой въ два съ половиной гульдена, будутъ цѣнить свою рабочую силу во всякомъ случаѣ не ниже двухъ съ половиной гульденовъ“. Неужели рабочіе, не имѣющіе средствъ, могутъ предпринять за свой собственный счетъ производство безъ капитала? Неужели передъ ними стоятъ альтернатива: „или продать свой трудъ или же употребить его за свой собственный счетъ на непродолжительные и непроеводительные процессы“?

Эти слова непростительны, особенно въ устахъ теоретика предѣльной полезности. Въ самомъ дѣлѣ, цѣнность труда, какъ цѣнность всѣхъ средствъ производства, опредѣляется цѣнностью благъ, которыя можно изготовить съ помощью этого труда. Если потому рабочая сила не находитъ себѣ примѣненія—а, слѣдовательно, не можетъ содѣйствовать производству продуктовъ,—то она не имѣеть никакой цѣнности. Утверждать же, что рабочая сила всегда находитъ себѣ примѣненіе, врядъ ли кто-нибудь станетъ. Рабочій долженъ цѣнить рабочую силу такъ, какъ этого хочетъ капиталистъ, ибо онъ лишень возможности самостоятельно утилизировать свой трудъ—его оцѣнка не можетъ имѣть опредѣленной величины. Да и самъ Бэмъ-Баверкъ былъ недалекъ отъ этого вывода. Въ самомъ дѣлѣ, на стр. 409 онъ говоритъ: „Рабочіе настойчиво нуждаются въ настоящихъ благахъ и за свой собственный счетъ не могутъ предпринять ничего или почти ничего; они, слѣдовательно, всѣ до одинаго предпочтутъ продавать свой трудъ дешево, чѣмъ совершенно его не продавать“. Отсюда только одинъ шагъ къ нашему выводу—разъ рабочій ничего не можетъ предпринять за собственный счетъ, то очевидно, что онъ субъективно цѣнитъ свою рабочую силу въ нуль. Такимъ образомъ, изъ элементовъ, опредѣляющихъ цѣну труда, нужно исключить субъективную оцѣнку труда рабочими.

Что касается субъективной оцѣнки труда предпринимателями, то эта оцѣнка дѣйствительно „болѣе опредѣленна“. Бэмъ-Баверкъ утверждаетъ, что капиталисты—въ силу техническихъ причинъ высшей оцѣнки настоящихъ благъ по сравненію съ будущими—цѣнятъ въ настоящемъ рабочую силу ниже, чѣмъ будутъ цѣнить ту же рабочую силу, воплощенную въ продуктѣ. Какъ я уже указалъ выше, никакихъ такихъ причинъ высшей оцѣнки не существуетъ. Но если даже допустить—какъ это мы дѣлали при разсмотрѣніи ссуднаго процента на капиталъ,—что Бэмъ-Баверкъ правъ, что такія техническія причины дѣйствительно существуютъ, то все же, я думаю, нельзя притти къ тому выводу, къ которому пришелъ Бэмъ-Баверкъ. Даже болѣе—расуждая логично, мы должны притти какъ разъ къ противоположному выводу. Я постараюсь это доказать.

Какъ извѣстно, Бэмъ-Баверкъ утверждаетъ, что благо (неза-

висно отъ того, является ли оно средствомъ производства или предметомъ потребления), находящееся въ нашемъ распоряженіи теперь, имѣетъ для насъ большую цѣнность, чѣмъ благо, которымъ мы будемъ располагать въ будущемъ, такъ какъ при помощи существующаго блага мы можемъ предпринять болѣе продолжительные, а, значитъ, и болѣе плодотворные процессы производства. Следовательно, для того, чтобы извѣстное благо, находящееся въ нашемъ распоряженіи теперь, имѣло большую цѣнность, чѣмъ такое же благо въ будущемъ, необходимо, чтобы предприниматель могъ немедленно затратить его на производство. При современныхъ условіяхъ предприниматель можетъ затратить имѣющіяся налицо блага на производство только тогда, если онъ обмѣняетъ таковыя или же часть ихъ на средства производства, т. е. на услуги труда и земли. Если же ему не удастся обмѣнять эти блага на средства производства, то эти блага не будутъ имѣть болѣе высокой цѣнности, чѣмъ такія же блага въ будущемъ, а будутъ имѣть такую же или даже меньшую цѣнность, такъ какъ они съ теченіемъ времени могутъ испортиться. Такимъ образомъ, капиталистъ долженъ бы цѣнить услуги труда и земли по повышенной, а не по пониженной цѣнности, такъ какъ онъ спасаетъ его блага отъ уничтоженія. Только тотъ „капиталистъ“, который трудится лично и не нуждается въ обмѣнѣ своихъ настоящихъ благъ ни на трудъ ни на услуги земли, будетъ цѣнить—въ силу техническихъ причинъ—настоящія блага выше будущихъ. Такихъ капиталистовъ, однако, очень мало ¹⁾).

Не лучше обстоятъ дѣло и съ оцѣнкой услугъ земли. Вэмъ-Баверкъ заявляетъ, что оцѣнка труда аналогична оцѣнкѣ услугъ земли. Мы, со своей стороны, находимъ, что ошибки, допускаемыя имъ при оцѣнкѣ труда, аналогичны ошибкамъ, допускаемымъ имъ при оцѣнкѣ услугъ земли. Поэтому все, что было сказано по поводу оцѣнки труда, *mutatis mutandis* относится и къ оцѣнкѣ услугъ земли: землевладѣлецъ будетъ цѣнить находящіяся въ его распоряженіи услуги земли (будущій товаръ) ниже, чѣмъ такія же услуги, воплощенныя въ продуктъ (настоящій товаръ), только въ томъ случаѣ, если онъ сможетъ утилизировать таковыя, другими словами, если ему удастся ихъ обмѣнять на услуги труда или на потребительныя блага; если же ему не удастся это сдѣлать, то онъ не только не будетъ цѣнить находящихся въ его распоряженіи услугъ земли по повышенной цѣнности, а, напротивъ, будетъ ихъ цѣнить по пониженной, такъ какъ онъ могутъ у него пропасть, не найдя себѣ никакого производительнаго примѣненія. То же можно сказать и о предпринимателѣ, покупающемъ услуги земли. И онъ долженъ бы цѣнить услуги земли, которыя онъ можетъ приобрести не-

¹⁾ Я долженъ замѣтить, что Вэмъ-Баверкъ не остается вѣрнымъ своей „теоріи“ до конца. Во главѣ „Allgemeiner Substanzmittelmarkt“ онъ считаетъ причиной низкой оцѣнки труда не вліяніе времени на его оцѣнку, а превышеніе предложенія труда надъ спросомъ.

медленно, выше, чѣмъ тѣ же услуги, овеществленные въ продуктѣ, потому что онѣ спасаютъ его потребительныя блага (а также и услуги труда) отъ порчи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что утверждение Бэмъ-Баверка, будто бы услуги труда и земли (какъ таковыя) имѣютъ меньшую цѣнность, чѣмъ тѣ же услуги труда и земли, воплощенные въ продуктѣ, несостоятельно, а, слѣдовательно, несостоятельно также и его объясненіе первичнаго процента на капиталъ ¹⁾.

3. Процентъ на дѣящіяся блага такъ же, какъ и ссудный и первичный проценты, объясняется различіемъ въ оцѣнкѣ настоящихъ и будущихъ благъ. Благами въ этомъ случаѣ являются только отдѣльныя полезныя дѣйствія, изъ которыхъ состоитъ пользованіе благомъ. Болѣе раннія (настоящія) полевныя дѣйствія имѣютъ большую цѣнность, чѣмъ болѣе позднія (будущія); разность между цѣнностями и является процентомъ. По отношенію къ этому виду процента на капиталъ мы можемъ сказать то же, что мы сказали уже по поводу первыхъ двухъ: такъ какъ основное положеніе Бэмъ-Баверка о высшей оцѣнкѣ настоящихъ благъ по сравненію съ будущими ничѣмъ не обосновано, то не обосновано также и покоящееся на немъ объясненіе процента на дѣящіяся блага.

А объясненіе земельной ренты?

„Рента—говоритъ Бэмъ-Баверкъ—не представляетъ собою ничего иного, какъ специальный видъ капитальной ренты на дѣящіяся блага“. Такъ какъ теорія Бэмъ-Баверка не даетъ удовлетворительнаго объясненія „капитальной ренты на дѣящіяся блага“, то она не въ состояніи дать также объясненія и „спеціального вида“. Я хочу, однако, обратить еще вниманіе на слѣдующее:

При объясненіи источника земельной ренты, Бэмъ-Баверкъ подчеркиваетъ, что онъ даетъ только объясненіе источника земельной ренты, какъ чистаго, а не какъ валового дохода. Объясненіе ренты, какъ валового дохода, дано уже Рикардо, объясненія же ренты, какъ чистаго дохода, до Бэмъ - Баверка никто не давалъ. Это безусловно невѣрно: теорія Рикардо даетъ намъ объясненіе земельной ренты и какъ валового, и какъ чистаго дохода. Если же она и не ввела особаго термина „чистой земельной ренты“ и не даетъ особаго объясненія земельной ренты, какъ чистаго дохода, то это только потому, что чистая земельная рента не представляетъ собою предмета особой, самостоятельной проблемы: она совпадаетъ съ валовой. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою земельная рента, какъ чистый доходъ? Она представляетъ собою валовую земельную ренту минусъ соответствующую амортизаціонную долю земли. А такъ какъ амортизаціонная доля земли—въ виду вѣчности ея существованія—равна нулю, то

¹⁾ Я думаю, что я врядъ ли долженъ оговориться, что я нисколько этимъ не отрицаю самого факта покуски капиталистами услугъ труда и земли по пониженной цѣнности; причины такой оцѣнки лежатъ только въ совершенно иной плоскости.

чистая рента совпадает съ валовой. Этотъ выводъ настолько очевиденъ, что его можно формально и не выводить. А между тѣмъ Бэмъ-Баверкъ дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ этого. Объяснить ренту, какъ чистый доходъ, можетъ-де только его „теорія“.

Мы разсмотрѣли теорію прибыли Бэмъ-Баверка во всѣхъ ея деталяхъ и убѣдились въ полной ея несостоятельности. Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы еще показать, что теорія эта не представляетъ собой никакой новой попытки объясненія дохода на капиталъ, какъ это полагаетъ Бэмъ-Баверкъ, а что подъ новой формой, новыми словами скрываются старыя ошибки.

Критики теоріи Бэмъ-Баверка считаютъ ее то видоизмѣненіемъ теоріи воздержанія¹⁾, то видоизмѣненіемъ теоріи производительности²⁾. И тѣ и другіе правы, но и тѣ и другіе односторонни: теорія Бэмъ Баверка содержитъ въ себѣ элементы, какъ той, такъ и другой теоріи. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собой основное положеніе Бэмъ-Баверка? Оно представляетъ собою не что иное, какъ видоизмѣненный элементъ теоріи воздержанія: будущія или ожидаемая блага имѣютъ для насъ меньшую цѣнность, чѣмъ настоящія; ожидаемая блага приобрѣтаютъ повышенную цѣнность по мѣрѣ того, какъ они обращаются въ блага дѣйствительныя, настоящія. Слѣдовательно, повышенная цѣнность есть результатъ выжиданія, которое, какъ это лучше всего доказалъ самъ Бэмъ-Баверкъ³⁾, не что иное, какъ воздержаніе. Для доказательства этого своего положенія Бэмъ-Баверкъ приводитъ три причины, изъ которыхъ первыя двѣ носятъ психологическій характеръ, третья же—техническая—представляетъ собою не что иное, какъ ссылку на старый законъ физической производительности капитала. Правда, Бэмъ-Баверкъ дѣлаетъ попытку показать, что съ физической производительностью капитала тѣсно связана и производительность цѣнностная, но эта попытка, какъ мы видѣли, не состоятельна.

Такимъ образомъ мы видимъ, что „оригинальная“ теорія Бэмъ-Баверка представляетъ собою не что иное, какъ эклектическую смѣсь теорій воздержанія и производительности⁴⁾. Правда, въ первомъ томѣ Бэмъ-Баверкъ потратилъ много труда и мѣста для опроверженія этихъ теорій, но это ему несколько не мѣшаетъ вернуться къ нимъ, нѣсколько видоизмѣнивъ ихъ форму. Видно—la critique est aisée, mais l'art est difficile.

¹⁾ Напр., Мэкферленъ (Value and distribution; стр. 230 и сл.), Карверъ (The place of abstinence in the theory of interest, Quarterly Journal of Economics, выпускъ VIII, стр. 44), Исаевъ (Начала политической экономіи. С.-Петербургъ, 1894 года; стр. 236).

²⁾ Напр., Цирсонъ (Economist, мартъ, 1889 года; стр. 217), М. И. Туганъ-Барановскій (Теоретическія основы марксизма, 3-ье изд. 1906 года; стр. 189), Борткевичъ. (Der Kardinalfehler der Böhm-Bawerkschen Zins-theorie. Schmollers Jahrbuch 1906).

³⁾ Geschichte und Kritik. Стр. 619 и сл.

⁴⁾ Да и самъ Бэмъ-Баверкъ признаетъ, что „каждая изъ этихъ теорій заключаетъ въ себѣ зерно истины“. „Ни одна безпристрастный

— На предыдущихъ страницахъ мнѣ приходилось отмѣчать преимущественно—если не исключительно—недостатки теоріи Бэмъ-Баверга. Я долженъ, однако, замѣтить, что я признаю за нимъ также весьма крупныя заслуги въ дѣлѣ развитія экономической теоріи; къ сожалѣнію, однако, изложеніе этихъ заслугъ выходитъ за предѣлы настоящей моей работы.

Л. Форбертъ.

ислѣдователь—говоритъ онъ въ главѣ объ эклектикахъ (Geschichte und Kritik, стр. 560), а затѣмъ повторяетъ и въ предисловіи ко второму изданію (стр. XIV)—не могъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что существованіе процента все же должно находиться въ какой-то связи съ большей производительностью капиталистическаго производства, или, какъ выражались, съ „производительностью капитала“. Но такъ же вѣдь было „отрицать и того, что лишенія, которыхъ обыкновенно стоятъ сбереженія, не могутъ остаться безъ вліянія на происхожденіе и величину процента на капиталъ“. Еще категоричнѣе онъ высказываетъ тотъ же взглядъ въ приложеніи ко второму изданію „Geschichte und Kritik“ на 624 стр. „Я совершенно согласенъ съ проф. Маршаллемъ—говоритъ здѣсь Бэмъ-Баверкъ—что, какъ „prospectiveness“, такъ и „productiveness“ капитала имѣетъ нѣчто общее съ объясненіемъ процента“.

Нравственное міровоззрѣніе Достоевскаго.

Изъ всѣхъ русскихъ писателей Достоевскій всего болѣе писатель будущаго. При жизни онъ почти не былъ понятъ; въ немъ видѣли талантливаго романиста, цѣнили его защиту „униженныхъ и оскорбленныхъ“, но совершенно не подозрѣвали геніальнаго мыслителя. Для многихъ онъ до конца жизни былъ только „жестокимъ талантомъ“ и публицистомъ славянофильско-реакціоннаго направленія. Первые произведенія Достоевскаго, въ которыхъ его міровоззрѣніе только складывалось и которыя намъ кажутся теперь совершенно ничтожными сравнительно съ тѣмъ, что онъ далъ внослѣдствіи, имѣли шумный успѣхъ, за которымъ послѣдовало быстрое охлажденіе къ писателю какъ со стороны публики, такъ и со стороны такихъ руководителей общественнаго мнѣнія, какъ Бѣлинскій и его кружокъ. Затѣмъ его популярность, какъ романиста, стала расти, при полномъ, однако, игнорированіи болѣе глубокаго содержанія его грандіозныхъ романовъ. Въ „Преступленія и наказанія“ замѣтили только „гуманную мысль“ — что преступникъ не всегда бываетъ злодѣемъ; „Идіотъ“ былъ совершенно непонятъ и почти незамѣченъ, а „Бѣсы“ вызвали негодованіе, какъ пасквиль на либераловъ и революціонеровъ. И только къ самому концу жизни Достоевскаго русская интеллигенція какъ бы противъ воли и бессознательно начинаетъ все болѣе и болѣе подчиняться очарованію великаго писателя, какъ показалъ единственный въ своемъ родѣ и безпримѣрный въ Россіи успѣхъ его пушкинскій рѣчи, внезапно выросшей въ цѣлое событіе: геній, хотя и на мигновеніе, но покорила таки толпу — даже такую косную толпу, какъ та, съ которой онъ имѣлъ дѣло.

Въ наше время Достоевскій все болѣе и болѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе. Но его всемірно-историческое значеніе еще мало сознается; у насъ его едва начинаютъ понимать, а на Западѣ онъ болѣе возбуждаетъ любопытства, чѣмъ дѣйствительнаго и глубокаго интереса. А между тѣмъ, если за послѣдніе пол-

вѣка былъ писатель, въ равной степени необходимый и важный для всякаго современнаго человѣка, какой бы національности онъ ни былъ, то это именно творецъ „Братьевъ Карамазовыхъ“. Не смотря на свою необычайно тѣсную связь съ Россіей, Достоевскій такъ же мало принадлежитъ только Россіи, какъ Шекспиръ Англій или Гете Германіи. Въ этомъ смыслѣ онъ весь еще въ будущемъ; и быть можетъ еще пройдетъ много десятилѣтій раньше, чѣмъ цивилизованный міръ откроетъ Достоевскаго, узнаетъ, пойметъ и полюбитъ его.

Достоевскаго много разъ сопоставляли съ Ницше. И дѣйствительно, многія страницы его предвосхищаютъ излюбленные мысли нѣмецкаго философа; но въ общемъ и цѣломъ стройное и законченное міросозерцаніе нашего писателя имѣетъ лишь нѣкоторые пункты соприкосновенія съ причудливымъ и парадоксальнымъ фейерверкомъ мыслей Ницше. Для Достоевскаго идеи Ницше были только однимъ изъ превзойденныхъ этаповъ его умственнаго развитія, точнѣе, однимъ изъ уголковъ его собственнаго философскаго царства. И если ужъ сопоставлять Достоевскаго съ кѣмъ либо изъ философовъ Запада, то скорѣе всего съ величайшимъ изъ философовъ новаго времени — Кантомъ.

Трудно допустить прямое вліяніе Канта на автора „Карамазовыхъ“ — слишкомъ они ужъ различны по всему своему духовному складу. Уравновѣшенный, спокойный, весь безъ остатка погруженный въ свои умственные интересы, проводившій съ правильностью хорошей машины свою до послѣдней степени размѣренную и заключенную въ неизмѣнныя внѣшнія рамки жизнь, аккуратнѣйшій нѣмецкій профессоръ не имѣлъ ничего общаго со страстной и мятущейся натурой Достоевскаго, всегда и во всемъ „переходившаго черту“. Но Кантъ былъ величайшимъ философскимъ выразителемъ того міросозерцанія, характернаго для всей новой исторіи со временъ возрожденія, которое признало верховной святыней жизни человѣческую личность; то же міросозерцаніе выразилъ въ небывалыхъ во всемирной литературѣ по своей силѣ и яркости художественныхъ образахъ и Достоевскій. Міросозерцаніе одного было міросозерцаніемъ и другого, и было каждому изъ нихъ въ равной мѣрѣ внушено духомъ всей нашей исторической эпохи. И вотъ почему самые поразительные образы Достоевскаго составляютъ какъ бы художественный комментарий къ нравственной философіи Канта; комментарий и вмѣстѣ развитіе и углубленіе.

Центральной идеей нравственной философіи Канта является идея безконечной цѣнности человѣческой личности; какъ естественный выводъ отсюда получается идея равноцѣнности человѣческой личности, ибо безконечность равна безконечности. Но формулировавъ эту идею съ полной ясностью, Кантъ не далъ ей окончательнаго развитія и не показалъ разрѣшенія съ ея точки зрѣнія чрезвычайно трудныхъ проблемъ практической жизни. Именно это исполнилъ Достоевскій и въ этомъ его непреходящая заслуга, какъ моральнаго философа.

Прежде всего, идея верховной цѣнности человѣческой лич-

ности требует обоснования: нужно показать, почему мы цѣнимъ человѣческую личность такъ необычайно высоко. Обоснованіе это непосредственно приводитъ къ проблемѣ Бога. Затѣмъ, идея эта должна быть истолкована, какъ основа нравственнаго закона—она приводитъ къ проблемѣ челоуѣчества. И, наконецъ, съ ея точки зрѣнія должно быть дано объясненіе нарушенію нравственнаго закона, иначе говоря — требуетъ разрѣшенія проблема міроваго зла. Эти три великія проблемы поглощали все вниманіе Достоевскаго и имъ посвящено его лучшее творчество.

„Меня Богъ всю жизнь мучилъ“, говоритъ въ „Бѣсахъ“ Кирилловъ. Въ лицѣ Кириллова мы имѣемъ передъ собой челоуѣка огромной душевной силы и съ неутолимой жадной абсолюта. Подавляющему большинству людей такъ назыв. высіе интересы, не связанные непосредственно съ поддержаніемъ существованія и чувственными удовольствіями разнаго рода, только изрѣдка и слабо напоминаютъ о себѣ. Но есть люди, душевная организація которыхъ такова, что интересы этого порядка способны вытѣснить въ ихъ душѣ всѣ остальные. Такимъ челоуѣкомъ и является Кирилловъ.

Безъ вѣры въ абсолютную цѣнность жить онъ не можетъ. Но въ Бога онъ не вѣритъ; если же нѣтъ Бога, разсуждаетъ онъ то нѣтъ и абсолютнаго нравственнаго закона, ибо какое другое основаніе, кромѣ абсолютнаго добра, можетъ имѣть этотъ законъ? Гдѣ же найти, однако, абсолютную цѣнность, если Богъ и добро не являются таковой? Единственной цѣнностью, и, значитъ, уже абсолютной цѣнностью, послѣ упраздненія другихъ, остается челоуѣческая личность. И вотъ Кирилловъ приходитъ къ выводу, что челоуѣкъ долженъ стать для себя абсолютной цѣнностью, иначе говоря „стать для себя богомъ“. „Сознать, что нѣтъ Бога и не сознать, что самъ богомъ сталъ, есть нелѣпость“, думаетъ онъ.

Но стать для себя богомъ, не значитъ не признавать другихъ цѣнностей, кромѣ своихъ интересовъ. Интересы челоуѣка относительноны, достиженіе ихъ ограничено законами природы и, въ концѣ концовъ, смертью, предстоящей каждому. Кирилловъ же жаждетъ абсолютной цѣнности, которая ничѣмъ не можетъ быть ограничена, и хочетъ превратить въ нее единственную цѣнность, которая у него осталась, — челоуѣческую личность.

Чтобы стать абсолютной цѣнностью, челоуѣческая личность должна стать безгранично могущественной и свободной. А для этого нужно, чтобы воля челоуѣка не была ничѣмъ стѣснена, чтобы челоуѣкъ ничего не боялся, не боялся того, что всего больше страшитъ его — смерти.

„Будетъ новый челоуѣкъ, счастливый, гордый. Кому будетъ все равно жить или не жить, тотъ будетъ новый челоуѣкъ. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ богъ будетъ... Тогда новая жизнь, тогда новый челоуѣкъ, тогда все новое... Тогда исторію будутъ дѣлить на двѣ части: отъ гориллы до уничтоженія Бога

и отъ уничтоженія Бога до перемѣны земли и человѣка физически. Будетъ богомъ человѣкъ и перемѣнится физически“.

Аттрибутомъ этого новаго человѣка — человѣко-бога — будетъ „своеволіе“ — безграничная дерзость воли, полное и абсолютное безстрашіе. Но какъ можетъ человѣкъ доказать, что его воля лишена всякаго страха? Только однимъ — добровольнымъ самоубійствомъ. Именно этотъ актъ является верховнымъ и единственнымъ доказательствомъ того, что всѣ границы для воли человѣка безповоротно и окончательно пали. „Я три года искалъ атрибутъ божества моего, — говоритъ Кирилловъ, и нашель: атрибутъ божества моего — своеволіе. Это все, чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу свою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы доказать непокорность и новую страшную свободу свою“.

Самоубійство есть высшее доступное человѣку проявленіе его своеволія. Низшимъ проявленіемъ того же было бы убійство другого человѣка. Убивая другого, человѣкъ доказываетъ, что для его воли не существуетъ преградъ нравственнаго закона, что Бога для него нѣтъ; но онъ самъ еще не становится поэтому богомъ — для его воли могутъ остаться преграды страха боли и смерти. И только убивая себя, человѣкъ разрушаетъ всѣ преграды своей воли, становится богомъ.

Конечно, самоубійцы были миллионы, но всѣ они убивали себя отъ жизненныхъ неудачъ, изъ страха, а „не для того, чтобы страхъ убитъ. Кто убьетъ себя только для того, чтобы страхъ убитъ, тотъ сейчасъ богъ станетъ“.

И Кирилловъ себя убиваетъ, убиваетъ въ отвратительной обстановкѣ, служа низкимъ цѣлямъ человѣка, котораго презираетъ и ненавидитъ, Петра Верховенскаго, представляющаго собой моральный антиподъ ему самому. Но какъ бы ни былъ гадокъ Верховенскій и какъ бы ни была бессмысленна по своимъ практическимъ послѣдствіямъ прикрывающая чужія преступленія смерть Кириллова, Кирилловъ не можетъ и не долженъ, со своей точки зрѣнія, отказаться отъ выполненія своего намѣренія. Ибо если бы для чего бы то ни было на свѣтѣ онъ могъ отказаться отъ самоубійства, то гдѣ же было бы его безграничное своеволіе, которое онъ считаетъ себя призваннымъ заявить? Потрясающая картина смерти Кириллова и вся предшествующая сцена, въ которой во весь ростъ обрисовываются оба дѣйствующихъ персонажа драмы, — Верховенскій, съ совершеннымъ цинизмомъ и бездушіемъ требующій добровольной смерти ненавидящаго его человѣка для сокрытія слѣдовъ сдѣланнаго имъ подлаго убійства, и высокій и чистый духомъ Кирилловъ, приносящій эту поразительную жертву, — нужна для того, чтобы величина „своеволія“ самоубійцы обнаружилась во всѣхъ своихъ фантастическихъ размѣрахъ. Большихъ размѣровъ „своеволія“ мы, дѣйствительно, и представить себѣ не можемъ.

Какой же смыслъ всего этого удивительнаго художественнаго образа, созданнаго Достоевскимъ? Кирилловъ, какъ сказано, прежде всего, глубоко религіозная натура; онъ не можетъ жить безъ

Бога, но въ Бога онъ не вѣрить. вмѣстѣ съ тѣмъ, это не мистикъ и не аскетъ, не понимающій и чуждый жизни. Напротивъ, онъ страстно любитъ жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ; онъ во всемъ чувствуетъ радость жизни. „Когда мнѣ было десять лѣтъ—говорить онъ Старогиноу—я зимой закрывалъ глаза нарочно и представлялъ листъ зеленый, яркій, съ жилками, и солнце блеститъ. Я открывалъ глаза и не вѣрилъ, потому что очень хорошо и опять закрывалъ... Человѣкъ несчастливъ, потому что не знаетъ, что онъ счастливъ; только потому. Это все, все! Кто узнаетъ, тотчасъ станетъ счастливъ, сію минуту... Я всему молюсь. Видите, паукъ ползаетъ по стѣнѣ, я смотрю и благодаренъ ему за то, что онъ ползетъ“. По своей любви къ жизни, по своей способности понимать красоту и прелесть міра Кирилловъ братъ по духу святыхъ Достоевскаго—князя Мышкина и старца Зосимы; и для него, какъ и для нихъ, „жизнь есть рай“. И, однако, онъ добровольно бросаетъ этотъ рай и отдаетъ свою жизнь въ распоряженіе злодѣя для его честолюбивыхъ цѣлей. Почему такой ужасный контрастъ между душевнымъ обликомъ и практическимъ дѣломъ?

Отвѣтъ ясенъ. Потому, что Кириллову не хватало самага главнаго для пракческаго дѣла—вѣры въ Бога. Онъ самъ этимъ объясняетъ въ предсмертномъ разговорѣ съ Верховенскимъ свою трагическую судьбу. „Богъ необходимъ и потому долженъ быть. Но я знаю, какъ и для нихъ, что Его нѣтъ и не можетъ быть. Неужели ты не понимаешь, что человѣку съ двумя такими мыслями нельзя оставаться въ живыхъ? Неужели ты не понимаешь, что изъ-за этого только одного можно застрѣлить себя? Ты не понимаешь, что можетъ быть такой человѣкъ, одинъ человѣкъ изъ тысячи вашихъ милліоновъ, одинъ, который не захочетъ и не перенесетъ?“. Утративши Бога, Кирилловъ попытался замѣнить его человѣческой личностью. Но оказалось, что идея верховной цѣнности человѣческой личности, внѣ идеи Бога, не только непригодна для построенія жизни, а наоборотъ, ведетъ прямо путемъ къ отказу отъ жизни и самоубійству. Фигурой Кириллова Достоевскій говоритъ, что идея самоцѣльности человѣческой личности неизбѣжно предполагаетъ, какъ свое скрытое основаніе, идею абсолютнаго добра, иначе говоря, идею Бога. Внѣ этой послѣдней идеи, личность перестаетъ быть верховной цѣнностью, а жажда превратить ее въ такую приводитъ къ собственному уничтоженію личности. Идея самоцѣльной личности внѣ абсолютнаго добра есть, иными словами, внутренне противорѣчивая идея.

Итакъ, личность человѣка становится абсолютной цѣнностью лишь постольку, поскольку мы предполагаемъ существованіе абсолютнаго добра. Внѣ Бога и человѣкъ утрачиваетъ свою безконечную цѣнность—таковъ отвѣтъ Достоевскаго на вопросъ объ обоснованіи идеи самоцѣльности личности. Нравственный законъ самымъ фактомъ своего существованія требуетъ признанія Бога.

Такимъ образомъ разрѣшается Достоевскимъ проблема Бога—

въ полномъ соотвѣтствіи съ философіей Канта, постулирующей Бога, какъ единственно возможную основу нравственнаго закона. Человѣкъ обладаетъ безконечною цѣнностью потому, что обладаетъ нравственнымъ сознаниемъ; въ его нравственномъ сознаніи отражается Божественный разумъ, на человѣкѣ почіетъ отблескъ Божества, сообщающій свою безконечную цѣнность и носителю нравственнаго сознанія—человѣку.

Но всѣ ли люди обладаютъ въ равной мѣрѣ нравственнымъ сознаниемъ? Конечно, нѣтъ. Если же такъ, то не слѣдуетъ ли заключить, что цѣнность человѣческой личности должна быть, по необходимости, различна: чѣмъ ниже нравственное сознание человѣка, тѣмъ меньшую цѣнность представляетъ его личность, переставая быть верховной цѣлью въ себѣ и превращаясь въ средство для болѣе высокихъ личностей. Люди неравноцѣнны и болѣе высокіе изъ нихъ имѣютъ нравственное право превращать въ средство для своихъ высокихъ цѣлей личности людей, стоящихъ ниже ихъ по своему нравственному сознанію. Неравенство—не только законъ существующаго человѣческаго общества, но, повидимому, и неизмѣнный законъ морали.

Такимъ образомъ возникаетъ новая этическая проблема—какъ примирить безконечную цѣнность человѣческой личности и вытекающую отсюда ихъ равноцѣнность съ реальнымъ неравенствомъ людей, логически приводящимъ, повидимому, къ признанію ихъ неравноцѣнности. Эта вторая проблема—проблема человѣческаго общежитія, проблема человечества—непосредственно вытекаетъ изъ первой проблемы, проблемы Бога, какъ основы нравственнаго закона. Разрѣшеніе этой второй проблемы Достоевскій далъ въ цѣломъ рядѣ художественныхъ образовъ.

Убѣжденіе въ неравноцѣнности людей есть основное убѣжденіе Раскольниковъ въ „Преступленіи и наказаніи“. Для него весь родъ человѣческій дѣлится на двѣ неравные части: большинство, толпу обыкновенныхъ людей, являющихся сырымъ матеріаломъ исторіи, и немногочисленную кучку людей высшаго духа, дѣлающихъ исторію и ведущихъ за собою человечество „Огромная масса людей, матеріаль, для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, черезъ какое-то усиліе, какимъ то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какого нибудь перекрещиванія родовъ и породъ, понатужиться и породить, наконецъ, на свѣтѣ, ну хоть изъ тысячи одного, хотя сколько нибудь самостоятельнаго человѣка. Еще съ болѣе широкой самостоятельностью рождается, можетъ быть изъ десяти тысячъ одинъ... Еще съ болѣе широкой—изъ ста тысячъ одинъ... Геніальные люди—изъ милліоновъ, а великіе геніи, завершающіе человечество,—можетъ быть по истеченіи многихъ тысячъ милліоновъ людей на землѣ“.

Геній, великіе люди—цѣль человечества, обыкновенные люди, толпа—средство къ этой цѣли. Естественно, что и образъ дѣйствій тѣхъ и другихъ долженъ быть совершенно различенъ; то, что обязательно для человѣка толпы, не можетъ связывать воли великаго человѣка. „Необыкновенный человѣкъ имѣетъ право

...то есть неофициальное право, а самъ имѣть право разрѣшить своей совѣсти перешагнуть ..черезъ иныя препятствія, и единственно въ томъ только случаѣ, если исполненіе его идеи (иногда спасительной, можетъ быть для всего человѣчества) того потребуетъ... Если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытія, вслѣдствіе нѣкоторыхъ комбинацій, никоимъ образомъ не могли бы стать извѣстными людямъ иначе, какъ съ пожертвованіемъ жизни одного, десяти, ста и такъ далѣе человѣкъ, мѣшавшихъ бы этому открытію, то Ньютонъ имѣлъ бы право и даже обязанъ бы былъ ...устранить этихъ десять или сто человѣкъ, чтобы сдѣлать извѣстными свои открытія всему человѣчеству“.

Все это очень логично. И вотъ Раскольникову, озлобленному нуждой, угнетавшей не только его, но и его мать и сестру „осужденную таскаться въ гувернанткахъ“, приходитъ мысль, какъ бы поступилъ на его мѣстѣ великій человѣкъ, Наполеонъ, если бы для его карьеры требовалось совершить убійство какой нибудь ничтожной старухи. На этомъ вопросѣ онъ мучился страшно долго, такъ что ему „ужасно стыдно стало“, когда онъ „вдругъ догадался“, что Наполеонъ не только не испугался бы убійства „но ему даже въ голову бы не пришло, что это не монументально ...и даже не понялъ бы онъ совѣтъ: чего ту коробиться? И если бы только не было ему другой дороги, то задушилъ бы такъ, что и пикнуть бы не далъ, безъ всякой задумчивости“. И „по примѣру авторитета“ Раскольниковъ совершаетъ убійство.

Убивши старуху, онъ не только не испытываетъ раскаянія, но больше, чѣмъ когда либо вѣрить въ свою теорію. Даже въ послѣднюю минуту, идя въ участокъ, чтобы выдать себя, онъ не хочетъ признать, что ему есть въ чемъ раскаиваться. „Преступленіе? Какое преступленіе?—кричитъ онъ своей сестрѣ,—то, что я убилъ гадкую, злоредную вошь, старушенку-процентщицу, никому ненужную, которую убить сорокъ грѣховъ простятъ, которая изъ бѣдныхъ сокъ высасывала, и это то преступленіе? („Ты кровь пролилъ“ — говоритъ ему сестра). „Которую всѣ проливають—подхватываетъ онъ въ изступленіи,—которая льется, какъ водопадъ, которую лютятъ, какъ шампанское и за которую вѣнчаютъ въ Капитоліи и называютъ потомъ благодѣтелемъ человѣчества. Да ты взгляни пристальнѣе и разгляди! Я самъ хотѣлъ добра людямъ и сдѣлалъ бы сотни, тысячи добрыхъ дѣлъ вмѣсто одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости, такъ какъ вся эта мысль была вовсе не такъ глупа, какъ теперь она кажется (при неудачѣ все кажется глупо)... Никогда, никогда яснѣе я не сознавалъ этого, какъ теперь, и болѣе чѣмъ когда либо не понимаю моего преступленія! Никогда, никогда не былъ я сильнѣе и убѣжденнѣе, чѣмъ теперь!“.

И несмотря на убѣжденіе въ своей правотѣ онъ идетъ и доноситъ на себя, принимаетъ наказаніе за преступленіе, котораго, по его мнѣнію, не совершалъ. Что-то высшее, чѣмъ доводы разсудка, побѣждаетъ его волю. Эта борьба безсознательной воли, протестующей противъ пролитой крови, и разума, оправдываю-

щаго кровь, и составляет душевную драму Раскольниковъ послѣ преступленія. Даже когда воля—слѣпой и непонятный нравственный инстинктъ—окончательно побѣждаетъ, когда Раскольниковъ уже томится на каторгѣ, разумъ все не сдаётся и все отказывается признать свою неправоту. „И хотя бы судьба послала ему раскаяніе — жгучее раскаяніе, разбивающее сердце, отгоняющее сонъ, такое раскаяніе, отъ ужасныхъ мукъ котораго мерещится петля и омутъ! О, онъ обрадовался бы ему! Муки и слезы—вѣдь это тоже жизнь. Но онъ не раскаявался въ своемъ преступленіи. Вотъ въ чемъ одномъ признавалъ онъ свое преступленіе: только въ томъ, что не вынесъ его и сдѣлалъ явку съ повинной“.

Эта явка съ повинной доказывала въ его глазахъ не то, что его теорія не вѣрна, а то, что онъ самъ не принадлежитъ къ числу великихъ людей, которые могутъ преступать нравственные законы. „Если бы только я зарѣзалъ изъ за того, что голоденъ былъ, то я бы теперь *счастливъ* былъ“ говоритъ онъ Сонѣ Мармеладовой. „Мнѣ надо было узнать тогда, и поскорѣе узнать, вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу ли я преступить или не смогу? Осмѣлюсь ли нагнуться и взять или нѣтъ? Тварь ли я дрожащая или право имѣю?.. И неужели ты думаешь, что я не зналъ, напримѣръ, хоть того, что ужъ если я началъ себя спрашивать и допрашивать: имѣю ли я право власть имѣть?—то, стало быть, не имѣю права власть имѣть. И что если задаю вопросъ: вошь ли человѣкъ?—то стало быть ужъ не вошь человѣкъ для меня, а вошь для того, кому этого и въ голову не заходитъ кто прямо безъ вопросовъ идетъ. Ужъ если я столько дней промучился, пошелъ ли бы Наполеонъ или нѣтъ? Такъ вѣдь ужъ ясно чувствовалъ, что я не Наполеонъ“.

Вотъ это-то и терзаетъ Раскольникова—онъ оказался обыкновеннымъ человѣкомъ, подвластнымъ нравственному закону. Онъ хотѣлъ имѣть „свободу и власть, а главное власть! Надъ всею дрожащею тварью, надъ всѣмъ муравейникомъ!“ И эту власть онъ долженъ былъ получить освобожденіемъ себя отъ нравственности закона. Но нравственный законъ оказался сильнѣе его и онъ палъ...

И только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ каторги въ душѣ Раскольникова совершается переворотъ: онъ признаетъ свое преступленіе и этимъ возрождается къ новой жизни. Нравственное сознание побѣдило.

Такова трагедія Раскольникова. Безсознательный инстинктъ оказался сильнѣе теоріи, несмотря на ея логическую неуязвимость.

И, дѣйствительно, въ чемъ ошибочность этой теоріи? Съ точки зрѣнія утилитарной морали противъ нея совершенно нечего возразить. Съ этой точки зрѣнія нравственность или безнравственность извѣстнаго образа дѣйствій опредѣляется балансомъ пользы или вреда для общества отъ этихъ дѣйствій. Если въ результатъ получается плюсъ на сторонѣ пользы, то данный образъ дѣйствій является нравственнымъ. Великое научное открытіе могло принести пользу миллионамъ людей; развѣ не требуетъ нравствен-

ный долгъ пожертвовать для него, если это необходимо, жизнью нѣсколькихъ десятковъ людей? Или, если взять примѣръ самого Раскольникова, развѣ общество проиграло отъ того, что убита „гадкая вошь“—старуха-ростовщица и что ея деньги перешли человѣку, который дастъ имъ, несомнѣнно, гораздо лучшее употребленіе? На это можно возразить, что если въ отдѣльномъ частномъ случаѣ общество и можетъ выиграть отъ убійства, то распространеніе въ обществѣ равнодушія къ человѣческой жизни, несомнѣнно, опасно и невыгодно для общества; поэтому общество заинтересовано въ томъ, чтобы убійство внушало страхъ человѣку совершенно независимо отъ того, каковы будутъ послѣдствія убійства. Это такъ, но ни малѣйшимъ образомъ не колеблетъ теоріи Раскольникова: вѣдь и онъ согласенъ, что масса должна быть подвластна слѣпому инстинкту страха крови. Онъ требуетъ только свободы отъ этого инстинкта, какъ и вообще въ всего безсознательнаго, не находящаго себѣ объясненія въ разумѣ, для немногихъ избранниковъ человѣчества, которые могутъ вмѣстить всякую правду—а вѣдь правда-то заключается съ точки зрѣнія утилитарной морали въ томъ, что убійство человѣка, если оно увеличиваетъ сумму счастья въ обществѣ, нравственно.

Именно неотразимая логика того разсужденія и губитъ Раскольникова; онъ не боится правды, не хочетъ подчиняться слѣпымъ инстинктамъ—и гибнетъ. Какая-то ошибка въ его разсужденіи, слѣдовательно, была.

Да, была, была въ томъ, что онъ хотѣлъ логически обосновать, рационализировать нѣчто по самому своему существу не допускающее такого логическаго обоснованія, рационализированія. Онъ хотѣлъ вполнѣ рациональной морали и логическимъ путемъ пришелъ къ ея полному отрицанію. Онъ искалъ логическихъ доказательствъ нравственнаго закона—и не понималъ, что нравственный законъ не требуетъ доказательствъ, не долженъ, не можетъ быть доказанъ—ибо онъ получаетъ свою верховную санкцію не извнѣ, а изъ самого себя. Почему личность всякаго человѣка представляетъ собой святыню? Никакого логическаго основанія для этого привести нельзя, какъ нельзя привести логическаго основанія для всего того, что существуетъ собственной своей силой, независимо отъ нашей воли. Фактъ тотъ, что наше нравственное сознаніе непобѣдимо утверждаетъ намъ святость человѣческой личности; таковъ нравственный законъ. Каково бы ни было происхожденіе этого закона, онъ столь же реально существуетъ въ нашей душѣ и не допускаетъ своего нарушенія, какъ любой законъ природы. Раскольниковъ попробовалъ его нарушить—и палъ. И такъ долженъ пасть каждый, кто обладая нравственнымъ сознаніемъ, нарушитъ нравственный законъ.

Конечно, у кого нравственное сознаніе спитъ, тотъ можетъ совершенно спокойно проливать кровь, не вызывая никакихъ трагедій въ своей душѣ. Верховенскій совершаетъ убійство безъ всякой особой надобности и не чувствуетъ отъ этого ни малѣйшихъ угрызений совѣсти. У кого совѣсти нѣтъ, тому не прихо-

дится ея бояться. Но такимъ людямъ и не приходится спрашивать себя, имѣютъ ли они право убить другого—они не нуждаются въ моральномъ оправданіи своихъ дѣйствій. Раскольниковъ же обладаетъ совѣстью и она мститъ ему за попраніе нравственнаго закона.

Этотъ нравственный законъ провозглашаетъ, что всякая человѣческая личность есть верховная святыня совершенно независимо отъ того, каковы моральныя достоинства этого человѣка. Самый низкій и самый преступный человѣкъ такая же безконечная цѣнность, какъ и самый высокій: никто не можетъ быть средствомъ въ рукахъ другого, а каждый составляетъ цѣль въ себѣ. Или, какъ говоритъ Кантъ, „въ природѣ все, что угодно, надъ чѣмъ мы имѣемъ власть, можетъ служить намъ средствомъ, и только человѣкъ, и съ нимъ всякое разумное существо есть цѣль въ себѣ... Человѣкъ и вообще всякое разумное существо существуетъ, какъ цѣль въ себѣ, не какъ средство для той или другой воли, но всегда долженъ разсматриваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ какъ на него самого, такъ и на другія разумныя существа, какъ цѣль“.

Въ этомъ смыслѣ всѣ люди равны между собой, какъ бы они ни были различны и неравны въ другихъ отношеніяхъ. Раскольниковъ отвергаетъ начало равноцѣнности человѣческой личности и тѣмъ самымъ отвергъ нравственный законъ. Если вообще личность человѣка можетъ быть святыней, то личность всякаго человѣка безъ различія. Ибо отъ святого до злодѣя существуетъ безчисленное множество незамѣтныхъ переходовъ: на какой же изъ этихъ ступеней личность человѣка становится священной? Или всѣ личности священны, или никакая изъ нихъ.

Интересно сравнить Раскольникова съ Кирилловымъ. Трагедія того и другого существенно различна. Кириллова мучитъ Богъ; онъ стремится къ свободѣ, хочетъ сдѣлать человѣка богомъ и для этого убиваетъ себя. Раскольниковъ не думаетъ о Богѣ, онъ стремится къ власти, хочетъ подчинить себѣ „дрожашую тварь“ и для этого убиваетъ другого человѣка. Кирилловъ ничего не хочетъ для себя—онъ вѣритъ въ безконечную цѣнность, значитъ, равноцѣнность человѣческой личности; Раскольниковъ всего хочетъ для себя, онъ отрицаетъ равенство людей. Кирилловъ хочетъ убить страхъ смерти, Раскольниковъ—страхъ убійства. Кирилловъ осуществляетъ собой высшую ступень человѣческаго своеволія, Раскольниковъ—низшую.

Въ лицѣ Кириллова Достоевскій казнитъ отрицаніе Бога и показываетъ, что человѣческая личность, сама по себѣ, не можетъ быть Богомъ. Въ лицѣ Раскольникова Достоевскій казнитъ отрицаніе святости человѣческой личности и показываетъ, что всякая человѣческая личность обладаетъ этой святостью и что въ этомъ отношеніи всѣ люди равны.

Еще глубже та же проблема самоцѣльности и равноцѣнности человѣческой личности разработана Достоевскимъ въ его послѣднемъ великомъ романѣ—въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“. Въ „Великомъ инквизиторѣ“ Достоевскій сопоставляетъ два социальныя

идеала, которые дѣлятъ между собою человѣчество. Въ чемъ идеаль человѣческой жизни—въ достиженіи наибольшаго счастья или въ наибольшей нравственной высотѣ личности?—таковъ вопросъ, который ставитъ Христу въ своей наступленной рѣчи великій инквизиторъ. Этотъ старикъ еще гораздо глубже Раскольникова убѣжденъ въ коренномъ неравенствѣ людей; но въ отличіе отъ Раскольникова, онъ не убиваетъ, а самъ себя приноситъ въ жертву. Онъ презираетъ людей и любитъ ихъ любовью, основанной на жгучемъ состраданіи къ ихъ жалкой безпомощности и къ ихъ ничтожеству—любитъ, какъ любягъ слабыхъ, порочныхъ дѣтей. Правда, съ этой любовью соединяется такая жажда власти и такая гордыня, которыхъ Раскольникову и не снилось. Раскольниковъ хочетъ побѣдить людей силой—хочетъ, чтобы передъ нимъ „трепетала дрожащая тварь“; честолюбіе великаго инквизитора гораздо больше—онъ хочетъ окончательно покорить себѣ волю людей, всю безъ остатка, хочетъ стать для людей высшимъ, непререкаемымъ авторитетомъ, богомъ, передъ которыми добровольно преклонялись, на котораго молились бы эти жалкія существа.

Христосъ отвергъ искушенія „страшнаго и умнаго духа, духа небытія“. Христосъ не захотѣлъ прельстить людей земными благами, не захотѣлъ подчинить Себѣ ихъ духа чудомъ и основать на этомъ всемірное, земное царство. „Ты не захотѣлъ—говоритъ Ему великій инквизиторъ—лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами? Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь ли Ты, что во имя этого самаго хлѣба земнаго и возстанетъ на Тебя духъ земли и сразится съ Тобою и побѣдитъ Тебя и всѣ пойдутъ за нимъ, восклицая“ „Кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ огонь съ небеси?“... Въмѣсто твердаго, древняго закона—свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что добро и зло, имѣя лишь въ руководство образъ Твой предъ собою,—но неужели Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ же, наконецъ, и оспоритъ даже и образъ Твой и Твою правду, если его угнетутъ такимъ страшнымъ бременемъ, какъ свобода выбора?.. Они воскликнутъ, наконецъ, что правда не въ Тебѣ, ибо невозможно было оставить ихъ въ смятеніи и мученіи болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Ты, оставивъ имъ столько заботъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Такимъ образомъ, самъ Ты и положилъ основаніе къ разрушенію Своего же царства и не вини въ этомъ никого болѣе... Ты не сошелъ съ креста, когда кричали Тебѣ, издѣваясь и дразня Тебя: „Сойди съ креста и увѣруемъ, что это Ты.“ Ты не сошелъ потому, что опять таки, не захотѣлъ поработить человѣка чудомъ, и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника передъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ. Но и тутъ Ты судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками“.

Христосъ принесъ человѣку свободу, но и съ ней и страданія, неразрывно связанныя со свободой. Великій инквизиторъ хо-

четь „исправить подвигъ Христа“—отнять у человѣка свободу, которая для него непереносима, и подчинить его твердой и неизмѣнной власти авторитета, дать людямъ „тихое, смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы“. „О, мы убѣдимъ людей—воскликаетъ онъ въ дикомъ восторгѣ—не гордиться, ибо Ты вознесъ ихъ, и тѣмъ научилъ гордиться; докажемъ имъ, что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но что дѣтское счастье слаще всякаго. Они станутъ робки и станутъ смотрѣть на насъ и прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ щенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ дивиться и ужасаться на насъ и гордиться тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что могли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ, они слабы и безсильны, и они будутъ любить насъ какъ дѣти, за то, что мы позволимъ грѣшить“.

И люди превратятся въ тихихъ, довольныхъ дѣтей. „Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ и за гробомъ обрящутъ лишь смерть—ибо если бы и было что на томъ свѣтѣ, то ужъ, конечно, не для такихъ, какъ они“.

Но тѣ, кто будутъ пасти это стадо и создавать счастье милліоновъ существъ, сами не будутъ счастливы: какъ могутъ они быть счастливы, когда на ихъ плечахъ будетъ лежать все страшное бремя свободы и когда все царство ихъ будетъ основано на лжи, когда они во имя Христа лишать людей того самаго дара, который Христосъ принесъ людямъ — свободы? „Будетъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла“.

Передъ нами поразительная картина человѣчества, въ которомъ огромное большинство до такой степени унижено, до такой степени утратило человѣческую личность, что даже лишилось высшаго дара человѣка—безсмертной души, — но зато приобрѣло счастье, а меньшинство получило безграничную власть надъ остальными милліонами, но заплатило за эту власть страшной цѣной неутолимой душевной муки.

Гдѣ же правда? Христосъ любилъ людей, но принесъ имъ страданіе свободы; великій инквизиторъ также любитъ людей—и онъ былъ въ пустынѣ, и онъ истязалъ себя, и онъ пожертвовалъ собой для человѣчества—и принесъ людямъ счастье, лишивъ ихъ свободы. Съ точки зрѣнія утилитаризма вся правда на сторонѣ инквизитора: вѣдь люди счастливы въ его царствѣ. Что съ того, что они перестали быть людьми и утратили безсмертную душу? Людямъ нужно только счастье и его они получили.

Но для кого человѣческая личность, во всей своей сложности, со своей свободой совѣсти, со своимъ свободнымъ нравственнымъ сознаніемъ есть высочайшая цѣнность, тотъ никогда не согласится пожертвовать человѣческой свободой ни для чего въ мірѣ—даже и для счастья человѣчества. Лучше пусть люди страдаютъ отъ познанія добра и зла, чѣмъ будутъ счастливы, отказавшись отъ этой свободы. Человѣчество существуетъ не для счастья, а для безконечнаго совершенствованія личности человѣка; счастье же цѣнно потому, что оно идетъ рядомъ съ этой болѣе высокой цѣлью

и содѣйствуетъ ея достиженію. И потому вся правда на сторонѣ Христа. Мечта же великаго инквизитора есть ложь, внушенная ему непониманіемъ величія человѣческой личности. Въ своей гордынѣ онъ думаетъ, что другіе люди не обладаютъ такой личностью, какъ онъ самъ; но люди не такъ ничтожны, какъ ему кажется, и главное, не должны быть такъ ничтожны и не всегда будутъ такъ ничтожны. Слабый человѣкъ можетъ стать сильнѣе—и къ этому-то и нужно стремиться, твердо вѣруя въ возможность возвышенія человѣка; какъ ни низко стоитъ человѣчество, но въ своемъ историческомъ развитіи оно идетъ не внизъ, а вверхъ, и никто не можетъ сказать, какъ далеко оно зайдетъ въ этомъ движеніи. Именно въ этомъ движеніи и заключается жизнь, а то, что проповѣдуетъ инквизиторъ, есть отказъ отъ жизни, духовная и физическая смерть.

Весь секретъ великаго инквизитора,—какъ говоритъ Алеша Карамазовъ,—въ томъ, что онъ не вѣруетъ въ Бога. Не вѣруя въ Бога, онъ не вѣритъ и въ человѣка, въ самоцѣльность человѣческой личности. Этимъ послѣднимъ онъ отличается отъ Кириллова—и именно потому можетъ жить: нельзя вѣрить въ человѣка и не вѣрить въ Бога, если же нѣтъ вѣры ни въ Бога, ни въ человѣка, то жизнь возможна, но жизнь внѣ нравственнаго закона—даже при возвышенномъ духѣ и любви къ людямъ. Мрачная и фантастичная мечта великаго инквизитора равносильна уничтоженію человѣчества—ибо если одни люди утратили человѣческую личность и превратились въ покорныхъ животныхъ, а другіе отдались духу лжи и только этимъ сохранили свою личность, то какую цѣнность имѣетъ такое человѣчество и не представляетъ ли оно просто „дьяволовъ водевилъ“? И не лучше ли смерть и окончательное уничтоженіе такого человѣчества, чѣмъ то подобіе жизни, которое сохраняетъ ему инквизиторъ?

Великій инквизиторъ родствененъ по духу Раскольникову, но несравненно сильнѣе и выше его. Раскольниковъ просто крѣпкій волей и умомъ, властный человѣкъ, великій же инквизиторъ—исполнѣнъ, титанъ, способный перевернуть міръ. Раскольниковъ убиваетъ другого человѣка и все-таки не получаетъ власти надъ людьми, великій же инквизиторъ самъ приноситъ себя въ жертву и этимъ достигаетъ безграничной власти надъ человѣчествомъ. Раскольниковъ, въ концѣ концовъ, раскаивается и отказывается отъ своей мечты—великій инквизиторъ пребываетъ твердъ до конца и не боится вызвать на судъ самого Бога.

Въ томъ же романѣ Достоевскій съ необычайной силой ставитъ и третью великую проблему, которая его мучила—проблему мирового зла. Проблема эта непосредственно вытекаетъ изъ двухъ первыхъ. Если Богъ есть и если человѣкъ самоцѣль, то человѣкъ можетъ страдать только за свои вины, за то злое, что онъ совершилъ; страданіе непосредственно вытекаетъ въ этомъ случаѣ изъ факта свободнаго самоопредѣленія преступника и представляетъ собой единственное средство для восстановленія попорннаго нравственнаго закона. Ибо если зло не будетъ искуплено, то гдѣ же справедливость? Но какъ объяснить и

оправдать безвинное страданіе? А вѣдь безвинное страданіе не только существуетъ въ мірѣ, но его ужасно, безмѣрно много. За что страдаютъ, напримѣръ, дѣти, въ которыхъ никакого зла быть не можетъ уже потому, что они не обладаютъ еще полнымъ нравственнымъ сознаніемъ? „Если всѣ должны страдать—говорить Иванъ Карамазовъ своему брату Алешѣ,—чтобы страданіемъ купить вѣчную гармонію, то причемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ пожалуйста? Совсѣмъ непонятно, для чего должны страдать и они, и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію? Для чего они-то тоже попали въ матеріаль и унавозали собой для кого-то будущую гармонію? Солидарность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю солидарность и въ возмездіи, но не съ дѣтками же солидарность въ грѣхѣ, и если правда въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что и они солидарны съ отцами ихъ во всѣхъ злодѣйствахъ отцовъ, то ужъ, конечно, правда эта не отъ міра сего и мнѣ непонятна“.

Безвинное страданіе ничѣмъ не можетъ быть оправдано. И если оно въ мірѣ существуетъ, значить міръ не можетъ быть оправданъ нашимъ нравственнымъ чувствомъ. „Представь—спрашиваетъ Иванъ Алешу,—что это ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы всего замучить лишь одно только крохотное созданыще, вотъ того самаго ребеночка, бившаго себя кулаченкомъ въ грудь и на неотмщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе, согласился ли бы ты архитекторомъ на этихъ условіяхъ, скажи и не лги!

— Нѣтъ, не согласился бы—тихо проговорилъ Алеша.

— И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которыхъ ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленькаго замученнаго, а принявъ, остались бы навѣки счастливыми?

— Нѣтъ, не могу допустить“.

И, конечно, ничего другого отвѣтить Алеша не можетъ. Если каждый человѣкъ есть абсолютная цѣль, то никакая гармонія, какъ бы грандіозна и высока она ни была, не можетъ быть куплена цѣной безвинной жертвы хотя бы одного человѣка. Значить, если я вѣрю въ Бога и абсолютное добро, я долженъ отвергнуть міръ, какъ несогласный съ его волей. Какая бы ни была гармонія впереди, она „не стоитъ слезинки хотя бы одного того замученнаго ребенка, который билъ себя кулаченкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неискупленными слезками своими къ „Боженькѣ“. Не стоитъ потому, что слезки остались неискупленными“. И потому Иванъ отвергаетъ гармонію. „Не хочу гармоніи, изъ за любви къ человѣчеству не хочу. Я хочу лучше оставаться со страданіями неотмщенными. Лучше ужъ я останусь при неотмщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, хотя я былъ бы и не правъ. Да и слашкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ

спѣшу возвратить обратно. И если только я честный человекъ, то обязанъ возвратить его какъ можно раньше. Это я и дѣлаю. Не Бога я не принимаю, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю“.

Итакъ, міръ не отъ Бога, ибо въ міръ зло, а Богъ абсолютное добро. Но если не отъ Бога, то отъ кого? И мыслима ли идея Бога, стоящаго внѣ міра и не подчиняющаго себѣ міръ? Конечно, нѣтъ. И потому Иванъ Карамазовъ совершенно напрасно говоритъ, что онъ принимаетъ Бога, а только его отвергаетъ міръ: отвергнувши міръ, онъ отвергъ и Бога.

Проблема мірового зла есть самая трудная проблема религіознаго сознанія—точнѣе говоря, неразрѣшимая проблема для нашего „эвклидова“ ума. Преодоливается она у Достоевскаго мистической идеей вины каждого за всѣхъ. Неотмщенное безвинное страданіе заставляетъ Ивана отвергнуть міръ во имя оскорбленнаго нравственнаго чувства, требующаго мести; но есть нѣчто болѣе высокое, чѣмъ месть—это прощеніе и любовь. Чѣмъ сильнѣе любовь, тѣмъ меньше мѣста остается для негодованія и мести. Иванъ не любитъ людей и вовсе не во имя любви къ людямъ онъ отвергаетъ міръ; онъ потому и останавливается на страданіяхъ дѣтей, что дѣтей онъ любитъ, а людей нѣтъ. Для гордаго человека дѣтей любить гораздо легче, чѣмъ людей: съ дѣтьми не приходится ничего дѣлать, дѣти ничѣмъ не могутъ оскорбить, дѣтямъ не въ чемъ завидовать. И дѣтей Иванъ любитъ и жалѣетъ жгучей жалостью. Взрослыхъ же людей Иванъ не только не любитъ, а прямо и не обинуясь заявляетъ, что „они отвратительны и любви не заслуживаютъ“. Для тѣхъ же кто любитъ людей не только, когда они еще безвинны и не знаютъ добра и зла, но и грѣшныхъ, слабыхъ и порочныхъ, какими они становятся впоследствии, проблема мірового зла является въ другомъ освѣщеніи.

Князь Мышкинъ въ „Идіотѣ“, старецъ Зосима и Алеша въ „Карамазовыхъ“—вотъ типы истыхъ человеклюбцевъ у Достоевскаго. У Ивана благородная, но гордая, злобная и завистливая душа; онъ живетъ высокими интересами, но весь живетъ въ себѣ. Онъ умѣетъ цѣнить любовь—но именно потому, что самъ совершенно ея лишенъ (къ равнымъ себѣ, къ взрослымъ). „Отвлеченно еще можно любить ближняго—думаетъ онъ—и даже иногда издали, но вблизи почти никогда... Положимъ, я наприимѣръ, глубоко могу страдать, но другой никогда, вѣдь, не можетъ узнать, до какой степени я страдаю, потому что онъ другой, а не я, и сверхъ того рѣдко человекъ согласится признать другого за страдальца (точно будто это чинъ). Почему не согласится? Потому, наприимѣръ, что отъ меня дурно пахнетъ, что у меня глупое лицо, потому что я разъ когда-то отдалъ у него ногу“.

Но бываютъ люди, хотя ихъ и мало, которые обладаютъ этимъ чуднымъ даромъ любви: ихъ не пугаетъ и дурной запахъ другого человека и его непріятное лицо. Они любятъ не только хорошихъ (которыхъ любить легко и которыхъ всякій полюбитъ),

но и дурныхъ и даже иногда именно на дурныхъ и останавливаютъ по преимуществу свое любовное вниманіе изъ особаго состраданія къ нимъ. Такіе люди, когда встрѣчаютъ зло, то по душевной организаціи своей больше волнуются состраданіемъ и жалостью къ обиженному, чѣмъ злобой и негодованіемъ противъ обидчика, ибо вообще въ ихъ душѣ любовь сильнѣе злобы. Любовь даетъ имъ великое счастье и радость и потому, сколько бы зла они ни видѣли вокругъ, они органически не могутъ проклясть міръ, какъ это дѣлаетъ Иванъ. Они для этого слишкомъ любятъ этотъ міръ и если видятъ зло вокругъ себя, то по любящей натурѣ своей скорѣе склонны усматривать причину этого зла не въ другихъ, а въ самихъ себѣ. „Знайте, милые—поучаетъ старецъ Зосима,—что каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣхъ и за вся на землѣ несомнѣнно, не только по общей міровой винѣ, а единолично каждый за всѣхъ людей, за всякаго человѣка на сей землѣ“.

Великая любовь къ людямъ приводитъ такихъ человеколюбцевъ къ тому, что ихъ собственная личность какъ бы растворяется и сливается съ человѣчествомъ, не только, однако, не теряя своей индивидуальности, но именно утверждая ее; полные любовью, они благословляютъ жизнь и міръ. „Мама—говоритъ умирающій братъ Зосимы—не плачь, жизнь есть рай, всѣ мы въ раю, да не хотимъ знать того, а если бы захотѣли узнать, завтра же и сталъ бы на всемъ свѣтѣ рай“.

Если жизнь есть рай, то гдѣ же проблема мірового зла? Ея уже нѣтъ, потому что нѣтъ и самого зла, прощенного, побѣжденнаго любовью.

Міръ полонъ тайны и подчиняется своимъ собственнымъ, жестокимъ и неумолимымъ законамъ, смысла и цѣли которыхъ человѣческому уму постигнуть невозможно. Но бываютъ иногда мистическіе моменты, когда грубая ткань міра начинаетъ какъ бы сквозить и просвѣчивать потустороннимъ свѣтомъ. Такой моментъ пережилъ и любимый герой Достоевскаго — Алеша Карамазовъ послѣ смерти своего друга и учителя. „Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполь, полный тихихъ, сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился неясный еще Млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошные цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ бы соприкасалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною... Алеша стоялъ и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю. Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и испуганно клаясь любить ее, любить во вѣки вѣковъ. „Облей землю слезами радости твоя и люби сіи слезы твои“... прозвѣнѣло въ душѣ его. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны „и не стыдился изступленія сего“. Какъ будто нити отъ

всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его и она вся трепетала „соприкасаясь мірамъ инымъ“. Простить хотѣлось ему всѣхъ и за все, и просить прощенья, о! не себя, а за всѣхъ, за все и за вся, а „за меня и другіе просить“—прозвенѣло опять въ душѣ его. Но съ каждымъ мгновеньемъ онъ чувствовалъ какъ бы осязательно, какъ что-то твердое и неизблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ бы идея воцарялась въ умѣ его—и это уже на всю жизнь и на вѣки вѣковъ. Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ, и созналъ и почувствовалъ это вдругъ, въ ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не могъ забыть Алеша во всю жизнь свою потомъ этой минуты. „Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ“ говорилъ онъ потомъ съ твердой вѣрою въ слова свои...

Таково мистическое преодоленіе Достоевскимъ проблемы мирового зла. Но какъ бы мы ни отнеслись къ положительному отвѣту автора „Карамазовыхъ“, нельзя не признать, что самая проблема поставлена имъ съ такой силой, какъ ни кѣмъ другимъ. Отверженіе міра Иваномъ Карамазовымъ во имя правъ человѣческой личности есть высшая ступень выраженія того міровоззрѣнія, которое обще Достоевскому со всѣми великими умами эпохи. Идея верховной цѣнности и святости человѣческой личности нашла въ Достоевскомъ своего самаго мощнаго представителя—и въ этомъ его право на всемірное значеніе и на безсмертіе.

М. Туганъ-Барановскій.

Общественные идеалы Л. Н. Толстого и их господствующие мотивы.

(Юбилейный эскиз).

Уже больше тридцати лѣтъ, какъ Л. Н. Толстой укрѣпился въ своихъ общественныхъ идеалахъ и, отрицая весь современный строй жизни, сталъ съ глубокой вѣрой проповѣдывать нравственное ученіе Христа, соединяя его съ мощнымъ по силѣ и искренности обличеніемъ существующихъ порядковъ. Широкія массы общества привыкли думать, что Толстой пересталъ творить, но его произведенія, все лучше и опредѣленнѣе выражая идеалы своего творца, появлялись за границей или отдѣльными изданіями или въ тоненькихъ журналахъ толстовца Черткова, который, эмигрировавъ изъ Россіи въ Англію, тамъ печаталъ статьи своего учителя и отсылалъ въ Россію. Этотъ журналъ расходился наравнѣ съ „Освобожденіемъ“ и „Искрой“, но далеко не въ такомъ количествѣ. И только нѣсколь-ко лѣтъ тому назадъ временно освободившаяся печать, внезапно оживлен-ная подъемомъ общественныхъ силъ, разнесла идеи и ученіе Толстого во всѣ далекіе уголки Россіи. Идеалы великаго нашего писателя остаются однако смутными и неопредѣленными еще для очень многихъ. Вотъ почему не лишне хотъ въ самыхъ общихъ чертахъ изложить его социальныя воззрѣнія и отмѣтить въ нихъ два господствующихъ мотива: требованіе нравственнаго самоусовершенствованія и отрица-тельное отношеніе къ городской культурѣ.

Центральное мѣсто среди излюбленныхъ идей Толстого занимаетъ аграрный вопросъ. Сынъ русской деревни, онъ всѣми силами своей души любитъ крестьянъ, землю и деревенскій трудъ. Въ статьѣ „Великій грѣхъ“ Толстой горячо говоритъ, что счастье на землѣ можетъ наступить лишь тогда, когда люди поймутъ свой великій, смертный грѣхъ и

признаютъ землю, подобно воздуху, даромъ Бога — собственностью всѣхъ. Толстой примыкаетъ къ ученію Генри Джорджа и въ рядѣ статей прекрасно излагаетъ его основныя идеи. Земля должна принадлежать всѣмъ, и чтобъ добиться этого слѣдуетъ конфисковать ренту. Каждый долженъ получать лишь свой трудовой продуктъ и не долженъ пользоваться естественными выгодами своего участка. Конфискація ренты, обогащая общество въ его цѣломъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить всякій смыслъ частной собственности на землю. И тогда возникнуть общины, куда каждому будетъ открытъ доступъ, такъ какъ чѣмъ больше людей будетъ работать, тѣмъ лучше будетъ урожай и тѣмъ надежнѣе общее благосостояніе.

Идеаль свободныхъ земледѣльческихъ общинъ самъ собою отрицаетъ городскую культуру. Въ третьей части „Воскресенія“ Толстой, описывая ссыльныхъ, противопоставляетъ мрачному озлобленному пролетарію, который работалъ въ городѣ, на фабрикѣ, добродушнаго, всегда готоваго улыбаться крестьянина. Въ этой простодушной улыбкѣ русскаго мужика, его довѣрчивомъ и веселомъ взглядѣ, Толстой видитъ всю прелесть неспорченной городомъ души. Онъ ненавидитъ городъ. Его герои всегда бѣгутъ изъ него. Съ тоской томился въ Москвѣ Левинъ, съ радостью вырвался изъ нея Нехлюдовъ, когда, сопровождая партію ссыльныхъ, онъ, подъ палящими лучами солнца, уходилъ изъ Москвы. Горькій въ своихъ нью-іоркскихъ рассказахъ и Андреевъ въ „Проклітіи звѣря“ только утрируютъ давно выраженныя Толстымъ идеи. Что же однако дѣлать съ фабриками, съ магазинами? На это Толстому отвѣтить нетрудно. Нѣтъ въ городѣ ничего такого, безъ чего нельзя было бы обойтись съ выигрышемъ для здоровья и нравственности. Фабрики изготовляютъ предметы роскоши. Магазины — лукавый соблазнъ. Уничтожится городъ, и разомъ потеряютъ смыслъ всѣ его учрежденія. Суды, административныя учрежденія, почта, банки — все это нужно собственникамъ, капиталистамъ, полиціи и все это ненужно честному и простому жителю деревни. Городъ порождаетъ болѣзни и для нихъ создаетъ больницы; въ деревнѣ больше здоровыхъ людей, а больныхъ родные не любятъ отпускать отъ себя въ чужія руки, въ противоположность безчувственнымъ горожанамъ, которые рады освободить себя отъ всякихъ безпокойствъ. Въ яркой, но преувеличивающей взгляды самого автора, формѣ изложены всѣ эти мысли въ фантазіи „Воскресеніе ада“. Глубоко и чрезвычайно сильно выражаются онѣ въ его произведеніи: „Такъ что же намъ дѣлать?“, которое призываетъ къ деревнѣ и предлагаетъ раздѣлить день на четыре „упражки“: тяжелый физическій трудъ, умственный, ремесленный и, наконецъ, часы отдыха среди интереснаго круга людей. Показывая бессмысленность всякой городской благотворительности, вызываемой неравнымъ распредѣленіемъ благъ, показывая ненормальную извращенность въ жизни обезпеченныхъ людей, Толстой въ упомянутомъ произведеніи обращается къ женщинамъ, въ ней отгѣ-

чая силы, способная возродить больное человечество тамъ же рѣзко подчеркиваетъ онъ, что роскошная жизнь и стремленіе къ счастью человечества непримиримы.

Въ „Письмахъ къ рабочимъ“, „Обращеніи къ духовенству“, „Къ политическимъ дѣятелямъ“ Толстой призываетъ ихъ всѣхъ отречься отъ своего труда: фабрики не нужны, духовенство и политическіе дѣятели обращаютъ свою энергію не туда, куда нужно. Здѣсь анархистъ Толстой вполне сближается съ анархистомъ Кропоткинымъ („Рѣчи революціонера“). И тотъ и другой приглашаютъ каждого честнаго обеспеченнаго человѣка задуматься надъ вопросомъ, то ли онъ дѣлаетъ, что нужно? И каждый обеспеченный человѣкъ не можетъ признать себя во многомъ паразитомъ. Земство, дворянство, чиновники, судьи—все это выставляется Толстымъ въ смѣшномъ, карикатурномъ видѣ.

Всякій политическій порядокъ, будетъ ли онъ монархическій или конституціонный, парламентарный или деспотическій, имъ равно отвергается, какъ ненужный и одинаково вредный. Всякое господство—зло, оно портитъ и тѣхъ, кто властвуетъ, и тѣхъ, кто подчиняется. Конституціонныя гарантіи вовсе не нужны въ деревнѣ, гдѣ и такъ трудно стѣснить свободу, а въ городѣ все равно не будетъ свободы,

Какими же мѣрами думаетъ Толстой пересоздать современную жизнь? Великимъ орудіемъ для достиженія свободнаго и любовнаго общенія онъ считаетъ „непротивленіе злу насиліемъ“. Но это не есть подчиненіе злу—наоборотъ Толстой связываетъ эту идею съ „несодѣйствіемъ злу“ (см. „Конецъ вѣка“). Такъ, вооружаясь противъ собственности на землю, онъ рекомендуетъ рабочимъ отказываться отъ работы въ пользу помѣщиковъ и этотъ отказъ отъ работы уже имѣлъ мѣсто въ разныхъ губерніяхъ всего года два тому назадъ. Вооружаясь противъ государства, Толстой рекомендуетъ „непротиваться злу насиліемъ“, но въ то же время „не служить ему“, не платить налоговъ, не давать рекрутовъ. Подъ непосредственнымъ влияніемъ ученія Толстого такой способъ борьбы примѣняется „духоборами“ и жестокая сила власти съ трудомъ справляется съ духоборскимъ „непротивленіемъ злу насиліемъ“.

Идеи Толстого сложились въ строгую социологическую систему лишь въ послѣдніа десятилѣтія, но будетъ большою ошибкой думать, что въ его повѣстяхъ и романахъ не было зародыша всѣхъ его нынѣшнихъ воззрѣній. Насмѣшливое изображеніе дворянскихъ выборовъ и земскихъ дѣятелей въ „Аннѣ Карениной“ и другихъ произведеніяхъ претворилось теперь въ глубоко отрицательное отношеніе ко всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ вообще. Не только постоянная симпатія Толстого къ деревнѣ и ея обитателямъ, сквозящая во всѣхъ его разсказахъ и романахъ, но и его страстное исканіе правды сквозятъ всюду, начиная отъ „Дѣтства, Отрочества и

Юности“ и кончая его послѣдними произведеніями. Тотъ апостоль нравственности и анархистъ Толстой, или, какъ говорить Короленко, Іудей первыхъ вѣковъ христіанства, котораго мы недавно чествовали, является передъ нами и въ романѣ „Семейное счастье“ и въ образахъ Пьера Безухова, Левина или умирающаго Ивана Ильича.

Хотя въ своей „Исповѣди“ онъ раздѣляетъ свою жизнь на двѣ части, между которыми лежатъ жестокія муки совѣсти, соединенныя съ попыткой самоубійства, но мы, знаемъ, что эта „исповѣдь“ почти цѣликомъ содержится въ „Аннѣ Карениной“. Многие неспособны найти зародыши идей Толстого, въ его художественныхъ произведеніяхъ, но они ошибаются, думая, что антрактъ между двумя дѣйствіями и перемена обстановки совершенно мѣняютъ пѣсу.

Ученія Толстого можно критиковать со многихъ точекъ зрѣнія: они не удовлетворяютъ экономическому идеалу современнаго хозяйства они противорѣчатъ историческому развитію и основываются на слишкомъ идеалистическихъ предположеніяхъ. Но именно послѣднее и придаетъ особую цѣнность ученію Толстого. Онъ стоитъ, какъ нравственный колоссъ, выше современнаго человѣчества и зоветъ всѣхъ насъ къ высшей правдѣ. Въ томъ его сила и историческое значеніе. Но есть въ его проповѣди моральнаго очищенія и опасная сторона.

Толстой выросъ въ чарующей обстановкѣ Ясной Поляны; Обстановка создастъ писателя. Меланхолическая лира современнаго бельгійскаго поэта Роденбаха всазвучитъ напѣвами мертваго города Брюгге. А лира Толстого наибѣе родственна тому, кто выросъ въ Обломовской обстановкѣ тихой русской деревни. Здѣсь и таятся вся прелесть и вся опасность Толстовскаго міровоззрѣнія. Его идеи, какъ пѣсня сирены, способны завлечь бойца въ сѣти деревенскаго покоя. Внушая мысль, что не нужна ни наука, ни политическая дѣятельность, ни техника, онъ обезсиляетъ городского человѣка и уводяетъ его прочь отъ культурной кузницы. Однако, въ городской жизни не одна ложь: городъ необходимъ для культуры, въ немъ медленно, шагъ за шагомъ идетъ неуставная творческая работа, готовится будущая жизнь.

Міровоззрѣніе Толстого, повторяемъ, обладаетъ чарующей прелестью, но всякія чары опасны. Въ Россіи много философовъ, но мало работниковъ, такъ какъ недостаточно развито пониманіе и уваженіе къ культурной общественной дѣятельности а ею именно и пренебрегаетъ Толстой.

„Взрожденная земледѣльческой средой,—говоритъ Андреевичъ („Опытъ философіи русской литературы“),—выхоленная въ помѣщичьихъ гнѣздахъ— съ ясными слѣдами разложенія этихъ послѣднихъ на себя—русская литература XIX в. выдѣлила изъ себя упрямое и эксцентричное теченіе, которое въ разное время, подъ разными именами, съ разными цѣлями, то какъ славянофильство, то какъ народничество, то какъ толстовство—

является для нея въ высшей степени характернымъ и важнымъ. Это совъедва пробудившагося народа о своемъ золотомъ вѣкѣ, это христіанская мечта о праведной жизни. Оно, это теченіе признало путь западно-европейскаго развитія ложнымъ и страшнымъ—боролось съ нимъ, какъ могло во имя традицій общинно-земледѣльческой морали, особыхъ свойствъ русскаго народнаго характера, и даже теперь продолжаетъ въ лицѣ Толстого эту свою борьбу“ (49—50).

Идеи Толстого не могутъ преобразовать современный общественный строй и въ этомъ смыслѣ его проповѣдь бесплодна. Его ученіе есть безспорная утопія, какъ и ученіе всѣхъ другихъ анархистовъ нашего времени. Но когда человечество достигнетъ такой этической высоты, что не будетъ надобности въ правовомъ принужденіи, анархизмъ будетъ естественнымъ вѣнцомъ счастливаго челоческаго царства. И тогда въ числѣ учителей добра міръ съ олагодарностью вспомнитъ и великаго яснополянскаго философа-моралиста.

Г. Гинсъ.

ОТДѢЛЪ II.

Обзоръ журналовъ.

Журналъ Министерства Юстиціи (Сентябрь 1907 г. — Іюнь 1908 г.).

Единственнымъ прочно стоящимъ представителемъ юридическихъ журналовъ является у насъ „Журналъ Министерства Юстиціи“. Послѣ безвременно окончившихъ свое существованіе „Юридическаго Вѣстника“ и „Вѣстника Права“, отражавшихъ въ себѣ жизнь московскаго и петербургскаго юридическихъ обществъ — одинъ только „Ж. М. Ю.“ обслуживаетъ потребности развивающейся правовой науки. Правда, въ послѣднее время замѣчается нѣкоторое оживленіе періодической литературы, такъ, напр., появились „Извѣстія Политехническаго Института“ (въ Петерб.), которыя представляютъ особый интересъ, благодаря добросовѣстной сводкѣ всѣхъ выходящихъ книгъ и статей общественно-юридическаго содержания. Должно отмѣтить затѣмъ интересное изданіе Ярославскаго Демидовскаго лица „Юридическая Библиографія“ и юридическій отдѣлъ „Критическаго Обзорнія“. Юридическихъ газетъ, среди которыхъ первое мѣсто надлежитъ отнести только что справившему свой десятилѣтній юбилей „Праву“, мы, конечно, не считаемъ.

„Ж. М. Ю.“ богатъ главнымъ образомъ специальными статьями догматическаго содержания, а также обзорніями нашего и иностраннаго законодательства, но въ немъ попадаются время отъ времени цѣнные статьи, представляющія общій интересъ и захватывающія вопросы общественнаго быта. За истекшіи академическій годъ изъ такихъ статей обращаютъ особенное вниманіе двѣ.

Одна статья принадлежитъ проф. Д. Гриму и носитъ заглавіе: „Къ вопросу о соотношеніи институтовъ гражданскаго права съ хозяйственнымъ бытомъ народа“ (№ 8 1907 г.). Признавъ зависимость гражданскихъ правовыхъ нормъ и институтовъ отъ хозяйственнаго быта и отмѣтивъ постоянную эволюцію хозяйственной жизни, эволюцію, схемы которой представлены Бюхеромъ, Зомбартомъ и др., — проф. Гриммъ указываетъ, что, несмотря на это постоянное развитіе и измѣненіе хозяйственной жизни, многіе правовые институты продолжаютъ существовать въ теченіе тысячелѣтій и безъ существенныхъ перемѣнъ воспринимаются современнымъ правомъ отъ римскаго.

Въ объясненіе этого на первый взглядъ страннаго явленія проф. Гриммъ

указывает на тенденцію къ созданію абстрактныхъ институтовъ права и установленію среди модифицирующихся нормъ и положеній институтовъ „однородныхъ“. Образование этихъ институтовъ объясняется тѣмъ, 1) что институты приспособлены къ абстрактнымъ субъектамъ внѣ зависимости отъ ихъ внутреннихъ отношеній; такими субъектами помимо физическихъ являются юридическія лица (семья, государства, общества), внѣ зависимости отъ ихъ внутренняго строенія; 2) вторымъ факторомъ для установленія „однородныхъ“ институтовъ является то, что не измѣняются основныя хозяйственныя цѣли: производство, оборотъ и т. д.; наконецъ, 3) остаются прежнія воздѣйствія на объекты, т. е. прежнія хозяйственныя воздѣйствія на предметы (напр. въ обл. земледѣлія), при этомъ подъ воздѣйствіемъ на предметы понимается главнымъ образомъ отграниченіе отъ третьихъ лицъ.

Въ отличіе отъ этихъ „однородныхъ“ институтовъ проф. Гриммъ указываетъ на разнородные, примѣромъ которыхъ можетъ служить семейственное или наследственное право. Затрагивая принципиальный вопросъ о соотношеніи экономики и права, данная статья, очевидно склоняясь къ Штаммлеровскому воззрѣнію на ихъ взаимозависимость, переходитъ къ болѣе частному вопросу объ „однородныхъ“ институтахъ, разъясняя, что ихъ существованіе не противорѣчитъ общему рѣшенію вопроса о зависимости и взаимной обусловленности права и хозяйства. Статья проф. Гримма содержитъ въ себѣ нѣкоторыя мысли, аналогичныя съ высказанными Josef'омъ Карпер'омъ въ *Magy Studien V.*,—такое указаніе на недвижимыя институты, но по характеру развитія темы представляетъ нѣчто совершенно иное.

Другая интересная статья: „Алкоголизмъ и преступность“ (Іюнь 1908 г.) принадлежитъ перу Тарновскаго. Какъ справедливо указываетъ Чубинскій (Очерки уголовной политики ч. III), климатическія условія жизни, общественная среда, культурность и, наконецъ, индивидуальная склонность (физическій факторъ) равно соединяются въ сложномъ явленіи алкоголизма. Изученіе его поэтому представляетъ значительный интересъ. Приведемъ нѣсколько цитатъ изъ статьи Тарновскаго.

„Данныя нашихъ статистическихъ сводовъ слѣдуетъ признать ниже дѣйствительныхъ въ особенности числа алкоголиковъ, осужденныхъ окружными судами. Можно, безъ особаго опасенія впасть въ погрѣшность удвоить процентъ осужденныхъ, дѣйствовавшихъ въ состояніи опьяненія, и признать, что не 10, а 20% осужденныхъ (въ общихъ и мировыхъ судахъ) совершили преступное дѣяніе въ пьяномъ видѣ. Относительно процента первичныхъ пьяницъ возможно то же удвоеніе“. Изъ этого видно насколько важно изучить вопросъ объ алкоголизмѣ для уголовного политика, стремящагося уничтожить преступность.

Изъ числа преступленій, совершаемыхъ пьяницами, большая часть приходится на государственныя, религіозныя и противъ женской чести. Въ отношеніи территориальнаго распредѣленія минимумъ приходится на губерніи Царства Польскаго, максимумъ на сѣверъ Россіи и течение Волги. Конечно, значительное число преступниковъ-алкоголиковъ приходится на большіе города, въ частности Петербургъ и Москву.

„Общей характерной чертой движенія преступности въ современной Европѣ (за исключеніемъ Англіи и нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствъ) является уменьшеніе или отсутствіе роста преступленій противъ собствен-

ности (особенно кражъ и грабежей) и довольно быстрое увеличеніе числа мелкихъ проступковъ противъ личности (побоевъ, оскорбленій и т. п.), а также нарушеній общественнаго порядка и спокойствія. Это измѣненіе въ характерѣ современной преступности большинствомъ изслѣдователей ставится въ связь съ растущимъ употребленіемъ алкоголя“.

Статья Тарновскаго приводитъ много интересныхъ цифръ, не исчерпывая, конечно, всего возможнаго матеріала и оставляетъ открытымъ вопросъ, гдѣ и въ какой мѣрѣ дѣйствуютъ космическіе, соціальныя и физическіе факторы.

Изъ другихъ статей мы отмѣтимъ рядъ историко-правовыхъ изслѣдованій. Среди нихъ значительный интересъ представляетъ статья проф. Сергѣевича: „Первичныя народныя собранія у германцевъ и грековъ“ (№ 10, 1907 г.). Дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую легко можетъ вызвать возраженія и сомнѣнія. Проф. Сергѣевичъ показываетъ, какъ у грековъ (по Иліадѣ) и древнихъ германцевъ, несмотря на раздѣляющіе ихъ вѣка, несмотря на то, что первые создали древнюю, а вторые среднюю исторію — были вполне аналогичныя обычаи, совершенно одинаково происходили первичныя собранія. Очевидно, каждый народъ имѣетъ свою древнюю, среднюю и новую исторіи, въ зависимости отъ того правового уклада, въ которомъ онъ находится. Вѣча у славянъ и собранія у грековъ и германцевъ происходили одинаково, не трудно было бы показать, что обычныя собранія „мира“ въ деревняхъ тоже носятъ на себѣ черты вѣчевыхъ порядковъ.

Статья проф. Сергѣевича вошла въ новое изданіе его извѣстнаго изслѣдованія „Вѣче и князь“.

Отмѣтимъ еще работу бар. Корфа: „Происхожденіе Москвы“. Авторъ имѣетъ въ виду не только происхожденіе Москвы, какъ города, но и какъ особаго государственнаго порядка, создавшаго эпоху русскою исторіи.

По поводу происхожденія Москвы существуетъ много преданій. Изъ нихъ выдѣляются особенно двѣ различныхъ группы. Одни повѣствуютъ о вѣкомъ бояринѣ Кучкѣ, поссорившемся съ княземъ Юріемъ Долгорукимъ. При этомъ, по различнымъ варіанціямъ, Кучка,—то природный мѣстный бояринъ, то новгородскій богачъ, основавшій на Москвѣ-рѣкѣ торговый городокъ у своего помѣстья. Въ этихъ преданіяхъ ссора Кучки съ княземъ рисуется, какъ частное происшествіе на почвѣ ихъ личныхъ отношеній.

Другая группа преданій очевидно отражаетъ въ себѣ цѣлую эпоху. Здѣсь говорится о ссорѣ князя съ Кучкой, какъ о ссорѣ двухъ противоположныхъ началъ централизаціи и децентрализаціи, какъ объ установленіи новыхъ порядковъ сильной княжеской властью. Этими преданіямъ авторъ придаетъ меньшее значеніе. Онъ, однако, не рѣшаетъ вопроса окончательно, указывая на археологическія раскопки, какъ лучшее средство провѣрить факты.

Что касается Москвы, какъ эпохи государственнаго строя, то здѣсь авторъ намѣчаетъ главнымъ образомъ путь изслѣдованія. Подробно выяснивъ преимущество географическаго положенія Москвы - рѣки съ ея бассейномъ, и остановившись на московской землицѣ и ея особенностяхъ, бар. Корфъ говоритъ, что для объясненія того, какъ возвышалась Москва, необходимо изслѣдовать экономическій бытъ, личность царей и вліяніе чужестранныхъ идей, т. е. всѣ эти факторы вмѣстѣ и создали нашу первопрестольную столицу.

Очень интересно написан очеркъ Люблинскаго: „Страница изъ исторіи англійскаго правосудія“ (№ 3 1908). „Въ Англiи,— говорятъ авторъ,— исторія сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ царитъ надъ творческой мыслью народа, здѣсь она и вѣрнѣе отражается въ судьбахъ учрежденій и социальныхъ формъ“. Огложеніемъ психической культуры служатъ матеріальная, такъ, напримѣръ, для изученія культуры не мало говорятъ «каменные страницы исторіи», къ которымъ съ такой любовью звалъ В. Гюго въ своемъ чудномъ романѣ „Notre Dame de Paris“.

Содержаніе интересующаго насъ очерка какъ разъ относится къ такимъ „каменнымъ страницамъ“. Онъ написанъ по поводу недавно совершившагося разрушенія стараго Лондонскаго суда, извѣстнаго подъ именемъ „Старый Бэилл“. Это зданіе и его сосѣдка тюрьма Ньюкэтъ рѣзко выдѣлялись на фонѣ окружающаго ихъ торговаго Сити. Вмѣстѣ съ этими зданіями стерлись слѣды суроваго правосудія и жестокихъ каръ, о которыхъ и повѣствуетъ авторъ. Предъ нами проходитъ рядъ преступниковъ—героевъ толпы, окруженныхъ легендами, а съ ними и рядъ наказаній въ исторической эволюціи. Открывается нашимъ глазамъ и древній англійскій судъ въ его чопорности и упрямой консервативности приемычекъ, судъ, въ которомъ были и грозныя эмблемы власти, и торжественныя обѣды. А эта картина смѣняется, въ свою очередь, картиной новаго, современнаго англійскаго суда, все еще не лишенаго пережитковъ старины, но зато близкаго къ этическимъ требованіямъ современности.

Англiя даетъ особенно много матеріаловъ для изучающихъ уголовное судопроизводство и для изучающихъ государственно-правовой строй. Въ настоящее время, когда въ Европѣ не осталось ни одного не конституціоннаго государства, вопросы парламентаризма, какъ дальнѣйшаго развитія конституціонно-монархическаго государства получаютъ особое значеніе. Въ „Ж. М. Ю.“ часто помѣщаются статьи, посвященныя англійскому государственному строю. За послѣдній академическій годъ мы находимъ статьи Горенберга: „Парламентарное управленіе въ Англiи“ (Январь 1908) и Алексѣева: „Къ ученію о парламентаризмѣ“. Горенбергъ отмѣчаетъ вліяніе гибкаго парламентскаго „наказа“ (lex parliamenti) на развитіе государственнаго строя. Такъ, напр., путемъ измѣненія и толкованія „наказа“ англійскій парламентъ добился всеобщаго финансоваго и бюджетнаго контроля и ограничилъ королевскія прерогативы въ области назначенія должностныхъ лицъ, наградъ и т. д. Дѣйствительно парламентъ легко можетъ смѣнить должностныхъ лицъ, признавъ ихъ излишними, учредивъ новыя, измѣняя штаты и т. д.

Остатываясь на самой характерной чертѣ парламентаризма — министерствѣ изъ большинства палаты, Геренбергъ считаетъ особое развитіе коллегіальности министерства, какъ цѣлаго, плодомъ партійныхъ обычаевъ. Интересно характеризуется роль „оппозиціи его величества“, какъ именуется меньшинство. Его задача—альтернативація всѣхъ правительственныхыхъ мѣръ. Критика ex officio настолько утончается, а присутствіе въ меньшинствѣ бывшихъ правителей настолько придаетъ этой критикѣ силу, что она становится необходимой частью законодательнаго процесса и оппозиція какъ бы составляетъ одну изъ должностей „его величества“.

Алексѣевъ въ своей статьѣ стремится показать, что парламентаризмъ переходитъ изъ фактическаго состоянія въ правовое.

Въ „Ж. М. Ю.“ помѣщаются постоянныя корреспонденціи Сесиль Мидъ Аллена, представляющія интересныя обзорѣнія текущей англійской жизни.

Нельзя не упомянуть затѣмъ о помѣщенномъ въ № 4, 6 (1908 г.) переводѣ первой половины Швейцарскаго гражданскаго уложенія. Это одинъ изъ лучшихъ продуктовъ современнаго законодательства, представляющій значительный прогрессъ по демократичности содержания и улучшенію техники. Авторъ этого уложенія, профессоръ Вернскаго университета Губеръ создалъ себѣ прекрасный памятникъ. Объ особенностяхъ этого уложенія редакция „Ж. М. Ю.“ объщаетъ особенную статью.

Въ заключение нашего обзора мы можемъ только пожелать „Ж. М. Ю.“ дальнѣйшаго процвѣтанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще больше пожелать возникновенія новаго юридическаго журнала, менѣе спеціальнаго и болѣе удѣляющаго мѣста новѣйшимъ теченіямъ правовѣднія.

Журнальная литература о психологической теоріи права.

Изъ юридическихъ статей, помѣщенныхъ въ не-спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ, обращаетъ на себя вниманіе обширная литература о сочиненіяхъ проф. Петражицкаго. Занявъ боевую позицію по отношенію ко всему старому ученію о правѣ и предложивъ новую психологическую „Теорію права и государства“, онъ естественно возбудилъ вниманіе ученаго міра и вызвалъ оживленную критику. Остановимся на нѣсколькихъ статьяхъ, посвященныхъ разбору его послѣднихъ произведеній.

Въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ (Янв.—Февр.) кн. 91 (1) помѣщена интересная рецензія Р. Орженцкаго.

Онъ не признаетъ введенной Петражицкимъ особой категоріи активно-пассивныхъ переживаній (эмоцій). „Активная часть эмоціи—повукавіе, позывъ, моторное раздраженіе—очевидно, ничто иное, какъ волевой процессъ въ той или другой стадіи его развитія, тогда какъ пассивный остатокъ—„претерпѣваніе“—обыкновенный спутникъ волевого процесса, иногда нѣсколько ранѣе появляющійся въ сознаніи, часто почти незамѣтный—чувство“ (стр. 115). Изъ цитированной фразы явно видно, что авторъ приписываетъ проф. Петражицкому не то, о чемъ онъ учитъ. Активно-пассивное переживаніе (эмоція) основано на особомъ устройствѣ нервной системы человѣка, при которой, благодаря почтово-телеграфной конторѣ—мозгу, всѣ основныя психологическія переживанія одновременно ощущаются и вызываютъ рефлексы, приходятъ ли возбудители извнѣ посредствомъ органовъ чувствъ или изнутри, благодаря физиологическимъ процессамъ. Основныя переживанія, такимъ образомъ, вполне соответствуютъ основному устройству нервной системы съ ея воспринимательными и рефлективными путями.

Эмоціональныя переживанія вовсе не должны, по ученію проф. Петражицкаго, всегда сопровождаться сознательнымъ, интеллектуальнымъ спутникомъ, какъ это думаетъ рецензентъ, и только путемъ діагноза ихъ можно приводить въ легко распознаваемый видъ изъ быстро мелькающихъ, смѣняющихся актовъ. Называя тѣ эмоціи, которыя переживаются какъ безсознательныя активно-пассивныя переживанія,—„координированной системой произвольныхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ рефлекторныхъ, дѣйствій и физиологическихъ измѣненій“,—Р. Орженцкій нисколько не лишаетъ ихъ

эмоционального характера, а только выясняет их характер и биологически-полезное назначение, съ čímъ вполне можно согласиться.

Замѣняя инстинкты эмоціями, мы ставимъ на мѣсто непонятныхъ психологамъ переживаній, неизвѣстно къ какой категоріи относящихся—переживанія вполне опредѣленнаго характера и этимъ способствуемъ выясненію ихъ природы происхожденія и развитія. Этимъ разрѣшается недоумѣніе г. Орженцкаго (стр. 121), зачѣмъ замѣнять инстинкты эмоціями.

Далѣе идетъ критика, основанная на смѣшеніи объективно-цѣлесообразнаго съ разумно, сознательно-цѣлевымъ. По эмоциональной психологіи цѣлью будетъ представленіе, соединенное съ эмоціоанальнымъ влеченіемъ. Всѣ эмоціи, сами по себѣ будучи цѣлесообразными (въ нормальныхъ случаяхъ—иначе жизнь индивида и общества была бы хаосомъ), не являются большей частью сознательно-цѣлевыми. Это настолько очевидно, что подтверждается самимъ Орженцкимъ (стр. 125), и о томъ, цѣлесообразны ли они или нѣтъ, проф. Петражицкій временно умалчиваетъ и не даетъ отрицательнаго отвѣта, какъ думаетъ критикъ (стр. 126).

Подобно этому, на собственныхъ предположеніяхъ, а не словахъ проф. Петражицкаго, основанному нападенію Орженцкій доказываетъ далѣе, что право—продуктъ общественности и цѣлевого (въ смыслѣ объективно-цѣлесообразнаго) поведенія. Между тѣмъ это нигдѣ не отрицается проф. Петражицкимъ и только теорія перехода индивидуальныхъ переживаній въ социальныя еще не имѣется въ печатномъ видѣ. Въ „Теоріи права“ можно найти лишь нѣкоторыя указанія въ главѣ объ унификаціи. Утвержденіе, что „теорія проф. Петражицкаго возвращаетъ насъ къ фязіократическому взгляду на общество, какъ механической комплексъ атомовъ-индивидовъ“ (стр. 129),—а также недоумѣніе, „откуда берется нормативный характеръ нѣкоторыхъ проэкцій“ (стр. 130) объясняются тѣмъ, что критикъ хочетъ разрѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые не составляли содержанія „Теоріи права“.

Странно, что г. Орженцкій отрицаетъ возможность существованія чисто императивныхъ побужденій, приписывая ихъ субъективному вкусу проф. Петражицкаго. Анализъ индивидуальной психологіи смѣшивается имъ съ субъективнымъ отношеніемъ автора. Странно также, что авторъ рецензіи проглядѣлъ (стр. 135) то различіе, съ которымъ проф. Петражицкій относится къ техническому (искусственному) словоупотребленію, съ одной стороны, и безсознательно-гениальному житейскому словоупотребленію—съ другой.

Въ „Русскомъ Богатствѣ“ (Янв.—Февр. 1908 г.) помѣщена статья М. Рейснера „Современная юриспруденція“. Авторъ присоединяется ко всѣмъ главнымъ положеніямъ психологической теоріи права и очень удачно отмѣчаетъ, что эмоциональная психологія сводитъ всѣ психологическія переживанія къ монистической системѣ, такъ какъ эмоція является главной, преобладающей формой переживаній. Ученіе о справедливости (вѣтутивное право) признано совершенно убѣдительнымъ и общее ученіе изложено правильно. Слабой частью статьи является параллель между Петражицкимъ и Кваппомъ, юристомъ середины XIX ст. Между ними, какъ нетрудно убѣдиться, сходство только въ словахъ. Книшъ борется съ естественнымъ правомъ, какъ „фантазмой“, а проф. Петражицкій съ „фаятазмами“ вообще, которыя закрываютъ наввному уму пониманіе дѣйствительныхъ явленій.

Въ Критическомъ Обзорѣнн рецензію на „Введеніе въ изуч. права и нравственности“ помѣстилъ Виноградовъ 1908 г. В. III (VIII). Онъ упрекаетъ автора въ поверхностномъ психологическомъ анализѣ, который тотъ употребляетъ по отношенію къ другимъ психологамъ. Такъ, напр., теорія эмоцій Джемса-Ланге почти игнорируется и существо ея изложено очень слабо. Съ другой стороны, рецензентъ замѣчаетъ у проф. Петражицкаго склонность повторять уже извѣстные психологич. мотивы со огрѣженіемъ къ новшеству.

Теорія эмоцій, какъ активно-пассивныхъ переживаній, пугаетъ рецензента, благодаря тому, что получается невѣроятное обиліе эмоцій. Другихъ замѣчаній по существу не содержится.

„Теорію права“ рецензировавъ Гинцбергъ т. I (1908 в. II) и т. II 1908 г. в. II (VII). Особенно интересныхъ замѣчаній не имѣется. Осуждается архитектура книги, смѣшеніе критики съ положительными теоріями и нѣкоторыя новшества, какъ напр., „объекты обязанностей“: послѣднее, конечно, вызвано необходимостью подчеркивать двусторонность правовыхъ переживаній право— обязанность, порождающую всегда двѣ стороны отношенія.

Г. Гинсъ.

Рецензіи.

Вл. Войтинскій. Рынокъ и цѣны. Теорія потребленія рынка и рыночныхъ цѣнъ. Съ предисловіемъ М. И. Туганъ-Барановскаго. Спб. 1906.

„...Мы подвигаемся впередъ въ свѣтѣ скорѣе благодаря тому, что мы принимаемъ любезности, чѣмъ тому, что мы ихъ оказываемъ; берутъ вялую вѣтку и сажаютъ ее въ землю, а потомъ поливаютъ ее, потому что ее посадили“. Этими словами Штерва можно характеризовать широкую, но своеобразную популярность теоріи предѣльной полезности въ рядахъ современныхъ экономистовъ: эта теорія культивируется многочисленными извѣстными и неизвѣстными авторами не столько вслѣдствіе своихъ заслугъ и достоинствъ, сколько вслѣдствіе своихъ недостатковъ и противорѣчій, которые каждый авторъ пытается исправить и устранить по своему: не пользуясь правами признанной въ наукѣ доктрины въ томъ чистомъ видѣ, какой придала ей австрійская школа—Menger, Wieser, V.-Bawerk,—теорія предѣльной полезности все больше становится всеобщимъ protégé экономистовъ, гибкимъ, податливымъ, принимающимъ въ рукахъ cadaго автора новый обликъ, то сливаясь съ теоріей трудовой цѣнности (Dietzel), то находя опору въ теоріи издержекъ производства (Seligman и другіе), то бряцая оружіемъ старинной психологіи (Оржецкій) и т. д. Одну изъ новѣйшихъ оригинальныхъ попытокъ перестроить съ основанія все зданіе субъективистической экономіи на фундаментѣ опредѣленнаго методологическаго ученія представляетъ интересная книга Вл. Войтинскаго. Г. Войтинскій называетъ свой методъ историко-психологическимъ; слово „историческій“ не должно вызывать у читателя предположенія, будто авторъ включаетъ въ кругъ своего анализа историческій процессъ измѣненій и развитія хозяйственной жизни; наоборотъ, „исгоризмъ“ здѣсь, по примѣру Зомбарта, заключается въ совершенномъ устраниннн вопросовъ соціального генезиса, въ сознательномъ отрываннн изслѣдуемой ступени развитія отъ ея историческихъ корней, и въ признаннн первопричиной хозяйственныхъ явленнн и послѣдней инстанціей научнаго авализа данныхъ въ готовомъ видѣ исторически окрашенныхъ хозяйствен-

ных мотиваций людей. Но между методологическими взглядами автора „Современного капитализма“ и историко-психологическим методом Войтинского, все-таки цѣлая пропасть: ихъ разъединяетъ австрійская школа и въ особенности ея, говоря словами Войтинского, „атомистически-психологическая точка зрѣнія“, чуждая Зомбарту. Последний скорѣе склоняется къ синтетической концепціи общественнаго хозяйства, какъ цѣлаго, подчиняющагося господствующему въ данное время „духу“, живущему въ руководителяхъ производства. Этими немногими словами можно ограничиться для характеристики вліянія Зомбарта на разбираемый нами строй мыслей; гораздо интереснѣе и поучительнѣе рассмотреть отношеніе этихъ новыхъ мыслей къ старому идейному багажу австрійской школы.

Возстановимъ воображеніемъ общіе контуры теоріи цѣнности, созданной австрійцами. Прежде всего бросается въ глаза вѣнское, архитектурное, а также соответствующее ему внутреннее, логическое распаденіе этой теоріи на двѣ разнородныя части: ученіе о субъективной цѣнности и ученіе объ объективной цѣнности. Первая часть, трактующая объ оцѣнкѣ субъектомъ хозяйственныхъ благъ и основанныхъ на этой оцѣнкѣ явленіяхъ, какъ-то—отличіе полезности отъ цѣнности, величинѣ цѣнности и т. д.—эта часть основывается (или, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ притязаніе основываться) исключительно на простыхъ, всеобщихъ въ буквальномъ смыслѣ элементахъ психики, свойственныхъ всякому человѣку независимо отъ культуры, эпохи, націи и соціальнаго положенія, подобно тѣмъ общимъ психическимъ процессамъ, которые изслѣдуетъ психологія. Такъ какъ абстрактные элементы хозяйственныхъ мотивовъ должны входить въ психику любого человѣка каждаго историческаго періода, то при ихъ олицетворенія они неизбежно воплощаются въ изолированнаго хозяина, въ условій исторіи и общества. При переходѣ ко второй части теоріи, къ ученію объ объективной (мѣрновой) цѣнности выясняется, что человѣкъ современной эпохи тщательно очищенъ отъ всѣхъ свойствъ, дѣлающихъ его тѣмъ, что онъ есть и что отличаетъ его отъ людей другихъ эпохъ; что онъ лишень большинства дѣйствительно руководящихъ имъ стремленій; что онъ изуродованъ и упрощенъ до какой-то тощей общечеловѣчности исключительно для того, чтобы экономисты могли болѣе точно, болѣе полно и болѣе научно объяснять его настоящее хозяйственное поведение во всей его дѣйствительной сложности.

Какъ же осуществляютъ австрійцы это столь парадоксальное, столь очевидно невозможное объясненіе? Они группируютъ своихъ абстрактныхъ хозяйственныхъ людей по двое, по трое, по множеству и наблюдаютъ ихъ взаимодействіе; но бѣдныя тѣни имѣютъ только то, что имъ оставили—ограниченный въ количествѣ запасъ полезностей—и поэтому, несмотря на всю изобрѣтательность своихъ руководителей, никакъ не могутъ представить зрѣлище похожее на современный рынокъ, гдѣ фигурируютъ такія узко-историческія явленія, какъ деньги, купля-продажа, стремленіе къ максимуму прибыли и т. д. Но самое удивительное заключается въ томъ, что, сознавая неполноту своихъ объясненій товарныхъ цѣвъ (и большинство авторовъ эту неполноту сознаетъ), экономисты психологической школы видятъ причину этой неполноты не въ томъ простомъ фактѣ, что они сами, создавая абстрактнаго человѣка, выбрасываютъ за борть значительную часть экономической дѣйствительности,—а наоборотъ, обвиняютъ въ этой неполнотѣ неразработанность своей теоріи, т. е. недоста-

точную всеобщность и узость своих абстрактных категорий и недостаточно последовательное их применение, т. е. опять таки недостаточно строгое предпочтение малосодержательных абстракций конкретным явлениям.

Принимая основные методологические взгляды австрийской школы, признавая „психологически-атомистическую точку зрения“, считая точным объяснением хозяйственных явлений исключительно их дедукцию из хозяйственных мотиваций индивидов можно все-таки перестать закрывать глаза на неосновательность стремления дать точные законы хозяйственной жизни при игнорировании реальных элементов этой жизни. Если отнестись серьезно къ требованию „точности“ экономических построений, о которой такъ много говорятъ австрийцы, то замѣна абстрактныхъ хозяйственныхъ мотиваций конкретными, исторически и социальными обусловленными хозяйственными мотивами становится необходимостью. Вотъ почему заслуга перестройки всего психологическаго ученія объ объѣмѣ съ точки зрѣнія реальной психики выступающихъ на современномъ рынкѣ лицъ выпала на долю математически образованнаго экономиста Войтинскаго. Его „историко-психологическій“ методъ поэтому отнюдь не является плодомъ субъективной изобрѣтательности—но неизбежнымъ логическимъ этапомъ научной мысли въ ея стремленіи объяснить сложныя явленія хозяйства душевными побужденіями отдѣльных индивидовъ. Можно отрицать правильность этого пути для социальныхъ наукъ, но нельзя не приѣтствовать серьезный шагъ въ дѣлѣ приближенія психологическаго метода къ требованіямъ научности; чѣмъ полнѣе и совершеннѣе будетъ разработанъ психологическій методъ въ политической экономіи тѣмъ рельефнѣе будетъ обрисовываться его дѣйствительная компетенція, тѣмъ скорѣе станетъ очевиднымъ для всѣхъ, что оны способны и чего не способны дать. Книга г. Войтинскаго, представляющая, какъ мы старались показать, дѣйствительный методологическій прогрессъ, и съ этой стороны приводитъ къ важнымъ выводамъ.

Если традиціонный психологическій методъ несостоятеленъ, какъ мы старались показать въ краткихъ словахъ, и какъ болѣе подробно и убѣдительно доказываетъ это г. Вл. Войтинскій, то должны же существовать иныя причины его долгой живучести, кромѣ простой несообразительности его приверженцевъ. И такія причины дѣйствительно существуютъ. Для нихъ выясненія вспомнимъ привычку австрийцевъ отождествлять свой методъ съ методомъ естественныхъ наукъ. Цѣль естественно-научнаго познания, по словамъ Риккерта, заключается въ томъ „чтобы всю данную дѣйствительность подвести подъ общія понятія, заключить ее въ единую цѣльную систему взаимно подчиненныхъ все болѣе и болѣе общихъ понятій, во главѣ которой должны стоять понятія съ безусловно общимъ содержаніемъ, имѣющимъ значеніе для всѣхъ объектовъ, подлежащихъ наслѣдованію. Гдѣ цѣль эта достигнута, тамъ найдено то, что мы называемъ законами дѣйствительности“ (стр. 22 „Философія исторіи“). Таковъ дѣйствительно заманчивый идеалъ познания, обосновать прочую закономѣрность хозяйственныхъ явленій съ психологической точки зрѣнія можно было только на безусловно всеобщихъ элементахъ психики (окончательное ихъ разложеніе предоставлялось психологіи), ибо, какъ видно изъ цитаты Риккерта, только подведеніе явленій подъ безусловно всеобщія понятія приводитъ къ открытію объективной закономѣрности.

Неспособная охватить своими средствами тѣхъ явленій, которыя она пытается анализировать, теорія предѣльной полезности обнаруживаетъ внутреннее совершенство формальнологической конструкціи. И наоборотъ, мы въ правѣ предположить а priori, что историко-психологическій методъ, отказывающійся отъ установленія безусловно - всеобщихъ понятій, волюнѣ способенъ согласовать свои изысканія съ эмпирической дѣйствительностью, но долженъ представлять картины внутренняго нестроенія и логической незаконченности понятій. И эта неизбежная логическая хаотичность научныхъ продуктовъ историко - психологическаго метода волюнѣ подтверждается при ближайшемъ сравненіи его съ приемами австрійцевъ.

Всеобщій простой мотивъ хозяйствованія субъектовъ австрійской школы—это стремленіе къ наиболѣе полному удовлетворенію потребностей (такъ какъ насъ интересуетъ здѣсь только формальная сторона вопроса, то мы не касаемся споровъ о психологическомъ характерѣ и правильномъ наименованіи этого основнаго мотива). Объективная хозяйственная среда въ своемъ отношеніи къ основному хозяйственному мотиву субъекта тоже укладывается въ рамки всеобщихъ простыхъ опредѣленій: полезности благъ, т. е. способности удовлетворять человѣческія потребности, и ограниченность въ количествѣ относительно этихъ потребностей. Подводя мотивы индивидовъ, участвующихъ въ изслѣдуемомъ хозяйственномъ процессѣ, подъ найденный всеобщій хозяйственный мотивъ и разлагая объективныя условія хозяйства каждаго изъ этихъ индивидовъ на непосредственное отношеніе къ запасамъ благъ количественно опредѣленнымъ, австрійская школа приводитъ весь составъ хозяйственнаго явленія къ простымъ элементамъ, не имѣющимъ ни исторической, ни социологической окраски, ни со стороны психики хозяйствующихъ лицъ, ни со стороны объективныхъ условій хозяйства.

Признаемъ теперь вмѣстѣ съ г. Войтинскимъ „исторически опредѣленный характеръ хозяйственныхъ мотиваций“ и положимъ въ основу своихъ дедукцій хотя бы „капиталистическій духъ“ Зомбарта, стремленіе къ прибыли ради прибыли. Такъ какъ этотъ капиталистическій духъ не принадлежитъ ко всеобщимъ свойствамъ человѣческаго духа, то противъ „историко-психологическаго“ метода поднялъ бы прежде всего свой голосъ духъ исторіи, не соглашаясь призывать душевныхъ стремленій опредѣленной эпохи божественнымъ откровеніемъ, ниспосланнымъ съ неба въ готовомъ видѣ въ одинъ прекрасный моментъ, но требуя тщательнаго анализа условій происхожденія и развитія этого духа времени“. Допустимъ, однако, что удалось бы преодолѣть это затрудненіе, передавъ вопросъ о генезисѣ „исторически-опредѣленныхъ хозяйственныхъ мотиваций“ особой исторической дисциплинѣ. Невозможность создать общія простыя понятія путемъ историко-психологическаго изслѣдованія, т. е. невозможность открыть законы хозяйственной жизни этими методомъ обнаруживается съ еще большей силой съ другой стороны. Подобно тому, какъ психологической простотѣ мотивацій австрійской школы соответствовала абсолютная простота хозяйственной среды, такъ исторически данной психологической сложности какого нибудь „капиталистическаго духа“ должна соответствовать социально-экономическая сложность объективныхъ условій, въ которыхъ хозяйничаетъ этотъ „духъ“. Если хозяйственныя мотиваціи исчерпываются стремленіемъ къ наилучшему удовлетворенію потребностей, то хозяйствен-

ная среда принимается во внимание лишь постольку, поскольку она дѣлаетъ возможнымъ проявленіе этого стремленія—она принимается, какъ запасы полезностей; если же хозяйственныя мотивации выражаются стремленіемъ къ максимуму прибыли, то хозяйственная среда опять должна приниматься, какъ условіе, дающее возможность двигаться и работать „капиталистическому духу“—т. е. она должна представлять изъ себя способный къ самовозрастанію капиталъ. Если со стороны хозяйственныхъ цѣлей историко-психологической методъ наталкивается на сложныя историческія образования, то со стороны объективныхъ хозяйственныхъ средствъ, служащихъ для достиженія этихъ цѣлей, она останавливается передъ сложными социальными-экономическими явленіями. Ограничиваясь описаніемъ реальныхъ явленій хозяйственной жизни съ точки зрѣнія реальныхъ хозяйствующихъ субъектовъ ист.-психологической методъ не приводитъ къ ложнымъ результатамъ и удовлетворяетъ чувство правдивости, но научная мысль не можетъ отказаться отъ анализа сложныхъ социальными-экономическими предпосылокъ, принимаемыхъ этимъ методомъ; тѣмъ болѣе, что этимъ анализомъ до сихъ поръ, худо ли хорошо ли, занималась вся теоретическая политическая экономія, проблемы которой остаются нерѣшенными, даже послѣ работы историко-психологического метода.

Признаніе неразложимыхъ сложныхъ социальными-экономическихъ предпосылокъ столь же неизбежно при изслѣдованіи „продавцовъ и покупателей“ г. Войтинскаго, какъ при изслѣдованіи „капиталистическаго духа“ или вообще любыхъ исторически опредѣленныхъ хозяйственныхъ мотиваций. Г. Войтинскій анализируетъ поведеніе типичныхъ современныхъ покупателей и продавцовъ въ различной торговлѣ, терпѣливо и систематически изслѣдуетъ совершающіяся вокругъ насъ купли и продажи, пытается выкинуть въ наиболѣе сокровенныя переживанія потребителей и купцовъ; при помощи теоріи предѣльной полезности и эмпирическихъ данныхъ статистики съ должной осторожностью и многословными оговорками онъ строитъ очень интересную математическую формулу типическаго поведенія потребителей при разныхъ условіяхъ, при прѣмѣненіи ихъ субъективнаго настроенія подъ влияніемъ моды, рекламы и т. п. Столь же детально изображаетъ намъ авторъ взаимодѣйствіе продавцовъ и покупателей на рынкѣ, принимая во вниманіе множество конкретныхъ условій—въ родѣ характера товаровъ (предметы необходимости или роскоши, взаимнаго расположенія лавокъ и путей сообщенія, комфорта магазиновъ и т. п.). Характернымъ для хозяйственныхъ мотиваций, установленныхъ Войтинскимъ, можно признать ихъ фрагментарность—переживанія и поведеніе рыночныхъ контрагентовъ сводится всецѣло къ положенію ихъ на рынкѣ, и совершенно игнорируется возможность влияния на рыночныя сдѣлки хозяйственныхъ соображеній, имѣющихъ корни за предѣлами рынка. Напр., купецъ у г. Войтинскаго руководствуется не стремленіемъ къ максимуму прибыли, а только стремленіемъ выручить наибольшую сумму денегъ за имѣющійся у него запасъ товаровъ. Сообразно съ этой цѣлью купецъ назначаетъ опредѣленную цѣну на свои товары.

Картина образованія цѣвъ, нарисованная Войтинскимъ, не разлагается безъ остатка на исторически опредѣленныя мотивации покупателей и продавцовъ. Въ составѣ ея остаются еще такія сложныя экономическія образования, какъ запасъ товаровъ у купцовъ и запасъ денегъ у покупателей. Причины образованія цѣвъ остаются „за предѣлами рынка“, куда авторъ

не проникает со своимъ анализомъ, несмотря на соотвѣтственное названіе послѣдней главы „Рынка и Цѣвъ“. Поэтому можетъ оставаться смутная надежда, что при дальнѣйшемъ расширеніи поля изслѣдованія всю экономическую дѣйствительность удастся растворить въ психологическія категоріяхъ. Достаточно бѣлаго взгляда на общезвѣстные факты, чтобы убѣдиться въ противномъ. Возьмемъ, напр., неразложенное пока въ анализѣ г. Войтинскаго на психологическіе элементы явленіе—запасъ товаровъ у продавцовъ. Этотъ запасъ не падаетъ съ неба. Они закупаютъ его на оптовомъ рынкѣ по даннымъ цѣнамъ, руководствуясь стремленіемъ выручить наибольшую прибыль при перепродажѣ. Если цѣны назначаются въ соотвѣтствіи съ количествомъ даннаго запаса товара у купца (одинъ изъ основныхъ факторовъ образованія цѣвъ по Войтинскому), то количество приобретаемаго купцомъ товара опредѣляется его расчетомъ ожидаемаго максимума прибыли. Не будь для каждаго купца объективной величины издержекъ приобретенія товара, онъ не имѣлъ бы ни малѣйшей возможности опредѣлять эту предполагаемую величину прибыли, и слѣдовательно, не имѣлъ бы критеріи для опредѣленія надлежащей величины закупаемаго товарнаго запаса—и никакой рынокъ, и никакія цѣны не могли бы существовать. И какъ бы мы ни подвигались по лѣстницѣ купцовъ, доходя до производителей товара, вездѣ мы будемъ находить въ основѣ хозяйственныхъ расчетовъ объективно данныя издержки приобретения или производства товара.

Такая неспособность „историко-психологическаго“ метода разложить сложныя экономическія категоріи современности вытекаетъ изъ его логической сущности: разъ мы беремъ людей конкретно въ опредѣленной социально-экономической средѣ, мы всегда будемъ находить эту среду въ самодовлѣющей цѣлости, какое бы количество людей и экономическихъ ситуаций ихъ мы ни взяли.

Резюмируемъ сказанное: работа г. Вл. Войтинскаго представляетъ существенный, логически необходимый этапъ психологическаго направленія политической экономіи; его тонкіе, чуткіе къ дыханію реальной жизни, приемы изслѣдованія свидѣтельствуютъ о научномъ прогрессѣ сравнительно съ абстракціями австрійской школы. Но результаты его изслѣдованій выдвигаютъ со всей силой старый вопросъ о границахъ психологическаго метода въ политической экономіи, и служатъ отрицательнымъ доказательствомъ необходимости искать разрѣшенія экономическихъ проблемъ не въ индивидуальной душѣ, а въ законахъ жизни общества, какъ цѣлаго.

М. Д.

Фюстель де-Куланжъ. Римскій колонатъ. Переводъ подъ редакцію проф. И. М. Гревса. С.-Петербургъ. 1908. Стр. XXV+197. Ц. 1 р. 50 н.

Вышедшій недавно русскій переводъ изслѣдованія Фюстель де-Куланжа о римскомъ колонатѣ относится къ числу т. н. travaux préliminaires (предварительныхъ работъ) для общаго труда о феодализмѣ. Впервые это изслѣдованіе появилось еще при жизни автора¹⁾. Вопреки

¹⁾ Въ первомъ изъ сборниковъ отдѣльныхъ изслѣдованій Ф. де-Куланжа, — «Recherches sur quelques problèmes d'histoire». Paris. 1885.

миѣніямъ, видѣвшимъ въ феодальномъ строѣ установленіе или исключительно германскаго (германисты), или же исключительно римскаго (романисты) происхожденія, Фюстель де-Куланжъ доказываетъ, что феодализмъ созданъ въ силу взаимодѣйствія многихъ социальныхъ факторовъ, корни которыхъ лежатъ въ глубинѣ прошлыхъ вѣковъ и можетъ быть поставленъ въ связь съ крѣпостной зависимостью сельскихъ жителей римской имперіи — колонатомъ.

Выяснивъ во введеніи всю трудность предстоящей задачи и несостоятельность существующихъ гипотезъ, Фюстель де-Куланжъ общаетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, на основаніи историческихъ документальныхъ данныхъ, — „изслѣдовать..., вышелъ ли колонатъ изъ одного источника или явился результатомъ нѣсколькихъ теченій; былъ ли учрежденъ сразу или образовался постепенно; осуществился ли онъ, какъ актъ законодательной воли, или представляя собою естественное послѣдствіе известной совокупности обычаевъ, комбинацію соответствующихъ интересовъ“ (стр. 6). Путемъ тщательнаго анализа документовъ (какъ актовъ законодательнаго творчества, такъ и сочиненій юристовъ, свидѣтельствъ историковъ и поэтовъ) Ф. де-Куланжъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Колонатъ, по его миѣнію, есть продуктъ не публично-, а частно-правовыхъ отношеній и развился всецѣло на почвѣ обычнаго права. Первое законодательное постановленіе, касающееся колонатныхъ отношеній, мы встрѣчаемъ въ IV в. послѣ Р. X. Это—постановленіе имп. Константина о прикрѣпленіи колона къ землѣ. Выяснивъ, что ни одинъ изъ писателей не приписываетъ установленіе колоната дѣятельности кого либо изъ императоровъ, Ф. де-Куланжъ доказываетъ, что практически колонатъ просочился въ римскія земельныя отношенія значительно раньше IV в. и выразился въ существованіи т. н. *colonus partiaris*'a (фермера-дольщика), напоминающаго отчасти нашего русскаго крестьянина, работавшаго исполу. Дѣло въ томъ, что съ понятіемъ о договорѣ найма земли законъ соединялъ требованіе обозначенія цѣны арендуемаго участка (*merces*). Такимъ образомъ, съемщикъ изъ части (*colonus partiaris* — въ отличіе отъ *colonus conductor* по имени самого контракта: *locatio-conductio*) законъ не зналъ. Такая форма аренды являлась лишь терпимой и не давала съемщику тѣхъ гарантій, какія обезпечивались за нимъ контрактомъ. Несомнѣнно, что такой — безформальный и недѣйствительный съ точки зрѣнія права — видъ аренды принимался на практикѣ все чаще и чаще по мѣрѣ обдѣлнвнн фермеров-conductor'овъ, благодаря потерѣ залоговъ (*pignus*), вносимыхъ ими въ обезпеченіе правильной уплаты *merces*. Обдѣлнвшнн *coloni-conductores*, не имѣвшнн возможности представить поручителей въ томъ, что, отойдя отъ прежняго землевладѣльца, они уплатятъ ему позднѣе свои недоимки, оставались на землѣ кредитора, какъ неоплатные должники, и работали уже изъ части, не смѣшиваясь, однако, съ рабами. Рядомъ съ усиливающимся колонатомъ продолжало существовать все таки и свободное фермерство, хотя и отступавшее мало-по-малу на второй планъ.

Какъ и многие другіе институты въ римскомъ обществѣ, колонатъ образовался независимо отъ внѣшательства закона, развиваясь вмѣстѣ съ торжествомъ крупной земельной собственности, ибо культура новыхъ земель требовала большого количества рабочихъ рукъ; источники же указываютъ на то, что такіа земли (*saltus*) воздѣлывались именно руками

свободныхъ людей, а не рабскимъ трудомъ. Крестьяне, снимавшіе участки, на которые разбивались *saltus*, по утверженію Ф. де-Куланжа, были уже не *conductor* ами, а просто держальцами, заключавшими съ владѣтелемъ условіе объ уступкѣ ему опредѣленной части урожая, а иногда и обязывавшимися нести барщину и другія натуральныя (напримѣръ, извозную) повинности. Потомство такихъ свободныхъ держальцевъ большею частью оставалось на отцовской землѣ и, такъ сказать, — „закрѣпощалось“ этой землею.

Какъ на побочный источникъ колонатныхъ отношеній, Ф. де-Куланжъ указываетъ на заселеніе (принудительное и добровольное) свободныхъ участковъ колонами-германцами. Опровергая мнѣнія тѣхъ, кто настаиваютъ на „естественной расовой ненависти“ германцевъ къ римлянамъ, Ф. де-Куланжъ на основаніи текстовъ показываетъ, что многіе германцы добровольно переходили на итальянскую галльскую территорію и, поселяясь на чужой землѣ, переходили въ состояніе, очень близкое къ колонату. Рядомъ съ этимъ наблюдалось и принудительное превращеніе плѣнныхъ германцевъ въ колоновъ. Таковы, по мнѣнію Ф. де-Куланжа, источники колоната.

Колонать есть институтъ обычно-правовой, — подчеркиваетъ авторъ всюду. Законодательство обратило на этотъ институтъ вниманіе лишь тогда, когда присутствіе колона на участкѣ начало служить основой вычисления доходности земли, такъ какъ земельной податью облагались лишь обрабатываемые участки. Тогда стало практиковаться занесеніе колоновъ въ списки ценза (податныя записи). Съ этого момента государство было заинтересовано въ томъ, чтобы колонъ не покидалъ воздѣлываемаго имъ участка, и этими-то соображеніями можно объяснить законъ имп. Константина, запрещавшій колону оставлять насиженное мѣсто. Другими сторонами колоната государство естественно не интересовалось, и потому онъ для насъ представляется весьма туманными. Но, путемъ искуснаго анализа отдѣльныхъ законодательныхъ памятниковъ, Ф. де-Куланжъ добываетъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно правового положенія колоновъ... Такъ, мы узнаемъ, что была запрещена продажа колоновъ безъ земли и земли безъ сидящихъ на ней колоновъ; что законъ признавалъ *ingenuitas* колона, этимъ самымъ отграничивая его отъ положенія раба и либертина (позднѣе, въ IV в. стали появляться уже постановленія, устанавливавшія различіе между колонами и свободными); что свободный держалецъ земли дѣлался колономъ лишь послѣ тридцатилѣтняго непрерывнаго сидѣнія на участкѣ; что, такимъ образомъ, переходъ въ колонатное состояніе подобнаго свободного крестьянина зависѣлъ въ большой степени отъ его собственной воли; что колонатное состояніе было наследственно и т. д.

Въ послѣдней главѣ (гл. X) Ф. де-Куланжъ разсматриваетъ послѣ-римскіе памятники и устанавливаетъ глубокую историческую связь между положеніемъ римскихъ и средневѣковыхъ колоновъ, при чемъ показываетъ свое обширное знакомство съ политиками (писцовыми книгами) IX вѣка, на основаніи изученія которыхъ онъ защищаетъ то положеніе, что средневѣковый общественный строй зналъ тѣ же самыя аграрныя порядки, какіе выработалъ древній Римъ.

„Исторію надо строить не на логическихъ доводахъ или предвзятыхъ мнѣніяхъ, а лишь на точныхъ данныхъ источниковъ“ (стр. 47):

вотъ правило, которому Ф. де-Куланжъ непоколебимо слѣдуетъ во всемъ своемъ сочиненіи. Кропотливая работа надъ источниками, подробный анализъ каждаго неяснаго мѣста, строгое отношеніе къ самому себѣ, выражающееся въ воздержаніи отъ моральной оцѣнки изучаемыхъ институтовъ, — все это въ высшей степени характеризуетъ знаменитаго французскаго ученаго. „Историкъ стремится повнмать, а не судить“, — пишетъ онъ (стр. 145). Разбирая тексты за текстами, Ф. де-Куланжъ упорно отказывается выводить на основаніи разработаннаго матеріала обобщающія положенія, — „*roug un jour de synthèse il faut des années d'analyse*“... Можно не соглашаться съ подобнымъ крайнимъ сужденіемъ, но должно признать, что въ тѣхъ рамкахъ, какими обставилъ авторъ свою работу, онъ справился съ нею блестяще.

Но при всѣхъ достоинствахъ труда нельзя не отмѣтить упорное умаленіе авторомъ роли законодателя въ дѣлѣ установленія колонатныхъ отношеній, желаніе во что бы то ни стало доказать, что законодательство ограничилось лишь констатированіемъ существованія возникшаго безъ его вмѣшательства института. Въ данномъ случаѣ должно согласиться со словами автора прекраснаго предисловія къ русскому переводу книги — проф. И. М. Гревса: „онъ (Ф. де-Куланжъ своимъ описаніемъ процесса занесенія колоновъ въ ценовые списки) невольно открываетъ, какъ констатирующая роль законодателя становилась конститутивною, даже если она только превращала въ стойкое право колеблющійся фактъ“.

Что касается перевода, то о качествѣ его говоритъ имя редактора, проф. И. М. Гревса. Цѣна книги, при небольшомъ ея объемѣ, довольно высока (1 р. 50 к.), но эта дороговизна объясняется невозможностью для нея широкаго сбыта, въ виду спеціальнаго ея характера.

Б. Перельманъ.

Карль Каутскій. „Обнищаніе и крушеніе“. Новѣйшая фаза революціонизма. Переводъ съ нѣмецкаго Дм. Лещенко. Спб. 1908. Цѣна 20 коп.

Каутскій принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, отъ вниманія которыхъ не ускользаетъ ни одно новое болѣе или менѣе крупное явленіе на фонѣ современнаго общественнаго хозяйства, такъ или иначе связанное съ судьбами развитія рабочихъ классовъ. Всякое измѣненіе въ соціально-экономической и политической жизни, отражающееся на судьбахъ рабочихъ, Каутскій тотчасъ же спѣшитъ отмѣтить и освѣтить, всякій разъ охватывая затронутый вопросъ чрезвычайно глубоко и живо. Правда, многія положенія, выдвигаемыя Каутскимъ, не всегда аргументируются тутъ же рядомъ всякаго рода цифръ, статистическихъ таблицъ, математическихъ формулъ и прочимъ, необходимымъ для статей строго-научнаго характера; статьи Каутскаго въ этомъ отношеніи часто носятъ на себѣ слѣды „журнальныхъ“ статей, но онѣ всегда обнаруживаютъ удивительно глубокій умъ, проникательность и ясность мысли автора ихъ. Къ такому роду статей относятся и „Обнищаніе и крушеніе“, — статьи, представляющія переводъ статьи Каутскаго „*Verelendung und Zusammenbruch*“, помѣщенной въ іюльскихъ номерахъ „*Die Neue Zeit*“ (№№ 42 и 43, 26 Jahrg. Bd. 2).

Въ разбираемой статьѣ (брошюрѣ), написанной по поводу недавно

вышедшей въ нѣмецкомъ изданіи книги М. Туганъ-Барановскаго „Современный социализмъ въ своемъ историческомъ развитіи“, Каутскій слѣдуетъ отмѣтить наступленіе новой эпохи въ условіяхъ развитія существованія современныхъ рабочихъ,—наступленіе, связанное съ переживаемымъ на мировомъ рынкѣ промышленнымъ кризисомъ. „Счастливыя времена“ для рабочихъ,—говоритъ онъ,—миновали. Постоянный ростъ реальной заработной платы пришелъ къ концу. Тѣ факторы, которые вызвали повышение реальной заработной платы за послѣднія десятилѣтія, всѣ эти факторы уже опять отходятъ на задній планъ. Сперва стало исчезать привилегированное положеніе промышленности въ Англіи, подъ влияніемъ мировой конкуренціи и крушенія принципа свободной торговли; паденіе цѣвъ на средства существованія, имѣвшее здѣсь мѣсто въ 80—90-хъ годахъ, прекратилось. Запасы средствъ существованія въ Соединенныхъ Штатахъ быстро уменьшаются. Въ Россіи и Индіи—упадокъ земледѣлія, голодъ. Наводненіе мирового рынка дешевыми средствами существованія все болѣе и болѣе прекращается. Въ области рабочаго законодательства также наступилъ застой; съ того момента, когда стало очевиднымъ, что за періодъ оживленія рабочаго законодательства усилилось и окрѣпло рабочее движеніе, ослабѣлъ и интересъ буржуазіи къ социальной реформѣ; больше того—мелкіе буржуа и землевладѣльцы, прежде до извѣстной степени симпатизировавшіе борьбѣ пролетаріата за социальныя реформы противъ капитала, въ настоящее время въ своей враждѣ къ рабочимъ и въ ненависти ко всякой социальной реформѣ далеко опередили промышленныхъ капиталистовъ. Ростъ могущества профессиональнаго движенія, профессиональныхъ союзовъ также столкнулся теперь съ болѣе могущественнымъ ростомъ предпринимательскихъ союзовъ, трестовъ, достигающихъ колоссальной силы, противъ которой профессиональнымъ союзамъ уже трудно бороться,—хоть бы удалось удержать имъ завоеванныя позиціи (какъ иллюстрація—случай запрещенія празднованія 1-го мая). Словомъ,—продолжаетъ Каутскій,—періодъ возростанія реальной заработной платы для отдѣльныхъ рабочихъ слоевъ окончился, для нѣкоторыхъ же слоевъ наступило даже паденіе заработной платы; и такое положеніе обѣщаетъ сложиться не только для періодовъ временнаго угнетенія, но даже и для періодовъ благоденствія; это, конечно, не значитъ, — говоритъ Каутскій,— что разсматриваемый періодъ долженъ въ свою очередь тянуться десятилѣтіями и что борьба противъ его „принижających“ тенденцій (въ подлинникѣ „*degradierenden Tendenzen*“) является совершенно безнадежною. Но зато безнадежиѣ становится стремленіе сломить эти тенденціи изолированной борьбой отдѣльныхъ профессиональныхъ организацій или отдѣльныхъ парламентскихъ фракцій (стр. 40).

Такими штрихами рисуетъ Каутскій новую фазу въ развитіи условій существованія современныхъ рабочихъ. Констатированіе этихъ новыхъ тенденцій къ „реакціи“ даетъ поводъ Каутскому отвѣтить еще разъ (впервые—въ „Анти - Берштейнъ“) критикамъ Марксовой теоріи „обнищанія“, вообразившимъ, что тяжелыя условія рабочаго существованія имѣютъ мѣсто лишь въ періодъ ранняго капитализма и что экономической подъемъ рабочихъ классовъ съ 50-хъ годовъ для Англіи и 70-хъ и съ конца 80-хъ—для европейскихъ рабочихъ является необходимымъ слѣдствіемъ капиталистическаго производства, которое будто бы въ развитомъ своемъ видѣ отнюдь не имѣетъ угрожающихъ для положенія рабочихъ

тенденцій. Каутскій приходитъ къ положенію, что движеніе заработной платы при капиталистическомъ способѣ производства совершается если и не въ направленіи постоянного обнищанія, то и не въ направленіи постоянного подъема; „надъ каждымъ пролетарскимъ слоемъ,—говоритъ онъ,—виситъ Дамокловъ мечъ экономическаго упадка“ (43 стр.). Но въ то же время Каутскій всячески отгораживается отъ приписываемаго Марксу утвержденія, что „рабочій регрессируетъ въ физическомъ, умственномъ и моральномъ отношеніяхъ“. По мнѣнію Каутскаго, такова точка зрѣнія утопистовъ-соціалистовъ, но отнюдь не точка зрѣнія Маркса.

Мнѣе подробно, чѣмъ на теоріи обнищанія останавливается авторъ на вопросѣ о „Zusammenbruchstheorie“. Между прочимъ, касаясь вопроса о конечныхъ цѣляхъ социализма въ связи съ „Современнымъ социализмомъ“ Туганъ-Варановскаго, Каутскій выражаетъ надежду „коснуться этого вопроса при другихъ обстоятельствахъ“, когда — надо полагать — онъ подробнѣе разберетъ этическую сторону въ социализмѣ, которую выдвигаетъ на первое мѣсто въ своей новой книгѣ М. И. Туганъ-Варановскій.

Переводъ сдѣланъ сносно. Отмѣтимъ постоянно встрѣчающуюся въ русскихъ переводныхъ изданіяхъ чисто російскую халатность: не указывать источника, откуда взять текстъ для перевода. Что разбираемая брошюра представляетъ собою переводъ статьи Каутскаго изъ „Die Neue Zeit“,—объ этомъ ни словомъ не упомянуто.

С. С.

Викторъ Кларкъ. Рабочее движеніе въ Австраліи. Очерки соціальной демократіи. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей В. Рыжкова. С.-Петербургъ 1908 года. Цѣна 1 рубль.

Наша литература о рабочемъ движеніи въ Австраліи очень небогата, и поэтому всякая новая книга объ этомъ вопросѣ должна встрѣчаться сочувственно, если только, конечно, она отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявить къ научнымъ изслѣдованіямъ. Такой книгой, безъ сомнѣнія, является появившася недавно въ русскомъ переводѣ книга американскаго ученаго Виктора Кларка. Кларкъ въ 1908 и 1904 г.г. объѣхалъ Австралію и Новую Зеландію, въ качествѣ члена правительственной комисіи по порученію американскаго федеральнаго министерства торговли и труда. На основаніи этихъ наблюденій онъ и составилъ свою книгу. Но авторъ не ограничивается одними только наблюденіями: „свѣдѣнія относительно событій болѣе поздняго времени основаны на перепискѣ и печатныхъ матеріалахъ“.

По своему содержанію книга эта представляетъ собою попытку „изложить исторію политической рабочей партіи въ Австраліи (т. е. Австралійской Федератіи и Новой Зеландіи), анализировать ея политику и результаты этой политики, поскольку она получила уже практическое выраженіе, и въ то же время выяснять какъ черты различія, такъ и черты сходства, характеризующія эту страну, съ одной стороны, и Америку—съ другой“. Выполнила ли она свою задачу? Я думаю, что нисколько не преувеличу достоинствъ книги, если скажу, что да. Я не буду излагать содержанія этой интересной книги—рамки рецензіи не позволяютъ мнѣ этого дѣлать,—я укажу только кратко на тѣ вопросы, которые въ ней затронуты. Первые двѣ главы представляютъ собою какъ бы вступленіе. Въ

них Кларк останавливается на естественных условиях в Австралии, составив ее населения и учреждения и указывает на то влияние, которое оказывает каждый из этих элементов, как на социальные отношения австралийской республики, так и на положение рабочего класса; при этом он указывает и на то различие, которое существует в этом отношении между Австралией и Соединенными Штатами, а также и на причины этого различия. После этих предварительных замечаний, он приступает к своей основной темѣ—рабочему движению. Прежде всего он характеризует условия жизни рабочего класса в Австралии, опять-таки сравнительно с условиями жизни рабочего класса в Соединенных Штатах. Затѣм он переходит к анализу причин, вызвавших рабочее движение вообще, описывает его развитие в историческом освещении, в зависимости от национальных и исторических условий, и рассматривает основную программу рабочей партии. В заключительной главѣ он дѣлится с читателем теми впечатлениями, которые произвело на него рабочее движение в Австралии, и проводит параллель между ним и рабочим движением в других странах, в частности Соединенных Штатах.

Вот те основные вопросы, которые затронуты Кларком в его книгѣ. Всѣ эти вопросы он рассматривает необыкновенно тщательно. Описывая рабочее движение, обыкновенно вносят известную партийность. Ничего подобного мы не видим у Кларка: ему совершенно чужд партийный дух. Он подходит к рабочему движению без всякой предвзятой мысли, онъ не хочет ни восхвалять его, ни порицать, онъ описывает его такимъ, каковы оно является в действительности, отбывая как положительные, так и отрицательныя стороны. Для него рабочее движение представляет собою исключительно цѣль научнаго изслѣдованія, не больше и не меньше. Благодаря этому, книга Кларка приобретает особенное значение. На Австралию у нас привыкли смотрѣть, как на „счастливую“ страну, как на „рай для рабочих“, а между тѣм это далеко не так: Австралия во многих отношениях стоит не выше нѣкоторых других странъ, а в нѣкоторых даже уступает (такъ, напр., заработная плата в Австралии ниже, чѣм в Соединенных Штатахъ, стр. 208); в общемъ же положеніе рабочего класса в Австралии не отличается значительно от положенія его в Соединенных Штатахъ. Правда, рабочей демократіи удалось здѣсь многое сдѣлать, но ей еще больше придется дѣлать для того, чтобы создать „рай для рабочих: ей вужно еще измѣнить самыя основы общественнаго строя“.

Таковы достоинства книги Кларка, на которыя я считалъ необходимымъ обратить вниманіе читателя в настоящей замѣткѣ. Но Кларку можно также поставить кое-что в упрекъ. А именно, его можно упрекнуть в томъ, что онъ только описывает рабочее движение, а совершенно не анализирует условий его развитія и социальных слѣдствій. Онъ не дѣлает почти никакихъ обобщеній, никакихъ выводовъ, а если и дѣлаетъ, то сопровождаетъ такой массой оговорокъ, что они не только не даютъ никакого представленія о взглядахъ автора, а, напротивъ, в значительной степени затрудняютъ таковое. В этомъ, какъ справедливо замѣчаетъ П. Г. Мижуевъ („Счастливая Австралія“, стр. 5), виновна полуофициальная роль Кларка, которая и наложила отпечатокъ на его сочиненіе. Этотъ недостатокъ, однако, ничтоженъ по сравненію съ достоинствами разбираемой

книги; мы рекомендуем ее особенному вниманію читателей, интересующихся рабочимъ движеніемъ вообще и Австраліи въ частности.

Что касается перевода, то онъ въ общемъ удовлетворителенъ. Книга страдаетъ только извѣстной сухостью изложенія, противъ которой — какъ это уже замѣтилъ въ своемъ вступительномъ словѣ редакторъ русскаго перевода — переводчикъ безсиленъ.

Л. Ф.

Потаповъ. Научныя основы права. I. Формула права, какъ явленія дѣйствительности. СПб. 1908 г.

Г. Потаповъ подходитъ къ рѣшенію проблемы о существѣ права во всеоружіи логическаго метода и съ яснымъ пониманіемъ своей цѣли. Онъ хочетъ найти формулу права, какъ явленія дѣйствительности. Всѣ ученые, работавшіе надъ этимъ вопросомъ до него, въ томъ числѣ и Петражицкій, по его мнѣнію, не умѣли правильно поставить вопросъ. Послѣдуемъ за г. Потаповымъ въ его рѣшеніи этой проблемы. „Познать природу „вещей въ себѣ“ человѣческая мысль бессильна. Положительная наука этимъ и не задается. Все, что для нея имѣетъ значеніе, это — знать законы послѣдовательности явленій... Знать, какая комбинація предшествующихъ фактовъ приводитъ явленіе съ точки зрѣнія положительной науки значить — знать и самое явленіе“. Итакъ, формула права, какъ явленія дѣйствительности, должна показать причины, необходимыя и достаточныя для существованія права. Для полученія этой формулы г. Потаповъ поступаетъ очень просто. „Изолируемъ, говоритъ онъ, одного обыкновеннаго, или какъ говорятъ, средняго человѣка, помѣстивъ его на необитаемый островъ, и посмотримъ, какія обстоятельства будутъ сопутствовать его жизни“. Человѣкъ этотъ сохранитъ свою волю, при немъ останется его свобода, онъ будетъ проявлять нравственныя начала въ отношеніяхъ своихъ къ Богу, самому себѣ и животнымъ, но явленія права не послѣдуютъ. Но тутъ мы можемъ спросить у г. Потапова, откуда ему это такъ твердо извѣстно, что этотъ фактъ онъ кладетъ въ основу своего вывода. Разъ мы не знаемъ еще, что такое право, мы не можемъ утверждать, что права въ указанномъ случаѣ нѣтъ. Наоборотъ, придавая слову право то значеніе, которое ему придаетъ проф. Петражицкій, мы легко замѣтимъ возможность наличности права у нашего гипотетическаго субъекта. Онъ можетъ переживать правовыя эмоціи по адресу Бога, животныхъ, воображаемыхъ духовъ и т. д. Для полученія своего опредѣленія права г. Потаповъ безъ доказательствъ удаляетъ изъ него все нежелаемое. Но пойдѣмъ дальше за г. Потаповымъ. Пусть виѣсть съ изолированнымъ субъектомъ на островѣ окажутся и другіе люди, вступающіе въ отношенія съ нимъ и между собою. „Не можетъ быть сомнѣнія, что немедленно же начнеть зарождаться и развиваться право“: „отношенія людей другъ къ другу есть необходимая часть причины возникновенія права“. Вотъ положеніе, которое можно считать доказаннымъ съ точностью, равной математической. („Отношеніе въ житейскомъ или бытовомъ смыслѣ есть проявленіе или движеніе воли субъекта къ объекту“). Какъ раньше не было доказано отсутствіе права, такъ теперь не доказана наличность его. Это не мѣшаетъ, однако, г. Потапову говорить о математической точности своего вывода. Оставленные нами люди на островѣ вступаютъ между тѣмъ въ фактическія отношенія. Характернымъ признакомъ ихъ

будет случайность, подобная стихийности силъ вѣшней природы, ибо психика у людей неоднородна, обстоятельства, при которыхъ фактическія отношенія протекають, многообразны и сообразно съ этимъ и самыя отношенія не будутъ отличаться правильностью. „Допустимъ теперь, что всѣмъ лицамъ наблюдаемой группы стала извѣстна нравственная норма „не убій“ и воспринята ими, какъ мотивъ поведенія“. Такъ какъ никакихъ послѣдствій нарушенія запрета нѣтъ, то онъ будетъ нарушаться. Въ этомъ „установленіи отношеній и отсутствіи опредѣленности послѣдствій невыполненія ихъ составляетъ отличительный признакъ области нравственности“. Но если вмѣсто заповѣди „не убій“ возникъ бы обычай убивать всякаго, кто убьетъ, тогда появилось бы право. Методомъ разницы г. Потаповъ легко получаетъ, что „опредѣленность послѣдствій невыполненія установленнаго отношенія и дѣйствительное наступленіе ихъ за невыполненіемъ составляетъ необходимую часть причины права“. И здѣсь г. Потаповъ доходитъ до вывода только благодаря *petitio principii*. Почему онъ полагаетъ, что въ фактическихъ отношеніяхъ все случайно? Наблюдается, наоборотъ, правильность, только не правовая: сильный побѣждаетъ слабого, слабый подчиняется сильному. Можно было бы указать и другія неправильности, но и этого достаточно. Затѣмъ, почему г. Потаповъ думаетъ, что нравственное предписаніе не представляетъ достаточно сильнаго мотива поступковъ, чтобы установить постоянное сообразное съ ней поведеніе? Можно думать, что если бы въ культурномъ обществѣ не было бы правового запрета убійства, то одно нравственное предписаніе „не убій“ сдѣлало бы убійства очень рѣдкимъ явленіемъ (не уничтожаетъ его и право). Конечно, это не доказано, но не доказано и обратное, слѣд. вторая посылка индукціи принята также на вѣру. Исходя изъ своего „анализа“, Потаповъ резюмируетъ свои выводы въ слѣд. положеніи: „Право есть обезпеченіе отношеній людей другъ къ другу“. Мы уже видѣли, что весь путь „индукціи“, которымъ шелъ авторъ, сплошь усеянъ *petitio principio*. Нѣтъ ни одной посылки, противъ которой нельзя было возбудить обвиненія въ необоснованности. Весь ходъ доказательства совершенно произволенъ. И неудивительно. Для того, чтобы придти къ чему-нибудь иди такимъ путемъ, автору пришлось не доказывать, а подбирать кажушіяся ему подходящими воображаемые случаи. Дѣйствительно доказывать и наблюдать онъ не могъ—этого не допускалъ самый характеръ тѣхъ явленій, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Можно констатировать наличность свѣта, не давая ему опредѣленія, но этого нельзя дѣлать съ правомъ. Говоря о причинахъ права до опредѣленія права, авторъ неизбежно долженъ былъ запутаться. Но вся попытка путемъ индукціи отъ единичныхъ произвольно выбранныхъ примѣровъ получать законы общественныхъ явленій должна быть отвергнута. Сложность указанныхъ явленій не допускаетъ приложенія этого метода.

Ошибочность пути влечетъ за собой ошибочность формулы. Можетъ быть обезпеченіе отношеній людей другъ къ другу и не быть права. Такъ, разбойникъ, останавливая прохожаго съ крикомъ: руки вверхъ или смерть! „обезпечиваетъ отношенія“, но права все-таки не создается.

Г. Потаповъ дѣлаетъ много комичныхъ и грубыхъ ошибокъ. Такъ онъ, смѣшивая право и обязанность съ ихъ объектами (въ смыслѣ современной юриспруденціи) даетъ совершенно тождественное опредѣленіе этихъ 2 понятій (обязанности и права) стр. 71, выразивъ символически свою фор-

мулу знаками ¹⁾ Caer(h)p(h) S (C=cautio, a=actio и т. д.), онъ потомъ вдругъ воображалъ, что ѣѣбеть передъ собой произведение и сталъ совершать надъ своей формулой математическія дѣйствія, и т. д.

Прибавимъ нѣсколько словъ о критикѣ теорій проф. Петражицкаго. Г. Потаповъ очень рѣзко относится къ теоріи, выдвинутой проф. Петражицкимъ. Онъ находитъ, что его терминологія „прикрываетъ собою мысли, поверхностность которыхъ становится очевидна даже при простомъ переводѣ этихъ варваризмовъ на общепринятые понятія“ (51 стр.). Но врядъ ли г. Потаповъ знакомъ съ теоріей Петражицкаго. Если бы онъ зналъ и понималъ бы ее, онъ не написалъ бы такой фразы: „Аттрибутивная функція не есть отличительный признакъ правовыхъ нормъ: она въ равной мѣрѣ присуща нормамъ этическимъ, опредѣляющимъ наши отношенія къ ближнимъ; и этотъ недостатокъ, своевременно указанный въ литературѣ (Паліенко), сводить къ нулю достоинства „психологической теоріи“. И неловко является вопросъ: если бы г. Потаповъ понималъ теорію Петражицкаго, написалъ ли бы онъ вообще свою книгу?

Колпакичи.

Р. М. Бланкъ. Роль еврейскаго населенія въ экономической жизни Россіи. СПб., 1908 г. Стр. 64. Цѣна 20 коп.

Эта небольшая и недорогая книжка очень и очень заслуживаетъ того, чтобы занять ею на нѣсколько минутъ вниманіе читателей. Въ ней мало словъ и много фактовъ. Въ ней есть цифры, отъ которыхъ волосы на головѣ становятся дыбомъ, цифры, отъ которыхъ становится жутко.

Р. М. Бланкъ поставилъ своей задачей нарисовать въ самыхъ общихъ очертаніяхъ всю „экономіку“ русскаго еврейства. Картина, въ общемъ удавшаяся автору, если принять во вниманіе размѣры работы и обусловленный ими масштабъ, получилась приводящая въ ужасъ.

Пусть судить читатель.

Прежде другихъ вопросовъ авторъ задается вопросомъ о еврейской демографіи. Общая численность евреевъ въ Россіи доходитъ, согласно переписи 1897 года, до 5.215.805 человекъ, что составляетъ 4,16% всего населенія имперіи. Составляя столь небольшой процентъ общаго населенія, русскіе евреи, разселившись на территоріи огромной страны, простирающейся до 20 милліоновъ квадратныхъ верстъ, совсѣмъ не давали бы матеріала для пресловутаго еврейскаго вопроса, если бы этого послѣдняго не считала своимъ провиденціальнымъ долгомъ создавать и мусировать русская правительственная бюрократія, однимъ изъ наиболее характерныхъ признаковъ которой былъ рельефно и ярко выраженный антисемитизмъ, всегда и неизмѣнно входившій въ качествѣ составнаго и едва ли не наиболее существеннаго момента въ нашу „внутреннюю“ политику. Созданіемъ „черты еврейской осѣдлости“ 93,9% всего русскаго еврейства заперто въ 15 губерніяхъ юга и запада Россіи (не считая 10 губерній Царства Польскаго, гдѣ евреи составляютъ 14,05% всего населенія, между тѣмъ какъ въ упомянутыхъ 15 губерніяхъ „черты“ численность еврейскаго населенія составляетъ 11,12% всего мѣстнаго населенія). Въ губерніяхъ

¹⁾ Аналогично буквенному обозначенію въ анализѣ индуктивныхъ методовъ изслѣдованія Милля.

внутренней Россіи $\%$ еврейства минималенъ; въ Пермской губ., напр., онъ равенъ 0,07 $\%$, въ Пензенской — 0,04 $\%$, а въ Вологодской и Вятской — 0,03 $\%$. Однако, этимъ не ограничились мудрые и дальновидные вершители внутренней политики Россіи: своими знаменитыми „временными“ правилами 3 мая 1882 года они и въ самой „чертѣ“ провели еще одну черту, а именно ограничили право жительства евреевъ предѣлами городовъ и мѣстечекъ. Въ результатѣ—искусственное переполненіе ряда городовъ загнаннымъ сюда еврействомъ, составляющимъ въ Пинскѣ, напримеръ, 74,2 $\%$, а въ Бердичевѣ—78 $\%$ всего мѣстнаго населенія. Отсюда—и характерныя особенности профессиональнаго состава русскаго еврейства, почти совершенно отрѣзаннаго, какъ извѣстно, закономъ отъ земледѣлія. Эти характерныя особенности сказываются прежде всего въ несоразмѣрно большомъ $\%$ промышленныхъ и торговыхъ элементовъ. Объ этой несоразмѣрности можно судить по той неравномѣрности, съ которою распределены промышленный и торговый элементы въ губерніяхъ „черты“ по сравненію съ соотвѣдными же губерніями, но находящимися внѣ „черты“. Въ Могилевской губ. обрабатывающая промышленность обслуживается 6,16 $\%$ всего мѣстнаго населенія, въ Витебской—6,19 $\%$; между тѣмъ, въ Смоленской и Псковской губ., находящихся по ту сторону „черты“ и очень сходныхъ съ названными выше губерніями по природнымъ своимъ условіямъ, индустриальный элементъ представленъ въ Смоленской—4,19 $\%$ всего населенія, а въ Псковской—2,95 $\%$. Еще интенсивнѣе аналогичная неравномѣрность въ распределеніи торговаго элемента: въ Могилевской губ. отношеніе его ко всему мѣстному населенію выражается 5,15 $\%$, въ Витебской—5,35 $\%$; между тѣмъ, въ Смоленской губ. этотъ $\%$ равенъ 2,15, а въ Псковской даже 1,73.

Поучительны цифры, непосредственно говорящія о профессиональномъ составѣ русскаго еврейства. Сводка этихъ цифръ дѣлается г. Вланкомъ въ слѣдующихъ формахъ. „Сельское хозяйство, составляющее при нормальныхъ условіяхъ главный источникъ средствъ къ существованію народа, занимаетъ здѣсь послѣднее мѣсто, поддерживая непосредственно только 3,35 $\%$ еврейскаго населенія (противъ 74,57 $\%$ общаго населенія Имперіи); торговля, нормально занимающая лишь 3-е мѣсто, выступаетъ здѣсь на первый планъ, захвативъ 38,65 $\%$ всего еврейскаго населенія (противъ 3,98 $\%$ у общаго населенія); въ промышленности, главныхъ образомъ—въ ремеслахъ, должны искать себѣ средствъ къ жизни 35,43 $\%$ еврейскаго населенія (въ общемъ населенія 7,82 $\%$)“.

Краснорѣчивы свѣдѣнія о заработкахъ евреевъ-ремесленниковъ. Около половины опрошенныхъ ремесленниковъ-мастеровъ въ четырехъ южныхъ губерніяхъ зарабатываетъ въ годъ максимумъ 250 руб. Въ Привислянскомъ краѣ—80 $\%$ всѣхъ опрошенныхъ портныхъ-мастеровъ зарабатываютъ меньше 300 руб. въ годъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ опускаясь до 2 руб. въ недѣлю. Въ Киевской губ. средній размѣръ заработка портныхъ и портничихъ составлялъ въ большинствѣ обследованныхъ пунктовъ (именно въ 51 пунктѣ) сумму отъ 150 до 300 руб. въ годъ, въ 17 пунктахъ онъ ниже 200 руб., а въ 5 пунктахъ этотъ годовой заработокъ былъ ниже 100 руб.; заработки столяровъ колеблются здѣсь между 200 и 300 руб. въ годъ. Въ Волынской губ. средній годовой заработокъ портныхъ стоитъ на высотѣ отъ 120 до 200 руб. въ годъ, у сапожниковъ онъ въ 12 обследованныхъ пунктахъ падаетъ ниже 100 руб. То же—въ большинствѣ

губерній „черты“. Но особенно краснорѣчивы цифры заработковъ евреекъ бѣлошвеекъ, средній годово́й заработокъ которыхъ колеблется въ Юго-Западномъ краѣ въ слѣдующихъ предѣлахъ:

въ Черниговской губерніи между	60 и 150 руб.
„ Кіевской	50 „ 100 „
„ Подольской	30 „ 100 „
„ Волинской	25 „ 100 „

Въ 13 обследованныхъ пунктахъ Волинской губ. средній заработокъ бѣлошвеекъ колеблется между 25 и 50 руб. въ годъ (отъ 50 коп. до 1 руб. въ недѣлю).

Положеніе мелкихъ еврейскихъ торговцевъ ужасаетъ—не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ положеніе ремесленниковъ: средній еврейскій торговецъ „черты“ довольствуется еженедѣльнымъ заработкомъ въ 2—2¹/₂ руб..

Нищета русскаго еврейства безпредѣльна. Еще въ докладѣ комиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Палена указывалось на то, что около 0,9 всего еврейскаго населенія Россіи представляетъ „ничѣмъ не обезпеченную массу, живущую изо дня въ день, въ нищетѣ, при самыхъ тяжелыхъ гигиеническихъ и бытовыхъ условіяхъ“; „всѣ сословія Россіи,—говорилось далѣе въ томъ же Всеподданнѣйшемъ докладѣ,—всѣ классы находятся въ лучшемъ состояніи, чѣмъ евреи,—у нихъ однихъ встрѣчаются пролетаріи, жизнь которыхъ не обезпечена ничѣмъ“. Р. М. Бланкъ указываетъ, что около 20% всего русскаго еврейства вынуждены отъ времени до времени обращаться за помощью къ благотворительнымъ учрежденіямъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта цифра еще выше, а въ Вильнѣ она доходитъ до ужасной высоты—37,7%...

Въ книжкѣ Р. М. Бланка приведены свѣдѣнія и о вліяніи экономической дѣятельности евреевъ на уровень благосостоянія общаго населенія. Свѣдѣнія эти лишній разъ наглядно свидѣтельствуютъ о живности тѣхъ, кто говоритъ о „паразитизмѣ“ евреевъ. Въ 15 губерніяхъ „черты“ вся пахатная земля составляетъ 36 милл. десятинъ, вся земельная площадь—70 милл. десятинъ, и изъ нихъ въ рукахъ крестьянъ—34 милл. десятинъ, между тѣмъ какъ въ 35 внутреннихъ губерніяхъ крестьяне владѣютъ 92 милл. десятинъ. Удобной надѣльной земли приходится на 1 работника: въ 35 внутреннихъ губерніяхъ—3¹/₂ десятины, въ 15 губерніяхъ „черты“—2 десятины. Въ предѣлахъ „черты“ крестьянское безземелье значительнѣе, нежели во внутренней Россіи. Тѣмъ не менѣе, однако, „экономическій уровень сельскаго хозяйства и благосостояніе сельскаго населенія областей еврейской осѣдлости несомнѣнно выше, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ“. Урожай въ „чертѣ“ ровнѣе; въ 1903 г. 25 губ., въ коняхъ евреямъ дозволено жить, дали, при среднемъ урожаѣ, 52% общаго со всей Европейской и Азіатской Россіи сбора пшеницы и 70% всего сбора ячменя. Согласно официальнымъ даннымъ, съ 1864 по 1888 г. количество рогатаго скота увеличилось въ 15 губ. „черты“ на 26,3%, въ 35 внутреннихъ губ.—на 15%; число лошадей возросло за это время въ 15 губ. „черты“ на 116%, въ 35 внутреннихъ губ.—на 8%. Между 1870 и 1883 гг. „произошли такіа измѣненія: въ чертѣ еврейской осѣдлости число лошадей на каждую тысячу десятинъ пашни увеличилось на 26% (съ 508

до 639), въ 35 внутреннихъ губ. оно уменьшилось на 18% (съ 607 до 501)“. Доходность земледѣлія въ мѣстностяхъ, населенныхъ евреями, выше, чѣмъ въ центральной Россіи. Въ 1900 г. средній чистый доходъ съ 1 десятины крестьянской надѣльной земли составлялъ:

въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ	5 р. 29 к.
„ Малороссія	4 „ 66 „
„ Новороссія	6 „ 38 „
„ 27 внутр. губ. (только о нихъ есть свѣдѣнія) . 3	„ 77 „

Въ связи съ этимъ, и недомочность крестьянъ въ „чертѣ“ значительно ниже, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ. По вопросу о занятіи евреевъ отдачей денегъ въ ростъ можно сообщить, что въ Радомской губ. путемъ подворнаго опроса въ рядѣ селеній, взятыхъ для образца, констатировано 17% займовъ у евреевъ и 74% ихъ—у зажиточныхъ крестьянъ. Согласно официальнымъ даннымъ, размѣръ процентовъ, взимаемыхъ съ крестьянъ ростовщиками или другими заимодавцами, колеблется въ Карачевскомъ уѣздѣ Орловской губ. между 60 и 100%, въ Малоархангельскомъ уѣздѣ доходитъ до 120%, въ Калужской губ.—до 144%; согласно тѣмъ же официальнымъ даннымъ, въ Бессарабской губ. процентъ „доходитъ иногда до 5% въ мѣсяцъ“ и „въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ Черниговской губ. сельскія общества кредитуются у евреевъ-торговцевъ изъ 10—24% годовыхъ, у своихъ односельчанъ изъ 3—4% въ мѣсяцъ“.

Весьма краснорѣчивы и данныя статистики рождаемости и смертности, недвусмысленно и ясно отвѣчающія на вопросъ о томъ, въ какихъ частяхъ Россіи нѣтъся въ наличности болѣе здоровыя хозяйственныя условія народной жизни. За періодъ отъ 1867 до 1885 г. средняя ежегодная на 1000 жителей составляла:

въ 15 губ. „черты“ рождаемость =	55; смертность =	36,6
во внутрен. губ. „	53,7	„ 41,1.

За періодъ отъ 1885 до 1897 г. населеніе увеличилось:

въ 10 привислянскихъ губ. на	18,6%
„ 15 губ. „черты“ „	27,1%
„ 35 внутреннихъ губ. „	11,8%

Какъ видитъ читатель, ростъ населенія въ „чертѣ“ въ 2¹/₂ раза превышалъ тотъ же ростъ въ центральныхъ губерніяхъ. Согласно официальнымъ даннымъ, за десятилітіе 1874—1883 гг. на 1000 родившихся дѣтей православнаго исповѣданія умирало ежегодно: въ губ. „черты“—192, въ 35 внутреннихъ губерніяхъ—362, т.-е. больше на 77%.

Въ концѣ своей книжки г. Бланкъ цитируетъ Зомбарта, который указываетъ на огромное и плодотворное вліяніе евреевъ на развитіе нѣмецкаго народнаго хозяйства; перефразируя Вольтера, Зомбартъ говоритъ, что

„si le juif n'existait pas, il faudrait l'inventer“. Но то — Зомбартъ. У насъ — иначе.

Цифры и факты, приводимые г. Бланкомъ въ его прекрасной книжкѣ, таковы, что надъ ними не мѣшаетъ призадуматься.

Б. Э-нь.

„Памяти Карла Маркса“. 1818—1883. Спб. 1908.

Книга представляет собою сборникъ статей, написанныхъ по поводу двадцатипятилѣтія со дня смерти Маркса (14 марта 1883 г.). Статьи принадлежатъ перу многихъ авторовъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ Розу Люксембургъ, В. Ильина, В. Базарова, Н. Рожкова, А. Финна-Евотаевского и многихъ другихъ. Авторы старались воскресить передъ читателями и достойно оцѣнить недюжинную личность Маркса во всей ея полнотѣ: статьи касаются и экономической системы Маркса, и его философіи, и политической дѣятельности его, и отношенія Маркса къ крестьянству, и взглядовъ его на развитіе Россіи, и многого другого.

Наиболѣе достойнымъ памяти великаго мыслителя было бы не столько писать о томъ, чѣмъ былъ Марксъ и о чѣмъ онъ училъ, не столько повторять уже много разъ сказанное, сколько, во-первыхъ, подвести итоги и дать научную оцѣнку всему положительному, что внесла съ собой въ общую сокровищницу научной мысли школа Маркса, и, во-вторыхъ, прослѣдить ростъ, развитіе, углубленіе и расширеніе теоретической системы марксизма и ея практическихъ результатовъ за послѣднія 25 лѣтъ, т. е. со дня смерти Маркса и до нашихъ дней. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи сборникъ, къ сожалѣнію, даетъ немного. Такъ, напримѣръ, мы не находимъ въ сборникѣ ни слова по вопросу о методологіи марксизма, — вопросу, глубокому и важному въ теоретической системѣ Маркса. Недостаточно глубоко также затронуто въ сборникѣ значеніе социологической системы Маркса, являющейся одной изъ наиболѣе крупныхъ заслугъ Маркса въ общественно-научной области.

Послѣдняго вопроса отчасти касается Н. Рожковъ, въ небольшой статьѣ „К. Марсъ и классовая борьба“. Авторъ, однако, далеко не исчерпываетъ вопроса. Можно называть социологическую концепцію Маркса теоріей классовой борьбы, но неправильно думать, что ученіемъ о классахъ исчерпывается Марксова система діалектическаго матеріализма. Авторъ, между тѣмъ, говоря о марксовомъ ученіи о классахъ, полагаетъ, что этимъ все сказано. Ни объ идеѣ діалектическаго развитія, которыми марксизмъ замѣняетъ старую въ наукѣ идею эволюціонизма; ни о тѣхъ реальныхъ основахъ общественной жизни („производственныхъ отношеній“), на которыхъ, по ученію Маркса, развивается самая борьба классовъ и на которыхъ зиждется все такъ называемое „матеріалистическое пониманіе исторіи“, — мы ни слова не находимъ въ статьѣ автора. А между тѣмъ авторъ думаетъ, что онъ, если не прослѣдилъ „процессъ выработки величайшей социологической теоріи нашего времени“, то намѣтилъ „основныя вѣхи, главные этапы въ развитіи мысли Маркса“ (стр. 31). На самомъ дѣлѣ, въ статьѣ недостаточно полно изложена даже одна изъ „основныхъ вѣхъ“, та, прослѣдить которую беретъ на себя авторъ, именно — ученіе Маркса о классахъ. Понятіе „класса“ какъ экономической категоріи въ самой марксистской литературѣ далеко еще недостаточно строго установлено. По этому вопросу въ послѣдніе два-три года были споры,

велась полемика (Каутскій, Богдановъ, Туганъ - Барановскій, Черновъ и др.). Къ сожалѣнію, всю эту полемику авторъ проходитъ молчаніемъ. Но поскольку въ статьѣ идетъ рѣчь о приведеніи въ извѣстность и въ одно цѣлое разбросаннаго по разнымъ сочиненіямъ даннаго ученія Маркса, постольку статья далеко не безынтересна: авторъ шагъ за шагомъ слѣдуетъ, какъ складывалась и углублялась въ даннымъ вопросѣ мысль Маркса, начиная съ сочиненій самаго ранняго періода и кончая III-мъ томомъ „Капитала“.

Экономическую систему Маркса разбираетъ въ сборникѣ А. Фининъ-Ениотавскій, въ статьѣ „Карлъ Марксъ, какъ экономистъ“. Статью свою авторъ начинаетъ краткой характеристикой состоянія экономической науки до Маркса. Здѣсь авторъ допускаетъ нѣсколько погрѣшностей: такъ, Вильяма Петти онъ относитъ къ ряду экономистовъ-классиковъ; Книсъ и Врентано, по мнѣнію автора, съ одинаковымъ пренебреженіемъ относятся къ абстрактному методу классиковъ; а въ дѣйствительности по данному вопросу между Книсомъ и Врентано—дистанція огромнаго разиѣра; совершенно напрасно авторъ видитъ грѣхи „историзма“—въ „накопленіи историческаго матеріала и вообще въ собираніи фактическихъ и статистическихъ данныхъ“: въ этомъ грѣха еще нѣтъ никакого, и дѣло совсѣмъ не въ накопленіи и собираніи матеріаловъ. Но несмотря на такіа встречающіяся въ статьѣ погрѣшности, авторъ очень умѣло справляется съ своей задачей: отмѣтитъ важнѣйшіе вопросы и положенія, выдвинутые Марксомъ въ политической экономіи. Статья немного схематична; но этотъ схематизмъ ея и сжатость являются скорѣе достоинствомъ, чѣмъ недостаткомъ статьи: при немъ еще рельефнѣе, еще выпуклѣе обрисовывается экономическая система Маркса. Нельзя не пожалѣть, однако, что авторъ совершенно не коснулся вопросовъ экономической методологіи Маркса и не отмѣтилъ въ этомъ отношеніи нѣсколько серьезныхъ завоеваній, сдѣланныхъ Марксомъ въ экономической области: наприм., социальное обоснованіе экономическихъ явленій, введеніе понятія „общественнаго отношенія“,— понятія, пуставшаго глубокіе корни въ современной экономической наукѣ и проч.

Заслуживаетъ вниманія въ сборникѣ статья „Къ исторіи марксизма въ Россіи“ П. Орловскаго. Авторъ едва ли не впервые въ русской литературѣ поднимаетъ эту чрезвычайно сложную и интересную тему,— сложную, несмотря на весьма непродолжительную исторію марксизма въ Россіи. Авторъ самъ, однако, сознаетъ неполноту статьи и смотритъ на нее лишь какъ на планъ сочиненія, а не какъ на само сочиненіе. Исторію марксизма въ Россіи авторъ дѣлитъ на 5 періодовъ: первый періодъ— „теоретическаго марксизма“ (70-ые и 80-ые годы), второй— практическаго марксизма (появленіе группы „Освобожденія труда“), третій—періодъ „легальнаго марксизма“ (90-ые годы), четвертый—періодъ „ревизіонизма и экономизма“ (конецъ 90-хъ годовъ и начало 900-хъ) и пятый—періодъ „борьбы за ортодоксію“ (1900—1903 г.г.). Такое дѣленіе на періоды нельзя не признать неудачнымъ уже потому, что хронологическій признакъ во всякой классификаціи является искусственнымъ и обыкновенно ненадежнымъ. Названіе и характеристика перваго періода для 70-хъ и 80-ыхъ годовъ вышло особенно неудачнымъ. Если въ это время, по мнѣнію автора, усваивалась лишь экономическая система марксизма и отвергалась его социологическая концепція, то это еще не даетъ автору ника-

ких основаній характеризовать этотъ періодъ, какъ періодъ „теоретическаго марксизма“. Въ „теоретическіе марксисты“ автора въ этомъ періодѣ попали и Лавровъ, и Михайловскій, и проф. А. И. Чупровъ, и проф. Ивановъ и даже проф. Яроцкій... Здѣсь же одинъ изъ наиболее серьезныхъ и глубокихъ русскихъ теоретиковъ марксизма, проф. Н. И. Зиберъ, отнесенъ совершенно незаслуженно къ „одноровнимъ“ марксистамъ. Третій періодъ названъ авторомъ періодомъ „легальнаго марксизма“, но этотъ послѣдній марксизмъ былъ настолько же „теоретическимъ“, насколько „теоретическій марксизмъ“ проф. Яроцаго и многихъ другихъ въ первомъ періодѣ былъ „легальнымъ“! Въ методологическомъ отношеніи удобнѣе бы было разграничить область теоретическаго марксизма отъ области практическаго и представить исторію каждой изъ этихъ областей отдѣльно. Затрудненія при такихъ работахъ, однако, неизбежны и статью автора, какъ первую попытку въ этомъ родѣ, нельзя не привѣтствовать. (Укажемъ, между прочимъ, на попытку, аналогичную попыткѣ автора, итальянскаго проф. Роберта Михельса, дать исторію развитія марксистскихъ идей въ Италіи, въ интересной статьѣ, помѣщенной въ Зомбаровскомъ „Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik“ (XXIV. B., I. H. 1907) подъ названіемъ „Historisch-kritische Einführung in die Geschichte des Marxismus in Italien“. Для русскаго читателя статья Р. Михельса любопытна тѣмъ, что въ исторіи развитія марксизма въ Италіи удивительно много общаго съ таковою же исторіей его въ Россіи).

О философіи марксизма пишетъ въ сборникѣ В. Базаровъ, въ статьѣ „Къ вопросу о философскихъ основахъ марксизма“. Но въ этомъ же сборникѣ другой авторъ, В. Ильинъ, въ статьѣ „Марксизмъ и ревизионизмъ“ относитъ Базарова къ числу „новыхъ нео-юмистскихъ и необерклеанскихъ ревизионистовъ“ (примѣч. на стр. 212), въ виду чего редакціи сборника пришлось сопроводить статью Базарова соответственными замѣчаніями. Вообще съ философіей марксизма въ настоящее время дѣло обстоитъ плохо: ввиду царящихъ многочислѣннѣйшихъ разногласій, особенно по вопросу объ отношеніи къ „махизму“, марксистамъ трудно теперь подводить какіе-нибудь юбилейные итоги; для подведенія этихъ итоговъ—время какъ разъ самое неподходящее.

Изъ другихъ статей сборника отмѣтимъ статью П. Румянцова: „Марксъ о крестьянствѣ“ и тепло составленный очеркъ Ю. Невзорова: „Жизнь и дѣятельность Карла Маркса“.

Въ общемъ же, сборникъ заслуживаетъ полнаго къ себѣ вниманія и, надо надѣяться, найдетъ широкое распространеніе, несмотря на высокую цѣну (2 р. 50 к.).

С. С.

ОТДѢЛЪ Ш.

Научная хроника.

ОТЧЕТЫ О ДИСПУТАХЪ.

I.

ДИСПУТЪ ПР.-ДОЦ. БАР. А. Э. НОЛЬДЕ.

30 сентября прошлаго года пр.-доц. Спб. унив. баронъ А. Э. Нольде въ актовомъ залѣ Спб. университета защищалъ диссертацию на тему: «Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ. В. I. Попытка кодификаціи литовско-польскаго права». Представленная диссертация составляетъ лишь часть задуманнаго авторомъ труда о кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ вообще.

Какъ извѣстно, по мысли гр. Сперанскаго наряду со Сводомъ законовъ россійскихъ, должны были быть изготовлены еще два особенныхъ свода, одинъ для губерній западныхъ, другой для—Остзейскихъ. Сводъ законовъ Остзейскихъ дѣйствительно былъ изготовленъ и опубликованъ, но уже послѣ смерти гр. Сперанскаго, а сводъ для губерній западныхъ, надъ составленіемъ котораго долго работали, никогда и не получилъ силы закона. Этому послѣднему своду и посвящена работа молодого ученаго

Тезисы диссертации сводятся приблизительно къ слѣдующему ¹⁾:

I. Первая попытка привести въ порядокъ право, дѣйствовавшее на западной окраинѣ Имперіи (комиссія составленія законовъ при Павлѣ I), остались безуспѣшными въ виду отсутствія лицъ, обладавшихъ достаточной подготовкой для выполненія этой задачи. Комиссія не пошла дальше собиранія матеріаловъ, но и этой работы не закончила.

II. Дѣятельность комиссіи для составленія законовъ при Александрѣ I въ этомъ направленіи также оказалась безрезультатна. Причины неуспѣха слѣдуетъ искать: 1) въ неясности основнаго плана дѣятельности комиссіи; неопредѣленное понятіе «основаній права», согласно которымъ предполагалось составить новое уложеніе, оставляло открытымъ самый главный вопросъ, именно о томъ, какимъ требованіямъ должно было удовлетворять собраніе мѣстныхъ законовъ, т. е. должно ли оно было являться сводомъ дѣйствию-

¹⁾ См. жур. «Право» за 1907 г. № 41.

щих нормъ, или же кодексомъ совершенно новымъ, построеннымъ на рационалистическихъ началахъ и не стоящимъ въ преемственной исторической связи съ дѣйствующимъ правомъ. 2) Въ отсутствіи въ составѣ комиссіи лицъ, могущихъ совладать съ этой работой.

III. Привлеченіе мѣстныхъ юристовъ къ кодификационнымъ работамъ, путемъ образованія въ губерніяхъ особыхъ провинціаль-ныхъ комитетовъ для составленія сводовъ, не дало ничего, такъ какъ мѣстные юристы, съ одной стороны, не имѣли средствъ окон-чить такую работу и съ другой,—повидимому, не имѣли даже и желанія серьезно приняться за нее.

IV. Переводъ литовскаго статута съ польскаго текста, исполнен-ный чиновниками комиссіи въ качествѣ посторонней работы и от-печатанный при сенатѣ въ 1811 году, не можетъ быть признанъ официальнымъ изданіемъ этого памятника на современномъ рус-скомъ языкѣ. При дальнѣйшихъ работахъ по изготовленію новаго перевода въ основаніе былъ положенъ бѣлорусскій текстъ статута (въ изданіи 1588 г., Мамонигей), въ качествѣ древнѣйшаго и офи-ціального, при этомъ оставленъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, насколько могла повліять на измѣненіе бѣлорусскаго текста рецеп-ція польскихъ изданій статута путемъ обычнаго права и практики. Новымъ переводомъ, оконченнымъ въ 1830-хъ годахъ, но не напе-чатымъ, руководствовались при нѣкоторыхъ кодификационныхъ работахъ (при работахъ надъ сводомъ постановленій, дѣйствующихъ въ губерніяхъ черниговской и полтавской).

V. Работы по кодификаціи литовско-польскаго права приняли успешный оборотъ, когда онѣ были поручены гр. Сперанскимъ зна-тому мѣстной исторіи и права, профессору харьковскаго универси-тета И. Н. Даниловичу. Составленный имъ въ 1830 - 35 гг. первоначальный проектъ былъ подвергнутъ пересмотру въ ревізійномъ комитетѣ изъ 4 мѣстныхъ юристовъ при участіи чиновниковъ II от-дѣленія. Исправленный ими проектъ «Свода мѣстныхъ законовъ за-падныхъ губерній» съ необходимыми поправками, согласно мнѣніямъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ въ іюнѣ 1838 г. и съ нѣкоторыми редакціонными измѣненіями, долженъ былъ получить обязательную силу въ западныхъ губерніяхъ.

VI. Будучи по основной идеѣ всей кодификаціи Сперанскаго сборникомъ дѣйствующихъ законовъ, Западный сводъ не являлся полнымъ выраженіемъ мѣстнаго права. 1) Составители свода склонны были придавать преувеличенное значеніе всѣмъ нормамъ обще-имперскаго законодательства, которыя прямо или косвенно касались институтовъ мѣстнаго права, и въ связи съ этимъ считать послѣд-ніе отмѣненными общимъ законодательствомъ. 2) Въ сводѣ были включены только законы, и въ немъ не было отведено достаточно мѣста обычному праву и судебной практикѣ. 3) Сообразно съ такимъ отношеніемъ къ нормамъ установленнымъ путемъ обычая, при со-ставленіи Западнаго свода изъ статей, предназначенныхъ для чисто литовскихъ областей, были устранены по возможности всякіе слѣды вліянія польскаго законодательства, которое, не будучи формально обязательнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ, по нѣкоторымъ вопросамъ было реципировано практикой.

VII. Западный сводъ не былъ опубликованъ въ виду того, что указомъ 25 іюня 1840 года на губерніи, присоединенныя отъ Польши, были распространены общіе законы Имперіи. Этотъ указъ былъ изданъ по политическимъ соображеніямъ, вслѣдствіе пред-ставленій генераль-губернаторовъ, въ особенности, генераль-губерн-кѣвскаго—Бибикова.

VIII. Въ связи съ составленіемъ Западнаго свода пронаводились и работы по кодификаціи малороссійскаго права.

Собранію дѣйствующихъ мѣстныхъ постановленій предшество-вала отмѣна магдебургскаго права для городовъ Малороссіи въ 1831 году и формальное распространеніе на эти территории литов-скаго статута, а также—въ 1834 г. отмѣна привилегій г. Кіева. Ра-

боты по выясненію историческаго происхожденія и состава магдебурскаго права были выполнены Даниловичемъ.

IX. Послѣ указа 25 іюня 1840 г. II отдѣленіе с. е. и. в. канцеляріи приступило къ энергичнымъ работамъ по собранію сохранныхъ въ силѣ остатковъ малороссійскаго права. Статьи X тома 1 ч. свода закон., дѣйствующія въ губерніяхъ черниговской и полтавской, представляютъ собой, за немногими исключеніями, повтореніе статей Западнаго свода, касающихся преимущественно институтовъ семейнаго и наслѣдственнаго права. Нѣкоторыя же статьи Западнаго свода вошли въ дѣйствующее законодательство не въ видѣ изъятія для малороссійскихъ губерній, а въ качествѣ общихъ для всей Имперіи правилъ.

Оппоненты пр. М. Я. Пергаментъ и пр. Латкинъ указали прежде всего на рядъ крупныхъ достоинствъ работы автора, а затѣмъ сдѣлали нѣсколько замѣчаній относительно недостатковъ работы.

Оба оппонента, признавъ за трудомъ высокое научное значеніе, нашли диссертанта вполне достойнымъ высокой научной степени. Факультетъ, не выходя изъ зала, присоединился къ мнѣнію оппонентовъ и призвалъ бар. А. Э. Нольде достойнымъ степени магистра гражданскаго права.

II.

ДИСПУТЬ П. И. ЛЮБЛИНСКАГО.

2-го декабря 1907 г. П. И. Люблинскій защищалъ диссертацию подъ заглавіемъ: «Свобода личности въ уголовномъ процессѣ. Мѣры, обезпечивающія неуклоненіе обвиняемаго отъ правосудія».

Исслѣдованіе П. И. Люблинскаго посвящено одному изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности — способамъ огражденія личной свободы привлеченнаго къ суду гражданина. Важность всесторонняго научнаго освѣщенія разбираемаго авторомъ вопроса на фонѣ современной русской дѣйствительности получаетъ особое значеніе. «Положеніе личности въ уголовномъ процессѣ», — замѣчаетъ П. Люблинскій, — въ значительной степени характеризуетъ и положеніе ея во всемъ государственномъ строѣ, главнѣйшей частью котораго является судебная организація. Уваженіе къ правамъ гражданина есть необходимое условіе для успѣшнаго выполненія воспитательной миссіи государства». Разрабатывая свою тему, авторъ не довольствуется только однимъ изложеніемъ исторіи и современнаго положенія этого вопроса въ законодательствахъ, но будучи сторонникомъ психологической теоріи права и ученикомъ правнополитической школы, пытается на основаніи этическихъ принциповъ современнаго строя дать новое освѣщеніе разбираемому вопросу, дать новыя начала, которыя, соотвѣтствуя понятіямъ передовыхъ членовъ общества, могли бы педагогически дѣйствовать на развитіе личности въ болѣе широкихъ массахъ. «Стѣсненіе личности, не вызываемое необходимостью, является произвольнымъ нарушеніемъ, будь то произволь, санкціонированный закономъ или примѣняемый органами власти по личнымъ соображеніямъ». Излишнее принужденіе не только не служитъ цѣлямъ государства и правосудія, а скорѣе является вреднымъ, вызывая раздраженіе и ненависть по адресу послѣднихъ. Разсмотрѣвъ въ обширномъ введеніи принципиальное значеніе подлежащей защиты личности обвиняемаго въ уголовномъ процессѣ, построивъ теорію вопроса и отмѣтивъ политическія теченія въ этой области, авторъ переходитъ къ подробному изложенію законодательства римскаго и европейскихъ державъ. Отдавая должное «изяществу составительныхъ принциповъ» римскаго уголовного процесса, авторъ останавливается на англійскомъ законодательствѣ, которое является наиболѣе либеральнымъ въ смыслѣ ог-

раждения личности гражданина от полицейскаго и судебного произвола. «Мощнымъ зданіемъ выситя англійская система предварительнаго судопроизводства на вышкѣ котораго развѣвается флагъ съ надписью «гарантія правъ гражданина».

Разборъ процессуальнаго законодательства другихъ странъ не даетъ такого удовлетворенія автору, какъ англійское. Всѣ они страдаютъ существенными дефектами, которые сильно чувствуются, и исправленіе которыхъ является желательнымъ въ измѣнившихся условіяхъ социальной жизни.

Особенный интересъ представляетъ глава десятая части второй о коррективахъ подслѣдственнаго заключенія (стр. 569—677). Здѣсь мы имѣемъ послѣдовательное примѣненіе право-политическаго метода въ разрѣшеніи интереснаго и важнаго въ общественномъ смыслѣ института вознагражденія за безъ вины понесенное подслѣдственное заключеніе. Представляя примѣръ сознательнаго право-политическаго обсужденія вопроса, упомянутая глава можетъ служить образцомъ для другихъ подобныхъ изслѣдованій.

Заключеніе предлагаетъ систему мѣропріятій для гарантій свободы личности въ нашемъ уголовно-правовомъ процессѣ.

Въ своей рѣчи передъ диспутомъ ¹⁾ диссертантъ указалъ на паденіе теоріи возмездія въ наказаніи и возвышеніе въ нашемъ вѣкѣ идеи этической. Современный судъ не ограничивается однимъ ограниченіемъ произвола власти, устраняя его неуклоннымъ примѣненіемъ закона. Теорія раздѣленія властей уже не можетъ охватить всего значенія суда въ этической жизни общества. Сознанія основныхъ принциповъ современной этики, конечно, мало: ихъ надо проводить въ деталяхъ, облекать въ формы правовыхъ институтвъ. Такой попыткой и является представленная диссертация.

Опоненты отнеслись къ представленной работѣ очень сочувственно. Проф. А. А. Жижиленко ²⁾ отдалъ дань достоинствамъ труда въ частности догматическимъ, а затѣмъ указалъ и нѣкоторые недостатки. Укажемъ наиболѣе существенныя замѣчанія профессора А. А. Жижиленко. Онъ находитъ неясной систему работы, а именно четыре части: 1) предисловіе (уголовно-политическія теченія въ области подслѣдственнаго заключенія), 2) постановленія о неуклоненіи отъ суда на Западѣ, 3) критическій разборъ русскаго законодательства и 4) заключеніе. Изъ дефектовъ системы проистекаетъ неправильное размѣщеніе матеріаловъ, а именно во 2 часть попадаетъ обзоръ русскаго законодательства, а въ третьей части повторяется во многомъ содержаніе второй. По существу оппонентъ находитъ нѣкоторые недомолвки въ родѣ отрицанія теорій безъ замѣны ихъ новыми, и наоборотъ, съ нѣкоторымъ возвращеніемъ къ нимъ. Неудовлетворительной кажется оппоненту самостоятельная классификація мѣръ обезпеченія, основанная на «различіи мотивовъ» и распадающаяся на двѣ главныхъ группы: мѣръ психологически-принудительнаго характера и мѣръ физическо-принудительнаго характера. Такъ какъ мѣры физическо-принудительнаго характера не создаютъ никакихъ мотивовъ, то классификацію правильнѣе было бы основать на присутствіи и отсутствіи мотивовъ.

Второй оппонентъ проф. М. П. Чубинскій ³⁾ также указалъ на крупныя достоинства книги, отмѣтивъ затѣмъ нѣкоторые недостатки. Его интересуетъ главнымъ образомъ уголовно-политическая часть. Въ ней кажется ему несправедливымъ лишь то, что авторъ книги требуетъ вознагражденія за безъ вины понесенное заключеніе неодинаково для тѣхъ, кто пострадалъ отъ небрежностной и отъ умышленно-преступной дѣятельности должностныхъ лицъ. Первые получаютъ вознагражденіе отъ государства, а вторые отъ виновныхъ чиновниковъ,

¹⁾ См. «Право» 1907 г. № 50.

²⁾ См. „Ж. М. Ю.“ 1907 г. № 10.

³⁾ См. «Русская мысль» 1908 г. № 6.

что связано съ длиннѣйшей процедурой судебныхъ формальностей. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе дать искъ пострадавшему противъ государства, а послѣднему уже право регресса къ виновному чиновнику. Оппонентъ указалъ кромѣ этого и рядъ другихъ замѣченныхъ имъ недочетовъ.

Въ своихъ отвѣтахъ на возраженія оппонентовъ П. И. Люблинскій энергично и послѣдовательно отстаивалъ положенія своей диссертации, частью указывая недоразумѣнія въ критикѣ, частью разъясняя въ некоторыхъ свои мысли.

Въ заключеніе заслуж. проф. И. Я. Фойницкій, привѣтствовалъ въ лицѣ диссертанта своего ученика, цѣнные труды котораго служатъ залогомъ его плодотворной работы для развитія науки уголовного права.

Факультетъ единогласно призналъ П. И. Люблинскаго достойнымъ званія магистра уголовного права.

Г. Г.

III.

ДИСПУТЬ ПР.-Д. І. М. КУЛИШЕРА.

10 февраля 1908 г. въ переполненномъ публикою актовомъ залѣ университета прив.-доц. І. М. Кулишеръ защищалъ диссертацию на тему: „Очерки изъ исторіи формъ промышленности въ Западной Европѣ съ XIII по XVIII стол.“, представленную имъ для соисканія степени магистра политической экономіи.

Основные положенія представленной диссертации сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1. Господствующая теорія, проводящая различіе между характеромъ цеховъ въ средніе вѣка (идеальный періодъ) и въ послѣдующія столѣтія (періодъ упадка), не выдерживаетъ критики. Стѣсненія доступа въ цехъ появляются уже въ XIII—XIV ст., наслѣдственность цеховыхъ привилегій не есть результатъ развитія конкуренціи въ новое время.—2. Прибыль въ средневѣковой промышленности простирается изъ источниковъ двоякаго рода—изъ дохода потребителя и изъ труда подмастерья. Цѣны на промышленныя издѣлія регулируются совместно цеховыми мастерами въ формѣ установленія минимальныхъ таксъ. Неправильно взгляды, будто бы при опредѣленіи этихъ цѣнъ цехами имѣлись въ виду и интересы потребителей.—3. Таксы максимальныя, устанавливаемые городомъ, относились почти исключительно къ мѣстнымъ припасамъ. Эти таксы являются провозвѣстникомъ принципа издержекъ производства; однако онѣ не въ состояніи были осуществить этотъ принципъ на практикѣ. Обмѣнъ продуктовъ въ эту эпоху (при существованіи цеховой монополіи) соответствовало ихъ трудовой цѣнности неважнѣе.—4. Съ XIV вѣка уже существовалъ постоянный рабочій классъ въ видѣ подмастерьевъ, находившихся въ зависимости отъ хозяевъ—мастеровъ и не имѣвшихъ возможности приобрести хозяйственную самостоятельность. Заработная плата (максимальная) подмастерьевъ устанавливалась цехомъ.—5. Господствующей формой промышленности въ XVI и въ особенности въ XVII—XVIII ст. является домашняя или кустарная промышленность. Сущестующая теорія нерѣдко смѣшиваетъ старую цеховую организацію съ новой системой производства, или же не выдѣляетъ кустарной формы производства изъ понятія мелкихъ промысловъ.—6. Классъ скупщиковъ-предпринимателей образуется преимущественно изъ прежнихъ цеховыхъ мастеровъ, главнымъ образомъ изъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находятся конечные процессы производства. Классъ рабочихъ значительно расширяется, причемъ главный контингентъ его составляетъ сельское населеніе, среди котораго особенно развивается кустарная промышленность. Рабочіе находятъ

въ полной зависимости отъ скупщиковъ, ихъ матеріальное положеніе весьма печально. —7. Источникомъ промышленной прибыли въ XVI—XVIII ст. является трудъ рабочаго. Мѣропріятія государства направлены къ усилению эксплуатаціи рабочихъ, а вовсе не въ ихъ пользу, какъ нерѣдко утверждаютъ; таксы на трудъ имѣютъ не минимальный, а максимальный характеръ.—8. Современное понятіе централизованной мануфактуры въ смыслѣ формы предпріятія ничего общаго не имѣетъ съ понятіемъ мануфактуры, господствовавшимъ въ XVII—XVIII ст. (въ смыслѣ промышленности или отдѣльныхъ отраслей промышленности). Возникающія въ XVII—XVIII ст. централизованныя мануфактуры имѣютъ тройкій характеръ: мануфактуры, устроенныя (въ новыхъ отрасляхъ производства) иностранцами изъ соображеній защиты, мануфактуры съ несвободнымъ трудомъ (въ особенности съ трудомъ преступниковъ и бродягъ) и мануфактуры (наиболѣе рѣдкій случай), возникшія генетически изъ болѣе раннихъ формъ производства. Современная наука не проводитъ этого различія, какъ и, вообще, характеръ мануфактурной формы производства (на Западѣ) до сихъ поръ почти не выясненъ.—9. Выгодность централизованныхъ мануфактуръ заключается въ производимомъ на нихъ расчлененіи труда. Адамъ Смитъ, повидимому, усматривалъ въ послѣднемъ моментѣ источникъ прибыли: машины еще не были ему извѣстны.—10. Въ ученіи Адама Смита о цѣнности и прибыли нѣтъ противорѣчій; трудовая теорія цѣнности гармонируетъ съ условіями хозяйственной жизни XVIII вѣка.

Въ своемъ вступительномъ словѣ I. М. Кулишеръ изложилъ тѣ мотивы, которые побудили его изслѣдовать исторію формъ промышленности. Законы экономической жизни, если только они вообще существуютъ, могутъ быть установлены только на основаніи изученія всей экономической жизни въ цѣломъ, т. е. на основаніи изученія явленій не только настоящаго, но и прошлаго. Законы, установленные на основаніи изученія экономической жизни одного только настоящаго, не могутъ претендовать на всеобъемлющее значеніе—они имѣютъ значеніе только для современнаго періода. Такой характеръ носитъ современная экономическая теорія: она исходитъ изъ принциповъ, вѣрныхъ только для одного, сравнительно небольшого періода времени, главнымъ образомъ для XIX столѣтія (свободной конкуренціи, крупнаго производства и формально свободнаго индивидуальнаго рабочаго договора) и поэтому ограничена въ своихъ выводахъ лишь этимъ весьма небольшимъ періодомъ хозяйственной жизни. Между тѣмъ въ эпохи, предшествовавшія XIX столѣтію, указанныхъ моментовъ не существуетъ; мало того, начиная съ конца XIX столѣтія, свободная конкуренція и индивидуальный договоръ постепенно измѣняются и принимаютъ все новыя и новыя формы. Экономическая теорія должна поэтому выяснитъ и тѣ признаки, которые могутъ служить предпосылками при построеніи экономическихъ теорій для другихъ хозяйственныхъ періодовъ. Правда, среди экономистовъ распространенъ взглядъ, что объектомъ экономической теоріи можетъ служить только современный хозяйственный строй, съ господствомъ „стихійнаго механизма“, что экономическая теорія призвана объяснить ту стихійную закономѣрность, которая присуща товарному хозяйству, и что никакой другой строй не можетъ быть основаніемъ для возникновенія особой экономической научной дисциплины. Но такой взглядъ ошибоченъ; источникъ его лежитъ въ предположеніи, что во всѣ другія эпохи имѣлась та или другая общественная власть, регулирующая хозяйственную жизнь и что поэтому никакой „стихійной“ закономѣрности тамъ не наблюдалось; на самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ—извѣстная закономѣрность наблюдается не только въ хозяйственной жизни XIX вѣка, она наблюдалась и раньше, такъ какъ въ самомъ характерѣ хозяйственной организаціи эпохъ, предшествовавшихъ XIX столѣтію,—въ условіяхъ производства и распредѣленія, соотношенія между различными группами населенія и т. п.—находились движущія силы, опредѣ-

ляющія собою хозяйственную структуру общества. Слѣдовательно, научная экономическая дисциплина можетъ имѣть своимъ объектомъ не только современный хозяйственный строй, но и хозяйство предшествовавшихъ ему эпохъ. Но для построения такой экономической теоріи необходимо предварительное изученіе характерныхъ особенностей этихъ эпохъ. Такую цѣль и преслѣдуетъ книга диссертанта. Конечной же цѣлью его является универсальная эволюционная теорія, выясняющая развитіе какъ хозяйственной жизни въ ея цѣломъ, такъ и cadaго института въ отдѣльности на протяжении всей доступной изученію исторіи человѣчества.

Первымъ официальнымъ оппонентомъ выступилъ пр.-доц. М. И. Туганъ-Барановскій. Въ началѣ своей критики оппонентъ отмѣтилъ, что историческая часть разсматриваемой книги, которая является, собственно говоря, средствомъ для разрѣшенія нѣкорыхъ абстрактныхъ положеній политической экономіи, гораздо выше теоретической. Правда, и въ исторической части его труда встрѣчаются существенные дефекты, но эти дефекты ничтожны въ сравненіи съ несомнѣнными достоинствами. Переходя къ разбору частностей диссертации, оппонентъ находилъ, что критика господствующаго ученія о цеховомъ строѣ недостаточно аргументирована. На основаніи этого ученія, исторія цеховъ дѣлится на два рѣзко ограниченные періода—періодъ, совпадающій съ послѣдними столѣтіями средневѣковья, періодъ расцвѣта, когда не было еще и слѣда социальнаго антагонизма внутри цеха и, періодъ упадка, начинающійся съ XVI вѣка, когда цехъ признается монополюющей организаціей мастеровъ; авторъ же находитъ это ученіе неосновательнымъ, неосновательнымъ притомъ потому, что и въ первый періодъ своего существованія цехъ заключалъ въ себѣ, хотя и въ менѣе развитомъ видѣ, тѣ элементы, которые впоследствии придали ему характеръ организаціи, враждебной интересамъ подмастерьевъ и учениковъ: и въ лучшую пору цеха ремесленники стремились къ монополизациіи производства и къ своему обогащенію. На основаніи этого авторъ и дѣлаетъ выводъ, что средневѣковый цехъ существенно ничѣмъ не отличался отъ цеха позднѣйшаго времени и, въ частности, утверждаетъ, что съ самаго начала господствовалъ *Zunftzwang*, состоящій въ томъ, что право на промыслъ въ данномъ городѣ имѣютъ исключительно лица, принятыя въ цехъ и состоящія его членами; при этомъ авторъ ссылается также на новѣйшую работу Кейтгена. Но съ этимъ оппонентъ не можетъ согласиться. Стремленіе къ монополизациіи слишкомъ неопредѣленно, чтобы на немъ можно было строить какія-либо предположенія, стремленіе же къ обогащенію слишкомъ безспорно. Мало того, Шмоллеръ доказалъ, на основаніи фактовъ, до сихъ поръ никѣмъ еще не опровергнутыхъ, что существовали два различныхъ вида *Zunftzwang*, различныхъ какъ по времени своего происхожденія, такъ и по объему принужденія: *sachlicher Zunftzwang* публично-правового характера, устанавливающій подчиненіе продукта контролю цеха, и *persönlicher Zunftzwang*, устанавливающій необходимость принадлежности къ цеху самого производителя. Существованія „*sachlicher Zunftzwang*“ не отрицаетъ и Кейтгенъ, такъ какъ онъ говоритъ, что *Zunftzwang* входилъ и за предѣлы цеховъ, и слѣдовательно, имѣлъ публично-правовой характеръ въ пользу этого взгляда говоритъ, наконецъ, и то, что нѣмецкіе ремесленники, какъ это видно изъ статутровъ, смотрѣли на себя, какъ на своего рода чиновниковъ, *Beamte*. Это первое возраженіе, которое оппонентъ считалъ нужнымъ сдѣлать по поводу разбираемой книги. Далѣе, оппонентъ находилъ нѣсколько страннымъ утвержденіе, что „цѣна сбываемаго продукта не находилась ни въ какой связи съ расходами, затраченными имъ (ремесленникомъ) на производство“, что цѣны „регулировались произвольно“ самими ремесленниками. Если бы въ дѣйствительности издержки производства не были основаніемъ для регулированія цѣны, то чѣмъ можно было бы, напр. объяснить различіе въ цѣнахъ шелковой и пеньковой ткани. Нако-

нецъ, оппонентъ остановился на впервые авторомъ диссертациі разработанномъ вопросѣ о происхожденіи централизованныхъ мануфактуръ на почвѣ принудительнаго труда; эта глава имѣетъ, по мнѣнію оппонента, наибольшую научную цѣнность, такъ какъ она проливаетъ свѣтъ на многія явленія, которыя до сихъ поръ казались непонятными (напр., на причины большаго развитія централизованной мануфактуры въ Россіи, тѣмъ на Западѣ).

Возражая оппоненту, І. М. Кулишеръ указалъ, что стремленіе къ обогащенію у средневѣковаго ремесленника признается далеко не всѣми—его отрицаетъ, напр., такой видный ученый, какъ Зомбартъ. Что же касается понятія монополіи, то авторъ вынужденъ его употребить, несмотря на нѣкоторую его неопредѣленность, потому, что изъ этого же понятія исходятъ и его противники, отрицающіе монопольное состояніе цеховъ въ средніе вѣка. Что же касается *Zunftzwang*, въ смыслѣ обязательности принадлежности производителя къ данному цеху, то хотя онъ юридически и не существовалъ, но зато фактически онъ существовалъ несомнѣнно; того же взгляда придерживается не только Кейтгенъ, но и М. Ковалевскій и др. Далѣе диссертантъ находилъ ошибочнымъ считать ремесленниковъ того времени чиновниками. Ошибка эта вытекаетъ изъ невѣрнаго толкованія слова *Ammet*. Слово *Ammet* равнозначуще слову *Gewerkske*, *Handwetrke*, а не слову *Beamte*. Наконецъ, по поводу „произвольнаго регулированія цѣнъ“ диссертантъ замѣтилъ, что „произвольное регулированія цѣнъ“ онъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что цехи были въ то время господами рынка, и что они регулировали цѣны не по свободному договору, а односторонне.

Вторымъ официальнымъ оппонентомъ былъ проф. М. М. Ковалевскій. Разсматривая диссертацию, какъ историческій трудъ, оппонентъ указалъ, что существуетъ много фактовъ, которые говорятъ въ пользу дѣленія исторіи цехового строя на два періода; такими данными являются, напр., существовавшее первоначально постановленіе, въ силу котораго дешево приобретенный сырой матеріалъ дѣлился между своими членами цеха, за тѣмъ постановленіе, запрещающее мастерамъ имѣть больше опредѣленнаго числа подмастерьевъ и т. д. Далѣе, для оппонента не совсѣмъ ясна отправка точка зрѣнія автора. На основаніи ея выходитъ, 1) что торговое сословіе обособилось позднѣе ремесленнаго, 2) что рабочій классъ образовался изъ однихъ только подмастерьевъ и учениковъ. А между тѣмъ ни то ни другое невѣрно. Торговля гильдии возникли гораздо раньше цеховыхъ; ярмарки, торги, бумаги на предъявителей, *lettres de foite* встрѣчаются въ наиболѣе ранніе періоды исторіи—все это говоритъ въ пользу того, что торговое сословіе обособилось раньше ремесленнаго. Съ другой стороны, рабочій классъ образовался не только изъ учениковъ и подмастерьевъ, но и изъ рабочихъ, которые не были организованы въ цехи—въ пользу этого говоритъ то, что число учениковъ и подмастерьевъ было ограничено, между тѣмъ какъ уже въ это время въ возстаніяхъ рабочихъ во Флоренціи, въ Сіеннѣ принимало участіе около 20,000 человекъ.

Возражая проф. Ковалевскому, диссертантъ указалъ, что слѣдуетъ проводить различіе между отношеніемъ членовъ цеха другъ къ другу, съ одной стороны, и отношеніемъ ихъ къ внѣшнему міру. Если отношенія членовъ цеха другъ къ другу были, дѣйствительно братскими, то этого отнюдь нельзя сказать про ихъ отношенія къ внѣшнему міру — оно въ средніе вѣка отличалось такой же враждебностью, какъ и впоследствии. Переходя къ слѣдующимъ возраженіямъ оппонента, диссертантъ замѣтилъ, что онъ въ своемъ трудѣ совершенно не имѣлъ въ виду торговаго сословія; онъ хотѣлъ только выяснитъ, какимъ образомъ въ кустарной промышленности *maître marchand* отдѣлился отъ *maître ouvrier*; здѣсь онъ пришелъ къ выводу, что отдѣльные мастера превращались въ торговцевъ, скупщиковъ, прекращали производство товаровъ и мало-по-малу обратились въ капиталистовъ-предпринимателей, подчинивъ себѣ прежнихъ

мастеровъ, которые, не имѣя возможности сбывать произведенные ими продукты, превратились въ обыкновенныхъ кустарей-рабочихъ. Это авторъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ объ отдѣленіи торговцевъ отъ ремесленниковъ. Что же касается происхожденія рабочаго класса, то авторъ находитъ, что первоначально онъ состоялъ только изъ учениковъ и подмастерьевъ, и что только впоследствии ряды его начали пополняться другими слоями населенія, преимущественно сельскаго.

Кромѣ официальныхъ оппонентовъ, выступилъ еще П. Б. Струве. Оппонентъ находилъ, что цехи не имѣли монополистическаго характера, такъ какъ, съ одной стороны, существовали цехи, не имѣющіе автономіи (Вѣна), а съ другой стороны, существовали цехи, нелегализованные, неофициальные (Нюрнбергъ). Вообще же признанъ цеховой автономіи не существовать для цехового строя; появленіе цеховой автономіи тѣсно связано съ превращеніемъ цеховъ въ политическія организаціи. Далѣе оппонентъ указалъ на то, что авторъ упустилъ изъ вида нѣкоторыя цѣнныя монографіи (Эйленбурга, Гейзера и др.), которыя, между прочимъ, представляютъ многое въ иномъ свѣтѣ. Такъ, напр., Гейзеръ находитъ, вопреки мнѣнію диссертанта, что во Франціи до XII вѣка не было связной цеховой организаціи, и что только ординансъ 1581 года впервые ввелъ цехи во многихъ городахъ.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія І. М. Кулшверъ возразилъ, что онъ въ своей работѣ имѣлъ въ виду только экономическую сторону цеховъ, а не политическую. Онъ признаетъ, что въ дѣлѣ развитія монополіи имѣли большое значеніе, какъ легализація, такъ и автономіи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что при ихъ отсутствіи отсутствовала и монополія. Утвержденіе оппонента, будто авторъ упустилъ изъ вида монографіи Эйленбурга и Гейзера невѣрно, такъ какъ и тотъ и другой авторъ цитируются въ сочиненіи. Что же касается, наконецъ, взгляда Гейзера, будто во многихъ городахъ Франціи ввелъ цеховое устройство только ординансъ 1581 года, то, во-первыхъ, взглядъ этотъ не вѣренъ для многихъ другихъ городовъ, относительно которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія, что цехи возникли тамъ гораздо раньше, и во-вторыхъ, возможно, что Гейзеръ имѣлъ въ виду только цехи, не пользовавшіеся автономіей.

По окончаніи интереснаго диспуга факультетъ призналъ защиту диссертациіи удовлетворительной, а автора достойнымъ искомой степени.

А. Ф.

IV.

ДИСПУТЪ ПР.-Д. В. А. ГАГЕНА.

6-го апр. 1908 г. въ одной изъ университетскихъ аудиторій В. А. Гагенъ защищалъ диссертацию: „Право бѣднаго на призрѣніе, т. I Исторія и современное положеніе законодательства объ обязательномъ призрѣніи бѣдныхъ въ Германіи, Франціи и Англии, Спб. 1907 г.“, представленную имъ для полученія степени магистра полицейскаго права. Въ своей вступительной рѣчи диспутантъ внимательно остановился на основныхъ элементахъ, входящихъ въ понятіе призрѣнія, и указалъ на ту роль, которую обязательное призрѣніе играло въ культурныхъ государствахъ Западной Европы въ прошломъ и въ современной дѣйствительности. Первый изъ официальныхъ оппонентовъ, проф. Дерюжинскій, отмѣтилъ въ своихъ возраженіяхъ недостатокъ ясности въ основныхъ теоретическихъ положеніяхъ работы, отсутствіе указаній на то, признаетъ ли авторъ право на призрѣніе за субъективное публичное право, или же относится къ этой конструкціи отрицательно. Далѣе указаны были недостатки работы, излишняя растянутость отдѣльныхъ частей и отсутствіе правильной исто-

рической перспективы. Второй официальный оппонентъ, проф. П. И. Георгіевскій указалъ на встрѣчающіяся въ работѣ логическія и стилистическія погрѣшности, дѣлающія затруднительнымъ пониманіе мысли автора во многихъ мѣстахъ. Выступившій въ качествѣ неофициальнаго оппонента проф. М. М. Ковалевскій указалъ, что обширность задачи, поставленной себѣ авторомъ, лишила его возможности углубить свое изслѣдованіе и сдѣлала неизбежными многіе промахи. Въ частности оппонентъ указывалъ на неотмѣченную въ работѣ связь между современными воззрѣніями французскихъ солидаристовъ и общественной философій Огюста Конта. Изъ публики нѣкоторыя дополнительные замѣчанія высказаны были П. Г. Мижуевымъ и г. Горлицовымъ. Въ заключеніе факультетъ призналъ автора достойнымъ вскомой степени.

Обзоръ дѣятельности научныхъ кружковъ¹⁾.

При юридическомъ факультетѣ Петерб. Университета.

Приступая къ обзору дѣятельности научныхъ кружковъ юридическаго факультета въ С.-Петербургскомъ университетѣ, слѣдуетъ гордо сознаться, что научная жизнь студенчества даннаго университета протекаетъ весьма и весьма интенсивно. При той массѣ лекцій и практическихъ занятій, которыя особенно за послѣднее время такъ развились въ Петербургскомъ университетѣ, студенчество сумѣло еще найти столько времени и энергии чтобы создать кружки по всѣмъ отраслямъ знанія.

Нижеслѣдующій обзоръ по своей краткости и схематичности, конечно, не сможетъ дать должнаго полнаго представленія о научной жизни петербургскаго студенчества, но хотя бы фактически-наглядно покажетъ, какъ кипитъ научная работа въ университетѣ, и какъ великъ интересъ къ научной работѣ.

Кружокъ философій права.

Кружокъ философій права есть одинъ изъ старѣйшихъ въ числѣ нынѣ существующихъ кружковъ университета и самый старый на юридическомъ факультетѣ. Онъ возникъ по инициативѣ группы студентовъ и существованіе его начинается съ 1900 года. Кружокъ никогда не носилъ характера замкнутой организаціи. Наоборотъ, съ самаго начала онъ старался войти въ соприкосновеніе съ широкими университетскими кругами. Ему приходилось имѣть сношенія съ другими кружками, напр. представители его входили въ бюро „научно-литературныхъ бесѣдъ филологическаго факультета“—впослѣдствіи „Студенческаго научно-литературнаго общества“; его засѣданія посѣтилъ цѣлый рядъ преподавателей университета; наконецъ, подавляющее число его научныхъ собраній было открыто

¹⁾ Редакція надѣется, что ко времени выпуска второго сборника будутъ присланы свѣдѣнія о научной жизни всѣхъ университетовъ Россіи.

для гостей и привлекало значительныя массы студенчества (отъ 100 до 500 чел.). Неизмѣннымъ руководителемъ кружка былъ съ самаго его возникновенія проф. Л. I. Петражицкій, принимавшій во всѣхъ его занятіяхъ самое непосредственное участіе. Число членовъ въ настоящее время достигаетъ 110 человекъ, но въ виду того, что сюда входятъ много лицъ, уже кончившихъ университетъ, дѣйствующихъ членовъ должно считать около семидесяти.

Дѣятельность кружка и по программѣ, и фактически всегда была шире, чѣмъ это можно предполагать по его названію. Въ сферу его интересовъ входили приблизительно всѣ главнѣйшіе отдѣлы общественнаго дѣянія. Что касается содержанія работъ, проходившихъ черезъ кружокъ, то всѣ онѣ такъ или иначе связаны и находились подъ вліяніемъ психологической теоріи права и поднятыи ею болѣе общими вопросами. Разсматривался историко-психологическій методъ въ общественныхъ наукахъ; вопросъ о психологизмѣ и материализмѣ въ этой области; идеаль человѣческаго поведения съ психологической точки зрѣнія; психологическія основы утопій. Ставились также темы, связанныя съ экономической наукой, какъ-то: основныя идеи социализма, вопросъ объ этическомъ началѣ въ современномъ хозяйственномъ строѣ и темы изъ области собственно правовѣдѣнія, напр. такія проблемы, какъ право на жизнь, что такое догма права, теорія публичнаго строя. Наконецъ, предметомъ обсужденія являлась сама психологическая теорія права и ея критика, что особенно выдвинулось за послѣдній годъ, когда кружокъ фактически перешелъ отъ рефератной системы занятій къ системѣ бесѣдъ, въ которыхъ на обсужденіе собранія ставились и тутъ же дебатировались заранѣе извѣстные вопросы. Такіе вопросы непосредственно относились къ различнымъ частямъ психологической теоріи права ¹⁾. Такимъ образомъ, о кружкѣ философіи права можно сказать, что онъ фактически является для психологической теоріи права какъ бы переходной ступенью между кафедрой, съ одной стороны, и аудиторіей съ другой.

Изъ прочитанныхъ рефератовъ наиболѣе интересны слѣдующіе;

Н. Н. Шульговскаго: „Право на жизнь“.

П. И. Люблинскаго: „Къ вопросу о психологизмѣ и материализмѣ въ общественной наукѣ“.

Н. Н. Шульговскаго: „Психологическія основы утопій“.

П. И. Люблинскаго: „Теорія публичнаго строя“.

Н. Н. Шульговскаго: „Идеаль человѣческаго поведения“.

В. С. Войтинскаго: „Этическое начало въ современномъ хозяйственномъ строѣ“.

Г. К. Гинса: „Историко-психологическій методъ общественныхъ наукъ“.

В. С. Войтинскаго: „Основныя идеи социализма“.

А. Н. Круглевскаго: „Что такое догма права“.

П. Е. Михайлова: „Эволюція идеи „ближняго“ съ социологической точки зрѣнія“.

Бюро кружка послѣдовательно составляли: П. И. Люблинскій (нынѣ пр.-доц. петерб. университета) и Н. Н. Шульговскій; Н. Н. Шульговскій и Н. В. Болдыревъ (оба окончившіе нынѣ университетъ); Н. В. Болды-

¹⁾ Въ текущемъ году вновь выдвинута система рефератныхъ занятій.

ревъ и І. С. Войтинскій. Въ настоящее время бюро кружка состоитъ изъ трехъ лицъ: председателя І. С. Войтинскаго, секретаря П. Е. Михайлова, казначея и бібліотекаря Д. И. Эттингера. Уставъ кружка состоитъ изъ 7 параграфовъ: 1) кружокъ философіи права имѣетъ цѣлью способствовать товарищескому единенію членовъ и совѣстной работѣ въ области философіи права и нравственности и соприкасающихся съ ними наукъ. 2) Для этой цѣли кружокъ устраиваетъ открытыя и закрытыя засѣданія, предпринимаетъ совѣстныя работы, печатаетъ труды и пр. 3) При кружкѣ имѣется касса, составляющаяся изъ членскихъ взносовъ и добровольныхъ пожертвованій, и бібліотека. 4) Занятія кружка ведетъ руководитель и въ случаѣ необходимости товарищъ руководителя, приглашаемые кружкомъ на два года изъ числа преподавателей университета. 5) Бюро кружка состоитъ изъ председателя, секретаря, казначея и бібліотекаря, избираемыхъ изъ числа дѣйствительныхъ членовъ-студентовъ на одинъ годъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ. 6) Дѣйствительными членами кружка могутъ быть: а) студенты Сиб. университета, пробывшіе въ университетѣ не менѣе года; в) лица оставленныя при университетѣ для подготовленія къ научному знанію. Примѣчаніе; окончившіе университетъ члены кружка и выразившіе желаніе бюро продолжать участіе въ кружкѣ, подвергаются новой баллотировкѣ въ члены-сотрудники, пользующіея всѣми правами, кромѣ права занимать должности (см. § 5). 7) Избраніе въ дѣйствительные члены производится посредствомъ закрытой баллотировки абсолютнымъ большинствомъ присутствующихъ членовъ. Предлагаемый къ баллотировкѣ кандидатъ долженъ быть рекомендованъ двумя членами кружка, при чемъ требуется указать научную подготовку рекомендуемаго.

Кружки гражданскаго права.

Проф. М. Я. Пергамента и пр.-доц.: бар. А. Э. Нольде, И. М. Тютрюмова, Ф. А. Вальтера и Л. С. Таля.

„Кружокъ Гражданскаго Права“, пріотившись въ Юридическомъ кабинетѣ, который благодаря трудамъ и заботамъ пр. М. Я. Пергамента получилъ новое помѣщеніе и обогатился новыми книгами, — поставилъ своей цѣлью путемъ систематической работы разобрать постепенно вопросы гражданскаго права, какъ русскаго, такъ и западно-европейскаго и римскаго. Подъ руководствомъ пр. М. Я. Пергамента кружокъ, состоящій изъ 30 членовъ студентовъ и 6 оставленныхъ при университетѣ, собирался еженедѣльно въ помѣщеніи юридическаго кабинета и на основаніи докладовъ, дѣлаемыхъ членами кружка, подвергалъ детальному обсужденію вопросы частнаго права. Главною цѣлью кружка при томъ была выработка въ своихъ членахъ извѣстной юридической школы, утѣнія научно разрабатывать вопросы права. Поэтому и рефератамъ посвящалось не одно, а иногда до 10-ти засѣданій.

Такимъ путемъ были прочтаны и обсуждены въ кружкѣ слѣдующіе рефераты: Рефератъ Саатчіана: „Объ объектахъ публичнаго права“, его же: „Ученіе о спецификаціи“, рефератъ Карабегова: „О защитѣ владѣнія по русскому праву“, рефератъ Антошина: „О римской и французской системѣ передачи права собственности на движимыя имущества“, рефератъ Веккера: „Система римской традиціи въ связи съ кондакціями“ и др.

Вслѣдствіе такого научнаго характера, принятаго занятіями кружка, уже съ самаго начала стала ощущаться надобность въ занятіяхъ по гражданскому и римскому праву наряду съ этимъ кружкомъ еще въ другихъ болѣе элементарныхъ, для студентовъ, еще только приступающихъ къ спеціализаціи по частному праву. Согласно съ этимъ параллельно съ занятіями старшей группы начали происходить занятія въ младшей группѣ, руководство коимъ принялъ на себя пр.-доц. баронъ А. Э. Нольде. Здѣсь на собраніяхъ, созывавшихся точно также еженедѣльно и привлекавшихъ до 50-ти студентовъ, были прочитаны и обсуждены слѣдующіе рефераты по вопросамъ гражданского права. Напр., рефератъ Саатчіана, „Vis majore“, его же: „О желѣзнодорожныхъ забастовкахъ съ точки зрѣнія гражданского права“, рефераты Цыпкина и Мосзана: „Объ объектахъ права по русскому законодательству“, рефератъ Джалалова: „О давности по русскому праву“, рефератъ Переплетникова: „О находкѣ“ и др.

Наконецъ, для занятій спеціально по гражданскому судопроизводству и въ особенности, для практическаго ознакомленія съ формами и движеніемъ гражданского процесса образовался еще третій кружокъ, занятіями коего руководилъ пр.-доц. И. М. Тютрюмовъ. Согласно его указаніямъ со, стоялся рядъ засѣданій судебныхъ въ учрежденіяхъ мировыхъ, а равно общихъ. Матеріалъ для этихъ занятій почерпался изъ текущей гражданско-правовой практики Пр. Сената.

Съ 1908 г. организовались еще два аналогичныхъ кружка: одинъ подъ руководствомъ пр.-доц. Ф. А. Вальтера, другой подъ руководствомъ пр.-доц. Л. С. Таля.

Кружокъ и семинарій политической экономіи М. И. Туганъ-Барановскаго.

Руководимый М. И. Туганъ-Барановскимъ кружокъ политической экономіи созданъ осенью 1906 года, имѣя своей цѣлью самообразование членовъ въ области социальна-экономическихъ наукъ. Общее собраніе членовъ кружка выработало и приняло уставъ, который и былъ утвержденъ Совѣтомъ профессоровъ 9-го ноября 1907 года. На основаніи этого устава, кружокъ имѣетъ право: а) собираться въ стѣнахъ университета для слушанія представленныхъ рефератовъ и для бесѣдъ на предложенныя къ обсужденію вопросы, б) собирать членскіе взносы и пожертвованія, и в) составлять бібліотеку изъ книгъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ задачамъ кружка. Членами кружка могутъ быть студенты, вольнослушатели и вольнослушательницы С.-Петербургскаго университета, записавшіеся и дѣлающіе опредѣленные ежемѣсячные взносы, и лица, установленнымъ порядкомъ допущенныя къ участію въ университетскихъ занятіяхъ; кромѣ того, въ собраніяхъ допускается присутствіе гостей изъ студентовъ съ разрѣшенія бюро кружка и изъ постороннихъ лицъ съ разрѣшенія ректора. Для завѣдыванія всѣми дѣлами кружка общимъ собраніемъ всѣхъ членовъ избирается бюро изъ 7 членовъ, которые распределяютъ между собою различныя функціи, связанныя съ веденіемъ занятій и дѣятельностью кружка.

Членовъ кружка въ 1906—7 академическомъ году было 181, въ 1807—8 академическомъ году 206; на собраніяхъ кружка, всегда открытыхъ, присутствовало обычно по нѣскольку сотъ человѣкъ.

Въ теченіе 1906—7 года было 17 собраній, изъ которыхъ 8 были посвящены организаціоннымъ дѣламъ, остальные же научнымъ занятіямъ въ теченіе 1907—8 года было 14 собраній—одно организаціонное и 13 научныхъ.

Въ теченіе всего времени существованія кружка были прочитаны слѣдующіе доклады:

I. По экономической теоріи и методологій:

- 1) Теорія классовой борьбы и ея философскія предпосылки (В. Тресвятскаго);
- 2) Законы заработной платы (Л. Форберта);
- 3) Теорія цѣнности М. И. Туганъ-Барановскаго (Н. Бернштейна);
- 4) Понятіе хозяйства въ современной экономической наукѣ (В. Элькина);
- 5) Цѣнность и стоимость (Г. Гинса);
- 6) Теорія производительности капитала (Л. Форберта);
- 7) Теорія прибыли М. И. Туганъ-Барановскаго (С. Солянцева);
- 8) О народонаселеніи (Логинова);
- 9) О математическихъ формулахъ М. И. Туганъ-Барановскаго (К. Довмонтовича);

- 10) Источникъ дохода на капиталъ (Л. Форберта);
- 11) Критическій идеализмъ и современное обществознание (къ вопросу о методологій политической экономіи) (В. Элькина);

II. По исторіи политической экономіи;

- 12) Движеніе заработной платы въ XVIII и XIX вѣкахъ и факторы его (Майминова);

III. По социальной политикѣ:

- 13) Пролетаріатъ и его авангардъ (Ля-енса);
- 14) Трудовой союзъ (А. Коппакчи);

IV. По аграрному вопросу въ Россіи:

- 15) Русская община передъ судомъ науки и партій. В. Тресвятскій.

Превіями руководилъ обычно М. И. Туганъ-Барановскій, принимавшій въ нихъ самое дѣятельное участіе.

Библіотека кружка состоитъ въ настоящее время изъ 103 названій (112 томовъ), стоимостью въ 109 руб. 48 коп. За время функціонированія бібліотеки ею пользовались 72 человека.

Доходы кружка состояли изъ членскихъ взносов (въ размѣрѣ 20 коп. въ первый мѣсяцъ вступленія въ кружокъ и 10 коп. въ послѣдующіе мѣсяцы); кромѣ того, руководителемъ кружка была доставлена возможность пополнить кассу кружка путемъ передачи кружку права изданія экзаменціонныхъ программъ, а также права исключительной продажи изданныхъ имъ лекцій по политической экономіи.

Финансовая отчетность выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1906—7 г.	1907—8 г.
Общая сумма доходовъ	178 р. 70 к.	224 р. 79 к.
Общая сумма расходовъ	119 „ 91 „	92 „ 44 „

Во главѣ организаціи кружка стояло избранное общимъ собраніемъ бюро изъ 7 членовъ—Альшванга (библіотекарь), Базарова (казначей), Гинса, Зысина, Сергіева (библіотекарь), Форберта (секретарь) и Элькина (секретарь).

Кромѣ кружка политической экономіи, съ именемъ М. И. Туганъ-Барановскаго связаво еще и существованіе семинарія политической экономіи. Семинарій политической экономіи возникъ осенью 1907 года. Цѣлю его является детальная разработка чисто-теоретическихъ проблемъ. Членами семинарія могутъ быть студенты, вольнослушатели и вольнослушательницы университета, знакомые съ общимъ курсомъ политической экономіи и съ первымъ томомъ капитала Маркса, а также приватъ-доценты и оставленные при университетѣ по политической экономіи. Въ настоящее время вырабатывается уставъ семинарія, который болѣе точнымъ образомъ опредѣлитъ его задачи и дѣятельность.

Въ теченіе 1907—8 года предметомъ обсужденія въ семинаріи была проблема цѣнности. Были заслушаны и разработаны слѣдующіе доклады:

- 1) Теорія цѣнности Смита (Л. Моргенштерна);
- 2) Теорія цѣнности Рикардо (А. Гойхбарга);
- 3) Идеалистическія теоріи цѣнности (К. Домонтовича);
- 4) Теорія цѣнности Маркса (В. Миллера).

Кружокъ уголовного права.

Кружокъ уголовного права основанъ въ 1906/7 уч. году, и руководство занятіями кружка принялъ на себя пр.-доц. П. И. Люблинскій.

Съ 1906/7 акад. года въ кружкѣ уголовного права, подъ руководствомъ хранителя Кабинета уголовного права, прив.-доц. П. И. Люблинскаго, происходили еженедѣльные занятія двоякаго рода: 2 раза въ мѣсяцъ читались рефераты и происходили пренія по послѣднимъ и 2 раза въ мѣсяцъ происходилъ разборъ судебныхъ казусовъ—преимущественно изъ „Казуистики“ проф. Сергѣевского. Кромѣ того, въ 1907/8 уч. году состоялось два примѣрныхъ судебныхъ засѣданія.

Прочли рефераты въ кружкѣ, между прочимъ, слѣдующія лица:

- 1) А. Н. Круглевскій. „О правѣ наказанія“.
- 2) А. Н. Круглевскій. „Догма права и предметъ ея изученія“.
- 3) г. Тумяловичъ. „О дѣйствіи уголовного закона во времени“.
- 4) Г. С. Шохоръ-Троцкій. „Объ исполненіи приказа начальства“.
- 5) г. Вобровъ. „О давности въ уголовномъ правѣ“.
- 6) В. И. Книрша. „О преступныхъ сообществахъ“.
- 7) г. Альтбергъ. „Ассоціаціонный методъ въ уголовномъ процесѣ“.
- 8) В. В. Станкевичъ. „Теорія наказанія“.
- 9) Г. К. Гяньсъ. „Ученіе о противоправности“.
- 10) М. О. Косвенъ. „Первобытное карательное право“.

Въ началѣ акад. года были избраны два секретаря кружка: Г. И. Книрша и А. Н. Круглевскій; послѣдняго, какъ окончившаго университетъ, съ 1908-го года замѣнилъ Г. С. Шохоръ-Троцкій. Кружокъ въ своей средѣ насчитывалъ приблизительно 25 членовъ.

Кружокъ административнаго права.

Данный кружокъ организовался въ январѣ 1908 г., вслѣдствіе сказавшагося интереса среди студенчества петербургскаго университета къ вопросамъ административной юстиціи. Руководительство занятіями кружка принялъ на себя пр.-доц. В. М. Гессенъ.

Занятія этого кружка носили очень спеціальный характеръ, а потому онъ не могъ собирать такой массы студенчества, какъ кружки философіи права и политической экономіи.

Рефератовъ въ немъ было прочитано четыре:

- 1) „Роспускъ парламентовъ“—В. Е. Шацкій.
- 2) „Сенатъ, какъ органъ административной юстиціи“.—В. А. Соболевъ.
- 3) „Мѣстные органы административной юстиціи“—Е. Н. Окунева.
- 4) „Пріостановка личныхъ гарантій въ Англіи“—г. Лазарсонъ.

Кружокъ по исторіи русскаго права.

Возникновеніе даннаго кружка въ 1907 г. связано съ именемъ академика-профессора М. А. Дьяконова, который и явился руководителемъ его занятій. Самимъ же руководителемъ былъ предложенъ рядъ темъ для занятій и въ концѣ концовъ было рѣшено приступить къ изученію древнихъ т. наз. писцовыхъ книгъ. Кроме того, было предоставлено право каждому желающему приготовить докладъ по любому вопросу по исторіи права.

Занятія кружка носили скромный характеръ, такъ какъ темы его были спеціальны и довольно узки. Самъ руководитель акад. М. А. Дьяконовъ принималъ всегда самое непосредственное участіе въ занятіяхъ кружка.

Во время занятій было сдѣлано три доклада:

В. А. Александровымъ: „О писцовыхъ новгородскихъ книгахъ“.

А. Скворцовымъ: „Статистическій подсчетъ ремесленныхъ занятій и ихъ роли въ жизни города Новгорода. (По писцовымъ книгамъ).“

П. Е. Михайловымъ: „Арендныя отношенія во Псковѣ“ (Исслѣдованіе Псковской Судной Грамоты).

Въ настоящее время кружокъ сильно разросся и включаетъ въ себѣ до 60 человекъ однихъ новыхъ членовъ.

Приведа краткій схематичный обзоръ научныхъ кружковъ С.-Петербургскаго университета, слѣдуетъ добавить, что кроме означенныхъ въ текстѣ существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ кружковъ, о которыхъ за неимѣніемъ мѣста придется сказать въ другой разъ.

Практическіе семинаріи на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета.

I.

Практическія занятія, какъ неразрывное звено въ общей системѣ факультетскаго преподаванія, появились на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета лишь въ 1906—7 академическомъ году вмѣстѣ съ переходомъ къ предметной системѣ преподаванія и экзаменовъ.

Прежняя курсовая система, опутывавшая студента сѣтью обязатель-

ныхъ и срочныхъ экзаменовъ, мало считавшаяся, вслѣдствіе своей неподвижности, съ его индивидуальными наклонностями и научными интересами, — менѣе всего, повидному, благопріятствовала группировкѣ студентовъ на почвѣ ихъ научныхъ стремленій въ формы кружковъ, семинаріевъ и т. п. Послѣдніе, если и возникали, то являлись чѣмъ-то спорадическимъ, случайнымъ росткомъ на чужой вѣтвѣ, и обыкновенно отцвѣтали, не успѣвши расцвѣсть. Введеніе же предметной системы въ связи съ уничтоженіемъ т. н. переходныхъ экзаменовъ сразу открыло возможность студентамъ установить планъ своихъ занятій сообразно своимъ индивидуальнымъ научнымъ интересамъ, и вмѣстѣ съ этимъ явилась потребность въ пополненіи и углубленіи своихъ знаній путемъ тѣснаго сближенія съ профессоромъ, съ одной стороны, съ товарищами—съ другой, въ формѣ научныхъ собесѣдованій, рефератовъ и т. п. Практическія занятія сдѣлались такимъ образомъ составной частью учебнаго плана и въ самое короткое время сумѣли завоевать симпатіи широкихъ студенческихъ круговъ, что въ свою очередь содѣйствуетъ имъ все большому внутреннему росту и развитію.

II.

Практическіе семинаріи въ университетѣ могутъ быть организованы троякимъ образомъ: 1) ихъ могутъ создать сами студенты въ формѣ свободныхъ научныхъ кружковъ подъ руководствомъ ими же выбранныхъ преподавателей изъ профессорской среды; 2) они могутъ организовываться самими преподавателями, какъ факультативные; 3) они могутъ, наконецъ, устраиваться факультетомъ въ видѣ составныхъ частей учебнаго плана, и являются, вслѣдствіе этого, обязательными для всѣхъ студентовъ, которые, однако, въ извѣстныхъ предѣлахъ свободны въ своемъ выборѣ.

Господствующей формой практическихъ семинаріевъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета является третья, т. е. факультетские семинаріи съ обязательнымъ характеромъ; вторая форма мало прививается пока, самостоятельные же студенческіе научные кружки только недавно стали зарождаться, представляя пока собою на фонѣ студенческой научной жизни мало замѣтную величину.

Факультетъ, предвидя, очевидно, потребность студентовъ въ группировкѣ на почвѣ научныхъ занятій при предметной системѣ преподаванія, самъ пошелъ навстрѣчу этой потребности, удовлетворивъ ее въ формѣ практическихъ семинаріевъ двухъ типовъ—для начинающихъ и подготовленныхъ. Оба эти типа дѣйствуютъ уже третій учебный годъ, и, какъ ни малъ этотъ срокъ, они могутъ, однако, уже быть подвергнуты извѣстной оцѣнкѣ и нѣкоторымъ образомъ рѣшить вопросъ объ удачѣ или неудачѣ этого педагогическаго эксперимента. Трудно въ такомъ бѣгомъ и кратко очеркѣ, писанномъ вдобавокъ рукою непосредственнаго наблюдателя, уловить всѣ важнѣйшіе моменты развивающагося новаго дѣла. Но не претендуя на полноту изложенія, я попытаюсь тѣмъ не менѣе въ схематическомъ наброскѣ отмѣтить наиболѣе существенные элементы разрастающагося живого организма. Оговариваюсь. Матеріаломъ служатъ у меня исключительно личныя впечатлѣнія и разпросы товарищей

Ш.

Начну съ семинаріевъ для начинающихъ По мысли факультета семинаріи эти „имѣютъ цѣлью ввести студентовъ въ изученіе курсовъ, читаемыхъ на юридическомъ факультетѣ, облегчая имъ пониманіе тѣхъ основныхъ понятій и положеній, уясненіе которыхъ является однимъ изъ важнѣйшихъ условій сознательнаго прохожденія юридическихъ наукъ“¹⁾. Имѣя такимъ образомъ характеръ проповѣдническій и общеобразовательный, семинаріи эти были организованы по тремъ основнымъ предметамъ трехъ специальностей, введенныхъ учебнымъ планомъ 1906 года, а именно—1) по институціямъ римскаго права—для специалистовъ по гражданскому праву, 2) по исторіи русскаго права—для специалистовъ по государственнымъ наукамъ, 3) по политической экономіи—для специалистовъ по экономическимъ наукамъ.

Остановившаяся на характерѣ и содержаніи этого вида практическихъ семинаріевъ, приходится отмѣтить полное разнообразіе ихъ постановки. Такъ, занятія по институціямъ римскаго права сводятся исключительно къ разрѣшенію юридическихъ казусовъ по основнымъ институтамъ римскаго гражданскаго права. Ведутся эти занятія въ небольшихъ сравнительно группахъ (приблизительно въ 50—60 человекъ) въ формѣ собесѣдованія аудиторіи съ руководителемъ.

Иной характеръ носили занятія по исторіи русскаго права²⁾. Они заключались въ чтеніи и комментированіи какого-нибудь памятника русскаго права. Въ 1907—8 академическомъ году читалась глава X Уложенія царя Алексѣя Михайловича подъ руководствомъ двухъ приватъ-доцентовъ, никакихъ другихъ курсовъ не объявившихъ.

По совершенно иному плану организованы занятія по политической экономіи. Въ основѣ послѣднихъ положена система рефератовъ, читаемыхъ и разбираемыхъ въ семинаріи подъ руководствомъ преподавателя. Рефераты по темамъ своимъ затрагиваютъ всѣ основныя проблемы политической экономіи и своимъ разнообразіемъ исчерпываютъ содержаніе тѣхъ вопросовъ, которые обыкновенно ставятся въ предѣлахъ пропедевтическаго курса политической экономіи. Такъ, въ списокъ предложенныхъ для рефератовъ темъ въ прошломъ году руководителемъ семинарія А. Кауфманомъ мы находимъ слѣдующія: 1) Ступени развитія народнаго хозяйства, 2) Методъ экономической науки, 3) Цѣнность, 4) Институтъ собственности и его хозяйственное значеніе, 5) Общинное землевладѣніе, 6) Капитализмъ и капиталистическій строй, 7) Прибыль, 8) Земельная рента и т. д. Всего предложено было свыше 50 темъ.

Но какъ ни серьезны, повидному, были намѣренія почтеннаго руководителя этого семинарія А. Кауфмана, дѣйствительность не совсѣмъ оправдала поставленныхъ имъ задачъ. Несомнѣнно система серьезныхъ научныхъ рефератовъ, на которой построенъ семинарій, давала возможность наиболѣе вдумчивой и научно болѣе или менѣе развитой части аудиторіи расширить свой научный горизонтъ и получить здѣсь хорошую школу науч-

¹⁾ Проектъ плана преподаванія на юридическомъ факультетѣ, представленный деканомъ А. С. Алексѣевымъ 18 января 1908 года.

²⁾ Въ настоящемъ академическомъ году, вслѣдствіе намѣненій, произведенныхъ въ планѣ преподаванія, занятія по исторіи русскаго права для начинающихъ отмѣнены.

ной самодеятельности. Но этого сказать нельзя относительно семинария в целом. Большая часть студентов-первокурсников мало подготовлена к самостоятельной обработке затронутых тем, и вследствие этого значительная часть членов семинария обнаруживали крайнюю пассивность в его работах.

Подводя итоги всему сказанному о практических занятиях для начинающих, приходится отметить, что наиболее выдержанным в смысле систематической постановки дела является семинарий по институциям римского права. Самый характер занятий — решение казусов, где от участников требуется минимальная затрата труда на подготовку, дает возможность руководителю вести занятия, держась заранее намеченного порядка и плана. Этого сказать нельзя ни о семинарии по истории русского права, который слишком суживал свои задачи в пределах одного памятника, становясь вследствие этого мало интересным, — ни о семинарии по политической экономии, который слишком расширяет свои задачи.

IV.

Вторым видом обязательных практических занятий являются т. н. семинарии для подготовленных. Они имеют целью углубить знания студента по прослушанным курсам и научить его применять приобретенные знания к разбору юридических казусов и к решению практических задач¹⁾.

Справедливость требует сказать, что практика далеко расширила рамки этой формулы, и в большинстве случаев семинарии для подготовленных являются местом серьезных научных исследований, где силами участников семинария с руководителем во главе подвергаются изучению и анализу коренные проблемы той или другой науки. В этих семинариях, особенно в некоторых из них, студенты приучаются самостоятельно работать, собственными силами ориентироваться в лабиринте общественных и юридических явлений, составляющих предмет учения на юридическом факультете. Правда, как всякое новое дело, в эти семинарии идут ощупью к своему все большему усовершенствованию. Несомненно многие семинарии страдали в значительной мере от переполнения с одной стороны, неравномерности подготовки участников их с другой. Но этот недостаток в настоящем академическом году в некоторых семинариях исправлен. Из объявленных 22 семинариев для подготовленных доступ в 9 из них обставлен довольно серьезными требованиями. Это обстоятельство будет в значительной степени способствовать повышению среднего научного уровня членов семинариев, и научно-педагогическое значение последних еще больше увеличится. Надо полагать, что и другие семинарии последуют в дальнейшем этому примеру, и юридический факультет покроется таким образом целой сетью настоящих научных ячеек, образуя в целом центр широкой научной деятельности.

¹⁾ Проект плана преподавания на юридическом факультете 1908 г.

V.

Переходя къ организаціи этого вида семинаріевъ, слѣдуетъ замѣтить, что, согласно учебному плану, каждый студентъ обязанъ сдать два семинарія для подготовленныхъ. При этомъ избравшіе своей спеціальностью гражданское право должны сдать зачеты по двумъ изъ слѣдующихъ семинаріевъ:

1) Система римскаго права, 2) Система гражданского права, 3) Торговое право, 4) Гражданскій процессъ, 5) Уголовное право, 6) Уголовный процессъ. Специалисты по государственному праву должны сдать два изъ слѣдующихъ семинаріевъ: 1) Государственное право, 2) Административное право, 3) Международное право, 4) Церковное право, 5) Философія права, 6) Исторія русскаго права. Экономисты могутъ избрать два семинарія изъ слѣдующихъ: 1) Политическая экономія, 2) статистика, 3) финансовое право, 4) административное право (рабочій вопросъ), 5) торговое право.

Въ настоящемъ академическомъ году семинарія для подготовленныхъ объявлены по слѣдующимъ предметамъ:

1) По системѣ римскаго права—три семинарія подъ руководствомъ трехъ преподавателей. При томъ одинъ изъ руководителей приватъ-доцентъ А. Н. Вѣликовъ установилъ комплектъ въ 10—20 человекъ и обусловилъ доступъ въ семинарій участіемъ въ его же семинаріи въ прошломъ 1907—8 академическомъ году и представленіемъ работы на тему, избранную по соглашенію съ нимъ. Занятія въ этихъ семинаріяхъ заключаются въ изученіи отдѣльныхъ вопросовъ римскаго права на основаніи первоисточниковъ путемъ рѣшенія сложныхъ юридическихъ казусовъ, а иногда и представленія рефератовъ на опредѣленные темы.

2) По гражданскому и торговому праву—4 семинарія. Особенно серьезно поставлены работы двухъ изъ нихъ—проф. Г. Ф. Шершеневича, въ которомъ въ настоящее время ведутся занятія по страховому договору, и приватъ-доцента А. Э. Вормса, предполагающаго сосредоточить занятія на крестьянскомъ гражданскомъ правѣ. Въ обоихъ этихъ семинаріяхъ установленъ комплектъ въ 30 человекъ, и доступъ въ нихъ обусловленъ предварительными занятіями по цивилистикѣ и сдачей спеціального коллоквиума у руководителя.

Остальные два семинарія организованы подъ руководствомъ проф. Л. А. Кассо и пр.-доц. С. Е. Сабинина. Тутъ система работъ носитъ болѣе общій характеръ; занятія сводятся къ разрѣшенію юридическихъ казусовъ по русскому гражданскому праву путемъ сопоставленія съ другими дѣйствующими гражданскими кодексами.

3) По гражданскому процессу—два семинарія подъ руководствомъ проф. Е. А. Нефедьева и приватъ-доцента И. А. Кнотьяковскаго. Задачей семинаріевъ является ознакомленіе студентовъ съ производствомъ судебныхъ дѣлъ и рѣшеніе казусовъ изъ области матеріальнаго и процессуальнаго права.

4) По уголовному праву—2 семинарія подъ руководствомъ пр.-доц. М. Н. Гернета и С. В. Познышева. Въ первомъ семинаріи работы носятъ уголовно-догматическій и уголовно-статистическій характеръ, и въ которыя изъ нихъ по глубинѣ и серьезности своей разработки являются без-

условнымъ вкладомъ въ русскую уголовную литературу. Такъ, въ этомъ семинаріи задуманы и выполнены слѣдующія работы: 1) Движеніе преступности въ Московской губ., 2) въ Нижегородской губ., 3) въ г. Москвѣ, 4) Преступность столицъ и городовъ въ Россіи, 5) Преступность города и деревни, 6) Преступность у евреевъ въ Россіи за 1894—1904 г.г., 7) Отвѣтственность врача за производство операціи безъ вѣдома больного, 8) Понятіе уголовно-наказуемаго обмана, 10) Религіозныя преступленія, 11) О подлогѣ, 12) Синдикаты и тресты и уголовный законъ. Нѣкоторыя изъ нихъ (№№ 1, 4, 5 и 12) появились въ періодической печати („Право“, 1907 г. и 1908 г., „Русская Мысль“ (принята). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ с. г. выйдетъ первый выпускъ трудовъ этого семинарія. Во второмъ семинаріи работы главнымъ образомъ сосредоточены на почвѣ изученія общихъ теоретическихъ основъ уголовного права путемъ чтенія рефератовъ и разрѣшенія уголовно-юридическихъ казусовъ.

5) По уголовному процессу—одна семинарія подъ руководствомъ пр.-доц. Н. В. Давыдова. Работы ведутся въ двухъ направленіяхъ: теоретическомъ и практическомъ. Для осуществленія первой задачи участниками семинарія читаются рефераты по важнѣйшимъ вопросамъ судоустройства и судопроизводства. Въ этомъ году, на примѣръ, въ числѣ предложенныхъ 36 темъ для рефератовъ мы находимъ такія, какъ 1) Реформа мѣстнаго суда, 2) Участіе народнаго элемента въ отправленіи правосудія, 3) Условное осужденіе, 4) Адвокатура и др. Для осуществленія второй практической задачи въ семинаріи дѣлаются доклады по наиболѣе типичнымъ процессамъ, взятымъ изъ архива Московскаго окружнаго суда.

6) По государственному праву—одна семинарія подъ руководствомъ приватъ-доцента В. М. Устинова. Работы этого семинарія сводятся къ изученію основъ государственнаго права путемъ чтенія докладовъ и преній по нимъ. За два года существованія семинарія въ немъ были задуманы и выполнены работы почти по всѣмъ отдѣламъ государственнаго права. Такъ, въ прошломъ году были прочитаны между прочими слѣдующіе рефераты: 1) Пересмотръ конституціи, 2) Чрезвычайный указъ (ст. 87 русскихъ основныхъ законовъ), 3) Пропорціональное представительство, 4) Верховное управленіе, 5) Парламентаризмъ во Франціи и др.

Въ этомъ году въ цѣляхъ привлеченія возможно большаго числа активныхъ участниковъ вопросы болѣе сложнаго характера распредѣляются между нѣсколькими корреспондентами. Вопросъ о принципахъ конституціоннаго государства, на примѣръ, составляющій въ настоящее время предметъ изученія и разработки въ семинаріи расчлененъ на 5 отдѣльныхъ докладовъ слѣдующимъ образомъ: 1) Монтескье и Б. Констанъ, 2) Нѣмецкая либеральная школа (Р. Моль), 3) Прусская консервативная школа (Борнякъ), 4) Англійская школа, 5) Русскіе юристы.

Послѣ этого предполагается общій рефератъ: „Опредѣленіе понятія конституціоннаго государства“.

7) По международному праву—одна семинарія подъ руководствомъ пр. оф. гр. А. А. Комаровскаго. Задачей этого семинарія является разборъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ событій и актовъ въ международной жизни. Установленъ комплектъ въ 50 чел.

8) По исторіи русскаго права—2 семинарія.

9) По финансовому праву—подъ руководствомъ приватъ-доцента П. П.

Гевзеля. Принимаются въ семинаріи исключительно участники его же семинарія въ прошломъ году.

10) По экономической политикѣ—два семинарія подѣ руководствомъ приватъ-доц. І. М. Гольдштейна. Задачей перваго семинарія является изученіе вопросовъ торговой, желѣзнодорожной и банковской политики; задачей втораго—изученіе вопросовъ о рабочихъ союзахъ, союзахъ предпринимателей и рабочемъ законодательствѣ. Оба они ставятъ себя цѣлью „подготовки студентовъ къ самостоятельнымъ научнымъ изслѣдованіямъ и руководства послѣдними“. Допускаются въ эти семинарія лишь тѣ, которые успѣли себя зарекомендовать своими предыдущими работами и званіями, притомъ выборъ кандидатовъ зависитъ отъ руководителя. Въ этихъ семинаріяхъ выполненъ между прочимъ цѣлый рядъ работъ по вопросамъ экономической политики, и въ нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно вложено много труда и знанія дѣла.

11) По статистикѣ и аграрному вопросу—два семинарія подѣ руководствомъ проф. Н. А. Каблукова. По статистикѣ предполагается въ этомъ году бюджетное изслѣдованіе Московскаго студенчества. Въ прошломъ году была выполнена квартирная перепись учащихся высшихъ школъ г. Москвы.

Кромѣ того, предполагается разработка цѣлаго ряда земскихъ статистическихъ изслѣдованій.

VI.

Таковъ общій характеръ практическихъ занятій на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета. Уже изъ этого краткаго обзора читатель легко можетъ заключить о томъ огромномъ значеніи и той важной роли, какую практическіе семинарія играютъ въ системѣ общаго факультетскаго преподаванія. Семинарія не представляютъ собою чего-то случайнаго, второстепеннаго элемента научныхъ занятій по отношенію къ лекціямъ,—они, напротивъ того, органически все болѣе сливаются съ послѣдними, въ большей мѣрѣ содѣйствуя выполненію тѣхъ задачъ, которыя каждый преподаватель себя ставитъ въ своемъ курсѣ съ кафедръ.

Внутренній ростъ практическихъ семинаріевъ—явленіе для всѣхъ очевидное. Ясно также и то, что этимъ своимъ развитіемъ семинарія обязаны не обязательному своему характеру, а тому повышенному интересу и стремленію студентовъ къ самостоятельной научной дѣятельности, которая сдѣлалась возможными, благодаря существующей предметной системѣ.

И мы видимъ, что рядомъ съ семинаріями студенты-юристы Московскаго университета дѣлаютъ попытки объединенія на почвѣ болѣе широкихъ научныхъ интересовъ, не удовлетворяемыхъ спеціальнымъ характеромъ семинаріевъ.

Такъ, въ концѣ прошлаго года образовался кружокъ цивилистовъ, во главѣ котораго стоятъ проф. С. А. Муромцевъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ и пр.-доц. А. Э. Вормсъ.

При недавно возродившемся научномъ кружкѣ памяти кн. С. Н. Трубецкаго предполагается организація двухъ секцій юридическихъ наукъ: 1) секція уголовного права и 2) секція государственнаго права.

Все это заставляетъ думать, что параллельно росту факультетскихъ семинаріевъ, естественно замыкающихся въ узкія рамки своей спеціаль-

сти, будутъ развиваться и свободные научные кружки болѣе общаго характера.

И оба эти вида студенческой научной самодѣтельности, другъ друга дополняя, будутъ въ высокой мѣрѣ способствовать университету въ выполнении его задачъ, какъ научнаго центра страны.

А. Патинь.

Экономическій семинарій въ Лейпцигскомъ университетѣ.

Объединенный семинарій государственныхъ наукъ въ Лейпцигскомъ университетѣ долженъ по идеѣ служить изученію статистики, политическ. экономіи, экономич. политики, финансовъ и экономическ. исторіи. Основанъ семинарій въ 1887 году. Заниматься въ семинаріи могутъ лишь студенты, принятые въ одно изъ существующихъ 4-хъ отдѣленій: старшемъ (подъ руководствомъ самого Бюхера) и 3-хъ подготовительныхъ (по теоретическ. политич. экон., экон. политикѣ и финансамъ) подъ руководствомъ экстраорд. проф. Эйленбурга и прив.-доц. Пленге. Приѣмъ и зачисленіе студентовъ по отдѣленіямъ происходятъ въ началѣ каждаго семестра. Въ подготовительныхъ отдѣленіяхъ принимаются студенты, прослушавшіе по меньшей мѣрѣ въ теченіе 2 семестровъ лекціи по политической экономіи. Считается желательнымъ, чтобы студентъ продолжалъ слушать ихъ параллельно съ занятіями въ семинаріи и, кромѣ того, чтобы происходило „планомѣрное восхождение“ студента отъ одного отдѣленія къ другому. Бюхеръ же принимаетъ къ себѣ преимущественно лицъ, прошедшихъ этотъ подготовительный курсъ. Изъ общаго правила изъяты лица, переходящія изъ другихъ германскихъ университетовъ или „доктора“, прѣбжающіе заниматься специально у Бюхера. Съ особаго разрѣшенія Бюхера допустимо совѣщеніе занятій въ 2-хъ отдѣленіяхъ; кромѣ того, для членовъ всѣхъ отдѣленій ведутся занятія по страхованію (право и техника его), а зимою еще и по бухгалтеріи.

Занятія въ 3-хъ подготовительныхъ отдѣленіяхъ происходятъ приблизительно одинаково. Задается прочитанъ въ теченіе недѣльнаго срока отрывокъ изъ какого-нибудь автора (напр., Бюхеръ „Происх. нар. хоз.“; Смитъ „Глава о раздѣл. труда“, и пр.) и на еженедѣльномъ 2-хъ часов. засѣданіи всѣхъ членовъ даннаго отдѣленія читанное должно обсуждаться. У проф. Эйленбурга это превращается въ допросъ, котораго не можетъ избѣжать ни одинъ изъ присутствующихъ, что и заставляетъ студентовъ-членовъ быть внимательными. Прив.-доц. Пленге почти все время излагаетъ своими словами заданное, лишь изрѣдка вставляя: „Не правда ли“. Иногда же подъ конецъ засѣданія Пленге обращается съ опредѣленнымъ вопросомъ къ опредѣленнымъ лицамъ, вызываемымъ по алфавиту. Изрѣдка задаются письменныя упражненія: или (экспромптомъ) письменное изложенеіе заданнаго, или (въ теченіе недѣльнаго срока) описаніе изъ окру-

жающей экономической действительности (по методу наблюдения), напр. „Лейпцигская мелкая торговля“. „Самая интересная в экономическом мысли линия трамвая в Лейпциг“, т. е. какие в экономическом отношении важные районы она затрагивает или мимо каких „интересных“ в том же смысле, зданій она проходить. Задаются эти отрывки, конечно, в известной системѣ, такъ чтобы у членовъ отдѣленія могло получиться вѣчто цѣльное.

Прошлую зиму, наприм., проходило „Банковое дѣло; денежное обращение в связи съ переживаемымъ денежнымъ кризисомъ“, и т. д.

Надо добавить, что въ общемъ нѣмцы при всей ихъ „аккуратности“ относятся къ этимъ занятіямъ до-нельзя пассивно, въ лучшемъ случаѣ читаютъ только заданное, не заходя ни вширь, ни вглубь, а часто подготавливаются только за нѣсколько часовъ передъ общимъ собраніемъ; многие поэтому совсѣмъ даже не успѣваютъ прочитать заданнаго.

Наибольшій интересъ представляетъ, конечно, „старшее“ отдѣленіе, подъ руководствомъ самого Бюхера. Всякій поступающій намѣчаетъ себѣ тему для работы, которая потомъ можетъ быть принята Бюхеромъ, какъ будущая докторская диссертация. Никакой опредѣленной системы, никакого подбора работъ при этомъ провести не удается, несмотря на все стараніе Бюхера. Все-таки приходится считаться съ индивидуальностью студентовъ. Только одинъ подобный случай былъ въ практикѣ семинарія: когда Бюхеръ участвовалъ въ анкетѣ о положеніи ремесленниковъ, устроенной „Обществомъ социальной политики“ (Verein für Socialpolitik), и студенты работали, действительно, подъ непосредственнымъ его руководствомъ, собирая данныя о положеніи лейпцигскихъ ремесленниковъ.

Какъ видно изъ прилагаемаго списка темъ, доминируютъ въ общемъ вопросы экономической политики. Въ этомъ сказывается отчасти тотъ фактъ, что въ Лейпцигскомъ университетѣ нѣтъ специальнаго „экономическаго“ факультета (какъ въ Мюнхенѣ или Тюбингенѣ), что „экономисты“ семинарія вербуются изъ юристовъ и особенно изъ слушателей Лейпцигской Коммерческой академіи (Handelshochschule — нѣчто аналогичное ей имѣется у насъ въ Россіи въ видѣ экономическихъ отдѣленій Рижскаго и С.-Петербургскаго политехникумовъ). При выборѣ темы Бюхеръ очень строго (быть можетъ даже преувеличенно строго) слѣдитъ за тѣмъ, чтобы тема была знакома автору не только изъ книгъ, но также и изъ его практики. Съ однимъ изъ русскихъ, попавшихъ въ семинарію Бюхера, былъ такой случай. Еврей изъ черты осѣдлости, онъ явился къ Бюхеру съ темой „по аграрному вопросу“. Бюхеръ же буквально убилъ его невиннымъ вопросомъ: „были ли вы когда нибудь въ русской деревнѣ?“ На отрицательный отвѣтъ Бюхеръ замѣтилъ, что онъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что книгъ объ аграрномъ вопросѣ въ Россіи появилось много множество, и что всякій студентъ сумѣетъ изъ очень многихъ толстыхъ книгъ состряпать одну тонкую, но что задача университетской науки вовсе не въ этомъ. Бюхеръ ненавидитъ, какъ ясно и изъ списка темъ, прилагаемаго въ концѣ, всякое „растеканье мыслию по древу“, „широкія темы“, „горизонты“ и проч., къ чему мы, русскіе, весьма склонны. „Чѣмъ уже тема, тѣмъ лучше, научите сумѣте вы ее обработать“. — не устаетъ онъ повторять своимъ слушателямъ.

По прижѣру другихъ профессоровъ, Бюхеръ самъ предлагаетъ студентамъ какія нибудь темы, при чемъ, конечно, въ первую голову идутъ

темы на вопросы, интересующие самого же Бюхера. Напр., въ его семинарии писались работы о формахъ промышленности (Gewerbe) у армянъ, грузинъ, болгаръ, работы, использованныя имъ потомъ въ новѣйшихъ издаваніяхъ его очерковъ „Происхожденіе народнаго хозяйства“.

Начавшій свою работу на каникулахъ или въ началѣ семестра, конечно, можетъ сдать ее не раньше второй половины семестра. Поэтому первыя недѣли занимаются работами на темы, взятыя еще въ прошлыхъ семестрахъ.

Занятія ведутся слѣдующимъ образомъ. На первомъ же засѣданіи въ началѣ семестра составляется приблизное расписаніе сроковъ подачи работъ и назначаются для нихъ референты, такъ какъ авторы никогда своихъ собственныхъ работъ не реферируютъ. Выборъ ихъ дѣло не легкое. Необходимо, чтобы референтъ былъ знакомъ съ разбираемымъ специальнымъ предметомъ и въ то же время, чтобы студенты хотя бы этимъ реферированьемъ чужихъ работъ вырывались изъ-подъ власти узкой области избраннаго ими вопроса. Большею частью авторъ самъ подыскиваетъ себѣ референта и Бюхеръ на общемъ засѣданіи санкционируетъ этотъ выборъ.

Работа сдается референту приблизно за недѣлю до срока. Нѣкоторые немедленно по прочтеніи выясняютъ съ авторомъ отдѣльныя мелочи и недоразумѣнія, другіе откладываютъ это до общаго засѣданія. Самъ Бюхеръ получаетъ работу дня за два до этого, и тратитъ на ея прочтеніе въ общемъ 3—4 часа. Только въ рѣдкихъ случаяхъ онъ не дочитываетъ ее до конца или мѣстами только „просматриваетъ“ ее. Въ такихъ случаяхъ онъ выражаетъ всегда свое сожалѣніе передъ авторомъ и нерѣдко проситъ у него рукопись, чтобы докончить ея чтеніе.

Само общее засѣданіе начинается съ чтенія протокола предшествующаго (на веденіе этихъ протоколовъ, — но отнюдь не стенографическихъ отчетовъ назначается особая очередь). Бюхеръ „предсѣдатель“ — предлагаетъ шаблонный вопросъ: „нѣтъ-ли какихъ-либо замѣчаній?“. Такъ какъ ихъ обыкновенно не бываетъ, то вслѣдъ затѣмъ онъ сообщаетъ: „сегодня у насъ на очереди работа г-на N. N. на такую-то тему. Прошу васъ начать“, — обращается онъ уже къ референту.

Задача послѣдняго не ограничивается исключительно въ передачѣ работы: ему предоставляется право критиковать какъ содержаніе ея, такъ и диспозицію ея и слогъ. Самъ Бюхеръ, обыкновенно въ самомъ началѣ, дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о работѣ и ея диспозиции и безусловно относится къ погрѣшностямъ слога, не скупясь на ѣдкія насмѣшки. Между прочимъ къ русскимъ Бюхеръ относится въ высшей степени деликатно и только замѣчаетъ: „ну а что касается слога, такъ вѣдь вы надъ нимъ еще поработаете, не правда ли“, или что-нибудь въ такой же формѣ.

Иногда референтъ переходитъ въ роль атакуемаго и Бюхеръ обрушивается на него за неумѣлый рефератъ.

Что можно вынести изъ такого общаго засѣданія? Прежде всего, нѣкоторое знакомство съ новой далеко не всегда извѣстной областью (нерѣдко авторамъ удается раздобывать еще нѣкъмъ не использованный материалъ). Затѣмъ общія цѣнные указанія, какъ надо и — въ особенности — какъ безусловно не надо работать. Интересенъ бываетъ и Бюхеръ, когда работа касается какого-нибудь его „конька“ или вообще затронетъ его.

Онъ тогда оживится, остановитъ референта и дѣлится своими огромными знаниями, остроумными сближеніями и вообще оставляетъ указку.

Когда вѣтъ налицо никакого реферата, то задается что-нибудь для прочтенія. Въ послѣднемъ лѣтнемъ семестрѣ читался и разбирался цеховой регламентъ мюнхенскихъ переплетчиковъ XVI в. На общемъ засѣданіи студенты по очереди переводили его параграфъ за параграфомъ со старонѣмецкаго языка на современный и получали объясненія по поводу ихъ.

Число членовъ колебалось отъ 30—45. Присутствующимъ на засѣданіи семинарія (въ старшемъ отдѣленіи) предоставляется право предлагать попутно различные вопросы и вставлять замѣчанія, но обыкновенно пользовалось этимъ правомъ лишь очень незначительное число лицъ.

Работы совершенно неудовлетворяющія Бюхера должны быть передѣланы по его указанію. Не всегда онѣ удовлетворяютъ его во второй и даже въ третій разъ. Это случилось напр. (изъ приведеннаго списка) съ работами о вывозной пошлинѣ на кали и о промышленномъ законодательствѣ территориальныхъ государей.

Наиболѣе удачныя работы печатаются потомъ или въ видѣ дополнительныхъ выпусковъ къ Бюхеровскому журналу (*Ztschft f. d. gesammten Stswissenschaften*) или отдѣльными книгами составляющими „Труды“ объединенныхъ семинаріевъ государственныхъ наукъ“.

Перехожу теперь къ описанію самой библіотеки семинарія. Къ началу 1908 г. она доходила до 16-ти тыс. томовъ (не считая безчисленныхъ брошюръ въ отдѣльныхъ папкахъ). Говорятъ, что это не только богатѣйшая, но и образцовая экономическая библіотека изъ всѣхъ германскихъ университетовъ. Единственный упрекъ, который можно бы ей сдѣлать—пробѣды въ отдѣлахъ экономической статистики и рабочаго вопроса.

Помѣщается библіотека въ 2-хъ большихъ залахъ, къ которымъ примыкаютъ 2 комнаты поменьше, корридоръ и раздѣлвальная, кабинеты доцентовъ, библіотекаря и директора. Книжные шкафы устроены очень просто: это полки, тянущіяся вдоль стѣвъ и достигающія почти до потолка. Въ вертикальныхъ перегородкахъ сдѣланы отверстія, куда можно вставлятъ колышки, поддерживающіе самыя полки. Такимъ образомъ, послѣднія можно передвигать вверхъ и внизъ по желанію, въ зависимости отъ вышины книгъ. Благодаря такому устройству, шкафы обходятся сравнительно дешево, достать книги изъ нихъ легче и проще. Зато книги невыносимо пылятся, особенно ввиду обилія фабричной копоти и уличной пыли въ Лейпцигѣ.

Само собой разумѣется, что для выниманія книгъ съ полокъ имѣется съ дюжину переносныхъ лѣстницъ. Въ первомъ залѣ, гдѣ обыкновенно происходятъ засѣданія семинарія, помѣщаются отчеты о засѣданіяхъ рейхстага (со времени его основанія), саксонскаго ландтага, городскихъ самоуправленій. Статистика демографическая Герм. Имп., всѣхъ европ. государствъ (кромя Россіи), Соед. Шт. и даже экзотич. госуд., вродѣ Уругвая, представлена довольно полно. Также полно хорошо представлена и теоретич. статистика. Рядомъ—книги по юридич. наукѣ (госуд. и полиц. право, политика, междунар. право и др.). Справочный аппаратъ общаго характера и значенія состоитъ изъ многогоманого толковаго словаря нѣм. яз. братьевъ Гриммовъ, географич. атласовъ, неизбѣжнаго Брокгауза, библиографич. указателей каталоговъ лучшихъ герм. библіотекъ (въ родѣ библ. рейхстага, „имперскаго суда“—германскаго сената, библ. Лейпциг-

ской торговой палаты др.). Тутъ же имѣются словари всѣхъ европейскихъ языковъ (только тѣ части, которыя нужны для переводовъ съ иностр. яз. на нѣмецкій).

Слѣдующая маленькая комната занята исключительно томами специальныхъ журналовъ, на нѣм., фр. и англ. языкахъ. Тутъ же имѣются полнотой „Schmoller's Forschgen“ и „Volkswirtschaftle Studien“ Brentano, труды „общества социальной политики“, а также работы семинариевъ др. нѣмецкихъ университетовъ. Во 2-ой большой залѣ помѣщаются прежде всего книги по теоретич. политич. экономіи, какъ всякаго рода учебники, экономич. справочн. изд. (вродѣ общезвѣстн. „Hdw. d. Stw.“), такъ и произведенія отдѣльныхъ авторовъ. Въ томъ же залѣ помѣщены книги по слѣд. отдѣламъ: охота и рыбн. ловля, горный промыселъ, земледѣліе, промышленность, рабочій вопросъ и социализмъ, колон. политика, биржа и банковое дѣло, денежное обращеніе, торговля, пути сообщенія, финансы, городск. самоуправленіе, общественное призрѣніе, страхованіе, коопераціи, исторія, географія, этнологія (и социологія), философія, воспитаніе и образованіе, женск. вопросъ.

Въ послѣдней крошечной комнатѣ хранятся только отчеты торговыхъ промышлен. и ремеслен. палатъ (Handels-Gewerbe- u. Handwkrker) да полки дѣвъ заняты сочиненіями по различнымъ вопросамъ техники (обработка волоконъ, вѣщ., металлургія и т. п.).

Внутри каждого отдѣла книги стоятъ по алфавиту авторовъ и подъ текущими номерами, при томъ такъ, что литература о болѣе крупныхъ писателяхъ, напр. Смитѣ, Рикардо, Марксѣ стоитъ при сочиненіяхъ этихъ писателей, напр. Онкенъ объ Ад. Смитѣ надо будетъ искать не подъ *O*, а подъ *S*; Marx Studien Адлера и Гильфординга подъ *M* и т. д. Если въ какой нибудь отдѣлъ поступаютъ новыя книги, то онѣ записываются подъ №№ скажемъ 20а, 20б, 20с и т. д. Въ болѣе маленькихъ отдѣлахъ при накопленіи этой нумераціи буквами, ее приходится исправлять заново. Но такіе случаи очень рѣдки. Благодаря принятой въ Лейпцигѣ системѣ, студентамъ совершенно не требуется какой бы то ни было каталогъ. Карточный каталогъ хранится у библіотекаря, который и даетъ нужныя справки. Студентамъ карточный каталогъ не выдается.

Главное отличіе библіотеки семинаріи отъ другихъ аналогичныхъ учрежденій состоитъ въ томъ, что книгами можно пользоваться только въ помѣщеніяхъ этой библіотеки. На домъ ни одна книга ни подъ какимъ видомъ не выдается. Огромное удобство заключается въ томъ, что библіотека семинаріи открыта отъ 8 (лѣтомъ отъ 7-ми) утра до 10 часовъ вечера. Каждый членъ семинаріи получаетъ при поступленіи ключъ отъ входныхъ дверей (за который вносить залогъ въ 5 марокъ).

Помѣстительность библіотеки даетъ полную возможность заниматься беспрепятственно, тѣмъ болѣе, что никогда всѣ (130 человекъ) не бываютъ одновременно. Обыкновенно занимающихся непрерывно въ теченіе цѣлаго дня немного, не болѣе 12, а число занимающихся одновременно—не превышаетъ 30-ти.

: Другое огромное удобство библіотеки—книги берутся и ставятся на мѣсто по минованіи въ нихъ надобности самими студентами.

Съ этимъ связано немаловажное преимущество такого порядка для учащагося: можно сколько душѣ угодно рыться въ книгахъ и осмотрѣться,

что за книги вообще существуют на свѣтѣ и такимъ образомъ ознакомиться съ орудіями ремесла („das Handwerkzeug kennen lernen“) какъ выражается Бюхеръ.

Конечно, оба эти условія предполагаютъ большую добросовѣстность дисциплинированность и аккуратность со стороны студентовъ. Надо замѣтить, что пропажи книгъ крайне рѣдки, 2—3 книги за семестръ. Случаевъ вырванія картъ, таблицъ, рисунковъ и т. д., и т. д. изъ книгъ или атласовъ въ нашемъ семинаріи не было. Къ стыду русскихъ, одинъ изъ скандальныхъ случаевъ уноса книжки на домъ (чтобы тамъ почитать ее „на досугѣ“) произошелъ съ однимъ изъ нашихъ достолюбезныхъ компатріотовъ. Въ общемъ и цѣломъ книги ставятся на надлежащее мѣсто достаточно аккуратно. Въ противныхъ случаяхъ можно наблюдать примѣненіе принциповъ какъ социальной взаимопомощи, такъ и авторитетности: или какой-нибудь студентъ проргіо вдвинетъ на надлежащее мѣсто неправильно поставленную или оставленную другимъ на столѣ книгу, или же это сдѣлаетъ самъ бібліотекаръ и распушитъ виновника въ случаѣ его обнаруженія. Слѣдуетъ прибавить, что симпатіи общественнаго мнѣнія не на сторонѣ такихъ нечестъ: нечего этому особенно удивляться, если представить себѣ какъ удобно пользоваться бібліотеками семинаріевъ значительно меньшими, въ 1000 томовъ, но гдѣ буквально ни одна книга не стоитъ на должномъ мѣстѣ (какъ это можно, напр., наблюдать въ семинаріяхъ филос. и юридич. въ томъ же Лейпцигскомъ университетѣ). Какъ плодотворны въ ней всякіе поиски и занятія!

Въ Россіи покажется система эта, однако, кажется непримѣнимою..

Добавимъ, что всѣ удобства этой системы могутъ обнаружиться только въ случаѣ проведенія стройной классификаціи и строжайшаго соблюденія ея при распредѣленіи новыхъ прибрѣтений по установленнымъ отдѣламъ.

Само собой разумеется, что въ самой бібліотекѣ соблюдается тишина, никакіе разговоры не допускаются. Куреніе разрѣшается только въ одной изъ большихъ залъ.

Спеціальныя журналы выписываются на 3-хъ языкахъ. За прибрѣтеніемъ новыхъ книгъ слѣдитъ, кромѣ самого Бюхера, бібліотекаръ. Студентамъ предоставляется право записывать предлагаемыя имъ къ выпискѣ произведенія въ особую книгу. Съ этими записями чрезвычайно считаются. Для того, чтобы получать нѣкоторыя изданія (напр., большинство официальныхъ) бесплатно, приходится вести переписку и затрачивать не мало времени и труда. Много авторовъ преподносятъ свои произведенія въ „знакъ уваженія“ Бюхеру, а послѣдній часто передаетъ ихъ въ бібл. семинаріевъ. Устройствомъ такихъ семинаріевъ „для избранныхъ“ естественно нарушается „universitas litterarum“. Семинарій прибрѣтаетъ (какъ оно и должно быть!) то, что ему кажется нужнымъ для своего пополненія, совершенно не справляясь съ тѣмъ, имѣются ли такія сочиненія уже въ общей университетской бібліотекѣ или нѣтъ. Можетъ быть, отчасти поэтому—экономическій отдѣлъ въ общей университетской бібліотекѣ представленъ въ высшей степени слабо. Страдаютъ отъ этого не члены семинаріевъ—у нихъ вѣдь есть буквально все, что имъ нужно по ихъ специальности,—а остальные студенты. Такъ, изучающій, напр., философію и заинтересовавшійся методологіей политической экономіи, долженъ будетъ довольствоваться учебниками или же—сдѣлаться членомъ семинарія со всѣми связанными съ этимъ обстоятельствами. Обидно при этомъ наблюдать, что-

сами „Хозяева“—нѣмцы пользуются ею далеко не съ той интензивностью, съ которой слѣдовало бы. Наибольшій спросъ проявляется увы! на учебники,

Для болѣе близкаго ознакомленія съ характеромъ научныхъ вопросовъ, являющихся предметомъ обсужденія на засѣданіяхъ семинарія у Бюхера, приводимъ здѣсь списокъ темъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1907—1908 годахъ:

Работы въ зимнемъ семестрѣ 1906—07 гг. (съ 6/х 1906 г.).

1. Средневѣковые городскіе промыслы.
2. Культурная поверхность Герм. Имперіи.
3. Таможенные тарифы 25/х 1902 г. (Zolltarifgesetz)—посвящено 4 засѣданія, не работа.
4. Лифляндское аграрное законодательство (писано эстонцемъ).
5. Опытъ социологическаго построенія ученія о предпринимателѣ („Шеффле, какъ экономистъ“) (писано русскимъ).
6. Позиція законодательства территоріальныхъ нѣмецкихъ государствъ XVI вѣка по отношенію къ промышленности.
7. Организация торговли мануфактурными товарами.
8. Законодательство, направленное противъ роскоши.
9. Организация сбыта германскихъ пивоваренныхъ заводовъ.
10. Вывозныя пошлины, особенно германская вывозная пошлина на капи.

Работы лѣтняго семестра 1907 г. (съ 30/iv 1907 г.).

1. Необходимо ли особое законодательство для защиты владѣльцевъ депозитовъ? (по § 700 гражд. улож.).
2. Французскіе акціонерные банки.
3. Нѣмецкій стекольный промыселъ (Glasergerwerbe).
4. Грузовые тарифы въ Германіи, Франціи и Англии.
5. Сбытъ въ бархатной и шелковой промышленности.
6. Вывозныя пошлины, особенно германская вывозная пошлина на капи.
7. Важнѣйшіе критерія статистики для опредѣленія женской производительности (Gebärfätigkeit) и ея примѣненіе.
8. Организация кредита въ прибалтійскихъ губерніяхъ (писано русскимъ).
9. Организация аукціоновъ въ оптовой торговлѣ.
10. Организация берлинскаго профессиональнаго союза рабочихъ по дереву съ 1880 г.
11. Trust-companies (не трѣсты!) въ Соед. Штатахъ и аналогичныя имъ учрежденія въ Англии и Германіи.
12. Казенная винная монополія въ Россіи (писано русскимъ).
13. Жевскій трудъ въ Лейпцигскихъ конторахъ.
14. Законодательство противъ растовщичества въ германск. территоріальныхъ государствахъ до XVIII вѣка.

Работы зимняго семестра 1907—08 гг. (начиная съ 28/x 1907 г.).

1. Почтовые сберегательныя кассы (по всей территоріи всемірнаго почтоваго союза).

2. Развитие производства портландскаго цемента.
  3. Почтовые сберегательныя кассы въ Венгріи.
  4. Промысловая политика (Gewerbepolitik) вѣмецкихъ территоріальныхъ государей на основаніи мѣстнаго законодательства XVI, XVII и XVIII вѣковъ.
  5. Trust-companies въ Соед. Штатахъ и аналогичныя имъ учрежденія въ Англіи и Германіи.
  6. Снабженіе Лейпцига овощами и плодами.
  7. Французскій банкъ „Поземельн. кредита“ („crédit foncier“).
  8. Германскій союзъ квартиронанимателей.
  9. Промышленность, изготовляющая матерію на подкладку (въ Эльберфельдѣ и Барменѣ).
  10. Снабженіе сельскаго хозяйства рабочими руками, въ особенности въ крестьянскихъ хозяйствахъ Саксоніи.
  11. Попытка бобруйскихъ столяровъ открыть магазинъ для продажи своихъ продуктовъ (писано русскимъ).
  12. Первая перепись населенія въ Россіи (писано русскимъ).
  13. Формы промышленности (Gewerbebetriebsformen) въ Китаѣ, въ особенности въ городѣ Ниньпо (писано китайцемъ).
  14. Происхожденіе и положеніе сельскаго населенія въ Лифляндіи.
  15. Грузовые тарифы въ Германіи, Франціи и Англіи.
- Кромѣ того, 2 экскурсіи въ университетскій лѣсъ съ подробнымъ осмотромъ лѣснаго хозяйства.

Работы лѣтняго семестра 1908 г. (съ 5/у 908 г.).

1. Сбытъ бархатныхъ и шелковыхъ товаровъ.
2. Вывозныя пошлины, особенно германская вывозная пошлина на кали.
3. Промышленность, изготовляющая матерію на подкладку (въ Эльберфельдѣ и Барменѣ).
4. Формы промышленности (Gewerbebetriebsformen) въ Китаѣ, въ особенности въ городѣ Ниньпо (писано китайцемъ).
5. Фабрикація папирозъ въ Саксоніи.
6. Попытка торговца сигарами завести собственную фабрику.
7. Бурый уголь и его промышленность близъ мѣстечка Борны въ Саксоніи.
8. 6 засѣданій было посвящено ученію и объясненію цехового регламента XVI вѣва.

Научные кабинеты юр. фак. СПб. унив.

Юридическій кабинетъ.

Основателемъ юридическаго кабинета является проф. А. Х. Гольмстенъ. Кабинетъ открытъ 4 ноября 1897 г. Первымъ хранителемъ кабинета былъ

Н. П. Ремизовъ. Въ 1907 г. завѣдываніе кабинетомъ отъ проф. А. Х. Гольмстена перешло къ проф. М. Я. Пергаменту, а хранителемъ кабинета сталъ П. С. Кравцовъ.

Цѣль кабинета—дать бібліотеку и читальню для студентовъ, а также и для практическихъ занятій. Онъ долженъ былъ обслуживать весь факультетъ по всѣмъ вопросамъ, вотъ почему онъ названъ юридическимъ.

Кабинетъ развивался на университетскія суммы, сначала отпускаемыя по 1000 руб. ежегодно, а теперь 1500 руб. Цѣнные пожертвованія кабинету сдѣланы, особенно при его основаніи, К. П. Побѣдоносцевымъ, проф. Н. Г. Сергѣевскимъ и проф. П. Г. Рѣдкинымъ, которые подарили кабинету свои бібліотеки.

Съ октября 1907 г. кабинетъ сильно расширяется. Прежде имѣя въ своемъ распоряженіи только двѣ комнаты, онъ нынѣ перевелся въ новое помѣщеніе, состоящее изъ 4-хъ большихъ и 3-хъ малыхъ комнатъ. Специально для расширенія кабинета было отпущено факультетомъ 700 руб. (Приобрѣтена новая мебель, отдѣлано помѣщеніе и пр.).

Функции кабинета слѣдующія. Онъ отводитъ читальную комнату для студентовъ; отдѣляетъ 3 малыхъ комнаты для пишущихъ конкурсныхъ, зачетныхъ или рефератныхъ работъ; имѣетъ аудиторію для лекцій; даетъ помѣщеніе для засѣданій научныхъ кружковъ и для практическихъ занятій. Вначалѣ собирались въ немъ кружки по гражданскому праву М. Я. Пергамента и пр.-доц. бар. А. Э. Нольде и И. М. Тютрюмова; теперь въ немъ происходятъ засѣданія кружка академика-профессора М. А. Дьяконова по исторіи русскаго права, кружка государственнаго права пр.-доц. В. М. Гривовскаго и др. кружковъ, а также ведутся практическія занятія: пр.-доц. Н. И. Лазаревскаго, А. И. Каминки, Ф. А. Вальтера, Л. С. Таля и мн. другихъ.

Въ настоящее время усиленной спеціализаціи предметовъ и въ юридическомъ кабинетѣ стала обнаруживаться сильная тенденція—выдѣлѣть изъ него все то, что не относится непосредственно къ гражданскому праву. Этому выдѣленію нѣсколько способствовало открытіе экономическаго кабинета, куда и были направлены всѣ книги экономическаго содержанія. Кромѣ того, книги по предмету уголовного права были переданы кабинету угол. права, книги по статистикѣ и финансовой наукѣ—въ статистическій кабинетъ. Въ то же время усилено приобрѣтеніе книгъ по гражданскому праву, особенно иностранныхъ. Въ этомъ отношеніи почти все существенное уже приобрѣтено по гражданскому праву и законодательству какъ Западной Европы и Америки, какъ по части теоріи, такъ и практики.

Всего въ бібліотекѣ кабинета въ первый періодъ существованія до обнаруженія данной тенденціи, т. е. до вступленія въ должность завѣдующаго кабинетомъ проф. М. Я. Пергамента, числится 3207 названій; во второй періодъ отъ проф. М. Я. Пергамента (за выдѣленіемъ всѣхъ книгъ по спеціальностямъ) числится 3500 названій. Но помимо гражданскаго права въ данномъ кабинетѣ еще находятся книги по исторіи права, по общей теоріи права, а также и по публично-правовымъ дисциплинамъ (государственное право, международное право, церковное право и процессъ).

Въ самое послѣднее время была проявлена еще новая тенденція—кабинетъ долженъ стать справочнымъ учрежденіемъ по кодификаціи. Уже теперь сосредоточены въ немъ всѣ Своды Законовъ (всѣ три изданія), Сборники Узаконеній, приобрѣтаются: Сводъ Военныхъ постановленій и

Сводъ Военно-морскихъ постановленій. Кромѣ того, ведется энергичная работа по сосредоточенію всей періодической печати по частному праву за прошлые годы; за текущіе—журналы выписываются. Проф. М. Я. Пергаментъ старается сосредоточить въ кабинетѣ источники римскаго права (цѣпныя и рѣдкія наданія) и уже почти вся коллекція ихъ собрана. Вообще, его энергіи и любви къ дѣлу кабинетъ обязанъ тѣмъ, что врядь-ли имѣетъ себѣ равнаго въ прочихъ университетахъ.

Кабинетъ уголовного права.

Кабинетъ уголовного права основанъ въ 1890 г. по инициативѣ заслуж. проф. И. Я. Фойницкаго при слѣдующихъ обстоятельствахъ. „Въ іюні 1890 г. при С.-Петербург. международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ организована была пенитенціарная выставка. При закрытіи ея, многіе бывшіе на ней предметы пожертвованы русскому правительству и поступили въ распоряженіе Главнаго Тюремнаго Управленія“ (каталогъ Музея, изд. 3. 1902 г., предисловіе).

Привзавая „огромную важность этихъ предметовъ“ для науки, проф. Фойницкій „вошелъ 17-го декабря 1890 г. съ представленіемъ въ юридическій факультетъ о томъ, чтобы эта богатая коллекція была приобретена университетомъ и положила бы начало для кабинета уголовного права, устройство котораго весьма желательно въ учебномъ отношеніи“. Юридическій факультетъ, „вполнѣ раздѣляя эти соображенія“, приступилъ къ надлежащему ходатайству и въ іюні 1891 г. было получено официальное согласіе на открытіе названнаго кабинета и перенесеніе въ него всей коллекціи отъ выставки, хранящейся до того въ С.-Петербургской одиночной тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства.

Съ сентября 1891 г. каб. угол. права началъ уже свое правильное научное функционированіе.

Съ 1894 г. къ этому хранилищу разнообразныхъ предметовъ по исторіи наказанія и современному состоянію тюремвѣдѣнія прибавлено новое помѣщеніе для библіотеки кабинета и для занятій въ немъ студентовъ. Такъ что съ этого года кабинетъ уг. пр. состоитъ изъ двухъ частей: а) музея, въ которомъ помѣщается вышеуказанная коллекція, и б) собственно кабинета, въ которомъ находится и библіотека. Съ этого же времени было установлено ежегодное ассигнованіе изъ суммъ университета въ размѣрѣ 250 р. на устройство и расширеніе библіотеки.

Начавъ съ столь скромныхъ размѣровъ, каб. уг. права непрестанно расширялся. Какъ музей, такъ и библіотека постепенно пополнялись новыми экземплярами, пожертвованными или вновь приобретенными. Изъ числа пожертвованій особенно цѣнными являются: сенатора А. В. Бѣлостоцкаго, проф. А. М. Позднѣева, председателя Государственнаго Совѣта И. Я. Голубева, сенатора Г. К. Рѣпинскаго, В. И. Солдатенкова и ин. другихъ лицъ, сочувствующихъ процвѣтанію кабинета. Самъ же инициаторъ учрежденія кабинета уг. права заслуженный профессоръ и сенаторъ И. Я. Фойницкій пожертвовалъ въ 1907 г. кабинету часть своей библіотеки, состоящую изъ 2000 названій; и кромѣ того предназначилъ по завѣщанію всю свою библіотеку кабинету уголовного права. Въ настоящее время въ музей хранится до 1500 предметовъ по исторіи наказанія и тюремвѣдѣнія, собранныхъ со всего міра, а библіотека кабинета состоитъ изъ

5000 названій, что составляетъ въ общей сложности 14000 томовъ. Съ 1908 г къ прежнему помѣщенію присоединены еще двѣ комнаты, одна изъ которыхъ образуетъ аудиторію для лекцій и практическихъ занятій. Ежегодныя ассигнованія на содержаніе кабинета повысились сначала до 500 р., а съ 1908 г. до 1000 рублей. Во главѣ кабинета находится ординарный профессоръ по уголовному праву, устанавливающийъ связь съ факультетомъ. Съ самаго основанія даннаго кабинета завѣдываніе имъ находится въ рукахъ самого инициатора заслуженнаго профессора И. Я. Фойницкаго.

Текушія обязанности по руководству занятіями студентовъ, выпискѣ книгъ и веденію отчетности лежатъ на хранителѣ кабинета. Должность хранителя кабинета послѣдовательно занимали: А. Г. Тимофеевъ (1892—1894 г.), В. И. Ширковъ (1894—1897 г.), А. А. Жижиленко (1898—1901 г.), Ф. Ф. Кисель (1902—1904 г.) и П. И. Люблинскій (съ 1904 г. по настоящее время).

Въ кабинетѣ производятся практическія занятія по уголовному праву и процессу подъ руководствомъ проф. И. Я. Фойницкаго, а съ 1905 г. пр.-доц. П. И. Люблинскаго. Кроме того, въ помѣщеніи его происходятъ засѣданія „кружка уголовного права“. (Въ 1902 г. кабинетъ принималъ у себя гостей—членовъ международнаго союза криминалистовъ).

За послѣдніе годы бібліотекою кабинета пользуются въ среднемъ 100—125 человекъ въ годъ изъ числа студентовъ и оставленныхъ при университетѣ, а по особому разрѣшенію и постороннихъ лицъ. По общему правилу пользованіе книгами дозволяется только въ помѣщеніи кабинета; выдача же книгъ на домъ происходитъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія завѣдующаго кабинетомъ или его хранителя и то только лицамъ, оставленнымъ при университетѣ и студентамъ, пишущимъ конкурсныя работы или для зачета семестровъ.

Въ настоящее время бібліотека кабинета располагаетъ многочисленными книгами на русскомъ и иностранныхъ языкахъ по различнымъ отраслямъ права. Наибольшее количество изъ нихъ относится естественно къ вопросамъ уголовного права; труды же по государственному, международному, административному праву, а также по теоріи права и социологіи играютъ вспомогательную роль при прочномъ фундаментѣ трудовъ въ сферѣ науки уголовного права. Вопросъ о юридическомъ положеніи печати также обставленъ довольно полно и капитально, изъ книгъ, пожертвованныхъ самимъ же основателемъ кабинета. Въ отдѣлѣ уголовного права наиболее полно представлена литература эпохи 60—80 г.г. и новѣйшая литература.

Вообще, кабинетъ уголовного права при С.-Петербургскомъ университетѣ является однимъ изъ богатѣйшихъ хранилищъ предметовъ и литературы по вопросамъ уголовного права не только въ Россіи, но и всей Западной Европы.

Экономическій кабинетъ.

Мысль объ устройствѣ экономическаго кабинета возникла давно. Еще въ кружкѣ политической экономіи пр.-доц. В. В. Святловскаго былъ поднятъ вопросъ о необходимости имѣть спеціальную экономическую бібліотеку, которая могла-бы обслуживать студентовъ, серьезно занимающихся по

вопросамъ соціальной экономіи. Благодаря нѣкоторой матеріальной поддержкѣ со стороны юридическаго факультета (снабжение шкафами), уже къ 1905 г. въ библиотекѣ кружка имѣлось около 1000 книгъ статистико-экономическаго содержания, среди которыхъ преобладали отчеты и періодическія изданія земствъ, городовъ, министерствъ, департаментовъи т. под. Библиотека кружка помѣщалась въ XII аудиторіи. Но для развитія дѣла не было ни средствъ, ни возможности.

Лишь въ 1906 г. мысль объ открытіи экономическаго кабинета стала на путь реального своего осуществленія. Организаторомъ и устройтеlemъ кабинета является М. И. Туганъ-Барановскій. Кабинетъ былъ открытъ въ январѣ 1907 г. Нѣкоторое время онъ помѣщался въ темной комнатѣ между XII аудиторіей и коридоромъ. Помѣщеніе было тѣсное, душное, безъ воздуха, безъ свѣта, днемъ освѣщавшееся электричествомъ. Но потребность въ кабинетѣ для спеціальныхъ занятій экономической наукой была такъ велика, что несмотря на всѣ неудобства, число посѣтителей, занимавшихся въ кабинетѣ чтеніемъ книгъ и журналовъ, быстро возросло.

Наконецъ, въ январѣ 1908 г. для экономическаго кабинета было отведено отдѣльное помѣщеніе. Помѣщеніе состоитъ изъ трехъ комнатъ. Имѣется кабинетъ для завѣдывающаго и залъ для чтенія, рассчитанный на 50 человекъ.

На выписку книгъ и журналовъ и на текуція нужды кабинета ассигнуется ежегодно 1000 рублей. За выпиской книгъ слѣдитъ хранитель кабинета, подъ руководствомъ завѣдывающаго кабинетомъ М. И. Туганъ-Барановскаго. Всякія требованія о выпискѣ тѣхъ или иныхъ книгъ, исходящія со стороны посѣтителей, обыкновенно тотчасъ-же удовлетворяются, если не встрѣчаютъ особыхъ препятствій. Изъ иностранныхъ журналовъ выписываются почти всѣ лучшіе на языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ,—всего 25 названій.

Въ библиотекѣ кабинета имѣется книгъ до 2000 названій, что въ общей сложности составляетъ болѣе 5000 томовъ. Большинство книгъ пріобрѣтено на собственные средства кабинета, часть перешла изъ юридическаго кабинета, а часть книгъ пожертвована. Изъ пожертвованныхъ книгъ 98 названій поступило отъ проф. И. Я. Фойницкаго и 238 названій отъ Ник. Александровича Рейтлингера.

Всѣ книги до послѣдняго времени расположены были въ порядкѣ номеровъ поступления, подъ какими заносятся онѣ въ инвентарный каталогъ. Помимо инвентарнаго имѣлся еще карточный каталогъ, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ.

Въ октябрѣ 1908 г. хранителемъ кабинета С. И. Солицевымъ былъ составленъ, кромѣ того, систематическій предметный каталогъ и соотвѣтственно послѣднему были расположены и книги въ шкапахъ въ цѣляхъ облегченія для занимающихся студентомъ какъ пріисканія матеріаломъ по интересующимъ ихъ вопросамъ, такъ и ориентировки и ознакомленія съ книгами.

Число посѣщающихъ кабинетъ простирается до 100 человекъ.

Статистическій кабинетъ.

Статистическій кабинетъ самый старѣйшій на юридич. факультетѣ. Онъ основанъ 30 лѣтъ тому назадъ по инициативѣ покойнаго проф. Яисона,

который вложилъ въ него всю свою любовь и душу. Большинство книгъ, выходящихъ въ настоящее время въ кабинетъ, пожертвовано и приобретено проф. Янсономъ, который и былъ завѣдующимъ кабинетомъ. По его смерти въ завѣдываніе вступилъ проф. И. А. Кауфманъ. Нынѣ кабинетъ переведенъ въ новое большое помѣщеніе, состоящее изъ 6 комнатъ, гдѣ есть аудиторія, читальня—помѣщеніе для засѣданій научнаго кружка и для практическихъ занятій. Число томовъ простирается до 10—12 тысячъ. Ежегодно на его содержаніе изъ суммъ университета отпускается 1000 рублей.

Заканчивая обзоръ научныхъ кабинетовъ по вопросамъ общественнаго дѣянія, нельзя не пожелать, чтобы и въ дальнѣйшемъ шла эта спеціализація хранилищъ научныхъ пособій. Въ настоящій моментъ желательно выдѣленіе особаго кабинета по исторіи права и международнаго права, сочиненій по каковому почти совершенно въ нынѣшнихъ кабинетахъ не имѣется, а о международныхъ трактатахъ, договорахъ, резолюціяхъ, конгрессовъ и различныхъ конференцій и т. д., и т. д. нѣтъ и рѣчи.

Къ вопросу о вольнослушательницах¹⁾.

Въ самый разгаръ экзаменаціонной поры, 16-го мая 1908 г., министр нар. пр. опубликовалъ новыя правила объ условіяхъ приѣма въ университеты студентовъ и стороннихъ слушателей. Для лицъ мужского пола, желающихъ быть принятыми въ университетъ устанавливались новыя правила, вводящія ограниченіе доступа, а относительно женщинъ въ 4-мъ пунктѣ отдѣла III-го этихъ правилъ категорически заявлялось: „Лица женскаго пола ни въ какомъ случаѣ не принимаются въ число постороннихъ слушателей“. Впечатлѣніе произведено было достаточное, недоумѣніе было полное. Слушательницы знали, что ст. 520 дѣйствующаго нынѣ университетскаго устава гласитъ: „Сверхъ студентовъ, допускаются къ слушанію лекцій и къ другимъ университетскимъ занятіямъ также постороннія лица, имѣющія опредѣленное общественное положеніе или занятіе. Правила о приѣмѣ постороннихъ слушателей устанавливаются министромъ народнаго просвѣщенія“. Эта статья совѣтами профессоровъ всѣхъ рѣшительно университетовъ Россіи была истолкована какъ допускающая приѣмъ женщинъ въ университеты. Увѣренность въ правильности подобнаго толкованія усиливалась еще тѣмъ, что было извѣстно нѣсколько циркуляровъ министерства нар. пр., которыми давались совѣту профессоровъ нѣкоторыя указанія относительно приѣма вольнослушательницъ.

Все это вмѣстѣ взятое отнюдь не подготовляло къ тому повороту, который приняло дѣло высшаго женскаго образованія въ университетахъ изъ-за правилъ 16-го мая.

Всего, во всѣхъ университетахъ числилось 2.130 слушательницъ, въ Петербургскомъ къ веснѣ 1908 года было 145, при чемъ по факультетамъ слушательницы распредѣлялись: на историко-филологическомъ—58, юридическомъ—43, естеств.—39, математич.—10 и восточномъ—1 (шесть лицъ были одновременно на двухъ факультетахъ). Многія изъ нихъ принимали участіе въ семинаріяхъ, научныхъ кружкахъ и практическихъ занятіяхъ (Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1907 г.). До 50% общаго числа слушательницъ успѣло къ моменту выхода майскихъ правилъ приступить и выполнить требуемыя отъ сту-

¹⁾ Полагая, что вопросъ о доступѣ въ универс. женщинъ является вопросомъ глубокой важности и общественнаго значенія, редакция охотно помѣщаетъ эту замѣтку.

деятель зачетных испытаний, при чем экзамены держались на общих со студентами основаниях.

Со стороны канцелярской записи различия тоже не было: так же, как студентам, вольнослушательницам выдавались матрикулы, с тою только разницей, что печатное слово: запись студента вычеркивалось и соответственно измѣнялось.

Каковы же были результаты двухлѣтних занятій женщинъ въ университетѣ? Нѣкоторый отвѣтъ можно получить изъ опубликованныхъ мнѣній профессоровъ различныхъ университетовъ, высказанныхъ въ анкетѣ, которая была устроена по инициативѣ конференціи вольнослушательницъ. Были поставлены четыре вопроса и получены слѣдующіе отвѣты: 1)

В о п р о с ы.	Не дали		
	Да.	Нѣтъ.	опредѣленнаго отвѣта.
Достаточна ли подготовка вольнослушательницъ?	152	11	30
Проявляютъ ли вольнослушательницы трудоспособность?	162	1	31
Хороши ли результаты испытаний и практическихъ работъ?	136	1	46

Не только люди непосредственно соприкасающіеся съ университетомъ, но и широкіе круги политическихъ и общественныхъ дѣятелей не могли признать цѣлесообразность удаленія слушательницъ изъ университетовъ. Допустимъ, что приемъ женщинъ въ сторонніе слушатели не допускается уставомъ, но тогда естественно прекратить приемъ, не принимать новыхъ, вѣрѣ до выясненія вопроса о законности, не увольняя принятыхъ уже ранѣе, тѣхъ, которыхъ, между прочимъ, предупреждали, опятьтаки согласно указаніямъ самаго министерства, что онѣ не могутъ рассчитывать при данныхъ условіяхъ быть допущенными къ окончательнымъ испытаниямъ.

Подобное обращеніе съ культурными силами страны, вызвало протестъ среди членовъ Государственной Думы, который реально вылился въ видѣ пожеланія, чтобы слушательницы, разъ уже принятыя, были оставлены.

Совѣты профессоровъ Юрьевскаго и Московскаго университетовъ немедленно вслѣдъ за опубликованіемъ правилъ 16-го мая обратились съ ходатайствомъ въ министерство, прося разрѣшить женщинамъ, уже состоявшимъ вольнослушательницами въ 1908 г., продолжать университетскія занятія. Аналогичныя ходатайства были поданы въ августѣ отъ петербургскаго и отъ другихъ университетовъ, но на все получался стереотипный отвѣтъ: министръ не находитъ возможнымъ удовлетворить ходатайство.

Министръ нар. пр., высказываясь въ Гос. Думѣ, указалъ, посторонние слушатели и вольнослушательницы находятся въ одинаковыхъ условіяхъ. Можно было бы ожидать, что условія приема будутъ одинаковы. Но на дѣлѣ оказалось другое: въ то время, какъ осенью вольнослушатели были

1) Къ сожалѣнію, отъ профессоровъ петербургскаго университета получено было лишь 23 отвѣта.

приняты, ни одна вольнослушательница, какъ бы высокъ ни былъ ея образовательный цензъ ¹⁾, не была принята.

6-го сентября „Освѣдомительное Бюро“ опубликовало постановленіе Совѣта министровъ, въ которомъ предписывается, чтобы „пока существующій законъ не измѣненъ, учащіяся женскаго пола ни подъ какимъ видомъ въ университеты не допускались. Наряду съ симъ, усматривая, что числящіяся нынѣ въ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ вольнослушательницы приняты были согласно распоряженіямъ университетскаго начальства. Совѣтъ министровъ, по ходатайству сенатора Шварца, счелъ справедливымъ, входя въ интересы этихъ лицъ, обезпечить за тѣми изъ нихъ, которымъ не удастся перейти въ соотвѣтствующія женскія учебныя заведенія, возможность прослушанія до конца избранныхъ ими предметовъ университетскаго курса. Въ этихъ видахъ Совѣтъ министровъ постановилъ предоставить министру народнаго просвѣщенія предложить профессорамъ подлежащихъ университетовъ въ свободное отъ занятій время и отдѣльно отъ студентовъ дочитать бывшимъ вольнослушательницамъ начатые ими курсы, воспользовавшись для сего въ случаѣ надобности, свободными университетскими помѣщеніями“. Всякому человѣку, мало-мальски знакомому съ постановкой университетскаго преподаванія и съ фактическимъ положеніемъ вещей, очевидно, что это предложеніе отдѣльныхъ лекцій, въ свободное отъ занятій время, совершенно не выполнимо ни съ принципіальной, ни съ технической стороны. По избраннымъ курсамъ слушательницы распределяются на столь мелкія группы, что многіе спеціальныя курсы слушаются 2—3 слушательницами. Допустимо ли чтобы профессора читали лекціи передъ двумя, тремя лицами?

Въ этомъ же постановленіи говорится, что „Совѣтъ министровъ въ августѣ 1906 г. обратилъ вниманіе гофм. фонъ-Кауфмана на незаконность допущеннаго университетскими совѣтами приѣма въ университеты женщинъ“, а между тѣмъ на совѣщаніи начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній въ апрѣлѣ 1907 г. министръ нар. пр. фонъ-Кауфманъ ясно и опредѣленно предлагалъ совѣтамъ университетовъ принимать женщинъ: „Всѣхъ мужчинъ“, говорилъ онъ, „имѣющихъ право поступленія въ высшія учебныя заведенія, слѣдуетъ, пока есть мѣсто, зачислять въ студенты, а не имѣющихъ такого права, какъ общее правило—не допускать въ университеты. Въ качествѣ же вольнослушателей допускать только женщинъ, такъ какъ студентами онѣ по закону быть не могутъ“ ²⁾.

Вскорѣ (25 сентября) опубликовано было другое правительственное сообщеніе о событіяхъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ этомъ сообщеніи уже не говорилось объ отдѣльныхъ лекціяхъ, но опять таки, находя незаконнымъ допущеніе женщинъ въ университеты, Совѣтъ министровъ даетъ возможность „допустить слушаніе начатыхъ университетскихъ

¹⁾ Въ Петербургскомъ университетѣ образоват. цензъ слушательницъ слѣд.:

оконч. высшія заведенія	27	7 кл. (Царства Польск.)	2
ат. зрѣлости	2	По экзамену на домъ учит.	
8 кл. гимназій	95	и др.	18

²⁾ „Совѣщаніе начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній подъ предсѣдательствомъ мин. нар. пр. фонъ-Кауфмана въ апрѣлѣ мѣсяца 1907 г.“ Стр. 52 журнала совѣщанія.

курсовъ, причеъ, если бы техническія условія проведенія этого постановленія въ жизнь требовали какихъ либо разъясненій, то за таковыми университеты должны были обратиться къ министру народнаго просвѣщенія“. Совѣты профессоровъ поспѣшили, исходя изъ невозможности отдѣльныхъ лекцій, обратиться къ министру за разъясненіями. 29 сентабря послалъ свое ходатайство Петербургскій университетъ.

Съ 18-го октября возобновились послѣ забастовки лекція, занятія вошли въ колею, а двѣ тысячи слушательницъ были вынуждены бастовать—министерство не отвѣчало, и двѣ тысячи человекъ пропускали занятія, теряли время, волнуясь, ожидая и гадая, въ какую сторону повернется рѣшеніе ихъ вопроса. Администрація Петербургскаго университета тщательно слѣдила за тѣмъ, чтобы ни одна слушательница не прослушала бы ни одной лекціи, и вольнослушательницы не допускались ни въ библіотеки, ни въ лабораторіи.

Въ такомъ неопредѣленномъ состояніи вопросъ висѣлъ вплоть до 31 октября, когда было опубликовано извѣстное Высочайшее повелѣніе, которымъ разрѣшалось стороннимъ слушательницамъ, допущеннымъ въ настоящее время въ университеты, окончить слушаніе курса на одинаковыхъ съ посторонними слушателями условіяхъ.

А дня за два, за три передъ опубликованіемъ этого подписаннаго 29-го октября повелѣнія, университетомъ былъ полученъ отвѣтъ отъ министра на ходатайство, посланное 29-го сентабря, о допущеніи на общія лекціи: отвѣтъ былъ отрицательный...

Е. Олуева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1909 годъ
на большую, ежедневную, политическую, безпартийную газету

„СЛОВО“

выходящую въ С.-Петербургѣ въ изданіи и подѣ редакціей

М. М. ѲЕДОРОВА.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА съ подробными (по стенограммамъ)
отчетами объ ея засѣданіяхъ.

Съ 6 Октября 1908 г. газета выходитъ и по Понедѣльникамъ.

Въ газетѣ принимаютъ ближайшее участіе:

З. Д. Аваловъ, С. А. Адриановъ, К. К. Арсеньевъ, К. С. Баранцевичъ, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Булгановъ, П. К. Бѣлецкій, А. Васильевъ, А. Вергемскій, Н. М. Волковыскій, О. П. Герасимовъ, В. С. Голубевъ, Г. К. Градовскій, А. В. Карташевъ, Максимъ Ковалевскій, А. Ѳ. Кони, Г. И. Коровицкій, проф. Несторъ Котляревскій, С. А. Котляревскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Н. Н. Львовъ, П. И. Люблинскій, В. А. Маклаковъ, проф. Л. И. Петражицкій, проф. А. Л. Погдинъ, Вл. А. Поссе, М. Я. Притыкинъ, Д. Д. Протопоповъ, М. А. Славинскій, Старый земець, П. Б. Струве, П. А. Тверской, Гр. И. И. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. И. Фалѣевъ, Д. В. Философовъ, С. Л. Франкъ, Д. Н. Шиповъ, Г. Н. Штильманъ, А. Е. Яновскій, Л. Н. Яснопольскій, М. М. Ѳедоровъ и друг.

Ф е л ь д т о н ы :

И. В. Жилкинъ, С. Б. Любошицъ, Оптимистъ, В. Г. Тань (Богоразъ), Чужь-Чуженинъ и друг.

Въ литературно-художественномъ отдѣлѣ
принимаютъ участіе:

А. Бенуа, А. Блокъ, В. Брюсовъ, П. Д. Боборыкинъ, Л. Я. Гуревичъ, Сергій Городецкій, А. А. Измайловъ, В. Карринъ, И. И. Крыжановскій, И. И. Лазаревскій, В. Лихачевъ, Тадеушъ Налепинскій, А. В. Оссовскій, А. Ремизовъ, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Ѳедоръ Сологубъ, Дмитрій Цензоръ, К. И. Чуковскій, Георгій Чулковъ, Ольга Чумина, О. Шапиръ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), Конст. Эрбергъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на 1 годъ 12 р., 6 м.—6 р., 4 м.—4 р. 3 м.—
3 р., 2 м.—2 р. 15 к., 1 м.—1 р. 10 к.

Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, волостныхъ и сельскихъ обществахъ, сельскаго духовенства, учителей и учительницъ и фельдшеровъ на годъ 8 р., на 6 м.—4 р., 4 м.—3 р., 3 м.—2 р. 25 к., 2 м.—1 р. 50 к., 1 м.—80 к.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ С.-Петербургѣ, Кевскій, д. 92.

Изданія Книжнаго магазина „НАША ЖИЗНЬ“.

- А. К.** Семья и женщина. Спб. 1906 г. Ц. 10 к.
- Бей-Котъ.** На темы дней свободы (1905—06 г.). Спб. 1907 г. Ц. 50 к.
- Бюхоръ, Карль.** Возникновение народнаго хозяйства. Публ. лекци и очерки. Перев. подъ ред. и съ пред. прив.-доц. Спб. унив. I. М. Кулишера. Вып. I и II. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.
- В. В.** Государственные доходы Россіи сравнительно съ другими странами. Спб. 1907 г. Ц. 20 к.
- „ „ Отъ семидесятыхъ годовъ къ 900-мъ. Сборникъ статей. Спб. 1907 г. Ц. 1 р. 30 к.
- „ „ Производство и потребление въ капиталистическихъ обществахъ Спб. 1907 г. Ц. 30 к.
- „ „ Судьба капиталистической Россіи (Экономическіе очерки Россіи). Спб. 1907 г. Ц. 1 р.
- Водовозовъ, В.** Всобщее избирательное право и его примѣненіе въ Россіи. В. I. II. Спб. 1906 г. Ц. по 10 к. вып.
- Гриневичъ, В.** Профессиональное движеніе рабочихъ въ Россіи. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Гринъ, А.** Шалка невидимка. Сборникъ разсказовъ. Спб. 1908 г. Ц. 80 к.
- Гуго-фонъ-Гофмансталь.** Электра. Трагедія въ 1-мъ д. въ стихахъ, перев. О. Чуминой. Спб. 1907 г. Ц. 30 к.
- Донъ, В. Э.** Проф. Очерки по экономической географіи. Ч. I. Сельское хозяйство. Спб. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Дружининъ, Н.** Что такое конституція и зачѣмъ она нужна народу? Спб. 1906 г. Ц. 5 к.
- Каутскій, К.** Очередныя проблемы международнаго социализма. Сборникъ статей. Спб. 1906 г. Ц. 1 р.
- Котельниковъ, А.** Нужна-ли и зачѣмъ нужна статистика? Спб. 1907 г. Ц. 10 к.
- Ляцонно, П.** Очерки аграрной эволюціи Россіи. Т. I. Разложеніе натурального строя и условія образованія сельско-хозяйств. рынка. Спб. 1908 г. Ц. 3 р.
- Максимовъ, Вл.** Литературные дебюты **Н. А. Некрасова.** В. I. Спб. 1908 г. Ц. 1 р.
- Овсянко-Куликовскій, Д. Н.** Проф. Л. Н. Толстой, какъ художникъ, изд. 2-е. Спб. 1005 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Овсянко-Куликовскій, Д. Н.** Проф. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева, изд. 2-е. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Петрищевъ, А. Б.** Триста лѣтъ (1606—1906 г.). Изд. 2-е. Спб. 1908 г. Ц. 50 к.
- Петрищевъ, А. Б.** Бернадотъ. Драматическая поэма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб. 1904 г. Ц. 50 к.
- Плехановъ, Г. В.** Основные вопросы марксизма. Спб. 1908 г. Ц. 50 к.
- Прекопевичъ, С. Н.** Рабочее движеніе въ Германіи. Изд. 2-е дополн Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборники политическихъ партій въ Россіи. 6 в. по 10 к.
- Тарле, Е. В.** Рабочіе національныхъ мануфактуръ во Франціи въ эпоху революціи (178—1799 гг.). Спб. 1908 г. Ц. 1 р.
- Тотоміанецъ, В.** Мошь кооперации (О потребительскихъ обществахъ), изд. 3-е испр. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.
- Туганъ-Барановскій, М. М.** Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Изд. 3-е. Спб. 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Туганъ-Барановскій, М. М.** Современный социализмъ въ своемъ историческомъ развитіи. Спб. 1906 г. Ц. 75 к.
- Фридманъ, М. И.** Современные косвенные налоги на предметы потребления. Т. I. Обложеніе спирта, сахара, пива и табаку въ германской имперіи (1871—1907 гг.). Спб. 1908 г. Ц. 3 р.
- Штильманъ, Г.** Внѣрпарламентское законодательство въ конституціонной Россіи (ст. 87-я осн. госуд. зак.). Спб. 1908 г. Ц. 25 к.
- Яблоновскій, А.** Переплетчикъ. Разсказъ. Спб. 1908 г. Ц. 10 к.

